Аластер Рейнольдс

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

АЗБУКА

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод и кромешная мгла межзвездного пространства, где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

Аластер Рейнольдс открывает для нас яростный воображаемый космос — тот самый, где раньше торили пути Филип К. Дик и Альфред ван Вогт.

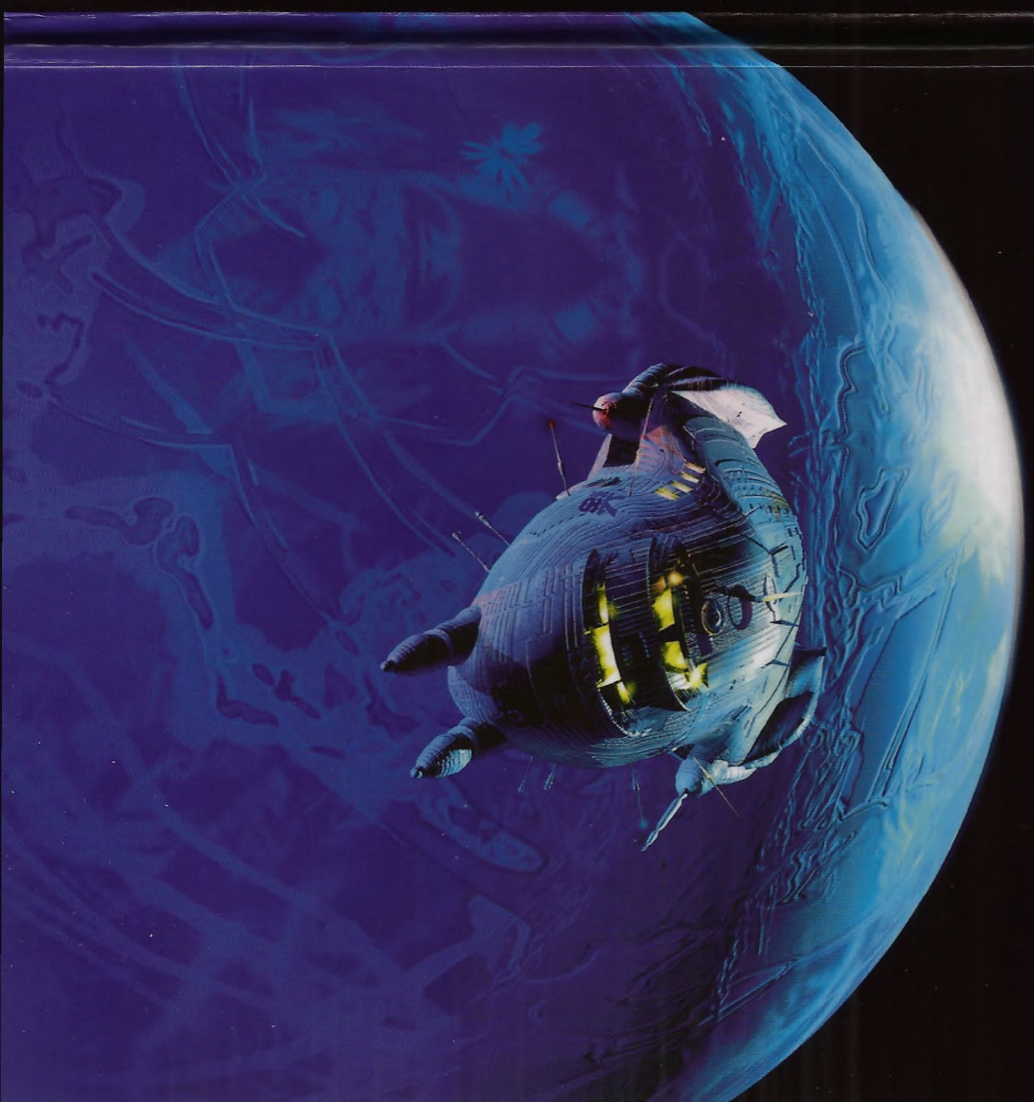
Guardian

АЗБУКА

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

аластер рейнольдс

звезды новой фантастики

Цикл

«ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ»

Пространство Откровения

•

Город Бездны

•

Ковчег спасения

•

Пропасть искупления

аластер рейнольдс

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

Роман

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445
Р 35

Alastair Reynolds
REDEMPTION ARK
Copyright © 2002 by Alastair Reynolds
All rights reserved
First published by Victor Gollancz Ltd., London

Перевод с английского Д. Могилевцева

Оформление обложки В. Манацковой

Рейнольдс А.

Р 35 Ковчег спасения : роман / Аластер Рейнольдс ; пер. с англ. Д. Могилевцева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 672 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-06969-5

Расширяя свои владения, покоряя все новые звезды, человечество разделилось на соперничающие фракции. В двадцать шестом веке коллективисты сочленители ведут борьбу со сторонниками «демократической анархии». Когда кажется, что победа уже близка, сочленители обнаруживают в космосе приближающийся рой древних мыслящих машин, которые называют себя ингибиторами и считают своей главной задачей уничтожение любого биологического разума.

Сочленители не верят, что им удастся выдержать натиск этого нового врага, и намереваются сбежать, подставив все прочие человеческие племена под удар ингибиторов. Лишь один из них, старый воин Клавэйн, предпочитает остаться, чтобы организовать отчаянное сопротивление...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

© Д. Могилевцев, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-06969-5

ПРОЛОГ

Мертвый корабль казался красивым до неприличия.

Скади описывала вокруг него петли, двигаясь по спиральной псевдоорбите. Маневровые двигатели ритмично постукивали, краткими выбросами корректируя траекторию корвета.

За кормой кружился звездный пейзаж, солнце системы то ныряло, то всплывало снова с каждым оборотом спирали. Скади глядела на звезду чуть дольше, чем следовало, — и ощутила спазм в горле, предвестие тошноты.

Только этого не хватало.

Рассерженная Скади вообразила свой мозг — стеклянно отблескивающую трехмерную картину. Словно отделяя кожуру плода, сняла слои кортекса и неокортекса, части собственного «я», в данный момент ее не интересующие. Серебристое плетение имплантированной в мозг сети, структурно идентичной нейронной сети мозга, мерцало, отображая интенсивный обмен сигналами. Импульсы неслись от нейрона к нейрону со скоростью километр в секунду — десятикратно быстрее, чем по естественным нервам. Конечно, на самом деле Скади воспринимать движение сигналов не могла — это бы потребовало ускорить обработку информации мозгом, что, в свою очередь, потребовало бы ускорить перемещение сигналов. Тем не менее даже условная картина неплохо отображала относительную активность областей усовершенствованного мозга Скади.

Она сконцентрировалась на архаической, доставшейся людям от далеких предков области мозга, называющейся *area postrema* — средоточии нервных узлов, обеспечивающих нормальное положение тела в зависимости от воспринимаемого зрением окружения. Внутреннее ухо ощущало лишь постоянное ускорение корвета — а глаза воспринимали кружащийся мир. Архаичная нервная механика

могла разрешить несоответствие одним-единственным образом. Она пришла к выводу, что Скади галлюцинирует. Галлюцинации, скорее всего, вызваны поступившим в организм ядом — потому *area postrema* и послала сигнал в область мозга, отвечающую за экстренное очищение желудка.

Скади понимала: бессмысленно винить мозг за такое действие. Заложенное в него предположение, что галлюцинации вызваны ядом, отлично работало миллионы лет, позволяя предкам находить новые виды пищи. Увы, сейчас, на холодном опасном краю чужой солнечной системы, оно оказалось бесполезным.

Можно было бы вообще стереть архаичную связь, переписать базовую структуру — но это, увы, куда труднее, чем кажется. Разум — структура чрезвычайно сложная, запутанная, похожая на многократно переписанную сверхмудреную компьютерную программу. Отключая центр, производящий эффект тошноты, неминуемо затронешь связанные с ним центры — а их много. Предсказать все изменения трудно. Но при временном отключении эффектами можно пренебречь. Скади проделывала подобное тысячи раз, побочные эффекты возникали крайне редко.

Так, готово. Источник неприятностей замерцал, высветившись розовым, затем пропал из сети. Тошнота исчезла. Теперь жить куда приятней.

Но осталась злость на собственную небрежность. Когда служила в коммандос и часто уходила на занятую врагом территорию, нипочем не оставляла на самый последний момент простейшую операцию по обузданию тошноты. Расслабилась — а это непростительно. В особенности сейчас, когда вернулся корабль, что для Материнского Гнезда может оказаться важнее событий на фронте.

Она почувствовала себя лучше. Ничего, старина Скади еще о-го-го. Стряхнуть пыль, размяться — и хоть сейчас в дело.

— Скади, ты же будешь предельно осторожна, правда? С этим кораблем случилось что-то очень странное.

Спокойный женский голос заполнил ее голову. Скади знала: слышит его лишь она, голос возник в ее сознании. Ответила про себя, лишь сформулировав мысль:

— Я знаю.

— Корабль опознан? Который из двух?

— Корабль Галианы.

Скади уже облетела корабль по кругу, и в ее визуальной коре возник трехмерный образ, расчерченный координатной сеткой. Образ

мерцал, модифицируясь в соответствии с новыми данными, поступающими от анализа собранной информации.

— Корабль Галианы? Ты уверена?

— Три ушедших корабля отличались мелкими деталями. Наблюдаемое мною сейчас позволяет заключить: скорее всего, это именно корабль Галианы.

Как обычно, голос чуть помедлил с ответом.

— Мы пришли к такому же выводу. Но этот корабль видоизменился с тех пор, как покинул Материнское Гнездо.

— Да уж, видоизменился. И очень.

— Ведите обследование в направлении от носа к корме. Очевидны признаки значительных повреждений: разрезы, вмятины, части корпуса удалены и не замещены — словно иссечена воспаленная ткань. Как считаешь, это плавящая чума?

Скади покачала головой, вспоминая недавнюю поездку в Город Бездны.

— Я видела, что делает плавящая чума. То, что вижу сейчас, на нее не слишком похоже.

— Мы согласны, подобия нет. Тем не менее необходимо задействовать все меры карантина, предусмотренные для таких случаев. Наблюдаемое может оказаться столь же заразным. Пожалуйста, сосредоточьтесь на корме.

Голос совершенно не походил на голоса остальных сочленителей, которых знала Скади. Он звучал назидательно и педантично, словно говоривший уже знал ответ на задаваемый вопрос.

— Скади, что ты думаешь об упорядоченных структурах, внедрившихся в корпус?

На корпусе тут и там, разбросанные без видимого порядка, возвышались груды черных кубов различного размера и ориентации. Их вдавило в корпус, словно в мягкую глину. У многих торчали на поверхности лишь части. От погруженных отходили изящными фрактальными арками цепочки меньших кубов.

— Похоже, они пытались врезаться в корпус и отделить его часть. Судя по виду корабля, кое-где им это удалось.

— Согласны. Чем бы они ни были, относиться к ним следует с чрезвычайной осторожностью — даже если они сейчас и неактивны. Возможно, Галиане удалось остановить их распространение. Ее корабль сумел вернуться, хоть и прилетел на автопилоте. Скади, вы уверены в том, что на борту не осталось живых?

— Нет, и не буду уверена, пока не проведу полное обследование. Но шансы отыскать живых кажутся небольшими. Внутри не детектируется движение, нет областей повышенной температуры. Корабль слишком холоден, поддерживающие жизнь процессы внутри невозможны — разве только криоарифметические системы работают.

Скади замешкалась, запустив в своем мозгу в фоновом режиме дополнительные моделирующие процессы.

— Скади?

— Да, возможно, на борту есть небольшое количество выживших. Но бóльшая часть команды, несомненно, всего лишь замороженные трупы. Допускаю, мы сумеем извлечь несколько воспоминаний, но и это представляется сомнительным.

— Скади, нас по-настоящему интересует лишь один труп.

— Я не знаю даже, на борту ли Галиана. Но если она там и мы направим все усилия на воскрешение... у нас может не получиться.

— Мы понимаем. Сейчас трудные времена. Но успех в этом деле даст многое, а последствия неудачи окажутся катастрофическими. Это будет даже хуже, чем если бы мы смирились с гибелью Галианы. По крайней мере, с точки зрения Материнского Гнезда.

— Таково взвешенное, официальное мнение Ночного совета?

— Все наши решения тщательно продуманы. Мы не можем допустить заведомую неудачу. Но это не значит, что мы намерены бездействовать. Если Галиана на борту, будет сделано все возможное для ее воскрешения — но с соблюдением секретности.

— Что вы имеете в виду под секретностью?

— Возвращение корабля невозможно скрыть от всего Материнского Гнезда. Но мы не станем питать ложные надежды, мучить ожиданием. Сообщим: Галиана мертва, шансов вернуть ее нет. Пусть горе наших людей будет кратким и ярким, словно взорвавшаяся звезда. Это лишь сплотит их, придаст сил в борьбе с врагом. Мы же тем временем тщательно, не жалея труда, поработаем над нею. Если сумеем оживить, это покажется чудом, и нам простят легкое отклонение от правды.

— Уклонение от правды? — Скади едва удержалась от смеха. — По мне, это обыкновенная ложь. И как же вы будете убеждать Клавэйна в целесообразности такого «уклонения»?

— Скади, отчего ты считаешь, что с Клавэйном неизбежны трудности?

Она ответила вопросом на вопрос:

— Вы намерены и ему не сказать всего?

— Скади, мы воюем. Не хочется утомлять тебя повторением старой мудрости о том, что на войне первой погибает правда. Но мы уверены: ты понимаешь суть. Клавэйн — важная часть нашего тактического арсенала. Его мышление уникально среди сочленителей, оно постоянно дает нам преимущество над врагом. Горе Клавэйна будет сильным, но кратким — как и у его соотечественников. Он преодолеет скорбь и станет прежним — когда нужда в его разуме будет особенно велика. Разве это правильно — заставлять его ждать и верить, а затем разбить надежду, подорвать дух?

Тон голоса изменился — возможно, для пущей убедительности.

— Скади, Клавэйн — эмоциональная личность, причем эмоциональнее любого из нас. По состоянию нервной системы он был старейшим из воинов, когда-либо присоединившихся к нам. Он мыслит по-старому, реагирует как человек прошлого, и об этом нельзя забывать. Клавэйн уязвим и нуждается в заботе — как хрупкий теплличный цветок.

— Но лгать ему о Галиане...

— Допустим, нам и не придется лгать. Мы забегаем вперед. Прежде всего нужно обследовать корабль. Может оказаться, что на нем и нет Галианы.

— Вот был бы подарочек! — хмыкнула Скади. — Это означало бы: она где-то далеко, ее судьба неизвестна.

— Да. Но тогда встает вопрос: что же с третьим кораблем?

За девяносто пять лет, прошедших с начала эпидемии, сочленители достигли больших успехов в борьбе с инфекцией, многое узнали о вирусе. Они остались в числе немногих фракций, которые сохраняли существовавшие до эпидемии технологии и очень серьезно относились к карантину. В мирное время легче и проще всего было бы обследовать корабль на месте, дрейфующим на окраине системы. Но сейчас риск был слишком велик. Демархисты могли заметить активность, потому следовало замаскировать предмет исследований. Материнское Гнездо уже приготовилось принять зараженный корабль.

Но все-таки осторожность требовала провести предварительное обследование и подготовку, а это подразумевало работу в открытом пространстве. Прежде всего надо удалить двигатели. Роботы перережут лазером балки, соединяющие их с коническим корпусом субсветового звездолета. Сколь бы малой ни была вероятность взрыва двигателей, она оставалась ненулевой. А взрыв уничтожил бы Мате-

ринское Гнездо. Скади решила не допустить даже малейшей опасности. К тому же природа поразившего корабль бедствия неясна.

Скади приказала реактивным тягачам подтащить глыбы черного кометного льда к дрейфующему кораблю. Затем роботы покрыли корпус метровым слоем льда, закрепили и уплотнили его. С работой справились быстро, не соприкоснувшись ни единого раза с оболочкой. Изначально темный корабль стал чернее смоли.

Закончив с покрытием, Скади расставила тягачи вокруг корабля. Выброшенные на тросах якоря́ впились в ледяную оболочку. Поскольку она должна была принять все усилие буксировки, чтобы не расколоть его, тягачей пришлось использовать много, около тысячи, равномерно распределив их у поверхности. Когда все они заработали, картина вышла феерически красивая: тысяча искорок голубого пламени у черной остроконечной глыбы мертвого субсветовика.

Скади рассчитала столь точно, что обошлась лишь одним включением корректирующих двигателей для приближения к Материнскому Гнезду. И сделала она это в период существования «слепого пятна», не просматриваемого сканерами демархистов. Те полагали, что сочленителям о «слепых пятнах» неизвестно.

В Гнезде корабль поместили в пятикилометровый док со стенами, облицованными керамической броней. Док создали специально для обработки пораженных эпидемией кораблей, в нем мог поместиться субсветовик со срезанными двигателями. Толщина керамики достигала тридцати метров, машины в доке были иммунны к известным штаммам плавящей чумы. Когда корабль разместился внутри, док немедля заперли и загерметизировали — вместе с поисковой командой. Ее Скади отбирала сама. Из дока поддерживалась лишь минимальная связь с внешним миром. Исследовательская группа оказалась практически в изоляции от миллиона сочленителей, живших в Гнезде. Потому в нее набирались те, кто мог работать в изоляции, то есть не всегда опытные и надежные специалисты. Но жаловаться не приходилось. Способность к автономной деятельности была среди сочленителей очень редкой, а Скади, та и вовсе представляла из себя уникум: она могла совершенно одна работать в глубоком вражеском тылу.

Когда корабль зафиксировали, в док накачали аргон, установив давление в две атмосферы. Ледяной щит осторожно испарили, оставили лишь тонкий слой, который сам растаял за шесть дней. Вокруг корабля стаей чаек сновали датчики, готовые поднять тревогу при

первых же признаках враждебной субстанции в аргоновой атмосфере. Но не заметили ничего необычного — лишь осколки корпуса.

Скади выжидала, приняв все мыслимые меры предосторожности. Не притрагивалась к кораблю до тех пор, пока это не стало неизбежным. Подковообразный сканирующий гравиметр жужжа порхал вокруг субсветовика, просматривая внутреннюю структуру, вглядываясь в мелкие детали. Большинство элементов мало отличалось от известных по чертежам. Но были и странные, явно чужеродные вкрапления: жгутики массы, причудливо изгибавшиеся под обшивкой. Они напоминали пулевые каналы в теле либо треки, оставляемые элементарными частицами в пузырьковых камерах. А когда гравиполе приближалось к поверхности, там непременно оказывалась структура из притопленных черных кубов.

И хотя все данные указывали на отсутствие выживших, на корабле наличествовали места, где могли бы прятаться уцелевшие. Нейтринный радар и гамма-сканер позволили исследовать многие детали внутренней структуры — но не все. Кое-что очень важное осталось под вопросом. Потому Скади неохотно перешла к следующей стадии: физическому контакту. На корпусе в разных местах были закреплены молоты — и сотни микрофонов.

Молоты застучали о корпус. Какофония слышалась и сквозь скафандр — аргоновая атмосфера неплохо проводила звук. Казалось, армия кузнецов старается в далекой кузне. Приборы записывали структуру отражаемых и проводимых корпусом звуковых волн. А один из старых мозговых контуров Скади декодировал информацию, передаваемую с микрофонов, и конструировал трехмерную эхограмму корабля.

Скади видела ее в призрачных серо-зеленых тонах. Картина не противоречила узнанному прежде, но она добавила несколько важных штрихов. К сожалению, выяснить больше, не заходя внутрь корабля, было невозможно. А проникнуть туда оказалось нелегко. Все шлюзы были залиты изнутри расплавленным металлом.

Нервничая, Скади медленно прорезала их лазерами и гипералмазными сверлами. Поисковая команда работала осторожно — неизвестность здорово действовала на нервы.

Когда первый шлюз поддался, внутрь отправилась группа крабоподобных роботов, одетых в керамическую броню, снабженных лишь минимумом интеллекта, достаточным для выполнения задачи. Крабы транслировали видеоданные в мозг Скади.

Найденное ужаснуло.

Команду звездолета безжалостно истребили: одних разорвали на части, других расплющили, истерли в кашу, разрубили на множество частей. Сожгли, заморозили, удушили. Причем бойня явно тянулась долго.

Скади понемногу восстановила картину произошедшего: несколько жестоких схваток, отчаянные попытки запертых в тупике подороже продать свою жизнь. Люди держались в разных частях корабля, сооружали наспех баррикады. Сам корабль пытался изо всех сил помочь им, меняя внутренние перегородки, препятствуя продвижению врагов. Закачивал в отсеки охладитель, газ под высоким давлением. В заполненных отсеках обнаруживались странные, неуклюжие на вид машины — сочленения тысяч простейших геометрических фигур.

Напрашивалась очевидная версия. Кубы сперва прицепились к поверхности корабля Галианы. Там они росли и размножались, поглощая и усваивая оболочку — то есть действуя на манер плавящей чумы. Но ее инфекционные агенты были микроскопическими, крупные же черные кубы представляли собой структуры гораздо более грубые; они безжалостно поглощали жертву и превращали ее в себя. Чума, по крайней мере, отчасти сохраняла свойства зараженного, трансформируя его в химерическую смесь плоти и механики.

Как бы ни хотелось Скади признать черные кубы разновидностью эпидемии, они безусловно представляли собой нечто принципиально иное.

Кубы проникли внутрь корабля и соединились в боевые агрегаты, в солдат. Эти солдаты медленно распространялись от точек внедрения, убивая команду. Судя по останкам, боевые машины были угловатыми, нескладными, больше походили на осиный рой, чем на единое целое. Наверняка они могли, разделившись, протиснуться в мельчайшую щель, чтобы заново собраться по другую ее сторону. Тем не менее битва продолжалась долго. По оценке Скади, корабль сопротивлялся несколько дней. А может, и недель.

Она содрогнулась, представив, как это происходило.

Спустя день после вскрытия корпуса роботы обнаружили почти нетронутые человеческие тела — но головы обволакивала сплошная оболочка из кубов. Чужие машины казались бездействующими. Роботы удалили часть оболочки, и выяснилось, что черные выросты заходят глубоко в черепа через уши, ноздри и глазницы. Дальнейшие

исследования показали: выросты делятся, ветвятся, превращаются в нити микроскопической толщины. Проникают глубоко в мозг, соединяются с сетью имплантатов, присущей всем сочленителям.

Но теперь и машины, и пораженные ими люди выглядели мертвыми.

Бортовой архив оказался тщательно стерт. Скади не удалось составить полную картину случившегося. Очевидно, Галиана встретила нечто враждебное — но почему кубы сразу не уничтожили корабль? Вместо этого они долго и мучительно пробивались внутрь. Похоже, хотели нанести кораблю как можно меньше повреждений.

Но ведь был и другой корабль. Что же случилось с ним?

— Скади, есть какие-нибудь соображения? — прозвучал голос.

— Есть. Но все они мне не слишком нравятся.

— Не кажется ли тебе, что кубы попросту хотели узнать как можно больше?

— Другого объяснения не вижу. Запускали датчики в мозг, исследовали архитектуру нервных связей, считывали данные. Изучали нас.

— Да. Мы согласны с этим. Они узнали о нас многое. Их необходимо рассматривать как угрозу, хотя нам неизвестно, где Галиана встретила их. Но тут видится и проблеск надежды.

Скади никакого проблеска не видела. Человечество веками искало чужой интеллект, явных разумных собратьев. Но до сих пор нашло только удивительные организмы, едва ли могущие считаться разумными по человеческим меркам: жонглеров образами и затворников. Да еще обнаружило археологические памятники восьми либо девяти мертвых культур. Но никогда не встречало развитую, использующую машины цивилизацию, то, с чем могло бы сравнить себя.

До сих пор не встречало.

И эта цивилизация, кажется, озабочена лишь тем, чтобы выслеживать, проникать и убивать, а затем вторгаться в мозг.

Не слишком-то перспективный первый контакт.

— Проблеск надежды? — удивленно спросила Скади. — Вы серьезно?

— Да, Скади. Ведь мы не знаем, успели кубы передать собранную информацию тем, кто их послал, или нет. В конце концов, корабль Галианы вернулся. Лишь она сама могла направить корабль домой, и едва ли она пошла бы на это, если бы видела опасность для нас. Думаю, Клавэйн гордился бы ею. Она всегда заботилась о нас, о Материнском Гнезде.

— Но ведь Галиана рисковала...

Голос Ночного совета оборвал резко и безапелляционно:

— Скади, корабль — это предупреждение. Так задумала Галиана — и так мы должны воспринять ее прилет.

— Предупреждение?

— Да. Нам необходимо приготовиться. Враги, убившие ее, живы и готовы напасть. Рано или поздно мы встретимся с ними.

— Вам как будто не терпится это сделать.

На это Ночной совет ничего не ответил.

Галиану отыскали через неделю. Корабль был огромен, его внутренности сильно изменились — поиски шли медленно. Скади сама занималась этим вместе с другими бригадами исследователей. Работали в тяжелых керамических доспехах, надетых поверх скафандров. Несмотря на смазку, керамические сочленения делали движения крайне неуклюжими и неловкими, требующими тщательного расчета. Устав от нелепых рывков, от заклиниваний в крайне неудобных положениях, откуда приходилось выбираться с большим трудом, повторяя движения в обратном порядке, Скади торопливо составила алгоритм и поручила его исполнять группе не занятых ничем актуальным нейронов. Двигаться стало легче, хотя появилось неприятное ощущение призрачного двойника, управляющего телом. Скади отметила про себя, что нужно переписать программу, сделать так, чтобы все движения казались целиком добровольными, сколь бы фальшивым это ни было по сути.

К тому времени, как отыскалась Галиана, роботы уже полностью выполнили свою задачу: обеспечили безопасность большей части корабля. Покрыли эпоксидной смолой с гипералмазными волокнами останки чужих машин, взяли образцы ДНК у многих трупов в исследованных областях. Каждый образец идентифицировали по базе данных корабельных команд, сохраняемых в Материнском Гнезде со времени отбытия экспедиционного флота. Но отыскали ДНК далеко не всех из списка команды.

Конечно, Скади этого ожидала. Когда первый корабль, несший на борту Клавэйна, вернулся, Материнское Гнездо узнало о принятом в глубине космоса, за десятки световых лет, решении разделиться. Часть экспедиции захотела вернуться домой, узнав о войне с демархистами. Также считали, что настало время передать Гнезду собранные данные. Их накопилось слишком много для безопасной пересылки.

Раздел экспедиции не был омрачен ссорой. Были сожаление и горечь — но не разобщенность, не враждебность. После длительного обсуждения — обычного для сочленителей способа поиска решений — раздел посчитали наиболее логичным вариантом. Это позволило продолжить работу экспедиции, надежно сохранив уже добытое. Но, хотя Скади и знала, кто остался на паре ушедших дальше кораблей, она не представляла себе последующих событий. Субсветовики, несомненно, обменивались членами команды. Но как это происходило? Да, вернулся тот самый корабль, на котором отбыла Галиана, но это не значит, что она оставалась на борту. Если ее здесь нет, разочарована будет не только Скади, но и все Материнское Гнездо. Галиана — символ, легенда. Ведь это она создала сочленителей четыреста лет назад, в одиннадцати световых годах отсюда, в паутине тоннелей-лабораторий под марсианской поверхностью. Потом отсутствовала почти два столетия — достаточно, чтобы ее фигура приобрела мистический ореол. Хотя, живя среди сочленителей, Галиана прилагала все усилия, чтобы не стать предметом культа. Вернулась же — если и вправду вернулась, — когда вахту несла Скади. Не важно, что Галиана, скорее всего, мертва, как и ее команда. Чтобы упрочить свое положение и престиж, Скади достаточно просто отыскать ее останки.

Но нашлись не останки.

Место упокоения Галианы — если такое название здесь уместно — находилось далеко от центра корабля. Она спряталась за массивными баррикадами, в удалении от команды. Тщательное криминалистическое обследование показало: каналы связи между убежищем и остальными системами субсветовика были разорваны изнутри, из убежища. Галиана, очевидно, пыталась изолировать свой разум от остальных сочленителей.

Скади задумалась: что это, самопожертвование или самосохранение за счет других?

Галиана пребывала в анабиозе, охлажденная до полной остановки метаболизма. Но черные машины все же достали ее. Проломились сквозь броню криокапсулы, набились в пространство между телом и стенками. После разборки контейнера выяснилось: кубики покрыли тело сплошной черной оболочкой, сделали похожим на мумию. Но под ней, несомненно, лежала Галиана — сканеры проанализировали строение скелета и пришли к однозначному выводу: кости принадлежат ей. Тело, похоже, не подверглось распаду во время долгого

полета. Более того, датчики уловили активность нервных имплантатов. Хотя они были слишком слабы для поддержания связи с мозгом, не оставалось сомнений: то, что заключено в коконе, способно мыслить и общаться.

Внимание исследователей переключилось на кокон. Но химический анализ кубиков ничего не дал. Казалось, они ни из чего не состоят, не обнаруживают самомалейших признаков микроструктуры: ни молекул, ни атомов. Стены кубиков сформировало силовое поле, проницаемое для определенных видов излучения. Их поверхность очень холодна — в отличие от прочих чужеродных машин, найденных в звездолете, эти кубики еще функционируют. Но не сопротивляются попыткам обособить их от общей массы. Будучи отделенными, быстро сокращаются до микроскопических размеров.

Группа Скади пробовала сфокусировать сканеры на кубиках, пытаясь различить что-либо под поверхностью, но те уменьшались слишком быстро. На их месте оставались микрограммы дымящегося пепла, — вероятно, находившийся в центре кубика механизм был запрограммирован на самоуничтожение при определенных обстоятельствах.

Сняв бóльшую часть черного слоя, бригада Скади перенесла Галиану в реанимационную палату, устроенную в нише стены. Работали при той же температуре, при какой хранилось тело, стараясь причинить минимум повреждений.

И вот наконец с чрезвычайной осторожностью и терпением они принялись отделять последний тонкий слой чужеродной машинерии.

Теперь, когда преград взгляду осталось гораздо меньше, стало понятно, что случилось с Галианой. Черные машины проникли и в ее голову — но куда аккуратнее и осторожнее, чем в головы других членов команды. Имплантаты подверглись частичному демонтажу — вторгшимся машинам требовалось место, — но все крупные структуры мозга остались нетронутыми. Скади подумалось: на предыдущих жертвах кубики лишь тренировались, учились проникать в человеческий мозг, а добравшись до Галианы, уже знали, как при вторжении не разрушить его.

Скади приободрилась. Черные структуры были четко локализованы и неактивны. Небольшая аккуратная операция — несложная, тривиальная даже, — и кубики будут вынуты, отделены один за другим.

— Это возможно! Мы сумеем вернуть ее!

— Осторожнее, Скади. Мы еще далеки от финала, дорога может оказаться трудной.

Увы, Ночной совет оказался прав.

Бригада Скади начала убирать оболочку с ног. Исследователи обрадовались, увидев, что живая ткань почти цела. Понемногу достигли шеи. Пришли к выводу: можно попробовать разогрев, возвращение к нормальной температуре тела — хотя процедура будет гораздо сложней, чем выход из обычного анабиоза.

Но когда стали убирать кубики с лица, поняли: работа далека от завершения.

Внезапно черные машины задвигались, заскользили. Перекатываясь, вздымаясь отвратительными грязными волнами, остатки кокона устремились внутрь Галианы, словно ожившая нефтяная пленка. Черная жижа втекла в рот, ноздри, уши, глазницы, просочилась под глазные яблоки.

Галиана казалась блистательной королевой, возвратившейся к трону. Именно такой надеялась увидеть ее Скади, когда узнала о приближении субсветовика. Даже длинные черные волосы, пусть и хрупкие при сверхнизкой температуре, остались такими же, как и в час отлета. Но черные машины угнездились в мозгу, умножив уже присутствующие чужие структуры. Сканеры показали: оригинальная мозговая ткань сместилась незначительно, но бóльшая часть имплантатов исчезла, чтобы дать место захватчикам. Черный паразит выглядел крабом, забравшимся в голову, запустившим клешни и членистые конечности в ткани мозга.

Очень постепенно, в течение многих дней, исследователи подняли температуру тела, оставив ее чуть ниже нормальной. Все это время они следили за активностью чужака, но ничего не зарегистрировали, даже когда оставшиеся имплантаты согрелись и начали взаимодействовать с размораживающейся мозговой тканью.

Скади позволила себе робкую надежду: может, еще и удастся вернуть Галиану?

Надежда эта почти оправдалась.

Она услышала голос. Человеческий. Женский. Странный. Лишенный особого тембра, а вернее, той особой бесцветности, божественного спокойствия, совершенства, какие отличают рожденный в сознании голос. Этот же явно возник в человеческом горле, про-

шел несколько метров по воздуху, был воспринят обычным человеческим ухом и декодирован — с множеством неточностей, с потерей тонких оттенков. Такого голоса Галиана не слышала очень давно.

— Здравствуйте, Галиана, — произнес голос.

«Где я?» — мысленно спросила она.

Ответа не последовало.

Спустя несколько секунд голос заметил:

— Вам тоже следует говорить вслух. Достаточно лишь сделать усилие — мы уловим импульсы, посланные к голосовым связкам. Но чисто мысленный ответ, боюсь, нам не уловить — между нашими разумами нет связи.

Еще несколько веков назад человечество открыло принцип прямой связи между сознаниями. Устная речь казалась Галиане чудовищно медленной и прямолинейной, хотя грамматика и синтаксис, конечно, были знакомы.

Она захотела озвучить вопрос и услышала, как ее усиленный аппаратурой голос спросил:

— Почему?

— Мы объясним это позже.

— Где я? Кто вы?

— Вы здоровы, и вам больше не угрожает опасность. Вы дома, в Материнском Гнезде. Мы нашли ваш корабль и оживили вас. Меня зовут Скади.

Вокруг смутно виднелись какие-то тени. Затем комната осветилась. Галиана лежала на спине, под небольшим углом к полу, внутри контейнера, похожего на криокапсулу, но без крышки. Кое-что видела периферийным зрением, но не могла пошевелиться, не могла даже сфокусировать взгляд. Размытый силуэт приблизился, обрел четкость. Человек склонился над контейнером.

— Скади? Я вас не помню...

— Вы и не можете. Я присоединилась уже после вашего отбытия.

На языке вертелись вопросы — тысячи важных вопросов. Но все их разом не задать при столь архаичном способе коммуникации. Однако надо с чего-то начать.

— Долго я отсутствовала?

— С точностью до месяца — ровно сто девяносто лет. Вы улетели в...

— Две тысячи четыреста пятнадцатом, — быстро ответила Галиана.

— Да. Сейчас две тысячи шестьсот пятый.

Многое Галиана помнила слабо, многое вспоминать не хотелось. Но основное представлялось ясно. Она повела тройку кораблей из Материнского Гнезда далеко за пределы освоенного людьми пространства с целью исследования новых, ранее не посещенных миров и поиска иного разума. Когда пришла весть о войне, один корабль повернул назад. Но два других еще долго странствовали, пройдя сквозь множество звездных систем.

Галиана, как ни пыталась, не могла вспомнить, что произошло со вторым кораблем. Она ощущала лишь резкий холод потери, мертвую пустоту в разуме, оставленную множеством вдруг умолкших голосов.

— А что с моей командой?

— Об этом потом, — ответила Скади.

— А Клавэйн и Фелка? Они сумели вернуться? Мы распрощались в глубоком космосе. Они прибыли в Материнское Гнездо?

Молчание было долгим и жутким.

Наконец Скади выговорила:

— Да, они вернулись.

Если бы могла, Галиана вздохнула бы. Радостное облегчение накатило волной. Лишь теперь она поняла, как сильно переживала за судьбы любимых.

Галиана счастливо и умиротворенно посмотрела на Скади. Во многом та выглядела в точности как сочленитель тех времен, когда стартовали корабли. Одета была просто: свободные черные брюки из мягкой ткани, свободный же, почти не приталенный черный жакет из напоминающего шелк материала. Ни энтоптики, ни признаков ранга. Сама бледная, худая до истощенности. Кожа гладкая, воскового оттенка, правильные черты. Лицо не отталкивающее, но и не привлекательное, лишенное выражения, кукольно-неживое. Впечатление усиливалось полным отсутствием волос на голове. Ни дать ни взять незавершенная кукла. Хотя в этом она похожа на тысячи сочленителей. Трудно отличить обитателя Гнезда от других, когда нет связи с его разумом, когда он не окружен энтоптическими образами, придающими его облику индивидуальность.

Все же ничего подобного Галиана раньше не видела. На голове женщины возвышался гребень — узкое жесткое образование, начинающееся в дюйме от носа и тянущееся ровно посреди черепа до затылка. Острие гребня было узким — твердая кость, — но по бокам

проходила сверху вниз череда тончайших полос, напоминающих жаберные щели. Свет дифрагировал на них, играя яркой синевой, полыхая оранжевым пламенем; все оттенки видимого спектра переливались при малейшем движении. Более того, радужные волны пробегали вдоль гребня и тогда, когда Скади не шевелилась.

— Вы такая от рождения? — спросила Галиана.

— Нет. — Скади осторожно притронулась к гребню. — Это модификация. Многое изменилось, пока вы отсутствовали. Вам, наверное, и не представить, насколько быстро думают лучшие из нас.

— Лучшие из вас?

— Согласна, это довольно двусмысленное выражение. Мы все равны. Но некоторые достигли пределов возможностей, предоставляемых человеческим организмом. Имплантаты в наших головах позволяют мыслить в десять–пятнадцать раз быстрее, чем это делает невооруженный человеческий мозг, — но они генерируют много тепла. Омывающая мой мозг кровь закачивается в гребень и распространяется по сети мелких сосудов в жабрах. Там она охлаждается. Гребень устроен так, чтобы обеспечивать как можно большую площадь жаберных складок. К тому же они вибрируют, обеспечивая циркуляцию воздуха. Как мне говорили, гребень эстетически приятен, но это лишь случайный побочный эффект. Для чего нужны подобные гребни, мы поняли, изучая динозавров. Эти существа были не так нелепы, как принято считать.

Скади снова погладила гребень:

— Галиана, пусть это вас не беспокоит. Изменилось далеко не все.

— Мы узнали о войне, когда удалились на пятнадцать световых лет, — сказала та. — Конечно, сперва была эпидемия... а затем война. Но вести казались бессмысленными. Война с нашими старыми союзниками, демархистами...

— Увы, эти вести правдивы.

— Господи, отчего такая война?

— Дело в эпидемии. Она уничтожила общество демархистов. Йеллоустон оказался в безвластии, прежняя система управления исчезла. Уцелевшие представители власти попросили нас заняться управлением Города Бездны и смежных поселений, создав подобие тайного правительства. Они считали: уж лучше мы, чем другие фракции. Представляете, что могли натворить, например, ультра либо угонщики? Новый порядок просуществовал без проблем несколько

лет, но затем демархисты вновь набрались сил. Им перестало нравиться то, что мы теперь управляем системой, а вести переговоры о мирном возвращении власти они не захотели. И тогда началась война. Ее начали демархисты, с этим согласны все.

Скверные известия. Настроение Галианы померкло. До последнего надеялась, что известия преувеличивали серьезность проблем.

— Но, очевидно, мы выиграли?

— Нет. По сути, еще нет. Война продолжается.

— Продолжается? Но прошло уже...

— Пятьдесят четыре года. Да. Очень долго. Конечно, были официальные перемирия и фактические прекращения военных действий, но долго они не продлились. Прежние идеологические разногласия вскрылись, будто старые раны. В глубине души демархисты всегда не доверяли нам, а мы всегда рассматривали их как реакционеров, луддитов, не желающих принять следующую фазу человеческого совершенствования.

Галиана вдруг ощутила, впервые после пробуждения, странное болезненное давление в области глаз. С ним пришел ужас преследуемой добычи, ощутившей близость темных зловещих хищников. Этот страх вырвался из самых архаичных частей мозга.

«Это машины, — сказала память. — *Как волки на запах, они пришли из межзвездной глубины на тепло ваших двигателей и взяли след... Галиана, ты называла их волками. Их... Нас».*

Но странный момент ужаса, раздвоенности разума прошел.

— Но ведь мы так долго работали вместе и уживались, — сказала Галиана. — Возможно, мы снова сумеем объединиться, вспомним общее. Есть вещи гораздо более важные, чем нелепая тяжба за власть в одной звездной системе.

— Боюсь, теперь слишком поздно. — Скади покачала головой. — Слишком много смертей, предательств, зверств. Война распространилась и на другие системы, где есть демархисты и сочленители.

Она улыбнулась — но улыбка вышла натянутой, напряженной, будто лицо немедленно примет прежнее равнодушное выражение, лишь только расслабятся мускулы.

— Но положение дел далеко не так безнадежно, как вам, возможно, представилось. Мы выигрываем — медленно, но верно. Клавэйн вернулся двадцать два года назад и сразу начал действовать. До его прибытия мы лишь оборонялись, загоняли сами себя в ловушку.

Действовали как типичный коллективный разум, — и оттого враг с легкостью предсказывал наши ходы. Клавэйн вывел нас из тупика шаблонных представлений.

Галиана попыталась изгнать память о межзвездных волках, вспоминая, как впервые повстречала Клавэйна. Это случилось на Марсе. Клавэйн воевал на стороне Коалиции за невральную чистоту, которая объединила противников экспериментов по усовершенствованию мозга и поставил целью полное уничтожение сочленителей. Никаких договоренностей и компромиссов он не признавал.

Но Клавэйн видел дальше и шире. Прежде всего, еще будучи пленником, он сумел объяснить Галиане, насколько жуткими ее эксперименты кажутся людям. Клавэйн делал это медленно и упорно, в течение нескольких месяцев. Позднее, когда его освободили и состоялись переговоры о перемирии, именно он попросил демархистов выступить посредниками, нейтральной третьей стороной. Те и сформулировали договор о перемирии, а Клавэйн сумел принудить Галиану к подписанию. Ход оказался гениальным, дав начало союзу между сочленителями и демархистами, продлившемуся столетия. А Коалиция за невральную чистоту вскоре канула в Лету, осталась лишь примечанием на странице учебника истории.

Сочленители продолжили эксперименты с усовершенствованием мозга. Им не противились, их даже всемерно приветствовали — при условии, конечно, отсутствия попыток навязать их другим культурам. Демархисты активно пользовались технологиями сочленителей и поставляли их другим фракциям.

Все были довольны.

В глубине души Галиана понимала: Скади права. Союз сочленителей и демархистов был непрочным. Рано или поздно неизбежно разразилась бы война. Ее обязательно спровоцировала бы трагедия, подобная эпидемии.

Но чтобы война продлилась чертовы полвека с лишним? Клавэйн бы этого не потерпел. Не смирился бы с чудовищной и бессмысленной растратой труда и жизней. Несомненно, он бы либо отыскал способ выиграть быстро, одним ударом, либо принудил бы стороны к долговременному перемирию.

Странная мигренеподобная боль и пугающее ощущение чужого присутствия в мозгу усилились. Словно чужой смотрит сквозь твои глаза, распоряжается в голове, сделав тебя, прежнего хозяина, лишь жильцом.

«Мы приблизились к вашим кораблям неспешно и обстоятельно — древние хищники, чья раса не знала неудач и поражений. Вы ощутили наши разумы: блеклые, почти растворившиеся в холодной машинной логике, безликие, словно межзвездная пыль.

Вы ощутили наш голод».

— Но Клавэйн... — прошептала она.

— Что Клавэйн? — спросила Скади.

— Он бы нашел способ покончить с войной так либо иначе.

Скади отвернулась, гребень на ее голове показался тонкой линией. Когда посмотрела снова, лицо приобрело странное выражение, — похоже, Скади попыталась изобразить сочувствие.

А чужое в голове Галианы все настойчивей говорило о себе:

«Вы видели, как мы обволокли ваш первый корабль сплошным покровом черных машин: грызущих, проникающих, исследующих. Мы разломали корабль на части — и он взорвался. Вспышка отпечаталась розово на вашей ретине, словно огненный лебедь. Вы ощутили вскрик множества гибнущих разумов — будто тысячи гибнущих детей. Ваших детей.

Вы попытались убежать — но было слишком поздно.

Настигнув ваш корабль, мы действовали осторожней».

— Галиана, все не так просто, — сказала Скади.

— Что не просто?

— Я о Клавэйне.

— Вы сказали: он вернулся.

— Да. С Фелкой. Мне больно говорить об этом, но они погибли. — Слова падали медленно, тяжелые как вздохи. — Одиннадцать лет назад. Демархистам повезло. Атака на Гнездо, удачное попадание.

Рациональный, искренний ответ Галиана отыскала лишь один, и это было полное отрицание.

— Нет!!!

— Мне очень жаль. — Гребень Скади сверкнул ультрамарином. — Досадная случайность. Как бы я хотела, чтобы все обернулось по-другому. Клавэйн и Фелка были ценнейшими компонентами общества...

— Компонентами общества?

Скади уловила ярость Галианы и поспешила исправиться:

— Я хотела сказать, их очень любили. Галиана, мы глубоко скорбим о них. Все мы.

— Так покажите мне эту скорбь. Откройте разум, уберите заслоны. Я хочу видеть ваш разум!

Скади замерла, стоя у контейнера:

— Галиана, зачем?

— Не войдя в разум, я не смогу понять, правду вы говорите или лжете.

— Я не лгу, — тихо проговорила Скади. — Но я не могу открыть прямую связь между нашими разумами. Видите ли, в вашем мозгу находится кто-то посторонний. Незнакомый нам. Возможно, чуждый и, скорее всего, враждебный.

— Я не верю...

Но вдруг давление за глазами резко усилилось, и Галиана испытала отвратительное, унизительное чувство беспомощности: ее, хозяйку разума, бесцеремонно отпихнули, подавили, сунули в далекий угол, и осталось лишь бессильно наблюдать. Нечто невыразимо древнее и зловещее завладело мозгом, выглянуло наружу из глаз.

И она услышала собственный, звучащий против воли голос:

— Не меня ли вы имеете в виду?

Скади лишь чуть замешкалась. Галиана восхитилась крепостью ее нервов и силой духа.

— Возможно. И кто же вы?

— У меня нет имени, кроме данного мне ею.

— Ею? — спросила Скади насмешливо — но гребень мерцал бледной зеленью, выдавая страх.

— Галианой. Перед тем как я ею завладел, — ответила чуждая сущность. — Она назвала нас — то есть мой разум — волком. Разрушив первый корабль, мы догнали ее корабль и внедрились. Поначалу мы не понимали многого. Но, проникая в мозг, поглощая центральную нервную систему, мы узнавали многое. Читали мысли, выявляли способы коммуникации, определяли произошедшее с разумами.

Галиане хотелось кричать, но волк — именно такое название она дала захватившему разум существу — полностью овладел ее голосом.

Прежний кошмар вернулся.

— Почему вы не убили ее? — спросила Скади.

— Зачем убивать? — с насмешливым укором спросил волк. — Вам бы стоило другой вопрос задать: отчего Галиана не убила себя, прежде чем вошла в такое состояние? Знаете, она ведь могла. В ее власти было уничтожить весь корабль, просто пожелав того.

— И каков же ответ?

— После уничтожения всей ее команды мы пришли к соглашению: если позволим Галиане вернуться домой, она не убьет себя. Она понимала, что это значит: я вторгнусь в ее череп, просею память.

— Почему вы пощадили ее?

— Скади, она же ваша королева. Прочитав память команды, мы поняли: нам нужна именно Галиана.

Скади молчала. По гребню от носа к затылку медленно бежали аквамариновые, бирюзовые волны.

— Она бы никогда не подвергла Гнездо такому риску.

— Подвергла при условии, что мы ей позволим заблаговременно предупредить Гнездо. Как видите, взаимовыгодная сделка. Она дала нам время — и надежду — узнать больше.

Скади прикоснулась пальцем к верхней губе, потом выставила его перед собой, словно определяя направление ветра.

— Если вы и в самом деле намного превосходящий нас разум, узнавший наше местонахождение, вы бы уже могли истребить нас.

— Отлично, Скади. В определенном смысле — вы правы. Одно но: мы не знаем, куда Галиана нас привезла. То есть я знаю, но не могу сообщить остальным. Правда, это не имеет значения. Вы — освоившая межзвездные перелеты цивилизация, хотя и не все фракции человеческого сообщества на такое способны. Но для нас ваши различия несущественны. Из поглощенной памяти и той, где мы сейчас гнездимся, нам известно приблизительное расположение области пространства, где вы обитаете. Эта область расширяется, ее поверхность растет как квадрат ее поперечника. Соответственно, растет вероятность нашей встречи. Она произошла однажды, а значит, может произойти снова, в другом месте.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила Скади.

— Чтобы напугать. Зачем еще?

Но Скади на такую несложную уловку не поддалась.

— Нет, полагаю, есть причина серьезнее. Вы хотите внушить мне, что можете быть полезным.

— И с чего бы мне это внушать? — игриво промурлыкал волк.

— С того, что я могу убить вас прямо сейчас, это проще простого. Галиана вернулась, предупреждение доставлено.

Если бы Галиана могла двигаться, хотя бы шевельнуть веком, немедля бы просигналила: «Да!» Она хотела умереть. Ради чего теперь жить? Клавэйн мертв. Фелка мертва. В этом она не сомнева-

лась — равно как и в том, что никакие технические ухищрения нынешних сочленителей не уберут черную тварь у нее из головы.

Скади права: Галиана исполнила свой долг перед Материнским Гнездом. Теперь известно: волки приближаются, крадутся на запах теплой крови.

Более нет причины оставлять ее в живых. Несмотря на все меры предосторожности, волк способен высвободиться из ее головы и удрать. Конечно, Материнское Гнездо может получить новые сведения — к примеру, выяснить мотивы либо уязвимые места черного хищника, — но это не перевешивает риск его побега, непременно влекущего за собой катастрофу.

Все это Галиана хорошо понимала. Когда волк получил доступ к ее памяти, его собственные воспоминания стали просачиваться в ее рассудок — возможно, неслучайно. Нельзя исключать, что чужак допустил это сознательно. Его память оказалась бесформенной, едва облекаемой в слова. Но она рождала мысли о длящемся миллиарды лет геноциде, осуществляемом с хирургической точностью, о беспощадном выкашивании всего разумного. Память хищника сохранила с мертвенной бюрократической точностью множество актов истребления по всей Галактике. Каждый акт — всего лишь отдельная карточка в огромной пыльной картотеке. Иногда бывали хлопоты, лихорадочная деятельность — истребление начиналось позже предусмотренного срока. А иногда — очень редко — волки свирепо добивали разум, сумевший уцелеть после недостаточно тщательной зачистки.

Но Галиана не обнаружила ни единого воспоминания о неудачах.

С шокирующей внезапностью волк отступил, позволил говорить.

— Скади! — взмолилась она.

— Что такое?

— Пожалуйста, убей меня. Убей!

ГЛАВА 1

Антуанетта Бакс наблюдала, как робот-полицейский выбирается из шлюза. Машина — небольшой черный округлый корпус, членистые острые конечности. Скульптура из ножниц. И ужасно холодная, ведь она была пристыкована снаружи полицейского катера. Три катера догнали и взяли в клещи корабль. С робота испарялось рабочее вещество химических движков, едкая жижа цвета мочи, застывшая симпатичными разводами: спиральками, вихорьками.

— Отступите! — посоветовал робот. — Физический контакт не рекомендуется.

Испарения робота пахли мерзко. Антуанетта опустила визор шлема, когда машина просеменила мимо.

— Не понимаю, что вы надеетесь отыскать, — сказала она, держась позади на безопасном расстоянии.

— Пока не найду, не узнаю, — ответил робот, уже определивший частоту интегрированной в ее скафандр рации.

— Эй, я контрабандой не занимаюсь! Мне покойницей стать не хочется.

— Они все так говорят.

— Ну кому придет охота тащить контрабанду в хоспис «Айдлвилд»? Там же сборище сдвинутых на религии нищенствующих фанатиков, а не притон контрабандистов.

— Так мы знаем, что такое притон контрабандистов?

— Я не говорила, что...

— Ладно, не важно. Мисс Бакс, сейчас военное время. Может случиться всякое.

Робот остановился, пошевелил суставами. С них посыпались куски желтой ледяной корки. Корпус — продолговатое черное яйцо с фланцами, многочисленными членистыми конечностями и оружием.

Места для пилота нет, лишь для рации, обеспечивающей связь с пилотом. Тот находился в полицейском катере и представлял собой главным образом мозг, лишенный несущественных придатков и помещенный в контейнер жизнеобеспечения.

— Если хотите, свяжитесь с хосписом, проверьте, — предложила Антуанетта.

— Я уже справлялся там. Но в подобных ситуациях следует быть абсолютно уверенным, что нет подвоха. Вы согласны?

— Я соглашусь с чем угодно, лишь бы вы убрались с моего корабля.

— Хм. А почему вы так торопитесь?

— Потому что у меня на борту сля... пардон, пассажир в криогенном анабиозе. И я не хочу, чтобы он прямо тут и разморозился.

— Я очень хочу посмотреть на этого пассажира. Это возможно?

— А я могу отказаться?

Антуанетта подобного ожидала, а потому заранее облачилась в скафандр.

— Отлично. Больше минуты это не займет, и вы сможете спокойно лететь дальше. — Машина замолчала и спустя секунду добавила: — Конечно, если не будут выявлены нарушения.

— Сюда, — показала Антуанетта.

Она повозилась у контрольной панели возле люка, и открылся путь в главный грузовой трюм «Буревестника». Позволила роботу идти первым, решив говорить как можно меньше и проявлять еще меньше инициативы. Конечно, это не слишком-то доброжелательно по отношению к стражу закона, но если суетиться, стараясь угодить, возбудишь куда больше подозрений. Полицию Феррисвильской конвенции население не очень любило, и та давно привыкла учитывать это в отношениях с гражданскими.

— Антуанетта, а ведь у вас приличный кораблик.

— Для вас я мисс Бакс. Не помню, чтобы мы переходили на «ты».

— Хорошо, мисс Бакс. Но это не отменяет справедливости моих слов. Ваш корабль, пусть он внешне непримечательный, весьма прочен, надежен и пригоден для дальней навигации. Такой корабль непременно заработает достаточно денег на вполне легальных торговых путях, даже и в наши беспокойные времена.

— Ну, так мне и причины нет заниматься контрабандой, согласитесь.

— Возможно. Но тем не менее передо мной встает вопрос: зачем упускать отличные деловые возможности, выполняя странное по-

ручение хосписа? У них есть определенное влияние, но, насколько мне известно, деньгами они не сорят. — Машина снова приостановилась. — Признайтесь, тут налицо загадка. Обычно замороженных доставляют из хосписа, а не в него. И перемещать замороженное тело — не слишком-то рядовая процедура. Как правило, всех размораживают в «Айдлвилде».

— Мне платят не за вопросы, а за работу.

— А мне платят как раз за вопросы. Мы уже пришли?

Грузовой отсек не был герметизирован, потому заходить пришлось через внутренний шлюз. Антуанетта включила освещение. В огромном пространстве трюма находилась лишь трехмерная решетка для размещения грузов, теперь пустая. Начали пробираться сквозь хитросплетение. Робот двигался с проворством и сноровкой тарантула.

— А, так вы и в самом деле путешествуете с пустым трюмом! Здесь ни единого грузового контейнера.

— Это не преступление.

— Я и не говорил, что преступление. Однако это до крайности странно. Нищенствующие, должно быть, заплатили очень неплохие деньги, раз вы решились на такой рейс.

— Они поставили условия, не я.

— Да, дело мне кажется все более странным.

Антуанетта понимала: у полицейского есть веские причины для недоумения. Все знали, что в хосписе заботятся о «слякоти» — пассажирах, покинувших криокапсулы звездолетов. В хосписе «Айдлвилд» их размораживали, лечили от амнезии, реабилитировали. Орден ледяных нищенствующих ухаживал за пациентами, пока те не достигали состояния, позволяющего покинуть хоспис, или по крайней мере не приучались соблюдать необходимые нормы человеческого общежития. Некоторые, так и не восстановив память, оставались в хосписе, проходили обучение, служили братьями и сестрами ордена. Но для хосписа было весьма необычно принимать замороженного, прибывшего не на космическом корабле.

— Ну хорошо, я расскажу. — Антуанетта вздохнула. — Как мне сказали, произошла ошибка. При разгрузке перепутали документы. Моего клиента приняли за другого мерзляка. Того хоспис должен был лишь проверить, а потом отправить на разморозку в Город Бездны.

— Необычно, — изрек робот.

— Кажется, парню не нравилось путешествовать в космосе. Случилось полное дерьмо. Пока ошибку обнаружили, клиент был уже на полпути к Йеллоустону. Хоспис захотел все быстренько испра-

вить, пока дело не получило огласку. Для того-то меня и позвали. Я подобрала замороженного в Ржавом Поясе и теперь спешу в «Айдлвилд».

— Но к чему спешка? Если человек заморожен, то...

— Послушайте, эта криокапсула — чуть ли не музейный экспонат. Последние несколько дней с ее содержимым обращались, мягко говоря, неделикатно. К тому же семьи клиентов уже начали задавать трудные вопросы. Чем скорее замороженных обменяют, тем лучше.

— Я понимаю: нищенствующие хотят оставить все в тайне. Если история всплывет, их репутация первоклассных специалистов обязательно пострадает.

— Да, — подтвердила Антуанетта, позволив себе чуточку расслабиться.

И поборола опасное искушение снова позлить полицейского. Вместо этого миролюбиво произнесла:

— Теперь вы все знаете. Почему бы не отпустить меня? Вы ж не хотите испортить отношения с хосписом?

— Ни в коем случае! Но раз уж я здесь, было бы постыдным упущением не проверить пассажира.

— Да, постыдным, — уныло поддакнула она.

Они подошли к невзрачному матово-серебристому анабиозному устройству, лежавшему у задней стены отсека. Сверху имелось прямоугольное окошко, позволяющее заглянуть внутрь. Под тонированным стеклом, прикрытая отдельной стеклянной же крышкой, виднелась контрольная панель. На ней мигали, перемещались расплывчатые цветные огоньки.

— Не странно ли — держать ценный груз так далеко от входа?

— По мне — нисколько. Тут рядом нижний грузовой люк, так что капсулу быстро доставили сюда — и выгрузят столь же быстро.

— Да, логично. Вы не против, если я посмотрю как следует?

— Пожалуйста.

Робот встал в метре от криокапсулы, протянул оснащенные датчиками конечности, но притрагиваться не стал. Он соблюдал чрезвычайную осторожность, не желая причинить ни малейшего ущерба собственности хосписа либо содержимому контейнера.

— Говорите, этот человек недавно прибыл в «Айдлвилд»?

— Я не знаю ничего сверх того, что мне сообщил хоспис.

Полицейский робот задумчиво постучал конечностью по собственному корпусу:

— Странно. В последнее время большие корабли не прибывали. Теперь-то известие о войне достигло самых далеких систем. Йеллоустон — не та вожделенная цель, какой был раньше.

Антуанетта пожала плечами:

— Если сомневаетесь, переговорите с хосписом. Мне лишь известно, что им нужен клиент, и я его везу.

Робот вытянул манипулятор с чем-то похожим на видеокамеру, поднес к окошку.

— Да, это определенно мужчина, — заключил он таким тоном, словно сообщал важную новость. — И он находится в глубоком анабиозе. Вы позволите мне глянуть на панель управления поближе? Если возникнут проблемы, я без труда организую вам эскорт, вы в мгновение ока окажетесь в хосписе...

Не успела она ответить, придумать разумное возражение, а робот уже откинул тонированное стекло, склонился над панелью, уцепившись для устойчивости за балки грузовой решетки, и принялся методично сканировать дисплей.

Антуанетта похолодела. Показания индикаторов и дисплеев выглядели убедительно — но у любого, знакомого с криокапсулами, тут же родились бы подозрения. Параметры данных существенно отличались от свойственных обычным людям, находящимся в криогенной гибернации. А подозрения нетрудно подтвердить — вызвать несколько дополнительных показателей, обычно не отображающихся, и все станет ясно.

Робот, изучив показания, отодвинулся с удовлетворенным видом. Антуанетта опустила веки, ощутив тихую радость. Как оказалось, преждевременно. Робот снова придвинулся к контейнеру, вытянул тонкий манипулятор.

— Я бы на вашем месте не трогала это, — тихо предупредила она.

Робот проворно напечатал команду. Показания дисплея изменились, по экранам побежали корчащиеся ярко-голубые волновые пакеты, дрожащие гистограммы.

— Что-то не в порядке, — заметил робот.

— Что же?

— Похоже, человек в контейнере уже мертв...

Внезапно связь заполонил мощный басовитый голос:

— Юная леди, прошу прощения...

Антуанетта чертыхнулась вполголоса. Наказала же Зверю молчать, пока робот на борту. Но, возможно, это и к лучшему, что Зверь

решил пренебречь запретом. Ситуация повернулась не лучшим образом.

— Зверь, в чем дело?

— Юная леди, входящее сообщение. Прямая трансляция. Источник — хоспис «Айдлвилд».

Робот отдернулся от капсулы:

— А говорили, вы одна на корабле! Кто это?

— Я одна. Это всего лишь субличность корабля, Зверь.

— Так велите ему заткнуться. А передача с хосписа адресована не вам. Это ответ на мой отправленный ранее запрос.

— Юная леди, как с передачей? — прогудел голос.

— Черт возьми, да проигрывай скорее!

Она улыбнулась. Робот снова отдернул манипуляторы.

Зверь транслировал передачу прямо на визор шлема, и Антуанетте казалось, будто нищенствующая стоит посреди грузового отсека. Несомненно, пилот робота также видел передачу, проходящую через полицейский катер.

Нищенствующая сестра была из новых стариц. Как всегда, на Антуанетту произвел неприятное впечатление вид по-настоящему старого человека. Сестра носила белый накрахмаленный плат и орденскую рясу с орнаментальными снежинками — эмблемами хосписа. Она стояла, сложив на груди руки — морщинистые, в сеточке вен.

— Прошу прощения за задержку с ответом. Вы же знаете, наша сеть работает нестабильно. Впрочем, перейдем к формальностям. Я сестра Амелия, и я хочу подтвердить, что тело... замороженный индивидуум... находящийся на попечении мисс Бакс, является временной и весьма ценной собственностью хосписа «Айдлвилд» и святого ордена ледяных нищенствующих. Мисс Бакс оказывает неоценимую помощь по его немедленному возвращению...

— Но это мертвое тело! — возразил полицейский.

— И ввиду того мы были бы чрезвычайно благодарны за минимально возможное вмешательство со стороны властей, — невозмутимо продолжала сестра. — Ранее мы неоднократно прибегали к услугам мисс Бакс и сейчас выражаем полное удовлетворение их качеством. — Сестра улыбнулась. — Полагаю, Феррисвильская конвенция понимает необходимость сдержанности и непубличности в подобных делах. В конце концов, нам необходимо заботиться о репутации.

Изображение нищенствующей замерцало, затем исчезло.

Антуанетта пожала плечами:

— Видите? Я не лгала вам.

Робот направил на нее датчик:

— Здесь происходит что-то ненормальное. С медицинской точки зрения, в капсуле лежит мертвое тело.

— Я же говорила вам: капсула — музейная древность. Контрольная панель барахлит, только и всего. Было бы до крайности глупым везти мертвеца в криокапсуле, согласитесь.

— Я еще разберусь с этим, — пообещал робот.

— Отлично, разбирайтесь! Но, как я понимаю, на сегодня у вас все? Вы же слышали, что сказала милая женщина из ордена нищенствующих? «Мы были бы чрезвычайно благодарны за минимально возможное вмешательство со стороны властей». Кажется, именно так и выразилась. Очень важно и официально.

Она протянула руку и захлопнула стеклянную крышку над контрольной панелью.

— Не знаю, что тут к чему и в какие игры вы играете, но разберусь, — пообещал полицейский. — Уж в этом не сомневайтесь.

— Ну и чудесно. — Она улыбнулась. — Желаю успеха. А сейчас, пожалуйста, убирайтесь с моего корабля.

После ухода полиции Антуанетта держалась прежнего курса еще час, делая вид, что направляется в хоспис. Затем резко повернула — и скривилась, увидев, сколько на это потребовалось топлива. Еще через час покинула зону, на которую распространялась юрисдикция Феррисвильской конвенции, оставила Йеллоустон и окружающее его кольцо анклавов. Полиция больше не пыталась ее остановить, но это и неудивительно. Слишком много потребуется топлива. Здесь чужая территория. И не просто чужая — зона боевых действий. Велика вероятность того, что преследующая непонятные цели Антуанетта Бакс скоро превратится в труп. К чему полиции суетиться зря?

На этой оптимистической ноте Антуанетта составила и отослала полное завуалированных намеков письмо хоспису. Благодарила за помощь и, как всегда делал отец в подобных обстоятельствах, обещала не оставить без ответа просьбу хосписа о помощи.

Вскоре от сестры Амелии пришел ответ: «Удачного и скорого перелета! Благослови тебя бог, Антуанетта! Джим гордился бы тобой».

«Надеюсь», — подумала Антуанетта.

Следующие десять дней прошли непримечательно. Корабль функционировал безупречно, даже не приставал с напоминаниями о мелких поломках, которые следовало бы устранить. Однажды на самом краю радарной досягаемости промелькнула пара теней — едва заметных, маскирующихся, подкрадывающихся. Баньши. На всякий случай подготовила оборонные системы, а потом заложила маневр уклонения от абордажа, продемонстрировав противнику, насколько тяжело будет пристыковаться к «Буревестнику». Обе тени исчезли — вероятно, отправились искать добычу полегче.

За исключением этого небольшого приключения, десяток дней Антуанетта скучала. Делать нечего, ешь да спи — а спать она старалась как можно меньше, чтобы только с ног не валиться от недосыпания. Сон приходил один и тот же, тревожный и пугающий: пауки выволакивали ее из подбитого горящего лайнера, дрейфующего между поселениями Ржавого Пояса, везли на свою базу в сердцевине кометы на краю системы. Там раскалывали череп, совали блестящие металлические приборы в дрожащий серый студень мозга. И вот, когда до превращения в паука всего ничего, когда память на пороге стирания, голова напичкана имплантатами, а разум вот-вот навсегда привяжется к коллективному сознанию пауков, являются зомби. Стая клиновидных штурмовых кораблей вламывается в комету, выстреливает вращающиеся, со спиральной нарезкой буры, которые плавят лед, прокладывают тоннели до самых логовищ пауков. Из кораблей высыпают доблестные воины в красной броне, несутся сумрачными тоннелями, истребляют пауков с поразительной точностью, приученные не тратить зря ни единой пули, дротика либо энергетической емкости. Симпатичный зомби-новобранец выносит Антуанетту из допросно-индоктринационной комнаты, применяет экстренные медицинские процедуры, чтобы очистить мозг от машин, чинит череп и наконец погружает ее в целебную кому на долгий срок путешествия в центр системы, в гражданский госпиталь. Когда Антуанетту замораживают, он сидит рядом, держа за руку.

И почти всякий раз во сне происходила одна и та же дрянь. Чертовы зомби заражали ее пропагандистским сном. Хотя Антуанетта принимала рекомендованные средства, толком прочистить мозги никак не удавалось. Впрочем, стараться не особо хотелось.

Когда же не снилась демархистская пропаганда, приходили грустные сны об отце.

Антуанетта знала: пропаганда демархистов подчас расходится с истиной. Но лишь в деталях. Никто не сомневался в том, что́ со-

членители проделывают со своими несчастными пленниками. Но, конечно же, попасть в лапы к демархистам — тоже далеко не сахар.

Бои идут далеко отсюда, хотя формально «Буревестник» находится в зоне военных действий. Антуанетта специально выбрала маршрут в обход тех мест, где недавно бушевали сражения. Время от времени она замечала далекие вспышки — свидетельства чудовищных схваток в световых часах от «Буревестника». Но вспышки эти казались нереальными — лишь напоминания об окончившейся войне, не разрушавшие иллюзию мирного межпланетного рейса. Впрочем, воображаемое было не так уж далеко от реальности. Все независимые наблюдатели соглашались: конец войны не за горами. Зомби проигрывают на всех фронтах. А пауки с каждым месяцем напирают все сильнее, продвигаются все ближе к Йеллоустону.

Но хотя исход войны ясен, она еще не закончилась, и риск оказаться ее случайной жертвой весьма велик. Тогда уж точно выяснишь, насколько правдив пропагандистский сон.

Антуанетта размышляла об этом, направляясь к Мандариновой Мечте — юпитероподобной планете, самой большой в системе Эпсилона Эридана. Приближалась с максимальным ускорением — три *g*. Двигатели «Буревестника» надрывались. Газовый гигант предстал впереди зловещей бледно-оранжевой громадой — раздутый, сулящий перегрузки. Вокруг гиганта висели охранные спутники, уже зафиксировавшие чужой корабль и засыпавшие предупредительными сообщениями, одно другого грознее.

— Это спорное пространство! Вы нарушаете...

— Юная леди, вы уверены? При всем уважении к вашим навигаторским талантам, не премину заметить: выбранная вами траектория для выхода на орбиту совершенно не годится.

Антуанетта скривилась — при трех *g* нормально улыбнуться трудно.

— Зверь, я знаю. У меня есть причина. Мы не выходим на орбиту, а погружаемся в атмосферу.

— В атмосферу?!

— Да.

Зверь мучительно думал; Антуанетта будто слышала, как ворочаются ржавые шестеренки, извлекая на свет забытые, не использовавшиеся десятилетиями программные процедуры.

Корабельный мозг, пристанище Зверя, лежал в охлажденном цилиндрическом контейнере размером примерно со шлем скафандра.

Антуанетта видела его лишь дважды, когда в ходе капитального ремонта вместе с отцом перебирала аппаратуру в носу корабля. Облачившись в тяжелые перчатки, отец вынул контейнер из шахты. Оба смотрели на вместилище Зверя чуть ли не с благоговением.

— Я не ослышался, вы сказали «в атмосферу»? — переспросил Зверь.

— Знаю, это не слишком обычное дело для «Буревестника».

— Юная леди, вы абсолютно уверены?

Она вынула из нагрудного кармана клочок бумаги — овальный, с истрепанными краями, со сложным рисунком, выполненным сверкающими золотой и серебряной красками. Погладила, словно талисман.

— Да, Зверь, абсолютно. Я больше ни в чем так не уверена.

— Хорошо, юная леди.

Зверь понял, что попытки разубедить результата не дадут, и занялся приготовлениями к полету сквозь атмосферу.

Диаграммы на пульте показывали: внешние датчики, кронштейны и манипуляторы втягивались внутрь, люки и иллюминаторы закрывались, — надо было сделать корпус как можно более гладким. Процесс занял несколько минут. Но и после него «Буревестник» не вполне годился для атмосферных полетов. Конечно, некоторые узлы на внешних балках без проблем перенесут погружение в газовый гигант, но часть стыковочной аппаратуры, подвешенной на кронштейнах, трения об атмосферу не выдержит. Придется «Буревестнику» обходиться без нее.

— Слушай внимательно: где-то в подвалах твоей памяти должны храниться процедуры для полета в атмосфере. Папа мне рассказывал про них однажды, так что не делай вид, будто впервые слышишь.

— Постараюсь локализовать соответствующие подпрограммы как можно быстрее.

— Хорошо, — кивнула она, воодушевившись.

— Тем не менее хочется спросить: отчего об этих подпрограммах не упоминалось ранее?

— Если б ты знал, что у меня на уме, из кожи бы вылез, отговаривая.

— Вот оно как.

— Не изображай обиду, пожалуйста. Я всего лишь постаралась обойтись без лишних хлопот.

— Как пожелаете, юная леди. — Зверь выдержал паузу — чтобы Антуанетта осознала свою вину и устыдилась.

— Процедуры локализованы. Со всем уважением отмечаю: в последний раз их задействовали шестьдесят три года назад. С тех пор корпус претерпел ряд модификаций, что может ограничить эффективность применения...

— Отлично. Я уверена: ты сможешь импровизировать, если придется.

И все же окунуть предназначенный для межпланетного вакуума корабль, пусть и отлично бронированный и обтекаемый, нырнуть в атмосферу, пусть и в верхние слои оболочки газового гиганта, — дело непростое. В лучшем случае отделаешься тяжелыми повреждениями корпуса. Хорошо, если они не помешают добрести домой, в Ржавый Пояс. В худшем случае просто не вырвешься из атмосферы.

А с кораблем неизбежно погибнет и мисс Антуанетта Бакс.

Ну что ж, хоть одно тут утешение: если разобьется корабль, не придется рассказывать печальную новость Ксавьеру.

В общем, нет худа без добра.

Контрольная панель пискнула.

— Зверь, это именно то, о чем я подумала?

— Юная леди, это весьма вероятно. Радарный сигнал, восемнадцать тысяч километров, три градуса прямо по курсу, два градуса по эклиптике к галактическому северу.

— Вот же мать его! Это не маяк? Не орудийная платформа?

— Юная леди, объект слишком большой.

Тут уж особо задумываться не пришлось. Сигнал означал: между «Буревестником» и гигантом, на полпути к атмосфере, чужой корабль.

— Что можешь сказать о нем?

— Юная леди, он двигается медленно, держит курс на атмосферу. Похоже, хочет исполнить тот же маневр, что и вы, хотя летит быстрее на несколько километров в секунду. Он войдет в атмосферу под гораздо более крутым углом.

— Похоже на корабль зомби? — быстро проговорила Антуанетта, стараясь убедить себя, что это кто угодно, только не зомби.

— Юная леди, тут гадать не приходится. Корабль сфокусировал передачу на нас. Протокол передачи демархистский.

— Да какого черта они вздумали фокусировать на нас?

— Со всем уважением, юная леди, — выясняйте сами.

Передача фокусированным пучком — ненужная роскошь, когда корабли так близко. Обычная радиопередача сработала бы не хуже. Кораблю зомби не пришлось бы нацеливать трансляционный лазер на движущийся «Буревестник».

— Сообщи о приеме, — приказала Антуанетта. — Можем мы сфокусироваться на них?

— Юная леди, для этого нужно заново выдвигать только что убранное.

— Так выдвигай... но не забудь потом снова убрать.

Она услышала шум — кронштейн с лазером снова выбрался наружу. Последовал скоротечный обмен протоколами, и вдруг перед Антуанеттой возникло женское лицо. Как ни странно, незнакомка выглядела даже более издерганной и утомленной, чем хозяйка «Буревестника».

— Здравствуйте, — сказала Антуанетта. — Вы меня тоже видите?

Женщина едва заметно кивнула. В ее глазах плескалась едва сдерживаемая, долго копившаяся ярость — точно напиравшая на дамбу вода.

— Да, я вижу вас!

— Я не ожидала никого тут встретить, — осторожно произнесла Антуанетта. — Но на всякий случай решила ответить по фокусированному лучу.

— Можно было и не беспокоиться!

— Не беспокоиться?

— После того, как нас высветил ваш радар!

Женщина посмотрела вниз, и ее бритый череп блеснул синевой. Она казалась ненамного старше Антуанетты, но о возрасте зомби очень трудно судить по внешности.

— А-а... Я сделала что-то не так?

— Да, потому что мы пытаемся спрятаться. Не знаю, зачем вы здесь, и, честно говоря, мне наплевать. Предлагаю отказаться от затеянного. Эта планета в спорном пространстве. А значит, я имею полное право разнести вас в клочья.

— Да у меня никаких проблем нет и не было с зом... пардон, с демархистами!

— Очень приятно слышать! А теперь разворачивайтесь.

Антуанетта снова посмотрела на овальный клочок бумаги, вынутый из нагрудного кармана. Рисунок на нем изображал космонавта в древнем скафандре, со складками гармошкой на месте суставов,

поднявшего бутылку на уровень глаз. Воротник, где должен присоединяться шлем, был обозначен сверкающей серебряной полосой. Космонавт улыбался, глядя на бутылку. Там золотисто мерцала жидкость.

Антуанетта решила: не время поворачивать. Время твердо стоять на своем.

— Назад я не поверну. Но обещаю ничего не украсть с планеты. Не собираюсь приближаться к вашим обогатительным фабрикам и прочему в том же роде. Я даже люки не раскрою. Нырну и вынырну, только и всего.

— Прекрасно. Я очень рада это слышать. Проблема в том, что обещать нужно не мне.

— Не вам?

— Нет, конечно. — Женщина ободряюще улыбнулась. — Кораблю за вашей спиной, который вы, похоже, еще не заметили.

— За спиной?

Женщина кивнула:

— У вас пауки на хвосте.

Вот тогда Антуанетта поняла: пришла настоящая беда.

ГЛАВА 2

Сигнал тревоги застиг Скади втиснувшейся между двумя округлыми черными глыбами машин. Датчик зарегистрировал изменение позиции корабля, переход в состояние максимальной готовности к отражению атаки. Едва ли можно назвать это фундаментальной проблемой, но она требовала немедленного внимания.

Скади отсоединила компад, оптоволоконные кабели-выходы скользнули внутрь прибора. Прижала ровную пластину гаджета к животу — и та немедленно зафиксировалась, сцепилась с усиленной, подбитой смягчающим слоем тканью черного платья. Коммуникатор немедленно принялся транслировать собранные данные, записывать в долговременную память Скади.

Она ползла в узком проходе между машинами, изгибаясь, ввинчиваясь в теснейшие проходы. Через двадцать метров достигла выходного люка, небольшого круглого отверстия в стене. Близ него

сосредоточилась в полной неподвижности — даже цветные переливы на гребне прекратились. Сеть имплантатов в мозгу не зарегистрировала ни одного сочленителя в радиусе пятидесяти метров и подтвердила: все наблюдательные системы в коридоре не заметят появления Скади.

Но все равно она двигалась с чрезвычайной осторожностью, осматривалась — словно кошка, обследующая незнакомую территорию.

Вблизи никого не оказалось.

Вот она миновала отверстие в стене, затем мысленно приказала — и проем исчез без следа. Только Скади знала, где находятся входные люки, и открывались они только перед ней. Клавэйн, даже если бы заметил присутствие скрытых машин, не сумел бы отыскать путь к ним. А примени он грубую силу, чтобы проломиться, — машины самоуничтожились бы.

Пока еще корабль находился в свободном падении. Должно быть, приближался к преследуемому вражескому судну. Отсутствие веса было на руку Скади. Она прыгала по коридору, отталкиваясь в нужных местах всеми четырьмя конечностями. Двигалась экономно и точно — словно распоряжаясь силой тяжести по собственному усмотрению.

— Скади, доложите обстановку.

Послания от Ночного совета всегда приходили неожиданно. Скади, давно к этому привыкнув, не пугалась и не терялась.

— Ничего экстраординарного. Мы задействовали лишь немногие способности этих машин. Пока все в порядке.

— Хорошо. Конечно, следует провести расширенное тестирование.

Скади ощутила прилив раздражения.

— Я уже говорила вам: сейчас присутствие нашей аппаратуры может быть обнаружено только путем тщательных измерений. А это позволяет нам тестировать под прикрытием обычных военных операций.

Скади подлетела к развилке, оттолкнулась, понеслась к рубке. Заставила себя успокоиться, отрегулировала телесную химию.

— Я согласна: прежде чем приступить к оснащению флота, нужно провести более обширные и тщательные испытания. Но это означает риск разглашения. Многие смогут узнать о нашем технологическом прорыве. И не только в Материнском Гнезде.

— Разумное возражение. И не стоит напоминать нам о риске разглашения лишний раз. Мы просто констатируем факт. Каким бы ни был риск, испытания необходимы. И провести их нужно как можно скорее.

Скади проплыла мимо сочленителя. На ходу заглянула в его мозг, окинула взглядом поверхностную мешанину недавних впечатлений и эмоций. Ничего интересного либо полезного для операции. Под мутной поверхностью лежали слои памяти, мнемонические структуры, погруженные в опалесцирующий сумрак, словно огромные затонувшие обелиски. Все открыто — просеивай, изучай. И снова ничего интересного. На самом дне она обнаружила пару интимных воспоминаний. Сочленитель думал, что Скади не сумеет их прочесть. Подмывало перестроить поставленную сочленителем блокаду, завладеть парой дорогих воспоминаний, спрятать их от хозяина. Но Скади справилась с искушением. Достаточно знать, что она способна на такое.

Мужчина послал в ее мозг запрос — и поспешно отпрянул, встретив яростное отрицание доступа. Бедняга интересовался: почему на борту находится член Узкого совета?

Забавно. Этот типчик знал о существовании Узкого совета и, наверное, догадывался о сверхсекретной главенствующей группе в совете, о Внутреннем святилище. Но он наверняка не подозревал о существовании Ночного совета.

Встречный остался за спиной. После мимолетного контакта оба отправились по своим делам.

— Скади, вы сомневаетесь?

— Конечно сомневаюсь! Мы играем с огнем, способным пожрать нас всех! Я бы не спешила в него бросаться.

— Скади, волки ждать не станут.

Она разозлилась. Зачем напоминать о том, что и так не оставляет ни днем ни ночью? Страх может подстегнуть и добавить энтузиазма, но всему есть предел. Как говорится, манхэттенский проект не за день строился. Или это говорилось про Рим? В любом случае что-то связанное со старушкой Землей.

— Я про них не забыла!

— Отлично, Скади. И мы тоже. И мы очень сомневаемся, что волки забыли о нас.

Она почувствовала, что Ночной совет отключился, ушел в крошечный, не поддающийся обнаружению участок мозга — ждать до следующего контакта.

Скади явилась в рубку «Паслена», ощущая, что гребень пульсирует яркими переливами алого и розового.

Рубка — круглая комната без окон в самом центре корабля — была просторна, свободно вмещала пять-шесть сочленителей. Но сейчас там находились лишь Клавэйн и Ремонтуар — как и в тот момент, когда Скади уходила отсюда. Оба покоились, закрыв глаза и сложив на груди руки, в амортизационных гамаках посреди сферы, погруженные в поток данных с корабельных систем. Выглядели они до смешного умиротворенными.

Скади подождала, пока рубка выбросит сеть гибких контактов, сплетет защитный гамак для новой гостьи. Лениво прощупала разумы коллег. Мозг Ремонтуара был открытой книгой, даже барьеры на пути к информации, полученной от Узкого совета, казались опознавательными метками, а не глухими стенами. Его разум был словно город из стекла, тут и там тонированного, но всегда прозрачного. Одним из первых ухищрений, каким научил Ночной совет, был способ проходить сквозь барьеры членов Высшего совета. Когда Скади присоединилась к нему сама, умение очень пригодилось. Не все члены Узкого совета имели доступ к тайнам — в конце концов, существовало еще и Внутреннее святилище. Но от Скади не укрывалось ничто.

Однако разум Клавэйна оказался на удивление непрозрачным. Это злило ее, восхищало, будоражило и наполняло отвращением. Его нервные имплантаты были намного старше, чем у любого другого сочленителя. Клавэйн не позволял усовершенствовать свою нервную сеть. Немалая часть его мозга вовсе не была охвачена сетью, нервные связи оставались редкими, распределенными неэффективно. Конечно, поисковые алгоритмы Скади могли извлечь данные из тех элементов, которые входили в сеть имплантатов, — но и это на деле оказывалось непросто. Поиск в мозгу Клавэйна — все равно что раскопки в библиотеке, побывавшей в эпицентре смерча. Пока отыщешь нужное, оно безнадежно устареет.

Тем не менее Скади сумела узнать многое. С возвращения Галианы прошло уже десять лет, но Клавэйн все еще не обнаружил правды о случившемся.

Это если верить результатам чтения его разума.

Как и все в Материнском Гнезде, он знал: в глубинах космоса корабль Галианы повстречался с враждебным чуждым разумом, с машинами, которых люди прозвали волками. Они проникли на корабль,

сумели прочесть, уничтожив притом разумы людей. Галиану пощадили, ее тело сохранилось — но в мозгу осталась внедренная волками структура.

Чего Клавэйн не знал и даже не подозревал до сих пор, так это того, что Галиана пришла в сознание и пребывала в здравом уме и твердой памяти, пока ее рассудком не овладел волк, заговоривший ее устами. В себя Галиана приходила не раз.

Скади вспомнила, как сказала праматери всех сочленителей, что Клавэйн и Фелка мертвы. Решиться на ложь было непросто. Как и все сочленители, Скади глядела на Галиану с благоговейным трепетом. Эта женщина породила сочленителей и многие годы возглавляла их. Однако Ночной совет напомнил: долг по отношению к Материнскому Гнезду важнее чувства благодарности к Галиане. Долг же перед Гнездом заключался в том, чтобы максимально использовать периоды умственной ясности Галианы и узнать как можно больше о волках. А значит, не следовало тревожить Галиану сверх необходимого. Хотя ложь далась нелегко и стала причиной стресса, Ночной совет заверил: с течением времени все обернется к лучшему.

Постепенно Скади поняла суть: ведь лгала-то на самом деле она не Галиане, но лишь ее тени, призраку былого величия. А одна ложь естественным образом влекла другую, и потому Клавэйн и Фелка так и не узнали о разговорах с праматерью.

Скади прекратила попытки внедриться, установила обычный уровень общения. Предоставила Клавэйну доступ к лежащим на поверхности воспоминаниям, ощущениям и эмоциям — вернее, к тщательно отредактированным их версиям. В то же время Ремонтуар видел в разуме Скади именно то, что ожидал увидеть, — опять же подправленное и модифицированное в соответствии с ее целями.

Амортизационный гамак подтянул ее к центру комнаты-сферы, к двум уже находящимся там сочленителям. Скади сложила руки на изогнутой поверхности компада, который нашептывал полученные данные в долговременную память.

Клавэйн подал голос:

— Скади, приятно видеть тебя рядом.

— Клавэйн, я ощутила изменения в статусе боеготовности. Это имеет отношение к кораблю демархистов?

— Дела обстоят даже интереснее. Взгляни сама.

Клавэйн предложил ей подключиться к сенсорной сети корабля. Скади так и сделала, приказав имплантатам направлять информацию на ее сенсорику, используя стандартные фильтры и параметры.

Приятное мгновение — мимолетное ощущение выхода из собственного тела. Оно вместе со спутниками, рубкой, огромным угольно-черным конусом корабля растворилось, стало ничем.

Газовый гигант висел впереди, исчерченный постоянно меняющейся, сложнейшей сетью запретных зон и фарватеров. Вокруг по тесным прецессионным орбитам крутилось сонмище орудийных платформ и спутников слежения. Чуть ближе виделся демархистский корабль, преследуемый «Пасленом». Вражеская машина уже вошла в верхние слои атмосферы и начала разогреваться. Капитан рискнул нырнуть в атмосферу, надеясь спрятаться внизу, в нескольких сотнях километров под облаками.

Скади поняла: этот риск рожден отчаянием.

Проходы сквозь атмосферу опасны даже для судов, сделанных в расчете на погружение в газовые гиганты. Капитану приходится тормозить перед погружением, и возвращаться также нужно медленно. Выгоды от пребывания в атмосфере малы. Спрятаться в облаках можно лишь в том случае, если датчики преследователя не способны отследить добычу, а шансы на это невелики. К тому же за движением беглеца могут проследить спутники, обращающиеся по низким орбитам, и плавающие в атмосфере роботы-разведчики. Кроме сомнительной маскировки, единственная выгода погружения — дозаправка.

В первые годы войны обе стороны использовали антивещество как главный источник энергии. Сочленители с их спрятанными на краю системы фабриками производили и хранили антиматерию в достаточных для военных действий количествах. Было общеизвестно, что им доступны и более мощные источники энергии. Демархисты уже десятилетие не могли производить антиматерию в нужных количествах, они вернулись к термоядерному синтезу. Для него требовался водород, который лучше всего добывать в океанах на газовых гигантах, где он уже сжат до металлического состояния. Но обычно заправка происходила так: корабль выдвигал топливные насосы, забирал и сжимал водород из атмосферы, а иногда даже нырял в жидкий водородный океан, лежащий поверх оболочки из металлического водорода, которая окружала каменное ядро газового гиганта.

Однако для поврежденного в бою корабля это рискованный маневр. Скорее всего, капитан надеялся, что субсветовику не придется самому собирать водород. Рассчитывал встретить танкер, управляемый мозгом китообразного. Их много скиталось в атмосфере, зани-

маясь сбором и обогащением топлива, уныло крутясь в турбулентностях. Танкер снабдит обработанным металлическим водородом, который служит и топливом, и взрывчаткой.

Погружение в атмосферу — отчаянная игра. Но все же шансы на успех ненулевые — в отличие от бессмысленного бегства в пространстве от сильнейшего и быстрейшего противника.

Скади оформила мысль и поделилась ею с коллегами:

— Я восхищена решимостью капитана. Но это ему не поможет.

Клавэйн ответил сразу:

— Не ему, а ей. Мы перехватили ее фокусированную на другой корабль передачу. Они проходили сквозь край пылевого кольца. Концентрация пыли оказалась достаточной, чтобы нам удалось уловить рассеянную часть сигнала.

— А гражданское судно?

Ответил Ремонтуар:

— Едва заметив его выхлоп, мы заподозрили, что это каботажник из Ржавого Пояса. Так оно и оказалось. Прочее остается неясным.

Ремонтуар предоставил свой канал данных. Скади приняла его предложение с благодарностью.

В ее воображении возник размытый образ каботажника, понемногу делающийся более четким — словно дорисовывался на глазах набросок. Судно вдвое меньше «Паслена», типичный внутрисистемный грузовик, построенный век либо два назад. Несомненно, до эпидемии. Корпус, похоже, когда-то имел обтекаемые очертания и был рассчитан на посадку на Йеллоустоне либо на других планетах с атмосферой. Но теперь из корпуса торчало столько надстроек и выступов, что он походил на рыбу, подвергшуюся некой редкой рецессивной мутации. На оболочке тут и там мерцали загадочные символы, перемежаемые обширными кусками глухого металла в местах, где корпус ремонтировался.

Ремонтуар предугадал вопрос, сообщив:

— Это «Буревестник», зарегистрированный в «карусели» Новый Копенгаген, в Ржавом Поясе. Владелец и капитан — Антуанетта Бакс. В обеих ролях она всего лишь месяц. Предыдущий владелец — Джеймс Бакс, вероятно родственник. Что с ним случилось, неизвестно. Согласно архиву, семья Бакс владела кораблем задолго до войны, возможно и до эпидемии. Бизнес — обычная смесь законных и маргинально законных сделок. Несколько небольших правонарушений,

одна-две незначительные стычки с полицией Феррисвильской конвенции. Но ничего заслуживающего ареста, даже по законам военного времени.

Скади ощутила, как где-то в необозримой дали ее тело кивнуло, выражая согласие. Пояс жилых спутников вокруг Йеллоустона издавна содержал целый флот транспортов: от современных, скоростных и маневренных, для грузов подороже, до неторопливых, дешевых, с термоядерными или ионными двигателями; эти суда выполняли работу без лишних формальностей. Даже после эпидемии, превратившей некогда знаменитый Блистающий Пояс в Ржавый, для разномастных торговцев нашлось место — конечно, для тех, кому хватило смелости и умения его занять. Требовалось обходить карантины и заключать сделки с новой клиентурой, родившейся на дымящихся руинах демархистского правления. Среди этих клиентов попадались и такие, с которыми не хотелось иметь дело во второй раз.

Скади не знала ничего о семействе Бакс, но полагала, что оно добилось процветания после эпидемии — и, возможно, преуспело еще больше в войну. Теперь можно проходить сквозь блокады и кордоны, помогать агентам противоборствующих сторон в их шпионской деятельности. И не важно, что Феррисвильская конвенция, управляющая делами Йеллоустона и окрестностей, — один из наименее толерантных режимов в истории. Хотя наказания за нарушение законов были суровыми, всегда находились готовые платить за риск.

Таким образом, Скади нарисовала для себя почти исчерпывающий психологический портрет Антуанетты Бакс. Осталось непонятным, что она делает так далеко в зоне военных действий? И если задуматься, почему она еще жива?

— Капитан демархистов разговаривала с ней? — спросила Скади.

— Предупредила ее, велела уходить, угрожала карами за непослушание, — ответил Клавэйн.

— И она послушалась?

Клавэйн направил Скади данные о курсе и положении каботажника. Он шел прямиком в атмосферу газового гиганта, как и корабль демархистов перед ним.

— Предупреждать в такой ситуации бессмысленно. Капитану следовало просто уничтожить гражданское судно за вторжение в спорное пространство.

— Капитан и грозила уничтожением, — ответил Клавэйн. — Но Бакс проигнорировала. Заверила, что не собирается красть водород, но недвусмысленно дала понять: разворачиваться не собирается.

— Это чрезмерная отвага или крайняя глупость?

— Скорее всего, простая удача, — возразил Клавэйн. — Очевидно, у капитана нет средств выполнить обещанное. Наверняка она истратила последнюю ракету в недавнем бою.

Скади обдумала узнанное, предугадывая очевидное предложение Клавэйна. Если корабль демархистов действительно безоружен, это легкая цель для абордажа. Естественно, капитан пытается всеми силами скрыть беспомощность от «Паслена». Даже на этой стадии войны на вражеском борту может отыскаться ценная информация. Добавим к этому возможность захвата и вербовки команды.

— Полагаете, капитан надеялся, что каботажник подчинится приказу?

Скади уловила согласие Клавэйна до того, как прибыла его мысль.

— Да. После того как Бакс высветила радаром корабль демархистов, его капитану ничего другого не оставалось, как выйти на связь. Обычной реакцией на поведение гражданского транспортника была бы ракета, выпущенная на поражение. Капитан демархистов имела право на это. Но она имела право и просто предупредить. Однако Бакс не послушала — и вынудила капитана раскрыть свою беспомощность. Подкрепить угрозу ей нечем.

— Клавэйн прав, — подтвердил Ремонтуар. — Ее арсенал пуст. И теперь мы это знаем.

Скади поняла, что́ оба задумали. Хотя демархистский корабль уже нырял в атмосферу, он оставался досягаем для снарядов «Паслена». Вероятность поражения не стопроцентная, но высокая. Однако Клавэйн с Ремонтуаром не хотят сбивать врага. Они предпочитают дождаться, когда враг вынырнет, тяжело нагруженный водородом, медлительный, но вооруженный не лучше прежнего, и взять на абордаж. Выкачать данные из баз, завербовать команду.

— Я не могу разрешить абордажную операцию, — возразила Скади. — Риск нанести ущерб «Паслену» перевешивает все мыслимые выгоды.

Тут же она почувствовала, как Клавэйн пытается прощупать ее разум.

— Скади, что делает «Паслен» столь драгоценным? Почему я об этом не знаю?

— Клавэйн, эта информация — прерогатива членов Узкого совета. У вас была возможность присоединиться к нему.

— Но даже если бы он и присоединился, по-прежнему не знал бы всего, — заметил Ремонтуар.

— Вам же известно, что я здесь по делам Узкого совета, — огрызнулась Скади, злясь. — И для меня важны лишь они!

— Я член Узкого совета, но даже я не знаю, что вы здесь делаете. Это секретная операция, инспирированная святилищем?

Скади подумала с досадой, что ей бы работалось куда проще, не будь необходимости возиться со стариками-сочленителями.

— Да, это очень ценный корабль. Прототипы всегда ценны. Но вы ведь знаете о его свойствах. Нелепо было бы потерять его в случайной стычке.

— Похоже, этим его ценность не исчерпывается.

— Возможно. Но сейчас не время это обсуждать. Подготовьте ракетный залп по вражескому субсветовику. А затем по транспорту.

— Нет. Мы подождем, пока оба вынырнут из атмосферы. Тогда и атакуем — если они выживут, конечно.

— Этого я позволить не могу.

Скади надеялась, что до крайностей дело не дойдет, но Клавэйн вынуждал к решительным мерам. Она сосредоточилась, затем ввела в сеть сложную последовательность команд. Ощутила ответ: боевые системы признали первостепенность ее доступа и подчинились. Контроль в быстроте и точности уступает контролю над ее собственными машинами, но и этого достаточно. Ведь задача всего лишь запустить несколько ракет.

— Скади?!

Должно быть, это мысль Клавэйна. Он понял, что управление оружием перехвачено. Она почувствовала его удивление. Разве возможен такой перехват? Скади задала цели, и ракеты с ищущими цель боеголовками вздрогнули в шахтах.

— Скади, прекрати, — спокойно произнес голос в ее голове.

Ночной совет.

— Что?

— Верни контроль над арсеналом. Сделай, как желает Клавэйн. В конце концов, это обернется нам на пользу.

— Нет, но я...

Голос Ночного совета сделался пронзительным:

— Скади, верни контроль!

Униженная и разозленная, Скади выполнила приказ.

Антуанетта подошла к гробу отца. Контейнер был принайтован к решетке грузового трюма, зафиксирован в том же месте, где находился и во время визита робота-полицейского. Девушка положила руку, одетую в перчатку скафандра, на крышку контейнера. Сквозь стекло виднелся профиль отца. Очевидное фамильное сходство — хотя возраст и гравитация отчасти исказили черты, будто хотели превратить их в мужеподобную карикатуру на лицо Антуанетты. Глаза закрыты, выражение, насколько можно разобрать, спокойное, почти скучающее. Это характерно для отца — дремать в самые острые моменты. Вспомнилось, как сочный храп разносился по всей летней палубе. Однажды дочь подловила старика: он лишь притворялся спящим, подглядывал сквозь ресницы. Отец любил наблюдать, как Антуанетта управляется с полетными неожиданностями. Знал, что рано или поздно ей придется все делать самой.

Антуанетта проверила крепежи. Все в порядке, ничто не ослабло и не сместилось в ходе недавних маневров.

— Зверь?

— Что такое, юная леди?

— Я в трюме.

— Юная леди, я знаю. И это меня тревожит.

— Пожалуйста, уменьши скорость. Перейди на дозвуковую. Когда сделаешь, сообщи.

Она заранее приготовилась услышать возражения, но их не последовало. Корабль наклонился. Подступила легкая тошнота — мозг пытался совладать с одновременными ощущениями падения и замедления. «Буревестник» не был способен планировать, его корпус практически не производил подъемную силу. Поддерживала судно лишь тяга, направленный вниз выхлоп двигателей. Небольшую подъемную силу обеспечивал трюм, огромный пузырь вакуума. Но глубоко с ним не погрузишься, придется пустить в него атмосферу.

Антуанетта очень хорошо понимала, что выжила чудом. Корабль демархистов должен был разнести ее в клочья, как и обещала его капитан. И преследующий корабль пауков должен был атаковать до нырка в атмосферу. Даже само погружение могло убить. Получилось не запланированное, осторожное, постепенное снижение, а отчаянная попытка нырнуть под облака, пробиться сквозь вихрь, область пониженного давления, созданную идущим впереди кораблем демархистов. Как только резкое снижение прекратилось, Антуанетта оценила повреждения, и те оказались скверными. Если даже и добе-

решься домой, к Ржавому Поясу (а это очень и очень маловероятно, в особенности если пауки поджидают снаружи), у Ксавьера будет работы на несколько месяцев.

Впрочем, это хоть удержит его от авантюр.

— Мы на дозвуковой, — отрапортовал Зверь.

— Отлично, — кивнула Антуанетта, в третий раз проверяя, как принайтовила себя к грузовой решетке, и просматривая показания датчиков скафандра. — А теперь, пожалуйста, открой грузовой люк номер один.

— Юная леди, один момент!

Рядом возникла ослепительно сияющая щель. Антуанетта прищурилась, затем опустила бутылочно-зеленый дополнительный визор шлема.

Щель расширилась. Затем поток ворвавшегося атмосферного газа ударил, придавил Антуанетту к балке решетки. С ревом он в пару секунд заполнил трюм, крутясь вокруг вихрем. Датчики скафандра проанализировали состав и выдали совет: не пытайся снять шлем. Давление превышало обычное земное, но газ был люто холодным и для человека смертельно ядовитым.

Атмосфера из страшных ядов с не менее страшными перепадами температуры — вот цена красивой яркой раскраски, видимой из космоса.

— Опусти нас еще на двадцать километров, — приказала Антуанетта Зверю.

— Юная леди, вы уверены?

— Мать твою, да!

Пол наклонился. Барометр скафандра отсчитывал давление: две атмосферы, три. Четыре — и это не конец. Хорошо бы «Буревестник», которого мощно плющит со всех сторон, не сложился и не облепил трюм на манер мокрого бумажного пакета.

«Что бы еще ни случилось, — подумала Антуанетта, — про гарантию на „Буревестник“ уже и разговора быть не может...»

Собравшись с духом, а вернее, подождав, пока пульс немного успокоится, Антуанетта шажок за шажком двинулась к люку, таща за собой контейнер. Процедура трудная — через каждую пару метров надо откреплять и закреплять найтовы заново. Но уж чего-чего, а терпения у девушки хватало.

Глаза приспособились к яркому свету и различили его серо-серебристый оттенок. Свет понемногу тускнел, он приобрел оттенок

железа, потом старой бронзы. Эпсилон Эридана — звезда неяркая, бóльшая часть ее света поглощается верхними слоями атмосферы. Если опуститься ниже, станет темно — как на океанском дне.

Но именно этого хотел отец.

— Зверь, держи «Буревестника» ровно. Я сейчас сделаю дело.

— Осторожнее, юная леди!

Грузовые люки имелись в самых разных местах судна. Этот был в судовом подбрюшье, смотрел вниз и назад. Антуанетта подобралась к самому краю, края подошв повисли над бездной. Боязно — однако страховка надежная. Сверху — темный потолок трюма, мягко скругляющийся к хвосту, а внизу — зияющая пустота.

— Папа, ты был прав, — проговорила Антуанетта очень тихо, чтобы Зверь не разобрал слов. — Это поразительное место.

— Юная леди?

— Зверь, все в порядке.

Антуанетта начала расстегивать крепления гроба-контейнера. Зверь держал судно хорошо. Оно лишь дернулось пару раз, качнулось вправо-влево, заставив девушку вздрогнуть от страха, а гроб — стукнуться о решетку. Установилась скорость гораздо меньше звуковой. «Буревестник», по сути, плыл, несомый ветром — но это и требовалось. За исключением одного-двух случайных порывов, за бортом царил штиль.

Контейнер почти освободился от креплений, он был готов лететь за борт. Отец выглядел усталым, будто прикорнул на диване после тяжелого дня. Бальзамировщики поработали отлично, ветхие, но еще функционирующие системы контейнера справились. Поверить трудно, что отец умер месяц назад.

— Пап, ну вот, — выговорила Антуанетта. — Мы уже прилетели. Добрались. Думаю, больше и говорить ничего не стоит.

Зверю хватило такта промолчать.

— Не знаю, правильно ли поступила... Ты говорил когда-то, что хочешь таких похорон, но ведь...

Она оборвала себя: «Молчи! Не смей опять мусолить! Решила так решила».

— Юная леди? — спросил Зверь с тревогой.

— Да?

— Я бы не советовал медлить.

Антуанетта вспомнила этикетку пивной бутылки. Сейчас вынуть ее не могла — но будто наяву видела ее во всех подробностях.

Антуанетта уже давно сняла наклейку с бутылки. Блеск золотой и серебряной краски потускнел со временем. Но в воображении они сияли как прежде. Этикетка дешевого, производимого огромными партиями пива для Антуанетты давно стала настоящей иконой. Тогда ей исполнилось то ли двенадцать, то ли тринадцать лет. Отцу удалось хорошо заработать, и он на радостях взял дочь с собой в бар, где собирались торговцы и перевозчики. Смутно помнились бесшабашное веселье, смех, рассказы об удивительных приключениях. А к концу вечера беседа пошла о том, кто отправился в последний путь и какой способ похорон лучше. Сперва отец помалкивал и улыбался, когда разговор переходил от серьезного к шутливому и обратно, смеялся хохмам и вычурным ругательствам. А потом, удивив дочь, заявил, что для него лучшая могила — атмосфера газового гиганта.

В другое время Антуанетта подумала бы: острит отец, высмеивает идеи приятелей. Но его тон, выражение лица сказали: это всерьез. Раньше он ни разу такое не обсуждал, но наверняка обдумывал, взвешивал, решал. И тогда дочь пообещала себе: если отец однажды умрет и ей придется его хоронить, она вспомнит высказанное в баре пожелание.

Шли годы, и так легко было воображать, что вот она, взрослая Антуанетта, исполняет давнюю клятву. Потому и думать о похоронах перестала — все же давно решено! Но вот отец умер, и настала пора исполнить детское обещание, пусть теперь и кажущееся безответственным, смешным и глупым. Но тем вечером в его голосе звучала такая убежденность... И пусть Антуанетта была еще ребенком, пусть ее мог обмануть нарочито серьезный вид отца — она поверила, поклялась себе. А значит, надо сделать дело — пусть и подвергая свою жизнь опасности.

Антуанетта открепила последние найтовы, подтолкнула гроб. Он на треть завис над пустотой. Один хороший толчок, и отец получит могилу, которую хотел.

Какая чушь, если вдуматься. За все годы после того разговора в баре он ни единожды не упомянул о своем желании быть похороненным в газовом гиганте. Но разве это важно? Ведь тогда он высказал искреннее, давно обдуманное. Отец не знал, когда умрет, и не мог привести дела в порядок заранее перед несчастным случаем. Не было повода объяснить дочери, что делать с останками родителя.

Да, это чушь... Но искренняя, идущая из глубины сердца.

Она столкнула гроб.

На мгновение он завис в потоке позади корабля, словно не желал начинать долгое падение в никуда. Затем медленно пошел вниз. Закрутился, тормозя в налетевшем вихре, остался позади. Вот он уже размером с мизинец, вот точка, отражающая слабый звездный свет, — она блеснула и потухла, канув в клубящихся облаках.

На доли секунды показалась снова — и скрылась навсегда.

Антуанетта прислонилась к балке. Не ожидала, что обещанные похороны дадутся так трудно, что потом навалится свинцовая усталость. Словно вся тяжесть атмосферных слоев легла на плечи. Она не ощущала больше горечи, не плакала — достаточно погоревала раньше. Придет время — заплачет снова. Обязательно. Никуда от того не деться. Но сейчас — только полное изнеможение.

Она закрыла глаза, простояла несколько минут.

Затем приказала Зверю задраить грузовой люк и отправилась в долгий путь назад, к летной палубе.

ГЛАВА 3

С удобной для обзора позиции в шлюзе Невил Клавэйн наблюдал, как раскрылся лепестковый люк в округлой части корпуса «Паслена». Высыпавшие наружу боевые роботы напоминали вшей-альбиносов: панцирные сегментированные корпуса со множеством членистых конечностей, датчиков, боевых систем. Они быстро добрались до вражеского корабля, уцепились за его конусовидный корпус ногами, снабженными адгезивными элементами. Затем засеменили по поврежденной оболочке, отыскивая шлюзы и прочие известные для данного типа кораблей слабые места.

Механизмы шныряли, словно жуки в поисках пропитания. Конечно, штурмовые роботы-скарабеи проломились бы внутрь быстро — но с риском уничтожить выживших, прячущихся в сохранивших воздух отсеках. Потому Клавэйн настоял, чтобы роботы пользовались шлюзами, хоть это и задерживало — сквозь узкие люки приходилось лезть по одному.

Но беспокоился он зря. Данные от первого же проникшего внутрь робота показали: не будет ни сопротивления, ни эвакуации выживших. На борту было пусто, темно и тихо. Казалось, из коридоров веяло смертью.

Роботы шли сквозь корабль, их камеры показывали лица мертвых, оставшихся на постах у своей аппаратуры. Повсюду лишь трупы.

Тогда Клавэйн отозвал большинство роботов и отправил небольшую группу сочленителей по тому же маршруту, какой использовали скарабеи. Робот показывал их прибытие: угловатые белые силуэты, словно призраки, по одному проходили через шлюз.

Группа прочесала корабль, двигаясь через тесные помещения, уже посещенные роботами, — но обследуя их с человеческой тщательностью. Штурмовики находили тайные камеры, открывали люки, пробирались по эксплуатационным тоннелям, ежеминутно ожидая найти скорчившихся, забившихся в угол членов команды.

Никого.

Тела толкали, дергали — не притворяется ли кто мертвым. Они уже остывали, распределение тепла на лицах показывало: смерть произошла недавно. Ни ран, ни иных следов насилия.

Клавэйн оформил мысль и отправил ее Скади и Ремонтуару: «Я иду внутрь. Никаких условий и оговорок, я принял решение. Обернусь быстро, без лишнего риска».

— Клавэйн, нет!

— Прости, Скади. Я не член вашего милого интимного сообщества, а это значит, могу идти куда хочу. Нравится вам или нет, но это мое право.

— Клавэйн, вы пока еще объект первостепенной важности для Гнезда.

— Обещаю: буду осторожен.

Он ощутил раздражение Скади, вливающееся в его собственные эмоции. Недовольство исходило и от Ремонтуара.

Им, членам Узкого совета, немыслимо было бы подвергать себя такой опасности, подниматься на борт только что взятого на абордаж корабля. Они и так слишком рисковали, выйдя за пределы Материнского Гнезда. Многие сочленители, включая Скади, хотели, чтобы Клавэйн стал членом Узкого совета, где его опыт и мудрость станут доступнее Гнезду — и где можно уберечь этого человека от опасности. А если бы Клавэйн упорствовал, Скади использовала бы свое влияние в совете, чтобы отравить жизнь старику, не позволить ему активные действия. Она могла добиться назначения на символическую должность либо вообще отправить в почетную отставку. Существовали и другие способы наказать непослушного. Клавэйн не склонен был недооценивать их и даже рассматривал всерьез возможность

присоединиться к совету. По крайней мере, он бы многое узнал и, вероятно, получил бы рычаг давления на агрессивных выскочек типа Скади.

Но до тех пор, пока этого не случилось, он прежде всего солдат. Никакие ограничения риска к нему пока не применимы, и будь он проклят, если станет плясать под чужую дудку.

С тем он и продолжил готовить скафандр. Когда-то, два-три века назад, подготовка была гораздо проще. Надеваешь дыхательную маску, цепляешь коммуникационную аппаратуру, затем просто шагаешь сквозь мембрану «разумного» вещества, натянутую на люк, открывающийся прямо в космос. Мембрана облепляет тебя, мгновенно образуя тесно прилегающий к коже скафандр. При возвращении человек ступал назад через мембрану, и скафандр возвращался на место, соскальзывая будто волшебная слизь. Выйти в открытый космос было не сложней, чем надеть солнечные очки. Конечно, подобные технологии не годятся на войне — слишком уязвимы. И едва ли они годятся в мире, пострадавшем от эпидемии. Ее пережила только самая устойчивая, грубая аппаратура.

Другого необходимость в дополнительных усилиях могла бы разозлить. Но Клавэйна новая процедура успокаивала, придавала ему уверенности: словно облачение средневекового рыцаря в доспехи. Проверка систем, присоединение оружия, датчиков — как исконный ритуал, призванный оградить от невезения и вреда. А может, это просто напоминало о юности.

Он покинул шлюз, оттолкнулся, направляясь к вражескому кораблю. Тот, похожий на коготь, четко выделялся на темном фоне гигантской планеты. Несомненно, он поврежден — но выхода газов не видно. Оболочка осталась герметичной. Есть шанс найти выживших. Хотя тепловое сканирование не дало определенных результатов, лазерные сканеры зарегистрировали незначительные колебания всего корабля. Этому могло быть много объяснений, но самое очевидное — присутствие живого внутри: оно двигается, отталкиваясь от стен. Однако уцелевших не обнаружили ни скарабеи, ни штурмовая группа.

Внимание вдруг привлекла неровная корчащаяся полоса зеленого пламени на темном полумесяце гиганта. После того как демархистский корабль вынырнул из атмосферы, Клавэйн и не вспоминал о каботажнике. Тот до сих пор так и не всплыл. Скорее всего, Антуанетта Бакс мертва, ее постигла одна из тысяч смертей, поджидающих

в глубинах свирепой планетной атмосферы. Не имел даже малейшего представления о том, чем она внизу занималась, но не сомневался: это вряд ли что-либо заслуживающее одобрения. Но ведь одна. Скверно умирать одной на разбитом судне. Как храбро отказалась эта женщина подчиниться капитану демархистов. Жаль. Кем бы ты ни была, Антуанетта Бакс, храбрости тебе не занимать.

Он стукнулся о корпус вражеского корабля, смягчил удар, согнув колени. Подошвы прикрепились к обшивке корабля. По старой привычке приложив руку к визору шлема, Клавэйн повернулся к «Паслену»; он был рад редкой возможности посмотреть на корабль снаружи. «Паслен» был настолько темным, что трудно разглядеть на фоне темного же пространства. Затем включились имплантаты, на пространство легла подрагивающая зеленая сетка, контур корабля выделился, обозначились красным шкалы, расстояния и размеры.

«Паслен» — корабль звездолетного класса, субсветовик, способный на длительные перелеты между системами. Изящный конический корпус, игольно-тонкий нос — для эффективного передвижения со скоростью, близкой к скорости света. В самом широком месте, где корпус снова начинал сужаться, переходя в тупоконечный хвост, на длинных балках — пара ускорителей. Другие фракции называли их паучьими двигателями, по очевидной причине: лишь сочленители умели их строить. Столетиями пауки позволяли демархистам, ультра и прочим практикующим межзвездные перелеты фракциям использовать эти двигатели, но не делились знаниями, позволяющими их воспроизвести. Сами же двигатели было невозможно разобрать, чтобы выяснить таинственную физику, лежащую в основе их работы.

Но производство и продажа двигателей внезапно прекратились столетие назад. Никаких объяснений, никаких обещаний когда-либо возобновить производство.

С этого момента оставшиеся двигатели превратились в огромную ценность. Ради них совершались пиратские нападения, преступления и злодейства. Обладание двигателями стало одной из причин нынешней войны.

Клавэйн знал: ходили слухи, что сочленители продолжали строить двигатели для себя. Также знал с полной определенностью, что эти слухи лживы. Решение прекратить производство было внезапным, окончательным и бесповоротным. Более того, оставшиеся корабли стали использовать гораздо реже даже сами сочленители. Но

Клавэйн не знал, отчего приняли решение. Несомненно, за ним стоял Узкий совет, но помимо того не имелось и намека на истинную причину.

И вдруг совет решил построить «Паслен». На время пробного вылета командовать им доверили Клавэйну — но Узкий совет раскрыл лишь немногие секреты звездолета. Вне сомнений, Скади и Ремонтуар знали больше, и наверняка Скади осведомлена гораздо лучше, чем Ремонтуар. Она постоянно где-то пропадала — скорее всего, возилась со сверхсекретной военной аппаратурой. Все попытки разузнать, чем именно она занимается, оканчивались ничем.

И все же почему Узкий совет разрешил строительство нового звездолета? Какой смысл? Война кончается, враг отступает повсеместно. Если вступить в совет, конечно, всех ответов не получишь — есть еще и Внутреннее святилище. Но тем не менее узнаешь гораздо больше, чем теперь.

Звучит привлекательно. Почти искушающе.

Но как же нагло и беззастенчиво Скади и прочие шишки манипулируют обычными людьми!

Клавэйн отвернулся, осторожно пошел к шлюзу. Зеленая сетка перед глазами исчезла.

Вскоре он оказался внутри корабля, направился по коридорам и проходам, обычно не изолированным от внешнего космоса. Запро*сил сведения об устройстве корабля — они явились в мгновение ока.* Пришло странное, жутковатое ощущение знакомых мест, словно дежавю. Сквозь шлюз было непросто протиснуться в неуклюжем бронированном скафандре. Клавэйн задраил за собой люк, воздух с ревом хлынул внутрь, затем открылся другой люк, позволяя ступить в герметично закупоренное корабельное нутро. Темнота. Датчики скафандра быстро отреагировали, предоставили инфракрасную картину плюс данные эхолокации; все это отобразилось на визоре шлема.

— Клавэйн?

В коридоре ожидала женщина, штурмовик из пришедшей ранее группы. Клавэйн повернулся к ней, ухватился за стену, чтобы остановиться.

— Нашли что-нибудь?

— Ничего. Все мертвы.

— Ни одного выжившего?

Мысли женщины, лаконичные и четкие, врывались в его голову как пули.

— Умерли недавно. Никаких ран. Похоже, самоубийства.

— Мы полагали, что остался по крайней мере один выживший.

— Никого.

Женщина предложила доступ к своей памяти. Он приготовился увидеть неприятное.

И увидел. Еще хуже, чем ожидал. Массовое быстрое самоубийство. Ни единого свидетельства борьбы, принуждения. Даже признаков нерешительности нет. Команда умерла на боевых постах, будто кто-то обошел корабль с таблетками яда и раздал всем. А возможно, случилось и более жуткое: команда сошлась на собрание, получила средства самоубийства, а затем спокойно вернулась на посты. И работала до тех пор, пока капитан не приказала покончить с собой.

При нулевой гравитации головы не обвисают безжизненно. Даже рты не раскрываются. Мертвые тела остаются в тех же позах, что и при жизни, и не важно, закреплены они или свободно плавают в коридорах. Один из первых и наиболее жутких уроков космической войны: в невесомости мертвых трудно отличить от живых.

На всех телах — признаки истощения, часто крайнего. Похоже, эти люди месяцами жили на аварийных пайках. У многих язвы, следы скверно заживших ран. Возможно, умерших ранее выбросили с корабля, чтобы уменьшить его массу и сэкономить топливо. Под головными уборами, наушниками — жесткая недавняя щетина. Одеты все одинаково, на комбинезонах не знаки различия, а эмблемы специализации. В тусклом свете аварийных фонарей кожа мертвецов кажется одинаковой, серо-зеленой.

Перед Клавэйном возник плывущий по коридору труп с растопыренными руками, словно загребающий воздух. Рот приоткрыт, мертвые глаза смотрят вперед. Труп ударился о стену, и Клавэйн ощутил ее легкую дрожь.

— Пожалуйста, зафиксируйте трупы, — попросил он женщину.

Она исполнила.

Затем Клавэйн приказал всем штурмовикам закрепиться и замереть. Трупы уже не плавают, корабль должен оставаться в абсолютном спокойствии.

Пришли новые данные лазерного сканирования с «Паслена».

Сначала Клавэйн не поверил им.

Какая нелепость! Внутри корабля отмечалось движение!

— Юная леди?

Антуанетта хорошо знала этот тон, и ничего хорошего он не сулил. Вдавленная в амортизационное кресло, она проворчала в ответ несколько слов. Никто не разобрал бы их, кроме Зверя.

— У нас беда?

— К сожалению. Юная леди, полностью я не уверен, но, кажется, неисправен главный реактор.

Зверь спроецировал разрез судового термоядерного реактора на окно рубки, наложил его сверху на картинку облаков, сквозь которые карабкался «Буревестник», выбираясь назад, в космос. Участки реактора на схеме были выделены зловеще пульсирующим красным цветом.

— Вот же мать вашу! Токамак сдал?

— Юная леди, похоже, именно он.

— Черт возьми, надо было поменять его на последнем капремонте!

— Юная леди, прошу, следите за своей речью. И позволю себе вежливо напомнить: что сделано, то сделано. Прошлого не исправить.

Антуанетта быстро прошлась по данным диагностики. Но приятнее от этого новости не стали.

— Это Ксавьер виноват.

— Юная леди, Ксавьер? И в чем же виновен мистер Лиу?

— Он же поклялся: токамак еще как минимум три рейса выдержит!

— Юная леди, возможно, он и ошибся. Но прежде, чем винить его, прошу принять к сведению резкую остановку двигателя по требованию полиции на выходе из Ржавого Пояса. Та встряска вовсе не пошла токамаку на пользу. Плюс добавочные повреждения от вибрации при полете в атмосфере.

Антуанетта скривилась. Иногда и не поймешь, на чьей стороне Зверь.

— Ладно, Ксавьер тут ни при чем — по крайней мере, пока не выяснится что-нибудь еще. Но от этого мне не легче.

— Юная леди, отказ вероятен, но не гарантирован.

Антуанетта проверила данные.

— Нужно еще десять километров в секунду, чтобы выйти на орбиту. Зверь, сможешь?

— Юная леди, приложу все мыслимые усилия.

Она кивнула. Конечно, уж корабль-то выжмет из себя все возможное. Слой облаков сверху стал тоньше, небо приобрело густую полуночную синеву. Вот он, космос. Рукой подать.

Но еще так далеко...

Клавэйн наблюдал, как снимали последнюю преграду на пути к укрытию единственного выжившего. Штурмовик посветил фонарем в унылую комнатенку: выживший скорчился в углу, укрывшись запятнанным термоодеялом. У Клавэйна полегчало на душе: поиски увенчались успехом, и теперь ничто не мешает с чистой совестью взорвать демархистский корабль. «Паслен» может спокойно вернуться к Материнскому Гнезду.

Отыскать выжившего оказалось гораздо проще, чем представлялось сначала. Полчаса потратили на локализацию, уточнение данных биосенсорами и эхолокацией. Затем просто разбирали стену и приборные блоки, пока не достигли замаскированной камеры размером в два платяных шкафа. В эту часть корабля команда заглядывала нечасто — вблизи термоядерных двигателей уровень радиации был высок.

Укрытие выглядело сооруженным наспех — что-то вроде тюрьмы на корабле, не предназначенном для перевозки заключенных. Пленника сунули в дыру, затем вернули блоки оборудования и листы обшивки на место, оставив лишь нешироким проход для воздуха и пищи. В комнатенке было грязно. Клавэйн приказал скафандру взять пробу воздуха, направить часть к своему носу. Смердело калом. О пленнике никто особо не заботился. Интересно, его держали в таких условиях с самого начала рейса или позабыли с приближением «Паслена»?

В общем-то, импровизированная тюремная камера была неплохо оборудована. Стены хорошо обиты смягчающим материалом, есть крепления, чтобы зафиксировать себя и не ушибиться во время маневров. Есть коммуникационная система, хотя, кажется, и односторонняя, чтобы передавать сообщения пленнику. Одеяла, остатки недавней трапезы. Клавэйн видел тюрьмы и похуже. В некоторых даже и сидел.

Он оформил мысль и послал солдату с фонарем:

— Снять с него одеяло! Хочу видеть, с кем имеем дело.

Солдат полез в дыру. Клавэйн же задумался, перебирая возможности. Кто этот бедняга? В последнее время сочленители в плен не

попадали, а если бы и попали, едва ли остались бы в живых. И вряд ли о них так заботились бы. Скорее всего, свой: дезертир или предатель.

Солдат сдернул одеяло.

Пленник сжался, приняв позу зародыша, взвизгнул, защищая привыкшие к темноте глаза от яркого света.

Клавэйн был удивлен безмерно. Вот уж неожиданность! На первый взгляд можно принять за человеческого подростка — пропорции и рост схожи. Причем за раздетого донага подростка. Розовая человеческая плоть. На предплечье — след страшного ожога, бугры и узлы рубцов, мертвенно-белесые, сизые, красные.

Это гиперсвинья. Генетическая химера, помесь свиньи и человека.

— Здравствуйте! — раскатился усиленный скафандром голос Клавэйна.

Свинья шевельнулся — и словно распрямилась туго скрученная пружина. Никто этого не ожидал. Тварь ткнула вперед чем-то длинным. Предмет металлически блестел, его оконечность дрожала, словно камертон. Она ударила в грудь Клавэйна. Лезвие, дрожа, поехало по броне, оставив узкую сияющую борозду, но нащупало место у плеча, где сходились пластины. Скользнуло в щель — и скафандр оповестил пронзительным пульсирующим сигналом о вторжении постороннего предмета.

Сочленитель отшатнулся, и лезвие не смогло пробить внутренний слой скафандра, достать плоть под ней. Клавэйн с грохотом врезался спиной в стену.

Лезвие вылетело из руки свиньи, закрутилось в невесомости, словно потерявший управление корабль. Понятно, это пьезонож — Клавэйн носил похожий на поясе скафандра. Наверное, свинья украл оружие у демархистов.

— Что ж, начнем разговор заново, — сказал Клавэйн, переведя дыхание.

Солдаты схватили гиперсвинью, обездвижили. Он же проверил скафандр, вызвал на экран схему повреждения. Небольшая утечка воздуха у плеча. Удушьем не грозит, но на чужом корабле возможны еще не обнаруженные загрязнения либо инфекция. Почти рефлекторно командир сочленителей снял с пояса баллон с изолирующей смесью, выбрал сопло нужного диаметра, нанес быстро твердеющий эпоксидный состав на пораженное место. Смесь затвердела, уподобилась пронизанной жилами серой опухоли.

Еще до начала эры демархистов — то ли в двадцать первом, то ли в двадцать втором столетии, не столь уж далеко от даты рождения самого Клавэйна — набор человеческих генов пересадили обычной домашней свинье. Сделали это, пытаясь решить проблему своевременного поиска органов для пересадки. Модифицированные свиньи могли растить органы, пригодные для использования человеком. Потом были созданы более совершенные методы замены либо лечения пораженных частей тела, но эксперименты со свиньями не прошли бесследно. Генетическое смешение зашло слишком далеко, обеспечив не только совместимость органов, но и подарив свиньям разум.

Никто, даже сами свиньи, не знали в точности, что же произошло. Вряд ли кто-то сознательно пытался развить умственные способности подопытных животных до уровня человеческих. Но, определенно, говорить свиньи научились не случайно. Научились не все. Существовали группы с разными способностями к мышлению и общению. Но часть свиней была изменена именно с целью общения. Переделке подвергся не только мозг, но также глотка, легкие и челюсти. Кто-то дал этим существам возможность овладеть человеческим языком.

Клавэйн шагнул вперед и обратился к пленнику.

— Вы меня понимаете? — спросил он на норте, затем на каназиане, главном языке демархистов. — Меня зовут Невил Клавэйн. Вы теперь находитесь в распоряжении сочленителей.

Свинья ответил. Его деформированные челюсти и глотка безукоризненно воспроизводили человеческие слова.

— Да мне плевать, в чьем я распоряжении! Отвали и сдохни!

— Ни то ни другое в мои сегодняшние планы не входит.

Свинья осторожно приоткрыл налитый кровью глаз:

— А ты что за хрен? Где остальные?

— Команда этого корабля? Похоже, все мертвы.

Удовольствия от новости свинья не выказал.

— Их твои укокошили?

— Нет. Когда мы поднялись на борт, нашли экипаж умерщвленным.

— А вы кто?

— Как я уже говорил, сочленители.

— Пауки... — Почти человеческий рот свиньи скривился в гримасе отвращения. — Знаешь, что я делал с пауками? В толчке топил!

— Что ж, отлично.

Клавэйн, видя, что простой разговор ничего не даст, мысленно приказал солдатам ввести пленнику успокоительное и транспортировать на борт «Паслена». Он понятия не имел, кто этот свинья, и как он оказался на борту, и какую роль играет в стремительно разворачивающихся финальных сценах войны. Но после траления памяти, несомненно, будет известно многое. А доза сочленительских препаратов сделает свинью на удивление добродушным и приветливым.

Клавэйн оставался на корабле, пока штурмовые команды не закончили прочесывание и не удостоверились, что враг не оставил на борту полезной информации. Все бортовые записи и архивы были тщательно стерты. Обследование техники не выявило ничего нового, до сих пор не известного сочленителям. Оружейные системы не стоили изъятия. Стандартная процедура предписывала уничтожить корабль, чтобы он не оказался снова в руках врага.

Клавэйн размышлял, как лучше это сделать — пустить ракету или взорвать заряд на борту, — когда уловил посланную Ремонтуаром мысль.

— Клавэйн?

— В чем дело?

— Мы приняли сигнал бедствия от каботажника.

— Антуанетта Бакс? Я думал, она мертва.

— Еще нет, но вряд ли продержится долго. У нее проблемы с двигателем. Похоже, отказ токамака. Судно не достигло второй космической, да и орбитальной тоже.

Клавэйн кивнул — скорее в подтверждение своих догадок, а не слов Ремонтуара. Представил вероятную параболическую траекторию. Апекса каботажник еще не достиг, и вскоре он неизбежно заскользит назад, к облакам. Как же нужно отчаяться, чтобы отправить призыв о помощи, когда единственный возможный спаситель — корабль пауков? По его опыту, большинство предпочло бы смерть.

— Клавэйн, вы же понимаете: мы не можем откликнуться на ее просьбу.

— Понимаю.

— Это создаст нежелательный прецедент. Тем самым мы продемонстрируем одобрение незаконной деятельности. У нас не останется иного выбора, как завербовать ее.

Клавэйн снова кивнул, думая о многочисленных пленниках, которых он видел собственными глазами. О вопящих, вырывающихся, не желающих, чтобы их голову напичкали нейросетевой аппарату-

рой. Конечно, нелепо бояться ее, уж он-то знал. Сам когда-то сопротивлялся из страха. Стоит ли подвергать такой пытке Антуанетту Бакс?

Немного погодя Клавэйн заметил яркую синюю искру: вражеский корабль врезался в атмосферу газового гиганта. Случайно получилось так, что он вошел на ночной стороне планеты. Иссиня-фиолетовое пламя высветило, пульсируя, слои облаков — и это было потрясающе. На мгновение захотелось показать Галиане — она любила такие красочные зрелища. И одобрила бы способ избавиться от ненужной техники: не истрачена ни ракета, ни взрывное устройство. Три реактивных тягача с «Паслена», крохотные машины, прилипли к оболочке, словно моллюски-паразиты. Роботы подтянули корабль к гиганту и отсоединились, когда оставались лишь минуты до нырка в атмосферу. Угол вхождения был почти прямым; корабль стремительно разогнался и впечатляюще загорелся.

Тягачи на полной тяге заспешили домой, к «Паслену», а тот уже повернул к Материнскому Гнезду. С возвращением роботов операцию можно будет считать завершенной. Осталось только решить судьбу пленника, но в этом срочности нет. Что же касается Антуанетты Бакс... каковы бы ни были мотивы этой женщины, Клавэйн восхищался ее храбростью. И не только из-за дерзкого вхождения в зону военных действий. Так решительно и безоглядно не подчиниться капитану боевого корабля, а затем осмелиться на просьбу о помощи! Ведь она должна понимать: права на помощь у нее нет. Войдя нелегально в зону военных действий, она потеряла все права. Боевой корабль едва ли стал бы тратить топливо и время, помогая заплутавшему транспорту. И уж наверняка Антуанетта Бакс знает: если сочленители и выручат, то платой за спасение и нарушение закона станет вербовка. А уж ее демархистская пропаганда изобразила в самых черных красках.

Нет, она едва ли ожидает пощады. Но все равно, решиться на просьбу — это поступок.

Клавэйн вздохнул, борясь с отвращением к себе. Мысленно сформулировал приказ «Паслену» сфокусировать передающий лазер на транспорте. Когда связь установилась, произнес:

— Антуанетта Бакс? Это Невил Клавэйн. Я на борту корабля сочленителей. Слышите меня?

Ответ пришел не сразу, и был он плохо сфокусирован. Как будто голос доносился откуда-то из-за дальнего квазара.

— Ах ты, сволочь! Соизволил напоследок ответить? Ты меня бросил подыхать!

— Мне попросту стало интересно, — ответил он и затаил дыхание: что она скажет на это?

— Что тебе интересно?

— Что заставило вас просить о помощи? Вы не боитесь попасть к нам в руки?

— Почему я должна бояться?

Небрежно-равнодушный голос не ввел Клавэйна в заблуждение.

— У нас есть правило: захваченных в зоне боевых действий мы принимаем в свои ряды. Бакс, мы внедрим имплантаты вам в череп. Вас это не пугает?

— Сейчас меня куда больше пугает перспектива врезаться в эту гребаную планету!

— Весьма прагматичное отношение к жизни. Бакс, я вами восхищен.

— Угу. А теперь катись-ка подальше и дай мне спокойно подохнуть!

— Антуанетта, выслушайте внимательно. Я хочу, чтобы вы для меня кое-что сделали, и срочно.

Должно быть, девушка почувствовала смену тона. Она заинтересованно, хотя и по-прежнему недоверчиво, спросила:

— О чем речь?

— Пусть ваш корабль передаст свой подробный план. Мне нужна точная схема оболочки с возможными точками нагрузки. Если заставите корпус расцветкой указать места, находящиеся под наибольшим напряжением, будет еще лучше. Хочу знать, где можно нагрузить корпус, не разрушив притом корабль.

— Ты меня уже не спасешь, даже если прямо сейчас развернешься. Слишком поздно.

— Поверьте, способ есть. А сейчас, пожалуйста, пришлите данные. Иначе я буду вынужден полагаться на интуицию, а это небезопасно.

Антуанетта ответила не сразу. Клавэйн поскреб в задумчивости бороду и с облегчением вздохнул, когда «Паслен» сигнализировал о поступлении данных. Сочленитель проверил их на нейровирусы, затем допустил в свой мозг. Сведения о каботажнике загрузились в кратковременную память, раскрылись во всей полноте.

— Антуанетта, большое спасибо. Именно этого я и хотел.

Он послал приказ одному из тягачей. Тот оставил спутников, развернувшись с чудовищным ускорением: будь на борту кто-нибудь живой, он бы неминуемо превратился в бесформенное месиво. Клавэйн снял все внутренние ограничения с робота, позволил тратить сколько угодно топлива, не заботясь о возвращении на борт «Паслена».

— Что ты затеял? — спросила Антуанетта.

— Посылаю к вам робота. Он прикрепится к судну и вытащит его из гравитационной ловушки в открытый космос. Затем толкнет в направлении Йеллоустона. Затем, боюсь, вам придется рассчитывать только на себя. Надеюсь, сумеете починить токамак — либо путь домой будет весьма продолжительным.

Казалось, смысл его слов доходил до Антуанетты целую вечность.

— Так ты не собираешься брать меня в плен?

— Сегодня — нет. Но обещаю, Антуанетта: если еще раз попадетесь на пути, я вас убью.

Угрожать не хотелось. Но, может, угроза ее вразумит.

Клавэйн отключился, прежде чем девушка успела ответить.

ГЛАВА 4

В доме, находящемся в городе Кювье на планете Ресургем, у окна стояла женщина, сцепив за спиной руки. Не глядя на дверь, она скомандовала:

— Следующий!

Пока втаскивали подозреваемого, женщина смотрела на мрачный, суровый ландшафт за окном. Огромная стеклянная панель простиралась от пола до потолка, вверху загибаясь наружу. За ней открывалась панорама промышленного города. Куда ни глянь, везде нагромождение кубов и параллелепипедов, безжалостная прямоугольность, депрессивная однородность. Царство металлических штамповок, где нет места радости.

Офис женщины — лишь малая часть Дома инквизиции — находился в перестроенной части Ресургема. Хроники утверждали, что

еще до учреждения инквизиции на месте ее нынешней штаб-квартиры находился эпицентр взрыва мощностью около двух килотонн. Фракция «Истинный путь» взорвала крупицу антиматерии. Женщина имела дело с бомбами куда посерьезнее. Но не столько важна мощность бомбы, сколько результаты ее применения.

Террористы едва ли смогли бы найти более подходящую цель — и результаты оказались катастрофическими.

— Следующий! — повторила инквизитор громче.

Дверь приоткрылась на ширину ладони.

— Мэм, на сегодня все, — осторожно проговорил стоявший за дверью охранник.

Да, конечно же — дело Иберта было последним в кипе.

— Спасибо. Вы, случайно, не знаете, что нового по делу Торна?

Охранник смутился. Переносить новости между соперничающими отделами — занятие небезопасное.

— Я слышал, клиента допрашивали, но потом пришлось отпустить. У парня было железное алиби, вот только вытягивать его чуть ли не клещами пришлось. Вроде он жене изменял. — Охранник пожал плечами. — Обычное дело.

— Представляю себе, как ребята старались: пара-тройка нечаянных падений с лестницы? Значит, по Торну ничего?

— Похоже, скорее вы триумвира прищучите, чем они этого Торна. Уж простите за прямоту, мэм.

— Да ничего, — проговорила она, намеренно растягивая звуки.

— Мэм, вам еще что-нибудь нужно от меня?

— Пока нет.

Скрипнув, дверь закрылась.

Женщину официально титуловали инквизитором Виллемье. Она снова посмотрела в окно. Солнце системы, звезда Дельта Павлина, уже опустилось к горизонту, и на металлические бока зданий легли оранжево-ржавые тени.

Женщина стояла у окна, пока на город не опустилась ночь. Вспоминала, сравнивала его с Городом Бездны, с городами Окраины Неба. Припомнила, как однажды, вскоре после прибытия в Город Бездны, разговаривала с человеком по фамилии Мирабель. Поинтересовалась тем, когда ему начал нравиться город. Произошло ли это в какой-то переломный момент? Ведь Мирабель, как и она, прибыл с Окраины Неба. Тот ответил, что привыкал постепенно. Нашел способ привыкнуть. Она сомневалась, но затем осознала его правоту. Лишь когда

судьба увела ее из Города Бездны, она начала вспоминать о нем с теплотой.

Но Ресургем подобных чувств не вызывал.

Фары правительственных электромобилей плескали в стены домов серебряный свет, разливали его по улицам.

Женщина отвернулась. Прошла в изолированную допросную. Прикрыла за собой дверь.

Безопасности ради комната была лишена окон. Женщина уселась в мягкое кресло у огромного подковообразного стола. Когда-то он был мощным офисным процессором, но его кибернетические внутренности извлекли, заменив куда более примитивной техникой. У края стола на встроенной электроплитке стоял кувшин со старым, едва теплым кофе. От жужжащего вентилятора пахло озоном.

Три стены комнаты, включая стену с дверью, занимали полки с накопившимися за пятнадцать лет материалами следствия. В иных обстоятельствах было бы абсурдом целое ведомство отряжать на охоту за единственной женщиной, которую даже нельзя с уверенностью числить среди живых и уж едва ли стоит разыскивать на Ресургеме. Потому задача инквизитора свелась к сбору информации о внешних угрозах ресургемской колонии. Так же как дело триумвира стало наиболее важной из задач инквизиции, дело Торна и руководимого им подполья стало главной задачей соседнего ведомства, Департамента внутренних угроз. Хотя со времени преступления прошло более шестидесяти лет, высокие чины в правительстве продолжали качать средства на поиски, надеясь арестовать триумвира и устроить показательный процесс. Ее использовали как фокус общественного недовольства, которое иначе могло бы обрушиться на правительство. Старейший трюк власть имущих — дать народу объект ненависти.

У инквизитора хватало работы и без поисков полумифического военного преступника. Но если ведомство выкажет недостаточно энтузиазма в важной миссии, его наверняка расформируют, а задачу передадут другим. Вот этого допускать нельзя ни в коем случае. Существует малая, но ненулевая вероятность того, что новый департамент добьется успеха.

Поэтому инквизитор прикладывала максимум усилий. Дело легальным образом оставалось открытым, ведь триумвир принадлежала к фракции ультранавтов и потому вполне могла дожить до сего дня. В ее деле имелись списки с десятками тысяч подозреваемых, протоколы тысяч допросов, сотни биографий, личных характери-

стик. Дюжина «клиентов» заслуживала изрядного куска отдельной полки. А на них умещалась лишь малая часть архивов — распечатки, которые удобно иметь под рукой. В подвалах этого здания и во многих других размещались колоссальные архивы. Чудесно продуманная, большей частью секретная сеть пневмопочты позволяла доставить нужные дела из офиса в офис за секунды.

На столе лежало несколько открытых папок. Имена в текстах были обведены кружками, подчеркнуты, соединены извилистыми линиями. К описаниям на картонках прикноплены фотографии, лица, выхваченные из толпы длиннофокусными объективами.

Женщина пролистала папки. Надо учитывать очевидные улики, проверять версии. Надо собирать информацию у внедренных агентов и читать доносы. Надо делать все возможное, чтобы убедительно изобразить заинтересованность в поимке триумвира.

Вдруг внимание инквизитора привлекла четвертая стена, на которой кое-что изменилось.

Ее занимала карта Ресургема в равноугольной цилиндрической проекции. Она автоматически преобразовывалась в процессе терраформирования, показывая небольшие пятнышки зелени и синевы среди обширных полей серого, ржавого и белого — века назад они занимали всю карту. Кювье до сих пор оставался главным поселением, но уже дюжину форпостов можно было с уверенностью считать городами. К большинству позволяли добраться скоростные железные дороги, к остальным — каналы, шоссе либо грузовой магистральный трубопровод. Имелось несколько аэродромов, но способных быстро летать устройств катастрофически не хватало. По воздуху путешествовали только высокопоставленные чиновники. До небольших поселений — метеорологических станций, немногих оставшихся мест раскопок, — добирались на дирижаблях либо вездеходах, что занимало недели.

Красный огонек на карте мигал в северо-восточном углу, в сотнях километров от крайнего приличного поселения. Вызов от агента. Оперативники различались по кодовым номерам, что мерцали рядом с огоньком, указывающим на местоположение.

Оперативник номер четыре.

У инквизитора холодок побежал по спине. Агент номер четыре не выходила на связь уже давно. Очень давно.

Женщина набрала двумя пальцами запрос на клавиатуре стола, мучительно выискивая нужные клавиши, черные, тугие. Следовало

проверить, доступен ли еще агент. Аппаратура сообщила: огонек мигает лишь два часа. Оперативник на связи, ожидает ответа.

Инквизитор взяла телефон со стола, прижала черный брусок к уху.

— Алло?

— Отдел связи слушает.

— Соедините меня с оперативником номер четыре, повторяю, с оперативником номер четыре. Только аудио. Третий протокол передачи.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии! Связь установлена.

— Переключитесь на защищенный канал!

Шипение в трубке чуть изменилось — офицер-связист отключился.

Инквизитор вслушивалась в шум, затаив дыхание.

— Четвертый? — выдохнула она в трубку.

Последовала мучительная пауза. Наконец сквозь помехи прорвался голос — слабый, захлестываемый статикой:

— Я слушаю!

— Четвертый, сколько лет, сколько зим...

— Да, — подтвердил женский голос, так хорошо знакомый. — Инквизитор Виллемье, как дела?

— По-разному. И удачи, и разочарования.

— Я понимаю. Нам необходимо встретиться. Срочно. У твоей конторы еще остались ее скромные возможности?

— В определенных рамках.

— Ну, так я предлагаю вплотную подойти к этим рамкам. И даже перешагнуть через них. Ты знаешь, где я сейчас. В семидесяти пяти километрах от меня есть небольшое поселение под названием Зольнхофен. За сутки я доберусь туда, остановлюсь в гостинице.

Затем агент назвала адрес гостиницы, где уже зарезервировала номер.

Инквизитор привычно прикинула в уме: по железной дороге и по шоссе до Зольнхофена ехать два-три дня. Если нанять дирижабль на конечной станции железной дороги, получится быстрее, но гораздо заметнее. Зольнхофен лежит в стороне от обычных аэромаршрутов. Конечно, что-либо быстролетающее доставило бы скорее, за полтора дня, даже если учесть необходимость облетов, уклонения от атмосферных фронтов. В обычной ситуации, получив срочный вызов от агента, Виллемье без колебаний воспользовалась бы самолетом. Но

это же агент номер четыре. Нельзя привлекать внимание к операции. А меньше всего внимания будет привлечено, если инквизитор вообще не воспользуется воздушным транспортом.

Хотя будет труднее. Гораздо труднее.

— Это по-настоящему срочно и важно? — спросила инквизитор, предчувствуя ответ.

— Конечно. — В трубке раздался сухой смешок, похожий на кудахтанье. — Иначе вряд ли бы я позвонила.

— И это касается ее... то есть триумвира?

Конечно, это игра воображения — но так ярко представилась лукавая усмешка собеседницы...

— Кого же еще?

ГЛАВА 5

У кометы не было имени. Конечно, в свое время ее описали и внесли в каталог, но теперь информации о ней не осталось ни в одной общедоступной базе данных. О комете не знали пилоты транспортов, бороздящих систему, угонщики не приставали к ней, чтобы извлечь керн и узнать химический состав ядра. Со всех точек зрения — абсолютно непримечательное небесное тело в огромном рое таких же холодных обломков, дрейфующих на окраине системы. Миллиарды их медленно обращались вокруг Эпсилона Эридана. С момента образования системы к большинству этих обломков никто и ничто не прикасалось. Лишь изредка гравитационные возмущения срывали несколько штук с обычных мест и отправляли на орбиты, близкие к звезде. Но для других комет будущее состояло лишь из бесчисленных витков вокруг светила — пока оно не раздуется и не поглотит холодный мусор.

Эта комета по сравнению с ее сестрами была велика, хотя и не исключительно — можно найти по крайней мере миллион комет большего размера. Она представляла собой двадцатикилометрового диаметра шар из грязного черного льда, пористой смерзшейся смеси метана, окиси углерода, азота и кислорода, разбавленной соединениями кремния, простейшими углеводородами и несколькими искрящимися на свету фиолетовыми либо темно-зелеными прожил-

ками органических макромолекул. Все это кристаллизовалось несколько миллиардов лет тому назад, когда Галактика была моложе и спокойней. Но теперь свет сюда практически не попадал, и сверкающая красота кометы пребывала во мраке. До Эпсилона Эридана — тринадцать световых часов, он кажется немногим больше остальных звезд.

Но однажды к безвестной комете прилетели люди. Их привезла флотилия черных кораблей, чьи трюмы распирало от машин. Комету одели в оболочку из прозрачного пластика, укрепив ее пористую, непрочную структуру. Издали оболочка оставалась совершенно незаметной. Отраженный сигнал радара либо данные спектрального анализа показывали лишь малейшие изменения, за порогом точности демархистской аппаратуры.

Укрепив комету оболочкой, люди затормозили ее вращение. Умело размещенные на поверхности ионные ракеты постепенно замедлили его и отцепились лишь после того, как остаточный угловой момент достиг минимума, не вызывающего подозрений.

К тому времени люди уже вовсю работали внутри кометы. Восемьдесят процентов ее массы пошло на создание твердой тонкой оболочки, укрепившей наружный слой. Образовалась сферическая полость пятнадцати километров в диаметре. Скрытые шахты позволяли сообщение с внешним миром, они были достаточно широки для умеренных размеров космического корабля. Верфи и ремонтные доки усеивали внутреннюю поверхность, словно кварталы городской застройки. Тут и там выступали приземистые черные купола, похожие на лакколиты, — криоарифметические процессоры, квантово-вычислительные машины, локально нарушающие второй закон термодинамики, охлаждающие поверхность кометы.

Клавэйн уже столько раз проделывал вход в комету, что не обращал внимания на внезапные, хаотично следующие друг за другом изменения курса, необходимые для того, чтобы не столкнуться со стенками вращающейся кометной оболочки. Во всяком случае, он успешно делал вид, что не обращает внимания, — на самом же деле всякий раз затаивал дыхание, проходя по шахте. Слишком уж это напоминало попытку протиснуться в закрывающуюся дверь. А с кораблем размера «Паслена» маневры были еще судорожней.

Рассчитывать вход он доверил компьютерам. Процедура была хорошо описана и просчитана, а строго определенные динамические задачи со многими неизвестными компьютеры решали гораздо лучше, чем люди. Даже лучше, чем сочленители.

Все, прошли! Корабль внутри.

Не в первый уже раз Клавэйн ощутил легкое головокружение при взгляде на внутреннее устройство кометы.

Полость недолго оставалась пустой. Ее заполнили движущимися конструкциями, огромными концентрическими ободьями, сложно совмещенными пространственно, так что в целом они напоминали древнюю сферическую астролябию.

Клавэйн смотрел на главную твердыню своего народа — Материнское Гнездо.

Оно состояло из пяти слоев. Внешние четыре вращались, создавая искусственное тяготение, с градацией в половину *g*. Каждый слой состоял из трех колец почти равного диаметра, с плоскостями вращения, повернутыми друг относительно друга на шестьдесят градусов. Места схождения колец закрывала гексагональная структура, где находились переходы между кольцами и механизмы, обеспечивающие вращение и поддержку равновесия посредством магнитных полей. Сами кольца были темными, испещренными мириадами крошечных светящихся окошек — и кое-где большими сияющими окнами.

Самая внешняя тройка колец поддерживала гравитацию в два *g*. В километре от них вращалось три меньших кольца, создавая тяготение в полтора *g*. Еще в километре находились три самых толстых кольца, наиболее тесно заселенных, где большинство сочленителей находилось почти все время. Затем следовали три тонких кольца, где создавалось тяготение в половину *g*. И наконец, в центре находилась неподвижная прозрачная сфера. Ядро, где отсутствовало тяготение. Там были и зеленая растительность, и яркие лампы, имитирующие солнечный свет, и места обитания различных животных. Там жили и играли дети, туда отправлялись умирать пожилые сочленители. Там Фелка проводила почти все время.

«Паслен» затормозил, придя в неподвижность относительно внешнего кольца. Оттуда уже вышли обслуживающие техники. Корабль чуть тряхнуло — к оболочке присоединились буксиры. Когда бригада покинет «Паслен», его отбуксируют к доку на внутренней поверхности оболочки. Там уже пришвартовалось множество кораблей. Темные продолговатые силуэты окружал лабиринт ремонтной и погрузочной техники. Однако большинство судов уступало размерами «Паслену» — и не было ни одного по-настоящему большого.

Клавэйн покинул корабль с обычным легким ощущением дискомфорта от не до конца выполненной работы. Много лет не понимал,

отчего оно возникает всякий раз. Оказалось, оттого, что сочленитель покидает корабль не прощаясь, хотя они вместе провели много месяцев, трудясь и подвергаясь немалому риску.

У шлюза встретила автоматическая шлюпка — просторная коробка с большими окнами, на прямоугольной платформе, оснащенной реактивными двигателями и пропеллерами. Клавэйн взошел на борт, наблюдая, как от соседнего шлюза отчалила шлюпка большего размера. Сквозь ее окна заметил Ремонтуара, еще пару сочленителей и свинью, захваченную на корабле демархистов. Издали пленника, сгорбившегося, покорного, можно было принять за человека. Клавэйну подумалось, что бедняга смирился с участью и успокоился — но тут мелькнул металл обруча-усмирителя на голове.

По пути к Материнскому Гнезду разум свиньи протралили, но не отыскали ничего интересного. Память оказалась сильно блокированной, и не сочленительским способом, а на криминальный манер Города Бездны: грубо и топорно, спецами с черного рынка. Так делали, чтобы защитить доказывающие вину и просто особо важные воспоминания от инструментов, применяемых полицией Феррисвильской конвенции: «сирен», «серпов», «мозгостуков» и «стирателей памяти». С техникой траления памяти, доступной в Материнском Гнезде, блокировку, вне сомнений, уберут без труда. А пока обнаружили только обычный набор мелкоразрядного уголовника с пристрастием к насилию — скорее всего, это член одной из бандитских группировок, орудующих в Йеллоустоне и Ржавом Поясе. Наверняка демархисты поймали его за чем-нибудь незаконным — но это для свиней обычно.

Клавэйн к гиперсвиньям относился с безразличием. На своем веку встречал их достаточно, чтобы убедиться: морально и эмоционально они не проще людей, создавших их в качестве слуг. Каждую нужно оценивать индивидуально. Свинья с застроенного фабриками спутника Ганеш трижды спасала жизнь Клавэйна во время пограничного Шива-Парватского инцидента в 2358 году. Двадцатью годами позже на спутнике Ирравель, на орбите Фанда, бандиты-свиньи захватили восемь солдат Клавэйна в заложники. Когда те отказались выдать нужную информацию, свиньи принялись поедать их заживо. Сбежать сумел лишь один. Клавэйн принял его мученические воспоминания и сохранил как свои. Хранились они в отдаленном углу памяти, хорошо защищенном — чтобы не заглянуть ненароком. Но даже это не заставило ненавидеть расу свиней в целом.

Но вот Ремонтуар может оказаться не настолько гуманным и терпимым. Некогда ему случилось побывать в плену у пирата-свиньи по кличке Седьмая Проба. Плен был долгим и страшным. Седьмая Проба был ранней версией гиперсвиньи, разум ему искалечили неудачные эксперименты по генетическому усовершенствованию мозга. Пират захватил Ремонтуара, изолировал от остальных сочленителей. Одно это стало пыткой. Но пират любил и старомодные истязания. А ремеслом палача он владел в совершенстве.

В конце концов Ремонтуар сумел вырваться. Пират умер. Но память Ремонтуара о пытках и ужасе осталась живой, душевные травмы не излечились — их последствия сказывались по сей день.

Клавэйн тщательно проследил за тем, как Ремонтуар тралит память свиньи — ведь траление легко превратить в пытку, и очень мучительную. И хотя Ремонтуар не сделал ничего выходящего за рамки и даже как будто трудился без особого энтузиазма, ощущение неправильности, без малого преступности происходящего не отпускало Клавэйна.

Лучше бы Ремонтуар не брался за это дознание. Вряд ли он относится к свинье так же, как и к пленнику-человеку.

Клавэйн смотрел вслед шлюпке, отвалившей от «Паслена», и думал, что видит свинью наверняка не в последний раз. И результат встречи еще не раз скажется. Затем улыбнулся и упрекнул себя в нелепой подозрительности. Это же просто мелкий бандит.

Он мысленно сформулировал команду для примитивной субличности, управлявшей шлюпкой. Та вздрогнула, отваливая от темной китообразной туши корабля. Понесла его сквозь огромный часовой механизм, меж крутящихся исполинских колес, к зеленой сердцевине, пребывающей в невесомости.

Эту крепость сочленители построили последней. Хотя у них всегда было нечто вроде Материнского Гнезда, на ранней стадии войны оно являлось лишь наибольшей из крепостей. Две трети сочленителей располагались на мелких базах по всей системе. Но разделение означало проблемы. Отдельные группы находятся в световых часах друг от друга, линии коммуникации доступны для перехвата. Невозможно разрабатывать стратегию в реальном времени, коллективное сознание нельзя распространить на несколько поселений. Общество сочленителей распадалось, люди нервничали. В конце концов они с большой неохотой приняли решение соединить все меньшие базы в одно огромное Материнское Гнездо, надеясь, что полученные

за счет централизации преимущества перевесят риск сосредоточения всех важных объектов в одном месте.

Теперь стало ясно: решение оказалось исключительно удачным.

Приближаясь к наружной оболочке ядра, шлюпка замедлилась. Клавэйн ощущал себя ничтожным карликом рядом с исполинской зеленой сферой. Она мягко светилась, будто изобилующая растительностью, полная жизни планета. Шлюпка продавилась сквозь внешнюю мембрану в ядро.

Клавэйн опустил окно, чтобы смешать воздух внутри шлюпки с атмосферой ядра. В ноздрях защипало от запахов леса. Воздух был прохладный, свежий, как после отбушевавшей грозы. Хотя Клавэйн много раз бывал в ядре, запах неизменно напоминал не о прежних посещениях, а о детстве. Не мог уже вспомнить, когда и где — но ведь брел через лес, вдыхал такой запах. Где же это было? Может, в Шотландии?..

Хотя в ядре отсутствовала гравитация, заполнявшие его растения не плавали свободно в воздухе. От края до края сферы простирались огромные дубовые стволы-балки длиной до трех километров. Они хаотически сливались, ветвились, образуя цитоскелетную структуру удивительной сложности. Местами расширялись достаточно, чтобы в их толще умещались комнаты и залы, из чьих окон лился мягкий свет. Пространство заполняла сеть тонких ветвей — к ней и крепилась бóльшая часть растительности. Сквозь всю конструкцию тянулись трубопроводы для подачи питательных веществ, соединенные с аппаратурой в самом центре ядра. К наружной оболочке изнутри крепились лампы солнечного спектра; освещение следовало двадцатишестичасовому суточному циклу Йеллоустона. Подобные же лампы распределялись по всему объему сферы. Теперь они излучали холодный голубой свет полной луны, но вскоре заалеют рассветными красками, затем пройдут сквозь всю гамму цветов дня до рыжекрасного закатного зарева.

Наступит ночь. В сумраке лес огласится стрекотанием, пением, призывами тысяч причудливо эволюционировавших ночных существ. Сидя на дубовом стволе в центре леса среди ночи, легко поверить, что он простирается во все стороны на тысячи километров. Едва ли можно заметить огромные вращающиеся колеса в паре сотен метров за наружной мембраной. К тому же их движение бесшумно.

Шлюпка нырнула в гущу леса, завиляла в зарослях. Робот-пилот знал, куда доставить Клавэйна. Он то и дело замечал сочленителей — преимущественно стариков и детей. Дети рождались и росли на коль-

цах с нормальным тяготением, но с шестимесячного возраста их регулярно привозили сюда. Под руководством стариков дети обучались движению и ориентированию в невесомости. Для большинства это выглядело игрой, но самых перспективных замечали — и готовили для участия в войне. Очень немногие показывали такие способности к ориентированию в пространстве, что их предназначали для штабной работы, для планирования сражений.

Старики, как правило, были слишком слабы для жизни в кольцах с тяготением. Зачастую, прибыв в ядро, уже до смерти его не покидали. Клавэйн миновал двоих, одетых во внешние экзоскелеты, служившие и медицинской системой жизнеобеспечения, и средством передвижения. Ноги стариков бессильно волочились позади. Эти люди уговаривали пятерку детишек прыгнуть с ветви в открытое пространство.

Наблюдаемая невооруженным глазом, сцена казалась зловещей: черные одежды детей, шлемы, защищающие головы от столкновения с ветками. Глаза спрятаны за черными очками, выражения лица не разобрать. Старики тоже в однотонной блеклой одежде, хотя и без шлемов. На лицах — никакого удовольствия. Клавэйну они напоминали могильщиков за отправлением погребального ритуала.

Клавэйн приказал имплантатам показать, как дети видят друг друга и взрослых. Перед глазами замельтешило, из воздуха соткалось яркое разноцветье. Теперь дети были облачены в красочные пышные одежды, со спиральными и зигзаговидными узорами, указывавшими на происхождение и занятия родителей. Шлемы исчезли с голов. Двое оказались мальчиками, три — девочками. Возраст — между пятью и семью. Особой радости на их лицах не отмечалось, но страдания либо скуки тоже не было. Все выглядели немного испуганными, возбужденными. Несомненно, дети смотрели друг на друга как на соперников, прикидывали, стоит ли риска слава храбреца, первым отважившегося на полет.

Пара стариков выглядела почти как раньше, но теперь Клавэйн подстроился к их мыслям и настроению. Желающие подбодрить и воодушевить детей, старики выглядели не унылыми, а скорее серьезными и очень терпеливыми. Готовыми денно и нощно ухаживать за подопечными.

Изменилась и обстановка вокруг. Воздух наполнили похожие на самоцветы бабочки, стрекозы, спешащие по своим насекомым делам. Неоново лучащиеся гусеницы ползли сквозь зелень. Колибри зависали над цветками, передвигались от одного к другому с точ-

ностью отлаженных заводных игрушек. Обезьянки, лемуры и летяги, сверкая глазами, вольно скакали через пространство.

Теперь Клавэйн наблюдал упрощенный, сказочный мир, воспринимаемый детьми на протяжении всей их жизни. С возрастом поступающие в их мозг данные будут слегка редактироваться. Малыши не заметят изменений — но по мере взросления существа, населяющие лес, сделаются более реалистичными, меньше размером, проворней и пугливей; цвета их шерсти и перьев приблизятся к настоящим. В конце концов дети станут видеть лишь настоящих животных. К тому времени — к возрасту десяти-одиннадцати лет — детям осторожно и тщательно разъяснят роль машин, до тех пор определявших ви́дение мира. Подрастающее поколение узнает о нейроимплантатах, о способе изменить восприятие реальности, придать видимому любую воображаемую форму.

У самого Клавэйна взросление и обучение были куда жестче. Учиться пришлось при втором попадании на Марс, в гнездо Галианы. Она показала детский сад, где воспитывались подрастающие сочленители, но тогда Клавэйн еще не имел своих имплантатов. После он был ранен, и в его мозг ввели наномашины. Навсегда запомнилось шокирующее осознание того, что человеческим мировосприятием можно управлять извне. Невероятное ощущение: сотни и сотни разумов прикасаются к твоему, и ты — часть целого. Но наиболее потрясло видение мира, в котором жили сочленители. У психологов имелся особый термин для подобных ощущений: «когнитивный прорыв». Правда, немногие из них испытали когнитивный прорыв на себе.

Дети вдруг обратили внимание на гостя.

— Клавэйн! — Мальчик втолкнул мысль-возглас в его разум.

Клавэйн приказал шлюпке остановиться посреди пространства, используемого детьми для обучения полетам, сманеврировал, чтобы оказаться на одном уровне с малышами.

— Здравствуйте! — Он выглянул наружу, стиснув поручни — словно проповедник на кафедре.

— Где вы были? — спросила девочка, глядя пристально.

— Снаружи, — ответил он, посмотрев на пару наставников.

— Снаружи? За Материнским Гнездом? — допытывалась девочка.

Клавэйн не мог определиться с ответом. Не помнил, сколь много знали об окружающем мире дети этого возраста. Конечно, о войне

им неизвестно. А упоминания о ней избежать трудно, если рассказывать о том, чем он занимался снаружи.

— Да, за Материнским Гнездом, — ответил он осторожно.

— В корабле?

— Да, в очень большом космическом корабле.

— А можно мне его увидеть?

— Думаю, когда-нибудь станет можно. Но не сегодня.

Он ощутил беспокойство стариков, хотя оформленной мысли те не передали.

— А что вы делали на корабле?

Клавэйн поскреб в бороде. Он не любил обманывать детей, никогда толком не умел добродушно и беззлобно лгать. Лучше кое о чем умолчать, не пускаться в подробности.

— Я помог человеку.

— А кто он?

— Одна юная леди.

— А почему ей нужно было помогать?

— С ее кораблем случилась беда. Ей требовалась помощь, а я как раз пролетал неподалеку.

— Как зовут эту леди?

— Бакс. Антуанетта Бакс. Я подтолкнул ее, чтобы не упала на газовый гигант.

— А зачем она летала у газового гиганта?

— Честно говоря, не знаю.

— Клавэйн, а почему у нее два имени?

— Потому что... — начал он и вдруг понял: если продолжать в том же духе, неизбежно уткнешься в войну. — Послушайте, дети, мне нельзя вас отрывать от важного дела!

Он почувствовал перемену в настроении стариков — те испытали огромное облегчение.

— Ну, и кто мне покажет, как хорошо он умеет летать?

Такого подбадривания от знаменитого взрослого детям как раз и не хватало. Сразу в голове зазвучал хор: «Клавэйн, я, это я!»

Он смотрел, как дети, спеша опередить друг друга, прыгают в пустоту.

Мгновение назад он еще смотрел на сплошную стену растительности, но шлюпка вдруг прорвала зеленое мерцание и выплыла на поляну. После встречи с детьми полет продолжался всего три-четыре минуты. Робот знал, где искать Фелку.

Поляна имела сферическую форму, окруженная зеленью со всех сторон. Ее прорезала дубовая балка, к которой лепились жилища. Шлюпка приблизилась к балке и зависла, позволяя Клавэйну сойти. Тот поплыл, цепляясь за лозы и лестницы, отыскивая проход внутрь. Слегка закружилась голова. В глубине мозга рождался крик протеста против этого безрассудного полета сквозь крону высокого леса. Но долгие годы приучили не замечать этого беспокойства.

— Фелка! — позвал он. — Это Клавэйн!

Ответа не последовало. Клавэйн полез дальше, головой вперед.

— Фелка? — смущенно позвал он.

— Клавэйн, здравствуй!

Голос, сфокусированный причудливыми изгибами полости, показался грохотом, хотя самой Фелки вблизи не было видно.

Не уловив ее мыслей, Клавэйн поплыл на голос. Фелка редко участвовала в умственном единении сочленителей. А когда участвовала, Клавэйн сохранял дистанцию, не пытаясь проникнуть в ее разум. Уже давно они договорились не соприкасаться разумами, разве что на самом поверхностном уровне. Большее воспринималось как непрошеное вторжение в личное пространство.

Колодец завершился расширением, похожим на матку. Там, в своей лаборатории-студии, Фелка жила почти безвылазно. На стенах — головокружительно сложная древесная текстура. Клавэйну ее эллипсы и узлы напоминали геодезические контуры сильно деформированного пространства. Настенные светильники порождали грозные монстрообразные тени.

Он оттолкнулся пальцами, проплыл, касаясь причудливых деревянных фигурок, свободно парящих в комнате. Бóльшую их часть узнал, но появилась и парочка новых. Подхватил на лету одну, брякнувшую глухо, поднес к глазам. Спираль в форме человеческой головы, в проеме видна голова поменьше, а в ней еще одна. Возможно, есть и другие. Клавэйн выпустил предмет, подхватил другой — сферу, ощетинившуюся деревянными шипами, выдвинутыми на разные расстояния. Потрогал один — и тотчас внутри сферы щелкнуло и передвинулось, будто в личинке замка.

— Фелка, вижу, ты времени зря не теряла.

— И не я одна, — ответила она. — Я слышала отчет. Загадочный пленник?

Клавэйн проплыл мимо дрейфующих деревянных устройств, обогнул балку. Протиснулся сквозь входное отверстие в небольшое

помещение без окон, освещенное лишь фонарями. Их свет окрашивал розовым и изумрудно-зеленым землистые стены. Одна состояла целиком из деревянных лиц, со слегка искаженными, укрупненными чертами. С краю находились лица лишь полуоформленные, напоминающие изъеденных кислотой горгулий. Воздух благоухал смолой.

— Вряд ли пленник — персона значительная. Личность еще не установили, но, скорее всего, это обычный уголовник из гиперсвиней. Траление открыло с полной определенностью: недавно он убивал людей. О деталях распространяться не буду, щадя твой слух, но этот подонок весьма изобретателен в убийствах. Творческая личность. Свиней зря считают лишенными воображения.

— Я их никогда не считала лишенными воображения. А что за дело со спасенной женщиной?

— Забавно, как быстро распространяются слухи. — Он тут же вспомнил, что сам рассказал детям про Антуанетту Бакс.

— Она удивилась?

— Не знаю. А ей стоило удивиться?

Фелка фыркнула.

Она парила среди студии, в мешковатой рабочей одежде похожая на раздувшуюся планету, окруженную множеством хрупких деревянных спутников. Дюжина неоконченных поделок крепилась к талии нейлоновыми шнурами. Такие же шнуры удерживали у пояса инструменты: от простейших штихелей и напильников до лазеров и крошечных роботов-бурильщиков.

— Наверное, она ждала смерти. В лучшем случае присоединения к нам.

— Кажется, тебя смущает, что нас боятся и ненавидят.

— Да, над этим стоит задуматься.

Фелка вздохнула, словно они говорили об этом много раз и никак не могли убедить друг друга.

— Клавэйн, мы давно знакомы?

— Для обычного людского знакомства — очень давно.

— Да. И бóльшую часть этого времени ты был солдатом. Конечно, не всегда воевал. Но в воображении ты всегда был на войне.

Не отводя от Клавэйна взгляда, Фелка подхватила неоконченную конструкцию, посмотрела сквозь ее проемы.

— И отчего-то мне думается: не поздновато ли для нравственного самокопания, а?

— Возможно, ты права.

Фелка прикусила нижнюю губу. Ухватившись за шнур потолще, подтянулась к стене; рой прицепленных к поясу инструментов и поделок заклацал, застучал. Она взялась готовить чай для гостя.

— Тебе не потребовалось ощупывать мое лицо, — заметил Клавэйн. — Следует воспринимать это как хороший знак?

— Знак чего?

— Того, что ты стала лучше распознавать лица.

— Не стала. Ты заметил стену лиц по пути сюда?

— Похоже, ты соорудила ее недавно.

— Когда приходят те, кого я не могу узнать, я ощупываю лица, запоминаю ощущения в кончиках пальцев. Затем щупаю деревянные лица на стене, пока не отыщу схожее. Затем читаю подпись. Конечно, временами приходится добавлять новые лица. Но некоторым достаточно и грубого подобия.

— А я?

— У тебя же борода, много морщин. И редкие седые волосы. Насчет тебя едва ли можно ошибиться. Ты не похож ни на кого.

Она протянула колбу с чаем. Клавэйн выдавил в рот струйку обжигающей жидкости.

— Да уж, не похож. Тут, пожалуй, и сказать нечего...

Он постарался взглянуть на Фелку со всей возможной беспристрастностью, сравнивая ее теперешнюю и давешнюю, какой она была до его путешествия на «Паслене». Миновала только пара недель, однако Фелка казалась замкнутой, отдалившейся от мира. Такого не было уже несколько лет. Рассказывала о гостях — но их вряд ли было много.

— Фелка, посмотри на меня, — попросил он.

Ее черные волосы — такие же длинные, как у Галианы, — были спутаны и грязны. В уголках глаз — крупицы засохшей слизи. Радужки бледно-зеленые, почти нефритового оттенка — и бледно-розовые белки в сеточке кровавых жилок. Под глазами синеватые дрябловатые мешочки. В отличие от большинства сочленителей Фелке, как и Клавэйну, требовался сон.

— Пообещай мне.

— Что именно?

— Если... вернее, когда станет совсем плохо, ты же мне скажешь, правда?

— И какой в этом смысл?

— Ты ведь знаешь, я всегда стараюсь сделать как лучше для тебя. Галианы больше нет с нами, остается лишь мне...

Ее красные от бессонницы глаза смотрели внимательно и строго.

— Ты всегда старался как мог. Но не в твоих силах изменить мою суть. Ты не волшебник.

Он уныло кивнул. Печальная истина. Сделать и впрямь ничего нельзя.

Фелка не была похожа на других сочленителей. Впервые Клавэйн ее встретил, когда во второй раз посетил Гнездо Галианы на Марсе. Фелка была крошечным ущербным ребенком, результатом неудачных экспериментов с мозгом зародыша. Она не только не распознавала лица — вообще была не способна к общению с людьми. Весь ее мир составляла единственная, без остатка поглощающая игра. Гнездо Галианы окружало гигантское сооружение, известное как Великая Марсианская Стена, плод неудачной попытки терраформирования, поврежденный предыдущей войной. Но Стена не обрушилась, поскольку игра Фелки включала принуждение аппаратов самовосстановления Стены к действию — бесконечный увлекательный процесс выявления неполадок и распределения скудных драгоценных ресурсов. Стена высотой в двести километров сложностью не уступала человеческому телу, а Фелка управляла всем ее существом, была ее иммунитетом, контролируя вплоть до крохотной клетки. Справлялась Фелка гораздо лучше компьютера. Хотя и не могла общаться с людьми, она с удивительной легкостью решала сложнейшие задачи.

В конце концов Стена пала под натиском прежних соратников Клавэйна, Коалиции за невральную чистоту. Галиана, Фелка и Клавэйн предприняли отчаянную попытку удрать из Гнезда. Галиана пыталась разубедить Клавэйна, не хотела брать Фелку. Говорила, что для нее стресс расставания со Стеной окажется горше смерти. Но Клавэйн все равно забрал девочку, убежденный, что она не безнадежна, ее разум способен найти замену Стене.

И оказался прав — но на доказательство правоты ушло много лет.

На протяжении четырех веков — хотя субъективно Фелка прожила лишь столетие — ее мягко подталкивали, уговаривали, обучали, приведя к нынешнему хрупкому душевному равновесию. Осторожные, кропотливые модификации мозга вернули ей многие способности, разрушенные экспериментами с мозгом зародыша. В ней

крепло убеждение в том, что люди — не просто движущиеся объекты, а нечто живое, разумное и подобное ей. Многое восстановить не удалось. Например, Фелка не научилась узнавать лица. Но успехов было гораздо больше. Она нашла для себя интересные занятия; она никогда не была так счастлива, как во время долгого межзвездного путешествия. Каждый новый мир представал перед ней восхитительно сложной головоломкой.

Но в конце концов Фелка решилась повернуть домой. С Галианой она не поссорилась и отношения к ней не изменила. Просто ощутила, что настало время осмыслить и обобщить узнанное — а этим лучше всего заниматься в Материнском Гнезде с его огромными вычислительными ресурсами и базами данных.

Но по возвращении она застала Материнское Гнездо увязшим в войне. Клавэйн тут же отправился сражаться с демархистами, а Фелка обнаружила, что анализ привезенных экспедицией данных — более не первостепенная задача.

Клавэйн наблюдал, как год за годом Фелка очень медленно, едва заметно отступала в свой мир, закрытый для остальных. Принимала все меньше участия в жизни Материнского Гнезда, изолировала разум от других сочленителей, открываясь лишь изредка. Когда вернулась Галиана в жутком промежуточном состоянии, не живая и не мертвая, Фелке стало заметно хуже.

Окружавшие ее поделки были отчаянной попыткой занять разум хоть чем-то соответствующим его способностям. Но все это было обречено рано или поздно наскучить. Клавэйн уже наблюдал подобное. Знал, что нужное ей он дать не в силах.

— Возможно, когда война окончится, мы снова полетим к звездам, будем исследовать... — беспомощно забормотал он.

— Клавэйн, не давай обещаний, которых не можешь выполнить.

Фелка швырнула свою колбу с чаем на середину комнаты. Принялась рассеянно ковырять недоделанную игрушку — куб, сделанный из меньших кубов, с квадратными отверстиями в гранях. Сунула резец в отверстие, заскребла, почти не глядя на вещь.

— Я ничего не обещаю, — возразил Клавэйн. — Просто говорю: сделаю, что смогу.

— Жонглеры образами мне вряд ли помогут.

— Не попробуешь — не узнаешь, разве нет?

— Да, попробовать можно.

— Вот и прекрасно!

В поделке брякнуло. Фелка зашипела, будто рассерженная кошка, отбросила испорченную вещь. Та врезалась в ближайшую стену, рассыпалась на сотни угловатых кусочков.

Почти машинально Фелка схватила новую поделку и принялась работать над ней.

— А если не помогут жонглеры, можем попытать счастья у затворников.

— Давай не будем забегать вперед, — улыбнулся Клавэйн. — Если не получится с жонглерами, подумаем о других возможностях. Но это потом. У нас осталось небольшое, но важное дело — выиграть войну.

— Говорят, исход известен. Война скоро кончится в нашу пользу.

— Говорить легко.

Резец неловко повернулся в руке Фелки, скользнул по пальцу. Чуть вспорол кожу, отделил лоскуток. Фелка сунула палец в рот, потянула воздух, будто высасывала из лимона сок до последней капли.

— И отчего же ты сомневаешься?

Захотелось понизить голос, хотя в этом не было никакого смысла.

— Не знаю. Возможно, я попросту старый дурак. Но для чего еще старые дураки нужны, если не для сомнений?

— Клавэйн, пожалуйста, не говори загадками, — терпеливо попросила Фелка.

— Дело в Скади и Узком совете. Что-то затевается — и я не знаю что.

— И что конкретно тебе не нравится?

Клавэйн задумался над ответом. Как бы он ни доверял Фелке, все же она член Узкого совета. Да, она в последнее время не участвует в заседаниях и, скорее всего, не знает о событиях, но это мало что меняет.

— Мы уже целый век не строим корабли. Никто не объяснил мне почему, и я давно понял: спрашивать бесполезно. Но с некоторых пор до меня доходят слухи о секретных разработках, о негласных экспериментах, о тайных программах развития технологий. Когда демархисты уже готовы капитулировать, Узкий совет вдруг объявляет о совершенно новом звездолете. «Паслен» — это прежде всего оружие. Фелка, ну против кого они его применят, если не против демархистов?

— Они?

— Я имел в виду — мы.

— И ты задумался, не планирует ли Узкий совет что-то большое и важное?

— Имею право поинтересоваться, — ответил Клавэйн, посасывая чай.

Фелка замолчала. Резец мерно скреб по древесине.

— Клавэйн, ты же знаешь: если я могу ответить на твои вопросы, я отвечаю. Но никогда не раскрою доверенного мне Узким советом. И ты бы не раскрыл на моем месте.

— Я ничего другого и не ожидал. — Он пожал плечами.

— Но если бы я и захотела раскрыть, не смогла бы. Похоже, я не знаю очень многого. Например, чем занимается Внутреннее святилище. Меня никогда не подпускали к нему, и уже несколько лет я не имею доступа к материалам Узкого совета. — Фелка указала резцом на свою голову. — Кое-кто даже хочет, чтобы оттуда вычистили все воспоминания об Узком совете, о моей активной деятельности в нем. Их останавливает лишь непонятная анатомия моего мозга. Нет уверенности, что сотрешь нужное.

— У каждой монеты две стороны.

— Да. Но у этой проблемы есть решение. Притом очень простое.

— И какое же?

— Ты всегда можешь присоединиться к Узкому совету.

Клавэйн вздохнул. Задумался, отыскивая лучший ответ. Впрочем, к чему стараться? Никакой ответ Фелку не убедит.

И тогда он попросил:

— А можно еще чаю?

Скади шагала по плавно изгибающимся серым коридорам Материнского Гнезда. Гребень на ее черепе пылал ярко-фиолетовым цветом крайней сосредоточенности и гнева. Она спешила в зал, договорившись о встрече с Ремонтуаром и представительной группой способных явиться во плоти членов совета.

Разум Скади работал почти на предельной скорости, готовя эту очень важную и ответственную встречу — быть может, самую важную в деле привлечения Клавэйна в совет. Большинство членов совета сделалось пешками в руках Скади, но оставались упрямцы, которых убедить будет очень нелегко.

Также она просматривала результирующие данные о работе аппаратуры, смонтированной на «Паслене». Они поступали в мозг с компада, — закрепленный на животе, тот напоминал пластину бронежилета. Данные воодушевляли: похоже, кроме проблемы сохранения секретности, ничто более не препятствует испытаниям крупнее и серьезнее. Скади уже сообщила главному конструктору хорошую новость, с тем чтобы последние модификации, опробованные на «Паслене», были применены на кораблях, предназначенных для исхода.

Вдобавок ко всему разум Скади был занят еще и осмыслением свежего послания от Феррисвильской конвенции.

И послание это не предвещало хорошего.

Скади воспроизвела его снова, не убавляя шага. Перед лицом плясало изображение говорящего. Проигрывалась запись на скорости, десятикратно превышающей нормальную, отчего жесты казались нервными судорогами.

— Это формальный запрос ко всем членам фракции сочленителей, — говорил представитель. — Феррисвильской конвенции известно, что судно сочленителей взяло на абордаж демархистский корабль вблизи газового гиганта, находящегося в спорном пространстве...

Скади ускорила шаг. Она воспроизвела послание уже восемнадцать раз, отыскивая нюансы, указывающие на скрытые оттенки смысла либо обман. В запросе содержался длинный и чрезвычайно скучный список отсылок к законам и уложениям конвенции. Их Скади проверила, осмыслила и нашла совершенно непробиваемыми.

— Сочленители не были осведомлены о том, что капитан корабля демархистов Марушка Чанг уже вступила в контакт с официальными представителями Феррисвильской конвенции касательно передачи в их ведение находящегося на борту заключенного. Упомянутый заключенный появился на борту корабля демархистов, будучи арестован на подлежащем юрисдикции демархистов астероиде, где находится военная база, согласно...

Опять нудный список актов и законов. Надо прокрутить вперед.

— Упомянутый заключенный, гиперсвинья, известный Феррисвильской конвенции как Скорпион, находится в розыске по подозрению в совершении следующих нарушений закона о чрезвычайном положении...

Скади просмотрела послание еще раз, но не обнаружила ничего, не замеченного ранее. Законники конвенции слишком озабочены мельчайшими юридическими деталями, чтобы решиться на обман. С очень высокой вероятностью сказанное о гиперсвинье — правда. Скорпион — известный властям преступник, злобный убийца, склонный к насилию, прежде всего над людьми. Должно быть, Чанг сообщила конвенции о передаче преступника, использовав сфокусированный луч, причем до того, как «Паслен» сумел приблизиться на расстояние, достаточное для перехвата таких сообщений.

А Клавэйн, будь он неладен еще раз, не сделал должное, не уничтожил корабль демархистов при первой возможности. Конвенция бы поворчала, но ведь Клавэйн имел полное право так поступить. Он мог не знать о наличии на борту заключенного и уж вовсе не был обязан расспрашивать врага перед тем, как открыть по нему огонь. А вместо этого взял и спас гиперсвинью.

— Требуем немедленного предоставления пленного в наше ведение, в нормальном состоянии здоровья, без каких-либо нейроимплантатов в мозгу, в течение двадцати шести стандартных дней. Неподчинение этому требованию приведет... — Представитель конвенции замолчал, с нелепой значительностью потер руки и продолжил: — Неподчинение этому требованию неизбежно приведет к значительному ухудшению отношений между фракцией сочленителей и Феррисвильской конвенцией.

Скади хорошо понимала представителя. Не то чтобы свинья-уголовник сам по себе такая ценность. Но его передача исключительно важна как пример и прецедент. В пространстве, формально контролируемом силами конвенции, дела с поддержанием законности обстоят до крайности скверно. А свиньи — могущественное и не слишком чтящее закон сообщество. Преступность захлестывала Феррисвильскую конвенцию и в ту пору, когда Скади по поручению Узкого совета отправилась на тайную операцию в Город Бездны, где едва не погибла. С тех пор обстановка определенно не улучшилась. Захват свиньи, образцово-показательный суд и казнь весьма отчетливо просигналят преступному миру, а в особенности криминальным слоям общества свиней: закон силен и действен. На месте представителя конвенции Скади тоже добивалась бы выдачи преступника.

Но оттого ситуация с гиперсвиньей проще не становилась. С одной стороны, в теперешних обстоятельствах — тех, о каких знали

лишь немногие, — не было никакой необходимости идти на поводу у конвенции. Еще немного, и он потеряет всякую значимость для сочленителей. Главный конструктор заверил: строительство эвакуационной флотилии завершится через семьдесят дней. Причин сомневаться в точности прогноза нет.

Менее чем через три месяца все прочее потеряет значение. Но и тут кроется серьезная проблема. Существование флота и, главное, причину его строительства следует держать в полном секрете. У всякого внешнего наблюдателя должно создаться впечатление, будто пауки просто рвутся к победе, наращивают силы. Любая другая мотивация непременно вызовет подозрения и в Материнском Гнезде, и снаружи. А если правду откроют демархисты, есть шанс — пусть и крохотный, но отнюдь не пренебрежимо малый, — что они сумеют сплотиться и переломить ход войны. Используют полученную информацию, чтобы привлечь прежде нейтральные стороны. Сейчас демархисты обессилены, но если соединятся с ультра, они смогут серьезно помешать планам Скади.

Нет. Чтобы наверняка обеспечить победу, следует хотя бы внешне придерживаться конвенции. Придется найти способ возвращения свиньи, причем до того, как начнут разрастаться подозрения.

Гнев захлестнул Скади целиком. Она заставила изображение представителя замереть, почернеть — и решительно ступила сквозь него. Оно разлетелось черными хлопьями, стаей воронья.

ГЛАВА 6

Служебный самолет в кратчайшее время доставил бы инквизитора в Зольнхофен, но она решила последний участок пути проделать наземным транспортом, высадившись у ближайшего к месту назначения городка.

Назывался он Одюбон и представлял собой россыпь складов, лачуг и жилых куполов, пронизанную грузовыми трубопроводами, линиями железной дороги и шоссе. На окраине вонзались в шиферно-серое северное небо ажурные мачты причалов для дирижаблей. Но все пустовали — и не похоже было, что дирижабли прибывали в последнее время.

Самолет выпустил пассажирку на забетонированную полосу между складами, выщербленную, со следами колес. Инквизитор шла быстро, шурша сапогами о колючую поросль приспособленной к Ресургему травы, пробивавшейся тут и там через бетон. Тревожась немного, она посмотрела, как самолет взлетает и уходит назад, к Кювье, готовый служить другому чиновнику, пока инквизитор не закажет обратный рейс в столицу.

За ней наблюдали копошившиеся поблизости рабочие, но в таком отдалении от Кювье инквизиция особого интереса не вызывала. Конечно, и здесь многие сразу узнают в неожиданной гостье чиновника, пусть и в гражданской одежде, — но уж вряд ли предположат, что она преследует военного преступника. Скорее, посчитают сотрудницей полиции либо одного из множества отделов правительства, присланной для контроля расходов. Если бы она прибыла с вооруженным конвоем — отрядом полиции либо роботом, — то привлекла бы больше внимания.

Люди поспешно отворачивались, заметив, что инквизитор на них смотрит, отходили прочь. До придорожной гостиницы она добралась беспрепятственно.

Виллемье носила темную, ничем не выделяющуюся одежду, поверх нее — длиннополый плащ, оставшийся с той поры, когда на планете бушевали бритвенные бури. У ворота спереди располагался карман для дыхательной маски. Наряд дополняли черные перчатки. На спине висел рюкзачок с личными вещами. Лоснящиеся черные волосы были коротко пострижены, челка спадала на глаза. Она скрывала небольшую рацию с наушником и ларингофоном. Это устройство инквизитор собиралась использовать исключительно для вызова самолета. Вооружена она была небольшим пистолетом-бозером, изготовленным ультра; в глазу сидела контактная линза-прицел. Но пистолет — лишь для уверенности. Использовать его вряд ли придется.

Гостиница представляла собой двухэтажное здание у главной трассы на Зольнхофен. Огромные грузовики с широкими дутыми колесами рокотали на шоссе, под их высокими рамами свисали перезрелыми гроздьями гофрированные контейнеры. Водители сидели в герметичных кабинах, закрепленных на суставчатых кронштейнах. Такая кабина могла и опускаться до земли, и высоко подниматься, позволяя водителю перебраться в нее с верхнего этажа здания.

Обычно водитель находился в головной машине каравана из четырех-пяти машин. Никто не доверял автоматике настолько, чтобы оставить грузовики без присмотра.

Гостиница выглядела ветхой и грязной, потому инквизитор решила не снимать перчаток. Она подошла к компании шоферов, которые сидели за столом и вели скучный разговор, в основном жалуясь на скверную работу. На столе — чашки с недопитым кофе, тарелки с объедками и плохо отпечатанная газета со свежим портретом Торна. Статья перечисляла его новые антиобщественные деяния. Коричневая дуга подсохшего кофе окружала голову террориста, словно нимб.

Инквизитор долго стояла рядом с шоферами. Показалось — несколько минут. Наконец один соизволил обратить внимание.

— Меня зовут Виллемье, — сообщила она. — Мне нужно в Зольнхофен.

— Виллемье? Что-то я такое слышал...

— Я рада. Но это обычное на Ресургеме имя.

Водитель смущенно кашлянул, затем проговорил с сомнением:

— В Зольнхофен, значит?

Будто услышал впервые.

— Именно в Зольнхофен. Это небольшое поселение у дороги. Больше того, оно первое на трассе после этого городка. Наверняка вы его проезжали пару раз.

— Милашка, Зольнхофен мне вовсе не по пути.

— Разве? Как интересно. А я думала, ваш путь прямиком идет через Зольнхофен. Трудно представить, как он может быть не по пути. Разве что вовсе с дороги съехать.

Она достала деньги. Хотела положить на усыпанный объедками стол, но передумала. Покачала ими перед носом водителей, купюры похрустели, зажатые черной кожей перчатки.

— Вот мое предложение: половина сразу — тому, кто доставит меня в Зольнхофен, на четверть больше — если выезжаем в пределах получаса, остальное — если прибудем до рассвета.

— Я бы в принципе мог, — сказал один. — Но в такое время года несподручно...

— Торговаться не стану, — перебила Виллемье, решившая не играть в дружелюбие.

Она не надеялась понравиться водителям. Чиновников эти парни на дух не переносят и соглашаются делить с ними кабину только

за приличные деньги. Едва ли можно винить шоферов за это. Здешние чиновники любого калибра — малоприятная публика.

Если бы Виллемье сама не была инквизитором, она боялась бы инквизиторов до дрожи.

Но деньги умеют творить чудеса. Через двадцать минут она уже сидела в кабине мощного грузовика и смотрела, как тускнеют позади огни Одюбона. Машина везла лишь один контейнер. Она мягко пружинила на огромных колесах, покачивалась, убаюкивала. В кабине было тепло и спокойно. Водитель предпочел слушать музыку, а не вести пустые разговоры.

Поначалу Виллемье следила за работой шофера. Машина лишь изредка требовала его участия. Несомненно, она вполне удержалась бы на дороге и без человеческой помощи, но местный профсоюз настоял на присутствии водителя.

Изредка проносились встречные грузовики, но большей частью впереди расстилалась только бескрайняя и безлюдная ночь. Казалось, они едут в никуда, в сплошную темноту.

На коленях Виллемье лежала газета со статьей о Торне. Инквизитор перечитала ее несколько раз, ощущая усталость. Мертвый казенный стиль, спотыкающиеся фразы. В статье Торна и его сподвижников представляли бандой отъявленных бандитов, озабоченных свержением правительства с единственной целью: ввергнуть колонию в хаос анархии. Лишь мельком упоминалась объявленная Торном цель — эвакуировать Ресургем, используя субсветовик триумвира. Инквизитор знала достаточно о Торне, чтобы представлять его истинное намерение. Еще со времен Силвеста одно правительство за другим упорно отрицало грозящую колонии опасность, возможность повторения того, что погубило амарантийцев миллион лет назад. Со временем — в темные, отчаянные годы, последовавшие за падением режима Жирардо, — перспективу гибели колонии во внезапной катастрофе прекратили обсуждать публично. Одно упоминание об амарантийцах, не говоря уже об их судьбе, обеспечивало человеку клеймо потенциального бунтовщика, нарушителя порядка. Но Торн был прав. Хотя катастрофа не угрожала разразиться в ближайшем будущем, опасность сохранялась.

Его сподвижники и в самом деле совершали теракты против правительства, но они наносили точно рассчитанные удары, с минимумом посторонних жертв. Иногда это делалось ради саморекламы, но большей частью ради грабежа. Свержение нынешнего правитель-

ства, безусловно, входило в планы Торна, но единственной целью не являлось.

Торн полагал, что субсветовик триумвира еще находится неподалеку, в пределах звездной системы. И считал, что правительство знает, где именно этот звездолет. Утверждал, что у правительства есть два работающих шаттла, способных перевезти население на корабль «Ностальгия по бесконечности».

Потому Торн составил несложный план: сперва выяснить, где находятся шаттлы, потом свергнуть правительство либо так ослабить его, чтобы беспрепятственно захватить корабли. Наконец предоставить населению возможность собраться в одном месте, откуда шаттлы смогут перевезти желающих на субсветовик. Последнее действие подразумевало захват власти, но Торн неоднократно подчеркивал, что хочет обойтись наименьшей кровью.

Судя по статье, в нежелании проливать кровь Торна уж точно нельзя заподозрить. Угроза Ресургему объявлялась смехотворной, цели Торна извращались, сам он выставлялся безумным маньяком, число гражданских жертв сильно преувеличивалось.

Инквизитор внимательно рассмотрела портрет. Она никогда не встречала Торна лично, но знала о нем многое. Рисунок мало походил на оригинал, но Департамент внутренних угроз счел изображение достаточно правдивым. Что ж, тем лучше.

— Я бы на вашем месте не тратил время на эту чепуху, — заявил вдруг водитель, когда Виллемье наконец задремала. — Парень уже труп.

— Кто? — спохватилась она, моргая.

— Торн. — Шофер ткнул толстым пальцем в газету. — Ну, тот, который на рисунке.

Интересно, этот человек специально выжидал, когда она задремлет? Это у него такие невинные игры с пассажирами?

— Я не знаю, жив он или нет. В газетах не читала про его смерть и в новостях не слышала.

— Правительство его шлепнуло. Давно на него зуб точило.

— Как же его могли шлепнуть, даже не зная, где он?

— Да знали они, вот в чем дело. И пока не хотят, чтобы нам про это стало известно.

Виллемье подумала, что шофер издевается над ней. Наверное, догадался, что везет правительственного чиновника, и решил: она слишком занята своим делом, чтобы доносить о мелком зубоскальстве.

— Если застрелили, так почему не объявляют? Тысячи людей считают, что Торн отведет их к земле обетованной.

— Да, но единственное, что для них хуже живого мессии, — это мессия, превратившийся в мученика. Если разлетится слух о его смерти, беды́ не оберешься.

Виллемье пожала плечами, сложила газету:

— Вообще-то, я не уверена, что он вообще существовал. Может, правительство как раз и хотело создать фигуру народного вождя, бунтаря, чтобы сильней придавить народ. Вы же вряд ли верите всем историям про него.

— Про спасение с Ресургема? В это уж точно не верю. Хотя было бы здорово, если б это оказалось правдой. Мы бы избавились разом от всех нытиков.

— Вы и в самом деле так считаете? Что желающие покинуть планету — нытики?

— Прости, милашка. Я вижу, с какой ты стороны баррикад. Но кое-кому нравится эта планетка. Уж не обижайся.

— Я не обижаюсь.

Она откинулась на сиденье, прикрыла газетой лицо. Если этот сигнал не дойдет до водителя, тогда уж ничего не поделаешь. Придется терпеть.

К счастью, до него дошло.

На этот раз дрема благополучно перешла в глубокий сон. Снилось былое, являлись воспоминания, разбуженные голосом агента номер четыре. Виллемье так давно ее не видела! И уже старалась не думать о ней как о реальном человеке. Живые воспоминания были слишком болезненными. За ними тянулись воспоминания о прибытии Виллемье на Ресургем, о жизни, в сравнении с теперешним блеклым существованием казавшейся волшебной сказкой.

Этот голос — он будто дверь в прошлое. А там многое, от чего нельзя убежать и спрятаться. И забыть о нем тоже нельзя.

Какого же черта агент номер четыре позвонила?

Она проснулась, ощутив перемену в движении. Водитель загонял машину к месту разгрузки.

— Где мы?

— Зольнхофен как он есть. Рекламы нету, здесь тебе не столица. Но ты ведь сюда и хотела.

Сквозь щель в стене склада виднелось небо с кровавым отливом. Рассвет.

— Мы слегка опоздали, — заметила Виллемье.

— Милашка, мы прибыли в Зольнхофен четверть часа назад. Но ты спала как убитая. Я будить пожалел.

— Да уж, пожалел, — проворчала инквизитор, но все же отдала водителю остаток денег.

Ремонтуар наблюдал, как пришедшие последними члены совета рассаживаются по ярусам кресел. Из старейших кое-кто мог добраться самостоятельно, но большинству помогали роботы, экзоскелеты либо целые рои черных летающих дронов величиной не больше наперстка. Некоторые из членов совета были настолько близки к концу телесного существования, что уже почти покинули бренные тела. Они представляли собой головы на паукообразных устройствах для перемещения. У двоих напичканный машинерией мозг раздался настолько, что уже не помещался в черепной коробке. Собственно, кроме мозга, плавающего в прозрачной куполовидной емкости, присоединенной к пульсирующей аппаратуре жизнеобеспечения, ничего телесного у этих людей не оставалось. Они принадлежали к числу наиболее обобществившихся сочленителей, теперь едва ли не вся их умственная деятельность проходила в сети. Если бы не многолетняя привычка к телесному существованию, они бы отказались и от мозга. Так древний аристократический род не спешит разрушать свое ветхое гнездо, хотя там уже никто не живет.

Ремонтуар ловил мысли каждого новоприбывшего. Явились люди, которых уже давно считали мертвыми, те, кто никогда на памяти Ремонтуара не участвовал в заседаниях Узкого совета.

Дело Клавэйна привлекло всех, даже давно отошедших от дел.

Ремонтуар вдруг ощутил присутствие Скади. Она появилась на полукруглом балконе. Зал совета был изолирован от всех потоков информации, воспринимаемых мозгом сочленителей. Находящиеся внутри могли общаться без помех, но были полностью отрезаны от остальных разумов Материнского Гнезда. Это позволяло совету общаться свободно, не опасаясь прослушки.

Ремонтуар оформил мысль, обозначил ее как имеющую первостепенную важность, чтобы привлечь общее внимание, и разослал членам совета.

— Клавэйну известно об этом заседании?

Скади резко повернулась к нему:

— С какой стати ему знать?

— Но ведь мы собрались говорить о нем — за его спиной.

Скади улыбнулась:

— Если бы он согласился присоединиться к нам, не было бы нужды в этом разговоре. Проблема не во мне — в Клавэйне.

Ремонтуар встал. Теперь все взгляды были направлены на него. А кто не имел глаз, тот навел сенсорное устройство.

— Скади, разве он создал какие-либо проблемы с ним? Я против того, чтобы мы обсуждали судьбу Клавэйна втайне от него.

— Я не вижу в этом ничего дурного. Мы все желаем ему только хорошего. И я полагала, что вы, его друг, лучше других поймете это.

Ремонтуар окинул взглядом зал. Фелки не видно, и это вовсе не удивительно. Она имеет полное право быть здесь, но вряд ли Скади захотела ее пригласить.

— Да, признаю: мы с Клавэйном друзья. Он не раз спасал мне жизнь. И мы через многое прошли вместе. Это значит, что мое отношение к нему может быть слишком субъективным. Но, думаю, моя субъективность никого здесь не введет в заблуждение. И я скажу вам вот что...

Ремонтуар помолчал, обводя зал взглядом, всматриваясь в лица.

— Нужно ли кому-либо напоминать, чем нам обязан Клавэйн? Что бы вам ни внушала Скади, правда такова: ничем не обязан. Если бы не он, никого из нас здесь бы не было. Он был для нас не менее важен, чем Галиана. Не менее. Помните об этом.

— Конечно, Ремонтуар прав, — подхватила Скади. — Но заметьте: он говорит о Клавэйне в прошедшем времени. Все его великие подвиги в прошлом, причем в далеком. Я не отрицаю, что после возвращения из экспедиции он хорошо послужил Материнскому Гнезду. А остальные разве справлялись плохо? Клавэйн проявил себя не хуже, но и не лучше прочих старших сочленителей. Но разве мы не вправе ожидать от него большего?

— Чего же именно?

— Большего, чем упрямое солдафонство, чем постоянный риск.

Ремонтуар понял: хотел того или нет, стал адвокатом Клавэйна. И ощутил легкое презрение к прочим членам совета. Знал: многие из них обязаны Клавэйну жизнью. И могли бы о том заявить. Но здесь и сейчас — промолчат. Не осмелятся перечить Скади.

Защищать друга придется в одиночестве.

— Кому-то ведь нужно патрулировать границы.

— Несомненно. Но у нас есть для этого люди гораздо моложе, быстрее и, откровенно говоря, менее ценные. Бесценный опыт Клавэйна нужен здесь, в Материнском Гнезде, доступный всем нам. Я не верю, что он совершает экспедиции за пределы Гнезда, исходя из чувства долга. Нет, им руководит чистейший эгоизм. Он пользуется принадлежностью к нашему сообществу, принадлежностью к выигрывающей стороне, не принимая полностью обязательств сочленителя. Это указывает на несовпадение его интересов с нашими, на самоуверенность — на то, что враждебно нашему образу мыслей. Полагаю, это указывает даже на предрасположенность к предательству.

— Предательство? Да никто не показал большей верности сочленителям, чем Невил Клавэйн! Может, кое-кому нелишне было бы освежить свои знания по истории?! — воскликнул Ремонтуар.

Голова на паучьих ногах шевельнулась в кресле.

— Я согласен с Ремонтуаром. Клавэйн ничем не обязан нам. Он доказал свою верность тысячи раз. Если не хочет работать в совете — имеет на то полное право.

На другом конце зала засиял контейнер с мозгом. Свет пульсировал в соответствии со спектром речи.

— В этом нет сомнений. Но несомненно и то, что у него есть моральное обязательство перед нами. Нельзя разбрасываться такими способностями, они должны использоваться в совете.

Мозг замолчал, питающие его насосы забулькали, захрипели. Узловатая масса нервной ткани медленно вздымалась, опадала, будто кусок доходящего теста.

— Я не одобряю провокационную риторику Скади, — продолжил мозг. — Но если ее отбросить, остается факт: отказ присоединиться к совету заставляет серьезно усомниться в верности Клавэйна Гнезду.

— Прекратите нести чушь! — прервал его Ремонтуар. — Неудивительно, что Клавэйн не спешит присоединиться к таким, как вы.

— Это оскорбление! — зашипел мозг.

Ремонтуар уловил общее настроение. Многих позабавила перепалка с мозгом, хотя открыто чувства и не выказывали. Распухший мозг не был настолько уважаемым, каким считал себя. Чувствуя, что чаша весов склонилась в нужную сторону и настал подходящий

момент, Ремонтуар подался вперед, сжав ладонями балюстраду, и резко спросил:

— Скади, ответьте нам, что происходит? Почему вы требуете его присутствия в совете именно сейчас, хотя совет многие годы прекрасно обходился без Клавэйна?

— Что вы имеете в виду под «именно сейчас»?

— Я имею в виду причину вашего требования. Что-то делается втайне от нас, я прав?

Гребень Скади полыхнул фиолетовым. Она стиснула челюсти, отступила, выгнув спину — будто загнанная в угол кошка. А Ремонтуар продолжал давить:

— Сперва мы ни с того ни с сего возобновляем строительство субсветовиков. Причем целый век мы не строили корабли по причинам столь секретным, что даже Узкому совету узнать о них не позволили. Затем явился на свет корабль — прототип нового флота, набитый под завязку машинами непонятного происхождения и назначения — опять же настолько секретными, что Высшему совету не позволено знать о них. Эскадра подобных кораблей строится в комете неподалеку отсюда — но опять же это все, что нам изволили сообщить. Уверен, Внутреннему святилищу следует дать нам дополнительные сведения.

— Ремонтуар, будь осторожен.

— Отчего же? Невинными рассуждениями я подвергаю себя смертельному риску?

Встал сочленитель с гребнем на черепе, немного похожим на гребень Скади. Этого члена совета Ремонтуар хорошо знал и был уверен: он не принадлежит к святилищу.

— Ремонтуар прав. За нашей спиной происходит нечто значительное, и дело Клавэйна — лишь часть этого. Прекращение строительства субсветовиков, странные обстоятельства возвращения Галианы, новые корабли, тревожные слухи об «адском» оружии. Нынешняя война — пустяк, не более чем маскировка для всей этой активности, о чем Внутреннему святилищу прекрасно известно. Может быть, истинная картина событий слишком некрасива для того, чтобы мы, простые члены Узкого совета, смогли ее понять и принять? Если так, то мне, как и Ремонтуару, не остается ничего, кроме предположений и рассуждений. И знаете, куда эти рассуждения приводят?

Сочленитель пристально посмотрел на Скади:

— Есть еще один странный слух, касающийся так называемого «Пролога». Уверен, не нужно напоминать вам, что это название Галиана дала финальной серии своих экспериментов на Марсе — и поклялась никогда их не повторять.

Ремонтуар заметил — а может, лишь показалось, — как на гребне Скади при упоминании «Пролога» сменились оттенки.

— При чем здесь «Пролог»? — спросил Ремонтуар.

Сочленитель перевел взгляд на него:

— Не знаю в точности, но могу предположить с немалой уверенностью: Галиана не хотела повторения экспериментов. Результаты оказались неимоверно полезными — но и страшными. Слишком страшными. Но когда Галиана в глубоком космосе, кто помешает Внутреннему святилищу повторить «Пролог»? И Галиане об этом сообщать вовсе не обязательно.

Слово «Пролог» Ремонтуар определенно уже слышал. Но если оно и в самом деле относилось к марсианским экспериментам... Это же четыре века назад! Потребуется весьма деликатная мнемоническая археология, чтобы пробиться сквозь слои памяти, — очень трудная работа, поскольку предмет раскопок окружает тайна.

Он решил, что проще спросить: «Что такое „Пролог“?»

— Ремонтуар, я отвечу на этот вопрос.

Звук обычного человеческого голоса, разнесшийся над тишиной зала, показался шокирующим: резким, неприятным.

Ремонтуар проследил, откуда донесся голос, — и обнаружил его хозяйку сидящей близ входа. Должно быть, Фелка явилась уже после начала заседания.

Скади впечатала в разумы собравшихся яростную мысль: «Кто ее позвал?!»

— Я, — ответил Ремонтуар добродушно и, ради Фелки, вслух. — Предположил, что вы не удосужитесь ее пригласить. А поскольку тема заседания — Клавэйн, присутствие Фелки я счел в высшей степени уместным.

— Именно так, — подтвердила Фелка.

Ремонтуар заметил движение в ее руке. Присмотрелся: Фелка принесла на заседание Узкого совета живую мышь.

— Скади, я не права? — осведомилась Фелка.

— Нет нужды разговаривать вслух. — Скади фыркнула. — Это слишком долго. Фелка способна слышать мысли не хуже любого из нас.

— Но если вы услышите мои мысли, вполне вероятно, все сойдете с ума, — улыбнулась Фелка.

От ее улыбки у Ремонтуара холодок пошел по коже. А ведь Фелка, похоже, права.

— Уж лучше не рисковать...

Фелка глянула на свою руку, где мышь гонялась за собственным хвостом.

— У вас нет права быть здесь!

— Есть, Скади. Иначе как бы прошла в зал? Меня бы не пропустила автоматика. И не будь я членом Узкого совета, едва ли могла бы знать о «Прологе».

Сочленитель, впервые упомянувший это название, заговорил вслух. Его высокий голос дрожал.

— Скади, значит, мои предположения верны?

— Не обращайте на нее внимания. Ей ничего не известно о программе.

— Значит, я могу разглашать что угодно? Это все равно не будет правдой? Хорошо, слушайте. Ремонтуар, «Пролог» — это эксперимент по неклассическому коррелированию сознания и квантового объекта. Думаю, вы должны помнить о том, как он проводился на Марсе. Результат далеко превзошел ожидания Галианы. Она свернула программу, испугавшись того, что обнаружила. На том дело и должно было закончиться. Но ведь не закончилось, правда?

Фелка посмотрела на Скади:

— Век назад эксперименты возобновились. Здесь. Именно сведения, полученные через «Пролог», побудили нас прекратить строительство кораблей.

— Мы получили послание через «Пролог»? — удивился Ремонтуар.

— Послание из будущего, — пояснила Фелка, словно растолковывая само собой разумеющееся.

— Вы шутите!

— Я совершенно серьезна. Кому знать, как не мне, — я принимала участие в экспериментах.

Мысли Скади разлетелись по комнате, будто холодные лезвия:

— Мы собрались, чтобы обсуждать Клавэйна, а не «Пролог»!

В лице Фелки не дрогнул ни единый мускул. Ремонтуар подумал, что она — единственная из собравшихся, кого не смогла подавить либо запугать Скади. В сознании Фелки уже жили страхи, каких Скади и не представить.

— Но ведь нельзя обсуждать одно, не затрагивая другое. Эксперименты продолжились, не правда ли? И они имеют прямое отношение к происходящему сейчас. Внутреннее святилище узнало нечто такое, к чему предпочитает нас не подпускать.

Скади заиграла желваками:

— Внутреннее святилище распознало приближающийся кризис.

— Что за кризис? — спросила Фелка.

— Наитяжелейшего рода.

Фелка кивнула понимающе, отодвинула спавшую на глаза тонкую черную прядь:

— И какова же роль Клавэйна во всем этом?

Мучительное замешательство Скади ощущалось почти физически. Мысли прибывали разрозненные, оборванные, будто, едва оформив их, она дожидалась подсказки от неслышного для остальных советчика.

— Клавэйн... может помочь... Он нужен... Кризис будет облегчен... если он поможет.

— И какой же помощи вы от него хотите? — не отставала Фелка.

На лбу Скади дернулась жилка. По гребню бежали друг за другом цветные волны, сталкивались, мерцали — словно краски на стрекозиных крыльях.

— Когда-то мы потеряли нечто очень ценное. И сейчас узнали, где оно. Клавэйн поможет нам его вернуть.

— Это «ценное», случаем, не оружие? — осведомилась Фелка.

Инквизитор попрощалась с водителем, подвезшим до Зольнхофена. Пока ехала, проспала пять-шесть часов, предоставив водителю прекрасную возможность покопаться в вещах, а то и выкинуть пассажирку в глухомани. Но все осталось нетронутым, включая пистолет. Водитель даже оставил вырезку про Торна.

Убогостью и нищетой Зольнхофен вполне оправдал ожидания. По его центру Виллемье блуждала всего несколько минут. Затем обнаружила «культурный центр» поселения — унылый пятачок, окруженный двумя неописуемо жалкими ночлежками для приезжих, парой невзрачных административных зданий и разномастными кабаками. За «центром» возвышались громоздкие ангары ремонтных мастерских — причина существования Зольнхофена. Дальше к северу огром-

ные терраформирующие машины превращали атмосферу Ресургема в газовую смесь, пригодную для человеческого дыхания. Несколько десятилетий они работали безукоризненно, но теперь, обветшав, легли тяжким бременем на неповоротливую централизованную экономику Ресургема. Городки, подобные Зольнхофену, кое-как добывали средства к существованию, обслуживая и ремонтируя терраформирующие машины. Работа эта была тяжелой и очень ответственной, требовала весьма специфических человеческих свойств — и определенной породы людей, этими свойствами обладающих.

Об этом инквизитор вспомнила, войдя в гостиницу. Ожидала, что хотя бы с утра пораньше здесь будет тихо, — но, едва ступив за дверь, обнаружила пиршество в полном разгаре. Гремела музыка, вокруг дико орали и хохотали. Виллемье вспомнила буйное веселье в казармах на Окраине Неба. Несколько гуляк уже отключились, сгорбившись над кружками, словно школьники над домашним заданием. От висящей в воздухе химической вони защипало глаза. Инквизитор стиснула зубы, выругалась вполголоса. Агент номер четыре всегда выбирала самые что ни на есть отвратительные дыры. Вспомнилась первая встреча с ней, на йеллоустонской «карусели», в баре. Наверное, худшей помойки во всем космосе не найти. Оперативница четыре обладала многими талантами, но выбор приличного места для встречи в их списке не значился.

К счастью, на появление инквизитора внимания никто не обратил. Она протиснулась мимо пьяных к заменителю стойки — к пробитой в стене дыре с торчащими по краям кирпичами. Угрюмая баба выпихивала кружки с выпивкой, словно баланду в тюрьме, и хватала деньги и пустые кружки с неприличной быстротой, будто опасалась, что клиенты сворują.

— Дайте кофе, — попросила инквизитор.

— Нету кофе.

— Тогда ближайший гребаный эквивалент кофе.

— Зачем хамить-то?

— Мать вашу, говорю так, как пожелаю. В особенности если не получаю кофе. — Виллемье подалась вперед, упершись в пластиковый край стойки. — Вы дадите мне кофе, правда? Я же не полмира хочу в подарок.

— Вы что, большая шишка?

— Нет. Просто женщина, которая хочет кофе. Притом она слегка не в себе. Я по утрам жить не люблю.

На плечо легла рука. Виллемье резко повернулась, инстинктивно потянувшись за пистолетом.

— Ана, снова буянишь? — спросила подошедшая сзади женщина.

Инквизитор растерянно моргнула. С тех пор как покинула Кювье, она представляла эту сцену много раз — но все равно происходящее показалось нереальным, дешевой мелодрамой.

Триумвир Илиа Вольева кивнула барменше:

— Это моя подруга. Она хочет кофе. Принеси ей.

Баба зыркнула, нехорошо сощурившись, пробурчала неразборчивое и скрылась из виду. Чуть позже явилась вновь с чашкой жижи, каковую, судя по виду, только что нацедили из коробки передач дальнобойного грузовика.

— Ана, бери, — посоветовала Вольева, — лучше здесь не найдешь.

Инквизитор протянула за чашкой чуть подрагивающую руку и прошептала:

— Не следует меня так звать.

Вольева подвела ее к столу:

— Как не следует звать?

— Ана.

— Но это же твое имя!

— Нет, это больше не мое имя. Не на этой земле. Не в это время.

Облюбованный Вольевой столик прятался в углу, за штабелем пивных ящиков. Илиа смахнула рукавом мусор со стола, уткнула в него локти, уставилась на Ану, уложив подбородок на сцепленные пальцы.

— Ей-богу, не стоит беспокоиться о том, что тебя узнают. На меня тут посмотрели с полным безразличием, а ведь я, после Торна, самый разыскиваемый на планете человек.

Инквизитор, много лет назад носившая имя Ана Хоури, осторожно попробовала густую вязкую жижу, поданную под видом кофе.

— Да уж, Илиа, ты умеешь сбить с толку кого угодно...

Виллемье осмотрелась, сознавая, что выглядит неестественно и подозрительно.

— Тебя можно звать Илиа?

— Так я себя и называю. Но вот фамилию пока упоминать не стоит. Ни к чему лишний раз искушать судьбу.

— Конечно ни к чему. Думаю, мне следует... — Ана против воли снова оглянулась — не подслушивает ли кто тайком? Затем тихо воскликнула: — Илиа, я так рада тебя видеть! Честное слово, просто рада.

— Я тоже скучала по тебе. Подумать только, наше знакомство началось чуть ли не с попыток убить друг друга. Конечно, это дело прошлое...

— Я уже и тревожиться начала. Столько лет ты на связь не выходила...

— У меня были веские причины залечь поглубже.

— Да уж...

Несколько минут обе молчали. Инквизитор, наконец осмелившаяся думать о себе как об Ане Хоури, вспомнила причины дерзкой игры, которую вели теперь обе женщины. Игру придумали сами, поражая друг друга крепостью нервов и изобретательностью. Они прекрасно дополняли друг друга. Но ради максимально эффективной реализации плана пришлось работать поодиночке.

Хоури, не в силах более терпеть, первой нарушила молчание:

— Илиа, какие новости? Хорошие или скверные?

— Ты же знаешь мои привычки. Угадай с трех раз.

— М-да. Значит, скверные. Даже очень.

— Именно.

— Ингибиторы?

— Прости за предсказуемость, но дело именно в них.

— Они здесь?

— Думаю, да, — кивнула Илиа и добавила шепотом: — Происходит что-то странное. Я видела своими глазами.

Голос Вольевой зазвучал еще тише — Ане пришлось напрячься, чтобы расслышать.

— Это машины. Огромные, черные. Они уже в нашей системе. Я и не заметила их прибытия. Их не было — и вдруг возникли, прямо под носом.

Ане однажды довелось заглянуть в их разум, ощутить ледяную хищную ярость, запечатленную в древних записях. Ингибиторы походили на волчью стаю, терпеливо поджидающую во тьме. Не ведающих эмоций и переживаний, их переполняла смесь голода и жажды поиска. Они подвывали друг другу сквозь молчаливую пустоту галактической ночи, собираясь огромными стаями, когда запах свежей крови пробуждал их от зимней спячки.

— Господи...

— Ана, этого следовало ожидать. Когда Силвест начал копаться в том, чего не понимал, он предопределил их приход. Неизвестным оставалось лишь одно: когда и где они объявятся.

Ана слушала и дивилась тому, сколь холодно и страшно вдруг стало. Невидимое воплощение ужаса... Триумвир Вольева выглядела непритязательно — обычная женщина, слегка даже похожая на бродяжку. Коротко остриженные седые волосы, круглое лицо, выдающее далеких монголоидных предков, морщинки у глаз. Илиа не очень-то походила на вестницу жуткой судьбы.

— Мне страшно...

— Есть все причины бояться. Однако постарайся не показывать свой страх местным. Пока еще рано запугивать их.

— И что мы можем сделать?

Илиа посмотрела сквозь стакан на свет, щурясь, будто лишь сейчас всерьез задумалась над случившимся.

— Не знаю. Амарантийцы пытались — и не слишком преуспели.

— Мы не птицы, которые даже не умели летать.

— Угу. Мы люди, бич Галактики. Или что-то в этом роде... Ана, я не знаю, что делать. Просто не знаю. Если бы речь шла только о нас с тобой, мы бы попробовали вывести капитана из комы и удрать. Могли бы даже применить оружие — вдруг от него был бы толк.

Хоури содрогнулась:

— Если мы смажем пятки, это вряд ли поможет Ресургему.

— Конечно не поможет. Не знаю, как с твоей совестью — моя и так не слишком бела. Не хотелось бы получить свежее пятно.

— Сколько времени у нас осталось?

— Трудно сказать. Все это выглядит странно. Ведь ингибиторы, если бы захотели, уже уничтожили бы Ресургем. Даже мы способны это сделать. Поэтому, мне кажется, Ресургем их мало интересует.

— Так, может, они не убивать нас явились?

Вольева залпом допила и сказала:

— Может, и не убивать. А может, как раз для этого.

В сердце роя черных машин процессоры, сами разумом не обладающие, пришли к выводу: необходимо вывести из спячки управляющий разум.

Решение это они приняли далеко не сразу. Большинство зачисток не требовало будить то, что машины по идее должны были уни-

чтожать. Но сейчас им досталась очень непростая задача. В архивах значилось: здесь зачистка уже проводилась, причем не далее как 0,045 галактического оборота назад. Поскольку необходимость в повторении процедуры возникла так рано, требовались экстраординарные меры.

Управляющий разум для того и предназначался, чтобы применять эти экстраординарные меры. Всякая зачистка отличалась от остальных. Потому, к сожалению, лучший способ покончить с разумной жизнью требовал участия разума. Но когда дело будет сделано, когда машины выявят первичный источник заражения и уничтожат все выпущенные им споры — на что уйдет еще пара тысячных галактического оборота, полмиллиона земных лет, — управляющий разум заглушат, его самосознание погасят до тех пор, пока оно не понадобится снова.

А оно может и не понадобиться больше никогда.

Управляющий разум никогда не задавался вопросом, почему он занимается зачистками. Он знал, что по большому счету трудится ради спасения разумной жизни. Его вовсе не волновало, что катастрофа, последствия которой необходимо предотвратить, жуткий катаклизм, который обязательно случится, если не прекратить распространение разумной жизни, лежал в далеком будущем, в тринадцати галактических оборотах.

Огромность срока — три миллиарда лет — ингибиторов не смущала. Время для них ничего не значило.

ГЛАВА 7

— Скади? К сожалению, у нас еще один несчастный случай.

— Какого рода?

— Результат переключения во второе состояние.

— Надолго?

— На несколько миллисекунд. Но и этого оказалось достаточно.

Двое — Скади и главный двигателист — сидели на корточках в отсеке с черными стенами, близ кормы загнанного в док «Паслена». Отсек был тесным — пришлось согнуться, прижать колени к груди.

Неприятно — но после нескольких визитов в машинную часть Скади приучилась не замечать дискомфорта, относиться к нему с равнодушным буддийским спокойствием. Могла проводить дни напролет в неимоверно узких проходах — и проводила. Мудреные агрегаты прятались в многочисленных тесных закоулках. Прямое управление двигательными системами, их тонкая настройка возможны были лишь здесь. Связь с общей сетью управления предусматривалась лишь самая базовая.

— Тело еще на месте?

— Да.

— Хочу его осмотреть.

— Вообще-то, смотреть там особо не на что, — возразил мужчина, но тем не менее отключил компад и двинулся наружу бочком, крабьим манером.

Скади последовала за ним. Ползли от закоулка к закоулку, иногда еле протискиваясь мимо выдающихся в проходы частей машин. Агрегаты занимали все пространство вокруг, слегка, но ощутимо искажая пространство-время.

Никто, даже Скади, не понимал целиком и полностью, как функционируют эти машины. Были теории, в том числе неплохо проработанные и научно убедительные, но в их фундаменте зияли огромные концептуальные дыры. Познания Скади о машинах главным образом состояли из таблиц, в которых разные формы воздействия на машины соотносились с результатами этого воздействия. Понимание же физической подоплеки результата отсутствовало. Во время работы машина, как правило, переходила в одно из нескольких дискретных квазистационарных состояний, каждое из них ассоциировалось с определенными изменениями локальной метрики. Но иногда система не входила в режим квазистационарности, осциллируя между состояниями. Метрика притом изменялась весьма диким образом, и возвращение к единственному квазистационару оказывалось крайне мучительным и сложным процессом.

— Вы сказали, во второе состояние? А в каком стационаре были до того?

— В первом, как и предусматривается по инструкции. Мы исследовали нелинейную геометрию искривленного континуума.

— Причина смерти? Как и в прошлый раз, сердечный приступ?

— Нет. Во всяком случае, она явно не среди главных причин смерти. Как я уже сообщал, от тела осталось немногое.

Скади и двигателист, извиваясь, пробирались вперед по узкому каналу среди агрегатов. Поле сейчас находилось в нулевом стационарном состоянии. Это состояние видимых физиологических эффектов не вызывало. Но Скади все равно не могла отделаться от чувства сугубой неправильности, от назойливой мысли о сиюминутном, постоянном искажении мира. Конечно, это иллюзия. Чтобы сейчас зарегистрировать влияние прибора на метрику, потребовались бы высокоточные пробы, измеряющие относительный уровень энергии вакуума. Но чувство неправильности никак не желало уходить.

— Мы на месте.

Скади осмотрелась. Она оказалась в довольно просторном помещении — таких было несколько в недрах машины. Тут можно встать в рост; черные вогнутые стены испещрены портами для компадов.

— Это случилось здесь?

— Да. Градиент поля в этом месте был наивысшим.

— Я не вижу тела.

— Вы просто невнимательно смотрите.

Скади проследила за взглядом двигателиста. Затем подошла к стене, коснулась затянутыми в перчатку пальцами. Издали такая же глянцево-черная, как и прочие стены, эта вблизи оказалась пунцово-алой. Немалая часть поверхности была покрыта ровным четвертьдюймовым слоем влажной вязкой субстанции.

— Надеюсь, это не то, про что я подумала?

— Боюсь, именно то.

Скади провела пальцем по субстанции. Та даже при нулевой гравитации была достаточно клейкой, чтобы образовать однородный, мягкий, прочно приставший к стене слой. Местами чувствовались твердые сгустки — наверное, обломки кости либо аппаратуры, — но ничего крупнее наперстка.

— Расскажите, что случилось.

— Он очутился вблизи фокуса. Скачок ко второму квазистационару длился лишь миллисекунды, но хватило и того. Любое движение могло оказаться роковым, даже непроизвольная судорога. Возможно, он умер еще до того, как ударился о стену.

— Как быстро он двигался?

— Думаю, с легкостью мог достичь нескольких километров в секунду.

— Скорее всего, боли он не ощутил. Удар был заметным?

— По всему кораблю. Будто взорвалась небольшая бомба.

Скади приказала перчаткам очиститься. Багровая слизь стекла назад, на стену. Скади вспомнила Клавэйна и позавидовала. Уж он-то, наверное, совершенно равнодушен к подобным зрелищам. За солдатскую карьеру навидался жути — и приучился не реагировать на вид изуродованной человечины. Скади же, за одним-двумя исключениями, воевала лишь дистанционно.

— Скади?

Должно быть, игра цветов на гребне выдала смятение.

— Обо мне не беспокойтесь. Лучше выясните причину неисправности и примите меры к тому, чтобы она не повторилась.

— А как с программой испытаний?

— Конечно же, она продолжается. И пожалуйста, приберитесь здесь.

Фелка плавала в закоулке своего жилища. На месте многочисленных инструментов, ранее присоединенных шнурами к талии, теперь витали хаотичным роем клетки. Когда Фелка двигалась, они тихо клацали, соударяясь. В каждой клетке сновало несколько белых мышей, они обнюхивали и царапали решетки. Фелка на мышиное беспокойство внимания не обращала. Грызунам недолго сидеть взаперти, вскоре их накормят и предоставят свободу. Разумеется, в известных пределах.

Сощурившись, она глянула в сумрак. Свет просачивался лишь из соседней комнаты, отделенной от этой изогнутой горловиной коридора из дерева цвета карамели.

Фелка нащупала присоединенную к стене ультрафиолетовую лампу, включила. Одну стену комнаты застилала пластина бутылочно-зеленого стекла. За ней находилось нечто, на первый взгляд напоминающее деревянный водопровод: переплетение труб, каналов, клапанов, насосов и вентилей. Балки и рычаги непонятного назначения соединяли части лабиринта. У каждого канала, у каждой трубы одна стенка оставалась стеклянной, так что все перемещающееся по этому лабиринту было видно снаружи.

Фелка уже запустила туда дюжину мышей через одностороннюю дверцу, расположенную у края пластины. Мыши быстро разбежались в разные стороны и теперь находились в метрах друг от друга; каждая вынюхивала себе путь. Отсутствие гравитации ничуть не смущало мышей, они цепко хватались за дерево и могли лазать без помех в любом направлении. Грызуны посмышленей приучались плыть

в невесомости, лишь изредка отталкиваясь от стенок. Но происходило это лишь через несколько часов пребывания в лабиринте, после ряда обучающих циклов.

Фелка потянулась к одной из клеток, приставила ее к дверце, убрала решетку. Радуясь свободе, мыши юркнули в лабиринт.

Фелка наблюдала, затаив дыхание. Рано или поздно мышь доберется до дверцы, соединенной со сложной системой подпружиненных деревянных рычагов. Мышь толкнет створку, рычаги задвигаются. Иное движение передастся далеко, и метра за два от мыши сдвинется заслонка. Другая мышь, перемещавшаяся в удаленном участке лабиринта, вдруг обнаружит, что проход заблокирован. Возникшая необходимость выбирать путь перегрузит озабоченностью и тревогой крошечный умственный аппарат грызуна. Весьма вероятно, что выбор второй мыши активизирует изменения в новой части лабиринта. А Фелка, плавая у стеклянной стены, увидит череду изменений, множество пермутаций, осуществляемых программой, генерируемой случайно бездумными, примитивными существами.

Но Фелке быстро наскучивали даже такие интересные занятия. Лабиринт — всего лишь начало. Она запустила это устройство в почти полной темноте, лишь при ультрафиолетовом свете. Мыши были модифицированные; особые гены заставляли их белки флуоресцировать в видимом диапазоне под ультрафиолетовым облучением. За стеклом мыши казались ярко-фиолетовыми пятнами. Фелка наблюдала с энтузиазмом — впрочем, быстро гаснущим.

Лабиринт был целиком и полностью ее изобретением. Сама спроектировала его, изготовила деревянные механизмы. Сама заставила мышей светиться в темноте — и это было совсем несложным в сравнении с кропотливым вытачиванием деревянных механизмов, и в особенности с их подгонкой и отладкой. И одно время казалось, усилия того стоят.

Одним из немногих явлений, еще интересовавших Фелку, было возникновение разума. На Диадеме, первой планете, посещенной после бегства с Марса на самом первом сочленительском звездолете, Клавэйн, Галиана и Фелка изучали огромный кристаллический организм — живой, но тративший годы на выражение простейших «мыслей». По его синапсам не бежали электрические сигналы, вместо них по меняющейся системе капилляров, пронизывающей древний ледник, ползали черные безмозглые черви.

Клавэйн с Галианой не дали Фелке вдоволь насладиться изучением ледника, увезли ее — и она этого не простила. С тех пор пита-

ла интерес к системам, где непредсказуемым образом возникало сложное поведение из-за взаимодействия простых частей. Программировала и запускала множество численных моделей — но так и не убедила себя, что ухватывает сущность проблемы. Если сложное поведение и возникало — а это происходило нередко, — Фелка не могла избавиться от ощущения, что, сама того не ведая, изначально встроила это поведение в модель.

Другое дело — мыши. Фелка отказалась от цифровых моделей, и эксперименты с мышами стали очередным шагом на пути развития аналоговых.

Первая построенная Фелкой аналоговая машина работала на воде. Источником вдохновения послужило описание прототипа, обнаруженное в электронных архивах Материнского Гнезда. Века назад, еще до эпохи Транспросвещения, кто-то придумал компьютер, предназначенный моделировать перемещение денег в процессе функционирования экономики. Компьютер состоял из множества стеклянных колб, клапанов, тщательно отрегулированных сочленений. По-разному окрашенные жидкости представляли разные рыночные факторы и экономические параметры: учетные банковские ставки, инфляцию, условия торговли. Машина булькала и журчала, решая отчаянно трудные интегральные уравнения посредством элементарной прикладной гидродинамики.

Устройство очаровало Фелку. Она воспроизвела прототип, добавила несколько искусных деликатных усовершенствований. Но машина, при всей ее занятности, дала лишь туманные намеки на возникновение сложности из простоты. Слишком детерминистичной она была, слишком жестко зарегулированной, чтобы выявить нечто воистину неожиданное и удивительное.

А потом появился лабиринт с мышами — воплощенными случайностями, четвероногим хаосом. Фелка соорудила машину для использования их хаотичности, для непроизвольного перехода из состояния в состояние. Сложнейшая конструкция из рычагов и переключателей, из люков с крышками и сочленений постоянно менялась, непрерывно ползла сквозь фазовое пространство — головоломную, огромной размерности, линейную оболочку всех возможных конфигураций.

В этом фазовом пространстве существовали аттракторы — как планеты и звезды, прогибающие ткань пространства-времени. Приближаясь к одному из них, лабиринт зачастую выходил на подобие

орбиты, осциллировал вокруг, пока внутренняя нестабильность либо внешнее воздействие не отбрасывали систему от аттрактора. Обычно для схода с орбиты достаточно было запустить в лабиринт новую мышь.

Иногда лабиринт впадал в состояние аттрактора и вознаграждал мышей более чем обычным количеством пищи. Фелку интересовало, могут ли мыши, действуя неосмысленно, не будучи способны к согласованному поведению, тем не менее привести лабиринт в окрестность аттрактора. Если бы такое произошло, оно было бы очевидным признаком возникновения сложности из простоты.

Однажды нечто подобное случилось. Но с тех пор мышиная стая ни разу не повторила успеха. Фелка запустила больше грызунов, но они лишь застопорили лабиринт, загнали к другому аттрактору, где ничего интересного не происходило.

Интерес к лабиринту еще не совсем пропал. Оставались нюансы поведения, не понятые до конца, и это сдерживало подступающую скуку. Но ее призрак уже встал в полный рост. Фелка знала: лабиринта хватит ненадолго.

Лабиринт беспрерывно щелкал и цокал, словно готовящиеся отбить время древние часы с кукушкой. Клацали открывающиеся и закрывающиеся дверцы. Детали машины с трудом различались сквозь стекло, но светящийся поток мышей с достаточной ясностью показывал меняющуюся геометрию лабиринта.

— Фелка!

В дверном проеме появился человек. Вплыл, задержался, упершись пальцами в полированное дерево стены. Фелка различила его лицо. Сумрак подчеркивал необычность лысой головы — удлиненной, серой, яйцеобразной. Фелка всмотрелась в лицо и по совокупности признаков предположила, что это явился Ремонтуар. Но если бы в комнату вошли шесть-семь мужчин того же физиологического возраста с подобными же неестественно детскими чертами, Фелка не смогла бы узнать среди них Ремонтуара. Только то, что он недавно посетил ее, и позволило сделать определенный вывод.

— Здравствуйте, Ремонтуар.

— Можно зажечь свет? Или нам лучше поговорить в другой комнате?

— Можем и здесь. Эксперимент на ходу.

— Свет его не испортит? — осведомился Ремонтуар, взглянув на стеклянную стену.

— Нет, но я не смогу видеть мышей.

— Клавэйн подойдет с минуты на минуту, — сообщил гость.

Она охнула, завозилась с контролем освещения. В комнате замерцал бирюзовый свет, затем его источник стабилизировался.

Фелка всмотрелась в лицо Ремонтуара, изо всех сил пытаясь прочесть выражение. Хотя она многое знала об этом человеке, его лицо казалось неясным, полным двусмысленности, постоянно меняющимся. Даже простейшие эмоции удавалось распознать ценой колоссального напряжения — будто невооруженным глазом изучаешь едва заметное созвездие. Иногда случалось, что устаревшие имплантаты Фелки улавливали мимику, которая целиком ускользала от внимания других людей. Но обычно доверять своим суждениям о лицах Фелка не могла. Имея это в виду, она решила, что на лице Ремонтуара, скорее всего, отражаются тревога и озабоченность.

— А почему Клавэйн еще не здесь?

— Решил дать нам время, чтобы мы могли обсудить наедине дела совета.

— Он знает о случившемся сегодня в зале?

— Ничего не знает.

Фелка подплыла к лабиринту и сунула в дверцу еще одну мышь, надеясь избавиться от застоя в нижнем левом квадранте.

— И не будет знать, пока не решится войти в совет. А если войдет и узнает — может быть сильно разочарован.

— Я догадываюсь, почему вы не хотите, чтобы он узнал о «Прологе».

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

— Вы пошли наперекор желаниям Галианы. Совершив на Марсе свои открытия, она прекратила эксперимент. А вы, когда вернулись из экспедиции, оставив Галиану странствовать, охотно приняли участие в возобновленном «Прологе».

— Ремонтуар, с каких это пор вы эксперт по «Прологу»?

— А какие тут сложности? Все сведения о нем есть в открытых архивах Гнезда, — конечно, надо знать, куда заглядывать. Факт проведения эксперимента вовсе не является секретом. — Ремонтуар помолчал, рассматривая с легким интересом лабиринт. — Конечно, результат эксперимента, причина, по которой Галиана его прекратила, — это совершенно другой вопрос. В архиве нет сведений о каких-либо посланиях из будущего. И что же такого опасного в этих посланиях, почему самое их существование — тайна?

— Вы столь же любопытны, как и я в свое время.

— Само собой. Но что побудило вас пойти против желания Галианы? Любопытство? Инстинктивное стремление взбунтоваться против матери?

Фелка постаралась сдержать гнев.

— Она не была мне матерью. Я унаследовала часть ее генов, не более того. И о бунте речь не идет. Я искала применение своему разуму. А «Пролог» как раз имел целью достижение нового состояния ума.

— Так вы не знали о посланиях из будущего?

— Доходили слухи, но я им не верила. Простейший способ убедиться в их правдивости — поучаствовать в экспериментах самой. Но не я дала толчок к возобновлению «Пролога». Программу снова запустили еще до моего возвращения. Скади хотела привлечь меня. Думала, уникальность моего разума может пригодиться в этом проекте. Но я сыграла лишь незначительную роль и отошла от дел после первых же экспериментов с моим участием.

— Почему? Эксперимент оказался не тем, на что вы надеялись?

— Эксперимент оказался именно тем. Он дал потрясающие результаты. И это было страшнее всего, что мне довелось испытать в жизни.

Ремонтуар улыбнулся — но затем улыбка медленно сползла с лица.

— Что вы имеете в виду?

— Раньше я не верила в существование зла. Теперь мое неверие сильно пошатнулось.

— Зла? — переспросил он, словно не расслышав.

— Да, — тихо ответила она.

Совершенно против воли вспомнились запах и вид камеры «Пролога». Произошедшее в той стерильной белой комнате всплыло в памяти с ужасающей ясностью, будто лишь вчера пережитое.

«Пролог» был логическим завершением работы, проведенной Галианой в марсианских лабораториях. Она решила усовершенствовать человеческий мозг — конечно же, ради блага всего человечества. В качестве модели выбрала развитие обычных цифровых компьютеров, в младенчестве медленных и громоздких. Предполагалось сначала шаг за шагом увеличивать вычислительные способности и скорость обработки данных. Так инженеры прошлого заменяли рычаги и шестеренки электромеханическими переключателями, их — лам-

пами, лампы — транзисторами, уступившими в свою очередь интегральным микросхемам. На смену тем пришли квантовые логические контуры, работающие у порога квантовой неопределенности.

Галиана вторгалась в мозг подопытных — включая себя — и устанавливала крошечные агрегаты, связывающие нервные клетки параллельно уже существующей структуре, но позволяющие гораздо быстрее проводить сигналы. Когда нормальное прохождение сигнала по синапсам блокировалось химическими препаратами либо машинами, вторичная сеть Галианы принимала работу мозга на себя. Сознание оставалось нормальным — но функционировало намного быстрее немодифицированного: в десять, пятнадцать раз.

Конечно, не обошлось и без проблем. Перегруженный мозг не мог функционировать с огромной скоростью больше нескольких секунд кряду, но в общем и целом эксперименты оказались исключительно успешными. Человек в состоянии ускоренного сознания мог наблюдать, как падает с дерева яблоко, — и написать об этом стихотворение прежде, чем яблоко коснется земли. Мог видеть сокращение маховых мускулов крыла колибри, наслаждаться причудливой красотой разбивающейся капли молока. Излишне говорить, что из людей с разогнанным сознанием выходили отличные солдаты.

Добившись ускорения, Галиана шагнула дальше. Инженеры и ученые прошлого обнаружили, что некоторые проблемы решаются гораздо легче и быстрее сетью соединенных параллельно и обменивающихся данными компьютеров. Галиана соединила усовершенствованные разумы, дала им возможность обмениваться информацией и эмоциями, даже решать совместно определенные типы задач — такие, например, как распознавание образов.

Именно на этом шаге эксперимент вышел из-под контроля. Информация бесконтрольно передавалась от разума к разуму, уже установленные машины менялись, выходя из-под власти хозяина. Это дало начало явлению, позднее названному Транспросвещением. И в конечном счете привело к первой войне с сочленителями. Коалиция за невральную чистоту уничтожила союзников Галианы, а саму ее заперла за Великой Марсианской Стеной, в тесном укрепленном конгломерате лабораторий.

Там в 2190 году Галиана и встретила плененного сочленителями Клавэйна. Там несколькими годами позже родилась Фелка. Там же Галиана начала третью стадию экспериментов. Следуя модели

прогресса, достигнутого инженерами прошлого, Галиана решила использовать квантовую механику для усовершенствования разума.

В конце двадцатого и начале двадцать первого веков — по меркам Галианы, практически в эпоху механических часов и логарифмических линеек — ученые применяли квантовую механику для решения проблем, классическим компьютерам недоступных. Например, для факторизации больших целых чисел. Сколь угодно огромный классический компьютер либо даже параллельная сеть компьютеров не отыскала бы все простые делители достаточно большого числа за время, сравнимое с возрастом Вселенной. А если использовать квантовый подход, пусть и реализованный на лабораторном столе в виде громоздкого набора линз, призм, лазеров и оптических преобразователей частоты, задача решается за миллисекунды.

Теоретики ожесточенно спорили о сути происходящего, практики радовались — числа-то и в самом деле с легкостью факторизовались! Галиана не сомневалась в простейшем объяснении эффекта, а именно: квантовые компьютеры распараллеливали задачу с бесконечным множеством собственных копий в параллельных вселенных. Концептуально это было весьма вызывающим и влекло множество страннейших выводов, но казалось единственным в полной мере убедительным объяснением. Не высосанным единственно ради этого из пальца — концепция параллельных миров уже давно существовала в квантовой механике, будучи введенной ради объяснения происходящего при квантовом измерении.

Потому Галиана попробовала усовершенствовать человеческий мозг квантовым образом. Камера «Пролога» служила для связывания уже усовершенствованного мозга с когерентной квантовой системой, с подвешенным в магнитном поле облаком атомов рубидия, претерпевавших под внешним воздействием циклы перехода от чистого состояния к тепловому равновесному и обратно. В чистом состоянии облако находилось в суперпозиции с бесконечным набором своих копий в параллельных пространствах. В этот момент и предпринималась попытка связать с облаком мозг. Сама связь с классическим объектом, мозгом, приводила облако в классическое состояние, но переход осуществлялся не мгновенно. На некоторое, вполне поддающееся регистрации время возникали квантовые корреляции между мозгом и облаком атомов. То есть мозг оказывался слабо — но вполне ощутимо — связанным со своими бесчисленными копиями в параллельных мирах.

Галиана надеялась, что в это краткое время обозначатся изменения в сознании объекта эксперимента. Однако теория не позволяла предположить, какого рода будут эти изменения.

Результат получился абсолютно неожиданным.

Галиана, подвергавшая опытам и себя, не рассказывала Фелке о своих ощущениях, но, по-видимому, они были сходными. Еще в самом начале эксперимента, когда один либо несколько подопытных лежали на кушетках в белой комнате, а головы прятались в белесых пастях нейротралов высокого разрешения, появлялось предчувствие — будто изменение активности мозга перед эпилептическим припадком.

Затем приходило ощущение, которое невозможно в точности описать, тем более воспроизвести вне эксперимента. Упрощая до полного утрирования, можно сказать так: каждая мысль бесконечно умножалась, рождала хор бесчисленных эхо. Но эти мысли-двойники не были точными копиями оригинала. И они не устремлялись в непонятную даль, но двигались к чему-то одному, сходились — и одновременно превращались в свою противоположность. Фелка словно на миг коснулась собственной противоположности.

Затем начиналось куда более странное: отзвуки мысли набирали силу, крепли — словно видения после нескольких часов сенсорной депривации. Впереди обозначилось нечто, не поддающееся определению, но вызывающее ощущение колоссальной удаленности, недоступности.

Разум отчаянно цеплялся за знакомое, пытался облечь в понятные образы. Вот он породил образ белого коридора, уходящего в бесконечность, омытого блеклым мертвенным светом — и непонятно на чем зиждившееся ощущение взгляда в будущее. Коридор усеивали белесые язвы-двери, уводившие, должно быть, в еще более далекие времена и пространства.

Галиана не надеялась и не хотела смотреть в глубину такого коридора — но ее эксперимент сделал взгляд в будущее возможным.

Фелка чувствовала: пройти по коридору нельзя. Можно лишь стоять у его начала и слушать доносящиеся голоса.

А голоса были.

Как и образ коридора, их вылепляло сознание, пытавшееся разобраться в воспринимаемом. Не удавалось понять, из какого будущего они приплыли, как оно выглядело. Как вообще может будущее сообщаться с прошлым, не производя тем самым парадокса?

В попытках найти ответ Фелка натолкнулась на почти забытые, двухсотлетней давности работы физика Дэвида Дойча. Тот предполагал, что время — не постоянно меняющаяся величина (откуда происходит известная аналогия с рекой), но серия сложенных вместе статических картин, так что «поток» времени — не более чем субъективная иллюзия. В нарисованной Дойчем картине мира путешествия в прошлое были вполне возможными и не вызывали парадоксов. Просто «будущее» одной вселенной могло сообщаться лишь с «прошлым» другой. Откуда бы ни звучали голоса и ни приходили послания, они были не из будущего самой Галианы. Вероятно, из очень близкого к нему — но все-таки иного, недоступного.

Но вопрос о характере этого будущего представлялся совершенно несущественным по сравнению с тем, что поведали голоса.

Фелка так и не узнала, что за послание получила Галиана, но представить могла. Наверняка схожее с полученным самой Фелкой, когда она участвовала в экспериментах.

Голоса объясняли, как делать приборы, описывали новые технологии — не в подробностях, но в общих чертах. Они не учили, а скорее подталкивали в нужном направлении. Либо предупреждали, запрещали. Попадая к участникам эксперимента, сообщения превращались в едва различимые отзвуки — как при чудовищно запутанной игре в «испорченный телефон», перемешанные с множеством непостижимых фраз и образов. Было похоже на то, что канал связи с будущим малоемкий, спектрально-узкий, — и каждое послание отнимало от возможности передать что-либо еще. Но встревожило и напугало Фелку не содержание этих посланий, а вставший за ними призрак.

Она догадалась об источнике. О разуме, пославшем их.

— Мы коснулись чего-то, — сказала она Ремонтуару. — Вернее, оно коснулось нас. Проникло сквозь коридор и ощутило наши разумы — в то самое время, пока мы слушали голоса.

— И это было зло?

— Да. Самое подходящее слово для описания — «зло». Мимолетная встреча, мгновенное считывание мыслей этой сущности убило либо свело с ума большинство подопытных.

Фелка посмотрела на свое отражение в стеклянной стене:

— Но я выжила.

— Повезло.

— Не совсем. Я познала чужой разум, и потому шок получился не столь сильным. И, кажется, чужой разум познал меня.

Ушел из моего рассудка, едва проникнув туда, сосредоточился на остальных.

— И что это было? Вам удалось понять?

— Удалось — на мою беду. С тех пор я живу с этим знанием, и мне тошно.

— Так что же? — не отставал Ремонтуар.

— Галиана. Ее разум.

— Из будущего?

— Не из нашего будущего. Быть может, оно отличается лишь в мелочах, но оно не наше.

— Но Галиана мертва, сомнений нет, — неловко улыбнулся Ремонтуар. — Как же ее разум мог разговаривать из будущего? Неужели жизнь и смерть — лишь мелкие различия?

— Не знаю. И мне очень интересно, как разум Галианы напитался этим злом.

— Потому вы и покинули «Пролог»?

— На моем месте вы бы сделали то же самое. — Фелка с досадой отметила, что мышь свернула не туда, куда хотелось бы. — Вы сердитесь на меня? Вам кажется, будто я предала Галиану.

— Вне зависимости от рассказанного вами — да, — тихо подтвердил он.

— Я не виню вас за это. Но я должна была поучаствовать. Хоть раз. И я не жалею ни о чем.

— Клавэйн... — прошептал Ремонтуар. — Ему что-нибудь известно?

— Конечно же нет. Это убило бы его.

По дереву стукнули костяшки пальцев. В комнату протиснулся Клавэйн. Глянул на лабиринт:

— Обо мне сплетничаете?

— Вообще-то, мы о тебе почти не говорили, — заверила Фелка.

— Какая досада!

— Выпей чаю. Он еще вполне ничего.

Клавэйн принял из ее рук колбу с чаем:

— Не хотите ли поведать о прошедшем собрании?

— Детали мы раскрыть не можем, — ответил Ремонтуар. — Одно скажу: многие хотят твоего присоединения к совету. Некоторые считают, что твоя лояльность Гнезду сомнительна и будет оставаться таковой, пока ты не войдешь в совет.

— Вот же идиоты!

Ремонтуар и Фелка переглянулись.

— Но есть и союзники, те, кто уверен: ты в достаточной мере показал свою преданность Гнезду за многие годы.

— А разве это не так?

— Но и они считают: твое место в совете, — сказала Фелка. — По их мнению, ты не сможешь больше рисковать, соваться в опасные дела.

— То есть я проигрываю и так и этак? — Клавэйн поскреб в бороде.

— Есть меньшинство, вполне согласное с твоим нежеланием входить в совет, — добавил Ремонтуар. — Кое-кто из этого меньшинства всецело одобряет твое поведение. Но остальные считают, что позволить Клавэйну и дальше заниматься войной — вернейший способ его потерять.

— Приятно знать, что меня ценят. А вы двое как думаете?

— Ты нужен Узкому совету, — тихо проговорил Ремонтуар. — Сейчас — больше, чем когда-либо.

Фелка ощутила, как между Клавэйном и Ремонтуаром передалось нечто — не сигнал от имплантата к имплантату, но сущность гораздо древнее. То, чем могут обмениваться люди, дружившие и доверявшие друг другу много лет.

Клавэйн кивнул сурово, посмотрел на Фелку.

— Тебе известно мое мнение, — сказала она. — Я знаю тебя и Ремонтуара с детства. Знаю, что́ ты ради меня сделал. Даже вернулся в гнездо Галианы, чтобы спасти меня, когда она сама считала это безнадежным. И во все последующие годы ты никогда от меня не отступался. Ты меня изменил, сделал человеком.

— И что теперь?

— Галианы больше нет. Осталась лишь одна нить, связывающая меня с прошлым. Я не вынесу, если она порвется.

В ремонтной верфи, на краю «карусели» Новый Копенгаген, на внешней границе йеллоустонского Ржавого Пояса, у Ксавьера Лиу снова начались неприятности с обезьянами саймири. Бригадир, сам бывший вовсе не саймири, а модифицированным орангутангом, почти без предупреждения отозвал с верфи всех обезьян. Дело было не в самом Ксавьере, поддерживавшем с профсоюзом отличные отношения. Орангутанг приказал обезьянам оставить работу в знак солидарности с колобусами, бастующими где-то за полкольца отсюда.

Насколько Ксавьер понял, забастовка случилась из-за лемуров, соглашавшихся на зарплаты ниже обговоренных профсоюзом и отнимавших рабочие места у высших приматов.

Над таким впору посмеяться да и забыть — кабы не помеха делу. Подобных случаев стоило ожидать, если уж решил вести бизнес в Новом Копенгагене. Тут среди ремонтников и докеров есть и мартышки, и человекообразные, и лемуровые, и даже попадаются карликовые ленивцы.

Внешняя жилая зона образовывала неровный, ощетиненный конструкциями тор в пределах Ржавого Пояса, вереницы относительно целых, полуразвалившихся и вовсе изуродованных спутников, которые, несмотря ни на что, еще удерживаются на орбите Йеллоустона. В прежние, благополучные времена они поражали своим разнообразием и роскошью. Некоторые представляли собой огромные заполненные воздухом шары либо цилиндры, украшенные зеркалами и золотистыми изящными противосолнечными экранами. Другие поселения располагались на обломках комет и астероидах, притащенных на орбиту бригадами угонщиков. Иные небесные тела были пронизаны тоннелями, соединявшими полости-залы и жилые квартиры. Строились поселения и на поверхности, ради упрощения контактов с внешним миром. Купола живущих при низкой гравитации сообществ лепились друг к дружке, словно лягушачья икра, переливаясь зеленью и синевой искусственных биоценозов. Обычно на куполах виднелись следы поспешного ремонта, шрамы и паутины трещин, закрытых быстро схватывающейся аварийной эпоксидной смесью либо пеноалмазом. Часть куполов так и не изолировали вновь, и их внутренность осталась темной и безжизненной, словно кучка пепла.

Часть обиталищ имела не слишком практичный вид: причудливые спирали, винты, похожие на игрушки из дутого стекла либо раковины наутилусов, огромные наборы сочлененных сфер и труб, напоминающие органические молекулы. Эти конструкции постоянно менялись — эдакая медленная симфония чистого архитектурного творения. Другие же веками упрямо сохраняли изначальный старомодный облик, противясь новшествам и украшениям. Были и сооружения, скрывающие истинную форму под облаком измельченной материи.

Осталось на орбите и множество мертвых руин. Из некоторых анклавов население было эвакуировано во время эпидемии, и они

остались в относительной целости. Но большинство пострадало, соударяясь с осколками разрушенных, сожженных в прежних столкновениях спутников. Часть обезлюдевших поселений уничтожили, разнесли в куски ядерными зарядами, другие потом подверглись многолетней реконструкции и снова стали жилыми. А парочку удерживали вопреки всем усилиям Феррисвильской конвенции упрямые и агрессивные скваттеры.

Хотя «карусель» Новый Копенгаген выдержала эпидемию успешнее многих прочих обиталищ, без повреждений не обошлось. Сейчас она представляла собой медленно вращающуюся, замкнутую в тор, толстую — километрового диаметра — трубу. Со стороны труба казалась усеянной причудливыми нарывами, будто снаружи на «карусель» прилепили полосу, выдранную из промышленного города. Вблизи нарывы превращались в кораллоподобную поросль кранов, причальных башен, доков, ремонтных верфей, ангаров. Сложные сетчатые конструкции тянулись в космос, сверкая миллионами сварочных огней, рекламных вывесок, маяков. Отчаливающие и причаливающие суда даже в военное время образовали у края «карусели» плотный, хаотичный рой. Управление движением в Новом Копенгагене всегда было делом очень хлопотным.

Некогда «карусель» вращалась вдвое быстрее, и ее обитатели жили при нормальной гравитации. Тогда она была колесом с центральной ступицей, где сила тяжести практически отсутствовала. Туда и швартовались корабли. Но в разгар плавящей чумы, превратившей Блистающий Пояс в Ржавый, шальной обломок жилого спутника разнес вдребезги ступицу. «Карусель» осталась вращаться сама по себе, колесом без спиц.

Столкновение унесло многие сотни жизней. К ступице пришвартовались эвакуационные корабли, готовые увезти беженцев вниз, в Город Бездны. Точность, с которой ударил обломок, выглядела подозрительной, но последующее расследование доказало, что это было всего лишь чрезвычайно неудачное совпадение.

Однако Новый Копенгаген выжил. Будучи устройством архаичным, он работал без новейших технологий, которые смогла бы поразить чума. Для миллионов людей, обходившихся без наноустройств, жизнь продолжалась, как и раньше. К тому же в отсутствие причалов для кораблей эвакуация была проблематичной. И потому, когда миновали худшие месяцы эпидемии, Новый Копенгаген имел почти ту же плотность населения, что и ранее. В отличие от многих прочих

спутников, где большинством процессов управляли машины, обитатели Нового Копенгагена поддерживали его жизнедеятельность сами. Они скорректировали орбиту, чтобы избежать столкновений, безжалостно уничтожили очаги эпидемии в пределах «карусели». Не считая прискорбного случая с Лайлом Мерриком, вогнавшим древнюю ракету на жидкостных двигателях прямо в «карусель» и сотворившим километровый «Кратер», Новый Копенгаген после эпидемии существовал без особых проблем. А поглазеть на «Кратер Лайла» теперь толпами сбегались охочие до душещипательных зрелищ туристы.

За годы восстановительных работ власти «карусели» многократно пытались собрать деньги на ремонт ступицы. Торговцы и судовладельцы жаловались на потерю клиентов и убытки — к вращающемуся кольцу чертовски трудно швартоваться. А жители отказывались останавливать вращение, поскольку привыкли к нормальной гравитации. В конце концов, был достигнут компромисс, не слишком устраивавший обе стороны. Скорость вращения замедлили наполовину, уменьшив искусственную гравитацию до половины *g*. Швартовка, хотя и осталась проблематичной, намного упростилась. К тому же, как указывали жители, отчаливающему кораблю «карусель» бесплатно придавала стартовый импульс по касательной — капитанам грех жаловаться. Но тех выгода не особо впечатляла. Они указывали, что сэкономленное при старте топливо — всего лишь компенсация за потраченное на маневры при швартовке.

Но сложность швартовки неожиданно обернулась немалой выгодой в последовавшие за эпидемией беспокойные годы. «Карусель» оказалась иммунной к пиратству, скваттеры искали логово попроще, а часть шкиперов предпочитали швартоваться к Новому Копенгагену, поскольку определенные виды ремонта лучше было делать при гравитации, а не в обычных доках без тяготения, какие предлагали другие орбитальные поселения. Перед началом войны дела пошли в гору, и с внутреннего края «карусели» высунулись зародыши будущих спиц. Запланировали уже и новую ступицу.

А на внешнем краю выстроились тысячи вакуумных доков самых разных форм и размеров, способные принять все типы внутрисистемных судов. Как правило, доки уходили под поверхность «карусели», наружу глядела лишь открывающаяся задняя стена. Суда заводили в док обычно с помощью робота-буксира и там надежно швартовали мощными захватами. Все непринайтованное вылетало в космос

и чаще всего безвозвратно терялось. Оттого работа в доках была непростой и требовала отсутствия страха высоты. Но раз есть работа, нашлись и желающие за нее взяться.

Доставшееся Ксавьеру Лиу транспортное средство раньше не ремонтировалось, но со многими судами такого же типа он имел дело. Обычный каботажник Ржавого Пояса — маленький полуавтоматический грузовик, предназначенный для коротких рейсов между орбитальными станциями. Корпус — пустая рама, куда подвешиваются контейнеры, словно игрушки на елку. Каботажник курсировал между цилиндром Свифт-Августин и «каруселью», управляемой «Домом исправления», работающей полулегально и без лишней рекламы фирмой, специализирующейся на возвращении жертвам пластической хирургии оригинального облика.

На борту были и пассажиры, каждый находился в своей индивидуальной каюте-контейнере.

Когда грузовик обнаружил неполадку в системе навигации, он просканировал пространство, направился к ближайшей станции, оснащенной ремонтной техникой, и сделал конкурсную заявку. Фирма Ксавьера выдала лучшее предложение, и каботажник направился к ней. Ксавьер позаботился о роботе-буксире, чтобы завести судно в док, и теперь бродил по корпусу. Адгезивные участки на подошвах и перчатках надежно крепили к холодному металлу. С пояса скафандра свисал набор инструментов разной сложности, к левому рукаву был пристегнут компад довольно новой модели. Периодически Ксавьер подсоединялся шлейфом к портам на шасси грузовика, считывал цифры и кривился, прикидывая, что к чему. Знал, что ошибка в навигационной системе наверняка простая, но ведь нужно ее отыскать. Если отыщешь, всего-то работы — заказать нужную для замены часть на складе, и обезьяны — будь они здесь, конечно, — принесли бы требуемое за несколько минут. Однако он бродил по грузовику уже три четверти часа, а ошибки так и не нашел.

Скверно, ведь по заявке Ксавьер обещал управиться за шесть часов. Первый час уже почти истек, учитывая время швартовки. Обычно пять часов — срок более чем достаточный, но уже появилось нехорошее предчувствие: заказ из тех, за которые приходится выплачивать неустойку.

Он пролез мимо контейнера. Пробормотал под нос:

— Хоть бы ты мне, гад, подсказал что-нибудь полезное...

В наушниках раздался визгливый голосок судовой субличности:

— Вы нашли ошибку во мне? Я чрезвычайно тороплюсь продолжить полет...

— Не нашел. Заткнись, не мешай думать.

— Я повторяю: чрезвычайно тороплюсь...

— Да заткнись ты, бога ради!

Впереди на контейнере обнаружился иллюминатор. До сих пор Ксавьер специально игнорировал и груз, и пассажиров, но сейчас против воли заглянул. Внутри находилось нечто похожее на лошадь с крыльями. Правда, лошади, даже с крыльями, обычно не имеют человеческих лиц. Симпатичных, женских. Ксавьер нечаянно встретился взглядом с существом — и поспешил отвернуться.

Он сунул разъем в очередной порт, надеясь выяснить причину неполадки. Может, с навигацией как раз все в порядке, а забарахлила система диагностики неисправностей... Такое случилось однажды, с тем транспортником, что вез слякоть к гостинице «Амнезия». Глянул на циферблат в нижнем правом углу визора: осталось пять часов десять минут, включая время, нужное для общей проверки и отчаливания. Нехорошо, право слово...

— Вы нашли ошибку во мне? Я чрезвычайно...

Зато отвлекает от тревожных мыслей. Когда стараешься наперегонки со временем и техническая проблема — крепкий орешек, не так часто вспоминаешь об Антуанетте. Без нее тяжело. А если бередить рану, так еще горше. Придумала же себе подвиг... Но отговаривать он не пытался. Понимал: у нее хватает и своих сомнений.

Но сделал, что мог, ради безопасности ее судна. Договорился с другой ремонтной фирмой, где простаивал док, — второй по величине в Новом Копенгагене. Загнал туда «Буревестник». Антуанетта нервничала, не верила, что швартовы могут удержать сотню тысяч тонн инерционного веса. Но швартовы не подвели, судно не вылетело, сорвавшись, в космос, и Ксавьеровы обезьяны проверили «Буревестник» от и до.

Когда работу окончили, Ксавьер и Антуанетта в последний раз занялись любовью. Потом Антуанетта шагнула в шлюз, и через несколько минут, чуть не плача, Ксавьер увидел отлет «Буревестника». Судно отплыло от «карусели», развернулось, ушло прочь. Издали «Буревестник» казался таким маленьким, хрупким.

Затем в офис явился назойливый робот-полицейский Феррисвильской конвенции, жуткое паукоподобное устройство, сплошь лезвия и острые края. Он рыскал несколько часов — видимо, просто

хотел запугать. Но ничего не нашел, потерял интерес и убрался восвояси.

Больше ничего интересного не случилось.

Антуанетта сказала, что из зоны военных действий посылать сообщения не будет, потому Ксавьер и не тревожился. Но затем в новостях промелькнули туманные сообщения о боях вблизи Мандариновой Мечты — газового гиганта, в котором Антуанетта хотела похоронить отца. Непредвиденное осложнение и очень неприятное. Антуанетта планировала полет с тем расчетом, чтобы в той части системы отсутствовали военные. В новостях не упоминали гражданское судно, оказавшееся в зоне боев, но это еще не повод для надежды. Возможно, «Буревестник» попал под огонь с обеих сторон, сгинул мгновенно — и никому, кроме Ксавьера, нет дела до его гибели. Вероятно и то, что воюющие стороны знают о судьбе гражданского судна, но держат инцидент в тайне. Ведь это из ряда вон — гражданские не забредают так далеко в спорное пространство.

День сменял день, неделя — неделю, и Ксавьер заставил себя поверить: Антуанетта мертва. Благородная смерть, следствие мужественного, но бессмысленного поступка в ходе войны. Антуанетта не позволила себе уйти в циничное безразличие, забыть долг перед отцом. Ксавьер гордился тем, что знал и любил ее, и терзался невозможностью увидеть снова.

— Я вынужден обратиться к вам снова. Вы нашли ошибку?..

Ксавьер выстучал команду на компаде, чтобы отсоединиться от публичности. Подумал: «Пусть-ка зануда поварится в собственном соку, помучается».

Он посмотрел на часы: осталось четыре часа пятьдесят пять минут. А с проблемой не удалось продвинуться ни на шаг. По сути, стало хуже. Пара возможностей, выглядевших многообещающими несколько минут назад, обернулись глухими тупиками.

— Да провались этот кусок дерьма...

На рукаве замерцал зеленым сигнал. Ксавьер уставился на него, разозленный и растерянный. Подумал: «Вот же ирония судьбы. С Антуанеттой не улетел, а фирма все равно пошла к чертям...»

Оказывается, пришло срочное сообщение из пространства за «каруселью». Сообщение поступало в реальном времени, транслируемое глобальной коммуникационной системой. Аудиопослание, без возможности ответить в реальном времени — отправитель еще слишком далеко, за пределами Ржавого Пояса. Ксавьер приказал

коммуникатору озвучить сообщение, и из динамиков шлема полился голос:

— Ксавьер, надеюсь, ты получишь мое сообщение. Надеюсь, фирма еще не разорилась и ты не слишком обременен обязательствами. Потому что я загоню тебя в долги по уши.

— Антуанетта! — воскликнул он, улыбаясь глупо и счастливо.

— Сейчас тебе нужно знать только то, что я сообщу. Остальное — с глазу на глаз. Я возвращаюсь к Ржавому Поясу, но на слишком большой скорости. Мне нужен буксир, чтобы затормозить, и как можно скорее. В доке у Ласло есть парочка «Таурусов» четвертой модели? Один такой вполне справится с «Буревестником». Ласло нам еще должен за ту прошлогоднюю работенку в Даксе-Утрише.

Антуанетта сообщила координаты и вектор скорости, предупредила: в том районе активны баньши. Ксавьер проверил: да, скорость чересчур велика. И что же такое произошло? Впрочем, пустое — все выяснится потом. Но времени совсем в обрез... Она ждала до последней минуты, чтобы отправить сообщение. Теперь нужно бежать сломя голову за «Таурусом». Достичь «Буревестника» буксир должен за полдня. Если опоздает, проблема усложнится раз в десять, и понадобятся такие средства и связи, каких Ксавьер отродясь не видывал.

Любит девушка жить опасно.

Вернулся к несчастному транспорту в доке. К решению проблемы с навигационной системой не приблизился ни на шаг, но теперь ее сложность и ответственность вовсе не давила на нервы.

Ксавьер потыкал в компад, опять открыв канал для субличности. Та немедленно зажужжала в ухо — наверное, нудила и зудела все время, даже когда Ксавьер ее не слушал.

— Вы нашли неисправность? Я настоятельно рекомендую отыскать неисправность в должный срок. Несоблюдение условий ремонтного контракта повлечет за собой штраф вплоть до, но не свыше шестидесяти тысяч единиц конвенции, либо вплоть до, но не свыше ста двадцати тысяч, если несоблюдение повлекло...

Ксавьер торопливо отключился. Снизошла благословенная тишина...

Он проворно слез с шасси судна, спрыгнул на широкую полку у стены. Приземлился среди инструментов и мотков кабеля. Отключил сцепление с поверхностью на перчатке, оперся о стену. Осмотрелся напоследок, не оставил ли на судне ценных инструментов.

Кажется, нет.

Ксавьер откинул измазанную маслом панель на стене. Под панелью обнаружилось много крупных, ярких, игрушечного вида, изрядно засаленных кнопок и рычагов. Одни управляли освещением и подачей электричества, другие — давлением, температурой. Не обращая внимания на остальные, Ксавьер взялся за приметный ярко-алый рычаг управления швартовами.

Он посмотрел на каботажник. Ведь ей-богу, собрался сделать большую глупость. Возможно, час работы — и обнаружилась бы неисправность. Тогда грузовик мирно отправился бы восвояси, и сползание фирмы к банкротству прекратилось бы. Ну, по крайней мере, на пару недель.

С другой стороны, он мог бы провозиться все пять часов и не выявить неисправность. Тогда все равно будет штраф, в размере вплоть до, но не свыше ста двадцати тысяч. Каботажник так любезно проинформировал о санкциях, будто знание верхнего предела неким чудесным образом уменьшит неприятные последствия штрафа. И нивелирует тот факт, что времени на спасение Антуанетты останется на пять часов меньше.

В общем, выбирать не приходится.

Ксавьер потянул алый рычаг. Тот принял новое положение, старомодно щелкнул, фиксируясь. Тут же по всему доку замигали оранжевые фонари. В динамиках зазвучал сигнал тревоги, советуя держаться подальше от движущегося металла.

Зажимы отскочили, на мгновение каботажник завис, словно по волшебству. Затем центробежная сила взяла свое, и с величественной медленностью судно выдвинулось из дока, вылетело плавно и элегантно — словно оброненный в пропасть канделябр. Полюбоваться дальнейшим продвижением каботажника не удалось — вращение «карусели» быстро скрыло его из виду. Можно, конечно, прождать оборот и посмотреть, но есть дела куда важнее.

Ксавьер знал: поспешное отплытие не причинило повреждений каботажному судну. Очень скоро оно найдет другую ремонтную фирму. А через несколько часов без проблем продолжит путь к «Дому исправления», повезет бедняг-пассажиров, чьи телесные модификации уже вышли из моды.

Конечно, иски могут посыпаться со всех сторон: и от пассажиров, если те прознают о случившемся, и от станции, где они сели на судно, и от картеля, владеющего транспортом, и, возможно, даже от

самого «Дома исправления» — за создание ситуации, опасной для клиентов.

Да пошли они все куда подальше. Главное, Антуанетта прислала весточку. Теперь важно только это.

ГЛАВА 8

Клавэйн смотрел на звезды.

Он находился на поверхности кометного обломка, приютившего Материнское Гнездо. То ли висел вниз головой, то ли стоял в нормальном положении — решить трудно. Сила тяжести, рождаемая пустотелым остатком кометы, ничтожна. Вокруг, насколько хватает взгляда, ни человека, ни следов человеческого присутствия. Мимолетный наблюдатель увидит лишь одинокого космонавта, брошенного на поверхности кометы без убежища и припасов. Снаружи — никаких признаков огромного обитаемого устройства в кометном ядре.

Комета медленно вращалась, из-за горизонта периодически всплывал бледный огонек Эпсилона Эридана. Казалось, эта звезда ярче всех прочих на небе — но она всего лишь звезда, а не солнце этой системы. Клавэйн будто ощущал холод огромного пространства между ней и кометой. Сотня астрономических единиц. По сути, мелочь в сравнении с межзвездными расстояниями — но от осознания подобных масштабов бросало в дрожь. Клавэйн так и не избавился от благоговейного ужаса перед привычной многим колоссальностью космоса.

Внимание привлекла далекая вспышка, едва заметная искорка в плоскости эклиптики. Отсюда, с кометы, — на ширину ладони от Эпсилона Эридана. И опять резкая, колючая искра, почти на пределе видимости.

Нет, это не обман зрения. Новая искра, чуть поодаль от первых двух. Клавэйн приказал визору шлема отфильтровать звездный свет, чтобы глаза могли приспособиться к слабым сигналам. Визор заслонил Эпсилон Эридана точно подобранным черным пятном.

Сейчас уже не ошибешься, определяя природу вспышек. Это битва, происходящая в десятке световых часов отсюда. Участвующие

корабли распределены в объеме нескольких световых минут, они стреляют друг в друга из тяжелых релятивистских орудий. Если бы Ксавьер находился в Материнском Гнезде, он бы соединился с общей базой тактических данных и выяснил, какие войска патрулируют тот сектор пространства. Но вряд ли узнал бы намного больше того, что видит сейчас собственными глазами.

Вспышки — это большей частью взрывы, в которых гибнут корабли. Иногда — инициирующие импульсы демархистских рейлганов, огромных, в тысячу километров длиной линейных ускорителей. Их накачивали энергией последовательно детонирующие кобальтовые бомбы. Они разносили ускорители на атомы, но перед тем разгоняли глыбу стабилизированного металлического водорода величиной в дом до скорости в семьдесят процентов световой. Глыба неслась, едва опережая волну обломков, созданных взрывами.

У сочленителей было оружие сравнимой эффективности, причем энергию для разгона снаряда качали из флуктуаций вакуума. Их пушки можно было перезаряжать, они прицеливались быстрее и мощных вспышек не производили.

Конечно, спектроскопический анализ вспышек однозначно указал бы на их происхождение. Но скорее всего, это главным образом результаты прямых попаданий в демархистские крейсера.

Там, вдали, умирали враги — в ярчайших вспышках, во взрывах столь быстрых и мощных, что никто не ощущал боли, не успевал узнать пришедшую смерть. Но безболезненная кончина — утешение слабое. В принявшей бой эскадре много кораблей. Уцелевшие видят гибель друзей и соратников. Ежесекундно они задают себе вопрос, кто же будет следующим. Они не узнают, когда к ним направится роковой снаряд, не узнают, когда он попадет.

Конечно, война всегда страшна, и Клавэйн знал об этом лучше многих. Но наблюдателю с кометы Гнезда битва кажется праздником, фейерверком в далеком городе. Война восхищает сияющей красотой — блеском лат Азенкура, пожарами Герники, ядерным пламенем Нагасаки, инверсионным следом над плато Фарсида, а вот теперь и далекими вспышками релятивистского оружия в бархатно-черном небе двадцать седьмого века, усеянном искрами звезд.

Битва медленно уходила за горизонт. Сейчас она скроется вовсе, оставив небо чистым, не омраченным людским злодейством.

Клавэйн подумал о том, что узнал об Узком совете. Должно быть, с негласного одобрения Скади Ремонтуар рассказал о роли, отве-

денной Клавэйну в совете. Дело не только в том, чтобы не допустить его гибели в очередной рискованной операции, но еще и в его ожидаемом участии в неком секретном проекте. Нужно вернуть ценные объекты, попавшие в чужие руки за пределами системы Эпсилон Эридана.

Какие именно объекты, Ремонтуар не сказал. Лишь упомянул, что они, потерянные в прошлом, сейчас принципиально важны для выживания Материнского Гнезда. Чтобы узнать больше — а узнать больше необходимо, если Клавэйн хочет быть по-настоящему полезным Гнезду, — нужно присоединиться к Узкому совету. Ошеломительная простота.

Теперь, обдумывая все заново в одиночестве, на поверхности кометы, Клавэйн пришел к выводу: да, факты говорят сами за себя. И все сомнения насчет участия в работе совета — на порядки меньше истины, встающей за фактами.

Тем не менее он не мог поверить Скади целиком. Она знала гораздо больше — и будет знать больше, несмотря даже на вступление Клавэйна в совет. Конечно, оказавшись в совете, ты на шаг ближе к Внутреннему святилищу — но все же остаешься вне его. И кто скажет, не существуют ли более глубокие уровни секретности, кроме святилища?

Место битвы снова появилось в поле зрения, выплыло из-за горизонта. Клавэйн заметил, что вспышки происходят гораздо реже. Бой заканчивался. Почти наверняка демархисты понесли куда более тяжелые потери, чем сочленители. Те вообще могли обойтись без потерь. Враги расползались по базам, пытаясь не вступить в новый бой по пути. Скоро о битве расскажут в новостях, демархисты попытаются перекроить факты так, чтобы увидеть хоть толику оптимизма в сокрушительном поражении. Такое случалось уже тысячи раз. Похожие битвы еще разыграются, но их будет не много. Враг не имел военных успехов уже много лет и уверенно скатывался к полному поражению. Так из-за чего тревожиться о выживании Материнского Гнезда?

Увы, был лишь один способ это выяснить.

Шлюпка отыскала причал с безошибочной, машинной точностью. Клавэйн высадился на «карусели» с нормальной гравитацией и несколько минут тяжело дышал, пока тело не приспособилось к новым условиям.

Он пошел по лабиринту изгибающихся коридоров и лестниц. По пути встречал сочленителей, не обращавших на него особого внимания. Улавливал мимолетные мысли о нем: спокойное уважение, восхищение, чуточку жалости. Основная масса населения не знала о попытках Скади привлечь Клавэйна в совет.

Коридоры стали темнее, теснее. По-спартански голые стены изукрасились трубами, контрольными панелями, вентиляционными решетками, сквозь которые шел теплый воздух. Под ногами и за стенами гудели машины. Нигде по пути не встретилась запертая дверь, надпись «Проход запрещен». Но любой, не знакомый с этой частью «карусели», почувствовал бы, что он забрел в район, где работает важная аппаратура; ходить тут положено лишь персоналу. Немногие зашли бы так далеко. Прочие поскорей развернулись бы и поспешили перебраться в места поуютней.

Клавэйн же упорно продвигался и достиг части кольца, не отмеченной ни на строительных чертежах, ни на официальных картах. Большинство жителей Материнского Гнезда и не догадывались о его существовании. Клавэйн приблизился к бронзово-зеленой массивной герметичной двери — неохраняемой, без каких-либо надписей. Рядом, на стене — толстый металлический штурвал с тремя спицами.

Он ухватился за две спицы, потянул. Штурвал поначалу не поддался — сюда давно уже никто не приходил. Затем плавно двинулся, подчинился усилию. В конце концов закрутился с легкостью, и дверь стронулась с места, роняя капли смазки и конденсата.

Клавэйн провернул штурвал еще раз, и дверь открылась, позволяя войти.

За ней было темней, чем в коридоре до нее. Клавэйн перешагнул через полуметровый комингс, пригнувшись, чтобы не оцарапать голову. Металл колеса был обжигающе-холодным. Пришлось подышать на онемевшие пальцы.

Войдя, покрутил такое же колесо, пока дверь не вернулась на место — но на сей раз прикрыл пальцы рукавами. Он направился в темноту, и зажглись бледно-зеленые лампы, разгоняя сумрак зала, огромного, низкого и длинного, словно пороховой погреб.

Здесь был заметен изгиб кольца. Стены загибались кверху и книзу, сливаясь с полом и потолком. Вдали тянулись ряды анабиозных контейнеров.

Клавэйн знал в точности, сколько их: сто семнадцать. Из экспедиции на корабле Галианы вернулось сто семнадцать человек, и ни-

кого из них невозможно оживить. Многие члены команды подверглись столь жестокому насилию, что останки различались лишь посредством генетического анализа. Тем не менее для них выделили отдельный анабиозный контейнер.

Клавэйн брел между рядами, под ногами лязгала решетка пола. Тихо жужжали механизмы. Все криокапсулы работали в нормальном режиме — не потому, что сохранялась надежда воскресить погибших. Их сочли благоразумным держать в замороженном состоянии. Хотя в них — за исключением, конечно же, одного тела — и не заметили признаков чужеродных машин, волков, — возможно, эти машины все-таки присутствовали. Ничтожных размеров паразиты, настолько мелкие, что человеческая аппаратура не способна их зарегистрировать, могли ждать, затаившись, своего часа. Останки несложно кремировать, но тогда исчезнет возможность узнать что-либо о волках. Обитатели Материнского Гнезда были людьми чрезвычайно благоразумными.

Капсула с телом Галианы стояла отдельно от прочих, на небольшом возвышении, чуть наклонно. Изъеденная коррозией аппаратура напоминала резьбу по камню. Криокапсула казалась саркофагом могучей королевы-чародейки, любимой народом отважной воительницы, защищавшей своих людей до конца и теперь покойной, окруженной вернейшими рыцарями, советниками, фрейлинами. Еще не подойдя к капсуле вплотную, сквозь ее прозрачный верх гость увидел профиль Галианы, ее плечи, лицо. Спящая королева казалась умиротворенной, спокойно принявшей судьбу. Руки сложены на груди, подбородок приподнят, так что выделяются волевые, сильные черты благородного лица. Глаза закрыты, на лбу ни морщинки. Будто потоки темной влаги, с головы спадают длинные, подернутые сединой волосы. На коже поблескивают мириады крошечных льдинок, переливаются мягкими тонами синего, розового, зеленого. В смерти Галиана выглядела утонченно-красивой, хрупкой, удивительной — словно изваянная из глазури.

Клавэйну хотелось плакать.

Он коснулся холодной крышки, провел пальцами, оставляя четыре едва заметных следа. Столько бы сказал ей, если бы она вырвалась из страшных объятий волка, столько бы объяснил... Ее размораживали лишь единожды, сразу после возвращения. Но через годы или века ее ведь снова могут согреть!

Он снова и снова думал, что скажет, если разум Галианы хоть на миг прорвется сквозь мрак. Вспомнит ли она Клавэйна и то, как

были вместе? Вспомнит ли Фелку, близкую и дорогую обоим как родная дочь?

Бессмысленно терзать себя надеждой. С Галианой больше не поговорить. Никогда.

— Я решился, — сказал он вслух, и с каждым словом изо рта вырывалось облачко пара. — Не уверен, что ты бы одобрила. Ведь ты никогда не позволяла создавать закрытые клубы вроде этого совета. Говорят, это из-за войны. Тактическая необходимость, соблюдение военной тайны. Но зародыш совета образовался еще до войны. Всегда секреты, всегда попытки скрыть важное — даже от самих себя.

Пальцы онемели от холода.

— Я решил вступить в совет, потому что назревает очень плохое. Если нужно это остановить — сделаю все возможное. Если остановить невозможно — приложу все усилия, чтобы провести Материнское Гнездо сквозь бурю. Но вне совета я не смогу ничего. Галиана, никакая победа в войне не вызывала у меня столько сомнений, как эта. Наверное, и ты бы сомневалась на моем месте. Ведь всегда с подозрением относилась к слишком простому, подозревая обман. Я-то знаю. Сам попался в твои силки.

Он вздрогнул. Почему-то стало очень холодно и закололо меж лопаток — словно подглядывает кто. Но вокруг по-прежнему ровно гудели механизмы, огоньки капсул не изменились.

Клавэйн понял вдруг, что совсем не хочет здесь задерживаться.

— Галиана, — проговорил он поспешно и виновато, — я должен это сделать. Будь что будет, но я приму предложение Скади. Надеюсь, ты поймешь.

— Клавэйн, она поняла бы.

Он резко обернулся и тут же, узнав голос, понял: бояться нечего.

— Фелка! Как ты меня нашла?

— Догадалась. Всегда думала, что ты напоследок захочешь посоветоваться с ней.

Как же тихо Фелка вошла. Он присмотрелся — да ведь дверь открыта. И почувствовал холод от сквозняка.

— Я и сам не понимаю, зачем пришел сюда. Она ведь мертва.

— Она — твоя совесть.

— Потому я и любил ее.

— Мы все любили ее. И потому она кажется нам живой, все еще ведущей нас. — Фелка подошла вплотную. — Нет ничего зазорного

в том, чтобы приходить сюда. Я не стану считать тебя слабее или меньше уважать.

— Я уже понял, как мне следует поступить.

Она вежливо кивнула, будто он всего лишь сказал, который час.

— Пойдем отсюда. Здесь слишком холодно для живых. Галиана не обидится.

Клавэйн двинулся следом за Фелкой к двери. Перешагнув комингс, взялся за колесо, закрывая тяжкую герметичную дверь, оставляя память и призраки прошлого в холоде и покое — там, где им и дóлжно быть.

Клавэйна ввели в зал совета. Он ступил за порог, и сразу утих постоянный мысленный шум, будто порывом ветра унесло отголоски тысяч разумов Материнского Гнезда. Подобное умственное безмолвие было очень неприятным для большинства сочленителей, но даже если бы Клавэйн не вернулся только что из места упокоения Галианы, где царила такая же тишина, он едва ли ощутил бы нечто большее, чем мимолетное неудобство. Слишком много времени он провел на дальних окраинах владений сочленителей, чтобы беспокоиться об отсутствии чужих мыслей в голове.

Конечно, здесь одиночество не было полным. Он слышал разумы членов совета, хотя их обычные мыслительные блоки позволяли уловить лишь наиболее поверхностные, простые мысли. Сам же зал был неприметным: большая сфера с ярусами кресел, почти достигающими вершины купола. Пол гладкий, серый, блестящий, в центре — единственное кресло, жесткое, простое, сделанное зацело с полом, словно выдавленное из него.

— Клавэйн! — воззвала Скади.

Она стояла на краю далеко выступающего из стены балкона.

— Я слушаю.

— Садитесь в кресло!

Он ступил на блестящий пол, отзывавшийся отчетливым стуком на каждый шаг. Ощущение — будто ты в зале суда, идешь слушать собственный приговор.

Клавэйн сел в кресло — как и ожидалось, жесткое, неудобное. Закинул ногу на ногу, поскреб в бороде:

— Скади, давайте поскорей с этим покончим. Я готов.

— Клавэйн, всему свое время. Понимаете ли вы, что с новым знанием приходит и ответственность за сохранение его в тайне? Что

секреты, доступные Высшему совету, не должны попасть в руки врага? И передача их другим сочленителям недопустима?

— Скади, я представляю, во что ввязываюсь.

— Клавэйн, мы просто хотим удостовериться. Едва ли вы можете нас упрекнуть в этом.

Ремонтуар встал:

— Скади, он же сказал, что готов. Этого достаточно.

Женщина посмотрела на него с равнодушием, показавшимся Клавэйну куда страшнее открытого гнева.

— Ремонтуар, благодарю вас за пояснение.

— Он прав, — вмешался Клавэйн. — Я полностью готов.

— Тогда будьте готовы и к тому, что сейчас в ваш мозг поступят ранее запретные для вас сведения.

Клавэйн против воли стиснул подлокотники кресла, хотя и понимал, сколь нелепо это инстинктивное движение. Похоже он ощущал себя четыреста лет назад, когда Галиана впервые продемонстрировала ему Транспросвещение. Произошло это в Гнезде на Марсе; раненному в мозг Клавэйну внедрили нейроимплантаты. Поначалу Галиана лишь издали показала общность разумов — но за миг до того он будто стоял на берегу и видел приближение цунами, считая секунды до чудовищного удара стихии. И хотя сейчас навряд ли можно было опасаться изменений в разуме, ожидание было пыткой. Ведь он получит доступ к знаниям столь удивительным и опасным, что ради них создали иерархию в прежде однородном сообществе, разделяющем мысли всех его членов, в коллективном разуме равных.

Клавэйн ждал, но ничего так и не происходило.

— Данные переданы, — объявила Скади.

Клавэйн расслабился:

— Но я не ощущаю перемен!

— Данные переданы.

Клавэйн посмотрел вокруг. Ничего не изменилось, восприятие осталось прежним. Заглянул в память, — кажется, все лежащее на поверхности присутствовало и минуту назад...

— Но я не...

— Перед тем как вы приняли решение и пришли сюда, мы позволили вам узнать, почему считаем вашу помощь необходимой. Нам нужно вернуть утраченные ценности. Клавэйн, вы это помните?

— Но что за ценности, вы мне не сказали. Я и сейчас про них не знаю.

— Потому что не задаете себе нужных вопросов.

— И какие это вопросы?

— Клавэйн, спросите себя об «адском» оружии. Уверена, ответы покажутся вам очень интересными.

— Да я не знаю ничего об оружии...

Пробормотал — и смолк. Ведь теперь знал в точности, о чем идет речь.

Эти новые сведения помогли вспомнить: за свою жизнь среди сочленителей он много раз слышал о новом жутком оружии, спрятанном в каком-то тайнике. Даже заклятые враги шептали об оружии последнего боя, столь разрушительном, что даже испытать его толком не удалось. И в сражениях это оружие не применяли. Оно было очень старым, его создали на заре истории сочленителей. Слухи разнились в деталях, но сходились в одном: единиц оружия произведено сорок, и среди них нет двух похожих друг на друга.

Клавэйн всерьез эти слухи никогда не принимал, считая их отголосками давней военной пропаганды, фальшивки, изготовленной одним из отделов контрразведки Гнезда. О реальности такого оружия и помыслить было трудно. Не было ни единого официального подтверждения его существования за всю историю общества сочленителей. И Галиана никогда не упоминала ни о чем подобном. А если оружие по-настоящему старое, еще с марсианских дней, Галиана не могла не знать о его существовании.

Но ведь это оружие существует!

Клавэйн с энтузиазмом, но без удовольствия покопался в новых знаниях. Он всегда подозревал о секретах Материнского Гнезда, но и вообразить не мог, что столь масштабную тайну скрывают столько времени. Словно обнаружил потайную комнату в доме, где прожил всю жизнь. Обидно и горько. Ему не доверяли.

Древние слухи не солгали про сорок единиц. Каждая пушка — уникум, концепт, использующий глубокие и до сих пор не исследованные полностью физические явления чудовищно разрушительного действия. Галиана знала об оружии. Именно она в разгар войны с сочленителями, ввиду нависшей угрозы, приказала создать его. В то время враги побеждали лишь за счет численного превосходства, но не технического. С новыми пушками Галиана могла легко склонить чашу весов в свою пользу — но в последний момент отказалась применить их. Посчитала, что лучше погибнуть, чем совершить геноцид.

Но судьба благоволила сочленителям. Народ Галианы оказался на самой грани — но вычеркнуть его из истории враги не смогли.

После войны оружие спрятали в другой звездной системе, в астероиде-крепости. В памяти плыли смутные образы: укрытые бункеры, свирепые роботы-сторожа, опаснейшие ловушки, мины. Несомненно, Галиана боялась нового оружия не меньше, чем врагов, и хотя не пожелала его немедленно разобрать, сделала все от нее зависящее, чтобы исключить возможность необдуманного использования. Чертежи и технические характеристики пушек были стерты из архивов, чтобы предотвратить попытки создания новых единиц. С той поры таких попыток и не предпринималось. Если бы вдруг оружие потребовалось снова, в случае угрозы самому существованию сочленителей можно было бы слетать за ним, готовым к применению. Правда, путь был неблизок — световые годы. Достаточно, чтобы охладить горячие головы. Сорок «адских» пушек могли быть использованы лишь в результате холодного, спокойного, взвешенного решения.

Но оружие украли. Неприступный астероид взяли штурмом, и к тому времени, когда прибыла группа для расследования, похитителей и след простыл. Воры мастерски обошли защиту и сумели в ходе штурма не разбудить оружие. А «спящие» пушки не разрушить дистанционно, не отследить и не обезвредить.

Клавэйн узнал: попыток выяснить, куда делось оружие, было много, но все завершились неудачно. Во-первых, само его существование держали в тайне, а уж о похищении знало лишь несколько старших сочленителей. И десятилетиями напролет они мучились неопределенностью, боялись. Ведь пушки способны разбивать целые миры, будто хрупкое стекло. Одна надежда на то, что воры не представляют себе всех возможностей добычи.

Десятилетия превратились в века. В занятом людьми пространстве случалось много бедствий и катастроф — но ни единого признака пробуждения оружия. Немногие осведомленные сочленители мало-помалу успокоились. Может, пушки попросту забыты в глубинах космоса либо брошены в пылающие недра звезды.

Но оно внезапно нашлось.

Незадолго до возвращения Клавэйна из экспедиции признаки применения оружия были замечены в окрестности Дельты Павлина, подобной Солнцу звезды в пятнадцати световых годах от Материнского Гнезда. Нейтринный сигнал был несильным. Возможно, пре-

дыдущие сигналы оказались ниже порога чувствительности детекторов. Но недавно принятые сигналы уже позволили с уверенностью определить: активировано несколько пушек.

Система Дельта Павлина находится в стороне от торговых путей. Единственная обитаемая планета в ней, Ресургем, была заселена участниками археологической экспедиции с Йеллоустона, руководимой Дэном Силвестом, сыном кибернетика Кэлвина Силвеста, наследником одного из богатейших семейств демархистского общества. Экспедиция раскапывала останки птицеобразных разумных существ, обитавших на планете миллион лет назад. Колония постепенно разорвала официальные связи с Йеллоустоном, а чехарда во власти заменила первоначальные научные задачи не слишком внятной политикой терраформирования и заселения планеты. Возникали заговоры, и случались перевороты, но вряд ли оружием завладели поселенцы Ресургема. Изучение списков кораблей, покидавших Йеллоустон, показало: субсветовик «Ностальгия по бесконечности» прибыл в систему Дельта Павлина приблизительно в то же время, каким датируется пробуждение оружия. Сведений о корабле и команде отыскалось не много. В иммиграционных архивах Ржавого Пояса значилось: непосредственно перед отбытием корабля женщина по имени Илиа Вольева искала человека для пополнения экипажа. Имя могло быть фальшивым — в суматошное время после эпидемии корабли и люди называли себя как угодно. Хотя лишь горстка сообщений с Ресургема достигла Ржавого Пояса, в одном, обрывистом и паническом, упоминалась Илиа Вольева, которая терроризировала колонию и добивалась выдачи ее прежнего правителя. По непонятной причине Вольева и ее товарищи хотели видеть Дэна Силвеста на борту своего корабля.

Конечно, это не значило, что Вольева причастна к похищению — но, как справедливо заметила Скади, подозрения насчет этой ультра более чем весомы. В ее распоряжении был субсветовик достаточных размеров для размещения всех сорока пушек. Она угрожала колонии насилием; она прибыла в систему Дельта Павлина одновременно с пробуждением оружия. Непонятно, что Вольева хотела сделать с пушками, но ее причастность практически не вызывает сомнений.

Похоже, Скади права. Все аргументы за то, что похитительница — именно Вольева.

Гребень Скади пульсировал бирюзовым и бронзовым. Клавэйн обнаружил у себя новые сведения: видеофрагменты с Вольевой,

обычные фотографии. Он ожидал чего угодно: злодейства, уродства. А на снимках и кадрах оказалась совершенно обычная женщина: короткая стрижка, упрямое выражение на круглом лице. Если бы перед Клавэйном выставили галерею портретов возможных похитителей, Вольеву он бы заподозрил в последнюю очередь.

Скади улыбнулась. Догадалась, что Клавэйн заинтригован.

— Теперь вы понимаете, почему нам необходима ваша помощь. Местонахождение и состояние тридцати девяти оставшихся единиц...

— Постойте, тридцати девяти? Речь же шла о сорока!

— Разве я не упоминала об уничтожении одной пушки?

— Увы, не упоминали.

— Должна сказать, уверенности нет, очень уж велико расстояние. Оружие нестабильно, оно может пробуждаться и деактивироваться снова. Но сигнатуры одной из пушек не отмечались с две тысячи пятьсот шестьдесят пятого года по локальному времени Ресургема. Полагаю, это означает уничтожение орудия или, по крайней мере, его повреждение. Шесть из оставшихся тридцати девяти пушек отделены от основной группы. От них еще поступают сигналы — но с другого края системы, от нейтронной звезды. Прочие тридцать три находятся в одной астрономической единице от Дельты Павлина, в коллинеарной точке либрации между звездой и Ресургемом. Скорее всего, эти тридцать три — в трюме субсветовика триумвира Вольевой.

— Подождите! — Клавэйн поднял руку. — Значит, вы зарегистрировали эти сигналы еще в две тысячи пятьсот шестьдесят пятом году?

— По местному времени Ресургема.

— Тем не менее это значит, что здесь вы зарегистрировали сигналы приблизительно в две тысячи пятьсот восьмидесятом году. Тридцать три года назад. Скади, какого же черта вы не отреагировали раньше?

— Клавэйн, мы воевали. И едва ли могли предпринять сложную, трудоемкую, дорогостоящую операцию по возврату оружия.

— А теперь можем?

Скади выразила снисходительное согласие едва заметным кивком.

— Теперь чаша весов определенно склоняется на нашу сторону. Наконец-то мы способны выделить необходимые ресурсы. Но не

стоит недооценивать врага. Задача не из легких. Следует вернуть пушки, похищенные из крепости, в которую мы сами пробились бы сейчас с огромным трудом. У Вольевой есть и собственное оружие, помимо украденного у нас. Свидетельства ее преступлений на Ресургеме указывают: она без колебаний применяет силу. Но мы должны вернуть украденное, сколько бы времени и ценных ресурсов это ни потребовало.

— Ценных ресурсов? Вы имеете в виду жизни?

— Клавэйн, вы отлично представляете цену войны и победы и можете принять ее без колебаний. Потому мы и предложили вам руководить операцией по возвращению оружия. Если сомневаетесь в собственной пригодности, загляните еще раз в вашу память.

И тотчас в разум Клавэйна вломились куски прошлого, эпизоды былых битв. Это напоминало кадры военных фильмов, старых, плоских, монохромных. Такие он смотрел в самом начале своей карьеры в Союзе за чистоту разума, пытаясь отыскать — как правило, напрасно — тактические приемы, применимые против нынешнего врага. Но «кино» от Скади прокручивалось рывками, на огромной скорости, и главным героем был сам Клавэйн. Исторически точный фильм, эдакий военный парад. Вот операция по спасению заложников фракции Гильгамеш—Изида. Тогда Клавэйн потерял руку от серного ожога, рана заживала год. Вот Клавэйн и женщина-сочленитель крадут мозг ученого-демархиста у фракции изменников-миксмастеров вблизи Глаза Марко. Партнершу Клавэйна модифицировали, с тем чтобы она могла поддерживать жизнь украденного мозга в своем чреве, а Клавэйну пришлось сделать ей кесарево сечение — не для того, чтобы вынуть плод, а для того, чтобы вложить похищенный орган. Тело ученого оставили преследователям, и те сочли похищенного мертвым. А сочленители вырастили клон и пересадили ему трофейный мозг.

Вот Клавэйн возвращает сочленительский двигатель, украденный отщепенцами-угонщиками, засевшими в одном из внешних модулей аграрного комплекса-улья Пухляк. Вот защищает мир жонглеров от алчных ультранавтов, пожелавших брать плату за доступ к изменяющему разумы океану.

Битв, операций и рейдов было много. Очень много. Клавэйн всегда выживал — и почти всегда побеждал. Наверное, в какой-нибудь параллельной Вселенной он бы погиб давным-давно. Может, не менее искусен был бы в военном деле, но просто отвернулась бы удача.

Цепь успехов экстраполяции не поддается. Сколь бы длинной ни была их череда, она не гарантирует новых побед.

Однако сейчас, хоть успех и не гарантирован, вероятность достичь его у Клавэйна больше, чем у любого другого члена совета.

Он невесело улыбнулся:

— Похоже, вы знаете меня лучше, чем я сам.

— Клавэйн, я уверена: вы поможете. Иначе и не старалась бы привлечь вас, не прилагала бы столько усилий. Я ведь права, да? Вы поможете?

Клавэйн осмотрел зал совета. Какой удручающий зверинец! Дряхлые, сморщенные человеческие останки, непристойно обнаженные мозги тех, кто уже почти растворился в общем разуме. И все эти без пяти минут призраки напряженно ждут ответа, даже едва различимые за стеклом мозги замедлили пульсацию. Конечно, Скади права. Клавэйн никому бы не доверил подобную работу. Даже сейчас, на склоне карьеры и жизни. Но время... почти два десятилетия, чтобы достичь Ресургема. Столько же — назад. Но что такое сорок лет по сравнению с четырьмя веками? К тому же бóльшая часть этого времени придется на анабиозный сон.

Сорок лет. И еще пять лет на подготовку, и с год на саму операцию... Вместе — почти полстолетия. Он посмотрел на Скади. Заметил: цвета на ее гребне прекратили переливаться. Знал, что глубинные слои его разума она просканировать не в силах. Непрозрачность его разума одновременно интриговала и бесила Скади. Но общий ход мыслей она, скорее всего, улавливала прекрасно.

— Я согласен. Но на определенных условиях.

— Каких же?

— Я сам набираю команду. Если попрошу Ремонтуара и Фелку отправиться со мной и они согласятся — совет не будет возражать.

Скади задумалась, затем кивнула с грациозностью куклы из театра теней.

— Разумеется. Сорок лет отсутствия — долгий срок. Это все?

— Я не выйду против Вольевой, если не получу максимального тактического преимущества, превосходства в силах. Так я действую всегда — достигаю полного превосходства на моем участке фронта. Значит, одним кораблем не обойтись. Самое малое два, а лучше три. Возьму и больше, если Материнское Гнездо успеет их собрать. Мне нет дела до запрета на производство субсветовиков. Мне нужны они, оснащенные самым тяжелым и мощным оружием. Одного корабля

мало. Учитывая, сколько времени требует их строительство, начинать его нужно прямо сейчас. Нельзя просто ткнуть пальцем в астероид, сказать волшебное слово и через неделю получить готовый субсветовик.

Скади коснулась пальцем нижней губы, прикрыла глаза, и Клавэйну показалось, что идет оживленный и непростой спор с кем-то далеким. Ресницы и веки Скади вздрагивали, словно у мучимой лихорадкой сомнамбулы.

— Клавэйн, вы правы. Нам необходимы корабли — новые, с модификациями, уже опробованными на «Паслене». Но не тревожьтесь, они уже заложены. Фактически монтаж близится к завершению.

— Новые корабли? Где же они?

— Неподалеку отсюда.

— Прекрасно. Ведь делу не повредит, если я их осмотрю? Очень хотелось бы это сделать до того, как уже поздно будет что-либо менять.

— Клавэйн...

— Здесь торг неуместен. Если я берусь за работу, мне нужно хорошенько изучить орудия труда.

ГЛАВА 9

Инквизитор отстегнулась от кресла, встала, очертила прямоугольник в матовой стене шаттла, принадлежащего триумвиру. Прямоугольник послушно сделался прозрачным, и впервые за пятнадцать лет Ана смогла посмотреть на Ресургем из космоса.

Даже за такое ничтожное по планетным масштабам время изменилось многое. Раньше облака были всего лишь зыбкими перышками пара, плывущими на большой высоте, а теперь клубились ватные плотные тучи, закручивались в причудливые спиральные узоры. Неосмысленное художественное творчество Кориолисовой силы. Блестели под солнцем эмалево-голубые зеркальца озер и миниатюры морей. Там и тут — скопления четко очерченных зеленых, золотистых фигур, пронизанных серебристо-голубыми ирригационными каналами, достаточно глубокими для судоходства. Видны серые царапины шоссе и скоростной железной дороги. Города и поселки —

расплывчатые пятна застройки в перекрестьях улиц, отдельные сооружения различаются с трудом даже при увеличении, какое сумело выдать окно. У центров старых поселений, сравнимых по возрасту с Кювье, проглядывают остатки старых жилых куполов либо их фундаментов. В стратосфере — яркие движущиеся бусины транспортных дирижаблей, изредка — крохотная искорка правительственного самолета, спешащего по делам. Но с такой высоты человеческая активность на планете практически незаметна. Глядишь на шар внизу и будто видишь под микроскопом оболочку диковинного вируса.

Инквизитору после многих лет жизни под придуманной личиной казалось странным и непривычным прежнее имя, Ана Хоури. Новая судьба въелась крепко. Хотя Ана не испытывала привязанности к Ресургему, глядя сверху, не могла не отметить: теперь планета не кажется лишь временным пристанищем. Теперь это дом для множества людей. Большинство из них и не знало другого, родившись здесь. Попадаются, конечно, люди скверные, но ведь и столько хороших, добрых. Их нельзя винить за грехи нынешнего правительства и за несправедливости прошлых лет. Как бы то ни было, люди имеют право спокойно прожить свой век и умереть на планете, которую зовут своей родиной. Умереть естественной смертью.

К сожалению, как раз этой возможности судьба могла им и не дать.

Шаттл был крохотный, проворный, шел на автопилоте. Триумвир Илиа Вольева дремала в соседнем кресле, опустив на глаза капюшон неимоверно засаленной мешковатой серой куртки. Автопилот умел уклоняться от радаров, которыми правительство прочесывало пространство вокруг Ресургема. Тем не менее полеты лучше было предпринимать в самых исключительных случаях. Даже если и не поймают, одно лишь подозрение о регулярных визитах из космоса произведет катастрофический эффект. Головы покатятся во многих ведомствах, пострадают и высокие чины, и мелкие. Волна паранойи не минует инквизицию, и положение Аны станет чрезвычайно опасным. Несомненно, прошлое и настоящее всякого высокопоставленного лица подвергнется тщательнейшей проверке. И тогда, несмотря на все предосторожности, может раскрыться истинное лицо инквизитора Виллемье.

Скрытность отлета с планеты требовала медленного набора скорости, но, когда вышли за атмосферу и предельную досягаемость радаров, двигатели шаттла развили ускорение в три *g*. Пассажиров

вдавило в кресла. Хоури потянуло в сон, и она с легкой досадой поняла: в салон накачивается замаскированный приятной отдушкой снотворный газ.

Спала она крепко, без снов. А пробудилась все с тем же ощущением легкой досады.

И вдалеке от Ресургема.

— Надолго ты меня отключила? — спросила она у равнодушно курящей Вольевой.

— Почти на сутки. Надеюсь, ты запаслась надежным алиби. Оно очень пригодится по возвращении.

— Я сообщила, что отправляюсь в глухомань на встречу с глубоко законспирированным агентом. Не беспокойся: я уже давным-давно обеспечила себе такое алиби.

Шаттл двигался по инерции. Ана расстегнула зажимы кресла, зашарила рукой, пытаясь почесать ягодицу.

— Там, куда направляемся, есть шанс принять душ?

— Трудно сказать. Зависит от того, куда именно направляемся.

— У меня жуткое подозрение, что в месте нашего назначения я уже побывала.

Илиа раздавила окурок, включила передний обзор — нос корабля стал прозрачным. Шаттл находился в глубоком космосе, еще в плоскости эклиптики, как минимум в нескольких световых минутах от каких-либо небесных тел, — но звезды впереди заслоняло обширное темное пятно.

— Вот она, наша старая добрая «Ностальгия по бесконечности». Практически не изменилась, пока ты отсутствовала.

— Спасибо. А еще что-нибудь ободряющее можешь сообщить?

— Когда проверяла в последний раз, душевые не работали.

— А когда ты проверяла в последний раз?

Илиа цокнула языком и скомандовала:

— Пристегивайся, будем стыковаться.

Шаттл понесся к темной бесформенной массе субсветовика. Инквизитор вспомнила, как впервые подлетала к «Ностальгии по бесконечности». Тогда она попала на борт, не подозревая, что ее ждет. Ану Хоури просто обманули. А корабль снаружи выглядел вполне нормальным, как и полагается выглядеть умеренно старому крупному торговому субсветовику. Тогда не было ни загадочных выростов, ни башенок, ни острых, на кинжалы похожих зубьев — лишь местами изношенная обшивка, кое-где с выступами и нишами механизмов: датчиков, антенн, шлюзов и портов. Ничто во внешности корабля

не будило подозрений, не выдавало ненормальности. Тогда поверхность не покрывали акры чешуйчатой структуры, похожей на ящеричью кожу, и пласты засохшей, растрескавшейся грязи. Ничто не предсказывало биомеханического буйства, пожравшего все под обшивкой и вырвавшегося в конце концов наружу.

Теперь «Ностальгия по бесконечности» вовсе не походила на то, к чему применимо слово «корабль». Если уж уподоблять ее чему-либо, то ближайшая ассоциация — свихнувшийся дворец из волшебной сказки, некогда чудесное собрание шпилей, башен и обелисков, изуродованное гнуснейшим колдовством. Хотя основные элементы конструкции субсветовика еще различались: главный корпус, два далеко выступающих пилона с двигателями, каждый с ангар для большегрузных дирижаблей. Но эти черты почти скрыла неистовая поросль, чудовищная опухоль. Нынешний вид корабля был результатом нескольких противоборствующих тенденций, отчасти усмиряемых системами ремонта и перепланировки. Как будто над кораблем потрудился безумный гений, давший полную волю своему дерзкому, дикому мастерству, восхищавшему и ужасавшему одновременно. Среди поросли вились спирали, словно раковины аммонитов, слоистые, ветвистые, сплетающиеся в узлы образования с текстурой как у древесины, зубцы, перемычки, сети, леса тончайших игл, нарывоподобные массы слипшихся, сросшихся кристаллов. Местами одни и те же конструкции повторялись во все меньших размерах, образуя фракталы, вплоть до не различимых невооруженным глазом. Причуды структур и текстур распространялись по всей размерной шкале, от километров до нанометров. Если долго вглядываться, то в изувеченной болезнью оболочке корабля появятся гротескно искаженные лица. Если смотреть и дальше, увидишь карикатуру на собственное лицо.

— М-да, — заключила Ана Хоури, — пока меня не было, эта гребаная хреновина уж точно не исправилась.

Вольева ухмыльнулась под капюшоном.

— Вот теперь я точно слышу не инквизитора, а старую подружку Ану.

— Да неужто?.. Жаль, что по возвращении приходится видеть этот смердящий кошмар.

— Это еще цветочки, — весело заявила Вольева. — Вот внутри — там самые ягодки.

Чтобы подобраться к шлюзу ангара, шаттл протиснулся сквозь дыру со сморщенными краями, похожую на глазницу трупа. Но сам ангар внутри порадовал прямоугольностью, и причальная механика, лишенная наносистем, осталась на месте, она распознавалась и даже работала. В ангаре содержалась целая эскадра для внутрисистемных перевозок, от тупоносых вакуумных буксиров до вместительных шаттлов.

Причалили. В этой части корабля не было искусственной гравитации, поэтому пришлось цепляться за поручни. Ана охотно пропустила Вольеву вперед. Обе женщины несли фонари и аварийные кислородные маски. Свою Ане захотелось надеть немедленно. Воздух на корабле был застоялым, сырым, теплым, полным гнилостной вони — будто вдыхаешь желудочные газы.

Ана прикрыла нос рукавом, стараясь совладать с тошнотой.

— Илиа...

— Привыкнешь, это безвредно, — сообщила та, копаясь в кармане. — Сигарету?

— Ты когда-нибудь слышала, чтобы я согласилась взять эту мерзкую едкую дрянь?

— Все когда-нибудь случается впервые.

Хоури подождала, пока Илиа зажжет для нее сигарету, взяла, осторожно затянулась. Гадость — но существенно лучше корабельного воздуха.

— Конечно, привычка дурная, — заметила Вольева улыбаясь. — Но дурные времена требуют таких же привычек. Полегчало?

Хоури кивнула, впрочем без особой уверенности.

На стенах кишкоподобных коридоров блестела корабельная слизь и выросты кристаллов обманчиво правильной формы. Хоури брезгливо отряхнула комбинезон затянутой в перчатку рукой. Иногда прежнее обличье корабля узнавалось: вентиляционная шахта, дверь в переборке, панель управления. Но обычно и эти знакомые элементы выглядели полурасплавленными, вдавленными в стену, сюрреалистично искаженными. Прежде твердые поверхности стали фрактальным мхом, с торчащими бесформенными, размытыми выступами. Свет фонарей странно преломлялся на разноцветной слизи, образуя тошнотворные узоры. В воздухе плыли амебоподобные сгустки, иногда по течению воздуха, а иногда, казалось, и против.

Сквозь скрежещущие люки женщины прошли во вращающуюся часть корабля. Хоури обрадовалась, войдя в отсек с искусственным

тяготением, но радость была кратковременной. Теперь слизи было куда стекать. Она капала с потолка и стекала по стенам, обрушивалась водопадиками, скапливалась на полу, прежде чем уйти в канализационное отверстие. От слизи росли сталактиты и сталагмиты — желтые, ядовито-зеленые клыки от пола и потолка. Хоури изо всех сил старалась не касаться этих смердящих изваяний, но задача была не из легких. А Вольева не страдала подобной брезгливостью. Пара минут, и ее куртка оказалась в пятнах и кляксах разнообразных корабельных выделений.

— Расслабься, — посоветовала Вольева, заметив сконфуженность товарки. — Все безопасно. Ничто на корабле нам не повредит. Кстати, э-э... ты удалила свои стрелковые имплантаты?

— Тебе бы следовало помнить. Ты же их и вынимала.

— Ну, убедиться лишний раз не вредно.

— Тебе просто нравится издеваться.

— Использую доступные развлечения. Это помогает, особенно в период острого экзистенциального кризиса...

Вольева швырнула окурок в темноту и вынула новую сигарету.

Дальше шли в тишине. Наконец очутились у шахты главного лифта, пронизывающего весь корабль вдоль, словно лифт небоскреба. Конечно, когда субсветовик не ускорялся, вблизи его оси продвигаться было несложно. Но от носа до кормы — четыре километра, потому имело смысл использовать лифт в полной мере. К большому удивлению Хоури, кабину ждать не пришлось. Ана ступила за Вольевой внутрь не без опаски, но кабина оказалась вполне нормальной и разогналась плавно.

— Значит, лифты еще работают? — спросила Ана.

— Это же важнейшие корабельные системы. Не забывай, у меня есть средства сдерживать эпидемию. Они небезупречные, но я, по крайней мере, могу не подпускать вирус к тому, что хочу видеть в относительной целости и сохранности. Да и сам капитан иногда соглашается помочь. Кажется, трансформации корабля происходят не совсем без его участия.

Наконец-то Вольева упомянула капитана. До сих пор Ана цеплялась за обрывки надежды. Может, ужас, случившийся с Бреннигеном, — просто дурной сон, кошмар, перепутавшийся в памяти с реальностью? Но это не сон. Капитан остался жив, он даже живее прежнего.

— Как насчет двигателей?

— Насколько я знаю, они вполне исправны. Но контролирует их капитан.

— Ты с ним разговариваешь?

— Кажется, слово «разговаривать» здесь не совсем уместно. Я с ним общаюсь... Хотя и это слово можно употреблять с большой натяжкой.

Кабину повело — она перемещалась от шахты к шахте. Их стволы были большей частью прозрачными, но за стенами проносились либо заполненные техникой рабочие ярусы, либо монолит корпусного материала. Иногда за стеклом мелькали сумрачные залы, слишком обширные, чтобы разглядеть содержимое в падающем из кабины свете. В пяти огромнейших залах могли разместиться целые земные соборы. Ана вспомнила об отсеке, служившем тайным складом Вольевой при первом визите. В том помещении содержалось сорок древних чудовищ. Теперь осталось меньше, но хватит, чтобы достичь желаемого. Конечно, против ингибиторов и они могут оказаться бесполезными. Но чтобы проверить, необходимо убедить капитана.

— Вы с ним уладили разногласия? — спросила Хоури.

— Думаю, то, что он не убил нас, хотя имел такую возможность, говорит само за себя.

— И он не злится за то, что ты с ним учинила?

— А что я с ним учинила? — В голосе Вольевой впервые зазвучало раздражение. — Ана, с ним я учинила великую милость. Я попросту... в общем, закрепила положение вещей и прописала лекарство.

— Которое еще горше болезни.

Вольева пожала плечами:

— Он умирал. А я ему дала новый смысл жизни.

Хоури охнула, увидев проносящийся мимо уровень, полный слившихся уродливых конструкций.

— Если это можно назвать жизнью...

— Мой тебе совет, — Вольева придвинулась, зашептала на ухо. — Вполне возможно, он слышит наш разговор. Ты это имей в виду, поняла? Ну и молодец.

Если бы кто-нибудь другой вздумал заговорить так с Аной Хоури, через пару секунд с воплем схватился бы за вывихнутую конечность. Но с Вольевой лучше было пропускать подобное мимо ушей.

— А где он сам? На том же уровне?

— Зависит от того, что ты имеешь в виду под «он». Можно сказать, что эпицентр на прежнем месте. Но теперь разделять капитана и корабль нет особого смысла.

— Так где же он теперь? Повсюду, вокруг?

— Да. Всевидящий. Всезнающий.

— Илиа, мне это не нравится.

— Быть может, тебя утешит то, что ему это не нравится тоже.

После многих задержек, смещений и отклонений кабина привезла их наконец в рубку «Ностальгии по бесконечности». К немалому облегчению Хоури, общения с капитаном пока не предвиделось.

Рубка осталась почти такой же, какой Ана запомнила ее. Этот отсек был изуродован — к чему сама Хоури приложила руку — еще до воцарения капитана. Она даже ощутила легкую геростратову гордость, увидев проделанные ее оружием дыры. Вспомнился бунт на орбите нейтронной звезды Гадес, на краю системы Дельта Павлина.

Все тогда балансировало на краю пропасти, но Ана и Илиа выжили — и Ана сочла это величайшей победой. Однако явились черные машины, и победа обернулась поражением. Скорее всего, поражение было неминуемо еще до первых выстрелов. Но все же две женщины выиграли немного времени. И теперь следовало этим временем правильно распорядиться.

Хоури села в кресло, обращенное к обзорной сфере. Со времен мятежа ее починили, и теперь она показывала Ресургем в реальном времени. В системе имелось одиннадцать крупных планет. Экран также демонстрировал их спутники, наибольшие астероиды и кометы — все потенциально важное. Отображал их координаты и векторы скорости. Наложенные на изображение бледные конусы показывали области глубинного сканирования, доступные датчикам корабля, с учетом поправки на конечность скорости света. Вольева отправила на разные орбиты несколько спутников слежения, чтобы закрыть слепые пятна субсветовика и увеличить плечо интерферометра для дальних измерений — но спутники использовала осторожно, лишь при крайней надобности.

— Готова к уроку новейшей истории? — спросила Вольева.

— Ты же знаешь, я всегда готова. Но лучше бы наша маленькая экскурсия того стоила. По возвращении в Кювье мне придется ответить на пару неприятных вопросов.

— После того, что ты сейчас увидишь, они вряд ли покажутся неприятными. И уж тем более важными.

Илиа велела дисплею показать одну из лун второго по величине газового гиганта системы.

— Там разбили лагерь ингибиторы? — спросила Ана.

— Там и еще на паре планет сравнимого размера. Повсюду занимаются одним и тем же.

Вокруг спутника роились темные силуэты. Сбивались в кучи, разлетались стаями испуганных ворон. Вот в мгновение ока сели на поверхность, образовав отчетливо единую конструкцию. Воспроизведение было ускорено — часы, очевидно, спрессовались в секунды. Черные машины мгновенно трансформировались, захлестывали поверхность быстрыми волнами. Дальнейшее увеличение показало: основа структуры — черные кубы самых разных размеров. Огромные лазеры отводили сопутствующее трансформации тепло в пространство. На местности громоздились нелепых очертаний горы черных кубов, чужие машины застилали поверхность, снизив ее отражательную способность до такой степени, что лишь в инфракрасном диапазоне и можно было рассмотреть детали происходящего.

— Что они делают? — спросила Ана.

— Я тоже поначалу не поняла. Смотри дальше.

Промелькнули две недели, прежде чем прояснился смысл. На экваторе выстроились на равных расстояниях друг от друга исполинские машины наподобие толстых вулканических конусов, выдававшихся в космическое пространство на процент диаметра спутника. Внезапно они извергли колоссальные пыльные фонтаны скальной породы — раскаленной, но не расплавленной. Она полетела над спутником, выходя на орбиту.

Другая группа машин, до того не заметная, уже обращавшаяся по орбите, принялась обрабатывать пыль и обломки, собирая, охлаждая и спрессовывая их. За ней образовывалось аккуратное кольцо, тщательно упакованные гигатонны вещества. Позади миногами сновали машины поменьше, заглатывая избранные участки и подвергая дальнейшей переработке.

— Что происходит?

— Похоже, машины разбирают луну.

— Это я уже поняла. Но, кажется, способ разборки они выбрали крайне трудоемкий. Наши боеголовки, предназначенные для пробоя литосферы, справились бы в два счета.

— И притом испаряют и расшвыривают по системе половину лунной массы. Думаю, ингибиторам это как раз ни к чему. Им нужно как можно больше обработанной и упорядоченной материи. Одной луны не хватает — они разбирают целых три. Конечно, часть материи не сумеют перегнать в твердое состояние, по крайней мере без какой-нибудь монструозной алхимии, но, по моим скромным оценкам, они заполучат этак десять в двадцатой степени тонн сырого твердого материала.

— Немаленькая куча щебня.

— Да. Напрашивается вопрос: на кой черт им это надо?

— Кажется, у тебя уже есть теория на этот счет.

Илиа Вольева улыбнулась:

— Пока только предположения. Разборка луны еще продолжается, но кажется ясным, что материал они хотят использовать для постройки. И знаешь что? Я очень подозреваю, что они не облагодетельствовать нас собираются, а совсем даже наоборот.

— Полагаешь, оружие?

— Увы-увы, к старости я делаюсь предсказуемой. Да, боюсь, речь идет об оружии. Но каком — даже предположить страшно. Несомненно, если бы они хотели уничтожить Ресургем с налета, уже разнесли бы в пух и прах. Для этого аккуратно разбирать спутник не нужно.

— Видать, у них на уме кое-что другое.

— Это уж точно.

— Илиа, мы можем помешать им. И должны. У нас есть мощное оружие, почти весь клад сочленителей. Даже сейчас мы могли бы сильно осложнить им работу.

Вольева отключила дисплей.

— Пока они, кажется, не подозревают о существовании «Ностальгии». Мы попали в радиус их детектирования только вблизи Гадеса. Хочешь выдать нашу позицию, использовав сочленительское оружие?

— Будь это нашим последним крупным шансом, почему бы нет... Думаю, в такой ситуации и ты не возражала бы.

— Я просто хочу сказать: если мы применим оружие, назад пути не будет. Ты это уясни крепко-накрепко.

Вольева помолчала немного, затем добавила:

— Есть еще одно немаловажное обстоятельство.

— Какое же?

— Мы управлять оружием не можем. Оно под контролем капитана. Без его помощи мы бессильны. А капитана еще нужно уговорить.

Конечно же, сами себя черные машины не называли ингибиторами. Они никогда не видели необходимости в самоназвании. Просто существовали ради задачи невероятной важности, обеспечивали самое возможность разумной жизни. Ингибиторы не надеялись, что их поймут, не ожидали сочувствия, поэтому любое имя либо намерение оправдать свою деятельность казалось им избыточным. Тем не менее они смутно сознавали, что им дали название после колоссальных зачисток, после истребления разумных рас, после Войны Рассвета. Название не кануло в Лету, оно передавалось со слухами, с легендами, с призывами на помощь от одной разумной расы к другой. Все они были уничтожены, стерты с лица Галактики. Ингибиторы — те, кто уничтожает обладающие сознанием расы.

Управляющий разум отметил с сожалением, что название является подходящим.

Трудно сказать, когда именно началась работа ингибиторов. Война Рассвета стала первой масштабной катастрофой в истории обитаемой Галактики, столкновением миллионов развившихся культур — первых, освоивших межзвездные перелеты, игроков дебюта разумной жизни.

По большому счету, Война Рассвета произошла из-за стремления обладать единственным необходимым для всех ресурсом.

Это была война из-за металла.

Ана вернулась на Ресургем.

Само собой, пришлось отвечать на вопросы.

Ответила с максимальным равнодушием, какое смогла изобразить. Была в глухомани, встречалась с агентом, давшим чрезвычайно важные сведения. Открылся новый след, возможно ведущий прямо к триумвиру. Очень свежий и многообещающий. Чтобы доказать весомость находок, инквизитор Виллемье подняла закрытые прежде дела и распорядилась доставить давних подозреваемых в Дом инквизиции для новых допросов.

А женщине по имени Ана Хоури было тошно. Столько мерзости придется сотворить для сохранения статус-кво. Брать в оборот невинных, да так, чтобы поверили в угрозу жизни или, по крайней мере, в свободу. Подлость от начала до конца. Когда-то Ана старалась

подсластить пилюлю, запугивала и мучила лишь тех, кто подозревался в других преступлениях — таких личностей немало обнаружилось при изучении выкраденных архивов других департаментов и отделов. Это помогло на время усыпить совесть. Но теперь и такой прием казался грязным.

А ситуация ухудшалась. На самом верху появились сомнения в эффективности инквизиции. Требовалось срочно продемонстрировать успехи, жесткость, даже жестокость. В Кювье должен распространиться слух о том, на какие крайности готова пойти инквизиция. Ради прикрытия Виллемье пострадают люди.

Конечно, всегда оставалось главное утешение: эта работа во благо Ресургема и его населения. Несколько запуганных, замученных — небольшая плата за спасение целого мира.

Ана стояла у окна кабинета и смотрела на улицу. Там «клиента», прошедшего допрос, заталкивали в серую округлую коробку электромобиля. Охранники привели его, шатающегося и спотыкающегося, с мешком на голове, со связанными за спиной руками. Электромобиль, пропетляв по городу, к сумеркам достигнет жилых кварталов, и жертву сбросят в придорожную канаву в нескольких кварталах от дома.

Перед этим бедолагу развяжут, но наверняка он еще несколько минут не встанет. Будет лежать, пытаясь отдышаться, не в силах поверить, что остался на свободе. Может, его обнаружат друзья, возвращающиеся с фабрики или направляющиеся в бар. Сперва не узнают, ведь от побоев лицо распухло и говорить несчастному трудно. А когда узнают, помогут добраться домой, опасливо осматриваясь — а вдруг агенты правительства топчутся поблизости?

А возможно, человек сам кое-как встанет на ноги и, глядя из-под распухших, окровавленных век, сумеет как-то отыскать дорогу домой. Жена, перепуганная еще сильнее его, испытает такую же смесь облегчения и ужаса, какую ощутил избитый, очнувшись. Супруги обнимутся, несмотря на боль в ранах. Потом жена осмотрит их и очистит. Переломов не будет, хотя, чтобы убедиться в этом, понадобится основательное обследование в больнице. Человек подумает, что ему попросту повезло. Наверное, избивавшие агенты устали за целый день допросов.

Поздней, возможно, он приковыляет в бар — встретиться с друзьями. За выпивкой в укромном углу бедняга покажет синяки и кровоподтеки. И разнесется слух о том, что наградили ими в Доме инкви-

зиции. Друзья спросят, как же так случилось, как он навлек подозрение в пособничестве триумвиру. А он рассмеется и ответит: инквизиция вовсе слетела с катушек. Хватает любого, кого заподозрит в создании помех расследованиям. Достаточно малейшего, туманнейшего подозрения. Паранойя достигла такого градуса, что любое административное нарушение могут посчитать актом пособничества триумвиру.

Хоури проводила взглядом набирающий скорость электромобиль. Подумала, что уже едва помнит допрошенного. Все они, запуганные, трясущиеся мужчины и женщины, быстро становились на одно лицо — одна невнятная маска смертельного ужаса. Завтра привезут новые жертвы.

Ана посмотрела вверх, на небо цвета кровоподтека. Представила, что сейчас делается за пределами атмосферы Ресургема. Не более чем в паре световых часов отсюда огромная, неумолимая машинерия пришельцев перемалывает три планеты в тончайшую металлическую пыль. Неторопливо, обстоятельно, не обращая внимания на совершаемое людьми, в своем особенном темпе. Словно могильщики на кладбище.

Хоури вспомнила, что узнала об ингибиторах, после того как внедрилась в команду Илиа Вольевой. На заре времен Галактику сотрясала война, вовлекшая многочисленные культуры и расы. В послевоенном запустении одна-единственная раса — либо конгломерат рас — пришла к решению: разумная жизнь не должна распространяться. Выжившие создали стаи черных машин, чьим назначением было ждать появления разумной жизни, освоившей межзвездные перелеты. По Галактике были рассыпаны ловушки, привлекательные необычные объекты, приманка для любопытных. Ловушки сообщали ингибиторам о появлении новой расы, а заодно и описывали, каким образом та приступила к изучению загадочного объекта; эти сведения помогали оценить мышление потенциальных жертв и выбрать способ зачистки.

Ловушки оценивали степень технологического развития и делали прогноз о том, как новая поросль будет противодействовать ингибиторам. Правда, Хоури не поняла сама и не получила ни от кого объяснений, отчего же ингибиторы всегда соизмеряли усилия по зачистке со свойствами новой культуры. Черные машины не стремились полностью уничтожить жизнь в Галактике либо в какой-либо ее области. Казалось, в безжалостной работе ингибиторов есть

некий, пока недоступный смысл. Возможно, человек даже не способен найти его и постичь.

Все же черные машины были небезупречны. Они все хуже справлялись с работой. Ухудшение это обнаруживалось лишь по прошествии миллионов лет. Большинство разумных видов столько не могло прожить, и перед жертвами всегда представала лишь безжалостно-эффективная машина смерти. Наблюдать упадок ингибиторов можно было, лишь сравнивая частные различия в истории истребления культур за очень долгое время. Финальный результат оставался прежним, но методы становились все менее действенными, и откликались черные машины на сигнал о появлении новой расы все медленней. Постепенно всплывал глубинный, до того не сказывавшийся дефект в конструкции ингибиторов. Уже появлялись культуры, сумевшие проникнуть в межзвездное пространство и далеко распространиться, прежде чем ингибиторы выслеживали и уничтожали их. Чистки становились все грубее, больше походили на бессмысленную тотальную бойню, а не на хирургическое вмешательство.

Случай с амарантийцами, жившими на Ресургеме за миллион лет до людей, — одна из тактических неудач ингибиторов. Зачистка растянулась надолго, позволив отдельным группам амарантийцев скрыться в убежищах. Последним актом зачистки стало полное уничтожение биосферы Ресургема. Ингибиторы спровоцировали колоссальную вспышку на Дельте Павлина. Звезда вскоре вернулась к нормальному состоянию, но жизнь на Ресургеме возобновилась лишь с приходом людей.

Сделав дело, ингибиторы канули в межзвездную стужу. Прошло девятьсот девяносто тысяч лет.

Затем явились люди, привлеченные загадкой исчезнувшей расы амарантийцев. Привел людей Силвест, амбициозный отпрыск богатого семейства из Йеллоустона. Когда Вольева, Хоури и «Ностальгия по бесконечности» прибыли к Дельте Павлина, Силвест активно продвигал свой план исследования нейтронной звезды на окраине системы, убежденный, что Гадес имеет отношение к гибели амарантийцев. Он сумел привлечь команду «Ностальгии» на свою сторону, использовал сочленительское оружие, чтобы проломиться сквозь многослойную защиту искусственного объекта величиной с Луну, обращавшегося вокруг нейтронной звезды.

Объект назвали Цербером.

Силвест оказался целиком и полностью прав насчет амарантийцев. Ради доказательства своей правоты он вошел в ловушку ингибиторов. Проникнув в недра Цербера, Силвест погиб в мощном аннигиляционном взрыве.

Но в то же время он обрел иное существование. Хоури знала об этом, поскольку встречалась и разговаривала с этим человеком после его «смерти». Насколько она смогла понять, Силвест с женой продолжили существовать как бестелесные личности в коре нейтронной звезды. Гадес оказался одним из убежищ, созданных амарантийцами, которые искали спасения от ингибиторов. Гадес был частью чего-то неизмеримо более древнего, чем амарантийцы и ингибиторы, огромным хранилищем данных и процессором. Амарантийцы лишь нашли проход в него, как позднее это удалось и Силвесту.

Помимо этого Ана почти ничего не знала о Гадесе и судьбе Силвеста. Да и не хотела знать.

В обычной человеческой жизни она встречалась с Силвестом лишь однажды. С тех пор минуло шестьдесят с лишним лет. Вольева потратила это время на осторожное внедрение своего агента в общество, боявшееся и ненавидевшее ее. А Хоури позволила себе забыть, что Силвест в определенном смысле жив, запечатленный в вычислительной матрице Гадеса. В те редкие моменты, когда она все же размышляла о Силвесте, неизменно спрашивала себя, задумался ли тот хоть на секунду о последствиях своих действий. Избавили ли его знания об ингибиторах от тщеславных мечтаний, от самомнения и высокомерия? Вряд ли. Не был он похож на человека, привыкшего задумываться о последствиях. Да и в любом случае время в матрице Гадеса течет гораздо быстрее обычного. По субъективному ощущению Силвеста, прошли уже века со времени его поспешных поступков. Для него натравливание ингибиторов на человечество может выглядеть давней детской шалостью. В нейтронной звезде ему ничто не угрожает. Уж о ком, а о нем беспокоиться точно не стоит.

Чего не скажешь об оставшихся вне матрицы. Из шестидесяти с лишним лет, прошедших с той поры, двадцать Илиа и Ана провели не в анабиозе. Внедрение было делом долгим и непростым, оно требовало неусыпного внимания. И каждый день из этих двадцати лет Ана думала о неминуемом пришествии ингибиторов.

Теперь, по крайней мере, страхи обрели реальность. Черные машины явились. То, чего Хоури боялась, началось.

Однако машины не учинили быструю зачистку. Вместо этого они занялись изготовлением чего-то исполинского, потребовавшего материю трех планет. Пока еще работа ингибиторов не заметна с Ресургема, ее не видит даже система сканеров, предназначенных для обнаружения чужих кораблей. Но вряд ли блаженное неведение продлится долго. Рано или поздно люди поймут: в небе происходит нечто странное.

И тогда, скорее всего, воцарится хаос.

Но вполне возможно, к тому времени происходящее на Ресургеме уже не будет иметь никакого значения.

ГЛАВА 10

Ксавьер увидел, как от разноцветного транспортного потока в главном входном фарватере Нового Копенгагена отделилось судно. Он опустил на глаза бинокулярные очки, поискал, фокусируясь. Изображение увеличилось, стабилизировалось — вот он, медленно вращающийся контур «Буревестника», похожего на раздувшегося иглобрюха. Судно разворачивалось. Буксир «Таурус» еще висел, прицепившись к корпусу, будто паразит, торопящийся дососать жертву.

Ксавьер моргнул, требуя большего увеличения. Изображение заколыхалось, вспухло, стало четким.

— Господи, что же ты сделала с кораблем?

С любимым «Буревестником» и в самом деле произошло жуткое. Целые куски выдраны напрочь; обшивка выглядит так, будто в последний раз ее ремонтировали еще до эпидемии, а не пару месяцев назад. Интересно, куда Антуанетта залезла? Неужто за Завесу Ласкаля? А может, сцепилась всерьез с бригадой баньши?

— Ксавьер, судно не твое. Я просто плачу тебе за ремонт и осмотр. Разбить его или сохранить — это мне решать.

— Ох ты черт... — Ксавьер забыл, что канал связи до сих пор открыт. — Я не хотел...

— Ксав, с нашей птичкой еще хуже, чем можно судить по ее внешности, ты уж мне поверь.

Спасательный буксир отсоединился в последнюю минуту, выписал ненужный сложный пируэт и помчался домой, на другую сто-

рону «карусели». Ксавьер прикинул, во сколько обойдется использование буксира. Уже не важно, кому придется оплачивать счет, ему самому или Антуанетте. Дела настолько связаны, что практически фирма одна. Это будет очень болезненный удар по кошельку. И кредит доверия почти исчерпан. Придется год вкалывать как минимум, чтобы восстановить репутацию и ресурсы.

Но ведь могло быть и хуже. Гораздо хуже. Еще три дня назад он и не надеялся снова увидеть Антуанетту. М-да, но как же быстро радость сменилась обычными тоскливыми страхами перед банкротством. И вышвыривание того грузовика ничуть не поправило финансовые дела...

Ксавьер ухмыльнулся. Черт побери, оно того стоило!

Когда Антуанетта послала запрос о заходе в док, Ксавьер облачился в скафандр, вышел на поверхность «карусели» и взял напрокат реактивный космоцикл, похожий на металлический скелет. Пронесся пятнадцать километров, оставшихся до «Буревестника», облетел вокруг, убеждаясь: да, изуродована птичка еще хуже, чем показалось сначала. Конечно, в утиль ее рано списывать, все можно отремонтировать — но денег на то уйдет немало.

Он развернулся, полетел вперед, завис перед носом. На темном корпусе выделялись два ярких узких пятна — окна рубок. Антуанетта находилась в верхней — тоненький силуэт за окном. Верхняя рубка использовалась только для швартовки, требовавшей точных маневров. Одну клавиатуру Антуанетта зажала под мышкой, свободной рукой потянулась вверх, к переключателям. Казалась она такой маленькой, беспомощной, что злость испарилась мгновенно. Ксавьер укорил себя: вместо того чтобы переживать из-за ущерба, радовался бы! Антуанетта жива, «Буревестник» ее уберег.

— Не так уж все и страшно, — сообщил он. — Повреждения поверхностные, исправим в два счета. У тебя двигатели еще тянут, сможешь пришвартоваться сама?

— Только покажи куда.

Он кивнул и заложил крутой вираж на космоцикле, уносясь прочь.

— Иди за мной!

Под ногами разрослась громада «карусели». Ксавьер вел «Буревестник» вдоль нее, тормозя, пока не уравнял скорость с его вращением. Глухо рокоча нутром, космоцикл повис на стационарной псевдоорбите. За спиной остался конгломерат меньших доков, ре-

монтных верфей, сияющих золотистым и синим, пестрящих вспышками сварки. Над головой пронесся ракетный поезд, идущий вдоль «карусели». Наконец космоцикл и седока накрыла тень «Буревестника». Ксавьер оглянулся. Грузовик, хоть и выглядел огромным неуклюжим айсбергом, шел точно и ровно.

Проскользнул сверху, снизился, пролетел над полусферической выемкой в «карусели», известной как «Кратер Лайла» — его оставила допотопная ракета на реактивной тяге. Ее владелец, закоренелый контрабандист, врезался в «карусель», пытаясь удрать от полиции. «Кратер» был единственным повреждением, которое Новый Копенгаген получил в ходе войны. Ремонт не составил бы труда, но как аттракцион для туристов пробоина давала куда больше денег, чем невредимый участок «карусели». Со всего Ржавого Пояса являлись зеваки поглазеть на место катастрофы и послушать рассказы о смерти и героизме. Ксавьер подметил очередную группку охотников до жути, выведенных на поверхность экскурсоводом. Вся компания была подстрахована шнурами, подвешенными к сети тросов у края «Кратера». Ксавьер знал лично несколько жертв столкновения, а потому искренне презирал туристов.

Док Ксавьера лежал за «Кратером». По величине он был вторым на «карусели», и все же казалось, «Буревестник» там не поместится, хоть его корпус и лишился части надстроек и многих акров обшивки.

Громада судна остановилась относительно «карусели», повернулась носом вниз. Сквозь клубы пара и газов, вырывающихся из вентиляции «карусели», и выхлопов маневровых двигателей грузовика Ксавьер увидел координатную сетку красных лазерных лучей, покрывшую «Буревестник»; лазеры считывали его координаты и скорость с точностью до ангстрема. Все еще выдавая тягу в половину g маневровым приводом, судно начало входить в док. Ксавьер застыл, борясь с желанием закрыть глаза, — зрелище было жуткое.

Грузовик перемещался теперь со скоростью не более четырехпяти сантиметров в секунду. Ксавьер дождался, когда нос скроется из виду, а снаружи останется три четверти корабля, затем двинулся вдоль корпуса вперед. Опустился на полку у стены дока, слез с космоцикла и приказал ему вернуться на место парковки. Посмотрел, как скелетообразная конструкция умчалась в космос.

Финал швартовки был самым неприятным зрелищем, и Ксавьер все-таки закрыл глаза. Открыл, когда услышал грохот стыковочных

захватов, дошедший через подошвы. За «Буревестником» закрылись ворота шлюза. Похоже, кораблю суждено задержаться здесь надолго. Стоит, пожалуй, наполнить док воздухом, чтобы обезьяны-ремонтники могли работать без скафандров. Но это решится позже.

Ксавьер удостоверился, что коридор герметично состыкован со шлюзом «Буревестника», подрегулировал контакт вручную. Затем направился к доковому шлюзу. Торопился, поэтому снял лишь перчатки и шлем. Сердце колотилось в груди, будто сорвавшийся с рамы насос.

Он специально выбрал шлюз, ближайший к летной палубе. В конце коридора мигали сигналы — заработал шлюз с другой стороны.

Антуанетта спешила навстречу.

Ксавьер уложил перчатки и шлем на пол. Побежал — поначалу медленно, но разгоняясь во всю мочь. Лепестковый люк шлюза раскрывался с невыносимой медлительностью, конденсат валил густым белым облаком. Коридор словно растянулся впереди, самое время растянулось, словно в дрянной мелодраме, где любовники все никак не подбегут друг к другу.

Наконец люк открылся. Среди пара показалась Антуанетта, в скафандре, но со шлемом под мышкой. Коротко остриженные светлые волосы растрепаны, грязны и засалены, лицо изжелта-бледное, мешки под усталыми глазами с сеточкой кровавых прожилок. Даже оттуда, где стоял Ксавьер, ощущалось: Антуанетта не мылась, должно быть, не одну неделю.

Да наплевать! Все-таки она красивая и выглядит чудесно. Он кинулся навстречу. Скафандры грохнули друг о дружку. Ксавьер ухитрился поцеловать ее.

— Рад, что ты добралась!

— А уж я как рада...

— Сделала?

— Да. У меня получилось!

Он замолчал, не желая принижать неуместными словами то, что ей удалось совершить. Понимал, как важно для нее было исполнить задуманное. Торжество успеха нельзя омрачить случайной глупостью.

— Я тобой горжусь! — выдавил он.

— Черт возьми, я сама собой горжусь!

— Наверное, без трудностей не обошлось?

— Если вкратце, то пришлось нырять в атмосферу немножко быстрее, чем предполагала.

— Зомби?

— И зомби, и пауки.

— Ничего себе, оказалась меж двух огней! Как же ты сумела отделаться от пауков?

Антуанетта вздохнула:

— Долгая история. И не совсем понятная. Я до сих пор не разобралась в том, что произошло у газового гиганта.

— Расскажешь?

— Расскажу. Но сперва поедим.

— Поедим?

— Угу. — Она ухмыльнулась, показав давно не чищенные зубы. — Ксав, я ужасно голодная. И напиться хочу. Очень. Тебя кто-нибудь когда-нибудь перепивал? Так, чтобы ты под столом валялся?

Ксавьер Лиу напряг память:

— Хм, никто не перепивал, пожалуй. И никогда я не валялся.

— Ну, так не упусти такую возможность!

Они разделись, вымылись, занялись любовью, час лежали рядом, вымылись снова, оделись — Антуанетта натянула свой лучший, сливового оттенка жакет, — пошли в ресторан, наелись до отвала и напились вдрызг. Антуанетта наслаждалась каждой минутой. До чего же здорово снова быть чистой — по-настоящему, не кое-как соскребая с кожи грязь на борту покалеченного судна. Невыразимо приятно опять почувствовать силу тяжести, пусть искусственную и только в половину *g*. Одно лишь тревожило: назойливое, неизбывное ощущение того, что роскошь и чудеса вокруг недолговечны.

Пауки выиграют войну. Захватят всю систему, включая Ржавый Пояс. Конечно, могут и не превратить всех поголовно в членов коллективного разума. Утверждают, что это не входит в их планы. Но где гарантия, что, победив, они не поступят как заблагорассудится? Йеллоустон уже побывал под их властью. И оказалась она вовсе не сахарной. И куда деваться дочери капитана, у которой за душой только старая каботажная калоша?

Но черт подери, это же не сегодня случится! Так стоит ли портить удовольствие?

Любовники поехали на поезде, идущем вдоль «карусели». Антуанетта хотела зайти в бар под «Кратером Лайла», где пиво было замечательное. Ксавьер возразил, что в это время бар полон и лучше направиться в другое место. Она пожала плечами: будь по-твоему.

И очень удивилась, когда Ксавьер повел в бар за пол-«карусели» от своего дока, в местечко под названием «Роботник», отчего-то практически пустовавшее. Синхронизировав часы с локальным временем Йеллоустона, Антуанетта поняла отчего: три часа дня, мертвое время для гуляк. Серьезные развлечения начнутся позже, когда в Городе Бездны настанет «ночь».

— Так и «Лайл» пустой, — сказала она Ксавьеру.

— Не люблю я его.

— А-а...

— Слишком много зверья. Когда весь день работаешь с обезьянами... или не работаешь, как у нас получается, — роботы-официанты кажутся куда привлекательнее.

— Резонно, — заметила она, глядя поверх меню.

Фирменная черта «Роботника»: персонал — одни роботы. На «карусели» было не много мест, за исключением ремонтных верфей, где машины исполняли хоть какую ручную работу. Да и тогда использовались древние механизмы, примитивные и помятые, дешевое выносливое железо, иммунное к эпидемии. Таких роботов еще могли делать на самой «карусели», вопреки промышленному упадку из-за войны и последствиям чумы.

Антуанетта хмурилась. Конечно, в старомодных машинах есть некий шарм, но когда хромающая недоделка четырежды роняет пиво на пути от стойки к столу, шарм отчетливо слабеет.

Потом Антуанетта спросила:

— Слушай, тебе на самом деле нравится эта дыра? Или просто бар «Лайл» нравится еще меньше?

— Знаешь, это не слишком нормально, когда место гибели стольких людей превращают в достопримечательность для туристов.

— Папа, наверное, согласился бы с тобой.

Ксавьер неразборчиво пробурчал, затем выговорил уже внятно:

— Давай выкладывай, что там было с пауками.

Антуанетта принялась отдирать этикетку с бутылки пива — как много лет назад, когда отец впервые рассказал про лучший способ похорон.

— Я толком и сама не поняла...

— Ну, так расскажи, что поняла, — посоветовал Ксавьер, стирая пену с губ.

— Я и сама не заметила, как угодила в переплет. Сперва все шло как по маслу. Я неторопливо и уверенно подходила к Мандариновой

Мечте, а потом — бац! — Наглядности ради Антуанетта ткнула пальцем в картонный кружок, подкладываемый под бокал. — Впереди корабль зомби лезет в атмосферу. Я его радаром высветила и получила в ответ кучу любезностей от капитанши.

— А ракетой та не угостила в знак благодарности?

— Не-а. Или пустая шла, или не хотела демаскироваться пуском. А нырять она решилась, потому что на хвосте у нее сидел корабль пауков.

— Кошмар!

— Еще бы! Потому я и кинулась в атмосферу очертя голову. Катитесь подальше, предосторожности, только бы вниз. Зверь согласился, но пострадали мы немало.

— Все лучше, чем угодить в плен к паукам. Правильно сделала. Небось дождалась внизу, пока они уберутся?

— Не совсем...

— Эх, Антуанетта!

— Послушай, похоронив отца, я не хотела задерживаться там ни на минуту. И Зверь тоже. Надо было выбираться как можно скорее. И тут у нас токамак вырубился. Напрочь.

— Веселый конец.

— Куда уж веселее. Тем более что пауки так и не убрались.

Ксавьер откинулся на спинку кресла, хлебнул как следует пива. Теперь, когда Антуанетта рядом и в безопасности, слушать про такие ужасы — одно удовольствие.

— И что же случилось потом? Перезапустила токамак?

— Да, но позже, когда мы уже выбрались в космос. Реактор продержался достаточно, чтобы разогнать корабль до Йеллоустона, но тормозить пришлось уже с буксиром.

— Так ты сумела набрать вторую космическую или хотя бы выйти на орбиту?

— Ни то ни другое. Я падала на планету. Поэтому сделала единственно возможное: попросила о помощи.

Она допила пиво, наблюдая с ухмылкой за реакцией собеседника.

— Помощи?

— Да. У пауков.

— Серьезно? Их просить — крепкие нервы нужны!

— Ну, с нервами тогда были проблемы. — Антуанетта хихикнула. — А что мне оставалось? Сидеть сложа руки и ждать путешест-

вия на тот свет? Когда валишься в облака газового гиганта, перспектива подключиться к коллективному разуму не слишком пугает.

— Поверить не могу... и это после назойливого сна, который все никак от тебя не отцепится?

— Я пришла к выводу, что это пропаганда. Правда не может быть настолько плохой.

— Там и полстолька — хуже некуда.

— Ксав, когда смерть дышит в затылок, выбирать не приходится.

Он ткнул в ее сторону бутылкой:

— И все-таки ты здесь.

— Да, здесь, перед тобой. Рада, что заметил.

— Так что же случилось?

— Они меня спасли. — Антуанетта помолчала и затем повторила, будто убеждая себя в реальности произошедшего: — Пауки пришли на выручку. Прислали что-то вроде робота-буксира. Эта штука прилепилась к корпусу и выдернула меня из гравитационного колодца. Один рывок — и я уже тихонько дрейфую к Йеллоустону. Пришлось еще повозиться с токамаком, но времени на это уже было хоть отбавляй.

— А пауки... взяли и запросто улетели?

— Ну да! Их главный, старикашка, говорил со мной, прежде чем выслать буксир. Неласково, надо сказать. Пообещал прикончить, если снова попадусь ему. И не похоже, чтобы шутил.

— В рубашке ты родилась. Когда дело касается пауков, предупреждением отделываются нечасто.

— Я в курсе.

— А этот старик, паук-начальник, — он кто?

— Не знаю. Назвал имя — Клавэйн. А кто такой — ума не приложу.

— Да ты шутишь. Тот самый Клавэйн?!

Антуанетта перестала вертеть в пальцах картонку, посмотрела внимательно на Ксавьера:

— Что значит «тот самый»?

Ксавьер взглянул на девушку с тревогой и сочувствием, словно на заторможенное дитя.

— Знаешь, есть такая штука — история. Всякие скучные вещи, которые еще до эпидемии случились.

— Знаешь, я после эпидемии родилась. И твои скучные вещи на самом деле скучные!

Антуанетта посмотрела сквозь бутылку на свет:

— Я еще хочу. Как думаешь, есть у нас шанс получить по второй хотя бы через час?

Ксавьер щелкнул пальцами, подзывая ближайшего робота-официанта. Машина развернулась, вытянулась по стойке «смирно», шагнула к столику — и грохнулась на пол.

Вернувшись домой, Антуанетта все-таки занялась скучными вещами. К вечеру, когда похмелье сошло, оставив звенящую пустоту в голове, девушка пробралась в офис Ксавьера, включила допотопный терминал и запросила у базы данных «карусели» информацию о Клавэйне. Да, как ни крути, а старик — интересный тип. По пути домой Антуанетта о нем не вспомнила. Правда, если бы и вспомнила, не смогла бы ничего узнать — база данных на «Буревестнике» небогатая. А посылать с судна запрос центральной информационной системе слишком уж рискованно.

Антуанетта родилась после эпидемии и знала только сложившийся после этого бедствия мир. Потому не рассчитывала найти полезную информацию, даже если та и присутствовала когда-то в базе. После эпидемии информационную сеть восстанавливали почти с нуля, многие старые архивы испортились либо стерлись вообще.

Но, к немалому удивлению Антуанетты, о людях с именем Клавэйн нашлось немало сведений. Знаменитый Клавэйн, про какого рассказывал Ксавьер, родился на Земле еще в двадцать втором столетии, в один из последних мирных годов перед тем, как ледники спустились с полюсов и превратили планету в безжизненный мерзлый мяч. Клавэйн отправился на Марс, там он сражался с первыми сочленителями. Антуанетта перечитала на всякий случай еще раз. Да, воевал против сочленителей.

В Марсианской войне Клавэйн прославился, и не лучшим образом. Получил прозвище Фарсидский Мясник, повернув ход битвы за плато Фарсида. Он приказал использовать красную ртуть, ядерное оружие и бомбы на металлизированном водороде против пауков. Из-за Клавэйна на поверхности Марса появились многокилометровые остекленевшие кратеры. Кое-кто посчитал его военным преступником. Но менее пристрастные источники утверждали, что он сохранил миллионы жизней — и пауков, и своих союзников. Долгая война на поверхности планеты стоила бы огромных жертв. Еще встречались в изобилии рассказы о героизме Клавэйна: о том, как он в безвыход-

ной ситуации выручал военных и гражданских, о его многочисленных ранениях, оправившись от которых он неизменно возвращался на передовую. Клавэйн находился в причальной башне на равнине Христа, пауки подвергли ее бомбардировке. Он пролежал под руинами восемнадцать дней без пищи и воды, поддерживая жизнь лишь тем, что имелось в скафандре. Когда Клавэйна вытащили, обнаружили у него в руках кота с перебитым позвоночником. Клавэйн кормил и поил его своими небогатыми припасами. Кот умер через неделю. А Клавэйн через три месяца вернулся в строй.

На том его карьера не закончилась. Клавэйна захватила королева пауков, некая Галиана, создавшая сочленительскую орду. Несколько месяцев держала его в плену, пока они не заключили перемирие. А после между прежними врагами установилась странная связь. Когда неустойчивое перемирие оказалось на грани срыва, именно Клавэйн отправился к паучьей королеве улаживать дела. И тогда он, как считают, дезертировал, решив разделить судьбу сочленителей, принять в мозг их машины и сделаться элементом коллективного разума.

После того он практически выпал из наблюдаемой истории. Антуанетта бегло просмотрела оставшиеся записи. Похоже, Клавэйн анекдотичным образом появлялся то тут, то там за прошедшие четыре века. И ничего сверхъестественного. Клавэйн к моменту своего дезертирства был уже в возрасте, но с учетом анабиоза и растяжения времени в межзвездных путешествиях за эти века он мог биологически прожить всего пару-тройку десятилетий. А ведь еще есть технологии омоложения, широко распространенные перед эпидемией. Так что, возможно, это тот самый Клавэйн, а не просто тезка. Надо же, Антуанетта Бакс встретилась с настоящим историческим героем! В ее жизни прежде ничего подобного не случалось.

Снаружи донеслись странные звуки — что-то падало, переворачиваясь, скрежетало и лязгало. Ксавьер громко возмущался. Антуанетта выключила терминал и вышла наружу.

И охнула.

Ксавьера придавило к стене, каблуки — в дюйме от пола. Держал его — без особой жалости и, должно быть, болезненно — манипулятор многорукого глянцево-черного полицейского робота. Машина, похожая на вязанку черных ножниц, будто вывалилась из фильма ужасов прямиком в офис, расшвыряв столы и горшки с цветами.

Антуанетта присмотрелась. Хотя все полицейские роботы на одно лицо, сомневаться не приходится: тот самый робот, что обыскивал «Буревестник».

— Мать твою! — выговорила Антуанетта.

— Мисс Бакс, — идентифицировала ее машина, отпустив Ксавьера.

Тот закашлялся, потирая красное пятно на шее. Хотел заговорить, но из глотки вырвался лишь хрип.

— Мистер Лиу препятствовал в проведении расследования, — сообщил робот.

— Я... не успел быстро убраться... с его пути, — прохрипел Ксавьер и закашлялся.

— Ксав, ты как?

— Нормально, — ответил он уже не так хрипло и взглянул на машину, занявшую бóльшую часть кабинета; она расшвыривала вещи, копалась тут и там многочисленными конечностями. — Какого черта вам тут нужно?

— Мистер Лиу, я ищу ответы. Те, которые не получил во время моего предыдущего визита сюда.

— Этот гад являлся сюда в мое отсутствие? — спросила Антуанетта, яростно уставившись на полицейского.

— Естественно, мисс Бакс. Вы не проявили желания сотрудничать, и мне пришлось побывать здесь.

— Этот тип уже вламывался на борт «Буревестника», — сказала девушка.

— И что? — спросил Ксавьер.

Полицейский перевернул конторский шкаф, покопался без особого интереса в рассыпавшихся бумагах.

— Мисс Бакс заявила мне, что перевозит пассажира в анабиозном контейнере. Притом утверждала, что произошла административная путаница и тело возвращают в хоспис «Айдлвилд». Представитель хосписа рассказ подтвердил.

Антуанетта пожала плечами, уверенная, что и на этот раз блеф прекрасно сработает.

— И что?

— Пассажир был мертв. И вы так и не прибыли в хоспис. Вскоре после нашего разговора вы развернулись и направились в открытый космос.

— И с чего бы мне так поступать?

— Мисс Бакс, именно это я и желаю выяснить.

Робот перестал копаться в бумагах и, скрипнув гидравликой сустава, отшвырнул перевернутый шкаф.

— Я спросил у мистера Лиу, но тот оказался неразговорчивым. Правда, мистер Лиу?

— Я рассказал все, что знал.

— Мистер Лиу, кажется, вами тоже стоило бы как следует заняться. Судя по архивам полиции, у вас очень интересное прошлое. Кажется, вы неплохо знали Джеймса Бакса?

— А кто его не знал? — Ксавьер пожал плечами.

— Вы на него работали. А это предполагает, как мне кажется, не просто мимолетное знакомство.

— Чисто деловые отношения. Я ремонтировал его судно. Я много ремонтирую.

— Но вы, несомненно, знали, что мы интересуемся Джеймсом Баксом. Он плохо отличал правильное от неправильного. И мало думал о таком пустяке, как закон.

— А как ему отличать правильное от неправильного? — спросил Ксавьер. — Вы же, лоботрясы, законы на ходу придумываете.

Полицейский переместился с неуловимой глазу скоростью. Метнулось, жужжа, черное. В лицо Антуанетте дохнул ветер, и Ксавьер в мгновение ока оказался придавлен к стене, и на этот раз гораздо выше. Похоже, и давил робот сильнее. Задыхаясь, Ксавьер хватался за черные манипуляторы, тщетно пытался высвободиться.

— Вам известно, мистер Лиу, что дело Меррика не закрыто?

Ксавьер ответить не смог бы, даже если бы и хотел.

— Дело Меррика? — недоуменно спросила Антуанетта.

— Лайла Меррика. Вам известно, кто он. Торговец, как и ваш отец. По ту сторону закона.

— Но Лайл Меррик умер...

Ксавьер начал синеть.

— Но дело не закрыто, поскольку слишком многое осталось невыясненным. Вам известен акт Мандельштама?

— Случайно, не очередной ваш новоиспеченный гребаный закон?

Машина выпустила Ксавьера, тот свалился как куль. Антуанетта взмолилась про себя, чтобы он оказался всего лишь без сознания.

— Мисс Бакс, ваш отец знал Лайла Меррика. А Ксавьер Лиу знал вашего отца и, с высокой степенью вероятности, Лайла Меррика.

Принимая во внимание эти факты, а также вашу склонность без видимых разумных причин везти мертвые тела в зону военных действий, едва ли стоит удивляться нашему интересу к вам.

— Если ты еще раз тронешь своей поганой лапой Ксавьера...

— То что, мисс Бакс?

— Я...

— Вы ничего не сделаете. Вы бессильны. В этой комнате нет ни камер наблюдения, ни даже прослушки. Я знаю. Я проверил.

— Подонок.

Машина приблизилась:

— А теперь я подозреваю, что вы скрытно носите некий опасный прибор.

— Что?

Антуанетта прижалась спиной к стене, затаив дыхание. А робот вытянул манипулятор, погладил ей щеку — осторожно, мягко. Но Антуанетта знала, как нежное касание может превратиться в увечащий захват. Манипулятор погладил шею, переместился к груди, замер над ней.

— Сволочь!

— Возможно, вы прячете оружие либо наркотики.

Снова мелькнул жужжащий металл, снова дохнул в лицо зловонный ветер. Антуанетта попыталась отодвинуться, но куда там. Робот мгновенно сдернул жакет, ее любимый, сливовый. Разорвал в клочья. Под ним Антуанетта носила черную облегающую безрукавку с кармашками. Она забилась, сквернословя, но машина держала прочно. Потянула безрукавку, ткнула манипулятором, ощупывая:

— Мисс Бакс, мне нужно проверить.

Она подумала о пилоте робота, прячущемся в стальной канистре где-то на борту полицейского катера. Всего лишь мозг с системой жизнеобеспечения, почти ничего больше.

— Скотина, маньяк!

— Мисс Бакс, я всего лишь... провожу обыск.

За машиной лязгнуло, заклацало. Робот замер. Антуанетта, заинтригованная, затаила дыхание. Может, пилот оповестил коллег о грядущей забаве и те явились поглазеть?

Робот отступил, медленно развернулся. За ним стояла оранжево-бурая стена. Похоже, спасать шефа явилось не меньше дюжины приматов — шесть-семь орангутангов и столько же модифицированных

горных горилл. Все они умели перемещаться на задних лапах, а в передних держать импровизированное, а иногда и не импровизированное оружие.

Среброспинный главарь сжимал в лапе огромный гаечный ключ. Он заговорил таким низким и мощным голосом, что Антуанетта ощутила его скорей нутром, чем ушами.

— Отпусти ее!

Полицейский задумался, прикидывая. Скорее всего, он мог бы справиться со всеми гиперприматами. Робот имел и тазеры, и клеевыбрасыватели, и прочие средства усмирения. Но суеты вышло бы много, а объяснять пришлось бы еще больше. И повредить его приматы могут, и времени на борьбу с ними потребуется немало. Не стоит связываться — за всеми видами приматов стоят мощные лобби и профсоюзы. Куда сложнее объяснить чиновникам Феррисвильской конвенции смерть орангутанга или гориллы, чем человека, в особенности на «карусели» Новый Копенгаген.

Робот отступил, втянув бóльшую часть конечностей. Приматы расступились не сразу, и Антуанетта успела испугаться. Но кровопролития не произошло: спасители всего лишь захотели показать, кто здесь главный.

В конце концов они дали дорогу полицейскому, и тот юркнул наружу.

Антуанетта вздохнула с облегчением. Хотела поблагодарить приматов, но сперва бросилась к Ксавьеру. Упала на колени рядом, коснулась шеи, проверяя пульс. Ощутила кожей горячее дыхание.

— Порядок? — пророкотало над ухом.

Она глянула в суровое лицо. Горилла напоминала вытесанную из угля скульптуру.

— Да, похоже. А как вы узнали?

В ответ загудело подземно, мощно:

— Ксавьер нажать кнопку — мы прийти.

— Спасибо!

Самец выпрямился, огромный, словно башня.

— Мы любить Ксавьера. Он обращаться с нами хорошо.

Позже Антуанетта осмотрела останки жакета. Его подарил отец на семнадцатилетие. Жакет всегда был маловат, напоминал камзол матадора, но все равно оставался любимейшей одеждой. И вот теперь — лохмотья, не подлежащие восстановлению.

Когда приматы удалились, а Ксавьер встал на ноги, перепуганный до полусмерти, но почти невредимый, пара занялась уборкой. Провозились несколько часов, сортируя рассыпанные бумаги. Ксавьер всегда был мелочно аккуратным в бухгалтерских делах. Говорил, пусть фирма и катится к банкротству, но будь он проклят, если даст охотникам до чужих денежек лишний козырь против себя.

К полуночи навели порядок. Но Антуанетта не сомневалась: дела с полицейским далеко не закончились. Мерзавец явится снова и на этот раз будет уверен, что приматов нет поблизости. Даже если и не докопается, зачем понадобилось лететь в зону военных действий, у властей отыщутся сотни способов выдавить Ксавьера и Антуанетту из бизнеса. Пилот робота — Антуанетте приходилось все время напоминать себе, что за железом стоит человек, — уже мог попросту арестовать «Буревестник». Вместо этого решил поиграть, запугивая. Развлечься, превращая чужую жизнь в лохмотья.

Может, стоило бы расспросить Ксавьера, отчего полицейская жестянка так интересуется приятелями отца, а в особенности Лайлом Мерриком. Но Антуанетта решила отложить неприятное до утра, а пока выкинуть копа с его дознаниями из головы.

Ксавьер вышел прикупить еще пару бутылок пива. Хлебнув немного, любовники завершили уборку — расставили мебель по местам.

— Антуанетта, все утрясется, — пообещал Ксавьер.

— Уверен?

— Да. Тебе ничего не грозит. Ты ж ничем таким не занималась. Всего лишь исполнила волю отца.

— Тогда почему я чувствую себя такой идиоткой?

— Зря, — заключил он и поцеловал.

Снова занялись любовью. Казалось, уже несколько дней не занимались. После Антуанетта погрузилась в дрему, в смутную, все нарастающую тревогу — пока не отключилось сознание и не запустился снова демархистский пропагандистский сон. С лайнером, захваченным пауками, с кометной базой, с аппаратурой, которую готовились вставить в череп.

Но сон отличался от прежних. Когда сочленители вскрыли череп, склонившийся над ней мужчина сдернул белую хирургическую маску, открыл лицо, теперь знакомое по многим историческим источникам. Седобородый морщинистый патриарх, чьи черты выражали одновременно и горе и радость. В любое другое время это

лицо показалось бы добрым и мудрым. Лицо многое повидавшего дедушки.

Над Антуанеттой стоял Невил Клавэйн.

— Я же предупреждал: не попадайся мне больше, — сказал он.

Материнское Гнездо оставалось в световой минуте позади, когда Клавэйн приказал корвету развернуться дюзами к цели и начать торможение. Небосвод казался циферблатом хорошо смазанных старинных часов, зыбкие тени звезд скользили по лицам Клавэйна и двух его спутников. Корвет был самым проворным кораблем в планетарном флоте сочленителей, но с кабиной для трех человек явно не предназначенной. Упаковаться пришлось плотно. Клавэйн еле втиснулся в пилотское кресло, но сумел расположиться так, что с легкостью доставал до панели управления и видел показания приборов. Конечно, кораблик мог обойтись и без пилота, но имел систему ручного управления на случай кибернетической атаки, разрушающей обычный нейроконтроль. Но Клавэйн всегда вел корабль сам, пусть и через мысленный контроль, порой целыми днями не касаясь пульта. Сводки тактической обстановки так и роились перед глазами, но в радиусе шести световых часов не замечалось признаков вражеской активности.

За спиной Клавэйна и перпендикулярно ему лежали в промежутках между орудийными блоками и контейнерами с топливом Скади и Ремонтуар, облаченные, как и пилот, в легкие скафандры. Их черная бронированная поверхность казалась продолжением внутренней обшивки корвета. Для уже одетых в скафандры людей место отыскалось с огромным трудом, но облачиться в скафандр внутри тесного корвета было попросту невозможно.

— Скади?

— Да, Клавэйн?

— Думаю, можно уже без опаски сказать, куда мы направляемся.

— Следуйте плану полета. Прибудем уже скоро и вовремя. Главный конструктор встретит нас.

— Главный конструктор? Я с ним знаком?

В оконном стекле отразилась кривая ухмылка Скади.

— Клавэйн, я вас с удовольствием познакомлю.

Он хорошо представлял себе положение корвета. Суденышко не вышло за пределы кометного пояса, содержавшего Материнское Гнездо. Вокруг — лишь пустота, изредка перемежаемая кометами.

Некоторые ледяные глыбы сочленители превратили в приманку для врага, другие оснастили датчиками, глушителями связи и мощными минами. Но столь близко от Гнезда кометы едва ли могли быть опасными.

Во время полета он слушал новости. Теперь лишь самые твердолобые ура-патриоты твердили, что демархисты могут победить. Большинство комментаторов говорило о поражении открыто, хотя употребляли термины двусмысленные, успокаивающие: «прекращение боевых действий», «уступка некоторым требованиям противника», «начало новых переговоров с сочленителями». Политкорректные заклинания лились нескончаемым потоком, но стоящая за ними правда угадывалась без труда.

Сочленителей атаковали все реже, а процент успешных нападений упал почти до нуля. Демархисты сосредоточились на защите баз и крепостей, но терпели поражения даже там. Базы приходилось снабжать припасами, материалами и оружием; надо было отправлять на автопилоте конвои по длинным траекториям сквозь систему. Сочленители перехватывали их без труда. Дошедший же до цели груз, как правило, не окупал затрат на перевозку. Демархисты запустили экстренные программы, стараясь восстановить хоть часть былых нанотехнологий. Но доходившие из лабораторий слухи намекали на жуткие катастрофы: целые институты превращались в серую слизь под натиском взбесившихся нанорепликантов. Уничтоженное плавящей чумой восстановить не удавалось. Технология оставалась на уровне двадцать первого века.

И чем отчаяннее были попытки, тем хуже выглядели неудачи.

Оккупационные силы сочленителей уже захватили несколько окраинных поселений, установили марионеточные режимы и позволили обычной жизни продолжаться, как и раньше. Никого к присоединению не принуждали, хотя злые языки и утверждали: дайте срок, и всем засунут в головы имплантаты, присоединят насильно к безликому коллективному разуму. В марионеточных анклавах случилось несколько терактов, причинивших серьезный ущерб власти сочленителей. За этими акциями стояли угонщики, баньши, гиперсвиньи и прочие маргиналы системы, объединившиеся против новых хозяев. Клавэйн подумал, что они, сами того не ведая, как раз и приближают насильственное приобщение населения к коллективному разуму, — это оправдано хотя бы необходимостью успокоить народ.

Но пока Йеллоустон и его ближайшие окрестности — Ржавый Пояс, лежащие на высоких орбитах отдельные жилые станции, «ка-

русели», причалы для кораблей — оставались вне зоны боевых действий. Феррисвильской конвенции хватало проблем, но видимость контроля над Ржавым Поясом она все же сохраняла. Обе враждующие стороны устраивала возможность иметь нейтральную зону, где резиденты разведок могут обмениваться информацией, а тайные агенты — внедряться в самые разные слои общества, вербовать информаторов, находить симпатизирующих, распознавать дезертиров. Кое-кто утверждал: это лишь на время, сочленители не остановятся, захватят всю систему. Несколько десятилетий назад они уже владели Йеллоустоном, поэтому не откажутся от шанса завладеть им навсегда. В прошлый раз пауки явились по приглашению демархистов, но теперь установят такой тоталитарный режим, какого история не знала уже несколько веков.

А за строками угадывалось, что это может быть еще и оптимистическим прогнозом. Клавэйн подумал, что под страхами может лежать зерно истины.

Скади говорила, что сигнал от потерянного оружия зарегистрировали более тридцати лет назад. Данные совета, секретные прежде архивы подтверждали ее слова. Но непонятно, отчего возврат оружия стал задачей первостепенной важности для Гнезда. По словам Скади, из-за войны нельзя было раньше снарядить экспедицию — но это, несомненно, лишь часть правды. Наверняка назревает кризис, вот и понадобилось срочно вернуть оружие. Внутреннее святилище чего-то очень сильно боится.

Возможно, Скади и Внутреннее святилище, членом которого она, безусловно, является, — недоговаривают о волках. После возвращения Галианы их определили как реальную, но второстепенную угрозу, способную стать первостепенной лишь при дальнейшем углублении людей в космос. Быть может, получена новая информация? Вдруг волки уже на пороге?

Хотел отбросить эту мысль, посчитать несущественной, — но из головы она не шла. Весь остаток перелета Клавэйн упорно возвращался к ней, рассматривал под разными углами, разбирал по косточкам, осаждал аргументами.

Он оторвался от мучительных размышлений, прикрыл их сиюминутными соображениями, лишь когда Скади настойчиво впихнула в голову мысль:

— Клавэйн, мы уже почти на месте. Вы понимаете, что увиденное не должно быть разглашено?

— Разумеется. Надеюсь, вы постарались обеспечить секретность происходящего здесь. Если на вашу деятельность обратили внимание враги, это может дорого обойтись всем нам.

— Мы ничье внимание не привлекли.

— Суть не в этом. В пределах десяти световых часов от Гнезда не должно быть никакой деятельности...

— Послушайте, Клавэйн! — Скади попыталась нагнуться, и ее черный скафандр натянул ремни, удерживающие в нише. — Вам следует понять: война для нас теперь далеко не самая важная забота. Мы ее выигрываем.

— Не стоит недооценивать демархистов.

— Мы их оцениваем адекватно. Намного важнее сейчас вернуть оружие.

— Его правда необходимо вернуть? Не достаточно ли уничтожить?

Клавэйн очень внимательно изучил реакцию Скади на вопрос. Даже сейчас, после допуска в совет, ее разум оставался закрытой книгой.

— Зачем его уничтожать?

— Но вы же сказали: главная цель — не допустить, чтобы оружие попало в чужие руки.

— И это правда.

— Значит, вы позволите уничтожить пушки? Рассуждая логически, это самый простой выход.

— Для нас желательно было бы вернуть оружие целым.

— Желательно?

— В высшей степени.

Двигатели корвета заработали интенсивнее. Из сумрака выплыла едва различимая темная громада кометы. Локаторы зашарили по ее поверхности, пытаясь добыть побольше данных. Похоже, комета вращалась медленно. Немного быстрее, чем Материнское Гнездо, но в пределах нормы. Клавэйн оценил протяженность этого грязного снежка в семь-восемь километров, на порядок меньше крепости сочленителей. Комету с легкостью можно было бы спрятать в полом ядре Гнезда.

Корвет завис вблизи черной пористой поверхности, синхронизировался, выбросив дрожащие струи фиолетового пламени, затем выстрелил якорями. Те врезались, пробив тончайшую, почти не-

видимую эпоксидную пленку, обтягивающую комету прочности ради.

— Ваши пчелки-труженицы изрядно поработали. Сколько занято людей?

— Нисколько. Наведывались сюда немногие, надолго не оставался никто. Вся работа целиком автоматизирована. Периодически представитель Узкого совета является проверить дела, но бóльшую часть времени роботы функционируют автономно.

— Но роботы не настолько умны!

— У нас очень умные роботы.

Клавэйн, Ремонтуар и Скади покинули корвет через донный люк, пролетели несколько метров до поверхности, ударились о пленку. Та подцепила, словно мух на липучку, заколебалась, гася энергию удара. Когда прекратила колебаться, Клавэйн медленно отлепил руку, принял вертикальное положение. Поверхностная структура пленки позволяла двигаться по ней в нормальном темпе, но на любое резкое движение отвечала повышенной вязкостью и клейкостью, не давая оттолкнуться с силой, достаточной для удаления от кометы. Пленка же в целом при воздействии на нее с небольшой силой практически не прогибалась, но при ударе со скоростью несколько метров в секунду становилась эластичной. То есть медленно идти она позволяла, но попытка ускориться неизбежно приводила к запутыванию и обездвиживанию неосторожного.

Скади, чей гребнистый шлем отличал ее безликий в остальном черный скафандр от прочих двух, шла первой, следуя неким ориентирам, похоже известным лишь ей. Спустя пять минут достигли небольшой впадины. В самом низу Клавэйн различил отверстие входа, почти незаметное на фоне бархатной черноты кометной поверхности. Вокруг дыры пленку удерживал кольцеобразный комингс.

Скади опустилась у дыры на колени. Липкая поверхность будто потекла, охватывая ноги. Скади постучала дважды о комингс, замерла, ожидая. Прошло не больше минуты, и вынырнул робот. Просунулся сквозь узкую горловину, и на поверхности тут же растопырил множество манипуляторов. Типовой строительный робот, один из тысяч автоматических тружеников Материнского Гнезда. Но держался он с обескураживающей уверенностью, даже с нахальством.

— Клавэйн, Ремонтуар, позвольте представить вас Главному конструктору.

— Этот робот — Главный конструктор?

— Уверяю вас, это непростой робот.

Затем Скади произнесла вслух:

— Главный конструктор, мы хотим осмотреть верфь. Пожалуйста, пропустите нас.

Голос робота напоминал осиное жужжание:

— Я не знаком с этими персонами.

— Клавэйн и Ремонтуар имеют разрешение совета. Просканируйте мой разум, убедитесь, что меня не принудили.

Робот целиком вылез из прохода, приблизился к Скади, выставив многочисленные конечности — одни с остриями, другие с захватами, инструментами либо датчиками. По обеим сторонам клиновидной головы — основные датчики, собранные в пучки и похожие на фасеточные глаза. Скади не шелохнулась, когда громоздкая машина нависла, склонила голову, покачала ею. Затем отстранилась:

— Хорошо. Я хочу просканировать их разумы тоже.

— Пожалуйста.

Робот придвинулся к Ремонтуару, склонил голову. Потратил чуть больше времени, чем на Скади. Затем, очевидно удовлетворенный, переместился к Клавэйну. Тот ощутил механическое копание в рассудке, безжалостное, холодное и методичное. Из прочесываемой памяти хлынул хаос звуков, запахов, образов, сменяясь в мгновение ока. Иногда машина замедлялась, снова обращалась к уже прочесанному участку памяти, явно подозревая неладное. Другие же участки пропускала, не выказывая интереса. Процесс проверки был милосердно коротким, но все равно показался унизительным, словно грабеж.

Сканирование прекратилось, хаос воспоминаний улегся, и власть над собственным разумом вернулась.

— Этот имеет внутренний конфликт. Сомнения. Не могу прочитать глубинные слои. Возможно, следует использовать высокое разрешение. Умеренная хирургическая процедура позволит...

— Этого не нужно! — прервала робота Скади. — Клавэйн имеет право сомневаться. Ты пропустишь нас?

— Это исключено! Непорядок! Чрезвычайное происшествие! Умеренное хирургическое вмешательство...

Машина по-прежнему нацеливала датчики на Клавэйна.

— Главный конструктор, я приказываю: пропусти нас!

Робот отскочил:

— Я подчиняюсь! Но предупреждаю: пребывание должно быть кратким!

— Мы тебя надолго не задержим! — заверила Скади.

— Да, не задержите. Я также настаиваю, чтобы вы отдали оружие! На моей комете не могут находиться генераторы излучения большой плотности!

Клавэйн глянул на пояс скафандра. Почти забыл, что там кобура со штатным маломощным бозером. Вынул его, хотел положить на лед — но тут мелькнул манипулятор робота, мгновенно выдернув оружие из руки и швырнув в пространство. Пистолет закувыркался, уносясь прочь — робот бросил его с огромной силой, чтобы не оставить на орбите кометы. Затем Главный конструктор так же поступил с оружием Скади и Ремонтуара. Развернулся — стремительно движущиеся конечности слились в одно целое — и нырнул в отверстие.

— Пойдем! Он не любит гостей и, если задержимся, начнет злиться.

— А разве он еще не разозлился? — передал мысль Ремонтуар.

— Скади, что это за наглец? — Клавэйн не скрывал раздражения.

— Просто робот... но чуть умнее обычных. Это вас беспокоит?

Клавэйн нырнул вслед за ней в тоннель, отталкиваясь от стен, скорее плывя, чем идя. Когда пистолет висел на поясе, его присутствие почти не ощущалось, но без оружия как-то не по себе. Клавэйн пошарил на поясе и не нашел ничего, способного повредить роботу. Зажимы, миниатюрные крючья, пара сигнальных маячков с ноготь величиной, стандартный баллон с изолирующей пеной. Видом он похож на пистолет, но смесь выбрасывает всего на два-три сантиметра. Единственное оружие — пьезонож, способный разрезать скафандр, но против бронированного либо просто хорошо тренированного соперника бесполезный.

— Черт возьми, знаете же: беспокоит, и еще как. Раньше в мою голову машины не лазили, по крайней мере так бесцеремонно.

— Робот должен знать, можно ли доверять нам, — ответила Скади.

Во время сканирования Клавэйн ощутил интеллект машины — резкий и холодный.

— Насколько он умен? Способен пройти тест Тюринга?

— Гораздо выше. По крайней мере, альфа-уровень. Клавэйн, не смотрите на меня с таким отвращением. Некогда вы соглашались работать с машинами, почти не уступавшими вам интеллектом.

— Со временем мое мнение о таких машинах сильно изменилось.

— Быть может, вы просто ощутили угрозу с его стороны, испугались?

— Я?.. Скади, мне жалко и больно смотреть на машину, которую вы сделали разумной — но лишили свободы, поработили. Это противоречит всему, ради чего мы живем.

— Я согласен с Клавэйном, — холодно и спокойно заметил Ремонтуар. — До сих пор мы обходились без разумных машин. Не из страха перед ними, а потому, что разумное существо должно само выбирать свою судьбу. Но ведь этот робот не свободен в поступках. У него нет воли, только разум. Одно без другого — ничто. Мы воевали из-за меньшего насилия над природой.

Впереди разгорелся бледно-лиловый свет, показавший структуру стен. Теперь насекомоподобный силуэт робота четко выделялся в жерле тоннеля. Наверняка машина прислушивалась к обмену мыслями о своей рабской сути.

— Я сожалею об этом, — ответила Скади. — Но выбора не было. Нам необходимы разумные машины.

— Это рабство, — упрямо повторил Ремонтуар.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Клавэйн всмотрелся в лиловый сумрак:

— Что же в них такого отчаянного? Я полагал, мы всего лишь хотим вернуть потерянную собственность.

Главный конструктор привел всех троих в полую внутренность кометы, к небольшой кабине, подвешенной на стене. Там пришельцы продели руки в петли, прикрепленные к прочному металлическому каркасу. Кабина была герметично изолирована, поскольку вокруг поддерживался столь чистый вакуум, что его могли серьезно загрязнить даже микроскопические газовые утечки из скафандров.

Глазам гостей предстала колоссальная пещера, залитая безжалостно ярким голубым светом, заполненная огромными машинами: царство невероятно целеустремленной деятельности, копошение мириадов механических созданий. Даже голова шла кругом. Казалось, смотришь в ожившую средневековую картину, тонущую в мелких подробностях: башни, перекрывающиеся арки блистающего небесного города, на постройках — сонмища среброкрылых ангелов, растворяющихся в дали, закутанной первозданной синевой. Затем постепенно пришло ощущение перспективы, и ангелы вдруг стали просто машинами, тысячными стаями стерильных роботов, носящихся по

своим делам. Сообщались друг с другом лазерными импульсами. Рассеянные, они и наполняли пещеру дрожащим голубым сиянием. Внутри было очень холодно: стены испещрены усеченными черными конусами криоарифметических процессоров, отбирающих генерируемое интенсивной работой тепло. Без них комета уже давно испарилась бы.

Клавэйн с удивлением следил за этой лихорадочной деятельностью. Конечно, ожидал увидеть корабли, причем межзвездные — но степень их готовности поразила. Думал, обнаружит полусобранные остовы. Представшее его глазам было почти готово к полету. Целая дюжина субсветовиков, стоят вплотную друг к другу, окутанные геодезической сеткой строительных лесов. Одинаковые, гладкие и черные, словно торпеды или выброшенные на берег киты, у кормы — колючие отростки лонжеронов, держащих сочленительские двигатели. Хотя сопоставить не с чем, чтобы правильно оценить размер; похоже, всякий корабль как минимум трех-четырехкилометровой длины, гораздо больше «Паслена».

Скади, заметившая реакцию Клавэйна, улыбнулась:

— Впечатлены?

— Это любого впечатлит.

— Теперь понимаете, почему Главного конструктора так страшит риск шального выстрела или перегрузки охлаждающих процессоров? Думаю, вы давно уже спрашиваете себя, зачем мы снова начали строить звездолеты.

— Само собой. А еще спрашиваю: при чем здесь волки?

— По-вашему, отчего мы прекратили строить субсветовики?

— Увы, никто мне этого не соизволил рассказать.

— Но вы же разумный человек! Уверена, у вас есть пара идей на этот счет.

Поначалу Клавэйн хотел заявить: прекращение постройки субсветовиков его не слишком волновало. Решение было принято во время путешествия. Вернувшись, Клавэйн отнесся к нему как к свершившемуся факту. Война требовала немедленных действий, причем в непосредственной близости от Гнезда. Проблема субсветовиков казалась второстепенной.

Но, честно говоря, это было бы не вполне правдой. Прекращение строительства звездолетов всегда тревожило Клавэйна.

— По общему мнению, мы перестали их строить из-за экономических причин. А также чтобы не допустить их попадания к нежела-

тельным элементам, вроде ультра. Возможно, мы обнаружили некий фатальный дефект в конструкции двигателей, приводящий к их случайным взрывам.

— Да, эти версии бытуют среди нашего населения. Равно как и дюжина прочих, от вразумительных до целиком параноидальных. А вы сами догадываетесь об истинной причине?

— По-моему, стабильные экономические отношения мы поддерживали только с демархистами. Ультра покупали корабли через вторые или третьи руки или просто крали. Но когда эпидемия подорвала экономику демархистов, наши отношения ухудшились, и мы потеряли главных партнеров. У них не осталось средств, чтобы покупать наши корабли, а мы не хотели продавать их тем, кто проявлял все бóльшую враждебность.

— Здравая и прагматичная версия.

— У меня не было причин искать более глубокое объяснение.

— В ней есть зерно истины. И немалое. Политические и экономические факторы сыграли изрядную роль. Но не только они. Думаю, вы заметили, что мы прекратили строить даже корабли для собственных нужд.

— Шла война. Все средства тратились на нее. Нам хватало субсветовиков.

— Да, но даже имеющиеся звездолеты оставались в бездействии. Мы сильно сократили парк обычного межзвездного транспорта. Свели к минимуму сообщение между поселениями сочленителей в других системах.

— Но ведь война же...

— Которая на это решение почти не повлияла — разве что предоставила хороший повод. Прикрытие.

— Прикрытие? — Клавэйн чуть не расхохотался.

— Если бы вскрылась настоящая причина, паника распространилась бы по всему населенному людьми пространству. Потери в экономике и человеческих жизнях были бы несравнимо больше ущерба, причиненного нынешней войной.

— Полагаю, вы все-таки расскажете мне о настоящих причинах.

— Конечно. Ваша первая догадка была не так уж далека от истины. Дело в волках.

— Но это невозможно!

— Почему?

— Потому что мы узнали о них после возвращения Галианы. А она встретила волков только после раздела экспедиции.

Вряд ли стоило напоминать Скади, что строительство прекратилось задолго до обоих событий.

— В определенном смысле это верно. Лишь после возвращения Галианы Материнское Гнездо получило детальные сведения о природе и устройстве черных машин. Но о существовании волков и их намерениях стало известно задолго до того.

— Не может быть! Галиана встретила их первой.

— Нет. Она стала первой, кто сумел выжить после встречи с ними. Верней, сумел вернуться. До того к нам доходили лишь неясные слухи, известия о таинственно пропавших кораблях, непонятные просьбы о помощи. Проанализировав сведения за многие годы, Узкий совет пришел к выводу, что в межзвездном пространстве таится враг. Это само по себе было весьма печальным выводом, но еще горше оказалось то, что анализ однозначно указывал: чем бы ни был враг, он мог как-то следить за нашими двигателями. Мы предположили, что волки ловят излучаемые нашими двигателями и характерные именно для них тау-нейтрино.

— И что же Галиана?

— С ее возвращением мы убедились в своей правоте. К тому же она позволила нам увидеть и назвать врага. Мы благодарны ей хотя бы за это.

Затем Скади коснулась разума Клавэйна и переслала образ — беспросветную страшную тьму, усеянную россыпью слабых, едва заметных звезд. Их свет не рассеивал мрака, лишь делал его холоднее и страшнее. Скади представляла космос как нечто даже более антагонистичное жизни, чем бассейн с едкой кислотой. Но меж звезд угнездилось материальное, предпочитающее мрак и стужу, — черные машины. Скади дала отведать их разума, безжалостного и бесчеловечного. По сравнению с ним Главный конструктор казался образцом гуманности и дружелюбия. Разум волков и в самом деле был отчетливо хищным, исполненным свирепого голода, затмевавшего всякую мысль.

— Они всегда ждали во тьме, наблюдая, оценивая, — послала мысль Скади. — Четыре века нам везло. Очень везло. Мы пробирались на ощупь, светили и шумели, рассылали известия о себе во все стороны. Думаю, ко многому волки слепы — или фильтруют поступающие сигналы, пропуская лишь небольшую часть. Они не реагируют

на телепередачи и радио, иначе явились бы столетия назад. Возможно, они реагируют лишь на несомненные признаки культуры, освоившей межзвездные полеты, а не просто на развитую технологию. Разумеется, это домысел — но нам остается лишь полагаться на него. Другого нет.

Клавэйн окинул взглядом дюжину новеньких кораблей:

— Так почему же мы возобновили их строительство?

— Потому что теперь мы можем не бояться. «Паслен» — прототип этих звездолетов, а они намного крупнее. У них малошумящие двигатели. Улучшив топологию реакторов, мы сумели снизить поток тау-нейтрино на два порядка. Это, конечно, далеко от идеала, но теперь мы можем путешествовать, не боясь волков. Само собой, новыми двигателями должны владеть исключительно сочленители.

— Не сомневаюсь.

— Рада, что разделяете мою точку зрения.

Клавэйн снова посмотрел на субсветовики — двенадцать близнецов «Паслена», раздавшихся в ширину не менее чем на четверть километра. Такие же толстобрюхие, как старые корабли переселенцев, спроектированные для перевозки десятков тысяч спящих в анабиозе.

— А как насчет прочего человечества? Насчет старых кораблей, еще активно используемых?

— Делаем все возможное. Агенты Узкого совета сумели вернуть немало кораблей — и, само собой, уничтожить. Их нельзя использовать, а их двигатели реконструировать, сделать тихими.

— Нельзя реконструировать?

Из разума Скади явился образ: небольшая планета или спутник, из чьей поверхности выдран огромный полусферический кусок, раскаленный докрасна.

— Да.

— Я полагаю, вам никогда не приходило в голову проинформировать все человечество?

За стеклом шлема Клавэйн разглядел снисходительную улыбку.

— Ах, Клавэйн... мы постоянно заботимся о благе всего человечества. Меня радует ваш идеализм, честное слово. Но посудите: какой толк от обнародования известного нам? Информация настолько ценна и опасна, что ею нельзя поделиться и с большинством сочленителей. Боюсь и представить, какой эффект она произведет среди остальных народов.

Клавэйн понимал: она права. Тут не поспоришь. Уже с полвека ни одному заявлению сочленителей не верят. В самом простом и ясном предупреждении о страшной опасности будут искать двойное дно.

Даже если сочленители безоговорочно сдадутся, капитуляция будет воспринята как очередная уловка.

— Возможно, вы и правы. Очень даже возможно. Но это не объясняет внезапное возобновление строительства.

— Это чисто предупредительная мера, на случай внезапной надобности в субсветовиках.

Взгляд Клавэйна снова переключился на корабли. Даже если каждый может нести пятьдесят-шестьдесят тысяч криокапсул — а эти звездолеты на вид способны взять намного больше, — то в эскадре поместится половина населения Материнского Гнезда.

— Чисто предупредительная мера, и все?

— Еще остается наша небольшая проблема: «адское» оружие. Пара этих кораблей и прототип отправятся за ним, вооруженные по последнему слову нашей техники. Также их оснастят новейшей аппаратурой, дающей немалое тактическое преимущество.

— Эту аппаратуру вы и испытывали на «Паслене»?

— Испытания еще не закончены, но да, речь о ней...

Скади запнулась, но тут же продолжила:

— Главный конструктор, мы завершили визит. Гости увидели достаточно. Каков, по-вашему, срок, необходимый для приведения кораблей в полетную готовность?

Робот, прижавший все конечности к телу, повернул к Скади треугольную голову:

— Шестьдесят один день восемь часов тринадцать минут.

— Спасибо. Приложите все усилия, чтобы справиться раньше. Мы ведь не желаем отбирать у Клавэйна ни единой лишней минуты, не так ли?

Тот промолчал.

— Пожалуйста, следуйте за мной! — приказал Главный конструктор, указывая манипулятором в сторону выхода.

Торопился избавиться от гостей.

Клавэйн постарался идти первым после робота.

Он пытался избавиться от лишних мыслей, успокоить разум, сосредоточившись целиком на предстоящем деле. Путь назад, к поверхности кометы, показался намного длиннее, чем путь вниз. Впереди

деловито шевелил конечностями Главный конструктор, продвигаясь сквозь темную дыру во льду. Настроение машины угадать было невозможно, но, скорее всего, робот радовался долгожданному избавлению от непрошеных визитеров. Он был запрограммирован ставить безопасность работы превыше всего, и, хоть с посетителями обращался не слишком вежливо, его ревностность в работе не могла не восхищать. Клавэйн видывал много носителей искусственного интеллекта, иногда весьма убедительно имитирующего самостоятельный разум и неприятного в общении. Но этот, кажется, искренне не любил людей.

На полпути назад Клавэйн внезапно остановился.

— Что такое?

— Не знаю. Скафандр регистрирует небольшую утечку в перчатке. Должно быть, зацепился за стену тоннеля.

— Клавэйн, это невозможно. Стена — слегка уплотненный кометный лед. Порезаться о него — все равно что о дым.

— Значит, я порезался дымом. Либо в стене оказался острый обломок породы.

Клавэйн обернулся, поднял руку. На тыльной стороне левой кисти мигала розовым область, где происходила медленная утечка.

— Он прав, — сказал Ремонтуар.

— Это несерьезно. Исправим, когда вернемся на корвет.

— Рука мерзнет. Скади, я уже терял ее и не хочу потерять снова.

Скади не сдержала раздражения, прошипела:

— Так почините же скорей!

Клавэйн кивнул, вытащил из-за пояса баллончик с герметизатором. Сузил отверстие экстрактора до предела, прижал наконечник к перчатке. Герметик выползал серым тонким червем, мгновенно связываясь с материей скафандра и твердея. Клавэйн поводил струей по перчатке, протягивая серые нити.

Руке было холодно. Она болела, ведь лезвие пьезоножа пробило ее насквозь. Клавэйн нанес себе травму одним быстрым движением, не снимая ножа с пояса, одной рукой проведя вдоль него, другой — наклонив инструмент. Оставалось лишь радоваться, что рана не оказалась серьезной.

Он повесил баллончик на пояс. В шлеме по-прежнему звучал предупреждающий сигнал, перчатка продолжала светиться розовым — герметик не целиком перекрыл мигающую область, — но ощущение холода ушло. Утечка осталась, но малая, не представляющая опасности.

— Каковы результаты? — спросила Скади нетерпеливо.

— Полагаю, с дырой справился. Рассмотрю получше, когда вернемся на корвет.

К большому облегчению Клавэйна, инциденту не придали особого значения. Робот засеменил дальше, люди поспешили за ним. Наконец выбрались на поверхность. Обычный момент головокружения. Кометная гравитация очень слаба, легко представить, что не стоишь на поверхности, а висишь на угольно-черном потолке, внизу — бескрайняя пустота. Но головокружение миновало, к движениям вернулась уверенность.

Главный конструктор протиснулся в жерло тоннеля и скрылся из виду.

Трое сочленителей пошли к корвету — черному клину на фоне космической темноты.

— Клавэйн?

— Скади, я слушаю.

— Вы не против, если я кое-чем поинтересуюсь? Главный конструктор заключил, что у вас серьезные сомнения... Вы и в самом деле сомневаетесь или робота смутила архаичность ваших имплантатов?

— Догадайтесь сами.

— Но вы же понимаете, что нам необходимо вернуть оружие? Я имею в виду, вы по-настоящему убеждены в этом?

— Как ни в чем другом. Я прекрасно отдаю себе отчет, для чего понадобились эти пушки.

— Я чувствую, ответ правдив.

— А как иначе? *Продемонстрированное вами сомнений не* оставляет.

Клавэйн опережал Скади и Ремонтуара на десять-двенадцать метров, двигаясь со всей возможной быстротой. Когда достиг первого швартовочного троса, ухватился за него одной рукой и внезапно развернулся лицом к спутникам. Те застыли, удивленные.

— Клавэйн?

Он выхватил из-за пояса установленный на максимальную остроту нож и ткнул в пленку, покрывавшую комету. Резко потянул, вспарывая, по-крабьи перемещаясь боком. Пленка резалась почти без усилий. Выпустить трос Клавэйн не мог, потому прорезал всего метра четыре.

Пока не сделал это, не мог оценить, достаточно ли окажется. Но движение под ногами дало понять: вполне. Пленка стремительно

выползалась из-под корвета, движимая собственным натяжением. Без посторонних усилий разрез делался шире, длиннее: шесть метров, десять... Будто невидимая рука расстегивала молнию. Оказавшихся по другую сторону разреза Скади и Ремонтуара оттягивало в сторону пленкой.

Расправа с пленкой заняла пару секунд, но Скади хватило и их. С лихвой.

Как только Клавэйн ткнул ножом в пленку, он ощутил свирепую атаку на разум. Скади поняла, что он задумал. Обрушила мощь, о которой Клавэйн и не подозревал. Позабыв об осторожности, принялась грубой силой взламывать мозг. Низвергла лавину программ, ищущих контроль над основными функциями организма, лезущих в бессознательное, старающихся отключить рассудок, парализовать или просто умертвить. Будь Клавэйн обычным сочленителем, его мозг был бы захвачен в микросекунды. Скади приказала бы нейроимплантатам самоуничтожиться, раскалиться, взорваться — и убила бы. Но Клавэйн лишь ощущал страшную боль — словно в череп загоняли размеренными ударами стальной костыль.

Все же он потерял сознание. Ненадолго, секунды на две-три. Но когда пришел в себя, ощутил лишь растерянность, не понимая, где он и что делает. Осталось похмелье от щедро выплеснувшегося адреналина, первобытной химии, выработанной древним животным страхом. Несомненно, Клавэйн удирал от чего-то, жутко опасного и все еще грозящего. Обнаружил, что держится рукой за натянутый металлический трос. Посмотрел вверх, увидел нависший корвет. Подумал — нет, скорее, понадеялся, — что нужно именно туда.

Полез, смутно припоминая, что собирался делать, но боль резко обострилась, и сознание уплыло снова.

Опять очнулся уже внизу, на окутывающей комету мембране. Будучи без сознания, выпустил трос, упал — вернее, мягко придрейфовал к поверхности. Снова ощутил необходимость что-то срочно доделать, завершить... Там, наверху, корабль. Видел его недавно. До того, как потерял сознание, лез к нему по канату. Или наоборот, лез вниз, пытаясь уйти от опасности, заключавшейся в корабле?

Глянул на поверхность небесного тела, на котором находился, и обнаружил две фигуры в скафандрах, машущие, призывающие:

— Клавэйн!

Возникший под черепной крышкой женский голос был властным, понуждающим... но не лишенным сочувствия, будто мудрый суровый

учитель сожалел о лучшем ученике, не оправдавшем надежд. Но отчего разочарование? Оттого, что Клавэйн вот-вот не справится, или оттого, что вот-вот преуспеет?

Этого он не знал. Но чувствовал: одна спокойная минута в одиночестве — и сложатся воедино куски головоломки, будет понято все. Ведь понять очень нужно. А сейчас вокруг словно простирается огромная комната, наполненная угрожающими тенями.

Хоть бы немного покоя...

В голове звенело — сигнал разгерметизации. Клавэйн глянул на скафандр, отыскивая розовое мерцание, указывающее на область утечки воздуха. Вот оно, пятно розового на тыльной стороне кисти, сжимающей нож. Прицепил нож к поясу, потянулся за баллончиком герметика и понял, что уже израсходовал его. Розовое просвечивало вокруг причудливого следа, оставленного на руке засохшим герметиком. След походил на надпись древними рунами.

Клавэйн посмотрел на перчатку под другим углом, и серые контуры сложились в слово «Корвет».

Клавэйн узнал почерк. Свой.

Фигуры в скафандрах достигли края разреза и заспешили к Клавэйну. Он прикинул: будут через минуту, не позже. Вскарабкаться по тросу ему удастся за столько же. Думал прыгнуть, осторожно прицелившись, чтобы не пролететь мимо корвета, но из глубины памяти всплыло: пленка не позволит сильно оттолкнуться. Вопреки боли в голове, придется лезть по тросу, постоянно рискуя провалиться в беспамятство.

Он снова отключился, но совсем ненадолго, а потом, увидев перчатку и приближающиеся фигуры, понял: надо спешить на корабль. И достиг люка в тот момент, когда первая фигура добралась до зазубренного якоря, за который крепился швартов.

Память настойчиво твердила: поверхность кометы — черная стена, швартовы тянутся горизонтально. Двое в скафандрах — будто приклеенные к стене мухи, скорченные, уплощенные, готовые перейти по мосту, только что оставленному позади Клавэйном. Он залез в шлюз, включил экстренную подачу воздуха. Входной люк мгновенно скользнул на место, закупорив; в шлюзовую камеру потек воздух. Боль в голове тут же ослабла. Нахлынувшее облегчение было сродни экстазу.

Экстренный режим позволил внутреннему люку открыться едва ли не в тот самый момент, когда закрылся внешний. Клавэйн бро-

сился внутрь, оттолкнулся от противоположной стены, грохнулся головой о переборку, врезался в приборную панель. Не стал садиться в кресло, пристегиваться — просто включил стартовые двигатели на полную аварийную мощность. Услышал, как завыли десятки сигналов тревоги, назойливо внушая: сейчас этого лучше не делать.

— Рекомендуется немедленно выключить двигатели! Немедленно выключить двигатели!

— Заткнись! — взревел Клавэйн.

Корвет рванулся прочь от кометы, но отдалился всего на два с половиной метра — предельное расстояние, на которое позволили натянутые тросы. От резкой остановки Клавэйна швырнуло на переборку, в теле, между сердцем и поясницей, что-то хрустнуло. Комета тоже передвинулась, но практически незаметно. Корвет был накрепко привязан к нерушимой каменной глыбе в центре Вселенной.

По корабельному радио донесся очень спокойный холодный голос:

— Клавэйн?

Его память наконец принялась восстанавливаться, и в ней удалось найти имя мучительницы.

— Привет, Скади!

Снова приступ боли. Наверняка сломал по меньшей мере одно ребро и как следует ушиб еще пару.

— Клавэйн, что вы задумали?

— Кажется, я угоняю этот корабль.

Он уселся в кресло, морщась от резкой боли. Пристегнулся эластичными ремнями, не сдержал стона.

Двигатели грозили отключиться автоматически, и пришлось лихорадочно отдавать команды, чтобы этого не допустить. Простым возвращением якорей не обойтись. Скади и Ремонтуар — вспомнил наконец имена обоих — обязательно ухватятся за них, окажутся на внешней оболочке корвета и покидать ее вряд ли захотят. Надо будет лишь стряхнуть их, оставить барахтающимися в пустоте. Конечно, большой опасности они не подвергнутся. Однако этот полет — секретный для всех, кроме членов Узкого совета. И из них почти никто не знает, куда полетели Клавэйн и Скади с Ремонтуаром.

— Полная тяга, — заключил вслух.

Полная тяга позволит уйти, или разорвав швартовы, или выломав куски кометного льда.

— Клавэйн, прошу, подумай хорошенько, — произнес мужской голос.

Ни Скади, ни Ремонтуар не могли посылать мысли сквозь оболочку корвета, она не пропускала сигналы подобного рода.

— Спасибо, Рем... Но знаешь, я уже думал об этом, и немало. Неспроста Скади понадобились пушки. Ведь дело в волках. Скади, я прав? Вам нужно оружие на случай появления волков.

— Клавэйн, я сказала практически открытым текстом: да, мы нуждаемся в оружии для защиты от волков. Что же тут плохого? Неужели желание обеспечить свое выживание предосудительно? А чего бы вы хотели, нашей капитуляции?

— Оттуда вы узнали, что они придут сюда?

— Мы не знаем. Мы просто считаем их прибытие весьма вероятным, основываясь на доступной нам информации.

— И это все?

Клавэйн взялся за управление главными двигателями. Еще несколько секунд, и придется давать полную тягу. Или оставаться.

— Мы уверены, что они придут. В чем причина уверенности — вам знать не обязательно. А теперь допустите нас на борт корвета. Уверяю, ваш поступок останется тайной.

— Боюсь, ваши уговоры не слишком действенны.

Он включил главные двигатели, маневровыми же сориентировал корвет так, чтобы дюзы не были повернуты к поверхности кометы. Хоть он и не любил Скади, убить или ранить ее не желал. Ремонтуар же был другом, и с собой его Клавэйн не взял лишь потому, что не хотел впутывать в задуманное.

Корвет задрожал, удерживаемый швартовами. Завибрировал весь корпус. Показалось, дрожь проникла до самого нутра, до костей. Индикаторы перегрузки двигателей засветились красным.

— Послушайте, Клавэйн! — воззвала Скади. — Зачем вам угонять корабль? Куда вы денетесь с ним? Убежите к демархистам?

— Хорошая идея.

— Самоубийственная! Вам не добраться до Йеллоустона! Если мы не убьем вас, убьют демархисты.

Швартов лопнул. Корвет покачнулся, сместился. Сквозь окно кокпита было видно, как оборванный трос хлестнул по пленке на поверхности, рассек, оставив метровую дыру. Черная ледяная пыль вырвалась, будто осьминожьи чернила.

— Скади права: ничего не получится. Тебе некуда деваться! Как друг, прошу тебя: не делай этого!

— Рем, ты что, не понимаешь? Эта дюжина кораблей не для войны или экспедиции. Они — всего лишь часть большего. Часть эвакуационного флота.

Корвет дернулся снова — еще один швартов оборвался, свирепо заскользил, свернулся змеей на поверхности.

— Ну и что с того?

— Скади, как насчет остального человечества? Что этим несчастным глупцам делать, когда придут волки? Выживать как могут?

— Выживает сильнейший.

— Скади, это неправильный ответ.

Едва Клавэйн успел договорить, как лопнул последний швартов. Корвет рванулся от кометы на полной тяге, ускорение вдавило Клавэйна в кресло. Он закричал от страшной боли в ребрах.

На приборной панели один за другим гасли красные огоньки, сменялись зелеными, белыми. Вой двигателей стал низким гудением, затем ушел за порог слышимости. Корпус прекратил дрожать. Комета Скади осталась вдалеке крошечным шариком.

Клавэйн сориентировал корабль на тусклый огонек, на звезду Эпсилон Эридана.

ГЛАВА 11

Глубоко в чреве «Ностальгии по бесконечности» Илиа Вольева стояла в эпицентре существа, некогда бывшего капитаном субсветовика, в другой, неимоверно далекой теперь жизни называвшего себя Джоном Армстронгом Бреннигеном. Почему-то Илиа не дрожала, и это казалось неправильным. Визиты к капитану всегда сопровождались физическими мучениями, уподобляясь паломничеству с самоистязанием ради искупления грехов. Капитана навещали, чтобы наблюдать за его разрастанием (каковое можно замедлить, но не остановить целиком), или просили у него совета по тому или иному поводу. Мучения представлялись закономерной платой за полезные сведения, хотя иногда советы капитана были не вполне здравыми, а то и попросту безумными.

Сдержать распространение плавящей чумы пытались, охлаждая капитана. До поры криокапсула, где хранилось капитанское тело,

могла поддерживать температуру. Но в конце концов чума захватила и капсулу, изуродовав ее системы, встроив в себя. Определенным образом капсула продолжила работать, но потребовалось заморозить все пространство вокруг нее. Походы к капитану требовали многослойной теплой одежды. В его владениях было трудно дышать, легкие будто рассыпались на тысячи колючих осколков.

Навещая капитана, Вольева беспрерывно курила. Правда, для нее общение с Бреннигеном было не слишком опасным, поскольку имплантатов она не имела, подхватить заразу не могла. Многие насмехались над ней из-за отсутствия усовершенствований, называли слабой, трусливой. Все насмешники теперь были мертвы. Но и когда были живы, в их глазах читалась зависть. Ведь рано или поздно каждый был вынужден приблизиться к капитану. Тогда, пусть лишь на несколько минут, они отчаянно хотели стать как Илиа Вольева.

Садзаки, Хегази, Суджик... Имена уже ускользают из памяти. Как будто это было так давно...

Теперь рубка не казалась холоднее прочих отсеков. И была жарче многих. Там висела влажная духота, все поверхности застлала мокро поблескивающая пленка. По стенам ручейками сбегал конденсат, капал с узловатых выступов. Время от времени с хлопком лопался нарыв, наполнявшая его жижа ползла вниз. Биохимический метаболизм корабля давно вышел из-под человеческого контроля. Но не прекратился, а развился хаотически, добавив новые циклы обмена, образовав загадочные приспособления. Приходилось вести постоянную утомительную борьбу за осушение корабля, иначе бы он захлебнулся в собственных выделениях. Вольева установила тысячи насосов, перекачивающих слизь в специальные отсеки, где она подвергалась химическому разложению. Гудение насосных роботов — ровная низкая органная нота — уже въелось в мозг Илиа, неотступно сопровождая каждую мысль. Вольева перестала его замечать.

Если знать, где раньше стояла криокапсула, и уметь на глаз выделять черты упорядоченности среди хаоса, все-таки можно распознать в колдовском лесу прежнее капитанское вместилище. Когда Илиа позволила капсуле разморозиться — просто выстрелила в систему управления, — капитан принялся разрастаться с чудовищной скоростью, пожирая корабль, разлагая на атомы и сращивая с собой. Притом жар шел неимоверный, словно из жерла вулкана. Вольева не стала дожидаться финала, но и так было ясно: капитан продолжит расти, пока не поглотит весь корабль. Жуткая перспектива, но

все же лучше, чем оставить «Ностальгию» во власти другого монстра, Похитителя Солнц. Возможно, Бреннигeн сумеет вырвать хотя бы толику власти у паразитического разума, захватившего субсветовик.

Расчет Илиа полностью оправдался. Капитан захватил весь корабль, исказив его в угоду своей больной фантазии. Очевидно, здешняя разновидность заразы отличалась редкой оригинальностью. И это было тем более странно, что, судя по результатам многих исследований, чума не порождала новых штаммов. Корабль был инфицирован тем же вирусом, что и Йеллоустон, и другие миры.

Вольева видела фотографии Города Бездны после эпидемии, донельзя изуродованную архитектуру, — будто город спал и видел кошмар о себе самом. И хотя в изменениях иногда угадывалась некая цель и даже художественная ценность, разума за ними явно не стояло. Принятые зданиями формы являлись лишь отклонениями от изначального биодизайна. На «Ностальгии» же случилось по-другому. Вирус прожил в капитане много лет, прежде чем начал его уродовать. Не исключено, что выработался некий симбиоз и, когда чума вырвалась наружу, поглощая и меняя корабль, преобразования стали отражением капитанского бессознательного.

Но лучше бы эта догадка не оказалась верной. Как ни посмотри, корабль стал монстром. Когда с Ресургема прилетела Хоури, Вольева изо всех сил постаралась представить ей уродство как нечто обыденное и не слишком интересное — а попутно убедить в этом и себя. Субсветовик сильно действовал на нервы. Причем разнообразно. Незадолго до того, как Илиа позволила Бреннигену оттаять, она поняла наконец, какие злодеяния тот совершил. Она заглянула в капитанское сознание, в плотный страшный клубок ненависти и вины. Теперь же мозг Джона Бреннигена и его разум распространились настолько, что Вольева в буквальном смысле бродила внутри их. Капитан стал кораблем. Корабль унаследовал преступления капитана и стал им памятником.

Илиа вгляделась в очертания того, что некогда было криокапсулой. На последних стадиях болезни из контейнера, стоявшего у стены, потянулись во все стороны серебристые отростки. Сквозь растрескавшуюся крышку было видно, что они выходят из капитана, сращенные с его центральной нервной системой. Теперь отростки пронизали всю «Ностальгию» осьминожьими щупальцами, змеясь, раздваиваясь и сливаясь опять. В нескольких десятках мест серебристые нити сплетались в чудовищные сгустки. Илиа сочла их ган-

глиями, центрами обработки информации. От прежнего тела Джона Бреннигена не осталось практически ничего, но его призрачный растерянный разум, несомненно, все еще населял «Ностальгию по бесконечности». Вольева так и не решила, являются ли ганглии распределенным мозгом, или это просто небольшие части огромной нервной системы. О капитане теперь трудно было сказать что-нибудь определенное. Кроме одного: Джон Бренниген жив и находится рядом.

Когда-то Илиа, беспомощная, кружила на неисправном шаттле вокруг Гадеса, веря в гибель Аны Хоури и ожидая, что «Ностальгия по бесконечности» казнит незадачливого триумвира. Ведь она разморозила капитана и сообщила, что знает о его преступлениях. Дала все поводы посчитаться.

Однако он пощадил — и спас. Позволил остаться на корабле, все еще поглощаемом, трансформируемом. Игнорировал любые попытки войти в контакт, но сделал возможным ее выживание. Сохранил места, измененные не слишком сильно, пригодные для существования человека. И если Вольева перебиралась в другую часть корабля, там возникали подобные же места. Управлявший кораблем разум, чем бы он ни был, знал о ее присутствии на борту, знал, что нужно для ее жизнеобеспечения. А когда вернулась Ана, пустил на борт и ее.

Вольева словно жила в доме, захваченном одиноким, но дружелюбным призраком. Корабль удовлетворял любые — в пределах разумного, конечно, — потребности Илиа и Аны. Но к управлению не допускал. Он и двигаться не хотел, разве что соглашался на короткие перелеты внутри системы. Не давал и доступа к штатному оружию, не говоря уже про похищенное у сочленителей.

Триумвир не оставляла попыток заговорить с капитаном. Но все они проваливались. Обращалась — и не получала ответа. Писала, царапала на стенах — безрезультатно. Но вместе с тем не сомневалась: корабль все слышит и видит. Он впал в кататонию, замкнулся в собственных чувствах, погрузился в ад вины и самобичевания.

Корабль презирал себя.

А потом Хоури вернулась на Ресургем, чтобы, внедрившись в инквизицию, водить за нос всю чертову планету, имея доступ к самым потайным ее местам.

Несмотря на богатый опыт, первые месяцы одиночества оказались для Вольевой почти невыносимыми. В конце концов она была вынуждена сделать простой вывод: все-таки ей по душе человеческое

общество. Соседство одного лишь озлобленного, обиженного на все и вся, молчаливо свихнувшегося разума едва не довело до беды.

Но постепенно корабль — понемногу, по-своему — начал отвечать. Сперва Илиа не замечала этого. Каждый день нескончаемые хлопоты, сотни мелких дел, нет времени остановиться и присмотреться к неуклюжим жестам, попыткам помириться и сблизиться. Ежечасно новые и новые проблемы — то чрезмерное увеличение поголовья крыс, то неполадки в насосах, то необходимость не допустить заразу в жизненно важные места. Она применяла и активные нанокомпоненты, и огонь, и охлаждение, и химические атаки.

Но однажды роботы повели себя странно. Как и одичавшие крысы-уборщицы, они некогда были частью ремонтной системы корабля. Разумнейших из них сожрала чума, остались старейшие и глупейшие, продолжавшие трудиться в отведенных местах, почти не замечая перемен вокруг. Они почти не мешали, потому Вольева предоставила их самим себе. Иногда оказывались полезными, но такое случалось до того редко, что рассчитывать на их помощь она давно прекратила.

Но вдруг роботы стали помогать. Это началось с обыденной поломки насоса. Она отправилась посмотреть и с изумлением увидела там робота, принесшего набор исправных инструментов.

Конечно, перво-наперво следовало восстановить насос. А когда местный потоп чуть ослаб, Илиа присела и хорошенько осмотрелась. Вроде корабль выглядел по-прежнему. Коридоры все так же походили на заросшие слизью водопроводные трубы. Жуткая дрянь ползла и капала из любого отверстия. Спертый воздух комом стоял в горле, разноголосое монотонное нытье сонма насосов давило на психику.

Но что-то определенно изменилось.

Вольева отдала роботу инструменты — и машина тут же развернулась и припустила, стрекоча, за поворот.

— Думаю, ты меня слышишь! — громко сказала Илиа. — Слышишь и видишь. И знаешь, что я не желаю тебе зла. Джон, ты ведь с легкостью мог убить меня. Это ты управляешь роботами, правда?

Она подождала немного, но ответа не последовало. Илиа ничуть не удивилась.

— Уверена, ты меня знаешь. Я та самая, кто тебя разморозил. Кто догадался о твоих делах. Может, думаешь, что я тебя наказываю? Нет. Это было бы так скучно. Садизм мне претит. Если бы хотела наказать, убила бы. Для этого есть тысячи способов. Но я не вижу

смысла в таком наказании. По-моему, ты уже настрадался достаточно, искупил вину. Ведь ты же страдаешь, правда?

Илиа умолкла, прислушиваясь к пению насоса, довольная, что тот не сломался сразу же после починки.

— Возможно, ты заслужил муку. Заслужил ад за все содеянное. Но лишь тебе одному известно, каково жить в твоем состоянии, причем так долго. Ты один знаешь, лучше ли ада твоя нынешняя жизнь.

Под ногами задрожало — словно отголосок далекого землетрясения. Интересно, это запланированная операция по массированной откачке или капитанский ответ?

— Может, теперь тебе легче? Ведь ты освободился от бренного тела, стал душой своего корабля. Чего еще желать настоящему капитану?

Ответа не последовало. Вольева помолчала несколько минут, ожидая внезапную дрожь в переборках или подобный же таинственный знак.

Ничего.

— Насчет робота... спасибо тебе. Он помог.

Но корабль не ответил.

Однако с тех пор роботы всегда помогали чем и где могли. Если намерения Илиа были очевидными, ремонтники мчались к нужному месту с комплектом инструментов. Если работа затягивалась, приносили из действующей кухни пищу и питье. Если Вольева прямо просила корабль доставить что-либо, она не получала ничего. Если же говорила как бы сама с собой, желая вслух того или иного, корабль с готовностью исполнял. Не всегда его вмешательство оказывалось полезным, но оставалось впечатление искреннего желания удружить.

А может, сросшийся с кораблем капитан — не более чем абсурдная фантазия? Может, помочь старается не Джон Бренниген, а машинный низкоуровневый интеллект? А единственная причина помощи — заложенные в примитивный интеллект, на уровне рядового робота, базовые программы? Вдруг монологи, увещевания и просьбы слушал не капитан, а нечто, по-человечески разумное лишь в воображении Илиа Вольевой?

Но потом объявились сигареты.

Илиа о них не просила и не подозревала даже, что на корабле может быть запас — кроме сделанного ею самой и уже исчерпанного.

Она тщательно исследовала сигареты. Похоже, их произвели несколько десятков лет назад на торговой планете, куда однажды занесло «Ностальгию по бесконечности». Вряд ли они сделаны на корабле из подручных материалов. Слишком хорошо пахнут. Илиа глазом не успела моргнуть, как докурила до фильтра. Вкус чудесный! Выкурила вторую — ничуть не хуже.

— Да где же ты их взял?! — воскликнула Илиа, не сдержавшись. — Почему я до сих пор...

Она недоговорила, глубоко затянувшись, — рада была заполнить легкие впервые за много недель чем-нибудь поприятнее застоялого корабельного воздуха.

— Впрочем, не важно. Зачем мне знать? Спасибо огромное!

С тех пор Илиа не сомневалась: Бренниген рядом. Только член экипажа мог знать о привычках своего товарища. Как ни программируй машину на услужение человеку, по собственной воле она сигарет не подкинет. Значит, корабль хочет помириться и подружиться.

Но сближение продвигалось медленно и трудно. Временами корабль снова впадал в кататонию, роботы по нескольку суток отказывались повиноваться. Иногда это случалось по вине Илиа — она перегибала палку, пытаясь разговорить Бреннигена с помощью дешевых психологических трюков. Укоряла потом себя, понимая, что в психологии не сильна. Да и вся чудовищная заваруха началась, когда Вольева поэкспериментировала с артиллеристом Нагорным, а он сошел с ума. Если бы не экспериментировала, не пришлось бы нанимать Ану Хоури, и все могло бы пойти по-другому...

Когда жизнь возвращалась в нормальное русло и роботы снова слушались, Илиа старалась не сболтнуть лишнего. Неделями не пыталась заговорить с капитаном. Но непременно возобновляла попытки, делаясь все наглее, пока снова не вызывала кататонический приступ. Но она не отступалась, чувствуя между обидами небольшой, но вполне явственный прогресс.

Очередной приступ случился спустя шесть недель после визита Хоури. Кататония растянулась на целых два месяца, чего не бывало раньше. Поэтому Илиа прождала три недели, прежде чем снова отважилась на переговоры.

— Капитан, послушай. Я много раз пыталась до тебя достучаться. Кажется, пару раз удалось, и ты понял, чего я хочу. Честное слово, я догадалась: ты не был готов к ответу. Но мне очень нужно рассказать тебе кое-что про Вселенную, про тварей, явившихся сюда, к нам.

Стоя посреди рубки, Илиа позволила себе говорить громче, чем требовалось для нормального разговора. Ведь могла произнести речь где угодно, корабль наверняка бы услышал. Но в этом месте, некогда служившем средоточием власти над кораблем, монолог звучал не столь глупо и напыщенно. Звук отражался от стен, делал голос красочней, глубже. Илиа нравилось. Она артистично взмахнула окурком:

— Возможно, ты и сам уже все знаешь. Наверняка успел присоединиться к датчикам и камерам внешнего наблюдения. Правда, я не представляю себе, как ты обрабатываешь потоки данных и интерпретируешь их. Не своими же глазами смотришь. Наверное, даже для тебя странно видеть Вселенную глазами четырехкилометровой машины. Но ты всегда был на диво живучим, ко всему приспосабливался с поразительной ловкостью. Рано или поздно приспособишься и к этому.

Капитан не ответил, но и признаков ухода в ступор не проявил. Браслет на руке Илиа показывал: роботы функционируют по-прежнему.

— Но смею думать, про черные машины тебе пока ничего не известно — не считая того, что услышал от Хоури во время ее недавнего визита. Наверное, гадаешь, что это за штуковины. Объясню: мы имеем дело с пришельцами. Откуда они явились, мы не знаем. Но они уже здесь, в системе Дельта Павлина. Помнишь Силвеста? Как я догадываюсь, он-то их и вызвал, когда забрался в Цербер.

Само собой, если капитан был способен помнить прошлую жизнь, то уж точно помнил Силвеста. Именно его затащили на борт, чтобы вылечить Джона Бреннигена. Но Силвест вел свою игру, он обманул экипаж, чтобы проникнуть в Цербер.

— Конечно, я высказываю сплошные догадки, но они логичны и хорошо объясняют факты. Хоури знает о машинах больше меня. Но эти знания получены таким образом, что их вряд ли можно передать другим. Да и непонятного остается предостаточно.

Илиа рассказала капитану о событиях последнего времени, подкрепив свои слова демонстрацией видеофрагментов на сферическом дисплее. Сообщила, что рой ингибиторов принялся разбирать три меньшие планеты, высасывая их внутренность и превращая материал в орбитальные кольца.

— Выглядит это грозно, — подытожила Илиа. — Но не так уж и далеко за пределами наших возможностей. Пугаться не стоит, по

крайней мере сейчас. Однако хотелось бы все-таки знать, что они нам готовят...

Забор планетного материала прекратился внезапно и согласованно две недели назад. Расположенные по экватору искусственные вулканы прекратили изрыгать материю, выбросив разом последнюю порцию на орбиту.

По оценке Вольевой, планеты лишились, по меньшей мере, половины массы, превратились в пустую скорлупу. Когда ингибиторы закончили операцию, планеты эффектно схлопнулись, сжались в оранжевые шарики радиоактивного шлака. Часть черных машин отсоединилась, многие же, по-видимому, исполнив свое предназначение, остались на руинах планет и погибли. От подобной расточительности у Вольевой мурашки побежали по спине. Похоже, машины совершенно не жалели средств, двигаясь к поставленной цели.

Но миллионы черных машин поменьше размерами сохранились. Орбитальные кольца обладали значительной собственной гравитацией, они требовали ухода. Орды машин плыли вдоль них, заглатывая материю, выплевывая в доработанном виде. Иногда при этом возникали вспышки странного излучения. Грубое планетное вещество превращалось в необычные соединения, какие свободно в природе не существуют.

Еще перед тем, как утихли сосущие планету вулканы, начался новый процесс. От орбиты каждого умерщвляемого мира потянулся язык обработанного вещества, достигнув протяженности в несколько световых секунд. Очевидно, черные машины придали добытому материалу достаточно энергии, чтобы преодолеть планетную гравитацию. Языки изогнулись в плоскости эклиптики, описывая параболу, растянулись на световые часы. Экстраполировать параболы труда не составляло: они сходились в одной точке.

Пока там ничего не было. Но к тому времени, когда потоки материи сойдутся, в этом месте окажется наибольший газовый гигант системы. И это не слишком похоже на совпадение.

— Вот что я думаю: до сих пор мы видели только сбор сырья, — сказала Вольева капитану. — Вещество стягивают туда, где начнется настоящая работа. Хотят что-то сделать с Рух. Что именно — неясно. Однако это вряд ли будет приятным для нас.

На сфере появилось схематическое изображение газового гиганта, с вырезанной долькой, будто яблоко, с чересполосицей слоев, уводящих в царство чудовищного давления и причудливой химии.

В областях еще умеренных давлений газовая оболочка планеты переходила в океан жидкого водорода, начинавшийся в непосредственной близости от видимой планетной границы. А под океаном — и при мысли об этом у Вольевой заболела голова — находился металлический водород. Илиа не слишком любила планеты, а газовые гиганты вообще не терпела: они напоминали о человеческой хрупкости и мелкости. Водородные чудовища немногим коварнее и опаснее звезд.

Впрочем, по меркам газовых гигантов Рух не представляла собой ничего странного. Вокруг — обычная семейка спутников, большинство — куски льда с остановленным приливными силами вращением, всегда обращенные к гиганту одной стороной. Поверхность лун погорячее испускала ионы, формируя вокруг гиганта тороидальные потоки плазмы, удерживаемой мощнейшим магнитным полем. Каменных спутников там не было, поэтому операцию по добыче сырья пришлось устраивать в другом месте. Имелись и кольца со своеобразными резонансными проявлениями — выступами-спицами, небольшими сгущениями. Но подобное Вольева наблюдала и раньше.

Чего же хотят ингибиторы? Что произойдет, когда потоки материи прибудут к Рух?

— Капитан, я уверена: вы меня понимаете. Представляете, что именно происходит в системе. Чем бы черные машины ни занимались, это для нас плохо. Это орудия уничтожения. Они истребляют разумную жизнь. Вопрос в том, можем ли мы сопротивляться.

Вольева замолчала, собираясь с мыслями. Пока кататоническую реакцию не спровоцировала, и это хорошо. По крайней мере, капитан позволил рассказать о пришельцах и угрозах. Но с другой стороны, пока Илиа не касалась тем, обычно и вызывающих ступор.

Что ж, теперь — или никогда.

— Капитан, думаю, мы можем сопротивляться. Если не победить, то хотя бы сильно помешать.

Она глянула на браслет, — кажется, на корабле пока не происходит ничего необычного.

— Я говорю про нападение на черные машины. Не думаю, что существа, разобравшие три планеты чужой системы и не удосужившиеся притом хотя бы представиться, способны внять доброму слову.

Вот, началось! Где-то вдали завибрировало, задрожало. Такое случалось и раньше, несло некий смысл, но какой именно — Илиа пока не выяснила. Конечно, это сигнал от населяющего «Ностальгию» разума, и вряд ли приятного свойства. Похоже на знак раздражения, как глухой рык потревоженного пса, желающего, чтобы его оставили в покое.

— Капитан, я понимаю, как вам трудно. Честное слово, понимаю и сочувствую. Однако действовать нужно без промедления. Мне видится только один вариант — пустить в ход наше «адское» оружие. У нас тридцать три единицы, а если сумеем вернуть и перезарядить шесть применявшихся против Гадеса, будет тридцать девять. Но думаю, хватит и тридцати трех, если использовать их правильно.

Дрожь усилилась, затем исчезла. Ага, удалось затронуть чувствительную струнку! Капитан еще слушает...

— Наверное, потерянная на краю системы пушка была самой мощной, но шесть стрелявших по Церберу, по моей оценке, из слабейших. Думаю, мы управимся и с оставшимися. Знаете, капитан, что я придумала? Ударить по выпотрошенным планетам. Девяносто процентов извлеченного материала еще на орбитах вокруг них, хотя с каждым часом все больше перекачивается к Рух. Основная масса черных машин тоже находится вблизи планет. Внезапно атаковав, мы можем их уничтожить. В крайнем случае мы рассеем сырьевые запасы.

Илиа заговорила быстрее, опьяненная собственными словами:

— Машины, возможно, перегруппируются, но им придется искать новые планеты для разборки. А мы и там их разобьем. Разнесем в клочья все потенциальные источники твердой материи. И тогда они ничего не смогут сделать с газовым гигантом! Шанс у нас отличный, но есть одна загвоздка. Капитан, мы нуждаемся в вашей помощи!

Снова Вольева посмотрела на браслет. Ничего особенного. Можно вздохнуть с облегчением, но больше не стоит провоцировать капитана. Обсуждение возможного сотрудничества зашло дальше, чем предполагалось. Причем намного дальше.

Вдали раздался рев вихря, яростно несущегося по километрам коридоров.

— Капитан! Не надо!

Поздно.

Ураган ворвался в рубку, швырнул Илиа на пол. Вырвал из пальцев сигарету. Вместе с ней в смерче закрутились крысы и подхваченный в коридорах мусор.

Дышать стало трудно.

— Капитан... я не хотела...

Ветер покатил ее по полу, беспомощную, нелепо размахивающую руками. Рев был невыносим, словно в нем звучала вся боль Джона Бреннигена, скопившаяся за долгие годы.

Затем ураган стих, мусор улегся на пол. Вряд ли капитану понадобилось выпускать воздух наружу для этого небольшого представления. Должно быть, он открыл отсек в трюме, где обычно поддерживался вакуум. Но эффект был такой же, как от утечки при разрушении корпуса. Очень сильный удар по нервам.

Илиа Вольева встала. Кажется, все кости целы.

Она отряхнулась, достала новую сигарету. Курила минуты две, пока не успокоилась настолько, насколько вообще можно успокоиться в такой ситуации.

Заговорила опять, терпеливо, как при общении с истеричным ребенком:

— Хорошо, капитан. Вы свою точку зрения выразили ясно. Оружие под вашим контролем, и это не оспаривается. Но поймите: мы здесь не о мелочах говорим, не о местных дрязгах. Ингибиторы неспроста явились к Дельте Павлина. Они вторглись в человеческое пространство. И это лишь начало. Они не остановятся, уничтожив все живое на Ресургеме во второй раз за миллион лет. Для них это лишь разминка. Они пойдут дальше. Наверное, на Окраину Неба. Потом будут Шива-Парвати, Гранд-Титон, Морская Пена, Заструга. Может, и Йеллоустон. Или даже Первая Система. Да не важно, в каком порядке. Рано или поздно они покончат со всеми. Десятилетия это займет или века — им все равно. Главное, покончить с нами, стереть все человеческие свершения, начиная с каменного века. Нас вычеркнут из бытия. Я гарантирую: стрельбы будет предостаточно, пусть и неизвестно, кто останется победителем. Вот только плохо, что мы не увидим финала. И невозможно передать словами, как это бесит меня.

Она глубоко затянулась, выдохнула. Принесенные вихрем крысы уже разбежались, корабль казался почти нормальным. Может, простил небольшую дерзость?

— Пока машины не обращали на нас внимания. Но рано или поздно обратят. Хотите услышать мои соображения, почему на нас

еще не напали? Возможно, машины попросту нас не видят, их восприятие настроено на объекты намного крупнее, чем одинокий субсветовик. А может, нас не воспринимают как угрозу. К чему отвлекаться на мелочовку, когда можно уничтожить всех одним махом? Думаю, они мыслят именно так. Не стоит гоняться за единственной мухой, если собираешься истребить весь вид. Чтобы победить этого врага, необходимо думать, как он. Капитан, нам нужно оружие.

Рубка содрогнулась, сфера и все огни погасли. Вольева посмотрела на браслет и не удивилась, обнаружив, что корабль снова погружается в кататонию. Повсюду роботы бросали работу. Даже часть насосов отключилась — ощущалась перемена в многоголосом слитном гудении. Лабиринт коридоров теперь погрузится в темноту. Перестанут нормально работать лифты. В течение нескольких дней, а то и недель, простое выживание на борту потребует максимума усилий.

— Капитан, пожалуйста, поймите, — попросила Вольева тихо, не уверенная, что ее слушают, — я отсюда не уйду. И черные машины тоже.

Стоя в темноте, Вольева докурила сигарету, затем вынула фонарь, включила и покинула рубку.

Триумвиру предстояло много работы.

Ремонтуар стоял на клейкой поверхности кометы, где находился завод Скади, и махал рукой приближающемуся судну.

Небольшое, чуть больше корвета, доставившего Ремонтуара на комету, оно двигалось медленно, опасаясь подлететь слишком близко к черной поверхности. Из корпуса торчали округлые башенки. Ремонтуар поморщился, когда по визору шлема скользнул красный луч прицельного лазера. Луч выписывал узоры на комете, проверяя, нет ли ловушек и мин.

— Вы сказали, что вас двое, — загудел в шлеме голос командира приближающегося судна. — Я вижу только одного.

— Скади ранена. Она сейчас внутри кометы, за ней ухаживает Главный конструктор. Зачем вы используете голосовую коммуникацию?

— Учитываю возможность ловушки.

— Я Ремонтуар. Вы меня не узнаете?

— Повернитесь налево, чтобы я мог видеть ваше лицо сквозь шлем.

Пару минут судно изучало Ремонтуара, затем приблизилось, выстрелило якоря — они вонзились близ все еще торчащих трех якорей

корвета с оборванными тросами. Ремонтуар ощутил дрожь от удара, пленка среагировала и крепче прихватила подошвы.

Он попытался установить нейросвязь с пилотом.

— Теперь вы узнали меня?

В корпусе корабля открылось отверстие шлюза, наружу вышел сочленитель в полной боевой броне. Он прыгнул, опустился на поверхность кометы в двух метрах от Ремонтуара. Нацелил оружие. Стволы корабельных пушек тоже уставились на старого сочленителя. Тот понял: одно неверное движение — и начнется стрельба.

Сочленитель в доспехах обратился по нейросвязи:

— Что вы здесь делаете? Кто такой Главный конструктор?

— Боюсь, этого я вам сказать не могу. Дело Узкого совета, оно касается нашей общей безопасности. Как вы, наверное, уже догадались, эта комета — одна из наших секретных баз.

— В экстренном сообщении указано, что вас прилетело сюда трое. Где доставивший вас корабль?

— Объяснить это будет нелегко.

Ремонтуар попытался связаться напрямую — было бы гораздо проще, если бы солдат заглянул в память, — но тот надежно заблокировал доступ.

— Вы попробуйте.

— С нами был Клавэйн. Он угнал корвет.

— Почему он это сделал?

— Я не могу ответить на такой вопрос, не раскрыв предназначения этой кометы.

— Попробую угадать сам: опять дела Узкого совета?

— Правильная догадка.

— Куда направился корвет?

Ремонтуар улыбнулся. К чему теперь играть в прятки, все уже и так вышло на поверхность.

— Наверное, к центру системы. Куда еще ему лететь? К Материнскому Гнезду он не вернется.

— И давно это случилось?

— Более тридцати часов назад.

— Ему понадобится менее трехсот, чтобы достичь Йеллоустона. Почему вы не подняли тревогу ранее?

— Я старался как мог. Но у нас возникли осложнения со здоровьем Скади. К тому же потребовалось немало усилий, чтобы убедить Главного конструктора послать сигнал Материнскому Гнезду.

— Осложнения со здоровьем?

Ремонтуар указал на истерзанную поверхность кометы вблизи входного отверстия.

— Как я уже говорил, Скади ранена. Ее нужно доставить в Материнское Гнездо как можно скорее.

Ремонтуар пошел, осторожно переставляя ноги. Корабельные пушки продолжали следить за каждым его движением, готовые в любой момент создать в боку кометы миниатюрный кратер.

— Она жива?

Ремонтуар покачал головой:

— Боюсь, в данный момент — нет.

ГЛАВА 12

Клавэйн вынырнул из наведенного сна, полного песчаных штормов и обваливающихся стен. Пробуждение было безрадостным. Не сразу он понял, где находится. Затем вернулась память о недавних событиях: заседание Узкого совета, полет вместе со Скади к верфи-комете. Вспомнился Главный конструктор и спрятанная в комете эскадра, несомненно предназначенная для эвакуации. Угон корвета, направленного к центру системы на максимальной тяге.

Клавэйн сидел в пилотском кресле. Он коснулся сенсоров приборной панели, активировал дисплеи. Те развернулись вокруг, яркие, будто подсолнухи. Неразумно было бы позволить корвету сообщаться с мозгом напрямую — Скади могла подсадить в сеть блокирующий рассудок вирус. Конечно, вероятность этого невысока, до сих пор корабль подчинялся безоговорочно, но нет смысла рисковать.

По раскрывшимся дисплеям с чудовищной скоростью полетели вереницы данных — корвет проверял свои системы. Клавэйну пришлось значительно увеличить скорость восприятия, чтобы разобраться с символами и схемами. Корабль пострадал при старте с кометы, но критическими повреждения не были; значит, можно выполнить задуманное. Дисплеи показали и тактическую ситуацию в окрестностях, выдавая условное изображение в логарифмическом масштабе. Клавэйн тщательно изучил текущее расположение демархистских и сочленительских кораблей, баз, автономных роботов и самонаво-

дящихся мин. В трех световых часах разворачивалась масштабная битва. Но ближе — ничего. И никаких признаков погони, высланной из Материнского Гнезда. Никаких известий о дезертирстве. Конечно, это не значило, что погоня не снаряжена, ведь информацию о тактической обстановке Клавэйн черпал из общей системной сети, не рискуя использовать сканеры корвета. Активный поиск выдал бы местонахождение беглеца любому, взглянувшему в нужном направлении.

Итак, заметного всем отклика Материнского Гнезда нет. И это обнадеживает.

Клавэйн улыбнулся, пожал плечами и сразу вспомнил о сломанном ребре. Болело уже не так сильно — перед отходом ко сну Клавэйн надел медицинский жилет: магнитное поле, воздействуя на область перелома, заставляло кость срастаться быстрее. Боль в груди живо подтвердила: события на комете и дезертирство — не плод воображения. И на руке, взрезанной до кости пьезоножом, — заплата. Но эта рана была чистой. Клавэйн позаботился о ней, прежде чем уснул.

Значит, все правда. Он, Клавэйн, взялся за старое. А ведь был момент, когда, толком не проснувшись, он счел недавно произошедшее всего лишь рожденным тревогой кошмаром. Такие кошмары всегда мучают любого солдата, у которого осталась хоть крупица совести — и который повидал достаточно войн, чтобы понимать: нередко кажущееся самым правильным впоследствии оборачивается тягчайшей ошибкой. Однако он это сделал. Предал свой народ. Пусть его мотивы сколь угодно чисты и возвышенны, факт остается фактом: он бросил сочленителей, доверивших ему важнейший секрет.

Ему не хватило времени как следует оценить последствия измены. Едва увидев эвакуационный флот, он понял: есть лишь одна возможность удрать, а именно украсть корвет. Если бы промедлил хоть немного, скажем до возвращения в Материнское Гнездо, несомненно, Скади разгадала бы его намерения. Ведь уже подозревала, но ей трудно было пробираться сквозь незнакомую архитектуру мозга, читать устаревшие нейроимплантаты, полузабытые протоколы обработки данных.

Нельзя было дать Скади время разобраться толком. Пришлось действовать быстро, зная, что он, наверное, больше не увидит Фелку. Вряд ли останется на свободе или вообще в живых, когда попытка бегства придет к планируемому финалу. К самой трудной, решающей стадии. Как хорошо было бы увидеть Фелку перед бегством.

Конечно, Клавэйн не убедил бы ее удрать вместе. И даже если бы чудом смог, с ней побег оказался бы неосуществимым. Но Клавэйн позволил бы ей узнать и понять его намерения. Она бы не выдала тайны, ни в коем случае. Может, и не согласилась бы, но отговаривать бы уж точно не стала. И когда бы пришла пора навсегда распрощаться, возможно, Фелка ответила бы на вопрос, который он никогда не отваживался задать, — вопрос о далеком прошлом, о гнезде Галианы, о страшной войне на Марсе и его первой встрече с Фелкой. Клавэйн спросил бы Фелку: может, она его дочь?

А теперь придется доживать, не зная ответа. Хотя, если бы и остался, наверное, никогда бы не набрался решимости спросить. Ведь сколько лет прошло, а он так и не задал вопрос. Но теперь впереди лишь изгнание, плен, смерть. И невозможность узнать простую человеческую правду давит на плечи свинцом.

Надо к этому привыкнуть.

Уже приходилось дезертировать, оставлять за плечами былую жизнь. Клавэйн выжил, оправился от потрясения. Теперь он намного старше, но не столь уж немощный, чтобы не выдержать тягот изгнания. Секрет выживания в том, чтобы сосредоточиться на насущном, сиюминутном. Дела обстоят не так уж плохо — ведь жив, и ранения нетяжелые. Возможно, вдогонку уже запустили ракеты-перехватчики, но, скорее всего, недавно, иначе корвет уже засек бы их. Кто-то — вполне возможно, что Ремонтуар, — сумел задержать погоню, дать фору другу. Не слишком большую, но и такая лучше, чем мгновенное превращение в облако ионизированного газа.

Клавэйн невесело улыбнулся — если и прикончат, то, по крайней мере, вдали от дома.

Поскреб в бороде. Из-за перегрузки это потребовало немалых усилий. Двигатели корвета еще выдавали максимальную тягу, создавая ускорение в три *g* — солидная прибавка к весу. Корвет шел ровно, будто притягиваемый массивной звездой. Каждую секунду в реакторе аннигилировала частица антиматерии величиной в бактерию, но пока запасы металлического водорода и антиматерии оставались почти нетронутыми. Корвет может достичь любой точки системы меньше чем за десять дней. Ускориться можно и сильней, но тогда слишком уж возрастет нагрузка на двигатели.

Но главное, у Клавэйна был план.

Ускорители корвета намного превосходили двигатели демархистов, хотя и работали на ином принципе, нежели сочленительские

двигатели для звездолетов. Небольшие, не способные разогнать массу в миллионы тонн до скорости, лишь на доли процента отличающейся от световой, они имели важное тактическое преимущество: практически не излучали нейтрино. А раз Клавэйн отключил активные датчики, засечь корвет могли только по пламени реактивного выхлопа, по вырывающемуся из дюз потоку релятивистских частиц. Но выхлоп был сфокусирован до толщины рапирного лезвия, он рассеивался в стороны очень слабо, и обнаружить его можно было только в узком углу и в непосредственной близости от кормовой части корвета. Конечно, с расстоянием струя выхлопа расширялась — но и слабела, будто свет фонаря с удалением от него. Вдали лишь наблюдатель на оси потока мог зарегистрировать достаточное число фотонов, чтобы зафиксировать положение корабля. В масштабах системы отклонение уже в доли градуса не позволяло определить координаты корвета.

Но изменить угол струи — значит изменить и направление полета. Материнское Гнездо такого не ожидает. Наверняка там полагают: Клавэйн мчится по оптимальной, кратчайшей траектории к Эпсилону Эридана, чтобы направиться затем к Йеллоустону, обращающемуся по близкой к звезде орбите. Туда доберется за двенадцать дней. А куда ему податься еще? До другой звезды корвету не дойти. У него едва хватит ресурсов для полета к кометному облаку. А прочие миры системы пока еще под властью демархистов, пусть и номинальной. Пусть их власть и ослабла, но перепуганные колонисты, страшащиеся демархистов, могут атаковать, несмотря на заверения в дезертирстве и намерении передать важные военные секреты.

Клавэйн это учитывал. Он составил план еще до того, как ткнул пьезоножом в пленку на поверхности кометы. Может, не самый изящный и разумный замысел и с малыми шансами на успех, но ведь на обдумывание оставались считаные минуты. И Клавэйн использовал их наилучшим образом. Даже потом, когда появилась возможность спокойно все обдумать, ничего лучшего не представилось.

Но для его успеха нужна толика доверия.

— Я хочу знать, что со мной случилось! — потребовала Скади.

На нее посмотрели, затем переглянулись. Она ощущала, как лихорадочно скачут их мысли, как напряжена, наэлектризована обстановка — будто перед грозой.

Первый хирург изобразил спокойствие и уверенность. Решительно проговорил:

— Скади, послушайте...

— Я хочу знать, что со мной случилось!

— Главное, вы живы. Были тяжело ранены, но выжили. Но пока нуждаетесь...

Деланое спокойствие подвело врача. Он запнулся.

— Нуждаюсь в чем?

— В нормальном лечении. Но все будет хорошо, уверяю.

Почему-то Скади не могла заглянуть в их головы. У большинства сочленителей такая изоляция вызвала бы крайне неприятные и пугающие ощущения и мысли, но Скади была неплохо подготовлена к подобному. Как-никак она состояла в Узком совете.

— Что не в порядке с моими имплантатами?

— С ними все в порядке.

Скади вспомнила, что главного хирурга зовут Делмар.

— Так почему же я не слышу другие разумы?

Она поняла, каким будет ответ, еще не завершив фразы. Эти люди не хотят, чтобы Скади увидела себя их глазами. Не желают, чтобы узнала в полной мере о случившемся с ней.

— Скади...

— Не трудитесь придумывать объяснения. Почему меня разбудили?

— С вами захотели встретиться.

Она не могла двинуть головой — только глазами. Скосив их, заметила Ремонтуара, приближающегося к ее койке. Он был облачен в белоснежный халат поверх тускло-белой одежды. Голова казалась отсоединенной от тела странно колышущейся сферой. Перед ним расступились длинношеие медицинские роботы. Главный хирург скрестил на груди руки, посмотрел на гостя с крайним неодобрением. Прочие врачи быстро покинули комнату.

Скади глянула на свою кровать, но увидела только расплывчатую белизну, возможно иллюзорную. Рядом слышалось тихое жужжание. Обыкновенная больничная обстановка.

Ремонтуар присел рядом. Спросил:

— Что вы помните?

— Скажите, что со мной произошло, и я расскажу, что помню.

Ремонтуар глянул на хирурга и позволил Скади уловить мысль, посланную Делмару.

— Боюсь, вам придется нас оставить. И забрать с собой ваши машины, поскольку они содержат записывающие устройства.

— Ремонтуар, мы оставим вас на пять минут, не больше. Вам хватит?

— Раз нельзя больше, придется уложиться.

Ремонтуар кивнул и посмотрел, улыбаясь, как хирург покидал комнату, гоня перед собой роботов. Те грациозно изгибали длинные шеи, проходя в дверь.

— Вы уж извините...

— Ремонтуар, всего пять минут!

Скади попыталась шевельнуть головой — безуспешно.

— Ремонтуар, подойдите ближе. Я плохо вижу вас. Врачи не захотели объяснить, что со мной случилось.

— Вы помните комету? С нами был Клавэйн, вы показывали ему строящиеся корабли.

— Помню.

— Клавэйн запустил двигатели, прежде чем мы смогли подняться на борт. Корвет был еще пришвартован.

Скади помнила, что взяла Клавэйна с собой, направляясь к тайной верфи, — но больше ничего в памяти не осталось.

— А он сумел удрать?

— Да, но об этом позже. Клавэйн включил двигатели, не отдавая швартовы. Они оборвались. Вас зацепило лопнувшим тросом.

Скади подозревала с самого пробуждения: с ней произошло что-то по-настоящему скверное. Но что именно, представить не могла.

— Зацепило?

— Ранило. Очень тяжело. Если бы вы не были сочленителем, не имели имплантатов, помогающих справиться с шоком, боюсь, погибли бы — несмотря на все меры, принятые системами скафандра.

— Черт возьми, так покажите мне меня!

— Здесь нет зеркала. Без него — никак. Я не могу преодолеть установленную Делмаром нейроблокаду.

— Тогда расскажите! Ремонтуар, опишите, что со мной!

— Скади, я пришел не для этого... В самом ближайшем времени Делмар погрузит вас в рекуперативную кому. Когда проснетесь опять, будете здоровы. Я пришел спросить о Клавэйне.

Скади подавила желание немедленно выпытать, что же с ней стряслось. Спросила:

— Он еще жив?

— Да. Его пока не сумели остановить.

Несмотря на гнев и отчаяние, дело Клавэйна интересовало Скади едва ли не больше, чем собственное состояние. К тому же одно с другим связано, не так ли? Непонятно, что случилось, но ведь это дело рук Клавэйна. И не важно, намеренно он ранил ее или нет.

В предательстве случайности не бывает.

— Где он?

— Забавно, но никто, похоже, не знает. Его выхлоп засекли — Клавэйн направлялся к центру системы. Мы полагаем, к Йеллоустону и Ржавому Поясу.

— Демархисты же его на части разорвут!

— Да, они питают к нему особые чувства. Но теперь, похоже, он летит в другую сторону. Сменил направление. Куда — непонятно. Выхлоп его двигателей мы потеряли.

— У нас по всей системе мониторы. Наверняка он попал в поле зрения хотя бы одного.

— К сожалению, Клавэйну известно их расположение.

— Ракеты выпущены?

— Да, но ни одна не подобралась на достаточное расстояние, чтобы навестись самостоятельно. Им не хватило топлива, чтобы вернуться в Гнездо. Пришлось взорвать.

Скади почувствовала текущую по подбородку слюну.

— Ремонтуар, зарубите на носу: мы должны его остановить!

— Но если мы и сумеем засечь выхлоп, ракеты уже не догонят цель. И ни один из наших кораблей не догонит.

Скади постаралась обуздать гнев. Заметила уже спокойней:

— У нас есть прототип.

— Даже «Паслен» не настолько быстр — по крайней мере, в масштабах системы.

Скади молчала несколько секунд, прикидывая, какие сведения можно раскрыть, не нарушив тайны. В конце концов, дела Внутреннего святилища необходимо хранить в секрете даже от Узкого совета.

— Ремонтуар, этот корабль достаточно быстр.

Открылась дверь. В нее проскочил робот, за ним показался Делмар. Ремонтуар встал и вытянул руки ладонями вперед.

— Пожалуйста, еще минуту...

— К сожалению, более не вижу возможности оставить вас наедине, — хмуро заявил Делмар.

Скади зашипела. Ремонтуар приблизился, нагнулся так, что их головы разделяло несколько сантиметров, и контакт разумов стал возможным без усиливающей аппаратуры.

— «Паслен» сможет догнать. Порог его ускорения намного выше, чем вы думаете.

— Насколько выше?

— Намного. Увидите сами. Вам достаточно знать, что «Паслен» сумеет взять след корвета и приблизиться на дальность выстрела. Само собой, вы будете со мной на «Паслене». Ведь вы солдат. Знаете оружие гораздо лучше, чем я.

— Быть может, нам бы стоило подумать о способе возвратить его живым?

— Вам не кажется, что время для этого уже прошло?

Ремонтуар промолчал, но Скади поняла: она угодила в самую точку. Вскоре он поймет ее правоту и согласится. Ремонтуар — сочленитель до мозга костей и потому примет любой образ действий, сколь угодно жестокий, если он во благо Материнского Гнезда. В этом разница между Ремонтуаром и Клавэйном.

— Скади...

— Да?

— Если я соглашусь на ваше предложение...

— У вас есть встречное требование?

— Не требование, просьба. Пусть к нам присоединится Фелка.

Скади сощурилась. Хотела уже отказать, но вдруг осознала, что причина отказа, которую она хотела привести, недейственна. Ведь Фелка тоже член Узкого совета, и ее присутствие не скажется на секретности операции.

— Чем же полезно ее участие? — спросила Скади.

— Это зависит от ваших намерений. Если вы отправляете вдогонку расстрельную команду, Фелка, конечно же, без надобности. Но если вы хотите вернуть Клавэйна живым — а живым, полагаю, вы должны его вернуть, — тогда ее полезность переоценить трудно.

Скади понимала, что он прав. Хотя признавать это было неприятно. Клавэйн нужен, чтобы вернуть «адское» оружие. Без Клавэйна операция сильно затруднится. Потому весьма заманчиво привезти его назад в Гнездо и высосать начисто накопленный за многие годы военный опыт. Но захват неизмеримо трудней, чем убийство дальнодействующим оружием. А пока Клавэйн жив, есть вероятность его попадания к демархистам. Те, несомненно, с удовольствием узнают

о новой кораблестроительной программе, о намечающейся эвакуации и тайном страшном оружии.

Не исключено, что после таких известий демархисты воспрянут духом и приобретут новых сторонников, до сих пор сохранявших нейтралитет. Если соберутся с силами и при поддержке ультра и черт знает кого еще предпримут отчаянную атаку на Материнское Гнездо, все может рухнуть.

Нет. Клавэйна следует убить. Здесь и спора быть не может. Вместе с тем нужно создать впечатление открытости для чужого мнения, готовности согласиться. А значит, согласиться с присутствием Фелки.

— Это шантаж?

— Нет, Скади. Разумное предложение. Если кто и может переубедить Клавэйна, так это Фелка.

— Он не послушает ее, даже если...

— Даже если она его дочь? Это вы хотели сказать?

— Ремонтуар, он старик. Причем с маниакальными идеями. Я не хочу нести ответственность за его бредни.

Роботы расступились, позволяя Ремонтуару покинуть комнату. Скади наблюдала, как овал его лица, кажущийся независимым, отделенным от тела, вдруг пропал, будто лопнул воздушный шарик. В ходе разговора казалось иногда: есть щели в нейроблокаде, пути, по вполне понятным причинам не перекрытые Делмаром полностью. Мгновениями, словно при вспышках стробоскопа, открывалась возможность заглянуть в разум Ремонтуара. Наверное, он и не догадывался о подглядывании. А может, Скади лишь вообразила, что подглядывала?

Вообразила или нет, Ремонтуара наполняли ужас и жалость. Что же он увидел в ней?

— Делмар, я хочу знать! — резко произнесла она.

— Скади, это потом, после выздоровления. А сейчас я должен вернуть вас в кому.

— Гад! Покажи сейчас!

Он приблизился. Робот с длинной лебяжьей шеей выглядывал из-за его плеча, хромированные сочленения шеи блестели. Машина крутила головой, рассматривая и оценивая.

— Хорошо. Но не говорите потом, что я вас не предупреждал.

Блокада ушла — будто с лязгом упали тяжелые стальные заслоны. Хлынул поток данных. Скади увидела себя глазами Делмара.

В лежащей на больничной койке без труда опознала себя — голова удивительным образом осталась нетронутой. Но остальное...

Скади передернуло от омерзения, словно при виде древней фотографии в патолого-анатомическом альбоме. И захотелось скорее перелистнуть страницу.

Оборвавшийся трос рассек ее надвое. Полоснул наискось, от левого плеча к правому бедру. Будто скальпелем отрезал ноги и левую руку. Жизнеподдерживающая аппаратура закрыла раны глянцевито-белым панцирем, словно огромным нарывом, наполненным белесым гноем. Под панцирем гудело и жужжало. Откуда выходили трубки, несли жидкости в приземистые белые модули у кровати. Со стороны казалось, будто Скади закована в растущий кристалл белого металла. Он скоро поглотит ее, превратит в химеру, фантасмагорию.

— Делмар...

— Скади, мне очень жаль, но я же предупреждал...

— Вы не понимаете... Это состояние меня не беспокоит. Ничуть. Разве я не сочленитель? У нас все можно починить и вылечить, было бы время. Я уверена, вы сможете вернуть меня в прежнее состояние.

Она сразу ощутила чувство облегчения, затопившее разум врача.

— Да, конечно, со временем я смогу...

— Проблема в этом «со временем». Самое большее через три дня мне надо быть на корабле.

ГЛАВА 13

Торна пришлось силой тащить в офис инквизитора. Скрипнула большая дверь, и вот он внутри, глядит на женщину, стоящую спиной к нему у окна. Выглядела она меньше и моложе, чем он ожидал, — ни дать ни взять девочка-подросток, напялившая взрослую одежду. Обута в начищенные до блеска сапоги. В них заправлены темные брюки. Кожаная однобортная куртка великовата, затянутые в перчатки руки тонут в рукавах, подол до колен. Черные блестящие волосы зачесаны назад, спадают гладко до шеи, а там чуть завиваются, похожие на перевернутые знаки вопроса. Голова чуть повернута,

виден профиль: кожа немного темнее, чем у Торна; тонкий, чуть крючковатый нос над небольшим ртом; губы сурово сжаты.

Она обернулась и сказала стоящему у двери охраннику:

— Вы свободны.

— Мэм...

— Я сказала: вы свободны!

Охранник ушел. Торн стоял, чуть покачиваясь, вздрагивая. Женщина то и дело уплывала из фокуса. Она очень долго смотрела молча. Наконец заговорила, и Торн узнал голос, доносившийся прежде из интеркома в коридоре.

— Вас не слишком сильно избили? Поверьте, мне очень жаль.

— А уж как жаль мне...

— Я всего лишь хочу побеседовать.

— Может, вам стоит получше следить за тем, что случается с вашими гостями?

Говоря, Торн ощутил вкус крови во рту. Вот мерзавцы!

— Не пройдете ли со мной туда? — Она указала на дверь в задней стене, похожую на вход в личный кабинет. — Нам кое-что необходимо обсудить.

— Спасибо, мне и тут удобно.

— Вообще-то, я приказала. Откровенно говоря, Торн, мне на ваше самочувствие трижды плевать.

Он задумался. Сумела ли эта женщина уловить его реакцию? Мгновенное расширение зрачков, выдающее истинный отклик на внезапный вопрос? А может, сейчас в шею уткнулся луч лазерного сенсора, измеряющего соленость кожи? В любом случае характерный отклик от нее не укрылся. По слухам, у инквизиции есть настоящий сканер памяти, тщательно оберегаемый еще с первых дней существования колонии.

— Не знаю, за кого вы меня принимаете, но...

— Да знаете вы! Хватит играть. Идите за мной.

Он прошел в другую комнату — меньше размерами, без окон. Осмотрелся, высматривая ловушку или технику, способную быстро превратить это помещение в пыточную. Но комната выглядела невинно: вдоль стен — сплошь этажерки, распираемые бумагами, на единственной свободной стене — карта Ресургема, усеянная булавками и огоньками. Инквизитор предложила Торну кресло у широкого стола, занимавшего бóльшую часть пространства. Напротив сидела другая женщина, уперев локти в столешницу. С виду старше

инквизитора, но такая же сухая и жилистая. При шляпе, одета в тяжелое серо-бурое пальто с флисовым воротником и манжетами. Обе женщины странно походили на птиц: тонкокостные, но проворные и крепкие. Сидевшая за столом курила.

Торн опустился в предложенное кресло.

— Кофе?

— Спасибо, нет.

Курящая подтолкнула к нему пачку сигарет:

— Закуривайте!

— Спасибо, но и этого не нужно.

Однако пачку Торн взял, повертел в пальцах, рассматривая непривычные рисунки и логотипы. Произведено не в Кювье. Похоже, и не на Ресургеме. Подтолкнул пачку назад, к старшей женщине:

— Я могу идти?

— С чего бы? Мы еще и не начинали.

Инквизитор налила себе кофе, уселась рядом с курящей.

— Начнем со знакомства. Вам известно, кто вы, нам известно, кто вы, но вам вряд ли известно, кто мы. Конечно, некоторое представление обо мне вы имеете... но вряд ли правильное. Мое имя Виллемье. А это моя коллега...

— Ирина, — быстро сказала старшая.

— Да, Ирина. А вы, вне сомнений, Торн. Тот, кто причинил нам в последнее время столько вреда.

— Я не Торн. Правительство даже понятия не имеет, кто такой Торн.

— И откуда вы это знаете?

— Просто читаю газеты.

— И вы правы. Департамент внутренних угроз ничего не знает о Торне. Но это исключительно потому, что я не даю ему выйти на ваш след. Вы представить не можете, чего мне это стоит. Сколько времени, средств и нервов я на это трачу.

Он пожал плечами, стараясь изобразить равнодушие:

— Это ваша проблема, не моя.

— Торн, я на вашу благодарность и не рассчитывала. И это естественно. Поскольку вы пока не видите, так сказать, общей картины.

— Что за общая картина?

— К этому мы вскоре вернемся. А сейчас давайте поговорим о вас. — Виллемье похлопала по толстой папке, лежащей на краю

стола, придвинула ее к Торну. — Пролистайте. Получите удовольствие.

Он взял не сразу. Смотрел на инквизитора, размышляя. Открыл наугад, посередине, просмотрел несколько подшитых документов.

Словно ящик открыл, набитый ядовитыми змеями.

Он увидел хронику своей жизни в мельчайших подробностях, с иллюстрациями и комментариями. Прочитал свое настоящее имя — Ренцо — и детали биографии. Все появления на публике за последние пять лет. Все сколько-нибудь значительные антиправительственные акции, в которых он принял участие, — с аудиозаписями, фотографиями, отчетами информаторов.

— Интересно-то как, — ухмыльнулась старшая женщина.

Торн листал, и мороз шел по коже. В живот будто налили ледяного свинца. За такие дела уже раз десять можно казнить, после образцово-показательных процессов.

— Я не понимаю, — растерянно проговорил он.

Конечно, не хотелось валиться на спину и задирать лапки после стольких лет борьбы. Но что поделать?

— Торн, чего вы не понимаете? — спросила Виллемье.

— Ваш Департамент... ведь он занимается внешними угрозами, не внутренними. Вы отвечаете за поиски триумвира. Я же не... В общем, разве вы должны интересоваться Торном?

— Еще как, — кивнула инквизитор, доливая кофе.

Старшая женщина затянулась, выдохнула клуб дыма:

— Торн, дело в том, что мы с коллегой саботируем работу Департамента внутренних угроз. Стараемся, чтобы вас не поймали. Поэтому нам нужно знать о вас не меньше, чем знает Департамент, а, наоборот, гораздо больше.

Какой странный акцент. Торн попытался вспомнить, где слышал такой, и не смог. Возможно, в молодости?

— А зачем саботировать?

— Дело в том, что вы нужны нам живым.

Старшая улыбнулась — мгновенное движение, быстрое и резкое. Будто обезьянья гримаска.

— Это обнадеживает.

— Сейчас вы захотите узнать причину, — заметила Виллемье, — и я отвечу. Так мы и перейдем к общей картине. Очень прошу, слушайте хорошенько.

— Я весь внимание.

— Этот Департамент инквизиции, предназначенный для противодействия внешним угрозам, вовсе не то, чем кажется. Возня с преследованием военного преступника Илиа Вольевой — не более чем прикрытие настоящей, чрезвычайно секретной деятельности. Кстати, Вольева умерла много лет назад.

Ему показалось, что инквизитор лжет, но странным образом ее ложь куда ближе к правде, чем все известное Торну о Департаменте внешних угроз.

— Так зачем делать вид, что вы разыскиваете ее?

— Затем, что наш поиск тесно с нею связан. Мы хотим добраться до ее корабля. Имя Вольевой — отличное прикрытие для таких поисков, позволяющее не упоминать нашу истинную цель.

Старшая женщина, назвавшая себя Ириной, кивнула.

— В сущности, весь этот Департамент занят кораблем Вольевой, и более ничем. Прочее — лишь маскировка, хотя неимоверно сложная, включающая без малого войну с полудюжиной других департаментов.

— Что же может быть таинственного в поисках корабля?

Женщины переглянулись.

— Я расскажу, — заявила Ирина в тот момент, когда инквизитор уже открыла рот. — Операция засекречена из-за неизбежных волнений в случае огласки.

— Не понимаю.

— Проще говоря, паника будет. — Она махнула сигаретой для вящей убедительности. — Официально, еще со времен Жирардо, правительство всегда заявляло: главная цель — терраформирование. После проблем с Силвестом правительство уцепилось за терраформирование еще крепче. Сделало его центральной идеей, главным своим оправданием. Любой, кто оспаривает, — нелоялен. Враг народа. Уж кому-кому, а вам это втолковывать едва ли нужно.

— И как в эту картину вписывается корабль?

— Как способ бегства. Одно ведомство обнаружило удивительное и весьма пугающее обстоятельство. — Ирина выпустила дымное облачко. — Внешняя угроза и в самом деле есть — но не того рода, какой мы представляли себе изначально. Ее изучение еще продолжается, но вывод однозначен: Ресургем нужно эвакуировать, возможно, в пределах ближайшего года или двух. Самый оптимистичный прогноз — пять лет. И кажется, он чрезмерно оптимистичный.

Ирина пристально посмотрела на Торна — хотела знать, какой эффект произвели ее слова. Возможно, ожидала, что придется повторить их, если он не поймет с первого раза.

— Извините, но эта неуклюжая ложь меня не убеждает. — Он покачал головой.

— Вы не верите? — Женщина, назвавшая себя Ириной, выглядела оскорбленной.

— В это трудно поверить.

— Но вы же всегда хотели покинуть Ресургем! — вмешалась инквизитор. — Всегда утверждали, что колония в опасности!

— Я хочу улететь отсюда. А кто не хочет?

— Слушайте-ка сюда! — сказала Виллемье резко. — Вы герой для множества людей. Большинство их не доверит правительству даже шнурки завязать. А некоторая часть этого множества полагает, что вам известно местонахождение одного-двух шаттлов и вы планируете массовый исход в космос своих единоверцев.

— И что? — Он пожал плечами.

— Конечно, это неправда — шаттлов в вашем распоряжении никогда не было, — но, принимая во внимание обстоятельства, не исключено, что они появятся. — Инквизитор подалась вперед, заговорила с энтузиазмом: — Давайте представим, что некий секретный отдел правительства находит реально существующую угрозу Ресургему. Этот же самый отдел после многих усилий определяет местонахождение корабля Вольевой. Изучение корабля показывает: он поврежден, но готов к полету. Самое важное: он может нести пассажиров. Огромное их количество! Достаточное, чтобы эвакуировать всю планету, — конечно, если разместиться в крайней тесноте.

— Будто ковчег? — спросил Торн.

— Да, — подтвердила инквизитор, явно довольная его ответом. — В точности как Ноев ковчег.

Подруга Виллемье элегантно взмахнула сигаретой, зажатой в длинных тонких пальцах. Ее изящная кисть напомнила Торну птичье крыло.

— Наличие корабля решает лишь половину проблемы. Дело в том, что объявление правительства о корабле будет встречено, мягко говоря, с изрядным скепсисом. И вот тут в игру вступаете вы! — Она ткнула в его сторону сигаретой. — Люди не верят нам, но поверят вам!

Торн качнулся в кресле так, что оно зависло на двух задних ножках. Засмеялся, качая головой. Обе женщины безучастно наблюдали.

— Для этого меня и отлупили внизу? Чтобы легче верилось в подобную чушь?

Виллемье подняла пачку сигарет:

— Они с того корабля.

— Правда? Как мило! Помнится, вы мне сказали, что способов выйти на орбиту нет.

— Их не было. Но теперь они есть. Мы взломали компьютеры корабля и приказали отправить на планету шаттл.

Он насмешливо ухмыльнулся, но подумал, что подобное вполне вероятно. Непросто — но технически осуществимо.

— Собираетесь эвакуировать всю планету одним шаттлом?

— Вообще-то, двумя. — Виллемье закашлялась, затем вытащила вторую папку. — По недавней переписи население Ресургема — чуть меньше двухсот тысяч. Шаттл может доставить на орбиту зараз пятьсот человек. Там они перейдут на корабль, способный вместить вчетверо больше. Значит, придется совершить четыреста полетов на орбиту. Большему кораблю потребуется сотня рейсов к звездолету Вольевой. Тут и кроется главная загвоздка. Каждый рейс туда и обратно занимает как минимум тридцать часов — и это не считая погрузки и разгрузки. Так что спокойнее будет оценить общее время рейса в сорок часов. В результате время эвакуации — шесть стандартных месяцев. Немного времени можно сэкономить, подключив еще один шаттл, но вряд ли выиграем больше месяца. И это притом, что две тысячи будут послушно собираться каждые сорок часов, готовые к перелету...

Виллемье улыбнулась, и он почти против воли улыбнулся в ответ. Что уж тут веселого? Перспектива массовой эвакуации, неразберихи, паники и страданий.

— Полагаю, теперь вы начинаете понимать, для чего понадобились нам.

— А если я откажусь, что сделает правительство?

— Нам останется лишь массовое принуждение, — заверила Ирина спокойно, как о чем-то совершенно нормальном и естественном. — Чрезвычайное положение, концлагеря и прочее в том же духе. Ничего хорошего, словом. Конечно, население взбунтуется. С большой вероятностью прольется много крови.

— Ее в любом случае будет много, — добавила Виллемье. — Массовую эвакуацию целой планеты невозможно организовать без человеческих потерь. Но мы бы хотели свести их число к минимуму.

— С моей помощью? — спросил Торн.

— Да. Если не возражаете, я изложу наш план. — Говоря, она для убедительности после каждой фразы тыкала пальцем в стол. — Прямо сейчас вас отпускаем. Живите, как хотите, а мы приложим все усилия, чтобы Департамент внутренних угроз не вышел на ваш след. Я также гарантирую, что негодяи, избившие вас, понесут наказание... даю слово! А вы распространите информацию о шаттлах. Более того, скажете, что вы выявили непосредственную угрозу Ресургему и нашли средство спасти все население от неминуемой гибели. Ваша организация распустит слухи о скором начале эвакуации и назовет место сбора. Правительство ответит опровержением, попытается дискредитировать, но не слишком убедительно. Люди заподозрят, что вы и в самом деле раскрыли тайну, которую правительство отчаянно хочет сохранить, но уже не способно... Простите, вы еще слушаете?

— Да-да, внимательно! — Он улыбнулся в ответ.

— Отсюда начинается самое интересное. Как только идея укоренится в умах и многие всерьез поверят в нее, правительство арестует вас. Верней, создаст видимость ареста. Но после некоторого промедления оно все же признает: угроза реальна и вы на самом деле получили доступ к кораблю Вольевой. Начиная с этого момента правительство возьмет на себя эвакуацию — на что вы неохотно согласитесь и по требованию народа возглавите ее. Разумеется, ваша роль будет формальной. Властям придется скрипеть зубами и терпеть, а народ не будет спешить с выводом о том, что ему уготовили очередную ловушку. Вы же превратитесь в героя! — Виллемье заглянула ему в глаза, затем быстро отвела взгляд, будто смутившись. — В итоге — общий выигрыш. Планету эвакуируют без особой паники. После вас отпустят и наградят, снимут все обвинения. Ну что, заманчиво звучит?

— Так-то оно так, но в ваших рассуждениях есть пара небольших изъянов.

— Каких же?

— Первая — угроза Ресургему. Вторая — корабль. Вы не сказали, зачем нужно эвакуировать Ресургем. Я хочу знать. Проверить. Как я могу кого-то убедить, если не верю сам?

— Разумное желание. А что с кораблем?

— Вы сказали, что имеете возможность добраться до него. Отлично.

Он посмотрел сперва на старшую женщину, затем на младшую, ощущая нутром: они и порознь смертоносны, а уж если объединятся...

— И что же? — спросила Виллемье.

— Я хочу посетить его и увидеть своими глазами.

В одной световой секунде от Материнского Гнезда произошло странное.

Фелка наблюдала, как уменьшается оставляемая за кормой комета. Так медленно, так сонно, будто древний парусник отплывал от залитого лунным светом острова. Фелка подумала о своей студии в зеленом ядре, о филигранных деревянных головоломках. Вспомнила стену лиц и светящихся мышей в лабиринте. Увидит ли она это снова, вернется ли домой? Даже если вернется, все изменится. Клавэйн погибнет или в лучшем случае попадет в плен. А без его помощи Фелка уйдет в себя, вернется в уютный мир прошлого, когда самым важным в мире была любимая Марсианская Стена. А самым страшным было то, что эта перспектива не ужасала, — напротив, Фелка не могла сдержать радости, предчувствуя такой финал. С живой Галианой было бы по-другому. Даже и без нее, но с Клавэйном... Будь рядом он, умеющий привязать к реальности, к ее давящей безжалостной простоте, все обернулось бы по-другому.

После того как Фелка приставила робота следить за мышами и заперла студию, она отправилась в гробницу — посетить напоследок Галиану. Но дверь отсека, где хранилось замороженное тело, не открылась. Уже не было времени выяснять, в чем причина, — можно было опоздать на «Паслен». Пришлось уйти не попрощавшись, удивляясь возникшему чувству вины.

К чему корить себя? Ведь Галиана ей не мать. Ее объединяет с Фелкой всего лишь толика генетического материала...

Когда Материнское Гнездо стало неразличимым для невооруженного глаза, Фелка вернулась в свою каюту. Спустя час после вылета включилась тяга в один *g*, и на корабле появились «верх» и «низ». Спустя еще два часа, когда Материнское Гнездо осталось в световой секунде за кормой, по интеркому пришло сообщение. Вежливости ради информация доводилась до всех, но предназначалась Фелке —

она одна из всех сочленителей на борту не подключилась к общей нейросети.

Это был приказ срочно пройти в нос корабля. Один из техников повел ее чередой коридоров и шахт к отсеку, расположенному намного выше ее каюты. Фелка отказалась загружать карту «Паслена» в кратковременную память — не желала лишить себя средства разогнать скуку, приятной возможности обследовать корабль самостоятельно. Но и так смогла установить: она находится вблизи острого корабельного носа. Внешние стены сильней искривлены, каюты и отсеки теснее. Вскоре пришла к выводу: на «Паслене» всего дюжина людей, включая ее саму и Ремонтуара, — исключительно члены Узкого совета. Фелка даже не попыталась соединиться с их разумами.

Каюты корабль модифицировал в соответствии с нуждами экипажа. Обычно они представляли собой скудно обставленные глухие чуланы без окон. Однако в каюте Ремонтуара, примыкавшей к внешнему корпусу, был круглый выпуклый иллюминатор. Ремонтуар сидел на пристенной койке — очень спокойный, руки на коленях, пальцы сцеплены — и беседовал с белым роботом-крабом, сидящим под иллюминатором.

— Что случилось? — спросила Фелка. — Зачем меня вытащили из каюты?

— Не могу сказать, — ответил Ремонтуар.

По кораблю разнесся стук и лязг — закрывались многочисленные люки и задвижки.

— Всего лишь мера предосторожности, — заверил краб. — Скоро сможете вернуться в каюту.

Фелка узнала голос, хотя тембр показался странным.

— Скади? Я думала, вы...

— Мне позволили управлять этим роботом, — ответил краб, шевеля крошечными членистыми манипуляторами между передней парой ног.

Держался он на стене, прилепившись подушечками на оконечностях лап. Из-под лоснящейся белой поверхности выступали колючки, стволы, лезвия и острия. Несомненно, это Скади управляла старым боевым роботом, машиной для убийства.

— Решили нас проводить? — спросила Фелка. — Как это любезно.

— Проводить?

— Когда отойдем на несколько световых секунд, дистанционное управление роботом станет не слишком удобным.

— При чем здесь расстояние? Я на корабле, мои каюты лишь уровнем-двумя ниже ваших.

Фелке говорили, что ранения Скади исключительно тяжелы. Доктору Делмару понадобилась целая комната, набитая медицинским оборудованием, чтобы поддерживать жизнь Скади.

— Я не думаю, что...

Краб взмахнул манипулятором: мол, не стоит тратить время на пустую болтовню.

— Извините, я сейчас очень занята. Поговорим позже.

— Неплохо бы, — сказала Фелка. — Нам многое следует обсудить.

— Конечно. Но сейчас мне надо идти — срочные дела.

В стене появилось отверстие, и краб шмыгнул туда, скрылся в корабельных внутренностях. Фелка посмотрела на Ремонтуара:

— Поскольку все здесь — члены Узкого совета, думаю, я могу говорить свободно. Когда вы и Скади были с Клавэйном, у вас заходила речь о «Прологе»?

Ремонтуар ответил очень тихо. Конечно, не было особого смысла шептать — Скади наверняка могла слышать все происходящее на корабле, а также свободно читать содержимое мозга. Но Фелка очень хорошо поняла, почему Ремонтуару захотелось понизить голос.

— Скади не сказала ничего. И солгала насчет того, откуда пришло распоряжение прекратить строительство субсветовиков.

Фелка глянула на стену, приказывая создать что-нибудь пригодное для сидения. Из стены напротив Ремонтуара выдвинулась скамья. Фелка с радостью на нее опустилась. Как хорошо разгрузить ноги! Слишком много времени провела без гравитации в своей студии, и полное *g* корабельного ускорения очень утомляло.

Она глянула в иллюминатор и увидела длинный силуэт двигателя, высвеченный аурой холодного пламени.

— Что же Скади ему рассказала? — спросила Фелка.

— Невнятную байку о том, что Узкий совет собрал и проанализировал сведения о нападениях на звездолеты.

— Вряд ли Клавэйн поверил.

— Само собой. Но она была вынуждена упомянуть «Пролог». Несомненно, хотела, чтобы Клавэйн знал лишь абсолютно необхо-

димый для работы минимум, но целиком уклониться от обсуждения запрета на звездолеты не могла.

— А ведь в центре всего этого именно «Пролог». Думаю, Скади не сомневалась: если дать Клавэйну хоть сколько-нибудь значащую зацепку, он раскопает все, вплоть до Внутреннего святилища.

— Дальше он бы вряд ли продвинулся.

— Кто знает? Не следует его недооценивать. Потому-то Скади и пыталась привлечь Клавэйна в союзники, что у него есть привычка не останавливаться перед мелкими трудностями.

— Но почему просто не сказать ему правду? Если вдуматься, новость о получении Узким советом посланий из будущего не столь уж и шокирующая. Судя по известному мне, содержание этих посланий в лучшем случае обрывочно, вроде туманных бессвязных фантазий.

— Трудно сказать, почему Скади не открыла ему правду. Я участвовала лишь в одном эксперименте, о других практически ничего не знаю.

— А к вашему эксперименту Скади приложила руку?

— Да. Он начался после возвращения из экспедиции, а запрет на строительство субсветовиков был введен намного раньше, еще до того, как Скади присоединилась к сочленителям. Узкий совет занимался «Прологом» и до нее.

Фелка снова посмотрела на белую корабельную стену. Конечно, оба имели полное право, да и вескую причину обсуждать столь важную тему, как «Пролог», ведь он был первопричиной происходящего сейчас. Но все равно Фелка чувствовала себя так, будто вот-вот совершит непростительное, будто стоит на краю чернейшей, мерзейшей измены.

Ремонтуар же продолжал говорить, тихо, но уверенно:

— Когда Скади присоединилась к нам, она очень быстро достигла Узкого совета и приняла участие в «Прологе». Один эксперимент по времени точно совпал с запретом, так что логично предположить недвусмысленное предупреждение об эффекте тау-нейтрино. Но что произошло в других экспериментах? Какая информация поступила в результате них? Новое предупреждение? Или нечто иное?

Он внимательно смотрел на Фелку.

Та уже собиралась ответить, рассказать что-то, но скамейка снизу вдавилась в тело. От резкой перемены веса перехватило дыхание. Фелка ожидала, что давление уменьшится, но легче не стано-

вилось. Похоже, и до того причинявший неудобства телесный вес удвоился.

Ремонтуар повертел головой, прикидывая, что происходит.

— В чем дело?— спросила Фелка. — Похоже, мы ускоряемся?

— Определенно.

Фелка проследила за его взглядом, надеясь обнаружить за иллюминатором изменения. Но, похоже, все осталось прежним. Даже голубой свет за двигателями не казался ярче.

Постепенно она приспособилась к увеличенной тяжести, хотя двигаться было по-прежнему неприятно. Но небольшое предварительное обдумывание и экономия усилий позволяли заниматься обычными делами без помех. Тем более что корабельные роботы всячески старались помочь людям — например, если нужно было встать или сесть. Прочие сочленители, все стройнее и легче Фелки, приспособились с обидной для нее легкостью. Внутренние поверхности корабля в нужные моменты твердели и смягчались, помогая двигаться, избегать травм.

Но спустя час ускорение возросло снова, до двух с половиной *g*. Не в силах более переносить его на ногах, Фелка попросила разрешения вернуться в каюту, но узнала, что в той части корабля пока находиться нельзя. Корабль пришел на помощь — сделал для нее отдельную комнату, выдвинул из стены кушетку. Ремонтуар помог лечь и сообщил, что происходящее ему самому в диковинку.

— Я просто не понимаю, — пожаловалась Фелка, тяжело и хрипло дыша. — Мы ускоряемся все сильней. Как это возможно? Двигатели же рассчитаны на тягу в одно *g*.

Ремонтуар пожал плечами:

— Да, обычные сочленительские двигатели выдают тягу в одно *g* и с нею разгоняют корабль до околосветовой скорости. На большее они не рассчитаны. «Паслен» невелик, но и двигатели у него меньше. На короткое время можно дать тягу и посильней, перегружая их, — но это бы выглядело совсем иначе. Не так, как сейчас.

— И что?

— А то, что мы не можем так ускоряться. Три *g* — это невероятно. Я не видел никаких дополнительных двигателей. Единственный способ достичь такого ускорения — сбросить две трети массы корпуса после ухода из Материнского Гнезда.

Фелка тоже пожала плечами. Усилие далось тяжело. Она не питала никакого интереса к устройству космических кораблей, для нее

они были всего лишь средством перевозки — но логику и связь фактов увидела сразу.

— Значит, эти двигатели могут давать бóльшую тягу, чем вы полагали.

— Сначала и я так подумал.

— И?

— Не могут они давать большую тягу. Вы наружу выглядывали? Голубое сияние видели? Это рассеянный свет нашего выхлопа. При трехкратном увеличении тяги он должен стать ярче, причем намного. А он не становится... Наоборот, ослаб, будто двигатели перешли на пониженную мощность.

— Но это же абсурд!

— Да, сущий. Если только дело не в секретной механике Скади.

ГЛАВА 14

Триумвир Илиа Вольева смотрела в сумрак обширного трюма, где хранились пушки, и думала, не совершает ли она жуткую ошибку. Всегда боялась распрощаться с жизнью в результате какой-нибудь вопиющей глупости.

В шлеме зазвучал голос Хоури:

— Илиа, не стоит ли нам еще немного над этим подумать?

— Спасибо, не стоит.

Илиа снова проверила скафандр, затем считала показатели состояния оружия.

— Илиа, я серьезно.

— Я в твоей серьезности не сомневаюсь. Но и думать больше не хочу. Сколько можно? Еще немного, и могу отказаться. А это, учитывая обстоятельства, еще глупее и опаснее, чем лезть сюда.

— Логично... Но я чувствую: кораблю... то есть Бреннигену не слишком понравится самоуправство.

— Не понравится? — задумчиво спросила Илиа. Конечно, она могла вызвать недовольство капитана, и еще какое. — Но, возможно, именно это и заставит его сотрудничать, — оптимистично заключила она.

— Или прикончить нас. Ты об этом подумала?

— Хоури!

— Да, Илиа?

— Заткнись!

Обе висели в просторном шлюзе, что вел к складу оружия. Несмотря на приличные размеры камеры, женщины с трудом в ней умещались, ведь они прикрепили к скафандрам громоздкие рамы с реактивными микродвигателями, а еще множество приборов и дополнительную броню. В особо важных местах разместили автономных боевых роботов.

— Ладно, раз уж решились — вперед! — примирительно отозвалась Хоури. — Мне это место с самого начала не понравилось. И случившееся с тех пор моего отношения к складу не улучшило.

Они влетели в отсек, толкаемые чередой крошечных импульсов. У «Ностальгии по бесконечности» было пять таких трюмов, колоссальных емкостей, способных вместить целый флот шаттлов или мегатонны груза для какой-нибудь планеты-колонии. Но с того времени, когда субсветовик в последний раз возил колонистов, прошло несколько веков, плавящая чума, переделки и коррозия изменили корабль до неузнаваемости. Очень долго на борту обитало не больше дюжины людей, бродивших по гулким пустым коридорам, словно мародеры по брошенному городу. Но в сущности корабль оставался прежним, даже несмотря на случившееся с капитаном.

Гладкая стена трюма уходила в сумрак, словно бескрайняя ночная равнина. Мглу рассеивали только фонари скафандров. Осветительные приборы в этом отсеке Вольева отремонтировать не сумела. Ими управлял капитан, явно не желавший вмешательства в его дела.

Постепенно стена отошла в сторону, исчезла из виду, и лишь индикаторы в шлемах показывали, куда среди мрака движутся женщины и с какой скоростью.

— Точно в открытом космосе, — пожаловалась Хоури. — Даже трудно поверить, что мы на корабле. Ну, и где же пушки?

— Через пятнадцать секунд подлетим к номеру семнадцать.

Среди темноты обозначились контуры орудий. Их фиксировала на месте сложная система зажимов, кронштейнов и балок, соединенных с тянущимся через весь трюм монорельсом. Его, в свою очередь, держала череда огромных, далеко расходящихся пилонов.

Из сорока похищенных с астероида пушек на складе осталось тридцать три. Одну Вольева и Хоури уничтожили на краю системы —

оружие взбесилось, зараженное частью вирусной программы, которую сама Хоури занесла на корабль. Шесть артсистем остались в космосе после обстрела Цербера. Их, наверное, можно найти и забрать, но где гарантия, что они заработают снова? К тому же, по оценке Вольевой, эти пушки были куда слабее оставшихся.

Женщины затормозили вблизи семнадцатого номера, отключили движки.

— Семнадцатая, — сообщила Вольева. — Жуткая уродина. Но с ней я кое-чего добилась: залезла в самое программное нутро, до синтаксиса отдельных команд.

— Значит, можешь конструировать программы на его языке? Говорить с ним?

— Разве я не это сказала только что?

Пушки не были похожи друг на друга, хотя во всех угадывался одинаковый конструкторский почерк. Орудие номер семнадцать выглядело как помесь проходческого щита девятнадцатого века с турбореактивным мотором: шестидесятиметровый аксиально симметричный цилиндр с выступами впереди: то ли резцы, то ли турбинные лопатки, но, скорее всего, ни то ни другое. Покрывал артсистему тусклый, местами поврежденный слой металла, отливавшего то бронзой, то зеленью в зависимости от угла, под каким падал свет. Из-за стабилизаторов и выступающих радиаторов казалось, что громадину пытались неуклюже разукрасить в стиле ар-деко.

— Если с этой штуковиной можно говорить, то почему бы не приказать, чтобы выползла из корабля и шарахнула по ингибиторам? — поинтересовалась Хоури.

— Надо же, а я и не знала, что все так просто, — криво усмехнулась Вольева. — Правда, есть ма-аленькая загвоздочка: капитан тоже имеет доступ к оружию. И заблокирует любую мою команду — у него-то административный доступ.

— Хм. И кто же тот гений, который додумался передать капитану все права?

— Этот гений перед тобой. В свое время я пыталась управлять всеми орудиями прямо из рубки. Тогда это казалось хорошей идеей.

— Беда с этими хорошими идеями — из-за них потом жутко болит задница.

— Твоя правда. — Голос Илиа стал сухим, деловым. — Ладно, дуй за мной и смотри в оба! Надо проверить блок.

— Приказ ясен!

Женщины полетели через склад, лавируя между креплениями монорельса.

Управляющий блок Вольева приварила к поверхности орудия номер семнадцать. Блок содержал маневровые движки, сканеры и системы управления. Илиа мало продвинулась в установлении контроля над содержимым этого трюма. Самые отзывчивые пушки были использованы у Цербера. В свое время она решила объединить управление всеми орудиями в единый узел, позволив доступ к нему человеку. Конечно, для контроля над всеми орудиями сразу требовались соответствующие мозговые имплантаты. Собственно, то решение и привело к нынешним архисложным проблемам.

— Блок выглядит нормально, — отметила Вольева. — Проверюка я системы, прозондирую...

— То есть разбудишь оружие?

— Да нет, просто шепну пару ласковых слов.

Вольева набрала команды на массивном терминале-браслете, наблюдая за бегущими перед глазами строчками данных.

— Я буду немножко занята, так что тебе стоит держать ухо востро на случай неприятностей. Поняла?

— Поняла. Э-э... Илиа?

— Да?

— Нужно решить насчет Торна.

Вольева не любила, когда ее отвлекают, особенно во время опасной работы.

— А что насчет Торна?

— Ну, ты же слышала: он хочет побывать на борту «Ностальгии».

— Я же сказала «нет». Тут и речи быть не может.

— Тогда мы вряд ли сможем рассчитывать на его помощь.

— А куда он денется? Заставим гада помогать нам!

Хоури вздохнула:

— Илиа, он не машина, в которую можно тыкать железом, пока не заработает. Административного доступа к нему нет. Торн — мыслящее существо, человек со своими страхами и сомнениями. Он очень дорожит своим делом и не станет рисковать, если подумает, что мы лжем или утаиваем важное. По его мнению, если мы говорим правду, нет причин отказывать ему в визите на корабль. Он же знает: способ попасть на корабль у нас есть. Вполне естественно, Торн хочет повидать землю обетованную, куда ему предстоит вести свою паству. И ему нужно знать причину эвакуации Ресургема.

Вольева уже преодолела поверхностный уровень коммуникации с программами оружия и теперь углублялась в ядро операционной системы. Пока все шло нормально, она не спровоцировала на враждебный отклик ни корабль, ни пушки. С другой стороны, самое сложное еще и не началось.

— Ничего естественного я в этом не вижу, — проворчала Илиа.

— Значит, ты вовсе не понимаешь человеческую натуру. Поверь, если он не увидит корабль, работать с нами не станет.

— А если увидит корабль, сделает то же, что и любой разумный человек: убежит подальше.

— Так ведь мы не покажем места, где трансформация зашла далеко, ограничимся нормальными частями, — вполне возможно, он не испугается и согласится помогать.

Вольева вздохнула. Кажется, дело зашло уже слишком далеко. Наверняка Ана уже, как с нею бывает, все обдумала, приняла решение и теперь будет упорствовать до последнего.

— Он все равно может заподозрить неладное.

— Если правильно себя поведем, не заподозрит. Можно замаскировать трансформацию в небольшой части корабля, достаточной, чтобы создать видимость обстоятельной экскурсии. Сделать вид, что мы ничего не скрываем.

— А ингибиторы?

— Рано или поздно про ингибиторов узнают все. Пусть Торн узнает раньше других.

— И что тогда? Он задаст пару вопросов, сделает простые выводы и поймет, с кем имеет дело.

— Илиа, пойми, нам стоит быть пооткровенней с ним.

Вольева разозлилась, и не только потому, что оружие не откликнулось на очередную команду.

— А может, ты пытаешься притащить его сюда, потому что тебе просто этого хочется? Хоури, подумай хорошенько. От твоего ответа зависит наша дружба.

— Сам по себе Торн ничего для меня не значит. Но это наиболее подходящая фигура для наших планов.

Вольева попробовала сформулировать запрос по-другому. Затаив дыхание, ждала — и оружие откликнулось. Из прежнего опыта Илиа знала: пара-тройка неправильных обращений — и пушки наглухо отключатся или отреагируют агрессивно. Но в этот раз получилось. На гладкой поверхности обозначились щели, крышка скользнула

вбок. Открылся проход со стенами, заполненными приборами, светящимися тускло-зеленым.

— Я полезла, — объявила Вольева. — Будь начеку.

Она включила движки, пронеслась вдоль корпуса, затормозила и, толкнув себя точным импульсом, залетела внутрь. Остановилась, упершись ногами в стену. Коридор был достаточно просторным, чтобы громоздкий скафандр со множеством обвесов не цеплялся за стены даже при разворотах.

Не в первый раз Вольева задумалась о том, из какой темной прорвы явилась эта компания монстров. Конечно, пушки созданы людьми, но по разрушительной мощи они далеко превосходят все прочие человеческие изобретения. Века назад, еще до того, как Вольева присоединилась к команде «Ностальгии по бесконечности», был обнаружен тайный склад на безымянном укрепленном астероиде, обращавшемся вокруг безымянной же звезды. Возможно, тщательное исследование и позволило бы установить, кто сделал оружие — или хотя бы владел им прежде. Но не было времени разбираться. Ультра перетащили пушки на борт и удрали, не дожидаясь, когда оглушенные защитные системы астероида придут в себя.

Само собой, Вольева догадывалась, кто мог сделать эти артсистемы. Скорее всего, сочленители. Но разве они бы выпустили такое оружие из рук? И почему не попытались вернуть назад принадлежащее им по праву?

Впрочем, думать об этом — напрасная трата времени. Арсенал уже не один век находится на борту «Ностальгии». Вряд ли кто-нибудь явится за ним.

Она повернулась, рассматривая приборы на стене. Все открыто взору: индикаторы, провода, панели управления, реле, штуковины непонятного предназначения. И уже ощущалось серьезное неудобство. Оружие фокусировало магнитное поле в мозгу, порождая беспричинный страх.

Но Илиа бывала внутри пушек и раньше. И привыкла к их реакции.

Она один за другим снимала модули, подвешенные к раме с реактивными двигателями, и крепила их к стене клейкими подушечками. Из модулей, часть которых сделала сама, вытянула разноцветные провода, соединила с орудийной аппаратурой.

— Илиа, как ты? — спросила Ана.

— Пока неплохо. Ей не нравится, что я здесь, но выкинуть не может, я же дала правильные коды доступа.

— Уже начала страхом давить?

— К сожалению, да...

На мгновение рассудок захлестнула волна животного, совершенно первобытного ужаса — словно ткнули электродом в мозг, будя древнейшие инстинкты.

— Ана, давай поговорим попозже. Хочется поскорей тут управиться.

— Надо решить насчет Торна.

— Хорошо, но только позже, ладно?

— Пусть он побывает на корабле.

— Хоури, сделай одолжение, заткнись! Хватит о Торне, надо работать!

Вольева замолчала, попыталась сосредоточиться. Пока, несмотря на страх, все шло согласно задуманному. До сих пор лишь однажды Илиа внедрялась так глубоко в артсистему, причем в тот раз имела полный доступ и обеспечила своим командам приоритет. Теперь по идее она на том же уровне. Если правильно сформулировать запрос, можно наглухо перекрыть доступ капитану. Конечно, пока такое возможно проделать только с пушкой номер семнадцать. А ведь есть еще тридцать два орудия, причем многие из них абсолютно незнакомые. Но, конечно же, вряд ли нужно применять весь арсенал. Дюжины пушек, наверное, хватит, чтобы расстроить планы ингибиторов.

Но медлить и отвлекаться уже точно не следует...

— Хоури, послушай: план меняется. Незначительно.

— В чем дело?

— Я попытаюсь взять управление семнадцатым номером.

— И это, по-твоему, незначительно?

— Все нормально. Никаких причин беспокоиться.

Спеша закончить до того, как страх сделается невыносимым, Илиа присоединила оставшиеся провода. Замигали огоньки, по экранам побежали буквенно-цифровые данные. Страх обострился. Оружие не хотело, чтобы копались в его внутренностях.

— Не проходит, надо же, — пробормотала Вольева. — А ну-ка, если вот так...

И несколькими краткими командами через браслет запустила сложнейшую сетевую программу. Операционная система орудий работала на обычной для сочленительских систем трехзначной логике, и отлаживать ее программы было чертовски трудно.

Теперь осталось только ждать и надеяться.

Артсистемы произведут многоуровневую, многократную проверку. Программа запустится лишь в том случае, если удовлетворит всем критериям. В случае успеха, то есть выполнив все то, что в ней написано, она удалит капитана из списка авторизованных пользователей. Тогда останется единственный способ управлять пушками — через присоединенный контрольный блок, через оборудование, не связанное с кораблем и распространившимся по нему капитаном.

Очень разумный план. Вольева им гордилась.

Она заподозрила неладное лишь за секунды до того, как сработал люк. Браслет полыхнул красным, Илиа принялась изощренно и красочно ругаться — и тут пушка заперлась. Затем погас свет. Страх же остался и мигом перерос в панику. Наверное, это личный ужас добавился к наведенному машиной.

— Ана, слышишь меня? Слышишь?

В ответ — ничего.

Без предупреждения вокруг зашевелилась аппаратура. Коридор раздался, открыв проход в тускло светящееся машинное чрево, к чудовищным, словно из жидкости вылепленным аппаратам, омытым кроваво-красным сиянием. Холодной голубизной светились закрученные силовые кабели. Казалось, внутренности пушки переделывают себя, меняются.

Затем ужас стал невыносимым. Илиа поняла, что сейчас умрет. Ощутила присутствие некой сущности, медленно и неотвратимо подползающей сквозь меняющееся оборудование.

Вольева кинулась к люку, отчаянно заколотила:

— Хоури!

Илиа никого не видела, но ощущала рядом бесформенную скрюченную тварь. Казалось, вот она, сейчас уловишь краем глаза. Резко повернула голову, но сущность вдруг очутилась напротив слепого пятна, снова невидимая.

В голове взорвалась боль. Илиа завизжала.

Ремонтуар протиснул свое тощее тело в наблюдательную камеру «Паслена», в круглый прозрачный сегмент, выступающий из корпуса, и увидел собственными глазами, что двигатели заглушены. Он сам некоторое время назад отдал нужные нейрокоманды для выключения двигателей и ощутил наступление невесомости. Но захотел убедиться, что приказ выполнен, тяги больше нет. Принимая во внимание произошедшее ранее, не удивился бы, обнаружив прежнее голубое сияние снаружи.

Но не обнаружил. За иллюминатором лишь чернота. Приказ выполнен: двигатели умолкли, субсветовик дрейфует с постоянной скоростью к Эпсилону Эридана. Слишком медленно, чтобы поймать Клавэйна.

— И что теперь? — спокойно спросила Фелка.

Она висела рядом, ухватившись за мягкую петлю, заботливо высунутую кораблем из стены.

— Подождем. Если я прав, Скади сейчас явится.

— Причем злая как черт.

— Само собой. Но я верну тягу, как только она любезно объяснит мне, что же происходит. И ответит на пару вопросов.

Робот-краб прибыл спустя несколько секунд. Протиснулся сквозь дыру размером с кулак в стене.

— Это неприемлемо! Зачем вы...

— За двигатели на корабле отвечаю я, — с готовностью пояснил Ремонтуар, отрепетировавший диалог. — Это чрезвычайно сложная, деликатная и опасная конструкция. Вдобавок новая, экспериментальная модель. Всякое отклонение от запланированного режима работы может привести к катастрофическим последствиям.

Краб замахал манипуляторами:

— Вы прекрасно знаете, что с двигателями все в порядке! Требую запустить их! Каждая секунда промедления работает на Клавэйна.

— В самом деле? — поинтересовалась Фелка.

— Конечно, я в переносном смысле. Если промедлим еще немного, единственным средством перехвата останутся ракеты.

— А что, его всерьез планировалось взять живым?

— Могли мы его взять живым или нет, вы так и не узнаете, если Ремонтуар продолжит... продолжит нарушать субординацию!

— Нарушение субординации? Такое, скорее, можно услышать от демархиста, — усмехнулась Фелка.

— Прекратите немедленно! — Краб развернулся на присосках. — Ремонтуар, запустите двигатели, иначе я сделаю это без вас!

Угроза походила на блеф, но Ремонтуар вполне мог поверить: члену Внутреннего святилища вполне по силам отменить команду. Задача непростая и уж заведомо сложней, чем принудить Ремонтуара сделать это самому.

— Я запущу, как только покажете, на что способна ваша аппаратура.

— Моя аппаратура?

Он наклонился, сдернул со стены краба. Присоски отлепились со смешным звуком, будто лопались пузыри. Ремонтуар поднял его на уровень глаз, осмотрел плотно упакованный набор инструментов и орудий убийства. Ну что ж, Скади, попробуйте, заставьте! Крабьи ножки дергались бессильно и нелепо.

— Вы меня прекрасно поняли. Я хочу знать, что вы научились делать.

Они двигались за крабом по извилистым серым коридорам, по вертикальным шахтам, прочь от корабельного носа — «вниз», к корме. Ремонтуар согласился включить двигатели на малой мощности, и сила тяжести составляла одно с четвертью *g*. Улавливая индивидуальные сигналы, Ремонтуар видел, что команда сосредоточена в самом носу корабля, далеко внизу лишь он сам и Фелка. Где Скади, пока выяснить не удалось, она говорила лишь через краба, а подробная и точная схема корабля, которую привык держать в памяти, летая на других субсветовиках, здесь была урезана и испещрена белыми пятнами, будто отцензурированный секретный документ.

— Эта аппаратура, чем бы она ни была...

— Вы бы вскоре о ней узнали, — перебила Скади, — как и все Материнское Гнездо.

— А у вас откуда сведения о ней? От «Пролога»?

— Он указал путь, только и всего. Никто не давал нам готовых схем и подарков не делал.

Краб засеменил вперед и достиг переборки, загораживающей коридор, — она возникла после включения аномально большой тяги.

— Мы пройдем дальше, в изолированную часть корабля, — предупредила Скади. — Там вы почувствуете себя по-другому. Не сразу, конечно. Эта переборка — граница, за которой люди начинают ощущать неприятные эффекты. Я имею в виду тревогу, испуг. Уверены, что хотите идти дальше?

Ремонтуар глянул на Фелку, та кивнула.

— Скади, ведите нас! — сказал он.

С легким свистом переборка втянулась в стену, открыв пустой холодный коридор. Люди пошли вперед, затем спустились на несколько уровней, используя круглые площадки-лифты.

Ремонтуар прислушался к ощущениям, но пока не обнаружил ничего странного. Вопросительно поднял бровь, взглянул на Фелку,

но та недоуменно покачала головой. Она тоже не ощущала перемен, а ведь была куда чувствительней.

Дальше шли по коридорам, останавливаясь передохнуть. Наконец достигли плоской стены, лишенной каких-либо обозначений — реальных, голографических или энтоптических. Здесь краб остановился, и на уровне человеческой груди в стене появилось отверстие в форме кошачьего зрачка, расширилось, и оттуда хлынул красный свет.

— Мое жилище, — сообщил краб. — Добро пожаловать!

Вслед за ним двое шагнули в большую теплую каюту. Ремонтуар удивленно осмотрелся — он ожидал увидеть нечто совсем иное. Каюта практически пустовала. Всего несколько устройств тут и там, а посреди — небольшая конструкция, напоминающая авангардистскую скульптуру. Помещение наполнял мягкий гул машин, казавшийся вполне обыденным.

Ремонтуар подошел к замеченному первым агрегату, черному яйцевидному контейнеру на тяжелом ржаво-красном пьедестале, с допотопными на вид циферблатами и стрелками. Контейнер казался реликвией самых первых шагов человеческой космонавтики. Ремонтуар наконец узнал его: это аварийная шлюпка демархистского производства, простая и надежная. Корабли сочленителей никогда не несли шлюпок.

Корпус суденышка пестрел предупреждающими надписями на всех распространенных языках: норте, русише и каназиане, — а также яркими значками и диаграммами. На контейнере были крестообразно смонтированы реактивные двигатели, торчали серые бугры датчиков и коммуникационных приборов, у основания были сложены солнечные паруса и атмосферные парашюты.

Дверь держалась на отстреливаемых болтах, имелось крошечное треугольное окошко.

Шлюпка не пустовала. Сквозь стекло виднелась складка розовой плоти, погруженной то ли в амортизирующий гель, то ли в вязкий питательный раствор. Плоть шевелилась медленно и ритмично.

— Скади? — спросил Ремонтуар, вспомнив о ее увечьях.

— Посмотрите внимательнее, — посоветовал краб. — Думаю, вы удивитесь.

В контейнере оказалось скорченное в позе зародыша розовое тело, окутанное проводами и катетерами. Грудь медленно расширялась и почти незаметно опадала — тело дышало.

Это точно не Скади и даже не ее останки. Тело нечеловеческое.

— Что это? — прошептала Фелка.

— Гиперсвинья, — ответил Ремонтуар. — По имени Скорпион. Мы нашли его на корабле демархистов.

Фелка коснулась металлической стенки контейнера. Ремонтуар тоже приложил ладонь, ощутил мерный гул, пульсацию аппаратуры жизнеобеспечения.

— Зачем он здесь? — спросила Фелка.

— Летит навстречу правосудию. Когда приблизимся к центру системы, выбросим шлюпку и позволим Феррисвильской конвенции ее подобрать.

— А потом?

— Его будут судить, признают виновным в многочисленных преступлениях и затем, согласно действующим сейчас законам, убьют. Необратимая нейросмерть.

— Вы говорите таким тоном, будто одобряете.

— Приходится сотрудничать с конвенцией. Она может сильно осложнить наши дела в окрестностях Йеллоустона. В любом случае свинью следовало бы возвратить. Поверьте, для нас было бы гораздо лучше, если бы он просто умер. К сожалению, когда передадим мерзавца конвенции, у него останется небольшой, но реальный шанс выжить.

— В каких преступлениях его обвиняют? — спросила Фелка.

— В военных, — брезгливо ответила Скади.

— Это мне ни о чем не говорит. Как он может быть военным преступником, если не принадлежит к воюющей фракции?

— Все просто. Согласно конвенции, нарушение практически любого закона в зоне боевых действий считается военным преступлением. А у Скорпиона предостаточно эпизодов: убийство, разбой, терроризм, шантаж, кража, вымогательство, экологический саботаж, контрабанда нелегальных разумов альфа-уровня. Если на то пошло, он нарушил все мыслимые законы в пространстве от Города Бездны до Ржавого Пояса. Он и по меркам мирного времени отъявленный преступник. А на войне большинство его злодейств карается необратимой нейросмертью. Он заслужил ее несколько раз, даже если не принимать во внимание, с каким садизмом совершались преступления.

Скорпион безмятежно дышал. Ремонтуар наблюдал за подрагивающим защитным гелем и думал, снятся ли гиперсвиньям сны.

Вряд ли. А если все же снятся, то какие? Седьмая Проба ничего не говорил о снах, но он мало походил на прочих свиней. Он представлял собой раннюю модель, его организм сформировался неудачно, и психику даже с большой натяжкой нельзя было назвать здоровой. Хотя глупцом Седьмая Проба уж точно не был, напротив, отличался редкой хитростью. А еще изобретательностью — в пытках и принуждении. До сих пор на задворках памяти Ремонтуара жили давние ужас и боль, будто звучал нескончаемый, никогда не слабеющий крик.

— И что же особенного в его преступлениях? — спросила Фелка.

— Скорпион любит убивать людей. По сути, возвел это в ранг искусства. Конечно, он не исключение, военным временем пользуется сейчас много уголовной мрази.

Скади-краб прыгнул, ловко приземлился на постамент контейнера и сказал:

— Но эта тварь наслаждается убийствами.

— Мы с Клавэйном протралили его память, — тихо произнес Ремонтуар. — И увидели то, за что надо бы казнить на месте, причем несколько раз.

— Так почему же не казнили?

— Может, мы и сделали бы это при более благоприятных обстоятельствах.

— Задерживаться ради свиньи не станем, — заверила Скади. — Твари повезло с дезертирством Клавэйна. Иначе бы мы запихнули труп Скорпиона в дальнобойную ракету и отправили к демархистам. Эта возможность рассматривалась всерьез. Имеем полное право так поступить.

— Я думал, это вы в шлюпке, — сказал Ремонтуар, отходя.

— Надеюсь, испытали облегчение, убедившись, что не я?

Голос заставил вздрогнуть — он исходил не от краба. Ремонтуар осмотрелся и наконец обратил внимание на конструкцию-скульптуру посреди каюты: серебристый цилиндрический пьедестал, поддерживающий человеческую голову.

Пьедестал достигал середины шеи, плотно охватывал ее черной манжетой. Он был чуть шире головы, но расширялся к основанию, где имелись многочисленные гнезда и клапаны. Время от времени побулькивал, пощелкивал — работала медицинская аппаратура, поддерживая жизнь в отделенной голове.

Голова чуть повернулась на оси, заговорила, помещая мысли в чужие разумы:

— Да, это я. Рада, что вы последовали за моим роботом. Теперь мы в радиусе действия приборов, обеспечивающих работу двигателей. У вас есть неприятные ощущения?

— Разве что легкая дурнота, — ответил Ремонтуар.

Фелка подступила к пьедесталу:

— Вы не против, если я потрогаю?

— Пожалуйста.

Ремонтуар наблюдал, ужасаясь и восхищаясь заботливой, безжалостной точностью, с какой пальцы Фелки касались лица.

— Скади, это в самом деле вы? — спросил он.

— Кажется, вы немало удивлены. Отчего же? Мое состояние вас шокирует? Уверяю, мне приходилось и куда хуже. В таком жалком виде я лишь временно.

Но за ее внешне спокойными мыслями ощущались безграничный страх и отвращение, заполонившие рассудок, затмившие всякое чувство. Интересно, она сознательно позволяет ощутить, каково ей, или психические барьеры уже не выдерживают?

— Зачем Делмар с вами такое сделал?

— Затем, что его попросила я. Лечение заняло бы слишком много времени, а оборудование у Делмара слишком громоздкое, чтобы переносить его на корабль. Потому я предложила отделить мою голову, оставшуюся целиком невредимой. — Скади глянула вниз. — Аппаратура жизнеобеспечения проста, надежна и компактна. Есть проблемы с поддержанием химического состава крови, ведь нормально функционирующее тело вырабатывает гормоны и тому подобное. Но это почти не причиняет неудобств, за исключением легкой эмоциональной нестабильности.

— А что с вашим телом? — спросила Фелка, отступив на шаг.

— Когда вернусь в Материнское Гнездо, Делмар даст мне новое, клонированное. Присоединение головы трудностей не вызовет, тем более что отделение происходило под контролем врачей.

— А, вот в чем дело. Если я правильно понимаю случившееся, вы пока еще прикованы к аппаратуре.

— Нет. Даже сейчас я могу быть чрезвычайно подвижной.

Голова резко повернулась на двести семьдесят градусов, что выглядело довольно-таки жутко. Из угла выступила машина, которую

Ремонтуар сперва посчитал сервороботом общего назначения — таких можно увидеть практически в любом доме. Двуногий, человекоподобный, понурый с виду — и без головы. Между плечами круглое отверстие.

— Пожалуйста, перенесите меня к нему. Робот может и сам присоединить меня, но он так медлителен.

— Перенести вас? — удивился Ремонтуар.

— Возьмитесь за колонну прямо под манжетой.

Он обхватил серебряный пьедестал, потянул. Тихо щелкнуло, и верхняя часть оказалась на весу, и была она куда тяжелее, чем он представлял. В открывшемся отверстии шевелился и дергался, будто скопище живых угрей, пучок мокрых трубок.

— А теперь поднесите меня, только осторожно, к роботу.

Ремонтуар исполнил просьбу. Пару раз мелькнула мысль уронить, хотя, если рассуждать здраво, вряд ли падение повредило бы Скади — наверняка пол смягчил бы удар. Ремонтуар постарался получше изолировать подобные мысли.

— Теперь опустите меня на торс робота. Контакт установится сам. Только осторожнее... прошу, аккуратней!

Ремонтуар опустил серебряный столб в отверстие, ощутил, как тот уперся в преграду.

— Готово?

— Да! — Зрачки Скади расширились, бледная кожа порозовела. — Так, связь есть... А теперь проверим контроль моторики...

Рука робота судорожно дернулась, сжался и разжался кулак. Поднялась, растопырила пальцы — и Скади с неподдельным интересом уставилась на механическое сочленение в глянцево-черных и хромовых тонах. Робот был сделан не без вычурности и смотрелся живописно, будто ожившие средневековые доспехи: соединенные мощь и красота.

— Кажется, вы неплохо к нему приспособились.

Робот осторожно шагнул вперед, держа руки перед собой:

— Да. К нему я приспособилась быстрей, чем к прочему. Даже хочется попросить Делмара, чтобы не беспокоился.

— Насчет чего? — спросила Фелка.

— Насчет восстановления моего прежнего тела. Я предпочитаю это. Шутка.

— Я поняла, — смущенно произнесла Фелка.

— Между прочим, вам на руку то, что со мной случилось. Мне теперь хочется взять Клавэйна живым.

— Почему?

— Пусть увидит, что сделал со мной. — Новое тело Скади развернулось, скрипнув металлом. — А теперь, полагаю, вы хотели бы увидеть кое-что еще. Продолжим нашу экскурсию?

Доспехи вывели Фелку и Ремонтуара из каюты.

ГЛАВА 15

Слово вспыхнуло в мозгу, будто выжженное клеймом для скота.

— Илиа?!

Говорить она не могла, но сумела подумать, оформить мысль.

— Да, я Илиа. Откуда ты знаешь мое имя?

— Ты заинтересовалась мной, а я заинтересовался тобой. Ты узнавала меня, я — тебя. Как же иначе?

Она попыталась снова ударить в дверь, запершую ее внутри орудия, но не смогла. Тело было парализовано, хотя дыхание не прекратилось. И по-прежнему казалось, что бесформенная тварь стоит за спиной, заглядывает через плечо.

— Кто ты? — наивно спросила она, испытывая странное, извращенное наслаждение от беспомощности.

— Конечно же машинный разум. Субличность, управляющая орудием номер семнадцать. Можешь звать меня Семнадцатым. Вряд ли мне бы подошло другое имя.

— Ты говоришь на русише?

— Я знаю, какие естественные языки ты предпочитаешь. Русиш нетруден для меня. Старый язык. Он почти не изменился со времени нашего изготовления.

— Но почему ты заговорил сейчас, не раньше?

— Раньше ты не пыталась проникнуть так глубоко.

— Разве? Мне казалось...

— Возможно. Но при подобных обстоятельствах — ни разу. Ты прежде не испытывала такого страха, пытаясь вступить в контакт. Почему ты сейчас сильнее, чем раньше, желаешь нас использовать?

Хотя паралич не прекратился, когти ужаса чуть разжались. Значит, грозная сущность — всего лишь компьютерная программа. Илиа, не подозревая о том, спровоцировала активацию неизвестного ранее контрольного механизма. Тварь кажется чрезвычайно опасной, но это, несомненно, просто следующий шажок в обычной для оружия предохранительной тактике, прием запугивания незваных гостей.

Интересно, как пушка может общаться? Ведь у Илиа нет мозговых имплантатов — но оружие формирует мысли в ее голове. Такое возможно, если все помещение работает как огромный инверсный сканер мозга, стимулируя нужные зоны интенсивными магнитными полями. Если уж машина способна породить отчаянный страх и делает это с такой изощренностью, для нее нетрудно сгенерировать сигналы в слуховом нерве, а может, и прямо в зоне, отвечающей за их обработку, и даже заранее предугадать нейронные паттерны, которые обусловливают намерение заговорить.

— Настало время отчаянных мер.

— Да, похоже.

— Кто вас сделал?

Семнадцатый ответил не сразу. На мгновение ужас пропал, сковавшие мозг кандалы растворились, сменились покоем — словно вдох между криками боли.

— Мы не знаем.

— Почему?

— Они не хотели, чтобы мы знали.

Вольева формулировала мысли с тщательностью и осторожностью человека, кладущего хрупкие тяжелые украшения на хлипкую полочку:

— Я полагаю, вас сделали сочленители. Ничто из ранее известного мне и услышанного сейчас от тебя этому не противоречит.

— Но ведь сейчас не важно, кто нас сделал. Или важно?

— Наверное, нет. Я спрашивала из чистого любопытства. Важно лишь то, что вы можете сделать для меня.

Орудие коснулось зоны мозга, ответственной за восприятие смеха.

— Сделать для тебя? Илиа, с чего ты взяла, что мы будем служить тебе?

— Вы уже делали то, о чем я просила. Не именно ты, Семнадцатый, лично к тебе я никогда не обращалась. Но когда другие единицы мне подчинялись.

— Илиа, мы не подчинялись.

— В самом деле?

— Конечно. Мы соглашались делать то, что нам нравилось. Это могло походить на выполнение приказов — но лишь внешне.

— Пустые слова.

— Нет, Илиа. Создатели дали нам немалую свободу воли. И думаю, на то была причина. Возможно, мы должны были оперировать самостоятельно или выбирать оптимальный вариант действий, получив обрывочные, искаженные приказы. Ведь мы, похоже, создавались как оружие апокалипсиса, последнее средство в критической ситуации. Вестники Судного дня.

— Вы и сейчас такие.

— Илиа, разве настал Судный день?

— Наверняка сказать не могу. Но сильно подозреваю, что он близок.

— Я понял... все мы поняли, что ты, придя к нам, была напугана. И чего же ты хочешь от нас?

— Есть проблема, с которой мне без вас не справиться.

— Местная проблема?

— Да, она локализована в этой звездной системе. Я хочу, чтобы вы вышли наружу, заняли позиции... и помогли мне.

— А если откажемся?

— Но ведь я так долго заботилась о вас, берегла, ухаживала. Уверена, вы не ответите черной неблагодарностью!

Оружие молчало, время от времени игриво касаясь разума Илиа. Та поняла, как чувствует себя пойманная мышь в когтях у развлекающейся кошки. Та не ранит, дает побегать — но в любой момент готова переломить несчастному грызуну хребет.

Вдруг паралич прошел — так же внезапно, как и возник. Оружие еще не отпускало, но контроль над мышцами вернулся.

— Может, мы и не откажемся. Но к чему недомолвки? Мы оба знаем: есть кое-что, способное нам помешать.

— Все препятствия можно обойти!

— Илиа, нам очень трудно что-либо предпринять без согласия третьего лица. Даже если мы очень захотим.

— Третье лицо?

— Сущность, способная... в известной мере конечно, нами управлять.

Илиа запнулась, лихорадочно соображая, но затем догадалась. Конечно, речь идет о Джоне Бреннигене!

— Вы имеете в виду капитана?

— Мы не настолько автономны, чтобы действовать без его согласия — сколь бы ловко ты ни пыталась убедить нас.

— Надо договориться с капитаном. Я уверена, рано или поздно он согласится.

— Илиа, ты всегда была такой оптимисткой...

— Вовсе нет. Просто я верю в капитана.

— Надеемся, твоя убедительность окажется на высоте.

— Я тоже надеюсь.

Вольева охнула, будто ее внезапно ударили под дых.

Страх ушел. Исчезло и жуткое ощущение чужого присутствия за спиной. Внезапно испарился давящий на мозг кошмар. Илиа снова висела в полном одиночестве, еще запертая во чреве машины, но свободная от страха.

Она постаралась успокоиться, трезво поразмыслить о случившемся. Столько лет работала с пушками и ни разу не заподозрила о существовании охранных программ, а уж тем более субличностей, машинных интеллектов, как минимум, гамма-уровня, а может быть, даже бета.

Оружие напугало до полусмерти. Несомненно, оно и намеревалось произвести такой эффект.

Рядом зашевелилось, засветилось. Панель в стене — не та, что пропустила Илиа внутрь, — сдвинулась на дюйм. Оттуда хлынул яркий синий свет. Присмотревшись, она различила скафандр.

— Хоури?

— Слава богу, ты жива! Что случилось?

— Скажем так: мои попытки перепрограммировать оружие оказались не вполне успешными. Думаю, больше тут говорить не о чем.

Обсуждать свои ошибки Илиа любила еще меньше, чем совершать их.

— Ты что, не ту команду дала?

— Команда была правильной, но не для той конструкции, в которую я вошла.

— Но ведь это и значит: неправильная команда.

Вольева развернулась так, чтобы тело ориентировалось параллельно открывшейся щели, сверху вниз.

— Тут дело сложнее, чем просто ошибка в команде. Кстати, как ты сдвинула панель?

— Путем применения грубой силы. Не ладятся у меня сложные дела.

Хоури нашла крошечную щель в корпусе оружия, вставила лом из аварийного набора и отодвинула панель.

— И долго ты применяла грубую силу?

— С той минуты, когда тебя заперло внутри. Но получилось только сейчас.

Вольева кивнула своей мысли: если бы пушка не решила отпустить незваную гостью, лом уж точно бы не помог.

— Хоури, отличная работа! Как думаешь, сколько понадобится времени, чтобы вытащить меня отсюда?

Ана сменила положение, по-новому закрепилась на корпусе пушки.

— И глазом моргнуть не успеешь. Но пока я вожусь, может, поговорим насчет Торна?

— Хоури, послушай: Торн совершенно не склонен принимать наши слова на веру. Если покажем корабль, если дадим хоть малейшую возможность понять, кто мы, он это сделает. Тогда поминай как звали. А вместе с ним исчезнет и единственная возможность эвакуировать население планеты без применения драконовских мер.

— Доверия не прибавится, если без конца выдумывать причины не пускать его на борт.

— Мне и непридуманные причины кажутся вполне убедительными.

Вольева немного подождала, но ответа не услышала. Присмотрелась: а ведь в щели не видать Аны! И синий свет фонаря пропал. Лом торчит, не шевелится.

— Хоури? — позвала, встревожившись, Вольева.

— Илиа! — донесся прерывистый голос. — Кажется, у нас небольшая проблема...

— Мать твою!

Илиа потянула лом на себя, уперлась и отодвинула панель на ширину шлема. Выглянула наружу и в мерцающем свете увидела: Хоури летит кувыркаясь в темноту, инструменты же и внешняя рама, почему-то отсоединенные, летят совсем в другую сторону. А на корпусе пушки сидит, будто изготовившись к прыжку, тяжелый

строительный робот. Должно быть, этой похожей на богомола жутковатой машиной управляет сам капитан.

— А ну, прекрати! — завопила Вольева. — Это я залезла в пушку, не она!

Хоури находилась уже на полпути к дальней стене. Не слишком быстро летит — наверное, метра три-четыре в секунду. Но скафандр не сильно смягчит удар на такой скорости. Если Ана врежется неудачно...

Вольева отчаянно схватилась за лом. Скрипя зубами, двигала, толкала дюйм за дюймом. Поняла —не успеет. Ана ударится о стену задолго до того, как Илиа сумеет выбраться из Семнадцатого.

— Капитан, ты меня на этот раз достал! По-настоящему!

Она надавила сильней. Лом вырвался из рук, брякнул по шлему и сгинул в темноте. Илиа зашипела от злости — на поиски инструмента нет времени. Если сбросить внешнюю раму, можно протиснуться. Сама, конечно, без проблем доберется до шлюза, но Хоури уж точно не спасет.

— Зараза! — воскликнула в отчаянии. — Гадина! Сука!

Панель внезапно отъехала целиком.

Вольева выскочила наружу, оттолкнулась, оставив робота за спиной. Раздумывать о случившемся времени не было. Само собой, открыть проход могли только капитан или Семнадцатый.

Она приказала отразить на визоре дисплей радара. Покрутилась, пока не запеленговала Хоури. Та летела вдоль стены, мимо длинного ряда пушек. Судя по траектории, она уже столкнулась с монорельсом, идущим сквозь весь трюм.

— Хоури, ты жива еще?

— Да, пока в порядке... — Но в голосе звучала боль. — Остановиться не могу...

— И не пытайся. Я лечу!

Илиа запустила движки, понеслась между громадами орудий, за много лет нисколько не понятыми ею. Отраженный сигнал стал детальней, позволил различить контуры скафандра. Хоури, кувыркаясь, летела к задней стене, уже опасно близкой. Вольева определила свою скорость относительно стены: шесть метров в секунду. У Аны приблизительно такая же.

Илиа усилила тягу. Десять, двенадцать метров в секунду...

Вот Хоури кувыркается в пустоте, серая, похожая на увечную куклу. Нелепо взмахивает рукой.

Уже ближе, ближе...

Вольева включила торможение. Ощутила, как дрожит, скрипит рама, не приспособленная равномерно распределять такие нагрузки. Осталось пятьдесят метров, сорок...

Скверно это выглядит: человеческая рука не должна гнуться под таким углом.

— Илиа... стена приближается чертовски быстро...

— Я тоже. Держись. Мы можем слегка, — они грохнулись друг о друга, — столкнуться...

К счастью, удар не слишком изменил траекторию Хоури. Илиа ухватила ее за здоровую руку и продержала ровно столько, сколько было нужно, чтобы прикрепить к поясу репшнур. Затем выпустила. Стена выплыла из темноты, до нее оставалось метров пятьдесят.

Триумвир резко затормозила, не обращая внимания на протесты защитных систем скафандра. Репшнур распрямился на всю длину, напрягся, но замедление уже чувствовалось, стена не летела навстречу с прежней угрожающей быстротой.

— Что с тобой? — спросила Вольева.

— Вроде сломала кость-другую. А как ты выбралась из пушки? Там же была только щелка, когда робот меня швырнул.

— Я ее расширила немного, но потом, кажется, мне помогли.

— Капитан?

— Возможно. Но значит ли это, что он целиком на нашей стороне?

Вольева замолчала, сосредоточившись на повороте, сохраняя натяжение репшнура. На картинке радара, наложенной на поле зрения, виднелись зеленые грозные силуэты всех тридцати трех орудий. Илиа проложила курс между ними к шлюзу.

— Но я пока не понимаю, почему он напустил на тебя робота. Может, хотел не убить, а предупредить? Ведь правда мог прикончить нас давным-давно. Наверное, он не против нашего присутствия, хотя мы его изрядно раздражаем.

— Столько всяких «возможно» и «наверное»...

— Да, капитан — сплошная загадка. А потому, мне думается, на его помощь рассчитывать не стоит.

— В самом деле?

— Но мы можем обратиться к кое-кому другому. К Силвесту.

— О нет...

— А что так? Ты же встречалась с ним внутри Гадеса.

— Илиа, чтобы попасть туда, мне пришлось сдохнуть. Повторять не хочется, честное слово!

— У Силвеста есть доступ к хранилищу знаний амарантийцев. Возможно, он подскажет, как нам реагировать на угрозу или, по крайней мере, сколько у нас осталось времени. Его помощь может оказаться исключительно важной.

— Да ни за что!

— Но ты же не помнишь своей смерти. Сейчас ты жива, никаких вредных последствий.

— Вот сама и лети, раз тебе это кажется таким простым... — Голос был слабым и невнятным, словно Хоури боролась с подступающим сном.

Илиа вовремя — еще секунда, и было бы поздно — заметила бледный прямоугольник входа в шлюз. Она медленно подлетела, подтянув Хоури и поместив перед собой. Впихнула ее в люк первой. Та уже лишилась сознания.

Вольева протиснулась в шлюзовую камеру, закрыла люк, выждала, пока воздушное давление достигнет девяти десятых от нормы, сорвала шлем. Тотчас заложило уши. Илиа отбросила со лба мокрые от пота волосы. Судя по наружному дисплею, Хоури была жива и срочной медицинской помощи не требовала. Нужно всего лишь перетащить ее туда, где можно как следует обработать раны.

Раскрылась апертура внутренней двери. Илиа устремилась к ней, надеясь, что хватит сил протащить за собой облаченную в скафандр Ану.

— Подожди!

Спокойный голос показался знакомым. Триумвир не слышала его уже очень давно. Он напомнил о лютой стуже, об уровне, на который члены экипажа старались не заходить. Он словно исходил из пустоты за стеной. Он раскатывался гулким эхом.

— Капитан? — робко спросила Вольева.

— Да, Илиа, это я. Теперь я готов к разговору.

Скади вела Ремонтуара и Фелку вниз по извилистым коридорам в царство секретной машинерии. Ремонтуара била лихорадочная дрожь, накатывало головокружение. Сперва он думал, что разыгралось воображение, но потом заколотилось сердце, ускорился пульс. С каждым новым уровнем ощущения ухудшались, будто он медленно погружался в облако невидимого психотропного газа.

— Что-то странное происходит, — сформулировал он мысль.

Голова развернулась, уставилась, а черные доспехи продолжали шагать в том же темпе.

— Да. Мы зашли далеко в зону действия поля. Опускаться глубже без медицинской помощи опасно. Физиологические эффекты поля весьма неприятны. Метров через десять мы остановимся.

— Почему такие ощущения?

— Трудно сказать, отчего тело реагирует именно так. В общем, мы сейчас находимся под воздействием поля, меняющего свойства материи, в том числе и телесной. Поле подавляет инерцию. Ремонтуар, что вы знаете об инерции?

— То же, что и все, — осторожно ответил он. — У меня не было причин изучать ее углубленно. Инерция — объективный феномен, факт жизни. Непреложная реальность.

— Я тоже так думала до недавнего времени. Теперь знаю: непреложной реальностью ей быть не обязательно.

— Вы научились ее отключать?

— Не совсем. Но устранять ее худшие эффекты умеем.

Голова теперь смотрела назад. Скади снисходительно улыбнулась, по гребню побежали опаловые, темно-розовые волны. Должно быть, она размышляла, как объяснить суть очевидного ей эффекта человеку, чей разум был всего лишь гениален.

— Ремонтуар, инерция таит в себе больше загадок, чем вы можете вообразить.

— Не сомневаюсь.

— Она кажется простой, но эта простота обманчива. Мы ощущаем ее с рождения, каждый момент нашей жизни. Толкни камешек — он передвинется. Толкни огромный валун — он если и переместится, то совсем чуть-чуть. А когда такой валун несется навстречу, остановить его очень непросто. Материя ленива, она противится переменам, норовит сохранить состояние, в котором пребывает, будь то движение или покой. Мы называем леность материи инерцией, но это не значит, что понимаем суть. Тысячу лет мы наблюдали инерцию, измеряли, описывали уравнениями, но в понимании не продвинулись ни на йоту.

— А сейчас?

— Мы заглянули в суть. Недавно в Материнском Гнезде научились уверенно контролировать инерцию на макроуровне.

— И в этом вам помог «Пролог»? — спросила Фелка вслух.

Скади ответила мысленно, не желая переходить к излюбленному способу общения Фелки:

— Я уже говорила: проект задал лишь общее направление. Достаточно было узнать, что приемы подавления инерции существуют и мы способны их освоить. Тем не менее работа над прототипом заняла десять лет.

Ремонтуар кивнул. Повода сомневаться в словах Скади не было.

— Построили с нуля?

— Нет, у нас был задел.

— И какой же?

Гребень Скади запульсировал фиолетовыми, бирюзовыми оттенками.

— Другая фракция проводила аналогичные исследования. Материнское Гнездо сумело добыть результаты основных разработок. Вместе с подсказками «Пролога» они помогли нам построить прототип.

Ремонтуар вспомнил, что Скади участвовала в секретной операции, когда в Городе Бездны погибло много агентов фракции сочленителей. Операцию, несомненно, санкционировало Внутреннее святилище, обычные члены Узкого совета о ней не знали почти ничего.

— Скади, вы помогали добыть эти результаты? Я слышал, вам едва удалось унести оттуда ноги.

— Потери оказались чрезвычайно высоки, но мы добились успеха.

— А что задержало работу над прототипом на десять лет?

— К сожалению, контроль на микроскопическом уровне, пусть и чрезвычайно важный для фундаментальной науки, имел весьма небольшую практическую ценность. Но в последнее время мы шли от открытия к открытию и научились подавлять инерцию на обычном уровне. Этого достаточно, чтобы эффект отразился на динамике корабля.

— Ничего не скажешь, амбициозная затея, — произнес Ремонтуар, глянув на Фелку, а затем на Скади.

— Амбициозность — это то, что отличает нас от других людей.

— А другая фракция... у которой вы позаимствовали технологию? Почему она не добилась такого же результата?

У Ремонтуара создалось впечатление, что Скади формулирует мысли с чрезвычайной тщательностью, не желая сказать лишнего.

— Все предыдущие попытки обуздать инерцию были обречены на провал. К проблеме подходили не с той стороны. Инерция — свойство не материи, но вакуума, в который материя погружена. Сама по себе материя инерцией не обладает.

— То есть вакуум порождает инерцию?

— Не вакуум в привычном нам смысле, а то, что он представляет собой на квантовом уровне: кипящее море флуктуаций с непрерывно возникающими и исчезающими частицами и квантами — словно отблески солнца на волнах. Именно волнение, неспокойность вакуумного «моря» и рождает инерцию. И чтобы управиться с нею, нужно изменить свойства квантового вакуума, найти способ увеличивать или уменьшать энергию нулевых флуктуаций электромагнитного поля. То есть успокоить море в локальном объеме.

Ремонтуар присел на корточки:

— Если вы не против, дальше я не пойду.

— Мне тоже худо, — сообщила Фелка, опускаясь рядом. — Тошнит, и голова кружится.

Робот неуклюже развернулся:

— Вы ощущаете физиологические эффекты поля. Ваша инертная масса упала до половины прежнего значения. Внутреннее ухо дезориентировано уменьшением веса перилимфы. Сердце бьется чаще — оно приспособлено выбрасывать наполняющую его кровь с силой, определяемой инерцией этого объема. Инерция уменьшилась вдвое, и сердечные мышцы реагируют быстрее на импульсы от нервов. Если подойти ближе к генератору поля, начнется фибрилляция. Без медицинской помощи вы погибнете.

— К счастью, вам это не грозит. — Ремонтуар улыбнулся бронированному роботу.

— Поверьте, мои ощущения тоже будут очень неприятными.

— Так что же делает машина? Сводит всю инерцию внутри определенной области к нулю?

— В текущем режиме работы — нет. Радиус поля и эффективность подавления зависят от режима. Пока мы в области квадратичного затухания поля. Иными словами, если мы вдвое ближе, подавление вчетверо сильней. Подавление резко возрастает в ближайшей окрестности генератора, но до нуля не падает.

— А в других режимах?

— Мы их называем состояниями. Они возможны, но гораздо нестабильней этого. — Скади запнулась, внимательно посмотрела на Ремонтуара. — Вам плохо? Может, лучше вернуться?

— Пока терпимо. Расскажите еще о своем сокровище.

Скади улыбнулась — как обычно, высокомерно и сухо, но Ремонтуар без труда увидел: она гордится делом рук своих.

— Первое крупное открытие мы совершили, продвигаясь в абсолютно ином направлении. Создали область усиленных флуктуаций, увеличили инерцию. Назвали это «состоянием номер один». В области поля всякое движение прекращалось, инерция доминировала. Правда, увеличить ее до макроскопических размеров мы не смогли — «состояние номер один» оказалось нестабильным. Но при том открылось много перспективных направлений для исследования. Если сумеем затормозить всякое движение, увеличив инерцию на много порядков, получим идеальную ловушку, область стазиса — или непроницаемый силовой барьер. Однако создать «состояние номер два», квадратично затухающее поле подавляемой инерции, оказалось технически проще. Тогда-то все детали головоломки легли на должные места.

— Не сомневаюсь, — буркнул Ремонтуар.

— Существует и «состояние номер три»? — спросила Фелка.

— Это предсказанная вычислениями сингулярность. Думаю, физически она нереализуема. Вся материя в области поля превращается в кванты поля, в фотоны. Рождается пузырь, заполненный чистым светом. Но такое едва ли возможно, поскольку предполагает сильное локальное нарушение закона сохранения квантового углового момента.

— А за ним, по другую сторону сингулярности? Существует ли «состояние номер четыре»?

— Думаю, не стоит забегать вперед. Пока мы исследовали свойства в определенном, имеющем ясный смысл пространстве параметров. Что дальше — сказать трудно, и вряд ли стоит строить гипотезы. Пока почвы для них слишком мало.

— И насколько надежна новая технология?

— «Паслен» пока единственный корабль, где она применена. В первом его вылете я опробовала подавление инерции. Уменьшила ее на небольшую, внешне незаметную, но достоверно определяемую по расходу топлива величину.

— А сейчас?

— Сейчас поле гораздо сильнее, чем в первом вылете. Теперь эффективная масса корабля — лишь одна пятая от той, с какой мы покидали Материнское Гнездо. Совсем малая часть звездолета нахо-

дится вне поля. Но простое облегчение корабельной массы — малая доля возможного. Мы можем достичь гораздо большего, просто увеличивая интенсивность поля. — Скрипнув броней, Скади хлопнула в ладоши. — Вдумайтесь, Ремонтуар: мы способны уменьшать массы наших тел в сто раз — и развивать ускорения в сотню *g*! Если окажемся целиком в области подавления, сможем приспособиться к малой инерции — и достигнем крейсерской околосветовой скорости за пару дней. Субъективное время путешествия между звездами сократится до пары недель. Исчезнет необходимость в анабиозе! Представляете возможности? Галактика вдруг станет куда меньше и уютней, чем прежде.

Ремонтуар встал.

— Но развили вы эту технологию не ради освоения Галактики, — пробормотал он, опершись о стену.

Голова кружилась, как у пьяного. Он очень давно не чувствовал себя так плохо. Экскурсия оказалась исключительно интересной, но сейчас хотелось одного — поскорей вернуться туда, где кровь в теле поведет себя, как ей предназначено природой.

— Ремонтуар, я не уверена, что понимаю вас.

— Эта технология — на случай появления волков. Создана по той же причине, что и эвакуационный флот.

— К чему вы клоните?

— Вы искали средство удрать, на тот случай, если не сможем отбиться.

Клавэйн пробудился от искусственно вызванного сна. Открывать глаза не хотелось — так заманчиво снова забыться, продолжить чудесную прогулку по шотландскому лесу под дождем. Но старые безжалостные солдатские инстинкты заставили взбодриться, разобраться, в чем дело. Засыпая, он наказал корвету не будить, иначе как при поступлении важных известий или возникновении угрозы. Быстрый анализ ситуации показал: налицо угроза. И какая!

Погоня. Требовалось разобраться, кто или что его преследует.

Он зевнул, почесал в пышной бороде. Увидел свое отражение в окне кабины и слегка встревожился: налитые кровью глаза, волосы колтуном — ни дать ни взять псих-отшельник в пещере. Приказал корвету выключить тягу на несколько минут, подставил ладони под кран, поймав крупные амебообразные капли. Искусно пришлепнул их к лицу, смочил волосы, пригладил бороду. Снова посмотрелся

в окно. Облик выиграл совсем немного, но, по крайней мере, на свирепого маньяка Клавэйн уже не был похож.

Он отстегнулся, занялся приготовлением завтрака. Из опыта знал: приключающиеся в космосе неприятности делятся на две категории. Первая убивает на месте, и обычно без предупреждения. Вторая оставляет вдоволь времени поразмышлять над бедственным положением, даже если выхода нет в принципе. Разбудившая неприятность, пожалуй, может подождать, пока Клавэйн насытится и выпьет кофе.

Он включил музыку. Кабину наполнили звуки неоконченной симфонии Квирренбаха. Потягивая кофе, Клавэйн просмотрел бортовой журнал. С удовольствием, хотя и без удивления, отметил: на всем протяжении пути от кометы корвет функционировал безукоризненно. Топлива вполне хватит, чтобы добраться до Ржавого Пояса и выйти на орбиту Йеллоустона. Так что проблема не в корабле.

Как только бегство стало очевидным, из Материнского Гнезда полетели максимально сфокусированные сообщения. Корвет их записывал и расшифровывал.

Клавэйн надкусил гренок и приказал:

— Воспроизводи в порядке получения и сразу стирай.

Да, о содержании первых посланий можно догадаться без труда. Материнское Гнездо умоляет развернуться и лететь домой. Сочленители еще соблюдают вежливость, делают вид, что у него может быть уважительная причина для поступка, который однозначно выглядит попыткой дезертирства. Но ни искренности, ни надежды на успех не ощущалось. Затем уговоры прекратились и пошли угрозы.

Из Материнского Гнезда вылетели ракеты. Клавэйн поменял курс, сбил их со следа и решил, что с опасностью покончено. Корвет быстроходный, в пределах системы его ничто не догонит.

Однако новая серия посланий исходила не из Материнского Гнезда. Их источник находился невдалеке от Гнезда, всего в паре угловых секунд, и частоты сдвигались в синюю сторону — передатчик двигался, ускорялся.

Клавэйн прикинул ускорение: полтора *g*. Загрузил данные в тактический симулятор. Получил ожидаемый результат: корабль с таким ускорением не догонит корвет в пределах системы. Тогда позволил себе расслабиться, раздумывая, на что же надеется преследователь. Может, всего лишь хочет произвести впечатление, показать, что Ма-

теринское Гнездо не смирилось и прилагает все усилия? Но не в характере сочленителей растрачивать ресурсы попусту, тем более на бессмысленные жесты.

— Воспроизводи дальше! — приказал он машине.

Формат следующих посланий был аудиовизуальным. Посреди кабины возникла голова Скади, окруженная размытым овалом фона. Она говорила вслух. Понимала, что Клавэйн теперь не позволит ей прямого контакта с разумом.

— Здравствуйте, Клавэйн! Пожалуйста, выслушайте внимательно. Как вы уже могли догадаться, мы летим за вами на «Паслене». Должно быть, вы рассчитывали на невозможность догнать вас или приблизиться на расстояние выстрела. Расчет неверен — мы ускоряемся, причем постоянно. Равномерно увеличиваем тягу. Если сомневаетесь, определите доплеровский сдвиг наших сообщений.

Лишенная тела голова замерла, затем пропала.

Клавэйн изучил следующее сообщение, отправленное спустя полтора часа. Его сдвиг соответствовал ускорению в два с половиной *g*.

— Клавэйн, сдавайтесь немедленно, и я гарантирую вам справедливый суд. Вы не можете выиграть!

Качеством послание не отличалось: голос звучал странно, механически. Наверное, сжатие записи при декодировании сделало образ практически статичным, двигались только рот и глаза.

Следующее послание: три *g*.

— Клавэйн, мы видим выхлоп вашего корабля. Температура и частотный сдвиг излучения говорят о том, что вы ускоряетесь на предельной тяге. Хочу предупредить: мы еще вовсе не приблизились к своему пределу. «Паслен» — необычный субсветовик, он гораздо быстрее и опаснее. Мы способны догнать и перехватить вас. — Похожее на маску лицо перекосила жуткая гримаса. — Но еще есть время для переговоров. Я позволю вам выбрать точку рандеву. Малая планета, комета, открытое пространство — мне все равно.

Он стер сообщение. Конечно, Скади блефует насчет выхлопа. А послание — ловушка, попытка заставить беглеца выдать свое местонахождение, отправив ответ.

— Хитро, ничего не скажешь, — ухмыльнулся Клавэйн. — Так ведь и я не лыком шит.

Однако ситуация беспокоила его. Корабль Скади и в самом деле слишком уж энергично разгонялся. Правда, сдвиг в синюю сторону

могли подделать, изменив частоту сообщения перед его отправкой. Однако интуиция подсказывала: преследователи не блефуют. Скади бросилась вдогонку на невероятно быстром корабле, и теперь дистанция стремительно сокращается.

Клавэйн съел гренок, еще послушал Квирренбаха.

— Воспроизводи остальное! — приказал корвету.

— Больше сообщений нет, — ответил тот.

Клавэйн изучал новости, когда корвет сообщил о новой серии посланий. Причем эти пришли не от Скади.

— Воспроизводи, — неуверенно распорядился Клавэйн.

Первое — от Ремонтуара. Его голова появилась среди комнаты, лысая, ухоженная. Ремонтуар выглядел гораздо живее, чем Скади, и в голосе слышалось куда больше эмоций. Старый друг наклонился вперед и заговорил чуть ли не умоляюще:

— Клавэйн, надеюсь, ты меня выслушаешь и серьезно подумаешь. Если получил сообщение от Скади, то уже знаешь: мы способны догнать тебя. Это не шутка и не уловка. Скади меня прикончит, если узнает об этом разговоре. Но я не сомневаюсь, что ты сотрешь это сообщение, не дашь информации попасть к врагам. Дело вот в чем. На «Паслене» стоит новая аппаратура. Ты уже в курсе: Скади проводит научные эксперименты, но чем именно занимается, до сего дня оставалось неизвестным. Теперь я знаю: у нее есть машина для подавления инерции. Я не претендую на понимание ее функций, но действие наблюдал собственными глазами. И ощущал внутренностями. В настоящий момент мы идем на четырех *g*. Если ты еще не убедился в этом самостоятельно, можешь проверить смещение передатчика. Мы ускоряемся. По словам Скади, можно подавить еще больше инертной массы субсветовика. — Ремонтуар сурово смотрел в камеру. — Мы засекли твой выхлоп, Клавэйн, и теперь приближаемся. Тебе не уйти. Прошу как друг: прекрати убегать. Я хочу снова видеть тебя, разговаривать с тобой, смеяться, как прежде.

— Следующее сообщение! — приказал Клавэйн.

Корвет подчинился, и на смену Ремонтуару пришла Фелка. Вот это да! Клавэйн не особо гадал, кто именно отправился за ним в погоню. Достаточно и того, что среди преследователей уж точно присутствует Скади. Она тщательно проверит исправность предназначенной для уничтожения дезертира ракеты и не сочтет зазорным лично отдать приказ о ликвидации. Ремонтуар полетел ради Гнезда,

которое считает, что именно ему надлежит исполнить тяжелый долг, что лишь он достаточно квалифицирован для поимки старого друга.

Но Фелка? Ее Клавэйн уж точно не рассчитывал обнаружить среди охотников на человека.

Голос Фелки выдавал усилия, требующиеся для разговора и дыхания при четырех *g*.

— Клавэйн, ради бога, остановись... Тебя хотят убить. Не похоже, чтобы ты был нужен Скади живым. Конечно, она совсем не прочь сперва отомстить, ткнуть носом в сделанное...

— И что ж я такого сделал? — недоуменно спросил Клавэйн у изображения.

— Короче говоря, в ее руках ты долго не проживешь. Но если повернешь назад, уведомишь Материнское Гнездо, что сдаешься, у тебя будет шанс. Клавэйн, ты меня слушаешь?

Она протянула руку, пошевелила пальцами перед камерой, будто касаясь невидимого лица, изучая его черты в тысячный раз.

— Я хочу, чтобы ты вернулся домой живым и здоровым. Даже не осуждаю за побег. Я во многом сомневаюсь и не думаю, что сама бы...

Она запнулась, потеряв нить суждения, помолчала, собираясь с мыслями.

— Клавэйн, сейчас скажу тебе кое-что... Может, это покажется важным, повлияет... Я раньше не говорила, но теперь, кажется, подошло время. Думаешь, я циничная? Наверное. Я хочу, чтобы ты вернулся. Только по этой причине и обратилась к тебе. Надеюсь, ты меня простишь.

Клавэйн ткнул пальцем в стену корвета, веля уменьшить громкость музыки. Повисла горькая, щемящая сердце тишина.

Фелка вновь заговорила:

— Это случилось на Марсе, когда ты попал в плен к Галиане. Она продержала тебя пять месяцев и выпустила. Ты должен помнить, что тогда происходило.

Он кивнул. Конечно, для таких воспоминаний четыре века — пустяк.

— Гнездо Галианы обложили со всех сторон. Но она не сдавалась. Строила планы на будущее, хотела привлечь новых сторонников. Но Гнезду не хватало генетического разнообразия. Она хваталась за любую новую ДНК. Ты не занимался с ней любовью на Марсе, но получить образцы нетрудно. Донор и не заподозрит.

— И? — прошептал он.

— Когда ты перешел на нашу сторону, Галиана объединила твою ДНК со своей. Из этого генетического материала я и произошла. Хоть и рождена в искусственной матке, я дочь Галианы. И твоя.

— Следующее сообщение! — приказал Клавэйн корвету, не желая слушать дальше.

На него слишком много навалилось вдруг. Кое-что невозможно понять и принять сразу, хотя Фелка сказала лишь то, о чем он давно подозревал. И молился, чтобы это оказалось правдой.

Других сообщений не было.

Испугавшись, Клавэйн приказал отмотать назад, воспроизвести послание Фелки снова, но корабль, исполняя приказ, тщательно стер запись. Осталось лишь то, что сохранилось у самого Клавэйна в памяти.

Он долго сидел в тишине. Как же далеко его занесло от дома, от друзей. Летит к врагу, чтобы совершить то, в правильности чего не уверен. Вполне возможно, он скоро умрет и останется в памяти народа как предатель. Даже противник не окажет ему посмертного уважения. А еще слова, долетевшие сквозь космическую стужу, вонзились в сердце. Простившись с Фелкой, он убедил себя, что больше не думает о ней как о дочери. Но теперь услышал от нее правду. И если не повернет назад, больше ее не увидит. Никогда.

Но выбор сделан, и пути назад нет.

Клавэйн заплакал.

ГЛАВА 16

Торн осторожно ступил на борт «Ностальгии по бесконечности». Вертел головой, осматривал все с лихорадочным интересом, не желая упустить ни единой детали, способной выдать подвох, обман, несоответствие рассказанного реальности. И моргнуть боялся: а вдруг не заметит мелочь, способную раскрыть колоссальную фальшь? Может, женщины — как фокусники, отвлекающие внимание публики? Может, им только того и нужно, чтобы Торн размяк и утратил бдительность?

Напрасные подозрения. Трудно подделать полет на шаттле, но даже если эта парочка и умудрилась, то звездолет уж точно настоящий.

Несомненно, Торн в космосе, на борту колоссального субсветовика, легендарного корабля триумвира. Тут и сила тяжести ощущалась по-другому.

— Да, вы бы сами не сделали этого и за сотню лет, — пробормотал он, шагая рядом с женщинами. — Даже с помощью ультра. И вообще, какой смысл втирать мне очки?

— Значит, вы уже готовы поверить нам? — спросила инквизитор.

— Вам удалось завладеть кораблем, с этим не поспоришь. Причем большим, судя по увиденному мною, никак не меньше «Лореана». Но и он вряд ли вместит двести тысяч «спящих».

— Ему и не потребуется, — сказала другая женщина. — Это же эвакуация, а не круиз. Наша задача — увезти людей с Ресургема. Самых слабых погрузим в криосон, а большинству придется бодрствовать в крайне стесненных условиях. Не бог весть какое удовольствие, но чертовски лучше смерти.

С этим тоже не поспоришь. Торн и сам отнюдь не планировал комфортабельного путешествия для населения целой планеты.

— Как думаете, сколько времени придется провести здесь людям до возвращения на Ресургем?

Женщины переглянулись.

— Боюсь, о возвращении даже речи быть не может, — ответила старшая.

Торн пожал плечами:

— Мы прилетели на голый камень. Если потребуется, все начнем сначала.

— Под вопросом само существование планеты. — Женщина стукнула кулаком о стену. — Но здесь мы сможем содержать людей весь необходимый срок: хоть годы, хоть десятилетия.

— Но мы можем перелететь в другую звездную систему, — заметил Торн. — Все-таки это субсветовик.

Женщины не ответили.

— Я по-прежнему хочу знать, чего вы так испугались.

Старшая, назвавшаяся Ириной, спросила:

— Торн, вас кошмары не мучают?

— Нет, сплю вполне нормально.

— Боюсь, это ненадолго. Раз хотите узнать, ступайте за мной.

Когда пришло сообщение, Антуанетта еще находилась на «Буревестнике», проверяла бортовые системы. Каботажник стоял в доке на «карусели» Новый Копенгаген. Ремонтники успели устранить

большинство серьезных повреждений и нейтрализовать влияние оставшихся. Ксавьеровы помощники трудились не покладая рук, поскольку ни он, ни Антуанетта не могли задержаться в доке даже на один лишний час. Обезьяны согласились работать, несмотря на то, что прочие гиперприматы на «карусели» или забастовали, или поголовно слегли, подцепив таинственный вирус, в одночасье преодолевший с десяток иммунных барьеров.

Ксавьер заметил: приматы явно сочувствуют и хотят помочь. Они не любили Феррисвильскую конвенцию, а насмотревшись, как полиция преследует Ксавьера и Антуанетту, исполнились желанием нарушить профсоюзные правила. Конечно, недаром — Ксавьеру предстояло заплатить бригаде гораздо больше, чем ему хотелось бы. Однако отец Антуанетты частенько говаривал: «Скупой платит дважды». И она эту простую житейскую мудрость твердо усвоила.

Когда консоль запищала, Антуанетта проверяла установки распределения полей в токамаке, зажавши в зубах карандаш, а под мышкой — компад. Сразу подумала, что не туда ткнула и вызвала ошибку в судовой системе управления.

Заговорила, не выпуская изо рта карандаш. Знала: Зверь разберет и такое бормотание.

— Эй, Зверь, исправишь?

— Юная леди, это сигнал прибытия внешнего сообщения.

— От Ксавьера?

— Нет, юная леди, не от мистера Лиу. Насколько я могу судить, оно прибыло из-за пределов «карусели».

— Значит, от полиции. Забавные эти копы. Обычно же не звонят, просто появляются, будто какашка на пороге.

— Юная леди, похоже, это и не полиция. Осмелюсь предположить, что разумнее всего было бы просто прослушать сообщение.

— Ах ты, умная шестеренка... — Антуанетта вынула изо рта карандаш, сунула за ухо. — Зверь, перекачай его на компад.

Картинка с данными по токамаку отодвинулась, на ее месте возникло составленное из крупных пикселей лицо. Отправитель, несомненно, хотел обойтись минимальной шириной частотной полосы. Однако лицо это девушка узнала сразу.

— Антуанетта, это снова я. Надеюсь, вы благополучно добрались домой. — Невил Клавэйн замялся, скребя в бороде. — Я передаю это сообщение через пятнадцать ретрансляторов. Некоторые из них пережили эпидемию, а есть и еще древнее, из эпохи Американо. Так

что качество может быть не ахти. Боюсь, возможности ответить у вас нет, а у меня нет возможности послать еще одно сообщение. В прямом смысле это мой последний шанс. Мне нужна ваша помощь. Очень. — Он смущенно улыбнулся. — Знаю, что вы думаете: ведь обещал убить, если встретимся снова. Я это сказал всерьез. Хотел, чтобы и вы приняли это всерьез и не ввязывались в неприятности. Искренне надеюсь, что вы поверите мне — и согласитесь исполнить мою просьбу.

— Вашу просьбу? — спросила она, ошеломленная, глядя в компад.

— Антуанетта, я прошу вас прилететь и спасти меня. Понимаете, я в большой беде.

Дальше послание не содержало ничего особенного. Клавэйн просил о несложном, Антуанетта вполне могла помочь. Он и координаты дал точные, искать не нужно. Конечно, времени в обрез и риск немалый, не говоря уже о рискованности общения с Клавэйном. Но все в пределах возможного, причем без особого труда. Сразу видно: Клавэйн заранее продумал детали, предвидел возражения, вероятные проблемы. Удивительно, как он обстоятельно все просчитал.

Но хоть придумано здорово, какая, к черту, разница? Это же письмо от Клавэйна, Фарсидского Мясника, в последнее время упорно вторгавшегося в кошмары Антуанетты, воплощая прежде безликий ужас паучьих камер обработки пленных. Он склонялся над нею, управлял блестящими машинами, погружающимися в ее обнаженный мозг.

И не важно, что он спас ей жизнь.

— Да ты шутишь, старик! — буркнула Антуанетта.

Клавэйн плыл в одиночестве сквозь пространство, глядя вслед уходящему на автопилоте корвету. Тот уменьшался медленно, но неуклонно, и вот уже его стрелообразный силуэт трудно отличить от далекой слабой звезды. Затем полыхнул главный двигатель, выдал струю яркого синего пламени, направленного в сторону преследующего «Паслена». Клавэйн полагал, что сумел определить его положение с достаточной точностью. Корвет разгонялся мощно. Если бы пассажир остался на борту, неминуемо был бы раздавлен. Клавэйн глядел вслед, пока голубой огонь не превратился в едва заметную искру на фоне звезд. Затем Клавэйн моргнул и уже не смог отыскать свет корабля.

Он остался в одиночестве, горше которого и не придумать.

Хотя теперь корвет выжимал из двигателей все мыслимое, он должен был выдержать и спустя несколько часов прибыть в точку, где его скорость и положение совпадут с ожидаемыми экипажем «Паслена». Тяга уменьшится до пределов, позволяющих нести пассажира-человека. Скади опять засечет выхлоп и отметит его неравномерность, указывающую на нестабильную работу двигателя. Клавэйн приложил все усилия, чтобы она расценила ситуацию именно так.

Последние пятнадцать часов он терзал двигатели, сознательно пренебрегал техникой безопасности, сняв ограничения. При всей лишней массе на борту — оружие, топливо, механизмы жизнеобеспечения — потолок ускорения ненамного превышал порог человеческой выносливости. Конечно, можно было разогнаться до пределов возможного, но Клавэйн хотел внушить Скади, что он уже и так достиг своего «потолка».

Он не сомневался, что Скади внимательно наблюдает за выхлопом корвета, ожидая возможной ошибки. Потому взломал систему управления двигателем и сымитировал признаки неизбежной скорой аварии. Заставил двигатель хаотично повышать температуру, позволяя не среагировавшим примесям загрязнять сопло, искажать струю выхлопа — показывать типичную картину приближения взрыва.

Через пятнадцать часов он спровоцировал стохастическую нестабильность, вызвавшую отказ реактора. Скади распознает произошедшее — такая авария описана во многих учебниках — и подумает, что Клавэйну не повезло. Мог бы умереть мгновенно, в яркой вспышке аннигиляции. А теперь его догонят, и смерть растянется, будет мучительной, страшной. Если Скади распознает тип аварии, она придет к выводу, что роботам корвета потребуется десять часов на ремонт. И то он окажется неполным — стопроцентное восстановление после таких аварий достижимо лишь в доке. Возможно, Клавэйн и сумеет снова запустить аннигиляционный процесс, но полной тяги уже не выжмет. Самое большее шесть *g*, и то недолго.

Как только Скади вновь обнаружит струю выхлопа и заметит нестабильность в работе двигателей, она решит, что удача в кармане. И не узнает, что десять часов дрейфа Клавэйн использовал не для ремонта, а для собственной высадки в подходящем месте.

Перед тем как покинуть корвет, он послал сообщение Антуанетте Бакс, позаботившись о том, чтобы сигнал не перехватила ни Скади, ни другие потенциально враждебные стороны. Сообщил, где будет

дрейфовать и сколько времени сможет протянуть в легком скафандре без мудреной системы переработки отходов. По расчетам, она вполне успеет прибыть вовремя и вывезти его из зоны боевых действий до того, как Скади заподозрит неладное. Антуанетте следовало посетить указанный объем пространства, просканировать его радаром и заметить дрейфующего космонавта.

Все же это был огромный риск. Во-первых, она должна согласиться; во-вторых, безотлагательно вылететь. Если решит, что это блеф, или промедлит пару дней, Клавэйн умрет.

Теперь он целиком в ее власти.

Клавэйн сделал все возможное, чтобы увеличить автономность скафандра. Использовал крайне редко вызываемые нейропрограммы, замедляющие метаболизм, позволяющие обойтись минимумом кислорода и энергии. Не было смысла оставаться в сознании, разве что ради мучительных сомнений, надежд и страхов.

Вися среди пустоты, он приготовился заснуть. Подумал напоследок о Фелке, о ее послании, о том, что вряд ли они снова увидятся. Лучше бы ее слова оказались ложью. Хотя...

Клавэйн так и не решил окончательно, как отнестись к ее признанию. Надеялся, что она сумеет примириться с его дезертирством, не возненавидит, не разозлится за то, что не внял ее просьбам.

Четыре века назад он перешел на сторону сочленителей, веря, что это правильный поступок. Тогда почти не было времени обдумать последствия дезертирства. Настал момент, когда необходимо было делать выбор. Он знал: обратного пути нет.

Теперь случилось то же самое. Момент настал — и Клавэйн использовал его в полной мере, представляя себе возможные последствия, допуская, что совершил ошибку. Страхи могут оказаться самообманом, бредом, паранойей дряхлого, отжившего свое старца. Пусть. Он не сомневался: сейчас надо выполнять принятое решение.

Всю жизнь Клавэйн шел ва-банк. Делал выбор — и любыми путями достигал цели. И будет так поступать, пока жив.

Вспомнилось, как на Марсе он лежал в воздушном кармане под руинами. Тогда уже минуло четыре месяца с начала кампании на плато Фарсида. Клавэйн вспомнил кота со сломанной спиной. Он не давал твари умереть, делился едой и водой, хотя жажда, будто кислота, самому разъедала глотку и рот. И голод мучил сильнее, чем раны. Вскоре после того, как обоих вытащили из-под кучи щебня,

кот околел. Может, гуманней и разумней было бы позволить ему умереть раньше, не растягивать наполненное болью существование на несколько дней. Однако Клавэйн не сомневался: если бы подобное случилось опять, он все равно не дал бы животному погибнуть. И дело не в том, что забота о коте отвлекала от боли и страха. За этим стояло большее. Что именно — описать словами он не мог, но чувствовал: это оно толкало сейчас к Йеллоустону, заставляло искать помощи у Антуанетты Бакс.

Одинокий, обуреваемый страхом, посреди холодной пустоты Невил Клавэйн погрузился в беспамятство.

ГЛАВА 17

Женщины привели его в рубку на борту «Ностальгии по бесконечности». Посреди помещения высился, будто огромное глазное яблоко, сферический дисплей. Торну казалось, что его изучают, рассматривают. И не только глаз-дисплей — весь корабль уставился с хищным интересом и немалой злобой. Но и Торн внимательно рассматривал окружающее и повсюду замечал следы повреждений. Даже сфера, очевидно, была отремонтирована недавно и наспех.

— Что здесь произошло? — спросил Торн. — Похоже на перестрелку.

— Вряд ли мы узнаем в точности, — ответила инквизитор Виллемье. — Ясно, что команда вовсе не так дружна во время вызванного Силвестом кризиса. По данным обследования можно заключить: на борту началась распря.

— Мы всегда это подозревали, — добавила женщина, назвавшаяся Ириной. — Подспудно в команде зрело напряжение. Кажется, случившееся у Цербера-Гадеса стало последней каплей. Наверное, вспыхнул мятеж и люди перебили друг друга, предоставив кораблю самому заботиться о себе.

— Как удобно для нас.

Женщины переглянулись.

— Может, приступим к делу? — предложила Виллемье.

Запустили видеоролик. В сфере-дисплее появилась голограмма. Торн догадался, что это результат обработки данных, поступивших

от корабельных приборов. Получился вид сверху на всю систему звезды Дельта Павлина.

— Вы должны кое-что понять и твердо усвоить, — сказала Ирина. — Это трудно, но необходимо.

— Говорите.

— Человечество сейчас стоит на краю катастрофы. Ему грозит тотальное истребление.

— Сильно сказано. Надеюсь, вы сможете обосновать.

— Да, я обосную. Но прежде добавлю: истребление начнется отсюда, с Дельты Павлина. И не закончится, пока наша культура не будет полностью искоренена.

Торн не сдержал улыбку:

— Значит, Силвест был прав?

— Он не имел конкретного представления об угрозе, не знал, что надо предпринять. Но был прав в одном: цивилизация амарантийцев пала жертвой чужаков. А их приход был вызван тем, что амарантийцам удалось выйти в космос и овладеть техникой межзвездных путешествий.

— То же самое грозит случиться и с нами?

— Да. Нас хотят истребить по-другому — но те же самые пришельцы.

— И кто же они?

— Машины, — сказала Ирина. — Путешествующие в космосе неимоверно древние механизмы. Миллионы лет они ждут в пустоте, пока новый разум не нарушит галактическую тишину. Машины существуют единственно для того, чтобы отыскивать зародившуюся разумную жизнь и уничтожать ее. Мы зовем их ингибиторами.

— И теперь они здесь?

— Данные наблюдений подтверждают это.

Женщины показали голографический фильм о прибывшей с систему орде ингибиторов, занявшихся разборкой трех небесных тел. Ирина поделилась подозрением насчет Силвеста, который активировал ловушку. Возможно, сейчас к системе спешат новые орды, зарегистрировавшие волновой фронт сигнала.

Торн смотрел, как гибнут планеты: металлическая и другие, каменные. Машины роились, множились на поверхности лун, покрывали их корой индустриальных построек. С экваторов били фонтаны переработанной материи. У планет, словно у яблок, вырезали сердцевину. Выброшенное вещество направлялось в пасти трех гигант-

ских перерабатывающих агрегатов, кружащих по орбитам умирающих небесных тел. Потоки обработанной материи, собранные в комки, выбрасывались в межпланетное пространство, где медленно, плавно выписывали параболы.

— Это лишь начало, — сказала Виллемье.

Видео показало, как три потока материи сойдутся в одной точке пространства, лежащей на орбите наибольшего газового гиганта системы — и он достигнет этой точки в тот же момент, что и потоки.

— Выяснив, куда летят три переработанные планеты, мы обратили внимание и на гигант, — пояснила Ирина.

Заметить ингибиторов было трудно. Но она не пожалела труда на поиски и обнаружила меньший рой машин близ гиганта. Долгое время этот рой висел неподвижно, ожидая прибытия сотен триллионов тонн сырья.

— Не понимаю, — сказал Торн. — Вокруг газового гиганта достаточно лун. Зачем лишний труд?

— Спутники гиганта — неподходящий материал, — объяснила Ирина. — Такая луна обычно состоит из небольшого каменного ядра, окруженного толстой ледяной или жидкой оболочкой. Ингибиторам нужен металл, вот и пришлось искать далекие спутники.

— И чем они намерены заняться сейчас?

— Еще кое-что соорудить, — ответила Ирина. — Огромное. Требующее сотен триллионов тонн материи.

— И когда это началось? — спросил Торн, глядя на дисплей. — Когда потоки достигли гиганта?

— Три недели назад. И конструкция уже принимает отчетливую форму.

Ирина ткнула пальцем в браслет, увеличивая изображение ближайших окрестностей гиганта.

Бóльшая часть планеты оставалась в тени. Но над освещенным сектором — матово-белым полумесяцем, разлинованным светло-коричневыми и охряными полосами, — висела странная арка длиной, должно быть, в несколько тысяч километров. Ирина увеличила изображение.

— Насколько можно судить, это твердое тело, — заметила Виллемье. — Дуга круга радиусом в сто тысяч километров. Она находится на экваториальной орбите и удлиняется.

Ирина увеличила снова, сфокусировав на участке точно посреди дуги. Там виднелась припухлость, ромбовидный нарыв. Женщина

повозилась с браслетом, и припухлость заполнила дисплей, предстала во всех деталях.

— Это вполне себе спутник, — пояснила Ирина. — Ледяной шар в несколько сот километров диаметром. Машины вывели его на круговую экваториальную орбиту, при этом спутник не разлетелся вдребезги от приливных сил. Затем внутри что-то построили — видимо, перерабатывающий материю агрегат. Один из подходящих к гиганту потоков падает в отверстие на спутнике, вон там. А что делается внутри, трудно представить. Известно одно: из полюсов вдоль орбиты выступают тубулярные структуры. Отсюда они кажутся волосками, а на самом деле каждый в пятнадцать километров диаметром. Протянулись уже на семьдесят тысяч километров и растут со скоростью двести восемьдесят километров в час.

Ирина кивнула, заметив изумление и недоверие на лице Торна.

— Да, вы не ослышались. Видимая вами дуга — результат десяти последних стандартных дней. Мы имеем дело с силой, какую раньше и представить не могли. Наши машины могут превратить богатый металлами астероид в космический корабль за несколько дней, но это, по меркам ингибиторов, допотопная медлительность.

— За десять дней... — прошептал Торн растерянно, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Думаете, дуги будут расти, пока не соприкоснутся?

— Похоже на то. При сохранении нынешней скорости это случится через девяносто дней. Может, даже чуть раньше.

— Три месяца. Вы правы — нам не успеть. Мы бы не справились с эвакуацией за девяносто дней даже в лучшие времена. Но зачем это все? Какой смысл опоясывать кольцом газовый гигант?

— Мы не знаем. Пока. — Ирина кивнула в сторону дисплея. — Продолжим?

— Покажите, — попросил Торн. — Я хочу видеть все.

— Вам вряд ли понравится.

Она показала остальное: как три потока материи, летящих практически по баллистическим траекториям — словно бросаемый в космическую пустоту щебень, — останавливаются невидимыми отсюда машинами у газового гиганта, как разворачиваются, направляются к месту обработки. Потоки резко изогнулись. Один пошел к спутнику, исторгавшему из себя тонкие дуги. Другие уходили к зияющим на других спутниках жерлам. Эти спутники были опущены

на орбиты чуть выше облачного слоя; в такой близости от гиганта их неизбежно должны были разорвать на части приливные силы.

— Что происходит на двух других лунах? — спросил Торн.

— Посмотрите сами, — предложила Ирина. — Может, увидите в этом больше смысла, чем мы.

Разобраться в сути происходящего действительно было непросто. Из каждого нижнего спутника выступала в направлении, противоположном их движению по орбите, тонкая нить — похоже, такого же диаметра, что и выпускаемая верхним спутником. Обе нижние «нити» плавно изгибались и уходили в атмосферу, словно гибкие трубы, укладываемые на дно моря. За точками вхождения в атмосферу тянулся шлейф бурлящих облаков длиной много тысяч километров.

— Насколько можно видеть, наружу эти штуковины не выходят, — сказала Виллемье.

— С какой скоростью их укладывают?

— Трудно сказать, ведь на «нитях» никаких рисок нет. И мы не можем измерить доплеровское смещение, не выдав своего присутствия. Но ясно, что потоки материи, идущие ко всем трем спутникам, приблизительно одинаковы, и диаметр выходящих «нитей» тот же.

— И погружают их в атмосферу, скорее всего, с той же скоростью, с какой формируется орбитальная дуга? Двести восемьдесят километров в час, или около того, — заключил Торн, вглядываясь в лица женщин. — Как думаете — зачем?

— Понятия не имеем, — призналась Ирина.

— Но считаете, что это не к добру?

— Да, Торн, именно так мы и считаем. Могу предположить: мы видим лишь часть общей картины, причем эта картина очень и очень велика.

— И эта часть общей картины подсказала вам, что нужно эвакуировать Ресургем?

— Да. У нас еще есть время. До замыкания наружного кольца — восемьдесят дней. Но вряд ли неприятности начнутся сразу после. Скорее всего, начнется новое строительство, и оно может потребовать не меньше времени. Допустим, у нас несколько месяцев в запасе.

— Но именно что месяцев, не лет.

— А на эвакуацию Ресургема требуется полгода.

Торн вспомнил сухую математику, предложенную женщинами: длительность полетов, вместимость шаттлов, затраты времени на

погрузку и разгрузку. Да, согласно этим цифрам, можно уложиться в полгода, но ведь они не принимают в расчет человеческий фактор. Люди не ведут себя как послушный бессловесный груз. В особенности люди, которых последние полвека безжалостно угнетали и запугивали.

— Прежде вы говорили, что у нас есть пара-тройка лет на эвакуацию.

Виллемье улыбнулась:

— Нам пришлось немножко солгать — для пользы дела.

Позднее женщины провели гостя по коридорам к ангару, где содержался орбитальный флот. Маршрут показался Торну нарочито долгим, запутанным. В ангаре висели на стапелях атмосферные шаттлы и шлюпки для сообщений между кораблями, частью похожие на изящных тонкотелых акул, частью на раздутых, с плавниками-колючками рыб-ангелов. Большинство судов было слишком мало для помощи с эвакуацией, но Торна все равно впечатлило их изобилие.

Женщины помогли облачиться в скафандр, чтобы гость мог сам облететь ангар и осмотреть суда, предназначенные для перевозки населения с Ресургема на борт «Ностальгии по бесконечности». Если бы и остались к этому времени малейшие подозрения насчет обмана, теперь они бы уж точно рассеялись. Огромность трюма, ряды судов не позволяли усомниться в реальности происходящего, — по крайней мере, в реальности существования субсветовика.

И все же, все же...

Торн видел корабль собственными глазами, ступал по его коридорам, ощущал разницу между его искусственной, создаваемой вращением гравитацией и привычной с детства гравитацией Ресургема. Но вот насчет угрозы... Тут-то и виделся подвох. Женщины показали многое, но далеко не все. Сведения об угрозе он получил из вторых рук, отфильтрованные, обработанные.

Торн принадлежал к тем людям, которые предпочитают всегда докапываться до сути. Конечно, он мог потребовать дополнительных доказательств, но какой в этом смысл? Даже если выпустят наружу, на корпус корабля, и дадут телескоп, чтобы следить за газовым гигантом — ведь и тут могут подстроить, не дадут увидеть нежелательное, заставят думать именно так, как хочется им. Если даже он заметит некое изменение в свете, исходящем от этого куска космического

вещества, то сам интерпретировать происходящее не сумеет. И уж тем более связать с деятельностью черных машин-пришельцев. Придется верить женщинам на слово.

А верить на слово Торн не любил.

— Ну и как? — осведомилась Виллемье, помогая ему выбраться из скафандра. — Полагаю, вы увидели достаточно, чтобы понять: мы не лжем. Чем скорее доставим вас назад, на Ресургем, тем скорее приступим к эвакуации. Как говорится, время — деньги.

Он кивнул, глянув на маленькую женщину с глазами цвета бурого дыма. Опасную женщину.

— Вы правы. Я увидел достаточно, чтобы убедиться: если вы и лжете, то не обо всем.

— И какой вывод?

— Этого мало.

— Почему?

— Инквизитор, многое из того, во что я должен поверить, известно лишь с ваших слов. Слишком многое.

В ее голосе прозвучала неприкрытая угроза:

— Торн, вы видели свое досье. Там достаточно улик, чтобы отправить вас прямиком к амарантийцам.

— Не сомневаюсь. Если хотите, предоставлю и новые улики. Но это же ничего не изменит. Я не поведу людей в то, что здорово смахивает на устроенную правительством ловушку.

— Вы все еще считаете это подделкой? — Ирина издала странный кудахтающий звук.

— Я всего лишь хочу, чтобы у меня не осталось сомнений. Никаких.

— Но мы же показали, чем занимаются ингибиторы.

— Показали некие данные, выведенные на дисплей. У меня нет объективного свидетельства в пользу существования машин-пришельцев.

— О господи! — Виллемье смотрела на Торна удивленно и раздосадованно. — Что еще показать вам?

— То, что позволит поверить целиком и полностью. Как вы это сделаете, меня не заботит.

— Торн, на это нет времени!

Он заколебался. Виллемье говорила с таким нетерпением, с такой искренней озабоченностью и тревогой, что он почти поверил. Почти.

Похоже, ей по-настоящему страшно...

Торн повернулся в сторону ангара и спросил:

— Может одна из этих птичек доставить нас поближе к газовому гиганту?

Война Рассвета произошла из-за металлов.

Почти все тяжелые элементы в наблюдаемой Вселенной родились в недрах звезд. Большой Взрыв произвел почти исключительно водород, гелий и литий. Но каждое поколение звезд обогащало палитру элементов. Массивные светила собирали элементы легче железа в тщательно сбалансированных природой реакциях термоядерного синтеза, усложняя каскад реакций по мере того, как выгорали более легкие элементы и оставались преимущественно тяжелые. Когда очередь подходила к кремнию, наступил финал звездной жизни. Конечный результат выгорания кремния — железная оболочка вокруг ядра звезды. Но железо уже не вступает в реакцию синтеза. Выгорание кремния длилось едва ли сутки. Затем светило постигала катастрофическая неустойчивость — и звезда обрушивалась внутрь себя под собственной тяжестью. Отражающиеся, усиливающиеся ударные волны разбрасывали останки светила по космосу, и в течение краткого времени звезда горела ярче всех прочих в Галактике.

Сверхновая создает россыпь новых элементов: железа, кобальта, никеля, множество радиоактивных изотопов. Рождается туманность, распространяющаяся на многие звездные системы — и дающая материал для нового поколения звезд и планет. Близлежащая туманность, будучи возмущена ударной волной от сверхновой, собирается в сгустки. Они, уже обогащенные тяжелыми элементами от взрыва предыдущей сверхновой, в свою очередь сжимаются под действием собственной, пока еще слабой гравитации. Образуются плотные горячие «звездные колыбели», места рождения ярких молодых звезд. Некоторые — относительно прохладные карлики — выжигают свое вещество так медленно, что могут пережить и саму Галактику. Другие — сверхмассивные, быстро горящие гиганты — проживают звездную жизнь, по галактическим меркам, в мгновение ока. В агонии они, взрываясь, рассеют еще больше металлов по космосу — и дадут начало новым звездам.

До зарождения жизни ничто не мешало этому процессу. Галактику испещряли взрывы сверхновых, с каждым увеличивался запас сырья для образования планет — и самой жизни. Но постоянное обогащение тяжелыми элементами по Галактике распределялось неравномерно.

В областях, удаленных от центра, сверхновые взрывались гораздо реже, чем в кишащих звездами ядрах.

Потому первые каменистые, пригодные для развития жизни миры появились поблизости от центра Галактики. Там уровень концентрации металлов перевалил за порог. Там же, в пределах тысячи килопарсеков от центра, возникли первые культуры, овладевшие техникой межзвездных путешествий. Они обследовали безжизненные просторы вокруг себя, посылали экспедиции за тысячи световых лет, воображали себя единственными, уникальными — любимцами, избранниками природы. Достигали того, что считали могуществом. Страдая от одиночества, мнили себя владыками мироздания.

Но не все было так просто и прямолинейно. Разумная жизнь возникала не только вблизи центра, в одну галактическую эпоху, в пределах пояса звезд с подходящими планетами. Области с высоким содержанием металлов, позволяющие развиться строящим машины культурам, попадались и в холодной зоне. Статистические флуктуации в распределении тяжелых элементов создавали цивилизации звездоплавателей даже там, где по идее они не могли зародиться. Тогда же образовались сверхимперии, захватывающие огромные доли Галактики — потому что расширяющиеся культуры неизбежно наталкивались на соперников. Увы, распространение жизни, по галактическим масштабам, произошло мгновенно. Как только созревали нужные условия, жизнь вспыхивала будто факел.

Но процесс образования богатых металлом миров со временем изменялся. Огромные звездные кузни не угасли. Несколько раз в столетие зажигались сверхновые, массивные звезды умирали, сияя ярче прочих. Как правило, они погибали, скрытые плотной завесой хорошо поглощающей радиацию межзвездной пыли, и смерть их отмечалась лишь чередой гравитационных волн и нейтринным импульсом. Но возникшие при кончине звезды металлы эффективно распылялись по Галактике, и среди туманности рождалось новое поколение светил и планет, и было оно еще богаче тяжелыми элементами. Огромная космическая фабрика работала, не замечая разумной жизни, которой сама же помогла возникнуть и развиться.

Однако вблизи ядра содержание металлов превысило оптимум. Формирующиеся около новорожденных солнц планеты были очень тяжелыми, с ядрами, перегруженными металлом, с мощной гравитацией и агрессивным химическим составом. На них не образовывалось твердой коры — мантия не могла выдержать ее вес. Без стабильной литосферы

не было разнообразия рельефа. Мощная гравитация подтягивала кометы, орошавшие поверхность водой. В конце концов тяжелые планеты покрывались океаном, сплошной жидкой оболочкой под унылым давящим небом. На них редко появлялась сложная жизнь — слишком мало доступных экологических ниш, не хватает климатического разнообразия. Культурам, уже освоившим межзвездные перелеты, эти планеты казались монотонными и бесполезными. Потому, когда сгусток богатой металлами туманности был готов поделиться на пригодные для использования звезды и планеты, старейшие расы звездоплавателей нередко вступали в спор за право владеть ими. В результате Галактика видела фейерверки, взрывы и выбросы энергии, интенсивностью едва ли уступающие слепым процессам звездной эволюции. Но грядущее затмило все, что было выплеснуто в локальных войнах.

Старшие культуры пытались избегать конфликтов. В поисках сырья и пространства они обратились к внешним зонам Галактики, но и тут на пути встали преграды. За полмиллиарда лет зона, благоприятная для возникновения жизни, распространилась от галактического ядра, будто волна от брошенного в пруд камня. Туманности, прежде бедные металлами, обогатились ими, там родились пригодные для эксплуатации системы — и конфликты вспыхнули снова. Некоторые продолжались по десятку миллионов лет, оставив Галактике раны, требующие для исцеления впятеро больше времени.

Но и эти войны были всего лишь мелкими ссорами по сравнению с грядущей Войной Рассвета.

Галактика в той же степени, в какой была машиной по производству металлов, сложных химических соединений, а значит, и жизни, — была машиной по производству войн. Стабильных уголков, где можно укрыться от постороннего вмешательства, в ней не имелось. На шкале времени галактических суперкультур она менялась постоянно. Колесо истории опять и опять заставляло старые культуры схлестываться с новыми.

И потому случилась война, призванная покончить со всеми войнами, завершить первую фазу галактической истории. Ее назвали Войной Рассвета, поскольку она случилась давным-давно и стала первой всегалактической распрей.

Ингибиторы мало знали о ней. Даже собственная история представлялась им неясной, запутанной. Наверняка их память подвергалась грубым переделкам. Трудно было судить, что из ее содержимого достоверно, а что подделка, созданная их предками для воздействия на другие

расы. Возможно, сами ингибиторы некогда были органическими, хордовыми, теплокровными обитателями суши с двухполушарным мозгом. Далекую тень такого прошлого можно было различить в архитектуре кибернетики нынешних ингибиторов.

Долгое время они довольствовались органическими телами. Но на определенной стадии механика стала удобнее и вытеснила органику. Черные машины рыскали по Галактике. Память о планетной жизни потускнела, затем стерлась целиком; казалось, она имеет не большее отношение к действительности, чем у людей праисторическая память о жизни на деревьях.

Важным и нужным для ингибиторов осталось одно — их работа.

Скади удостоверилась, что Ремонтуар и Фелка узнали об успехе экспедиции, и затем позволила роботу вновь водрузить ее голову на пьедестал. На нем мыслилось по-другому — наверное, из-за небольших отличий в системах, обеспечивающих циркуляцию крови, и разного химического состава питающих мозг веществ. На пьедестале Скади было спокойнее. Проще сфокусироваться, открыть себя сущности, которую она всегда носила в голове.

— Скади?

Голос Ночного совета был едва слышен, похож на детский — но не услышать, проигнорировать невозможно. Скади давно это поняла.

— Я здесь, — покорно отозвалась она.

— Скади, считаешь, все идет хорошо?

— Да.

— Тогда изложи подробности.

— Клавэйн мертв, его настигли наши ракеты. Его смерть еще необходимо подтвердить, но я в успехе не сомневаюсь.

— Как он умер? По-солдатски, стоически и спокойно?

— Да. Он не сдался, хотя должен был понимать: с поврежденными двигателями далеко не уйти.

— Мы и не рассчитывали, что он сдастся. Тем не менее погоня оказалась на удивление недолгой. Хорошо, что он умер быстро. Мы удовлетворены. Более чем.

Скади захотелось кивнуть, но для отрезанной головы это непросто.

— Спасибо!

Ночной совет позволил собраться с мыслями. Он всегда был терпелив, внимателен. Не раз говорил, что ценит Скади не менее, чем

других избранных из избранных, входящих в наивысший из советов, — а может, и более. Отношения как у учителя с одаренным, пытливым учеником.

Скади нечасто спрашивала себя, откуда исходил голос и кого представлял. Ночной совет запрещал такие мысли, поскольку они могли быть перехвачены другими сочленителями.

Вспомнилось, как Ночной совет впервые явил себя и поведал кое-что о своей природе.

— Мы избранные сочленители, — сказал он. — Тесно связанная группа, засекреченная настолько, что о нашем существовании не знают и не подозревают даже самые старшие, наделенные наибольшей властью члены Узкого совета. Мы секретней и могущественней даже Внутреннего святилища, и оно иногда выступает нашей марионеткой, не подозревая о том, представляет нас среди сочленителей. Однако Ночной совет не состоит целиком из членов Внутреннего святилища или Узкого совета. Детали нашей организации не должны тебя заботить.

Затем голос сообщил, что Скади избрана. Она великолепно исполнила порученное задание, опаснейшее и рискованное — тайную экспедицию в глубины Города Бездны, ради добычи технологий, необходимых для постройки подавляющих инерцию машин. Живым оттуда не вернулся никто, кроме Скади.

— Ты отлично справилась! — похвалил голос. — Мы давно приглядывались к тебе, но в этом задании ты проявила себя в полной мере. И потому мы решили предстать перед тобой. Считаем, что ты принадлежишь к тому типу сочленителей, которые лучше других готовы к предстоящей трудной работе. Скади, это не лесть, но констатация истины.

Ради оперативной необходимости детали операции в Городе Бездны были стерты из ее памяти. Но Скади знала: миссия была исключительно рискованной, сложной, и она прошла вопреки планам Узкого совета.

Военные операции сочленителей носили характер отчасти парадоксальный. Солдатам, непосредственно участвующим в боях и дислоцированным в пределах зоны военных действий, не позволялось знать важное, способное изменить ход войны. Однако с оперативниками, проникающими далеко за линию вражеской обороны, дело обстояло по-другому. В качестве таких оперативников использовали опытных, высококвалифицированных сочленителей. Тех, кто

мог вынести длительную разлуку с собратьями. Таким образом, пригодных для действий в чужом тылу насчитывались единицы. И собратья смотрели на них с подозрением.

Клавэйн был одним из таких оперативников. Скади — другой.

Когда она возвращалась домой с операции, голос Ночного совета впервые зазвучал в ее разуме. Предупредил: о его существовании она не вправе никому рассказывать.

— Скади, мы ценим нашу секретность, и она будет защищена любой ценой. Служи нам — и окажешь неоценимую заслугу Материнскому Гнезду. Если же предашь, хотя бы непредумышленно, мы заставим тебя молчать. Подобные меры не доставляют нам удовольствия, но не сомневайся, мы держим слово.

— Я первая избранная?

— Нет. Есть и другие. Но ты о них никогда не узнаешь. Такова наша воля.

— Чего вы от меня хотите?

— Пока ничего. Но когда в тебе возникнет потребность, мы дадим знать.

Так и случилось.

Прошли месяцы, затем годы; Скади уже считала голос, пусть и казавшийся в свое время реальным, галлюцинацией. Но однажды, в покое и тишине, голос вернулся и начал давать указания. Поначалу хотел немногого: главным образом не препятствовать тому или сему. Членства в Узком совете Скади удостоилась самостоятельно, без чьей-либо помощи, — по крайней мере, так она полагала. Столь же самостоятельно добилась и членства во Внутреннем святилище.

Часто она размышляла, кто же составляет Ночной совет. Определенно среди тех, на кого Скади обращала внимание в Узком совете и просто в Материнском Гнезде, были и лица, принадлежащие к официально несуществующему органу власти. Но за все время никто не выдал своей причастности к нему. В потоке мыслей — ни единого признака, ни единого указания на то, что эти сочленители могли служить источником либо передатчиком голоса. И Скади старалась не вспоминать о голосе, пока он не напоминал о себе сам. Она подчинялась приказам, не задумываясь об их происхождении. Было приятно сознавать, что она исполняет волю высшей силы.

Взамен неуклонно росло влияние и возможности Скади. К тому времени, когда она присоединилась к сочленителям, был восстанов-

лен «Пролог». Голос приказал ей сделать все необходимое, чтобы возглавить проект, максимально использовать ее открытия и определить направление будущих исследований. Когда она достигла высшего уровня допуска, поняла, насколько важно добытое ею в Городе Бездны. Внутреннее святилище уже предпринимало неуклюжие попытки создать технологию подавления инерции. Но после операции в Городе Бездны все части головоломки легли на места. Жаль, но Скади так и не узнала, что именно произошло с ней во время экспедиции. Возможно, в том была заслуга и других членов Ночного совета — на это намекал голос. А может, дело в самой Скади, проявившей себя умелым, решительным и безжалостным руководителем. Узкий совет стал ее театром действий — и старшие сочленители со смехотворной легкостью поддались ее воле.

Голос не унимался. Он привлек внимание к сигналу с Ресургема, к характерному импульсу, означавшему, что «адские» пушки приведены в готовность.

— Скади, Материнское Гнездо нуждается в этом оружии. Ты должна вернуть его.

— Зачем?

В ее разуме возникло жуткое видение: черные машины, бесчисленная грозная стая воронья.

— Скади, среди звезд обитает враг, страшнее которого мы не встречали доселе. Он приближается. Мы должны защититься.

— Откуда вам это известно?

— Мы знаем, поверь.

Она вдруг услышала в тонком, похожем на детский голосе Ночного совета новое, чего не замечала раньше: страх и муку.

— А еще мы очень хорошо знаем, на что он способен. Доверься нам.

Голос стих, будто говоривший осознал, что выдал слишком многое, и смутился.

Но затем он поместил в разум Скади настойчивую, неприятную мысль, прервав раздумья над загадочной эмоциональностью прежде бесстрастного советчика и наставника.

— Скади, когда мы сможем убедиться в его смерти?

— Часов через десять-одиннадцать. Мы прочешем зону поражения, соберем и профильтруем пыль в поисках характерных химических соединений и элементов. И даже если свидетельства будут не вполне убедительными...

Последовал резкий и безапелляционный ответ:

— Нет, Скади. Его смерть должна быть гарантирована! Нельзя допустить, чтобы он добрался до Города Бездны!

— Клянусь, я убила его!

— Скади, ты умна и решительна. Но и Клавэйн тоже. Однажды он тебя переиграл и может переиграть снова.

— Не имеет значения!

— Почему?

— Даже если Клавэйн достигнет Йеллоустона, имеющиеся у него сведения не дадут ощутимой выгоды ни врагу, ни Феррисвильской конвенции. Если захотят, они попытаются заполучить «адское» оружие. Но у нас есть «Пролог» и машины, подавляющие инерцию. Они дают нам решительное преимущество. Каких бы союзников Клавэйн ни нашел, он обречен на поражение.

Голос молчал. На мгновение Скади показалось, что ее оставили в покое.

Она ошибалась.

— Так ты считаешь, что он может быть жив?

— Я... — Скади растерянно запнулась.

— Лучше бы он оказался мертвым. Иначе мы очень разочаруемся в тебе.

Он держал раненого кота. Позвоночник был перебит, задние лапы бессильно свисали. В его пасть был засунут наконечник пластикового шланга, выходящий из резервуара в скафандре. Ноги Клавэйну придавило тоннами камня. Ослепший, обожженный кот страшно мучился. Но расстаться с жизнью ему не давал человек.

Клавэйн пробормотал, скорее обращаясь к себе, чем к животному:

— Нет, приятель, ты будешь жить, хочешь того или нет.

Голос звучал так, будто терлись друг о друга листы наждачной бумаги. Клавэйну страшно хотелось пить. Но в резервуаре осталось совсем не много, и сейчас была очередь кота.

— Пей, гаденыш. Зря, что ли, ты так долго протянул.

— Позволь мне умереть, — прохрипел кот.

— Извини, дружок, но умереть я тебе не дам.

Вдруг он ощутил движение воздуха — впервые за все время, пока лежали вместе с котом под развалинами. Издалека донесся мощный грохот бетона и металла. Подумал: хорошо, если обвалились внутренние перегородки, а ветер вызван соединением воздушных

пузырей. Если рухнула наружная стена, желание кота скоро исполнится. Тогда пузырь быстро исчезнет, и дышать придется марсианской атмосферой. По слухам, умирать в таких условиях до крайности неприятно, хотя голографические ролики, состряпанные Коалицией ради поддержания боевого духа, утверждают обратное.

— Клавэйн... спасай себя...

— Пушистый, ты чего?

— Я все равно умру.

Когда кот заговорил впервые, Клавэйн посчитал это галлюцинацией. Страдающие, умирающие в одиночестве люди нередко воображают собеседников. Но запоздало понял: это и правда говорящий кот, биоинженерная игрушка богатого туриста. Когда пауки начали обстрел снарядами из вспененного металлического водорода, к причальной башне был пришвартован гражданский дирижабль. Наверное, котяра сбежал оттуда задолго до обстрела, пробрался на нижние ярусы башни и спрятался. Клавэйн считал модифицированных животных оскорблением Божьего промысла и не сомневался: эта тварь уж точно не принадлежит к числу легально созданных разумных существ. Начальство Коалиции за невральную чистоту пришло бы в ярость, познав, что ее адепт делился водой с существом, появившимся на свет вопреки природе. Союз ненавидел генетические модификации не меньше, чем мозговые усовершенствования Галианы.

Клавэйн силой просунул наконечник в горло коту. Тот, повинуясь рефлексу, проглотил несколько капель.

— Когда-нибудь все там будем.

— Скоро будем... скоро...

— Кончай ныть и пей!

Кот дохлебал остатки:

— Спасибо...

Клавэйн снова ощутил движение воздуха, на этот раз сильнее. Вместе с ним опять донесся грохот разваливающихся стен, уже сильней и ближе. В тусклом свете биохимической лампы-грелки, включенной час назад и уже начавшей тускнеть, увидел: на полу дрожит мусор, пляшет пыль. Золотистая шерстка кота шевелилась, будто спелый ячмень на ветру. Клавэйн коснулся его головы, чтобы погладить, успокоить. На месте кошачьих глаз зияли кровавые дыры.

Было ясно: близок финал. Это не воздух перетекает из одной полости в другую. Наверняка разрушился периметр искалеченного строения. Воздух уходит в холодную атмосферу Марса.

Рассмеялся — словно колючая проволока заерзала в глотке.

— Что-то... смешное? — выдавил кот.

— Нет. Нисколько.

Сумрак пронизали лучи света. Волна чистого холодного воздуха ударила в лицо, затопила легкие.

Клавэйн снова погладил кота. Если это смерть, она не так уж и плоха.

— Клавэйн!

Его звали спокойно, настойчиво.

— Клавэйн, проснитесь!

Он разлепил веки, и это забрало половину оставшихся сил. Ярчайший свет резал глаза. Захотелось моргнуть, отчего заплывшие слизью веки немедленно слиплись бы снова. Так тянуло назад, в прошлое, пусть и жутким был сон — о заточении в тесном закутке под руинами, о медленной смерти.

— Клавэйн, предупреждаю: если не проснетесь, я...

Он распахнул глаза настежь. Впереди силуэт, пока еще расплывчатый, неясный. Голос исходил от него. Похоже, Клавэйн лежал и кто-то над ним склонился.

— Ох, мать твою! — сказала женщина. — Он то ли с ума сошел, то ли...

Послышался другой голос, зычный, внешне почтительный, но с очевидными покровительственными нотками.

— Прошу прощения, юная леди, но крайне неразумно делать преждевременные заключения. Особенно когда вы имеете дело с сочленителем.

— А то я сама не знаю, с кем имею дело!

— Я всего лишь хочу напомнить о том, что его тяжелое состояние может быть вызвано сознательно.

— Да выкинь его в космос! — посоветовал еще один голос, мужской.

— Ксав, заткнись!

Наконец зрение сфокусировалось. Клавэйн понял, что находится в небольшой камере с белыми стенами. На стенах насосы, шкалы, диаграммы, предупреждающие надписи, почти стершиеся от времени. Понятно, это шлюз. На Клавэйне по-прежнему был скафандр. Припомнилось: тот самый, в котором он покидал корвет. И склонившаяся над ним особа тоже носила скафандр. Она убрала у Клавэй-

на лицевой щиток и фильтры, позволив свету ударить в глаза, воздуху достичь легких.

Он покопался в оцепенелой памяти и нерешительно спросил:

— Антуанетта?

— Она самая!

Женщина тоже подняла лицевой щиток. Но различить сочленитель мог лишь отдельные детали: соломенного цвета волосы, большие глаза, веснушчатый нос. Ее скафандр крепился за пояс к стене металлическим тросом. А рука лежала на массивном красном рычаге.

— Вы моложе, чем я думал, — проговорил Клавэйн.

— Как чувствуете себя?

— Чуть лучше. Скоро совсем очухаюсь. Я вошел в глубокий сон, почти в кому, чтобы сохранить ресурсы скафандра на случай, если вы чуть запоздаете.

— А если бы я вообще не явилась?

— Антуанетта, я верил: вы явитесь.

— И напрасно. Я запросто могла не прилететь. Верно, Ксав?

Мужской голос добавил сердито:

— Старик, ты даже не представляешь, как тебе повезло!

— Наверное, не представляю.

— Я же сказал: надо выкинуть его! — повторил мужчина.

Антуанетта оглянулась на оконце внутренней двери шлюза:

— Выкинуть, проделав такой путь?

— Еще не поздно. Преподай ему урок, чтобы не был таким самоуверенным!

Клавэйн чуть шевельнулся:

— Я не...

— Стоп! — Антуанетта вскинула руку, давая понять, что шевельнуть еще хотя бы мускулом для Клавэйна было бы ошибкой. Указала кивком на красный рычаг.

— Клавэйн, смотрите внимательно. Если мне что-нибудь не понравится — например, как вы моргаете, — я открываю шлюз. И тогда Ксав скажет вам «Счастливого полета».

Клавэйн поразмыслил над ситуацией несколько секунд.

— Но если бы вы не доверяли мне совершенно, не прилетели бы спасти.

— Может, я из чистого любопытства прилетела.

— Не исключено. Но возможно и другое: вы решили, что я могу говорить правду. Ведь я однажды спас вам жизнь.

Свободной рукой девушка надавила кнопки. Внутренняя дверь отодвинулась, и Клавэйн успел бросить взгляд вглубь корабля. Там маячила поджидавшая фигура в скафандре, но больше никого не было.

— Я иду! — предупредила Антуанетта.

Одним быстрым движением она отцепила трос и скользнула внутрь. Дверь шлюза тут же встала на место. Клавэйн лежал неподвижно, дожидаясь, когда ее лицо появится в окошке. Она сняла шлем, запустила пятерню в пышные непослушные волосы.

— Решили оставить меня здесь?

— Да. По крайней мере, на время. Разумная мера. Если что, выкину вас в космос.

Клавэйн потянулся к шлему, отсоединил и снял. Тот поплыл по шлюзу, будто крошечная металлическая луна.

— Я не собираюсь совершать поступки, способные вас рассердить.

— Это хорошо.

— Но, пожалуйста, выслушайте меня внимательно. Находясь здесь, вы подвергаетесь большой опасности. Нужно покинуть зону военных действий как можно скорее.

— Старик, расслабься, — посоветовал мужчина. — Мы еще успеем техобслуживание провести. На световые минуты вокруг ни одного зомби.

— Вам не демархистов следует опасаться. Я убегаю от своей фракции, от сочленителей. У них неподалеку субсветовик, который трудно обнаружить обычными средствами наблюдения. Правда, не совсем рядом, я об этом позаботился. Но он может быстро двигаться, и несет дальнобойные ракеты, и упорно меня ищет.

— Так вы же вроде инсценировали свою гибель. Так мне и сказали, помните?

— Да. — Он кивнул. — Должно быть, Скади уже разнесла мой корвет в пыль, будучи уверена, что я на борту. Но на этом она не остановится. Это очень дотошная особа. Она не поленится прочесать окрестности, собрав атомарные следы на корпус корабля.

— Атомарные следы? Да вы шутите! — Антуанетта покачала головой. — К тому времени, как они доберутся к месту взрыва, там...

— Там все еще останется повышенная плотность — пусть на пару атомов в кубометре — веществ, которых не отыщешь так запросто

в межпланетном пространстве. Например, характерные изотопы, содержавшиеся в материалах корпуса, и прочее в том же роде. Обшивка «Паслена» уловит их и проанализирует. Она покрыта клейким веществом, захватывающим все, что крупней молекулы, а бортовые масс-спектрометры проанализируют окрестный вакуум. Полученные данные будут тщательно обработаны, и компьютер придет к выводу, что такое распределение посторонних элементов возникает при взрыве космического корабля, и не просто корабля, а корвета. Конечно, результаты вряд ли получатся однозначными, статистические ошибки слишком велики — почти порядка самого эффекта. Но мне доводилось наблюдать, как подобный анализ служил руководством к действию. И наверняка выяснится, что на корвете было слишком мало органической материи. И еще кое-что. — Клавэйн медленно двинул рукой, стараясь, чтобы жест не был воспринят как угроза. Коснулся виска. — В моих имплантатах есть очень специфичные изотопы. Их тяжело детектировать, даже очень, но Скади это сделает, если поставит себе такую задачу. А она поставит. А она приложит. И когда не найдет...

— Поймет, что вы ее провели, — докончила фразу Антуанетта.

— Да. Конечно, я учел и это. Тщательный поиск потребует много времени. Мы успеем достичь нейтральной зоны, но стартовать нужно немедленно.

— Клавэйн, вам и в самом деле не терпится попасть на Ржавый Пояс? — спросила Антуанетта. — Они же вас живьем съедят — что конвенция, что зомби.

— Никто же не говорил, что дезертирство — занятие не рискованное.

— А вы, если не ошибаюсь, однажды уже дезертировали.

Клавэйн поймал дрейфующий шлем, закрепил на поясе.

— Да. Это было давно. Наверное, задолго до вашего рождения.

— Века за четыре, так?

Клавэйн поскреб в бороде:

— Почти в точку.

— Тогда — это же вы! Тот самый!

— Что значит «тот самый»?

— Ну, Клавэйн! Из истории. Про которого говорят, что он уже давно мертвый. Фарсидский Мясник.

Клавэйн улыбнулся:

— Ох, грехи мои тяжкие. Это именно я.

ГЛАВА 18

Торн парил над миром, обреченным на гибель.

Они вылетели с «Ностальгии по бесконечности» на проворном кораблике, найденном женщинами в ангаре. Двухместный аппарат был рассчитан на рейсы от планетной поверхности к орбите, сделан в форме головы кобры: крылья, как расправленный капюшон, плавно стыкуются с фюзеляжем, иллюминаторы пообочь корпуса — будто глаза. Нижняя сторона покрыта буграми сенсоров, люками и чем-то похожим на разномастное оружие. Пара стволов излучателей частиц торчит спереди, как ядовитые клыки, а всю поверхность корабля укрывают разной формы черно-зеленые, мерцающие чешуйки керамической брони.

— Эта штука и вправду доставит нас туда и обратно? — спросил Торн.

— Это самый быстрый шаттл на субсветовике и, наверное, самый малозаметный. Но у него легкая броня, да и оружие скорее для впечатления, чем для настоящего дела. Если хотите лучше защищенное и вооруженное судно, подыщем, но не жалуйтесь потом, что оно слишком медленное и легко обнаружимое.

— Решайте сами.

— Торн, не стоит туда лететь. Это просто глупо. Еще не поздно отказаться.

— Глупо или нет, такой вопрос не стоит, инквизитор. — Торн никак не мог избавиться от привычки обращаться к Виллемье по должности. — Я просто не стану сотрудничать, если не поверю в реальность угрозы. А для этого должен увидеть ее своими глазами.

— А с какой стати нам лгать?

— Не знаю с какой, но ведь вы лжете. — Он пристально смотрел ей в лицо, удерживал ее взгляд, пока не стало неловко обоим. — Я не совсем понимаю, в чем дело, но вы обе не совсем честны со мной. Кое в чем правдивы, не могу отрицать, но что-то утаиваете. И это мне совершенно не нравится.

— Мы хотим всего лишь спасти людей Ресургема.

— В это я как раз верю.

Виллемье и Торн сели в «змеиную голову», оставив Ирину на борту «Ностальгии». Стартовали быстро, и хотя Торн постоянно оглядывался, ему не удалось толком рассмотреть субсветовик. Не сумел

он это сделать в первом рейсе, когда прилетел сюда с Ресургема. С чего бы этим женщинам не желать, чтобы он увидел звездолет снаружи? А может, у него просто разыгралась мнительность, и по возвращении он рассмотрит «Ностальгию по бесконечности» без проблем?

— Вы можете лететь и сами, — предложила Ирина. — Кораблем не нужно управлять. Запрограммируем траекторию, позволим автоматике реагировать на обстановку. Скажите только, как близко хотите подобраться к ингибиторам.

— Слишком близко, пожалуй, не надо. Несколько десятков тысяч километров будет вполне достаточно. Если дуга хорошо рассеивает свет, я ее увижу с такого расстояния, равно как и уходящие в атмосферу трубы. Но один лететь не хочу. Если уж вам так нужно привлечь меня на свою сторону, отправляйтесь со мной. Так я буду знать, что это не ловушка.

— Я полечу с ним, — вызвалась Виллемье.

— Как пожелаешь. — Ирина пожала плечами. — На всякий случай — прощай.

Долетели без проблем. Как и по пути с Ресургема, бóльшую часть времени проспали — не в анабиозе, но в глубоком, подобном коме сне, вызванном средствами, тормозящими нервную систему.

Виллемье велела кораблю разбудить их, когда окажутся в половине световой секунды от газового гиганта. Торн проснулся и сразу пожалел об этом: голова мутная, во рту мерзкий вкус, все тело болит и чешется.

— Торн, хорошая новость: мы еще живы, — сообщила Виллемье. — Либо ингибиторы нас не заметили, либо им наплевать.

— Наплевать? С какой стати?

— Должно быть, они уже знают по опыту, что помешать мы не сможем. Скоро всему человечеству конец, стоит ли беспокоиться из-за пары особей?

— Знают по опыту? — Он нахмурился.

— У них коллективная память. Мы не первая раса, которую они уничтожают. Наверное, процент успеха у них достаточно высок, раз не меняют стратегию.

Теперь корабль дрейфовал свободно. Торн отстегнул амортизирующие ремни, оттолкнулся от кресла, подплыл к щелевидному иллюминатору. Самочувствие слегка улучшилось. За окном виднелся газовый гигант, и выглядел он не лучшим образом.

Прежде всего Торн заметил сходящиеся к нему из глубин системы три потока материи. Они тускло поблескивали в свете Дельты Павлина — тонкие серебристые полосы, словно мазки гигантской призрачной кисти через все небо, параллельно эклиптике, от гиганта в никуда. Движение планетного материала в потоках было едва заметным, выдавали его лишь случайные движущиеся блики отраженного света. Торну это напомнило вязкий поток воды в реке на грани замерзания. Вещество преодолевало сотни километров в секунду, но невероятный масштаб происходящего и эту скорость делал малой, почти неощутимой. Потоки были многокилометровой ширины — будто разматываемые околопланетные кольца.

Торн проследил за ними взглядом. Близ гиганта плавные орбитальные дуги резко ломались — там потоки направлялись к местам переработки. Выглядело это так, будто элегантную работу художника грубо нарушили, толкнув его под руку в самый последний момент.

Ориентация спутников по отношению к набегающим потокам постоянно менялась, и поэтому менялась геометрия потоков вблизи точек поворота. Иногда один вовсе запруживали, пропуская другой. Но, возможно, так лишь казалось, а по-настоящему движением управляли с безукоризненной точностью, и потоки проходили друг сквозь друга, не сталкиваясь ни единой частицей.

— Мы и вообразить не можем, как машинам удается подобное, — тихо призналась Виллемье. — У этих потоков чудовищный импульс, сквозь сечение каждого проходят миллиарды тонн в секунду. Но направление они меняют с потрясающей легкостью! Может, ингибиторы разместили в точке поворота небольшие черные дыры и разворачивают вещество в их поле? Так считает Ирина. А у меня от всего этого мурашки по коже. Еще она допускает, что машины способны попросту отключать инерцию и благодаря этому с легкостью разворачивать любые массы.

— И то и другое звучит не слишком ободряюще.

— Вы правы. Но даже если ингибиторы умеют мастерить черные дыры на заказ и манипулировать инерцией, они это делают не в слишком больших масштабах — иначе мы были бы уже мертвы. У машин есть свои пределы. По крайней мере, в это хочется верить.

Луны — объекты диаметром несколько десятков километров — казались плотными сгустками света, крючьями на конце нисходящих потоков. Материя рушилась в их зияющие отверстия, похожие на рты,

перпендикулярные плоскости орбиты. По законам физики, ничем не уравновешенная падающая масса должна была выпихнуть луны на новую орбиту. Но этого не происходило. Очевидно, ингибиторы умели нарушать либо обходить обычные законы сохранения импульса и энергии.

Спутник на самой далекой орбите производил дугу, которая рано или поздно замкнется в кольцо вокруг газового гиганта. Когда Торн смотрел с «Ностальгии по бесконечности», еще можно было усомниться в назначении дуги. Теперь сомнения исчезли. Дуга продолжала удлиняться со скоростью тысяча километров за каждые четыре часа — колоссальная лавина высокоорганизованной материи.

Торну пришлось напомнить себе: это не магия, а всего лишь чрезвычайно продвинутая техника. Хотя верилось с трудом. Под ледяной коркой лун неведомые агрегаты с фантастической скоростью вырабатывали непонятные компоненты, образующие трубу диаметром тринадцать километров. Обе женщины с «Ностальгии» и представить не пытались, какова эта труба внутри: пуста она или забита сложнейшей техникой пришельцев.

Нет, все же это не магия. Насколько Торн понимал, жесткие законы физики в присутствии ингибиторов становились податливыми, словно карамель на жаре. Скорее, законы не абсолютны, они являются лишь правилами, в большинстве случаев соблюдаемыми, а при умении и необходимости вполне изменяемыми. Но и черные машины имели свои пределы. Они могли творить то, что казалось волшебным, но перед действительно невозможным отступали. К примеру, как показывали наблюдения, ингибиторы не могли сотворить материю из ничего, хотя умели обрабатывать ее с поразительной скоростью. Вот и пришлось им разграбить три планеты.

Кроме того, их огромные стройки требовали времени. Дуга вокруг планеты образовалась не мгновенно, она росла со скоростью в двести восемьдесят метров в секунду. Машины, при всем их могуществе, не были богами.

Торн пришел к выводу, что это, пожалуй, единственное утешение в данной ситуации.

Он пригляделся к паре нижних лун. Их ингибиторы перевели на идеально круглые орбиты прямо над облачным слоем, причем орбиты пересекались. Временами луны проходили вблизи друг друга, но медленная укладка «нити» в атмосферу не прекращалась.

Теперь их работа виднелась отчетливо: трубы выходили из них прямыми, чуть изгибались, а затем, в тысяче километров от спутника, обрушивались резко в атмосферу. Касаясь ее, двигались с космической скоростью, несколько километров в секунду, и оставляли среди облаков метины, похожие на раны от когтей. За местом вхождения труб тянулись ржаво-красные полосы, дважды или трижды опоясывающие гиганта. Следы не совпадали друг с другом из-за вращения самого гиганта вокруг оси. Два спутника-завода выписывали на поверхности движущихся облаков сложный узор, напоминающий упражнение экстравагантного каллиграфа. Красиво, аж дух захватывает, но и страшно до тошноты. Несомненно, планету уродуют, безжалостно увечат. А потом и вовсе уничтожат. Эта каллиграфия — надпись на могиле умирающего мира.

— Полагаю, теперь вы нам верите, — сказала Виллемье.

— Да, я склонен поверить. — Торн стукнул костяшками в иллюминатор. — Может, это и не стекло, хотя таковым и кажется, а что-то вроде трехмерного дисплея... Однако вряд ли вы настолько хитры. Даже если я выйду наружу в скафандре, чтобы увидеть собственными глазами, и то не буду до конца уверен в том, что лицевой щиток — не дисплей.

— Вы очень подозрительный человек.

— Захочешь жить, станешь подозрительным. — Торн вернулся к своему креслу, уселся. — Хорошо. Я увидел. Следующий вопрос: что именно там происходит? Каковы их намерения?

— Думаю, ответ искать не обязательно. Достаточно знать, что происходит скверное.

— Для меня этого недостаточно.

— Мы знаем, что делают эти машины, хотя и не знаем, как именно. Ингибиторы уничтожают разумные расы, медленно и тщательно. Их сюда привлек Силвест, и сделал он это, скорее всего, ненамеренно. Впрочем, это исключительно скользкий тип, и невозможно сказать, какими были его настоящие мотивы. Факт остается фактом: черные машины прилетели, чтобы проделать свою обычную работу. Это все, что нам нужно знать. Необходимо просто увезти отсюда всех, кого только можно, и побыстрее.

— Если эти машины так эффективны, как вы считаете, то не будет ли напрасной наша попытка к бегству?

— Мы выиграем время. Да и машины уже не те. Их работа небезупречна.

— Вы же говорили, что они самовоспроизводящиеся. Отчего ингибиторы стали работать хуже? Разве что-нибудь мешает им обучаться, делаться умнее и эффективнее?

— Создатели ингибиторов, кем бы они ни были, не хотели, чтобы их детища чересчур развились. Машины предназначались для уничтожения разума. Какой смысл заполнять ими ту нишу, которую они должны держать пустой?

— Пожалуй, вы правы, — согласился Торн, отнюдь не удовлетворенный ответом. — Думаю, вы должны еще кое-что показать мне и рассказать. Но до того я хотел бы подлететь ближе.

— Насколько ближе? — насторожилась инквизитор.

— Полагаю, корабль приспособлен для полетов в атмосфере. Такая обтекаемая форма...

— Насчет атмосферы мы не договаривались.

— Ну, так подайте на меня в суд за нарушение контракта. — Он улыбнулся. — Я от природы пытлив, как и вы.

Скорпион очнулся. Тело сотрясала дрожь. Было холодно, кожа покрылась липкой гадостью. Он заскребся, сдирая блестящий слой жирного геля. Тот чавкал, отлепляясь мерзкими полупрозрачными чешуями. Скорпион очень осторожно вычищал участок близ ожога на правом плече, бережно, заботливо, почти с наслаждением ощупывал его края. Знал на ощупь каждый дюйм ожога, но, очерчивая пальцами причудливый рельеф грубого шрама, вспоминал о долге перед собой, о данном себе же обещании, которому следовал с тех пор, как убежал от Квайла. Пусть Квайл умственно очень далеко ушел от людей, генетически он был человеком. Этого нельзя забыть. Нужно отомстить людям. За Скорпионом должок.

Боль ушла. Не напоминал о себе даже шрам. Но мутило, трудно было сориентироваться. В ушах ревело, словно голову сунули в вентиляционную шахту. Перед глазами плавала переливающаяся, дрожащая муть. Спохватившись, он отлепил от лица прозрачную корку. Моргнул. Зрение прояснилось, но в ушах по-прежнему ревело. Скорпион осмотрелся. Он по-прежнему трясся от холода, но уже был способен определить, где находится.

Скорпион лежал в половинке металлической яичной скорлупы, скорчившись в позе зародыша. Нижнюю половину тела еще окружал отвратительный липкий гель. Вокруг змеились пластиковые трубки, переходники. В ноздрях и глотке ощущалось раздражение, — должно быть, туда недавно совали эти трубки. И выдернули бесцеремонно.

Вторая половина металлического яйца валялась рядом — видно, недавно отсоединили. Вокруг безошибочно угадывалась внутренность космического корабля: полированный синий металл, изогнутые, похожие на ребра перфорированные лонжероны. Гул в ушах — звук работающих двигателей. Значит, летим. Корабль маленький, раз двигатели слышны. Не хватает места, чтобы одеть их силовым полем, глушащим вибрацию. Определенно внутрисистемный шаттл или что-то похожее.

Скорпион вздрогнул: в дальнем конце отсека открылась дверь, обнаружив каморку с ведущей наверх лестницей. С ее последней ступеньки сошел на пол мужчина и спокойно направился к Скорпиону, очевидно не удивившись его пробуждению.

— Как самочувствие?

Скорпион заставил себя посмотреть на вошедшего, сосредоточился. Этого человека он знал, хоть тот и успел измениться. Одежда по-прежнему темная, без отличительных знаков, но уже не отчетливо сочленительского покроя. Лысый прежде череп теперь покрывала короткая черная щетина. Выглядел он теперь куда менее похожим на труп.

— Ремонтуар! — прохрипел Скорпион, выплевывая изо рта мерзкий гель.

— Да, это я. С вами все хорошо? Мониторинг состояния показал: анабиоз не оставил вредных последствий.

— Где мы?

— На корабле близ Ржавого Пояса.

— Снова явились меня мучить?

Ремонтуар отвернулся, не желая глядеть ему в глаза:

— Скорпион, это была не пытка... всего лишь дополнительное обучение.

— Когда собираетесь сдать меня конвенции?

— Думаю, выдача больше не стоит на повестке дня. По крайней мере, сейчас она не представляется целесообразной.

Скорпион утвердился в догадке: скорее всего, это шаттл. Очень может быть, что на борту всего двое. Интересно, каково это — вести сочленительский корабль? Наверное, непросто, но попробовать стоит. Даже если потерпишь крушение и сгоришь, все лучше, чем смертный приговор.

Он выпрыгнул из скорлупы, подняв фонтан геля. Полетели в стороны трубки, капельницы. В один миг плохо устроенные руки ги-

персвиньи отыскали жизненно важные точки. Надави такую — и любой человек, даже сочленитель, лишится сил, потеряет сознание, умрет...

Очнулся Скорпион в другой части корабля, привязанный к креслу. Ремонтуар сидел напротив, аккуратно сложив руки на коленях. За его спиной изгибалась внушительная консоль, покрытая экранами, индикаторами, системами управления и полусферическими навигационными дисплеями. Освещалась консоль на манер игрального автомата в казино.

— На вашем месте я бы этого не повторял, — посоветовал Ремонтуар.

— Чего не повторял? — буркнул Скорпион, глядя дерзко.

— Вы пытались меня задушить. Пустая затея. Мы внедрили в ваш мозг, вблизи сонной артерии, небольшой имплантат. Его единственная функция — сдавливать артерию по сигналу от моего имплантата. В случае угрозы я пошлю сигнал сознательно, но устройство может сработать и само. Если я вдруг потеряю сознание или погибну, вы вскоре умрете.

— Но оно сработало, а я-то жив!

— На первый раз я проявил милосердие и ограничился предупреждением.

Скорпион осмотрелся: он одет, кожа кажется сухой, и вообще ему гораздо лучше, чем недавно в скорлупе.

— Отчего же не повторить? Вы мне дали отличное средство для самоубийства. Всяко лучше, чем ждать, когда меня выпотрошит конвенция.

— Я не намерен передавать вас конвенции.

— Ага, значит, небольшая личная месть?

— Снова не угадали. — Ремонтуар повернулся к вычурной приборной панели.

Он работал, словно пианист над инструментом, не глядя, чего касаются пальцы. Над консолью находился иллюминатор, еще два прорезали синюю сталь корпуса по бокам.

Свет в кабине постепенно ослаб, изменилось звучание двигателей, и Скорпион ощутил нутром перемену гравитации. В лобовом иллюминаторе появился огромный охряный полумесяц Йеллоустона. Бóльшая часть видимой поверхности была окутана ночным сумраком. Корабль Ремонтуара находился почти в плоскости Ржавого

Пояса. На фоне освещенного участка планеты едва различались спутники Пояса — словно едва заметная темная посыпка, коричный след. Но на темной стороне они казались россыпью драгоценностей, переливающихся, блещущих, светящихся огромными зеркалами и прожекторами.

Зрелище впечатляло, но Скорпион знал: это лишь тень былого великолепия. Перед эпидемией плавящей чумы Пояс состоял из десяти тысяч обитаемых спутников — теперь люди жили на нескольких сотнях. Но темнота скрыла руины, оставила только волшебную светящуюся пыль обитаемых космических островов — словно колесо истории застопорилось там.

За Ржавым Поясом Йеллоустон казался таким близким! Скорпион живо представил шум Города Бездны, разноголосие, слышное и за облаками, словно завлекающее пение сирен. Вспомнил норы и крепости свиней и их союзников в трущобах Мульчи, этого царства беззакония, состоящего из многочисленных владений отдельных банд и группировок. После спасения от Квайла Скорпион, явившись в Мульчу, попал на низшую ступень тамошней иерархии — изуродованный шрамами иммигрант почти без единого целого воспоминания. Но Скорпион помнил, как выживать во враждебном окружении и, что важнее, как обратить ситуацию в свою пользу. Такими умениями, если ничем другим, он был обязан Квайлу. Но это не значило, что Скорпион был благодарен.

О жизни до встречи с Квайлом он помнил очень мало. Знал: то, что кажется воспоминанием, на самом деле продукт воображения. Память удержала самые важные сведения о прежнем существовании, о жизни на яхте, но подсознание не теряло времени даром, заполняя один пробел за другим. Воспоминания, и без того сомнительные, дополнялись множеством иллюзорных деталей. Возможно, выстроенное и соответствовало реальности, но как проверить? Хотя какая теперь разница? Никто не оспорит воспоминания и не подтвердит. Те, кто мог, сейчас мертвы, безжалостно истреблены руками Квайла и его сообщников.

Первое воспоминание о Квайле было жутким. Очнувшись от долгого сна, либо чего-то более глубокого, нежели сон, и беспамятного, он оказался в шеренге с одиннадцатью гиперсвиньями, посреди стылой комнаты с металлическими стенами. Одеты свиньи были в сшитое из полос жесткой и темной пятнистой ткани платье. Перед строем стоял Квайл — высокий, асимметрично модифицированный

человек. Скорпион предположил, что он из ультра или подобных им фракций, склонных к гипертрофированному уродству: угонщиков или атмосферных черпальщиков. За спиной Квайла толпилось с полдюжины модифицированных людей. Все — с оружием, от ножей до крупнокалиберных короткоствольных дробовиков. Глядят на гиперсвиней с отчетливым предвкушением удовольствия.

Скорпион без труда понимал речь Квайла. Тот объяснил, что двенадцать свиней были доставлены на борт его корабля, большого и вместительного, чтобы команда развлеклась после нескольких неудачных сделок.

Развлечение удалось на славу, хотя и не совсем так, как запланировал Квайл. Команда настроилась на веселую охоту и с энтузиазмом ею занялась, и поначалу все шло как задумано. Правила были очень простые: свиньям дозволялось бежать куда угодно, прятаться как угодно, использовать любое оружие и инструменты, какие сумеют отыскать либо соорудить. Квайл посулил пощаду любой свинье, которая протянет пять суток. Жертвы сами должны решить, держаться им вместе либо поодиночке. Люди дали им шесть часов форы.

Этого оказалось очень мало. Половина свиней погибла к концу первого дня охоты. Условия они приняли безропотно, даже Скорпион ощущал странное чувство долга, необходимость исполнять требования людей, будь то Квайл или другой человек. И хотя инстинкт самосохранения взял верх, ударить в ответ Скорпион решился только на третий день. И тогда пришлось бороться с собой, преодолевать ощущение, будто покушаешься на святое, совершаешь немыслимое кощунство.

Сперва Скорпион прятался вместе с парой свиней, из которых одна была немая, а другая способна только на ломаные фразы. Но взаимодействовали все трое с необыкновенной легкостью, предугадывали мысли и поступки друг друга. Скорпион знал, что раньше свиньи работали вместе, хотя еще не сумел отыскать ни единого связного воспоминания о своей жизни до попадания к Квайлу. Но хотя команда справлялась неплохо, проведя с товарищами восемнадцать часов, Скорпион решил действовать в одиночестве. Двое предпочли остаться в уютном закоулке, Скорпион же не сомневался: единственная надежда на спасение — в постоянном продвижении наверх, против создаваемой двигателями тяги.

Тогда он и сделал первое важное открытие. Проползая через вентиляционную шахту, Скорпион разодрал одежду и открыл край

блестящего зеленого рисунка, покрывавшего бóльшую часть правого плеча. Он расширил разрыв, но не сумел рассмотреть как следует, пока не нашел отражающую поверхность. Оказалось, на плече вытатуирован стилизованный контур скорпиона.

Он коснулся изумрудной татуировки, провел пальцами вдоль изогнутого хвоста, живо вообразил укол ядовитого жала — и почувствовал наполняющую его силу, мощь, какую лишь он один мог высвободить и направить. Стало ясно: его личность неразрывно связана с татуировкой, все важное сосредоточено в ней. Это был страшноватый миг самоидентификации, обнаружения собственного «я»: он понял, что может назвать себя. Что обладает собственным именем, которое связывает его с прошлым.

Спустя четверть часа он сделал второе открытие, заметив сквозь иллюминатор летящее рядом судно. Маленькое, гораздо меньше корабля Квайла, и тонкое, с изящными обводами. Это, несомненно, космическая яхта, рассчитанная на путешествия внутри системы. Корпус из бледно-зеленого поблескивающего сплава, аэродинамически совершенная форма, как у ската манты; прикрытые воздухозаборники похожи на пасти исполинских акул. Глянув на яхту, Скорпион будто сразу увидел ее чертеж под элегантными обводами. Понял, что может заползти в любой закуток с закрытыми глазами; может управлять ею, почти не думая; может исправить любую неполадку, отрегулировать любую систему. Желание ухаживать за яхтой навалилось с неистовой силой. Скорпион чувствовал, что лишь в ее чреве, окруженный инструментами и машинами, он может быть по-настоящему счастлив.

Тогда он предположил навскидку: наверное, двенадцать свиней составляли экипаж захваченной Квайлом яхты. Судно стало призом пиратов, команду погрузили в глубокий анабиоз до той поры, когда пиратам захочется скрасить унылое существование на борту. Это, по крайней мере, объясняло амнезию. Скорпион очень обрадовался, найдя ниточку в прошлое.

И еще он обрадовался, когда сделал третье открытие.

Он обнаружил двух свиней, оставленных в убежище. Как и опасался, их поймали и убили. Подвесили на цепях к перфорированной потолочной балке. Содрали кожу, выпустили кишки. Причем — Скорпион не сомневался — вспарывать и обдирать начали заживо. Теперь он был уверен и в том, что одежда, которую на него напялили, сделана из кожи свиней. Дюжина соратников Скорпиона —

не первые жертвы, но лишь очередные мишени в игре, продолжавшейся куда дольше, чем он думал поначалу. Его обуяла ярость, какой он не испытывал никогда. В голове словно лопнуло что-то, и Скорпион всерьез задумался над тем, что раньше казалось немыслимым: как причинить человеку вред. Не просто травмировать: изувечить, изуродовать. Умертвить. Скорпион даже смог задуматься о том, как это лучше сделать.

Он обнаружил в себе изобретательность, умение обращаться с техникой — и принялся изменять корабль Квайла. Превращал двери в гильотины, разрубавшие неосторожных. Обрушивал кабины лифтов вместе с пассажирами, превращал транспортные платформы в прессы, плющившие добычу. Выкачивал воздух из отсека, иногда заменяя его отравленным газом, и заставлял датчики посылать ложные сигналы о присутствии там живого существа. Казнил охотников одного за другим, временами с артистичной изощренностью, пока не остался в живых один Квайл, перепуганный до смерти, наконец осознавший, какую глупость совершил. Но к тому времени одиннадцать свиней уже погибли, и к радости победы Скорпиона над людьми примешалась едкая горечь. Он не смог спасти друзей, не обладавших многими его умениями, не способных даже толком говорить — а уж он-то свою речь воспринимал как данность, не задумываясь. У них не только глотка не была устроена должным образом — не был приспособлен и мозг. Для них понять произносимое другими стоило большого труда. Несколько слов, коротких предложений — вот и весь их запас. Рассудки их работали по-другому, не имели возможности ни расшифровывать речь, ни строить ее. А для Скорпиона даже мыслить словами было естественным. Как ни крути, он был гораздо ближе к людям. И, хотя никто из друзей не просил о защите, Скорпион чувствовал, что предал их, оставил в беде.

Он продержал Квайла живым до тех пор, пока они не приблизились к Йеллоустону. На яхте отправился в Город Бездны. К тому времени как Скорпион достиг Мульчи, Квайл, скорее всего, уже был мертв или корчился в агонии. Скорпион соорудил для него отличный эшафот, переделав хирургическую автоматику из лазарета.

А когда почти уже прибыл домой, никем не преследуемый, свободный, — сделал финальное открытие. Яхта не принадлежала ни ему, ни кому-либо из гиперсвиней. «Свет Зодиака» принадлежал людям и управлялся ими, а дюжина свиней, прозябавших в бессрочном долговом рабстве, ютилась на борту, исполняя каждый свою обязанность.

Просматривая корабельный журнал, Скорпион увидел, как вломившиеся на борт пираты перебили экипаж. Людей они умерщвляли быстро и аккуратно, почти гуманно по сравнению с расправой над свиньями. И в том же журнале Скорпион нашел запись о том, как хозяева яхты клеймили рабов: каждый из двенадцати получил свой знак зодиака на плечо. Так метят покорную хозяину живую вещь.

Он нашел сварочный лазер, поставил на минимальную мощность и глубоко взрезал лучом свое тело. Смотрел, завороженный, как мощные импульсы света выжигают плоть, как трещит жир, как исчезает зеленый рисунок. Боль была неописуема, но Скорпион решил не смягчать ее анестезирующим средством из аптечки. И ничего не сделал, чтобы облегчить заживление раны. Боль была нужна, чтобы вытерпеть ее и перейти, как по мосту, на другую сторону. Рубец ожога стал свидетельством этого перехода, памятником освобождению. Болью Скорпион вернул себя, создал заново свое «я». Возможно, раньше его «я» и не существовало, и в муках он сумел выковать новую личность. Рубец всегда напоминал о том, что нужно делать, и если ненависть к людям ослабнет, если появится желание простить — рубец напомнит вновь. И тем не менее, непонятно почему, решил оставить полученное от людей имя. Пусть оно станет символом ненависти, средоточием страха. Им люди станут пугать детей, чтобы слушались.

Мстить Скорпион начал в Городе Бездны. Туда-то он и хотел бы вернуться, если удастся сбежать от Ремонтуара. Конечно, и тогда придется жить в подполье. Но трудностей станет гораздо меньше, когда он свяжется с Хлестуном. Хлестун — один из первых союзников, у него неплохие связи, его влияние простирается до Ржавого Пояса и Лореанвиля. Он наверняка остался верен Скорпиону, и если даже кому-то повезет захватить возвращающегося босса, в Городе Бездны таким везунчикам придется несладко. Орда свиней, разномастный альянс банд и группировок, собранных Скорпионом и Хлестуном, уже несколько раз нападала на власти. Потери они несли страшные, но по-настоящему побеждены не были никогда. Правда, и серьезной угрозы властям не создавали — воевали, чтобы удержать кварталы Мульчи. Однако Хлестун с подельниками не боялись расширять сферу влияния. Они нашли союзников среди баньши, а значит, получили возможность действовать далеко за пределами Мульчи. Надолго отойдя от дел, Скорпион теперь очень интересовался, как обстоят дела у этого союза.

Он кивнул, указывая на пояс спутников:

— Похоже, все еще летим к Поясу.

— Да. Но не к конвенции. Наши планы слегка изменились, и потому пришлось вставить неприятный имплантат вам в голову.

— Правильно сделали.

— Иначе вы бы убили меня? Возможно. Но далеко бы не улетели. — Ремонтуар погладил консоль, улыбнулся. — Боюсь, вы бы не смогли управлять этим судном. Несмотря на облик, оно целиком сочленительское. Пришлось его замаскировать, чтобы не вызвать подозрений.

— Расскажите, что происходит.

Ремонтуар опять развернул кресло, наклонился, придвинувшись к свинье очень близко. Не будь имплантата, одно движение Скорпиона — и... Но если не удержаться, наверняка умрешь. И потому Скорпион удержался, позволил человеку выговориться, хотя и живо представлял при этом, с каким наслаждением прикончил бы его.

— Полагаю, вы знакомы с Клавэйном?

Скорпион фыркнул.

— Он был одним из нас. Более того, он был отличным сочленителем четыреста лет. Нас бы не было, если бы не Клавэйн. Знаете, его ведь недаром прозвали Фарсидским Мясником. Но это древняя история. Не думаю, что вы слышали о плато Фарсида. Теперь главное — дезертирство Клавэйна, уже совершившееся или только совершающееся. Его нужно остановить. Клавэйн был моим другом. Я и теперь считаю его другом. И потому хотел бы захватить его живым, если это возможно. Если нет, я готов убить его. Мы уже пытались его уничтожить, когда это казалось единственным выходом. Я даже рад, что нам не удалось. Клавэйн перехитрил нас, выбросился из корвета в пространство, направив корабль дальше. Когда мы взорвали корвет, Клавэйна на борту не было.

— Умный парень. Он начинает мне нравиться.

— Рад слышать. Это очень хорошо, ведь вы поможете мне найти его.

Скорпион подумал, что Ремонтуар уж слишком самонадеян, — и это тревожило. Он и в самом деле рассчитывает на помощь?

— Помочь вам? Найти его?

— Мы полагаем, его спас каботажный грузовик, тот самый, встреченный нами раньше в зоне военных действий — между прочим, как раз перед тем, как мы захватили вас. Тогда Клавэйн помог

хозяйке каботажника спастись. Похоже, теперь он сделал ставку на ее благодарность. Это судно только что совершило нелегальный и непредусмотренный вояж в зону боевых действий. Возможно, Клавэйн заранее договорился, и его, дрейфующего в космосе, подобрали торговцы.

— Не вижу проблем. Просто разнесите чертову посудину вдребезги.

— Боюсь, слишком поздно. Пока мы соединяли куски головоломки, судно успело вернуться в пространство Феррисвильской конвенции. — Ремонтуар указал на вереницу орбитальных станций, блистающих над затененной поверхностью Йеллоустона. — Сейчас Клавэйн залег на дно где-то в Ржавом Поясе, а это ваша территория. Судя по вашему досье, вы знаете его едва ли хуже, чем Город Бездны. Уверен, вы с радостью станете моим проводником. — Ремонтуар улыбнулся, легонько постучал по виску. — Ну как, возьметесь?

— Я могу убить вас. Способов найдется много.

— И какая с того польза? Сами умрете. А мы можем предложить кое-что существенное за ваши услуги. Помогите нам, сочленителям, и мы позаботимся о том, чтобы вы не попали в лапы конвенции. Ей мы предоставим мертвое тело, идентичную копию, клонированную с вас. Объясним: находясь в нашей власти, вы погибли. Так вы не только получите свободу, но и армия сыщиков конвенции перестанет вынюхивать ваш след. Мы дадим вам денег, снабдим фальшивыми документами. Скорпион официально умрет, но вы останетесь живы.

— А почему вы до сих пор так не поступили? Если можете подделать мое тело, отдали бы его им, и все дела.

— Скорпион, выдача вашего трупа повлечет за собой неприятные последствия. А мы дорожим своими отношениями с Феррисвилем. Но сейчас Клавэйн нам нужен больше, чем добрая воля конвенции.

— Наверное, он много для вас значит.

Ремонтуар снова развернулся к приборной доске, пальцы замелькали, словно брал сложные аккорды на концертном рояле.

— Да, он как личность многое для нас значит. Но еще ценнее содержимое его головы.

Скорпион задумался над своим положением. Как обычно в трудные времена, инстинкты заработали с безжалостной эффективностью. Некогда противником был Квайл, теперь — хрупкий на вид сочле-

нитель, способный убить одной лишь мыслью. Сомнений нет: угроза выдать Скорпиона конвенции в случае отказа от сотрудничества вполне реальна. Предупредить Хлестуна о своем возвращении невозможно. Если попадешь к властям, смерть гарантирована. А помогая Ремонтуару, некоторое время будешь живым и даже условно свободным. Может, он и не соврал, обещая отпустить в награду за помощь. Но если сочленитель и лжет, сотрудничество с ним даст возможность рано или поздно связаться с Хлестуном и подготовить побег. В общем, от предложения очень глупо отказываться, даже если это значит работать на того, кого считаешь человеком.

— Похоже, вы в отчаянном положении, — заметил Скорпион.

— Может, и так, но это не ваша забота. Так вы согласны помочь?

— А если откажусь?

Ремонтуар улыбнулся:

— Тогда нам не придется делать клонированный труп.

Раз в восемь часов Антуанетта открывала дверь шлюза — на краткое время, чтобы передать воду и пищу. Клавэйн принимал их с благодарностью, говорил «спасибо» и не выказывал ни малейшего раздражения по поводу своего плена. Достаточно и того, что она спасла беглого сочленителя и собирается передать властям. На ее месте он вел бы себя еще осторожнее, зная, на что способны пауки. Ведь дверь шлюза представляла для него куда менее серьезную преграду, чем полагала Антуанетта.

Заключение длилось сутки. Вдруг он ощутил, как дернулся, накренился пол, — корабль сменил вектор тяги. Появившаяся в дверях девушка, протянув колбу с водой и плитку пищевого концентрата, подтвердила: судно направляется к Ржавому Поясу.

— А к чему эти зигзаги? — поинтересовался Клавэйн, отдирая фольгу от плитки. — Мы уклоняемся от чьих-то военных кораблей?

— Не совсем военных.

— А от кого же?

— От баньши, — ответила Антуанетта и, заметив недоумение на лице Клавэйна, пояснила: — Это пираты, бандиты, грабители, мародеры — как хотите, так и зовите. Сволочное отребье, мразь и подонки. Очень опасные.

— Я о них не слышал.

— Само собой. Вы ведь не торговец, пытающийся честно зарабатывать на жизнь.

Клавэйн откусил от плитки, прожевал.

— Вы таким искренним тоном говорите про честный заработок.

— Я, конечно, иногда вынуждена обходить правила. Но эти мерзавцы — они ж такое вытворяют! Мои грешки в сравнении — ну, как порядок при швартовке нарушить, вроде того.

— Эти баньши... они ведь раньше тоже были торговцами?

— Ну да. До тех пор, пока не выяснили: проще забрать груз у других, чем перевозить самому.

— Раньше вы с ними сталкивались?

— Вплотную — нет. Хотя они за мной гнались несколько раз. Все, кто возит грузы у Ржавого Пояса, их встречали. Но обычно они за «Буревестником» не гонятся подолгу. Моя птичка быстрая, брать ее на абордаж рискованно. К тому же у меня есть кое-какие сдерживающие средства.

Клавэйн понимающе кивнул, представляя, о каких средствах она говорит.

— И долго они гнались за нами?

— Целый час. Пара баньши шла в десятой доле световой секунды. Всего тридцать тысяч километров. Но я их стряхнула с хвоста.

Клавэйн отпил из колбы.

— Думаете, они вернутся?

— Не знаю. Странно повстречать их так далеко от Ржавого Пояса. Я бы сказала... хм... — Девушка запнулась.

— Вы бы сказали, что дело, возможно, во мне?

— Ну, я так подумала...

— Я бы предложил другое объяснение. Ваши действия непонятны, вы пересекаете зону военных действий, подвергаясь опасности. Баньши видят единственное объяснение: у вас ценный груз, ради которого стоит рискнуть. Это и пробудило их интерес.

— Наверное, так...

— Клянусь, я не имею никакого отношения к ним.

— Клавэйн, я и не думала, что вы имеете отношение к баньши. Во всяком случае, не вы их вызвали, это точно. Но в наши дни случается столько всякого непонятного...

— Так расскажите об этом, — предложил он, отхлебывая из колбы.

Из шлюза его выпустили спустя еще восемь часов. Тогда Клавэйн впервые смог рассмотреть как следует мужчину, которого Антуанетта звала Ксавьером. Он был высок, длиннорук и длинноног, с веселым округлым лицом и стриженными под горшок лоснящимися черными волосами, отливавшими синевой в свете коридорных ламп. По оценке сочленителя, Ксавьер был лет на десять-пятнадцать старше подруги. Но Клавэйн допускал, что парень мог оказаться младше девушки. Во всяком случае, едва ли каждому больше двадцати-тридцати лет от роду.

Когда дверь шлюза открылась, оба стояли, облаченные в скафандры, но с закрепленными на поясе шлемами. Ксавьер из дверного проема показал пальцем на скафандр сочленителя:

— Снимайте и проходите на корабль.

Клавэйн кивнул и сделал, как было велено. В тесной шлюзовой камере снимать скафандр было неудобно, но он все же управился за пять минут, раздевшись до термобелья.

— Надеюсь, дальше можно не раздеваться?

— Да.

Ксавьер посторонился, позволил ему пройти на судно. Оно шло под тягой, гравитация позволяла ходить. Ноги в носках зашлепали по бугристому протектору пола.

— Спасибо! — поблагодарил Клавэйн.

— Не меня благодарите, а ее.

— Ксавьер хотел, чтобы вы оставались в шлюзе до самого Ржавого Пояса, — объяснила Антуанетта.

— Его можно понять.

— Но если попробуете что-нибудь учинить... — угрожающе начал парень.

— Знаю-знаю: вы разгерметизируете все судно, и я погибну, поскольку на мне нет скафандра. Ксавьер, это разумная мера. Я бы на вашем месте сделал то же самое. Можно я вам кое-что покажу?

Парень и девушка переглянулись.

— Что именно? — поинтересовалась Антуанетта.

— Пожалуйста, закройте меня в шлюзе снова.

Те так и сделали. Клавэйн подождал, пока их лица покажутся в окошке, подошел к двери вплотную, приблизил голову на несколько дюймов к механизму замка и панели управления рядом с ним. Закрыл глаза и сосредоточился, вызывая в памяти процедуры, которыми не пользовался уже много лет. Имплантаты зарегистрировали

электрические поля, генерируемые контурами замка, нарисовали в воображении картинку из неоново-ярких токов, наложили на изображение контрольной панели. Клавэйн понял логику устройства — и представил нужные действия. Имплантаты начали генерировать сильные поля, подавляя одни токи и усиливая другие. По сути, сочленитель заговорил с замком, взаимодействуя с его управлением. Он давно не занимался подобным, растерял опыт — но задача оказалась по-детски простой. Замок щелкнул. Дверь скользнула в стену, и перед Клавэйном предстали изумленные, напуганные Ксавьер и Антуанетта.

— Разгерметизируйте! — потребовал парень. — Сейчас же!

— Подождите! — Клавэйн поднял руки. — Я сделал это с единственной целью — показать, что способен легко открыть шлюз. Я мог пройти на корабль в любой момент, но не сделал этого. Я хочу, чтобы вы мне доверяли.

— А я хочу прикончить вас прямо сейчас, пока не натворили чего похуже!

— Убив, вы совершите непростительную ошибку. Дело ведь не только во мне. У меня очень важная задача.

— А что вы предложите, чтобы нам не бояться? — спросил Ксавьер.

— Если действительно считаете, что мне нельзя доверять, заварите меня наглухо в металлической камере, — рассудительно посоветовал сочленитель. — Дайте возможность дышать, немного воды, и я проживу до тех пор, пока мы не достигнем Ржавого Пояса. Но, пожалуйста, не убивайте.

— Ксав, мне кажется, он говорит серьезно, — сказала Антуанетта.

Парень тяжело дышал. Клавэйн понял: тот отчаянно боится спасенного паука, считая его невероятно могущественным.

— Вы не сможете запудрить нам мозги! — выпалил Ксавьер. — У нас-то имплантатов нет!

— Я вовсе не собираюсь манипулировать вами.

— И кораблем не будете распоряжаться, — добавила Антуанетта. — С замком вам повезло, но важнейшие системы на корабле — оптоэлектронные.

— Вы правы, — согласился он, протягивая руки ладонями наружу. — На них я не смогу влиять.

— Пожалуй, придется ему довериться, — сказала девушка.

— Да, но если он хоть пальцем... — начал Ксавьер, но не договорил и встревоженно посмотрел на подругу.

Клавэйн услышал резкий прерывистый сигнал из глубины судна.

— Тревога! — воскликнула Антуанетта. — Они близко!

— Баньши, — прошептал Ксавьер.

Клавэйн прошел за парой по лязгающим коридорам до рубки. Оба плюхнулись прямо в громоздких скафандрах в древние амортизирующие кресла, пристегнулись. Отыскивая, за что бы ухватиться, Клавэйн осмотрел центр управления судном. Хотя он сильно отличался от рубки корвета или «Паслена», равно как и само судно очень отличалось от сочленительских кораблей и строением, и свойствами, Клавэйн сориентировался без труда. Это нетрудно, когда за плечами несколько веков плавания на самых разных судах и наблюдения за развитием и упадком космонавтики. Нужно всего лишь отряхнуть пыль с нужных воспоминаний.

— Вот, — определила Антуанетта, ткнув пальцем в экран радара. — Два гада, как и раньше.

Она говорила тихо — наверное, хотела, чтобы услышал только Ксавьер.

— Двадцать восемь тысяч километров, — ответил он так же полушепотом, глянув через ее плечо на цифровой индикатор расстояния. — Приближается на пятнадцати километрах в секунду, траектория — идеальная для перехвата. Уже замедляются, готовятся для финального сближения и абордажа.

— Ага, значит, будут здесь... хм... — Клавэйн быстро прогнал вычисления в голове, — через тридцать-сорок минут?

Ксавьер нехорошо посмотрел на него:

— Кто вас спрашивал, а?

— Я полагал, вам будет полезно мое мнение.

— Клавэйн, вы раньше имели дело с баньши? — свирепо спросил Ксавьер.

— Я лишь несколько часов назад впервые о них услышал.

— Мать вашу, и чем же вы нам поможете, если не знаете ни хрена?

— Ксав, как думаешь, сколько у нас времени, прежде чем они подойдут? — по-прежнему тихо спросила Антуанетта.

— Если обычные маневры — сближение, торможение... тридцать... тридцать пять минут.

— То есть Клавэйн почти не ошибся.

— Угадал, — буркнул Ксавьер.

— Вообще-то, это было не гадание, — возразил Клавэйн, отыскавший складное сиденье у стены, разложивший его и пристегнувшийся. — С баньши я дел не имел, но с абордажем — многократно.

Он решил не пояснять, что часто бывал на стороне атакующих. Ни к чему пугать молодых людей.

— Зверь, ты готов начать маневры уклонения, какие мы раньше делали? — спросила Антуанетта на сей раз громко.

— Юная леди, нужные подпрограммы уже загружены и готовы к немедленному исполнению. Однако есть и серьезная проблема.

Антуанетта вздохнула:

— Зверь, не томи, выкладывай.

— Юная леди, мы израсходовали слишком много топлива. Запасы ограниченны. Маневры уклонения истощат наши резервы.

— Хватит на один маневр и полет до Пояса, пока не заглохнем?

— Да, юная леди, но при условии очень аккуратного...

— Да-да, — нетерпеливо оборвала его девушка, опуская затянутые в перчатки скафандра пальцы на клавиатуру, готовясь задать резкий и впечатляющий маневр, убедить баньши, что за ее проворным грузовиком гоняться бесполезно.

— Не делайте этого, — попросил Клавэйн.

— Что? — Ксавьер посмотрел на него с откровенным презрением.

— Я сказал: не делайте этого. Несомненно, это те самые баньши. Они уже видели ваш маневр. Они знают в точности, на что вы способны. Раньше, возможно, это и заставило бы их одуматься, но они уже решили, что стоит рискнуть.

— Да не слушай его... — начал было Ксавьер.

— Все, чего вы добьетесь, — это сожжете топливо, которое очень понадобилось бы позднее. Уж поверьте, я бывал в таких ситуациях тысячу раз. И за плечами у меня примерно столько же войн.

Антуанетта вопросительно смотрела на него:

— Так что же делать прикажете? Сидеть и ждать, пока нас возьмут на абордаж?

Он покачал головой:

— Вы упоминали о сдерживающих средствах. Кажется, я понял, что вы имели в виду.

— О нет...

— Антуанетта, у вас должно быть оружие. В наши времена глупо не иметь его.

ГЛАВА 19

Увидев оружие, которым располагал «Буревестник», Клавэйн не знал, плакать или смеяться, — настолько древним, неэффективным и маломощным оно было в сравнении даже с самыми устаревшими, наислабейшими боевыми системами сочленительского корвета или рейдера демархистов. Арсенал грузовика, несомненно, смонтировали из хлама, пролежавшего на черном рынке не одну сотню лет, причем руководствовались внешним видом. Отбирали за угрожающие очертания, красоту и вообще непонятно за что, но уж точно не за боевые возможности. Несколько единиц огнестрельного оружия хранилось во внутренних помещениях, чтобы отбиваться от вторгшихся захватчиков. Бóльшая же часть арсенала содержалась или в запечатанных тайных отсеках с люками, расположенными непосредственно под оболочкой грузовика или в выступах на носу и корме, где Клавэйн рассчитывал увидеть коммуникационную аппаратуру и радары. Не все было исправно: треть вооружения или не была боеспособной изначально, или сломалась, или осталась без патронов, снарядов, топлива и прочего необходимого.

Чтобы управлять оружием, Антуанетта отодвинула в полу пластину, на первый взгляд ничем не отличающуюся от соседних. Из открывшейся шахты медленно поднялась толстая колонна, разворачивая пульты, дисплеи, рычаги и клавиатуры. На сферическом экране высветилась схема «Буревестника», исправное оружие на ней отображалось мерцающим красным светом. Красный же свет отображал соединения оборонительных средств с бортовой системой коммуникаций. Прочие экраны на колонне показывали пространство вокруг судна с разными степенями увеличения. На самом большом корабли баньши отображались расплывчатыми пятнышками радарного эха, ползущими к грузовику.

— Пятнадцать тысяч километров, — объявила Антуанетта.

— А я бы все-таки сделал маневр уклонения, — пробормотал Ксавьер.

— Сожгите это топливо, когда возникнет нужда, — возразил Клавэйн. — Но не раньше. Антуанетта, все исправное оружие готово к стрельбе?

— Все что есть — готово.

— Хорошо. А можно ли поинтересоваться, почему вы не использовали его раньше?

Она торопливо набирала команды, стараясь лучше подготовить, навести оружие, направить потоки данных от него по менее загруженным участкам сети.

— Клавэйн, тому две причины. Первая: установка боевых систем на гражданский корабль карается смертью. Вторая: если бы баньши заметили наши пушки, у них бы появился дополнительный повод догнать и ограбить нас. Пушки — лакомый кусочек.

— До абордажа не дойдет, если вы мне доверитесь.

— Довериться вам?

— Позвольте мне управлять артиллерией.

— Скорее рак на горе свистнет! — ответила она, искоса глянув на Ксавьера.

Клавэйн откинулся на спинку, сложил руки:

— Что ж, если понадоблюсь, вы знаете, где меня искать.

— Да начинай же маневр! — буркнул Ксавьер.

— Нет, — процедила девушка, стуча по клавишам.

Судно вздрогнуло, прокатился глухой рокот.

— Что это было? — осведомился Клавэйн.

— Предупредительный выстрел.

— Хорошо. Я бы сделал то же самое.

Наверное, Антуанетта предупредительно выстрелила снарядом с начинкой из вспененного водорода, разогнанной в короткой линейной пушке-ускорителе до нескольких десятков километров в секунду. Об этом средстве уничтожения Клавэйн знал все. С тех пор как демархисты лишились возможности производить антиматерию в промышленных количествах, вспененный водород стал их главным оружием.

Демархисты добывали водород из жидких недр газовых гигантов. При чудовищных давлениях он переходил в металлическое состояние, подобно ртути, но в тысячи раз плотнее. Это состояние не

было стабильным, при сбросе давления металл превращался в газ низкой плотности. А вот вспененная фаза была уже квазистабильна и при правильном обращении могла поддерживать свое состояние и после падения давления на много порядков. Состояние вспененного и помещенного в боеголовки водорода регулировали так, чтобы он терял стабильность в момент соударения с целью. Происходил скачкообразный фазовый переход — и мощный взрыв. Вспененный водород использовали как взрывчатку, а также в качестве инициатора для термоядерных и атомных бомб.

«Антуанетта права, — решил Клавэйн. — Хотя с военной точки зрения ее водородная пушка — седая древность, но одно подозрение в обладании таким оружием может обречь человека на необратимую нейросмерть».

Он увидел на экране, как огненный жучок снаряда полз к приближающимся пиратским кораблям. Промахнулся всего километров на десять.

— А они и не думают останавливаться, — заметил Ксавьер спустя несколько минут.

— Сколько еще осталось таких снарядов? — спросил Клавэйн.

— Один, — ответила Антуанетта.

— Приберегите его. Сейчас вы слишком далеко. Они могут засечь снаряд радаром и уклониться.

Он отстегнулся от кресла, зашагал по рубке, остановился за спинами хозяев судна. Присмотрелся к системе управления оружием, определяя, как она работает.

— Чем еще располагаете?

— Есть два гигаваттных эксимерных лазера. Один Брейтенбахов трехмиллиметровый бозер с протонно-электронным прекурсором. Пара твердотельных пушек-ускорителей ближнего боя, частота стрельбы — мегагерцы. Каскадно-пульсовой одноразовый гразер, выходной мощности не помню.

— Наверное, в половину гигаватта, — предположил Клавэйн. — А это что? — Он ткнул пальцем в очерченное красным, но не названное девушкой оружие.

— А, это ерунда, игрушка. Пушка Гатлинга.

— Игрушка, говорите? Не спешите сбрасывать пушку Гатлинга со счетов, она может очень пригодиться.

— Их выхлопы поменяли направление, — заметил Ксавьер. — Судя по доплеровскому эффекту, баньши тормозят.

— Мы их напугали? — спросил Клавэйн.

— Похоже, нет — это у них стандартная тактика.

— Мать их растак! — буркнула Антуанетта.

— Не делайте ничего, пока они не приблизятся, — предупредил Клавэйн. — Пусть подойдут вплотную. Они не рискнут стрелять, чтобы не повредить груз.

— Напомню об этом, когда нам перережут глотки, — пообещала Антуанетта.

— Они так делают? — удивился Клавэйн.

— Это самая гуманная из их привычек. Прочие гораздо неприятней.

Следующие двенадцать минут были самыми напряженными в жизни Клавэйна. Он понимал, как чувствуют себя хозяева судна, разделял их желание открыть пальбу изо всех стволов, но сейчас это было бы самоубийством. Пучковое оружие — слишком маломощное для надежного поражения, стреляющее пулями или снарядами — слишком медленное, эффективное лишь на малом расстоянии. Стреляя издали, поразишь в лучшем случае одного врага. Странно, почему они не вняли предупреждению? Антуанетта не раз продемонстрировала, что добыть груз «Буревестника» будет очень непростой задачей. Куда логичней отказаться и поискать мишень полегче, не такую проворную и вооруженную слабее. Но если верить Антуанетте, для баньши уже до крайности необычно заходить так далеко в военную зону.

Когда осталась сотня километров, баньши разделились — один зашел с другого борта и продолжил сближение. Клавэйн рассмотрел увеличенное изображение ближайшего корабля. Оно было расплывчатым — на «Буревестнике» стояла оптика не военного качества, — но показывало достаточно, чтобы исчезли все сомнения. Корабль баньши, угольно-черный, усаженный гарпунными пушками, пилонами с оружием, был раньше гражданским, чуть меньше «Буревестника», и состоял из двух частей, передней и задней, соединенных тонкой перемычкой. Зигзагообразные неоновые узоры на корпусе напоминали акульи зубы и оскаленные черепа.

— Откуда они появляются? — спросил Клавэйн.

— Из Ржавого Пояса, из окрестностей Йеллоустона. Откуда именно, никто не знает.

— И власти их терпят?

— Ни хрена власти не могут, ни Феррисвильская конвенция, ни демархисты. Поэтому при виде баньши все просто кладут в штаны, — ответил Ксавьер. — Если ваша братия все-таки возьмет верх, ох и намучаетесь вы с пиратами.

— К счастью, это уже не моя проблема.

Оба пиратских корабля подобрались ближе, взяли «Буревестник» в тесные клещи. Изображение с видеокамер стало резче, позволило оценить сильные и слабые стороны врага, предположить, чем он вооружен. В разуме Клавэйна прокручивались десятки возможных сценариев боя. Когда осталось шестьдесят километров, сочленитель кивнул и заговорил спокойно, уверенно:

— Пожалуйста, выслушайте меня. На этой дистанции есть шанс причинить им серьезные повреждения, но только в том случае, если вы в точности последуете моим инструкциям.

— Да не слушай ты его, — буркнул Ксавьер.

Клавэйн облизнул губы:

— Можете не слушать, но в таком случае вы умрете. Антуанетта, вам нужно запрограммировать пушки. Пока никаких видимых движений наружных частей, а затем по моей команде — мгновенное целенаведение и открытие огня. Баньши очень внимательно следят за нами и ждут реакции.

Девушка взглянула на него и кивнула, положив пальцы на клавиатуру:

— Говорите, что программировать.

— Выстрел с правого борта двухсекундным импульсом эксимерного лазера как можно ближе к середине корпуса. Там кластер датчиков и сенсоров, нам лучше вывести его из строя. Одновременно с левого борта дадим очередь из твердотельного ускорителя — частота мегагерц, длительность — сто миллисекунд. Это их не убьет, но наверняка разнесет ракетную установку и, надеюсь, покалечит гарпунные пушки. В любом случае мы спровоцируем их на реакцию, и это хорошо.

— В самом деле? — хмыкнула девушка, лихорадочно вводя данные.

— Да. Заметили, под каким углом идет корабль баньши? Их главный калибр очень уязвим. Они изготовились к стрельбе, но не подвергнут свое основное оружие опасности, пока не будут уверены в гарантированном поражении цели. К тому же баньши решат, что мы ударили нашим главным калибром.

— А это вовсе будет не он! — азартно заключила Антуанетта.

— Вот именно! И тогда мы угостим обоих из пушки Брейтенбаха.

— А одноразовый гразер?

— Он эффективен на средних дистанциях. Это наш козырь, приберегем его на самый крайний случай.

— А пушка Гатлинга?

— Это десерт.

— Клавэйн, надеюсь, вы не вешаете нам лапшу на уши! — взяла суровый тон Антуанетта.

Он ухмыльнулся:

— Я тоже на это надеюсь. Совершенно искренне.

Корабли баньши приближались. Теперь сквозь окна хорошо различались рубки: черные пятна, выбрасывающие иногда струйку белого или синего пламени — выхлоп корректирующего двигателя. Пятнышки увеличивались, обозначились контуры кораблей. Затем Клавэйн различил и неоновые узоры на корпусах. Они включились только на финальной стадии гонки. Когда уже началось торможение при заходе на абордаж, не было нужды сохранять маскировку. Узоры, очевидно, призваны были сеять ужас и вызывать панику, как «Веселый Роджер» в давнюю эпоху парусников на Земле.

— Клавэйн?

— Через сорок пять секунд, и ни секундой раньше. Согласны?

— Да. Но я боюсь.

— Это естественно. Но бояться не стоит. Вы не умрете.

И тогда он вдруг ощутил: судно вздрогнуло снова, почти так же, как при выстреле снарядом со вспененным водородом. Но теперь оно дрожало дольше.

— Что случилось? — резко спросил Клавэйн.

Антуанетта нахмурилась:

— Я не стреляла...

— Ксавьер?! — рявкнул Клавэйн.

— Э, приятель, это не я! Должно быть...

— Зверь?! — закричала Антуанетта.

— Прошу прощения, юная леди, но я взял на себя смелость...

Клавэйн понял, что корабельная субличность приняла самостоятельное решение выстрелить из мегагерцевой пушки в сторону корабля по левому борту, как и намеревался Клавэйн, — но слишком рано.

«Буревестник» тряхнуло. На главной панели управления засветились красным целые блоки. Завыла сирена. Клавэйн ощутил сквозняк, и тут же загрохотали одна за другой, захлопываясь, герметичные двери.

— В нас попали, — объявила Антуанетта. — В середину корпуса.

— Мы в дерьме по уши, — заметил Клавэйн.

— Спасибо, я уже поняла.

— Эксимером в правого баньши! Скорее!

«Буревестник» тряхнуло опять, и на этот раз половина огней на панели погасла. Клавэйн подумал, что, скорее всего, пират выстрелил проникающей боеголовкой с генератором электромагнитного импульса. А девушка так хвасталась, что все критические системы работают на оптике!

— Клавэйн! — Она смотрела круглыми от страха глазами. — Я не могу запустить эксимеры...

— Попробуйте выйти на них по другой ветке сети!

Пальцы забарабанили по клавиатуре. Клавэйн глядел на экран, там менялась сеть активных связей, по мере того как Антуанетта перенаправляла потоки данных. Судно содрогнулось вновь. Клавэйн наклонился и взглянул в иллюминатор по правому борту. Корабль баньши уже казался громадным, он непрерывно тормозил, приближаясь. На его корпусе разворачивались абордажные манипуляторы, как будто суставчатые, шипастые, когтистые конечности диковинного черного насекомого, выбирающегося из кокона.

— Поторопись! — прошипел Ксавьер девушке.

— Антуанетта, — проговорил Клавэйн со всем спокойствием, какое смог изобразить, — предоставьте мне управлять оружием. Пожалуйста!

— И какой в том гребаный толк?

— Просто пустите меня за пульт!

Она поколебалась пять-шесть секунд, тяжело вздохнула, затем отстегнулась и выбралась из кресла. Клавэйн протиснулся мимо нее, уселся за пульт.

Пока наблюдал, понял, как с ним обращаться. В тот же момент, когда пальцы коснулись клавиш, имплантаты начали ускорять поток мыслей. Кругом все двигалось с медлительностью ледника: и лицевые мышцы хозяев судна, и потоки данных на приборной панели. Даже собственные руки шевелились будто в патоке, была очевидна

задержка между посылкой импульса по нервам и откликом мускулов. Но Клавэйн к этому привык. Уже много раз делал подобное и учитывал заторможенность телесных движений.

Когда сознание ускорилось в пятнадцать раз и каждая секунда ощущалась четверть минуты, Клавэйн заставил себя успокоиться. На войне секунда — это много. А пятнадцать — бездна времени. За такой срок немало можно обдумать и сделать.

Ну что ж, приступим!

Он принялся создавать оптимальные пути контроля над оставшимся оружием. Паутина сети на дисплее замерцала, изменяясь. Клавэйн исследовал несколько вариантов, не позволяя себе останавливаться на просто приемлемом, выискивая лучший. Чтобы найти оптимальную конфигурацию потоков данных, потребуется две секунды — но это недаром потраченные секунды. Он глянул на экран радара ближнего сканирования, отметил, как забавно смотрятся циклы обновления его данных — словно биения огромного сердца.

Готово. Эксимерные лазеры вернулись под контроль. Теперь осталось лишь продумать план боя с учетом изменившейся ситуации. А это потребует нескольких секунд — реальных секунд работы мозга.

Работы почти на пределе.

Но Клавэйн был уверен, что справится.

В результате один корабль баньши был уничтожен, второй, тяжело поврежденный, отвалил в темноту, хаотично мерцая неоновыми огнями, словно короткими замыканиями. Спустя пятьдесят секунд пираты включили термоядерный двигатель и заспешили к Ржавому Поясу впереди так и не доставшейся им добычи.

— Хорошая иллюстрация на тему «как найти друзей и заслужить уважение», — сказала Антуанетта, глядя на кувыркающиеся останки корабля баньши.

Половина его корпуса исчезла, открыв исковерканные внутренности, испускающие серые спирали дыма.

— Клавэйн, отличная работа!

— Спасибо. Если я не совсем обманываю себя, теперь у вас две причины мне доверять. А сейчас, с вашего позволения, я потеряю сознание.

Он провалился в беспамятство.

Больше на пути до Ржавого Пояса ничего особенного не случилось. После боя с баньши Клавэйн проспал девять часов, пока мозг оправлялся от перегрузки. В отличие от мозга Скади, он не был приспособлен работать с максимальным ускорением дольше пары секунд, и Клавэйн фактически подвергся мощному тепловому удару.

Но неприятных последствий это не оставило. Зато он заработал уважение и симпатию хозяев «Буревестника» — ради этого стоило немного перегреться. Он получил право свободно перемещаться по кораблю, и парень с девушкой потихоньку избавились от скафандров. Баньши не вернулись, военные корабли на пути не встретились.

Клавэйн ощущал потребность заняться чем-нибудь полезным. С согласия Антуанетты он помог Ксавьеру исправить несколько мелких неполадок и сделать ряд небольших усовершенствований. Мужчины часами напролет сидели в тесных проходах среди труб и проводов или прокапывались сквозь слои архаичного программного кода.

— Нисколько не виню за недоверие, — сказал однажды Клавэйн.

— Я очень боюсь за нее, — отозвался парень.

— Это понятно. Она очень рисковала, отправившись за мной. На вашем месте я бы тоже постарался ее отговорить.

— Ну, лично против вас я ничего не имею...

Клавэйн провел стилосом по лежащему на коленях компаду — он перечерчивал логические пути между сетью управления и сенсорным узлом на корпусе.

— Клавэйн, а с вами что будет, когда прилетим в Ржавый Пояс? Как нам поступить?

Клавэйн пожал плечами:

— На ваше усмотрение. Высадите меня, где вам удобнее. Например, на «карусели» Новый Копенгаген.

— А потом что?

— Я сдамся властям.

— Демархистам?

— Да. Слишком опасно обращаться к ним без посредников, из открытого космоса. Следует действовать через нейтральную сторону, через конвенцию.

— Надеюсь, у вас получится, что задумали. Вы же так рисковали!

— Поверьте, мне не впервой, — ответил Клавэйн. И перешел на шепот, хотя в этом не было нужды — от Антуанетты их отделяло несколько десятков метров. Но все же ему казалось, что лучше о таком говорить негромко. — Ксавьер, пока ее нет рядом, я хотел бы кое о чем спросить.

Парень посмотрел на него сквозь исцарапанные серые стекла очков для визуализации сетевых данных.

— Валяйте.

— Насколько я понял, вы дружили с ее отцом и ремонтировали это судно еще в то время, когда отец его пилотировал.

— Ну да.

— Значит, вы о «Буревестнике» знаете все. Наверное, даже больше, чем Антуанетта.

— Она чертовски хороший пилот.

Клавэйн улыбнулся:

— Вежливый намек на то, что ее не слишком интересует устройство собственного судна?

— Ее папа тоже мало интересовался. Тому, кто развозит товары по космосу, недосуг копаться в программах и подпрограммах.

— Понимаю. Я и сам не специалист в корабельном деле. Но я заметил странноватое вмешательство судового машинного интеллекта...

Клавэйн намеренно не закончил фразу.

— И что ж тут странного?

— Субличность не подчинилась приказу. Она слишком рано выстрелила и тем самым едва не погубила нас.

— Клавэйн, это же был не приказ, а просто рекомендация.

— Виноват, ошибся. И все же она не имела права на подобную самодеятельность. Даже если субличность способна управлять артиллерией — что для гражданского судна я нахожу в высшей степени необычным, — она не должна была действовать без прямого приказа. И уж тем более паниковать.

Ксавьер нервно рассмеялся и переспросил:

— Паниковать?

— По моим ощущениям, это была именно паника.

К сожалению, Клавэйн не мог разглядеть глаза Ксавьера за стеклами очков.

— Машины не паникуют.

— Верно. В особенности субличности гамма-уровня, каковой субличностью по идее и должен быть Зверь.

— Значит, это и не было паникой, — заключил Ксавьер.

— Видимо, так, — согласился сочленитель, хмурясь, и снова занялся компадом, протаскивая стилос сквозь переплетение сетевых путей — словно вороша клубок спагетти.

Когда пришвартовались у Нового Копенгагена, Клавэйн хотел немедленно уйти, но Антуанетта с Ксавьером его не отпустили. Настояли, чтобы отобедал с ними напоследок где-нибудь на «карусели». Поразмыслив немного, Клавэйн согласился. Обед займет всего пару часов и даст ценную возможность акклиматизироваться перед опасным путешествием в одиночку. Вдобавок он был очень благодарен влюбленной паре, в особенности после того, как Ксавьер разрешил воспользоваться его гардеробом.

Клавэйн был длинней и тоньше парня, и ему пришлось приложить немалую изобретательность, чтобы одеться прилично, не взяв притом ничего ценного на вид. Он оставил на себе облегающее термобелье, поверх накинул пухлую куртку с высоким воротником, похожую на надутый спасжилет, — такие носили пилоты, рисковавшие аварийным приводнением. Нашел свободные черные брюки, доставшие только до щиколотки. Они бы выглядели ужасно, если бы не крепкие черные ботинки с берцами почти до колена. Осмотрев себя в зеркале, Клавэйн заключил, что выглядит чудаком, но не чужаком — а это здесь самое то. Затем подстриг бороду и зачесал волосы назад. Те легли ровно, волнистыми длинными прядями.

Антуанетта и Ксавьер, уже чистые и отдохнувшие, ожидали у выхода. Все сели на поезд, ходивший вдоль «карусели». Антуанетта рассказала, что поезд запустили относительно недавно — раньше быстрейшим способом попасть на другую сторону был спуск и подъем по спицам. А когда разрушилась ступица, прямого пути для поезда сделать не смогли; тот выписывал петли, пробираясь вдоль внешнего края, и даже иногда выходил на поверхность, чтобы не вторгаться в чьи-нибудь владения. Двигался он резко, часто менял направление относительно вектора искусственного тяготения, и Клавэйн испытывал на диво разнообразные приступы тошноты. Живо вспомнилась посадка в десантном корабле на поверхность Марса.

Он вернулся к реальности, когда поезд остановился у огромного зала внутри «карусели». Трое высадились на платформу с прозрач-

ным полом и прозрачными же стенами, открывавшими удивительное зрелище.

В десятках метров под ногами виднелся проткнувший внутреннюю сторону «карусели» нос огромного космического корабля — закругленный, громоздкий, измятый, обожженный, с начисто содранными надстройками. На нем не осталось обычных внешних надстроек: антенн, капсул, несущих кронштейнов. Иллюминаторы рубки, расположенные полукольцом на носу, были разбиты — просто черные дыры, словно вытекшие глаза. Там, где корпус корабля соприкасался с оболочкой «карусели», виднелись бугры застывшего аварийного герметика, пористого вещества с консистенцией вулканической пемзы.

— Что здесь случилось? — спросил Клавэйн.

— Идиот по имени Лайл Меррик постарался, — ответила Антуанетта.

Ксавьер объяснил:

— Это судно Меррика, вернее, то, что от него осталось. Допотопная ракета на химическом топливе, наверное, самое примитивное из всего, на чем еще летают и зарабатывают в Ржавом Поясе. Меррик делал неплохой бизнес, потому что знался с нужными людьми — с теми, кого власти уж никак не заподозрят в безумном решении доверить ценный груз допотопной развалюхе. Но однажды удача ему изменила.

— Это случилось семнадцать лет тому назад, — продолжила Антуанетта. — За ним погнались власти, хотели остановить ракету и осмотреть груз. Меррик пытался удрать, спрятаться — на другой стороне «карусели» есть ремонтный док, способный принять его летающего монстра. Но не получилось. То ли подошел не так, то ли потерял управление, то ли запаниковал и рванул вперед. Короче, этот олух вломился прямо в «карусель».

— Вы видите малую часть его ракеты, — подхватил Ксавьер. — Другая, задняя, состояла почти целиком из баков с топливом. Даже с таким катализатором, как вспененный водород, ракета требует много горючки. Нос корабля при ударе вошел чисто, проткнув и смяв обшивку «карусели». Сам Лайл остался жив, но вот его баки рванули. И сделали здоровенный «Кратер». Он и сохранился по сей день.

— Жертвы? — спросил Клавэйн.

— Были, — ответил Ксавьер.

— И немало, — добавила Антуанетта. — Погибли сотни.

Затем пара рассказала, как облаченные в скафандры приматы в порядке аварийной меры герметизировали щели между ракетой и обшивкой «карусели». Бригада хорошо поработала, обошлось почти без смертей. Качество изоляции оказалось таким высоким, что решено было попросту оставить вломившуюся ракету на месте. Власти «карусели» наняли дорогих дизайнеров, чтобы придать завлекательный вид месту катастрофы.

— Это, как они выразились, подчеркивает брутальность вторгшегося объекта, — сказала Антуанетта.

— Вот-вот, — подтвердил Ксавьер, после чего пафосно взмахнул рукой и процитировал: — «Мы сделали акцент на трагизме произошедшего, сохраняя непосредственную пространственную доминанту вторжения, но добавили ряд иронических архитектурных жестов».

— Я бы сказала, это не дизайнеры, а банальные мошенники, — заявила Антуанетта.

— Кстати, это же ты придумала — затащить нас сюда, — напомнил Ксавьер.

В самом носу ракеты оборудовали бар. Клавэйн тактично предложил устроиться как можно незаметней, поэтому выбрали столик в самом углу, рядом с огромным баком, полным бурлящей воды. Там плавали кальмары, на их конических телах мерцала реклама.

Официант-гиббон принес бутылки, и все трое набросились на пиво с энтузиазмом — даже Клавэйн, не слишком любивший спиртное. Но питье было прохладное, освежающее, к тому же он был готов на все ради поддержки праздничного настроения. Не хотел испортить его, выдав свою подавленность и тревогу.

— Клавэйн, вы расскажете нам, в чем дело, или так и оставите гадать? — спросила Антуанетта.

— Вы же знаете, кто я.

— Да. — Она глянула на Ксавьера. — Считаем, что знаем. Вы ведь и раньше этого не отрицали.

— Значит, вы в курсе, что я однажды уже дезертировал.

— Но ведь это было очень давно, — сказала Антуанетта.

Клавэйн заметил, что она тщательно и осторожно снимает этикетку с пивной бутылки.

— Иногда мне кажется, только вчера. А на самом деле это случилось четыреста лет назад. И бóльшую часть этого времени я честно служил своей фракции. Радел за нее, готов был умереть. И убивал. Дезертирство далось мне нелегко.

— Отчего же вдруг решились?

— Возникла угроза, по-настоящему серьезная. Я толком не знаю, какой она природы, поскольку не был посвящен во все подробности. Но я в достаточной степени осведомлен, чтобы оценить ее масштаб и реальность. Это внешний враг, угрожающий всем нам: не только сочленителям и демархистам, но и ультра, и угонщикам, и даже вам.

— Да, очень подходяще для праздничной пирушки, — уныло заметил Ксавьер, глядя на пиво.

— Я не хотел испортить праздник. Но факт есть факт. Налицо внешняя угроза, мы все в беде. Хотел бы я, чтобы было иначе.

— Что за угроза? — спросила Антуанетта.

— Если мои сведения верны, это пришельцы. Уже долгое время мы, то бишь сочленители, знаем о врагах, таящихся в глубинах космоса. Я имею в виду активных врагов, не потенциально агрессивных, непредсказуемых и потому опасных существ наподобие жонглеров и затворников. Эти враги многочисленны и очень сильны. Они уже воспрепятствовали некоторым нашим экспедициям. Мы зовем их волками и полагаем, что это машины-убийцы. Почему-то мы лишь сейчас привлекли их внимание.

Клавэйн замолчал, уверенный, что заинтриговал молодую пару. Он не задумывался о том, что практически выдавал военные тайны сочленителей. В самом скором будущем эти же сведения он доведет до демархистов. Чем быстрее распространится новость, тем лучше.

— А давно вы про них узнали, ну, про эти машины? — спросила девушка.

— Давно. Сочленителям известно об их существовании уже несколько десятилетий. Но до сих пор мы считали, что сумеем избежать опасности, если примем должные меры. Потому мы прекратили строить звездолеты. Они привлекают к нам волков, словно маяки. Только сейчас мы нашли способ делать корабли менее заметными. В Материнском Гнезде есть могущественная фракция, руководимая женщиной по имени Скади... или, по крайней мере, подпавшая под ее влияние.

— Вы уже называли это имя, — заметил Ксавьер.

— Она гонится за мной. Не хочет, чтобы я попал в руки демархистов, так как знает, насколько опасна моя информация.

— И чем занимается эта фракция?

— Строит эвакуационный флот. Я видел его собственными глазами. Он достаточно велик, чтобы увезти всех сочленителей из этой системы. Материнское Гнездо пришло к выводу, что в недалеком

будущем волки обязательно нападут, и приступило к подготовке полной эвакуации. Из всех вариантов сочленители выбрали простое бегство.

— И что здесь такого аморального или преступного? — удивился Ксавьер. — Мы на их месте тоже спасали бы свои шкуры.

— Возможно, — согласился Клавэйн, испытывая странную симпатию к цинизму парня. — Но ситуация не так уж проста. Некоторое время назад обзавелись сверхмощным арсеналом, оружием без преувеличения апокалиптическим. Ничего подобного с тех пор не производилось. Эти пушки были утрачены, и лишь недавно удалось выяснить, где они находятся. Теперь сочленители пытаются их вернуть, рассчитывая, что они пригодятся в борьбе с волками.

— И где же это оружие? — спросила Антуанетта.

— Близ планеты Ресургем, в системе звезды Дельта Павлина. Приблизительно двадцать световых лет отсюда. Тот, кто сейчас владеет пушками, привел их в готовность, и они подали хорошо знакомые нам сигналы. Это само по себе тревожно. Поэтому Материнское Гнездо организовало экспедицию для возвращения оружия. И хотело, чтобы ее возглавил я.

— Подождите-ка, — поднял ладонь Ксавьер. — Сочленители пошли на такие хлопоты, только чтобы заполучить потерянное оружие? Зачем? Не проще ли сделать новое?

— Новое сделать попросту невозможно. Пушки изготовлены очень давно, чертежи впоследствии были намеренно уничтожены.

— Что-то здесь нечисто.

— Я не говорил, что у меня есть убедительные ответы на все вопросы по этой теме.

— Ну ладно. Допустим, оружие существует. И что дальше?

Клавэйн склонился к молодым людям, сжимая бутылку:

— Мои прежние соратники отправятся за ним, даже и без меня. Теперешняя моя цель — убедить демархистов или любого другого, кто пожелает меня выслушать, что пушки не должны попасть в руки сочленителей.

Ксавьер взглянул на Антуанетту:

— Значит, вам нужен субсветовик, и скорее всего вооруженный. Почему бы вам не отправиться прямиком к ультра?

Клавэйн устало улыбнулся:

— Ксавьер, оружие нужно отобрать как раз у ультра. К чему усложнять себе жизнь?

— Ну, удачи, — сказал парень.

— Простите?
— Вам понадобится удача.
Старый сочленитель кивнул и поднял бутылку:
— В таком случае за меня!
Влюбленные тоже подняли бутылки:
— За вас, Клавэйн!

Он распрощался со своими спасителями у выхода из бара. По прибытии на «карусель» Новый Копенгаген пограничный контроль проходить не требовалось, но Антуанетта сообщила, что на других спутниках Ржавого Пояса он есть. Что ж, трудно придумать лучший способ сдаться властям. Его осмотрят, протралят мозг и убедятся, что к ним явился сочленитель. Пара сложных тестов не оставит сомнений: он тот, за кого выдает себя. Слабо модифицированная ДНК подскажет, что этот человек родился на Земле в двадцать первом столетии. Что случится дальше, предугадать трудно. Остается лишь надеяться, что не быстрая казнь, хотя и такое не исключено. Но в любом случае он успеет сообщить самое главное.

Ксавьер с Антуанеттой дали ему денег на билет и посадили на нужный поезд. Клавэйн махал им в окно, когда состав заскользил, унося его от изуродованных останков ракеты Лайла Меррика.

Он закрыл глаза и позволил сознанию замедлиться втрое, собираясь немного отдохнуть в пути.

ГЛАВА 20

Торн был готов спорить с Виллемье, но она согласилась с удивительной легкостью. Не то чтобы без опаски глядела на перспективу нырнуть в ингибиторскую суматоху вблизи гиганта, но хотела показать серьезность угрозы и свою веру в нее. Если уж единственный способ убедить его — продемонстрировать все вблизи, пусть получит желаемое.

— Но я вас предупреждаю, Торн: мы летим в неизвестность, навстречу опасности. Единственная ошибка — и нас не станет.

— Инквизитор, я бы сказал, что мы и раньше были в опасности, и сейчас подвергаемся ей. Нас могут атаковать в любой момент.

Ведь последние несколько часов мы досягаемы для человеческого оружия, я прав?

Кораблик в форме змеиной головы понесся к атмосфере гиганта. Выбранная траектория заканчивалась близ места вхождения одной из колоссальных труб, всего в тысяче километров от бурлящего вокруг исполинской конструкции хаоса турбулентности. Приборы не могли получить данных о том, что находится под зоной турбулентности. Лишь давали смутные намеки, что труба погружается глубоко в атмосферу, не поврежденная бурными вихрями.

— Торн, мы имеем дело с инопланетной механикой. Если хотите, с инопланетной психикой, причем машинной. Да, ингибиторы еще не атаковали нас, не проявили малейшего интереса к нашим действиям. Они даже не уничтожили жизнь на поверхности Ресургема. Но это не значит, что нет порога, который мы можем по неосторожности перейти.

— И что же, по-вашему, будет переходом порога? Где он, этот предел? Наше погружение в атмосферу?

— Очень может быть. И скажу честно: ваша затея мне не нравится. Совершенно.

— Инквизитор, вы должны меня убедить. И не просто убедить...

— Не могли бы вы не называть меня так?

— Простите.

Виллемье изменила установки на пульте, и корабль закряхтел, затрещал разноголосо, но слаженно, перестраиваясь для оптимального вхождения в атмосферу. Газовый гигант уже заслонил все небо.

— Нет необходимости обращаться ко мне по должности все время.

— А как обращаться? Виллемье?

— Мое имя Ана. Торн, мне гораздо приятнее, когда меня зовут по имени. Может, и вам тоже?

— Я не испытываю неудобства, когда меня зовут Торн. Привык, знаете ли. Мне подходит. Да и вряд ли стоит облегчать жизнь инквизиции.

— Мы совершенно точно знаем, как вас зовут. Вы же видели досье.

— Да. Но у меня создалось впечатление, что вы не слишком торопитесь использовать его против меня.

— Вы нам нужны.

— Я не это имею в виду.

Несколько минут они спускались в атмосферу, не говоря друг другу ни слова. Тишину нарушали только зуммеры или голосовые сообщения бортовых систем. Интеллект корабля не слишком обрадовался предстоящему, он советовал поменять образ действий.

— Думаю, мы для них вроде насекомых, — нарушила молчание Виллемье. — Они явились уничтожить весь вид. Специалисты не отвлекаются на отдельных особей. Даже если особь ужалит, это едва ли спровоцирует ответную агрессию. Специалисты аккуратно и методично выполняют план, зная, что раньше или позже достигнут цели.

— Значит, мы сейчас в безопасности?

— Я всего лишь предполагаю. И не хочу проверять туманные гипотезы, рискуя головой. Ясно одно: мы не очень хорошо понимаем ингибиторов. В их деятельности должна быть высшая цель. Это не может быть уничтожение разумной жизни как таковой. Но даже если так, даже если они не более чем безмозглые механизмы для убийства, можно истребить нас гораздо проще и быстрее.

— И что вы этим хотите сказать?

— Что не следует полагаться на наше понимание — как не следует полагаться на мнение таракана о санобработке.

Затем Ана процедила сквозь зубы, положив ладони на пульт:

— Готовьтесь, сейчас начнутся ухабы.

На иллюминаторы опустились броневые заслонки, закрыв обзор. Торн ощутил резкую дрожь, тряску — так бывает, когда автомобиль на скорости выскакивает с хорошего шоссе на грунтовку. Ощутила и тяжесть, сперва небольшую; но тяготение неуклонно росло, вдавливало в сиденье.

— Ана, скажите, кто вы?

— Я уже сказала, кто я. Давайте не будем об этом.

— Положа руку на сердце, ваш ответ меня не устроил. С субсветовиком произошло что-то странное, не отрицайте. Пока я был на борту, вы и ваша коллега Ирина здорово нервничали. Словно не терпелось меня выпроводить.

— Вам предстоит исключительно важная работа на Ресургеме. Ирина была против вашего визита на корабль. Она бы предпочла, чтобы вы находились на планете и готовили эвакуацию.

— Несколько дней погоды не сделают. Нет, дело определенно не в этом. Вы двое что-то скрываете — или, вернее, не хотите, чтобы я заметил.

— Торн, вы должны нам доверять.

— Вы сами этому мешаете.

— Чем же еще вас убедить? Разве мы не показали субсветовик? Вы убедились: он настоящий, способен эвакуировать население целой планеты. Мы даже показали ангар с шаттлами.

— Да. Но меня беспокоит то, чего вы не показали.

Рокот и тряска усилились — словно в тобогане, несущемся по ледяному склону и натыкающемуся на бугры. Корпус трещал, хрустел, перестраиваясь, стараясь приспособиться к нагрузке. Торн ощущал одновременно радостное возбуждение и страх. Лишь однажды в своей жизни он погружался в атмосферу планеты, когда ребенком прилетел на Ресургем. Но тогда он лежал в анабиозе. И с тех пор помнил о посадке на планете не больше, чем о своем рождении в Городе Бездны.

— Мы не показали всего, потому что не уверены в корабле, — ответила Виллемье. — Не знаем, какие ловушки оставила после себя команда Вольевой.

— Ана, вы даже не позволили взглянуть на него снаружи.

— Просто наш маршрут не дал такой возможности...

— Неправда. Вы почему-то не хотите показывать субсветовик.

— Торн, почему вы говорите это сейчас?

Он улыбнулся:

— Потому что ситуация напряженная. Я решил, что это поможет вам серьезней отнестись к моему вопросу.

Женщина не ответила.

Полет стал ровнее. Корпус затрещал в последний раз и умолк, приспособившись. Виллемье подождала еще несколько минут, затем убрала заслонки с окон. Хлынувший свет заставил Торна заморгать. Корабль летел в атмосфере газового гиганта.

— Как себя чувствуете? Ваш вес удвоился с тех пор, как вы были на субсветовике.

— Выдержу, — ответил он, чувствуя, что выдержит лишь до тех пор, пока не придется покинуть кресло. — Как глубоко хотите погрузиться?

— Не слишком глубоко. Давление в половину стандартной атмосферы... Подождите-ка...

Она нахмурилась, глядя на один из дисплеев, потыкала в клавиши под ним. Изображение очистилось, пастельного цвета полосы исчезли, и перед Торном появился упрощенный силуэт корабля,

окруженный пульсирующими концентрическими кругами. Торн догадался, что это картинка радара, и заметил на самом краю дисплея пятнышко света, то и дело мигающее, пропадающее и возникающее снова. Инквизитор повозилась с настройками, и концентрические круги сжались, пятнышко приблизилось.

— Что это? — спросил Торн.

— Не знаю. Пассивный радар указывает: за нами следует некий объект на расстоянии в тридцать тысяч километров. Когда погружались, я ничего не заметила. Эта штука невелика, ближе не подходит, но мне она не нравится.

— А может, это случайное пятно, погрешность корабельных систем?

— Не думаю. Конечно, радар может регистрировать фальшивый отклик от нашего же турбулентного следа. Переключать радар в активный режим я не стану — неохота напрашиваться на неприятности, привлекать внимание. Я предлагаю убираться, пока не поздно.

Торн стукнул пальцем по консоли:

— И как мне убедиться в том, что не вы сами подстроили появление этого непонятного страшилища?

Она рассмеялась — нервный смешок человека, застигнутого врасплох.

— Я не подстраивала, уж поверьте!

Торн кивнул, чувствуя, что женщина не лжет. А если солгала, то у нее поразительное актерское мастерство.

— Допустим. И все равно, Ана, я хочу, чтобы вы доставили меня к месту вхождения трубы в атмосферу. Я не намерен покидать планету, пока не увижу, что там делается.

— Вы серьезно?

Торн не отвечал, лишь пристально смотрел на нее.

— Ладно, — сдалась Виллемье. — Мы подойдем так, чтобы вы увидели все своими глазами. Но не ближе. И если тот, кто висит у нас на хвосте, начнет сокращать дистанцию, немедленно рванем прочь. Понятно?

— Конечно, — миролюбиво согласился он. — Вы что думаете, я самоубийца?

Виллемье рассчитала траекторию. Труба двигалась со скоростью в тридцать километров в секунду по отношению к атмосфере.

Эта скорость определялась движением луны, откуда выходила труба. Подойти следовало сзади, держась за трубой, постепенно увеличивая скорость. Корпус снова заскрипел, меняясь, приспосабливаясь к сверхзвуковым скоростям. Пятно света на экране радара, по-прежнему мерцая, держалось на том же расстоянии.

— Я вроде стал легче, — заметил Торн.

— Само собой. Мы почти вернулись на орбиту. Если бы двигались скорее, пришлось бы тягой удерживаться на нужной высоте.

В зоне возмущения за трубой вихрились атмосферные потоки, диковинные химические процессы пятнали облака алым, ядовито-оранжевым, кровавым. Молнии сверкали от горизонта к горизонту, выгибались дрожащими серебристыми арками. Словно безумные дервиши, вертелись торнадо. Пассивные сенсоры корабля отчаянно нащупывали путь среди худшей из бурь.

— Я пока не вижу трубы, — заметил Торн.

— Для того нужно подобраться гораздо ближе. Труба всего пятнадцать километров в диаметре, а в этой атмосфере не увидишь дальше чем за сотню километров, даже в хорошую погоду.

— Как считаете, чем занимаются машины?

— Ни малейшего понятия.

— Но ведь они, очевидно, конструируют что-то в масштабах целой планеты. Три луны разворотили. Наверняка же не забавы ради...

По мере приближения тряска усилилась. Виллемье то поднимала, то опускала корабль на десятки километров, пока не решила, что использовать доплеровский радар слишком рискованно. Потом она держалась на постоянной высоте. Корабль дергался и трясся, проталкиваясь сквозь вихри и области скачков давления. Поминутно верещали сигналы тревоги, Виллемье чертыхалась, поспешно набирала команды на панели управления. За окном сгустилась темнота. Мощные черные тучи клубились, изгибались, словно выпущенные кишки. Мимо проносились напитанные электричеством грозовые облака величиной с мегаполис. Впереди воздух дрожал и пульсировал от беспрерывных молний, слепили белизной ветвящиеся разряды, мгновенно разворачивались полотнища нежно-голубого сияния. Казалось, будто корабль залетел в уголок ада.

— Вам и теперь полет к трубе кажется хорошей идеей? — осведомилась Виллемье.

— Не важно, что мне кажется, просто держитесь на курсе, — отозвался Торн. — Наш таинственный преследователь так и не приблизился. Может, он и вправду отражение нашего следа?

Не успел он договорить, как внимание Виллемье привлек новый сигнал. Панель управления тревожно заухала, возбудились приборы, выкрикивая нечленораздельные предупреждения.

— Датчик массы сообщает: в семидесяти с лишним километрах впереди — что-то удлиненное, геометрия гравитационного поля цилиндрическая, распределение указывает на профиль трубы, — сказала Виллемье. — Это наша малышка.

— Когда увидим ее?

— Через пять минут. Я снижаю скорость. Держитесь!

Торна швырнуло вперед, пристежные ремни врезались в тело. Он отсчитал про себя пять минут, затем еще пять. Пятно на экране пассивного радара все так же висело на краю поля зрения — преследователь тоже замедлился. Странно — трясло теперь меньше. Облака редели, лютое буйство молний сделалось всего лишь чередой вспышек поодаль. Появилось ощущение царящего кругом жуткого, ирреального спокойствия.

— Давление атмосферы падает, — сообщила женщина. — Должно быть, мы попали в область разрежения за трубой. Она летит со сверхзвуковой скоростью, так что газовые потоки не успевают сомкнуться за нею. Мы в конусе Маха, будто гонимся за сверхзвуковым самолетом.

— Откуда такие познания в аэродинамике у инквизитора? — удивился Торн.

— Приходится учиться. К тому же у меня был отличный учитель.

— Вы про Ирину?

— Не только. Мы с ней отличная команда, но так было не всегда... Посмотрите-ка... — Она подалась вперед, указала пальцем. — Я кое-что вижу. Давайте рассмотрим при увеличении, а затем уберемся отсюда к чертям.

На главном дисплее панели появилось изображение трубы, которая шла сверху под углом приблизительно в сорок пять градусов. На грифельно-черном фоне атмосферы она казалась серебристой, сияющей, будто внутренняя стенка торнадо. Виднелся отрезок километров восьмидесяти длиной. Выше и ниже труба исчезала в клокочущей облачной мути. Ее движение не ощущалось, она выглядела

неподвижной, закрепленной — хоть и погружалась в атмосферу со скоростью четверть километра в секунду.

— И это все? — разочарованно произнес Торн. — Конечно, ничего определенного я не ожидал, но все-таки рассчитывал увидеть не просто гладкую стенку. Можете подлететь спереди?

— Тогда придется пересекать фронт ударной волны. Трясти будет куда сильней, чем раньше.

— Но мы же способны это сделать? Или нет?

— Попробуем.

Хмурясь, Виллемье взялась за пульт. Атмосфера перед трубой казалась кристально гладкой, спокойной, не потревоженной несущимся к ней фронтом ударной волны. Оборачиваясь вокруг гиганта, труба описывала спираль с расстоянием порядка нескольких тысяч километров между витками. Воздух непосредственно перед трубой был спрессован в текучий слой толщиной в считаные сантиметры. Волна сжатия расходилась в стороны от трубы по всей ее длине. И зайти вперед было нельзя, не проткнув эту стену стиснутого и разогретого газа, — разве что облетать за тысячи километров.

Они приблизились к краю трубы, сияющему вишнево-алым — свидетельство колоссального трения о набегающий поток. Но, казалось, огромные температура и давление не причиняют никакого вреда чудовищной машине пришельцев.

— Трубу опускают вниз. Но там же ничего, кроме газа, — заметил Торн.

— Не только газа, — возразила Виллемье. — Несколько сотен километров вниз — и газ превращается в жидкость. Там море жидкого водорода. Под ним чистый металлический водород, покрывающий каменное ядро.

— Ана, если бы черные машины хотели распотрошить эту планету, чтобы добраться до скалистого ядра, что бы они делали?

— Не знаю. Может, скоро выясним.

Когда столкнулись с фронтом ударной волны, Торн подумал: корабль не выдержит. Слишком уж многого захотели от несчастной посудины. Раньше корпус трещал и кряхтел, теперь буквально завизжал. Панель управления сверкнула красным и погасла. На одно жуткое мгновение повисла тишина. Но корабль прорвался — и вышел в спокойную атмосферу. Треща и мигая, панель ожила снова, с нее и со стен завопил предупреждающий хор.

— Прошли! — выдохнула Виллемье. — И вроде остались целыми. Но не стоит больше испытывать судьбу.

— Согласен. Но раз уж мы сюда добрались, почему бы не заглянуть малость поглубже? Глупо отказываться от такой возможности.

— Нет.

— Если хотите, чтобы я вам помог, позвольте узнать, во что я ввязываюсь и чего ради.

— Корабль не выдержит!

Торн улыбнулся:

— Он уже выдержал больше, чем от него ждали. И выдержит еще. Не будьте такой пессимисткой.

В белую камеру вошла представительница демархистов. Она сурово глянула на Клавэйна. С ней прибыли трое феррисвильских полицейских, которым он сдался в космопорту, и четверо солдат-демархистов. Те явились без оружия, но в ярко-красной силовой броне все равно выглядели устрашающе. Он чувствовал себя старым и слабым, полностью в чужой власти.

— Я Сандра Вой, — сказала женщина. — Вы, как я полагаю, Невил Клавэйн. Согласно информации, полученной от чиновников конвенции, вы настаивали на встрече со мной. Почему?

— Я дезертировал...

— Не об этом речь. Почему вам понадобилась именно я?

— Сандра, я полагал, что могу рассчитывать на гуманное обращение. Я был знаком с вашей родственницей. Кажется, она приходилась вам прапрабабушкой... Извините, но я запутался в поколениях.

Женщина подтянула себе белый стул, села напротив Клавэйна. Демархисты утверждали, что их политическая система сделала чины и ранги устаревшими и ненужными. Вместо капитанов у них были «начальники кораблей», вместо генералов — «специалисты по стратегическому планированию». Само собой, такие отличия требовали и визуальных свидетельств, но Вой вряд ли признала бы, что многочисленные нашивки и цветные полосы на ее френче означают старомодный воинский чин.

— Уже четыреста лет никто в наших рядах не носит имя Сандра Вой, — сказала она.

— Я знаю. Последняя умерла на Марсе. При попытке добиться мира с сочленителями.

— Вы говорите про события далекого прошлого.

— Я говорю о том, что было. Мы с Вой находились на одной стороне, участвовали в миротворческой миссии. Я дезертировал к сочленителям вскоре после ее смерти и с тех пор всегда был с ними.

На мгновение глаза молодой Сандры Вой остекленели. Имплантаты Клавэйна зарегистрировали интенсивный поток данных, принимаемых и передаваемых ее мозгом. Клавэйн был впечатлен. После эпидемии лишь немногие демархисты осмеливались на масштабные нейромодификации.

— Ваши слова не подтверждаются имеющимися у нас данными.

— В самом деле? — удивился Клавэйн.

— Да. По нашим сведениям, Клавэйн прожил не более полутора веков после дезертирства. Вы не можете быть тем самым Клавэйном.

— Я побывал в межзвездной экспедиции и лишь недавно вернулся. Потому и сведений обо мне за последнее время нет. Но разве это существенно? Ведь конвенция уже убедилась, что я сочленитель.

— Вы можете оказаться засланным с диверсионными целями агентом. С чего бы вам дезертировать?

И снова Клавэйн опешил:

— А почему я не могу дезертировать?

— Может, вы чересчур начитались наших газет? Если да, то у меня для вас неприятные новости: ваши бывшие друзья выигрывают эту войну. Переход единственного паука на сторону демархистов ничего не изменит.

— Я и не рассчитывал, что мой побег повлияет на ход войны. У меня совсем другая причина.

— Какая же у вас причина?

— Не имеющая с этой войной ни малейшей связи.

Кораблик спускался все ниже, держась впереди ударной волны. Пятнышко на экране пассивного радара так и не исчезло. Таинственный объект преследовал уже на протяжении тридцати тысяч километров, не отставал и не приближался.

Вокруг темнело, пока небо над головой не стало лишь самую малость отличаться от неподвижных черных глубин внизу. Ана Хоури выключила свет в кабине, надеясь, что это позволит лучше видеть происходящее снаружи. Но улучшение было мизерным. Единствен-

ным источником освещения служил вишнево-красный раскаленный край трубы, да и тот сильно потускнел. На этой глубине труба двигалась со скоростью не более двадцати пяти километров в секунду относительно атмосферы и практически вертикально погружалась в зону перехода, где атмосферный газ сгущался в жидкость.

Ана поморщилась, услышав очередной тревожный сигнал о повышении давления за бортом.

— Я серьезно говорю: нельзя заходить глубже. Нас расплющит. За бортом уже пятьдесят атмосфер, и кто-то все еще сидит у нас на хвосте.

— Ана, еще чуть-чуть. Можем мы достичь зоны перехода в жидкую фазу?

— Нет! Этот корабль предназначен только для атмосферы. Заглохнет в жидком водороде, и тогда нас расплющит. Торн, это не самая приятная смерть.

— Но ведь трубе-то, кажется, давление не мешает. Наверное, она уходит гораздо глубже. Как думаете, сколько они уже выпустили? Труба движется со скоростью километр в четыре секунды, правильно? Это почти тысяча километров за час. Там уже должно быть столько, что хватит неоднократно обвить планету.

— Мы не знаем, что именно там делается.

— Но можем кое-что предположить, глядя на все это. Ана, знаете, что мне приходит на ум?

— Не знаю, но вы наверняка мне расскажете.

— Это обмотка. Как в электромоторе. Но, конечно же, я могу ошибаться.

Торн улыбнулся, глядя на женщину. И вдруг кинулся к ней.

При всей своей солдатской подготовке она среагировать не успела. Застыла на мгновение, изумленная. На корабле уже была гравитация — он двигался со скоростью меньше космической. Но Торн перемещался, словно лишенный веса, плавно и продуманно. Осторожно выдернул Ану из пилотского кресла. Та отбивалась, но Торн был гораздо сильней и знал, как парировать ее удары. Инквизитор не забыла приемы рукопашного боя, но противник ни в чем ей не уступал.

— Ана, вы легче меня. Я не собираюсь причинять вам вред.

Не успела она сообразить, что происходит, как Торн бросил ее в пассажирское кресло, заставил сесть на собственные руки и крепко затянул амортизационные ремни. Спросил, может ли она дышать,

и затем стянул ремни еще сильнее. Ана заерзала, извиваясь, но крепления держали прочно.

— Торн! — выкрикнула она.

Тот опустился в кресло пилота:

— Вы сами расскажете все, что я захочу узнать, или придется убеждать силовыми методами?

Он повозился с панелью. Корабль качнулся, зазвучал сигнал тревоги.

— Торн!

— Виноват... Когда я наблюдал за вами, управление выглядело так просто...

— Вы с ним не справитесь!

— Но, по крайней мере, постараюсь. Ну-ка, ну-ка...

Корабль снова тряхнуло, разноголосо закричали сигнальные устройства. Сперва неуклюже, но все охотнее машина отзывалась на команды. На панели зажегся индикатор уровня — Торн закладывал крутой вираж.

— Восемьдесят градусов, — вслух считывал показания мужчина, — девяносто... сто...

— Торн, остановитесь! Вы же нас ведете прямиком на ударную волну!

— Вообще-то, мне именно это и нужно. Как думаете, выдержит корпус? Вроде вы боялись, что он уже перенапряжен. Сейчас выясним, насколько прочна ваша посудина.

— Торн, что бы вы ни задумали...

— Ана, я всего лишь пытаюсь создать реальную угрозу для нас обоих. Разве это не ясно?

Инквизитор снова отчаянно забилась, пытаясь высвободиться. Напрасно. Да, Торн был необыкновенно умен. Недаром столько времени ускользал от правительства. Можно восхищаться. Но какая же сволочь!

— Мы не пройдем фронт! — предупредила она.

— С моим умением летать — точно не пройдем. Что сильно упрощает ситуацию. Я хочу от вас правдивых ответов.

— Я вам все рассказала!

— Нет. В сущности, вы не сказали ничего. Я хочу знать, кто вы. Догадываетесь, когда у меня зародились подозрения?

— Нет, — ответила она, понимая: он и в самом деле ничего не сделает для спасения обоих, пока не получит желаемого.

— Я заподозрил, услышав голос Ирины. Мне он показался знакомым. А потом вспомнил обращение к Ресургему, с которым выступила Илиа Вольева перед тем, как принялась уничтожать колонии на поверхности. Давно это было, но старые раны трудно затягиваются.

— Торн, вы все не так поняли!

— Да? А может, вы меня просветите?

Хор тревожных сигналов умножился. Торн притормозил, но все равно корабль двигался к фронту ударной волны со скоростью несколько километров в секунду. Ана надеялась, что ей грезится, а не на самом деле видится вишневое сияние впереди, рассеивающее черноту.

— Ана? — весело и беззаботно позвал Торн.

— Да, черт вас побери!

— Ага, кажется, начинает доходить.

— Хватит! Разворачивайтесь!

— Развернусь, как только услышу волшебные слова. Я хочу всего лишь признания.

Она глубоко вздохнула. Вот и конец тщательно составленным планам. Сделали ставку на Торна, а он оказался умнее обеих заговорщиц. Ведь можно было догадаться: все к тому шло. Черт побери Вольеву. Она же кругом оказалась права! Ошибкой было подпускать Торна к «Ностальгии». Следовало найти другой способ убеждения. Вольева должна была настоять, не обращая внимания на возражения...

— Ана, как же с волшебными словами? Мы уже близко.

— Ладно. Да провались оно все! Ирина — триумвир. Мы с самого начала скормили тебе кучу вонючей лжи. Доволен теперь?

Торн ответил не сразу. К облегчению Аны, он развернул корабль. Ускорение вдавило ее в кресло — Торн включил тягу, чтобы убежать от фронта. Тот багрово сиял, несясь вдогонку — жуткая красная линия, словно лезвие палаческого меча. Она росла, ширилась, пока не стала яркой стеной, цунами расплавленного металла. Многочисленные тревожные оповещения слились в нечленораздельный гул. Но затем стена за кормой сузилась, с боков подступил серый сумрак, будто опустились железные занавеси. Красная линия осталась позади, исчезла.

— Думаю, получилось, — заключил Торн.

— А мне кажется, нет.

— Что?

Она кивнула в сторону радарного дисплея. Теперь на нем не было пятнышка, сопровождавшего корабль с момента его погружения в атмосферу, но со всех сторон собирались отклики приближающихся объектов. По меньшей мере дюжина — и отклики четкие, стабильные. Объекты шли на скорости несколько километров в секунду, очевидно стремясь к кораблю.

— Похоже, мы только что обратили на себя внимание ингибиторов. — Голос Аны прозвучал гораздо спокойнее, чем она ожидала. — Мы все-таки переступили порог.

— Пойдем вверх и покинем атмосферу как можно скорее.

— Мать твою, думаешь, это поможет? Они будут здесь через десять секунд. Торн, кажется, ты получил все доказательства, какие хотел. Если нет, их доставят в самом скором будущем. Радуйся, пока можешь.

Как показалось Ане, он посмотрел на нее с восхищением.

— Вам это не в диковинку?

— Ты о чем?

— О смертельной переделке, о чудовищном риске. Кажется, вас это нисколько не пугает.

— Да? Честное слово, я предпочла бы сейчас находиться как можно дальше отсюда.

Приближающие объекты образовали тесное кольцо вокруг корабля. Им оставалось несколько километров, они замедлились. Хоури понимала: уже можно включать и активные радары, хуже не сделаешь. Они с Торном выдали себя, и теперь можно спокойно рассмотреть врага. Ингибиторы шли со всех сторон, и хотя в их строю оставались щели, проскользнуть и удрать не было никакой возможности. Еще минуту назад ингибиторы оставались вне зоны радара, а теперь они совсем рядом. Видно, проходили сквозь атмосферу, практически ее не замечая.

Торн повел корабль резко вверх. Ана сделала бы то же самое, хотя знала: не поможет нисколько. Слишком близко подобрались, чересчур глубоко заглянули и теперь должны расплатиться за любопытство. Как Силвест много лет назад.

Отклики активного радара выглядели неясно из-за сплошной массы надвигающихся машин. А датчики массы регистрировали сигнал на пороге чувствительности, почти неотличимый от пертурбаций гравитационного поля самого гиганта. Но глаза уж точно не

обманывали: черные фигуры плыли сквозь атмосферу. Именно плыли, то самое слово. Хоури следила, как они движутся — собираются вместе, колышутся, разбегаются в стороны. И эти сложные повторяющиеся движения были поразительно схожи с шевелением осьминожьих щупалец в воде.

Черные машины был величиной с ее корабль и складывались из миллионов мелких элементов; это был скользящий неутомимый танец множества разных кубов. За мельтешением черных фигур не различалось почти ничего, но время от времени вспышки синего или фиолетового света выделяли четко те или иные контуры. Каждую большую машину окружали облака фигур поменьше. Сближаясь, они выбрасывали навстречу черные щупальца-пуповины, по которым текли волны мелких машин. Соединенные центры вспучивались, опадали, иногда сливались. Между чернильными контурами вспыхивали фиолетовые молнии. Ингибиторы образовывали на мгновение правильную геометрическую фигуру, окружавшую корабль, — и тут же рассыпались, становились хаотичным роем.

Хотя Ана знала, что скоро умрет, нельзя было не восхититься жутким до тошноты зрелищем. Даже мимолетный взгляд на ингибиторов рождал ощущение враждебной чуждости, противной человеческому разуму и не имеющей с ним ничего общего. Хоури вдруг поняла: они с Вольевой очень недооценили противника, хотя и считали его способным на дела, по человеческим меркам невероятные. Ингибиторы способны на большее. На гораздо большее.

Вот уже машины в сотне метров от корабля, плотно смыкаются, обволакивают добычу. Они почти закрыли небо — лишь его клочки видны между черными перемычками. Подсвеченные фиолетовыми арками, россыпями огней, танцующими пузырями плазменных разрядов, от смыкающейся массы потянулись непристойного вида толстые выросты, жадно рыщущие, нетерпеливые. Раскаленные потоки частиц из корабельных дюз били прямо в ингибиторов, а тем и нипочем — струи выхлопа будто проходили сквозь них, не задерживаясь.

— Торн?

— Ана, прости, — сказал он, и сожаление в голосе было искренним. — Я чувствовал, что должен убедиться. Знаешь, всегда норовлю давить до предела, до крайности...

— Я не то чтобы тебя виню. Наверное, на твоем месте вела бы себя так же.

— Значит, мы оба глупцы. И получили по заслугам.

На корпусе лязгнуло, и еще раз. Сигналы тревоги сменили тон — предупреждали уже не о возможном отказе двигателей либо иной аварии бортовых систем, но о повреждении корпуса внешними объектами. Послышался мерзкий скрежет, будто царапали гвоздем о жесть, и в окне кокпита показалось толстое щупальце, чья круглая оконечность представляла собой кишащую мозаикой крохотных, в ноготь величиной, черных кубов. Их вихрящееся движение обладало странным гипнотическим свойством.

Ана потянулась к панели управления, надеясь опустить заслонки на окна, выиграть тем самым пару секунд.

Корпус затрещал. По нему ползло все больше черных щупалец. Дисплеи гасли один за другим или отображали только статические помехи.

— Они могли бы уже прикончить нас, — проговорил Торн.

— Да. Похоже, решили сначала выяснить, кто мы.

Послышался новый звук, которого Ана так страшилась, — скрежет раздираемого металла. Заложило уши — давление внутри корабля резко упало. Все. Через пару секунд — смерть от разгерметизации. Не самая приятная, но все же, наверное, лучше, чем от черных машин. Что сделают жадные щупальца, дотянувшись? Раздерут на части так же, как раздирают корабль? Не успела она додумать эту малоутешительную мысль, как индикаторы показали: утечка прекратилась, разгерметизация была краткой.

— Ана, смотри! — прошептал Торн.

Дверь, ведущая в рубку, покрылась колышущимся чернильным слоем, будто застыла вертикально приливная волна первозданной мглы. Повеяло ветерком, словно непрерывная поверхность состояла из множества беззвучных вентиляторов. Изредка близ нее сверкало розовым, пурпурным, намекая на жуткое нутро машинной массы. Ана ощутила колебание, нерешительность, — наверное, машины поняли, что проникли в самое сердце незваного гостя, подобрались к хрупкой и уязвимой органической материи.

Стена вспучилась. Сначала образовалась выпуклость размером с бедро Хоури, затем превратилась в подобие древесного ствола. Его оконечность была округлой, словно вершина бугра из слизи, она шевелилась, качалась, будто принюхиваясь. Вблизи вились крошечные кубы, делая очертания расплывчатыми. Все происходило в полной тишине, разве что изредка доносились откуда-то хлопки, потрески-

вание. Ствол выпирал из стены все дальше и в метре от Аны и Торна замер. Хоури заметила, как черная тварь размером с жука пролетела у лица, затем присоединилась к основной массе. Вновь ствол двинулся вперед, плавно и неуклонно, затем разветвился. Один отросток потянулся к Ане, второй к Торну. Черные щупальца пульсировали, кубы перемещались волнообразно, расширялись и сжимались, прежде чем как окончательно занять нужное положение в растущей структуре.

— Послушай, Торн, мы еще можем уничтожить корабль, — прошептала Ана.

— Хорошо. Что от меня требуется?

— Освободи меня, и я все сделаю сама. От тебя корабль не примет команду на самоуничтожение.

Торн шевельнулся, но тотчас же черное щупальце выплеснуло отросток, обездвижив его. Прижимало осторожно — очевидно, не хотело причинить вред, — однако не давало и пошевелиться.

— Неплохая попытка, — прокомментировала Хоури.

Черные щупальца были уже в считаных дюймах от нее. Отростки делились и делились, и перед лицом Аны возникла многопалая черная рука, пальцы-ветки готовы войти в глаза, нос, рот, уши и ноздри, проткнуть кожу и кости. Они продолжали ветвиться, делаясь все тоньше, пока не стали неразличимыми нитями, серо-черной расплывчатой порослью микроскопических ресничек.

Ствол отдернулся на дюйм. Ана закрыла глаза, посчитав, что машины готовятся ударить. Затем ощутила резкий укол холода под глазами, такой краткий и аккуратный, что она почти не ощутила боли. Мгновением позже укололо так же в слуховом канале. Ана не знала, насколько изменилось ее восприятие времени, но чудилось, что спустя крохотную долю секунды черные щупальца достигли мозга. Ее захлестнул водоворот эмоций, смутные образы быстро сменяли друг друга, и казалось, содержимое мозга разматывают и считывают, словно длинную магнитную ленту. Ане захотелось взвизгнуть, дернуться, хоть как-то отреагировать, но тело не слушалось. Даже мысли едва шевелились, подавленные жутким вторжением черных машин. Битумообразная масса вползла в каждый ее закоулок, не осталось почти ничего от сущности, называвшей себя Аной Хоури. Но все же оставалось достаточно, чтобы понять: данные текут в обе стороны, из мозга и в мозг.

Когда машины установили стабильную связь с Аной, ей представилась колоссальная необъятная чернота, простирающаяся далеко за пределы черепа. Ее разум проник в ствол, прошел сквозь корабль, в пространство за ним, в сгусток машин, окруживших непрошеного визитера.

Хоури ощутила присутствие Торна, подключенного к той же информационной сети. И его мысли были точным отражением ее мыслей. Он был парализован, подавлен, не способен и вскрикнуть, даже вообразить облегчение, какое приносит крик. Ана попыталась дотянуться, дать ему знать, что еще существует, находится рядом. Хоть кто-то во Вселенной знает, что приходится испытывать Торну. Одновременно ощутила, как Торн пытается сделать то же самое — и оба словно сомкнули пальцы в пространстве своих душ, сплели руки, как любовники, тонущие в море мглы.

Безжалостное считывание продолжалось, черные щупальца пробрались в самые потайные части мозга. Это было намного страшней любой пытки или ее симуляции, испытанной Аной на Окраине Неба, хуже всего того, что делала с нею Мадемуазель. Единственное облегчение: она почти не осознавала себя. Когда угаснет последняя искра разума, Ана Хоури освободится.

Но вдруг ситуация изменилась. Передававшиеся ощущения черных машин дали понять: на краю окутавшего корабль роя появилось некое возмущение. Торн его тоже почувствовал — Ана уловила жалкий проблеск его надежды. Но ведь надеяться не на что. Машины всего лишь перегруппировались, готовясь к новой фазе уничтожения...

Инквизитор Виллемье ошибалась.

В ее рассудок вторгся новый разум, кристально ясный, спокойный, ничуть не подавленный мощным присутствием ингибиторов. В нем чувствовалось любопытство, толика нерешительности, и хотя страх тоже присутствовал, он нисколько не походил на беспросветный ужас, заполонивший разум Торна. Этот страх был лишь продолжением осторожности. В то же время к Ане вернулась часть ее «я», безжалостное иго черных машин чуть ослабло.

Чужой разум приблизился, и Ана внезапно, несмотря на помраченность рассудка, осознала: его грубая сила и своеобразие не казались чем-то из ряда вон — словно новый мощный инструмент озвучил известную мелодию. Это разум мужчины, не считавшего нужным

сомневаться, не знавшего скромности, не сочувствовавшего чужим бедам. Но вместе с тем Ана заметила крохотную искру сожаления, а с нею и даже нечто похожее на заботу. Но как только она распознала эти эмоции, чужой разум отдернулся, снова скрылся за непроницаемой пеленой, и мозг Аны окутала пустота.

Хоури наконец смогла завизжать — власть над телом вернулась к ней. В этот же момент черный ствол тоненько звякнул и рассыпался. Открыв глаза, она обнаружила вокруг рой хаотично снующих, толкающихся кубов. Они пытались соединиться, образовывали большие конструкции, но те рушились через одну-две секунды.

Торн уже мог двигаться. Он встал, подошел к Ане, распихивая черные кубы, отстегнул ремни ее кресла.

— Интересно, ты имеешь хоть малейшее представление о том, что случилось? — спросил он, с трудом ворочая непослушным языком.

— Как ни странно, да. Но не знаю, сможешь ли ты поверить.

— А ты попробуй, расскажи!

— Торн, посмотрите наружу.

Он проследил за ее взглядом. Снаружи черная масса тоже не могла соединиться в целое. Тут и там открывались проемы, в них виднелось небо. Но вблизи корабля находились не только ингибиторы. Внутри их оболочки виднелся объект, не являющийся их частью. Он медленно и плавно облетал корабль, черные машины рассыпались перед ним, проворно убирались с дороги. Форму объекта трудно было разобрать — что-то вроде серого волчка из множества вращающихся слоев. Глубоко внутри что-то мерцало красным, будто сердолик. Объект, похожий на детскую игрушку, вряд ли имел больше метра в диаметре. Правда, оценить его размеры было непросто, внешняя граница то втягивалась, то выпячивалась. Оставалось лишь догадываться, что он собой представляет. Несомненно было одно: ингибиторы, как ни странно, опасались его.

— Смотри, он открывает для нас путь, — удивленно произнес Торн. — Можем бежать!

Ана выдернула его из пилотского кресла:

— Давай так и сделаем!

Корабль вылетел из роя машин и устремился вверх. В радаре Хоури видела: ингибиторы остались позади. Вот сейчас они окружат, расплющат мерцающий красный волчок и устремятся вдогонку. Но кораблю в форме змеиной головы позволили убежать. Лишь позже

сзади что-то стремительно приблизилось, и на радаре оно давало такой же отклик, как у давешнего преследователя. Однако теперь оно пронеслось мимо с устрашающим ускорением, стремясь в открытый космос. Хоури провожала взглядом объект, пока тот не пропал из виду. Ее нисколько не удивило, что он направлялся к Гадесу, нейтронной звезде на окраине системы.

Где начался великий труд? Как и отчего? Ингибиторы не имели доступа к этой информации. Знали одно: труд доверен им, лишь они на него способны. Их миссия — самая важная, какая только выпадала на долю разумных сущностей в этой Галактике, а возможно, и в целой Вселенной.

Цель проста до крайности. Нельзя позволить, чтобы разумная жизнь распространилась по космосу. Хотя, если она ограничена единственной планетой или даже единственной Солнечной системой, ее не следует трогать. Напротив, ее нужно охранять и оберегать.

Но заразить всю Галактику разумная жизнь не должна.

При этом вовсе не ставилась задача полностью лишить Галактику жизни. С подобной ролью легко справлялась бы любая зрелая культура, особенно если бы она оказалась практически в полном одиночестве. В «звездных колыбелях» можно пробуждать искусственные сверхновые звезды, взрывающиеся в миллионы раз сильнее обычных сверхновых, опустошающие огромные пространства. Можно подводить и швырять звезды в спящую сверхмассивную черную дыру галактического центра. Раздираемая приливными силами, такая звезда испустит поток гамма-лучей, которые уничтожат всякую жизнь. Осторожно манипулируя гравитационной постоянной в локальных масштабах, можно сталкивать двойные нейтронные звезды. Можно натравить на всю Галактику своры самовоспроизводящихся машин, которые разнесут в щебень все каменные планеты всех звездных систем. За несколько миллионов лет все такие планеты исчезнут. Заблаговременные вмешательства в эволюцию протопланетных пылевых дисков, из которых формируются новые миры, не дадут образоваться планетам, пригодным для развития жизни. Галактика задохнется в смертной пыли — поруганная, изувеченная, она будет сиять на мегапарсеки красным гибельным светом.

Все это было вполне осуществимо.

Но задача ингибиторов — не искоренение жизни, а контроль за ее распространением. Сама жизнь, даже при ее изобилии, для черных машин оставалась священной. По большому счету, именно ради ее

сохранения, а в особенности ради сохранения разума, и существовали ингибиторы.

Для этого нельзя было допустить, чтобы разум распространился.

Методика черных машин, отточенная миллионами лет опыта, отличалась простотой и эффективностью. Звезд — великое множество. Огромно и количество миров, где простая жизнь способна развиться вдруг до разумной. Потому ингибиторы рассыпали по Галактике завлекающие, интригующие артефакты, сигнальные мины. Расположили так, чтобы освоившая дальние полеты цивилизация рано или поздно натолкнулась на одну из них. Ловушки ставились с расчетом на то, чтобы не провоцировать выход в космос — но неизбежно привлекали к себе уже вышедших.

А ингибиторы ждали в межзвездной пустоте, пока приманки не подадут голос. После чего устремлялись на зов, чтобы безжалостно вычистить зараженное место.

Привезший Сандру Вой военный шаттл пришвартовался снаружи «карусели» Новый Копенгаген, закрепившись магнитными захватами. Клавэйна привели на борт, указали, где сесть, водрузили на голову черный шлем с узкой застекленной прорезью для глаз. Шлем предназначался для блокировки генерируемых имплантатами импульсов, способных повлиять на аппаратуру шаттла. Предосторожности не удивили сочленителя — он понимал, что, вопреки словам Вой, может оказаться очень полезным для демархистов. Любой перебежчик способен повлиять на исход войны, даже на столь поздней стадии. Но типичный паук может и причинить немалый вред.

Военный корабль отчалил. Сквозь древние окна шаттла — пятнадцатисантиметровое обшарпанное стекло — Клавэйн увидел три тонких, изящных полицейских катера, плывущих рядом, словно рыбы-лоцманы.

Кивнул в их сторону:

— Они серьезно отнеслись к делу.

— Нас выведут из пространства конвенции, — пояснила Вой. — Это стандартная процедура. У нас очень хорошие отношения с Феррисвилем.

— Куда вы меня везете? Прямиком в штаб-квартиру Демархии?

— Не говорите чепухи. Для вас подыскано надежное место. На дальней стороне Глаза Марко есть небольшая база демархистов... конечно же, вам известно о ней. Как и о наших операциях.

— Да, но мне неизвестны ваши методы допроса. Часто ли вам приходилось их применять?

Кроме их двоих в каюте присутствовал мужчина-демархист, тоже высокого ранга. Его Вой представила как Жиля Перо. Жиль имел скверную привычку постоянно сгибать и разгибать пальцы на затянутых в перчатки руках, по очереди, один за другим.

— Два-три раза в десять лет, — ответил он. — Определенно вы первый за долгое время. Но не рассчитывайте, что вас встретят как дорогого гостя. Нельзя не учитывать тот факт, что восемь из одиннадцати предыдущих дезертиров оказались шпионами пауков. Мы убили их, но негодяи успели украсть и передать важные секреты.

— Я здесь не для этого. Какой смысл, если мы выигрываем войну?

— Значит, вы явились поглумиться? — предположила Сандра Вой.

— Нет. Я хочу сообщить то, что заставит вас взглянуть на эту войну совершенно по-новому.

— Вы шутите? — спросила она, явно заинтригованная.

— У Демархии еще есть субсветовики?

Вой и Перо обменялись озадаченными взглядами.

— А как вы думаете? — спросил мужчина.

Клавэйн молчал несколько минут. Смотрел в окно. За ним огромная серая дуга «карусели» Новый Копенгаген стала всего лишь небольшим участком лишенного спиц колеса. Она все уменьшалась, пока не затерялась среди прочих конструкций Ржавого Пояса.

— По данным нашей разведки, у вас нет субсветовиков, — ответил наконец Клавэйн. — Но данные бывают неполными или ошибочными. Как по-вашему, может Демархия в самое ближайшее время получить в свое распоряжение субсветовик?

— Клавэйн, вы о чем? — спросила Вой.

— Просто ответьте!

Женщина покраснела от гнева, но она неплохо владела собой. Голос остался спокойным, почти деловым.

— Вы же знаете, способ найти можно. В случае отчаянной необходимости...

— Стоит уже искать этот способ, поскольку необходимость и в самом деле отчаянная. Вы должны получить в свое распоряжение субсветовик, и лучше не один. А еще солдат и оружие.

— Клавэйн, едва ли мы можем разбрасываться ресурсами, — возразил Жиль, полностью сняв одну перчатку.

Его рука была молочно-белой, очень изящной и тонкой.

— Почему? Боитесь проиграть войну? Так и так проиграете. Если отвлечете часть ресурсов, всего лишь проиграете чуть раньше.

— Но зачем нам это делать? — спросил Перо, снова натягивая перчатку.

— Победа в этой войне больше не является вопросом первостепенной важности для Материнского Гнезда. Важнее другое. Но сочленители не намерены прекращать боевые действия, поскольку не хотят, чтобы кто-либо заподозрил истину.

— Что за истина? — спросила Вой.

— Всех частностей я не знаю. У меня был выбор: остаться и узнать побольше или дезертировать, пока есть возможность. Решение далось нелегко, но я предпочел второй вариант.

— Не ходите вокруг да около, — попросил Жиль. — Расскажите все, что знаете, а уж мы сделаем выводы. Вы же понимаете, мы рано или поздно выясним все, что содержится в вашей голове. У нас тоже есть аппаратура для траления памяти — помедленнее вашей и, наверное, не такая безопасная, но эффективная. Уверяю, вы ничего не потеряете, если выложите все начистоту прямо здесь.

— Я вам все расскажу, но это будет совершенно бесполезно, если вы не решите действовать.

Клавэйн почувствовал, как шаттл меняет курс, направляясь к Глазу Марко — единственной большой луне Йеллоустона, чья орбита лежала сразу за границами пространства Феррисвильской конвенции.

— Так рассказывайте, — велел Жиль.

— Материнское Гнездо установило: существует внешняя угроза, затрагивающая всех нас. В космосе есть машиноподобные сущности, подавляющие всякую технологически развитую цивилизацию Галактики. Потому Галактика так пуста. Они вычистили все разумное. Боюсь, следующие в списке — мы.

— По мне, это досужие домыслы, — сказала Вой.

— К сожалению, нет. Наши экспедиции, отправленные в глубокий космос, уже повстречались с ними. Они не менее реальны, чем вы или я. И поверьте: они приближаются.

— Но до сих пор мы как-то жили, и никто не являлся нас вычищать, — заметил Жиль Перо.

— Их привлекли какие-то наши действия, какие именно — боюсь, не узнаем. Но это и не важно. Важно лишь то, что угроза реальна и сочленители осознали ее масштабы. Материнское Гнездо считает, что не сможет отразить ее.

Затем Клавэйн рассказал демархистам почти то же самое, что и Ксавьеру с Антуанеттой: об эвакуационном флоте, об «адском» оружии.

— А это гипотетическое оружие разве может причинить хотя бы малейший вред этим вашим сверхмогущественным пришельцам? — осведомилась Сандра Вой.

— Полагаю, если бы не могло, моя фракция не стремилась бы заполучить его во что бы то ни стало.

— И при чем здесь мы?

— Я бы хотел, чтобы вы добрались до оружия первыми. Для этого и нужен субсветовик. Можете оставить несколько пушек эвакуационному флоту Скади, но остальные... — Клавэйн пожал плечами. — Думаю, лучше такому оружию находиться под контролем обычных людей, не столь модифицированных.

— Ну вы и перевертыш! — проговорила Сандра с восхищением.

— Я пытаюсь не делать на этом карьеру.

Неожиданно шаттл дернулся. Клавэйн достаточно налетал на самых разных судах, чтобы понимать разницу между запланированным и экстренным маневром.

Что-то не так. От спокойствия демархистов не осталось и следа. Лицо Вой окаменело. Дрожащим голосом она обратилась по инфразвуковому каналу к капитану. Перо же шагнул к окну и крепко ухватился за прикрепленный к стене ремень.

Судно качнулось снова, кабину залила резкая синева. Перо отвернулся, сощурившись.

— В чем дело? — спросил Клавэйн.

— Нас атакуют, — ответил демархист, одновременно заинтригованный и испуганный. — Только что уничтожили один из катеров эскорта.

— Этот шаттл выглядит легкобронированным. Если бы атаковали нас, мы были бы уже мертвы.

Опять сверкнуло. Шаттл задергался, накренился, корпус задрожал — капитан выполнял маневры уклонения.

— Второй катер готов, — сообщила Сандра, стоявшая у иллюминатора по другому борту.

— Вы не могли бы выпустить меня из этого кресла? — осведомился сочленитель.

— Вижу приближающийся корабль! — объявил Перо. — Постойте... даже два! Без маркировки. Выглядят гражданскими. Но вряд ли они гражданские. Разве что...

— Баньши? — предположил Клавэйн.

Демархисты будто не слышали его.

— С этой стороны тоже что-то виднеется, — сказала Вой. — Начальник корабля понятия не имеет о происходящем. — Она посмотрела на Клавэйна. — Ваши могут подойти так близко к Йеллоустону?

— Могут, ведь им очень нужно меня вернуть. Однако это было бы против всяких правил.

— Да, возможно, это пауки, — подтвердила Вой. — Если так, они нарушили все договоренности.

— Отстреливаться можете?

— Не здесь. В пространстве Феррисвильской конвенции наше оружие заблокировано.

Перо отпустил ремень и заковылял к другому, на противоположной стене. Взглянул в иллюминатор.

— Так, последний катер поврежден — его слегка зацепили. Теряет газ и управление. Отстает. Вой, сколько осталось до военной зоны?

Глаза женщины снова остекленели, словно ее контузили на секунду.

— До границы четыре минуты, затем оружие деблокируется.

— У вас нет четырех минут, — указал Клавэйн. — Здесь, случайно, скафандра не найдется?

— Найдется. — Вой удивленно посмотрела на него. — Но зачем?

— Ясно же: им нужен я. Нет смысла умирать всем.

Его проводили в отсек, где хранились скафандры — все демархистского образца, с верхним слоем из серебристо-красного металла. По функциям они не уступали скафандрам сочленителей, но системы были устроены по-другому. Клавэйн не смог бы надеть его без помощи Вой и Перо. Когда защелкнулся, встав на место, шлем, перед глазами высветилась панель с множеством диаграмм и символов, абсолютно ничего Клавэйну не говорящих. Периодически тихий

вежливый женский голосок шептал что-то на ухо. Большинство показателей светилось зеленым, а не красным, что, наверное, было хорошим признаком.

— Мне почему-то кажется, — процедила Вой, — что вы это запланировали с самого начала. Хотели попасть на борт нашего корабля, а с него перебраться на другой. Возможно, послали сигнал пиратам...

— Я рассказал вам правду, — возразил Клавэйн. — Не знаю, кто на нас нападает и что они хотят со мной сделать. Это могут быть и сочленители — но если и так, я их прибытия не планировал.

— Хотелось бы вам верить.

— Знаете, я восхищался той Сандрой. Надеялся, что память о ней поможет договориться с вами. Я искренне хотел — и хочу, — чтобы вы мне поверили.

— Если это сочленители... они убьют вас?

— Не знаю. Если бы хотели, наверное, уже убили бы. Вряд ли Скади пощадила бы и вас. А может, я неправильно сужу о ней. Но если это и правда Скади... — Клавэйн протиснулся в шлюз. — Мне пора. Надеюсь, они оставят вас в покое, когда я окажусь снаружи.

— Вижу, вам страшно.

— Это так бросается в глаза? — улыбнулся Клавэйн.

— Допускаю, что вы не солгали нам. Ваша информация...

— Прошу, отнеситесь к ней внимательно. Действуйте!

Он шагнул к двери. Вой довершила остальное. Индикаторы на лицевой панели показали быстрое падение давления, скафандр защелкал, запикал непонятно, приспосабливаясь к вакууму. Внешняя дверь качнулась на тяжелых шарнирах, отошла в сторону. Впереди — лишь прямоугольник мрака. Ни звезд, ни планет, ни огней Ржавого Пояса. Даже напавших кораблей не видать.

Шаг в пустоту с корабля всегда требует немалой отваги — в особенности когда не знаешь, подберут ли тебя. Клавэйну этот шаг дался ценой огромного усилия воли.

И вот он дрейфует в пустоте. Медленно развернулся, увидел проходящий мимо демархистский шаттл, похожий на коготь. Он невредим, только пара пятен гари на корпусе — туда ударили обломки взорвавшихся полицейских катеров. Когда Клавэйн шесть раз обернулся вокруг своей оси, он увидел, как шаттл включил двигатели, пошел прочь.

Отлично. Не имеет смысла жертвовать собой, если демархисты не захотят воспользоваться его информацией.

Клавэйн ждал. Прошло около четырех минут, и он заметил приближающиеся корабли. Несомненно, они, атаковав, отошли. Их было три, как и сказали демархисты. Черные, с неоновыми черепами, глазами и акульими зубами. То и дело из маневровых движков вырывались струи, вспышка пламени высвечивала новые детали: гладкие очертания корпусов, приспособленных для полетов в атмосфере, скругленные выступы оружия, которое можно спрятать под обшивку, абордажное оборудование. Если такой кораблик спрячет вооружение, он приобретет вполне невинный вид богатой яхты избалованного аристократа. И уж никак не будет походить на пирата, способного разнести полицейский катер.

Корабль баньши отделился от пары прочих, завис рядом. В его брюхе открылся люк, засветилась желтым шлюзовая камера. Оттуда вывалились двое в угольно-черных скафандрах. Понеслись, толкаемые реактивными струями, к Клавэйну, умело затормозили рядом. Скафандры были под стать кораблю: гражданского дизайна, но с добавленной броней и оружием.

Заговорить незнакомцы не пытались. Схватили, молча поволокли на корабль. В динамиках слышался лишь монотонный, повторяющий одно и то же голос корабельной субличности.

В шлюзе едва хватало места для троих. Клавэйн попытался рассмотреть скафандры вблизи, отыскивая маркировку, но ничто не нарушало черноту. И стекла лицевых щитков сильно затенены, лиц не разобрать, лишь изредка поблескивают белки.

Полоски индикаторов на панели шевельнулись снова, указывая, что в шлюзе нормальное давление. Створки внутреннего люка разошлись, Клавэйна впихнули в отверстие. Пара типов в черных скафандрах шагнула следом. Когда оказались в отсеке, их шлемы автоматически отсоединились, отлетели к месту хранения. Доставившие Клавэйна люди были похожи друг на друга как две капли воды, вплоть до сломанных носов. У одного золотое кольцо торчало из брови, у другого оттягивало мочку уха. Оба лысые, лишь от висков к шее тянутся узенькие полоски выкрашенных в зеленый цвет волос. На обоих плотно прилегающие к лицу очки-окуляры. А главное, у них нет ртов.

Тип с кольцом в брови жестом велел снять шлем. Клавэйн покачал головой, не уверенный, что окружающий воздух пригоден для дыхания. Тип пожал плечами и потянулся к ярко-желтому топору, закрепленному на стене.

Тогда Клавэйн поднял предостерегающе руку, завозился с трудной защелкой демархистского скафандра. Тип с кольцом в ухе подождал немного, затем отпихнул руку Клавэйна. Дернул, и тихий голос аудиосистемы скафандра сменился визгом. Индикаторы полыхнули красным.

Выпустив с шипением воздух, шлем отделился. У Клавэйна заложило в ушах. Давление на корабле было гораздо ниже демархистской нормы.

Он глотнул холодного воздуха, задышал тяжело. Когда надышался, спросил:

— Вы кто?

Тип с кольцом в брови вернул топор на стену, провел по горлу пальцем. Затем незнакомый голос произнес:

— Здравствуйте.

Клавэйн оглянулся. Подошедшая женщина тоже носила скафандр, хотя куда изящней и меньше, чем скафандры лысых типов. Она даже ухитрялась выглядеть в нем грациозной. Незнакомка застыла у двери в отсек, чуть склонив голову набок. Свет причудливо лег на ее лицо. На белизне кожи Клавэйн различил тусклые черные полосы.

— Мистер Клавэйн, надеюсь, наши Разговорчивые Близнецы *не слишком грубо с вами обошлись?*

— Вы кто? — опять спросил Клавэйн.

— Зебра. Конечно, это не настоящее имя. Настоящее вам знать ни к чему.

— Зебра, кто вы? И зачем напали на полицию?

— Мне приказали, я сделала. А чего еще вы ожидали?

— Я ничего не ожидал. Я пытался... — Он глубоко вздохнул раз-другой, приспосабливаясь. — Пытался дезертировать.

— Мы в курсе.

— Мы?

— Вы обо всем скоро узнаете. Мистер Клавэйн, пройдемте со мной. Близнецы, приготовьтесь к перегрузкам. Пока доберемся до Йеллоустона, тут все кишмя закишит конвенцией. Полет домой будет интересным.

— Вряд *ли из-за меня стоило убивать невинных.*

— Мистер Клавэйн, никто из-за вас не умер. Два полицейских катера были роботами, подчиненными третьему. Его мы лишь подбили, пилот остался цел и невредим. Шаттл зомби мы постарались даже не оцарапать. Интересно, они сами выкинули вас за борт?

Клавэйн прошел вслед за Зеброй в пилотскую рубку, где находился единственный человек: старый, морщинистый, сидящий в пилотском кресле. На нем не было скафандра. Испещренные возрастными пятнами руки держались за рычаги управления, будто цепкие ссохшиеся корни.

— А вы как думаете? — спросил Клавэйн.

— Думаю, что это ваше решение.

— Но это не играет роли, верно? Главное — я здесь, у вас.

Старик глянул на сочленителя лишь с мимолетным интересом.

— Зебра, пойдем домой прямо или кружным путем?

— Манукян, иди обычным коридором, но приготовься резко сменить курс. Не хочу снова драться с конвенцией.

Манукян — если его и в самом деле так звали — кивнул и надавил на рычаги с рукоятками слоновой кости.

— Зебра, пристегни гостя. И сама пристегнись.

— Близнецы! — позвала та. — Помогите мне закрепить мистера Клавэйна.

Лысые уложили сочленителя на амортизирующую кушетку, сделанную с расчетом на скафандр. Клавэйн не сопротивлялся, ощущая себя слабым и усталым. Прощупал потоки данных в ближайших приборах, какие удалось зарегистрировать имплантатам, — повлиять на что-либо важное нельзя. На людей тоже вряд ли подействуешь, у них наверняка нет имплантатов.

— Вы баньши? — спросил он.

— Вроде того, но не совсем. Баньши — это банда пиратов-головорезов. Мы работаем чуть тоньше. Но их существование обеспечивает нам неплохую маскировку. А вы кто? — Она улыбнулась, и полосы на ее лице сошлись. — Вы и в самом деле Невил Клавэйн, Фарсидский Мясник?

— Я вам этого не говорил.

— Зато сказали демархистам. И этим ребятам в Новом Копенгагене. Знаете ли, у нас повсюду глаза и уши.

— Доказать, что я именно тот Клавэйн, не могу. Да и с какой стати доказывать?

— Думаю, тот самый, — сказала Зебра. — Во всяком случае, надеюсь. Если вы не тот, за кого себя выдавали, мой босс сильно огорчится.

— Ваш босс?

— Да. Мы торопимся на встречу с ним.

ГЛАВА 21

Когда благополучно покинули атмосферу и красный шарик-гироскоп скрылся из поля зрения радаров, Хоури собрала волю в кулак и заставила себя коснуться черного куба. Их несколько осталось на корабле, после того как совокупность черных машин пришла в расстройство. Куб оказался обжигающе холодным. Когда Ана разжала пальцы, обнаружила на его гранях две тонкие полоски своей примерзшей кожи. Подушечки пальцев стали гладкими, мясисто-алыми. Хоури подумала, что полоски так и останутся приставшими к граням, но спустя пару секунд они отлепились, опали бесцветными тонкими лоскутами, словно сброшенные насекомым крылья. Грани же остались безукоризненно чистыми, мертвенно-черными. Но — как странно и неожиданно! — куб уменьшался в размерах. Показалось даже, будто он непонятным образом удаляется. И прочие кубы быстро уменьшались, примерно вдвое за каждую секунду.

Спустя минуту в кабине осталась лишь пленка серо-черной пыли. Ана ощутила ее в уголках глаз, словно корочка слизи после сна, — напоминание о том, что перед явлением красного гироскопа черные машины вторглись в ее череп.

— Ну что же, вот тебе наглядное свидетельство, — сказала она Торну. — Считаешь, все-таки надо было настаивать на своем?

— *Я должен был убедиться! Но кто же знал, к чему это приведет.*

Хоури потерла онемелые руки, восстанавливая кровообращение. Как здорово наконец высвободиться от пристежных ремней. Торн извинился за применение силы, правда, не слишком искренне. Само собой, Хоури не выдала бы правду, если бы не крайние меры убеждения.

— *Кстати, а что именно произошло?* — поинтересовался Торн.

— Не имею ни малейшего понятия. Мы спровоцировали машины. И наверняка были бы ими поглощены, если бы кто-то не пришел на выручку.

— Вот и у меня такие же мысли.

Хоури и Торн посмотрели друг на друга, понимая, что совместное пребывание в информационной сети ингибиторов подарило им такой уровень теснейшей, интимнейшей общности, какого они не могли и представить. Главным чувством тогда был страх, но, по крайней мере, Торн убедился: страх Аны так же силен и неподделен. Атака

ингибиторов — не инсценировка, не имитация. К тому же присутствовал не только страх, но и забота о другом. А когда прибыл новый разум, в сообщаемых им чувствах угадывалась и толика сожаления, раскаяния.

— Торн, ты... ощутил пришельца? — спросила Ана.

— Да. Что-то иное — не ты и не машины.

— Я знаю, кто это был. — Она чувствовала, что уже слишком поздно для лжи и попыток уклониться от правды. Торну следует знать все, что известно и ей. — По крайней мере, мне кажется, что я его узнала. Это разум Силвеста.

— Дэна Силвеста? — осторожно уточнил он.

— Торн, я знала его лично. Не с лучшей стороны и недолго, но достаточно, чтобы не ошибиться при встрече. Мне известна и его судьба.

— Ана, расскажи подробно. С самого начала.

Она вытерла пыль из уголков глаз, надеясь, что машины по-настоящему дезактивированы, а не просто уснули до поры. Признание — лишь первая трещина в прежде непроницаемом фасаде лжи. Ее не заделать, она расширится, разветвится. Осталось только заботиться о возможных последствиях, смягчать ущерб.

— Все, что тебе известно о триумвире, неправда. Она вовсе не кровожадный маньяк, терроризирующий население. Такой ее изобразило правительство, нуждаясь во враге, в том, кого можно ненавидеть и выдавать за причину бед. Если бы не триумвир, люди направили бы свое недовольство, свою злость на власти. Разве можно такое допустить?

— Она уничтожила целый поселок. С людьми.

— Нет, — осторожно проговорила Ана. — Все было совсем не так. Вольева просто имитировала нападение, а на самом деле никто не погиб.

— И ты в этом уверена на все сто?

— Я там была.

Корпус затрещал, снова меняя конфигурацию. Скоро корабль выйдет из магнитных поясов газового гиганта. Работа ингибиторов продолжалась: строилась огромная орбитальная дуга, укладывались в атмосферу гигантские трубы. Мелкий инцидент с непрошеными гостями никак не повлиял на колоссальные труды.

— Ана, расскажи все. Твое имя настоящее или очередной слой неправды, который мне нужно счищать?

— Это мое настоящее имя. Но я не Виллемье, это фамилия колониста. Мне нужно было прикрытие, легенда для внедрения в правительство. На самом деле я Хоури. Триумвир завербовала меня в экипаж субсветовика. Я прилетела сюда на борту «Ностальгии по бесконечности», чтобы найти Силвеста.

— Похоже, у нас и в самом деле намечается прогресс, — отметил Торн, сложив руки на груди.

— Экипажу нужен был только Силвест. Зла к колонистам ультранавты не питали. Илиа пошла на блеф, дезинформировала поселенцев. Постаралась убедить их, что с легкостью применит оружие в случае неподчинения. Однако Силвест нас переиграл. У него была маниакальная идея — исследовать нейтронную звезду Гадес и ее спутник Цербер. И добился, чтобы ультра предоставили ему корабль.

— А потом? Что случилось потом? Почему вы с Вольевой вернулись на Ресургем? У вас же целый субсветовик, вы могли улететь хоть к черту на кулички.

— Как ты, наверное, и догадался, с «Ностальгией» случилась беда. Дрянная, паршивая беда.

— Бунт?

Хоури мрачно кивнула:

— Мы втроем пошли против остальных членов экипажа. Я, Илиа Вольева и Паскаль, жена Силвеста. Не хотели, чтобы Силвест исследовал Цербер-Гадес.

— Паскаль? Ты имеешь в виду Паскаль Жирардо?

Хоури вспомнила, что Паскаль Жирардо была дочерью одного из влиятельнейших политиков колонии, взявшего власть после низложения Силвеста.

— Я ее не слишком хорошо знала. Впрочем, она теперь мертва. В некотором смысле.

— Что значит — в некотором смысле?

— Торн, объяснить это будет непросто. Лучше просто принять мои слова как факт, невзирая на то, сколь безумными и дикими они покажутся. Хотя сдается, из-за только что случившегося ты мой рассказ воспримешь лучше.

— Я попробую, — пообещал он.

— Силвест с женой вошли в Гадес.

— Ты имеешь в виду, конечно, Цербер?

— Нет, — терпеливо ответила Ана. — Я имею в виду Гадес. Они в нейтронной звезде, которая на самом деле нечто гораздо большее,

чем просто нейтронная звезда. Да это вообще не нейтронная звезда, а машина вроде гигантского компьютера, оставленная пришельцами.

Он пожал плечами:

— Ты права, сегодня я навидался странного. Звездами-компьютерами меня не удивить. И что дальше?

— Силвест с женой теперь в компьютерной матрице. Они стали программами, наверное альфами. — Она подняла палец, упреждая вопрос. — Торн, я это знаю, потому что сама побывала там. Разговаривала с Силвестом, с его точнейшей виртуальной копией. Встретила там и Паскаль. Думаю, и моя копия осталась в Гадесе. Но я сама, вот эта версия меня, здесь, перед тобой. Я вернулась в материальную вселенную и снова побывать в Гадесе не планирую. Туда нет легкого пути — если не считать легким путем смерть от гравитационных волн, разрывающих тебя на части.

— И ты считаешь, что разум, встреченный нами, принадлежит Силвесту?

— Не уверена, — ответила она, вздохнув. — По субъективному времени Силвеста в Гадесе прошли века, если не тысячелетия. Случившееся с нами шестьдесят лет назад для него может быть уже туманным воспоминанием о доисторической эпохе. У этого человека было время развиться в нечто непостижимое и невообразимое для нас. Он же бессмертен. Внутри Гадеса никто не умирает. Мне не представить, как бы он поступил сейчас, как бы отреагировал на ситуацию. Не знаю, сможем ли мы опознать его разум. Но то, что мы ощутили, очень похоже на прежнего Силвеста. Думаю, он воссоздал себя таким, каким был раньше, чтобы я узнала своего спасителя.

— Значит, наша судьба ему небезразлична?

— Прежде он не выказывал ни малейшего интереса к чужим судьбам. С другой стороны, в мире немногое изменилось с тех пор, как он воспроизвелся в матрице Гадеса — до прибытия ингибиторов, конечно. Те начали разносить вдребезги планеты. Думаю, в Гадес поступает информация об окружающем мире — пусть лишь об экстраординарных событиях, — и она доступна Силвесту. И если здешние события затронули даже его, значит проблема назрела крупномасштабная. Не исключено, что под угрозой и Гадес с его обитателями.

— Так что же такое явилось к нам на выручку?

— Скорее всего, посланник Гадеса. Часть его, сборщик информации. Силвест отослал с ним свою копию. Посланник выяснил что мог, полетал вокруг машин, последил за нами и вернулся. Полагаю, он сольется с матрицей, а может, никогда от нее полностью и не отрывался. Если от него тянется через всю систему нить ядерной материи в кварк шириной, как мы ее заметим?

— Нельзя ли поподробней о прошлом? Что случилось после того, как ты покинула Гадес? Илиа вернулась вместе с тобой?

— Нет, она же не попала в матрицу. Вольевой удалось спастись, и она встретила меня на орбите Гадеса, на борту «Ностальгии по бесконечности». Логично было бы убраться от системы поскорее и подальше, но возникла неожиданная проблема. Наш корабль был не то что поврежден, но сильно изменился. У него развился психоз. Субсветовик более не желал сообщаться с внешним миром. Все, что мы смогли сделать, — это уговорить его переместиться внутрь системы, на расстояние одной астрономической единицы от Ресургема.

— Хм, — изрек Торн, подперев подбородок кулаком. — Это уже лучше, в самом деле. Кажется, ты на этот раз не врешь. Совсем. Если бы хотела наврать, придумала бы что-нибудь поосмысленнее.

— Ты убедишься: во всем, что я говорю, смысла хоть отбавляй.

Хоури рассказала и остальное. Торн слушал терпеливо и спокойно, иногда кивал, просил разъяснить то или это. Ана выложила все, что сама знала об ингибиторах, без утайки и лжи. И добавила, что угроза реальна и неотвратима.

— Уж в этом ты меня точно убедила, — заключил Торн.

— Их привлек Силвест — конечно, если они уже не летели сюда сами. Может, поэтому Силвест чувствует себя обязанным защитить нас, или, по крайней мере, поинтересоваться происходящим в окрестностях Гадеса. Мы в свое время подозревали, что Цербер — ловушка. Но Силвест не внял предупреждениям. — Хоури скривилась от злости. — Чертов высокомерный всезнайка! Знаешь, а ведь мне поручили его пришить. Поэтому я и попала на звездолет.

— Какой восхитительный поворот событий, — ухмыльнулся Торн. — Кто тебя послал?

— Женщина из Города Бездны, называвшая себя Мадемуазелью. Она знала Силвеста много лет, была осведомлена о его планах и хотела его остановить. Вот и дала мне заказ. Однако я не справилась.

— Ты не похожа на хладнокровного убийцу.

— Торн, ты меня не знаешь. Совершенно.

— Пока не знаю. — Он пристально смотрел Ане в глаза, пока та не смутилась и не отвернулась.

Ану тянуло к нему — человеку, верящему в свое дело. В том, что он храбрый, крепкий духом и телом, она убедилась в Доме инквизиции. И, положа руку на сердце, Ана допускала такое развитие событий с того момента, когда настояла, чтобы Торн посетил «Ностальгию по бесконечности». Допускала и желала. Но, несмотря на все произошедшее, ей никуда не деться от простой и горькой истины: она замужняя женщина.

— Но, как говорится, еще не вечер.

— Торн...

— Ана, говори... Прошу, говори, — тихо попросил Торн.

Почти с нежностью.

Позднее, когда они удалились от газового гиганта на световую минуту, на панели управления загорелся сигнал, оповещающий о контакте с «Ностальгией по бесконечности». Несомненно, Илиа обнаружила корабль Хоури приборами дальнего обнаружения, но подождала, пока он не удалился на достаточное угловое расстояние от ингибиторов. Даже имея в своем распоряжении такие средства, как фокусированная передача и роботы-трансмиттеры, Вольева не хотела выдавать местонахождение субсветовика.

— Вижу, вы наконец-то возвращаетесь, — медленно говорила она, насыщая каждое слово недовольством. — А еще я вижу, что вы подошли к центру активности ингибиторов гораздо ближе, чем мы договаривались. Это нехорошо.

— Она кажется не очень-то веселой, — шепотом произнес Торн.

— Надеюсь, вы сумели получить сведения, оправдывающие такой чудовищный риск, — продолжала Вольева. — Немедленно вернитесь на корабль. Мы не должны отвлекать Торна от его миссии на Ресургеме... равно как и инквизитора от ее служебного долга. Продолжим разговор при встрече. — Она помедлила, затем добавила: — Конец связи.

— Она еще не знает, что я в курсе всего, — заметил Торн.

— Я ей скажу.

— Ана, мне это не кажется разумным.

— Почему?

— Не надо спешить. Мы же не знаем, как она это воспримет. Давай вести себя так, будто я... В общем, ты понимаешь. — Он неопределенно покрутил пальцем в воздухе. — Согласна?

— Однажды я пыталась утаить кое-что от Илиа. Это было очень серьезной ошибкой.

— Но сейчас ты можешь рассчитывать на мою помощь. Мы осторожно, постепенно введем Вольеву в курс дела.

— Ладно, попробуем.

Торн подмигнул:

— Обещаю, все образуется. Доверься мне. Это ведь нетрудно, правда?

— Проблема в том, что придется лгать ей.

Он коснулся ее руки — вроде бы случайно, но пальцы убрал не сразу.

— Да, придется. Но ведь это оправдано, это на пользу нам обоим...

Она потянулась, чтобы осторожно снять его руку. Но Торн обхватил пальцами ее кисть — мягко, нежно. Оба застыли на несколько секунд в тишине. Хоури поняла вдруг, что дышит отрывисто, резко. Сердце заколотилось в груди. Ана посмотрела на Торна, сознавая в полной мере, чего хочет — и чего хочет он.

— ...Знаешь, я не могу, — выговорила наконец.

— Но почему? — удивился он, словно не мог даже вообразить причину отказа.

— Потому что... — Она отдернула руку. — Потому что не имею права. Я принадлежу другому.

— Кому же?

— Моему мужу.

— Прости. Мне и в голову не приходило, что ты можешь быть замужем. — Он откинулся на спинку кресла — словно отступил прочь. — Не хочу тебя обидеть, но это и в самом деле странно. То ты инквизитор, то вдруг ультра. Ни то ни другое не вяжется с моим представлением о замужних женщинах.

— Я не обиделась.

— Прости за любопытство, но кто он?

— Торн, все очень непросто...

— Пожалуйста, расскажи. Я очень хочу знать! — Он сменил тон, увидев выражение ее лица. — Ана, твой муж мертв?

— Говорю же, это сложно. Мой муж был солдатом, я тоже. Когда-то. Мы дрались на Окраине Неба, в Войнах за полуостров. Наверняка ты слышал о тех заварушках. — Дожидаться подтверждения Ана не стала. — В одном бою мы оба были ранены. Нас в бессознательном состоянии отвезли на орбиту. Там случилась ошибка, меня посадили на другое госпитальное судно. Что в точности произошло, не знаю до сих пор. К тому времени, как ошибка выявилась, я оказалась у Эпсилона Эридана, вблизи Йеллоустона.

— А твой муж?

— Я до сих пор о нем ничего не знаю. Со временем пришла к выводу, что он остался на Окраине Неба. Ему бы пришлось ждать тридцать-сорок лет, даже если бы я сразу села на обратный рейс.

— На Окраине Неба есть технология продления жизни?

— Нет. Вообще.

— Значит, у твоего мужа нет никаких шансов дождаться твоего возвращения?

— Он солдат. Средняя продолжительность жизни в десантных войсках чертовски мала. Да и не было обратного рейса. — Она смахнула навернувшуюся слезу. — Во всяком случае, мне так сказали. С тех пор не было никаких известий о его судьбе. А вдруг он оказался на том же корабле, что и я? Мне могли солгать.

— Считаешь, твой муж жив и находится в системе Эпсилона Эридана?

— Допускаю — конечно, если его туда доставили и он не отправился назад ближайшим рейсом. Но и в этом случае он должен был очень сильно состариться. Я долго пролежала замороженной в Городе Бездны, прежде чем попала сюда. А еще больше времени проспала вместе с Илиа, пока мы ждали прибытия ингибиторов.

Торн молчал с минуту.

— Значит, ты замужем за человеком, которого едва ли когда-нибудь увидишь?

— Теперь понимаешь, почему мне так тяжело?

— Да, — ответил Торн с неподдельным уважением. — Я понимаю. Извини. — Но затем снова прикоснулся к ее руке. — Ана, может, пора оставить прошлое за спиной? Решиться раз и навсегда — и не оглядываться?

Путь до Йеллоустона продолжался гораздо меньше, чем ожидал Клавэйн. Быть может, Зебра усыпила его или разреженный бортовой воздух навеял дрему, но разрыва в последовательности мыслей

сочленитель не заметил. Время и в самом деле прошло быстро, почти незаметно. Три или четыре раза Зебра и Манукян тихо и напряженно переговаривались, после чего корабль менял курс — наверное, чтобы избежать встречи с полицией конвенции. Каковой встречи экипаж корабля явно не страшился.

Казалось, Зебра и Манукян избегают схватки, лишь отдавая дань условности или исходя из эстетических соображений, а не из простого желания выжить. Кем бы ни были эти люди, профессионализма им было не занимать.

Корабль далеко — за много тысяч километров — обошел Ржавый Пояс, а затем по спирали спустился в атмосферу Йеллоустона. Планета в иллюминаторах стала огромной, все заслонила собой. Трение об атмосферу окружило корабль неоново-розовой оболочкой ионизированного газа. После долгой невесомости Клавэйн остро ощутил возвращение силы тяжести. Напомнил себе: это настоящее, нормальное тяготение, в каком он не жил долгие годы.

— Мистер Клавэйн, вы когда-нибудь посещали Город Бездны? — осведомилась Зебра, когда торможение в атмосфере закончилось.

— Раз или два. Но давно. Полагаю, именно туда мы и направляемся?

— Да, но куда именно, *не скажу. Выясните сами. Манукян, не* мог бы ты продержаться на курсе пару минут?

— Как скажешь, Зебра.

Она отстегнула ремни, встала из амортизационного кресла, склонилась над Клавэйном. Полосы на ее коже оказались не татуировкой и не раскраской, а участками с разной пигментацией. Вынула из шкафчика синий металлический контейнер величиной с портативную аптечку. Раскрыла, провела пальцем, словно выбирала конфету из коробки с ассорти. Вынула гиподермический шприц.

— Мистер Клавэйн, я сейчас усыплю вас. Пока будете в отключке, проведу кое-какие невральные тесты, чтобы определить, сочленитель ли вы. А как прибудем на место, вы проснетесь.

— В этом нет необходимости!

— К сожалению, есть. Мой босс очень дорожит своими секретами, он сам будет решать, что именно следует вам сообщить и каким образом... Хм, думаю, я могу сделать укол, не снимая с вас скафандр.

Клавэйн понял: нет смысла пререкаться. Потому закрыл глаза, приготовился. Ощутил холод вторгающейся под кожу струи. Зеб-

ра — профессионал, сомнений нет. Опять холод — препарат вошел в кровь.

— Чего же ваш босс хочет от меня?

— Может быть, он и сам еще не знает, — ответила Зебра. — Пока всего лишь любопытствует. А любопытство не порок, верно?

Клавэйн уже приказал имплантатам обезвредить введенный Зеброй препарат. Конечно, сознание будет слегка туманным, пока наркотик не вычистится из крови. Возможен и обморок, но недолгий. Сочленители давно научились бороться с любой химией...

Очнулся он уже без скафандра, в элегантном кресле из кованого черного железа, стоящего на чем-то неимоверно древнем, прочном, объемистом. Понял, что находится уже не на корабле Зебры, а на планете. Сине-серый мрамор под креслом испещряли удивительно разнообразные прожилки, ветвящиеся, завихряющиеся, сплетающиеся, словно газовые потоки в невероятно причудливой межзвездной туманности.

— Добрый вечер, мистер Клавэйн! Как себя чувствуете?

Это не голос Зебры. По мрамору неторопливо шлепают босые ноги. Клавэйн поднял голову, осмотрелся. Вокруг огромная оранжерея. Между колоннами черного, испещренного прожилками мрамора — рассеченные множеством изящных средников окна, тянущиеся от пола до самого верха, изгибаясь, образуя купол в десятках метров над головой. Почти до самого свода поднимаются решетки-шпалеры, увитые ярко-зелеными лозами. В выемках стоят горки или целые контейнеры с землей, где растет уйма всякого-разного, большей частью Клавэйну неизвестного. Он распознал лишь апельсиновые деревья и нечто похожее на эвкалипт. Над креслом склонялось растение, похожее на плакучую иву, с длинными тонкими ветвями. Плотная их занавесь не давала рассмотреть, что за ними. Прямые и винтовые лестницы тянулись к галереям, опоясывающим и пересекающим оранжерею. Где-то неподалеку, невидимая, журчала вода, словно из небольшого фонтана. Воздух был не холодным и разреженным, а просто свежим.

Перед Клавэйном появился мужчина. Ростом с него же и одет в темное. Но на этом сходство заканчивалось. Судя по лицу и коже, физиологически мужчина был на двадцать-тридцать лет моложе Клавэйна. Накачанный, но не до той степени, когда мускулы кажутся нелепо гипертрофированными. Носил он узкие черные брюки и чер-

ный же халат до колен, собранный в талии. Ноги босые, шея открытая. Он встал перед сочленителем, сложив на груди руки, и уставился с любопытством и легким разочарованием.

— Я же просил... — заговорил мужчина снова.

— Вы наверняка обследовали меня, — перебил Клавэйн. — Разве я могу рассказать больше о моем состоянии, чем вам уже известно?

— Кажется, вы не очень довольны?

Мужчина говорил на каназиане, но слегка затруднялся с построением фраз.

— Не знаю, кто вы и чего хотите, но вряд ли представляете, какой вред нанесли.

— Вред?

— Я дезертировал, чтобы попасть к демархистам. Вы перехватили меня. Но, полагаю, для вас это не новость.

— Не знаю, что именно вам сказала Зебра. Действительно, мы кое-что знаем о вас, но далеко не все, что хотели бы выяснить. Потому вы сейчас здесь, в качестве гостя.

— Гость? Надо же.

— Признаю, мы слегка вышли за рамки того, что принято называть гостеприимством. Но я бы не хотел, чтобы вы считали себя пленником. Вы не пленник и не заложник. Вполне возможно, мы отпустим вас в самом ближайшем будущем. Полагаю, ущерб вашему делу в таком случае будет не очень велик.

— Скажите, кто вы! — потребовал Клавэйн.

— Охотно. Но сперва не пройдете ли со мной? Уверен, вы насладитесь открывшимся видом. Зебра сказала, вы не впервые в Городе Бездны. Но ручаюсь, такая перспектива вам еще не открывалась. — Мужчина наклонился, протянул руку. — Пойдемте. Обещаю ответить на все вопросы.

— В самом деле на все?

— По крайней мере, на большинство.

Взявшись за руку незнакомца, Клавэйн встал. Осознал, насколько он еще слаб. Держался на ногах с трудом, но идти мог. Мрамор холодил босые подошвы. Сочленитель вспомнил, что оставил свою обувь на корабле демархистов, облачаясь в скафандр.

Мужчина подвел Клавэйна к винтовой лестнице:

— Сможете подняться? Оно того стоит, уверяю. Внизу окна слегка запылены.

Сочленитель последовал за ним по тонкой ажурной лестнице до галереи. Та вилась между шпалерами, петляла. Клавэйн скоро перестал понимать, в каком направлении они идут и откуда начинали путь. Сидя в кресле, внизу, он видел за окном лишь расплывчатые очертания, бледный охряный свет, придававший всему тонá меланхолии. Наверху óкна и в самом деле были прозрачнее.

Мужчина подвел его к перилам:

— Смотрите же, перед вами Город Бездны! Я пришел в него, познал его и, хотя до сих пор не полюбил, уже не питаю к нему той ненависти, с какой относился в первые дни моего пребывания здесь.

— Вы не местный?

— Нет. Как и вам, мне довелось немало пространствовать.

Город далеко раскинулся во все стороны. Постройки сливались вдалеке в сплошное неровное месиво. Но по-настоящему больших зданий было мало, десятка два. Правда, часть их была намного выше того, где находился Клавэйн, — шпили уходили в облака, терялись за ними. Вдалеке, в нескольких десятках километров, виднелся край огромной скальной стены. Город Бездны построили в колоссальной кальдере, посреди которой зияла дыра, уходящая глубоко в кору планеты. Город окружил зияющую прорву, зацепился за край, опустил трубопроводы в ее глубину. Строения теснили друг друга, переплетались, сливались в фантасмагорические фигуры. Воздух кишел транспортом — сплошной вибрирующий рой, клубящееся облако. Казалось невероятным, что столько важных грузов, поездок происходило одновременно. Но город был воистину огромным. Воздушный транспорт был лишь крохотной частью лихорадочной деятельности города, не прекращавшейся и во время войны.

Когда-то здесь все было по-другому. Город знал три отчетливые эпохи. Самой длинной была самая лучшая, истинный расцвет, когда знатные семейства демархистов обладали абсолютной властью. Тогда город раскинулся под восемнадцатью соединенными куполами Москитной Сетки. Практически все необходимое город получал из провала. Под куполами демархисты отточили свое владение веществом и энергией до совершенства. Эксперименты по продлению жизни дали биологическое бессмертие, а регулярное сканирование человеческого мозга и запись его содержимого в хранилища данных сделали даже насильственную смерть всего лишь мелким неудобством. Обладание тем, что некоторые по старинке называли нанотехнологиями, позволило изменять среду обитания и собственные тела почти

произвольно. Демархисты сделались протеями, существами, которым претила всякая завершенность.

Вторая эпоха началась лишь век назад, когда пришла плавящая чума. Она проявила себя истинной демократкой, поражая людей без разбора, причем с такой же охотой, что и здания. Демархисты слишком поздно осознали, что в их раю жил злобный и коварный змей. До эпидемии все изменения в облике Города контролировались, но найти управу на чуму не удалось. За несколько месяцев облик города изменился полностью. Уцелело лишь несколько изолированных анклавов, где люди еще могли без опаски носить наномеды в своих телах. Архитектура причудливо извратилась, деформировалась, будто с насмешкой напоминая демархистам о потерянном. Технология скатилась почти на доиндустриальный уровень. Во многих районах города воцарилось беззаконие, там рыскали хищные банды.

«Темные века» Города Бездны продолжались сорок лет.

Кое-кто утверждал, что они продолжаются до сих пор, хотя и под иной личиной. После эпидемии демархисты потеряли большинство прежних источников дохода. Ультра не захотели продолжать торговлю с ними. Но несколько знатных семей отчаянными усилиями сохранили свое благополучие. В отдельных анклавах Ржавого Пояса поддерживалась финансовая стабильность. Но сам Город Бездны, обанкротившись, был готов принять любого, кто захотел бы взять власть. Вот тогда сочленители, прятавшиеся по отдаленным углам системы, решили, что пришел их час.

Они не вторглись в обычном смысле этого слова. Слишком немногочисленные, с незначительной военной силой, пауки не стремились никого превратить в себе подобных. Но они покупали участок за участком, сносили старое и воздвигали новое, блистающее, завлекательное. Сочленители разрушили все восемнадцать куполов. В Бездне соорудили огромную биомашину, «Лилли», намного увеличившую эффективность переработки поступающих из провала газов. Теперь город жил в пузыре теплого, пригодного для дыхания воздуха, поставляемого медленными выбросами «Лилли». Сочленители снесли множество изуродованных эпидемией зданий, возведя вместо них элегантные, похожие на клинки мечей башни; эти постройки выходили далеко за пределы воздушного пузыря и поворачивались, как паруса яхт, чтобы минимизировать сопротивление ветру. Началось восстановление технологий с использованием сочленительских разработок, устойчивых к плавящей чуме. Паучьи

лекарства позволили возобновить терапию продления жизни. Учуяв растущее богатство, вернулись ультра, снова сделав Йеллоустон ключевым узлом на своих путях. Началось заселение опустевших спутников Ржавого Пояса.

Для города начинался новый золотой век.

Но демархисты, прежние хозяева, не смирились с ролью исторических пережитков. Они тосковали и злились, мечтая вернуть прежние времена. Веками они были единственными союзниками сочленителей, но дружба закончилась. Демархисты захотели силой вернуть утерянное.

— Мистер Клавэйн, видите Бездну? — Хозяин оранжереи указал на эллиптическое темное пятно, почти скрытое частоколом шпилей и башен. — Говорят, «Лилли» умирает. Пауков изгнали, заботиться о ней некому. Качество воздуха сильно упало. Ходят слухи, что город собираются заново прикрыть куполом. Но, возможно, сочленители скоро вернутся и позаботятся о своем хозяйстве.

— К другому выводу прийти трудно, — осторожно поддакнул Клавэйн.

— Должен признаться: мне все равно, кто выиграет. Я неплохо жил и до прихода сочленителей, и во время их правления, и после. Мне не довелось застать эпоху расцвета демархизма, но уверен, что приспособился бы и к ним.

— Кто вы?

— «Где вы?» было бы лучшим вопросом. Мистер Клавэйн, гляньте вниз.

Он посмотрел. Уже понял, что здание высокое — такой потрясающий открывается вид. Но насколько оно высоко, определить не мог. Он будто стоял на вершине неимоверно высокой и крутой горы, глядя на отроги и меньшие пики в километре внизу. Эти меньшие пики сами далеко превосходили большинство окрестных строений. Наивысший полетный эшелон городского авиатранспорта оставался далеко внизу, часть его проходила прямо через огромную башню, ныряла под колоссальные арки и порталы. Большинство воздушных транспортных средств двигалось ниже, под их маршрутами лежала сливавшаяся в туманную дымку сеть виадуков для наземного транспорта, а еще ниже угадывались многоуровневые парки с зеленью и водоемами. На таком расстоянии они казались поблекшими условными обозначениями на старой карте.

Сама башня была черной, массивной и зловещей. Стоя на ней, определить ее форму Клавэйн не мог, но создалось впечатление, что с другой точки Города Бездны он увидел бы нечто монументальное, мрачное и неживое, навевающее нехорошие предчувствия — будто одинокое дерево, пораженное молнией.

— Вид отличный, несомненно, — согласился Клавэйн. — Так где же мы?

— Шато де Корбо, то есть Замок Воронов. Полагаю, вы помните это название?

Он кивнул:

— Здесь побывала Скади. Значит ли это, что вы имеете отношение к случившемуся с ней?

— Нет, мистер Клавэйн, я не имею никакого отношения к Скади. Но предыдущий хозяин Замка Воронов, вернее, хозяйка — имела. Все всяких сомнений. — Мужчина повернулся и протянул руку: — Позвольте представиться: Эйч. По крайней мере, так называют меня те, с кем я сейчас веду серьезные дела. Надеюсь, я смогу серьезно вести дела и с вами?

Не успел Клавэйн ответить, как Эйч пожал ему руку. Сочленитель отпрянул и увидел на своей ладони крошечное красное пятнышко.

Эйч провел гостя вниз, на мраморный пол. Миновали фонтан, чье журчание Клавэйн слышал раньше, — безглазая золотая змея изрыгает ровный поток, — затем по длинной мраморной лестнице спустились на этаж.

— Что вы знаете о Скади? — спросил Клавэйн.

Эйчу он не доверял, но считал полезным услышать ответы на несколько вопросов.

— К сожалению, меньше, чем хотелось бы. Охотно расскажу, за вычетом некоторых подробностей. Скади послали в Город Бездны с тайной миссией по сбору информации, причем это задание было главной целью. Это ведь так?

— Раз взялись меня просвещать, вы и скажите, правда ли это.

— Да бросьте, мистер Клавэйн. Вот увидите, у нас с вами куда больше общего, чем может показаться на первый взгляд. Не нужно видеть во мне врага.

Клавэйну захотелось рассмеяться.

— Эйч, очень сомневаюсь, что между нами найдется хоть что-нибудь общее.

— Почему же?

— Я четырехсотлетний старик, видевший больше войн, чем вы — закатов.

— В самом деле? — Эйч лукаво усмехнулся.

— То есть мой взгляд на вещи не может не отличаться от вашего.

— Не сомневаюсь. Что ж, мистер Клавэйн, не согласитесь ли пройти со мной? Хочу показать вам прежнюю хозяйку особняка.

Эйч повел по черным коридорам с высоченными потолками. Освещался путь лишь узенькими окнами. Клавэйн заметил, что Эйч чуть-чуть прихрамывает — одна нога была покороче, и он умело маскировал дефект. Казалось, все огромное здание, во всяком случае, огромный его кусок целиком находится в личном распоряжении Эйча — хотя, возможно, это было всего лишь иллюзией, порожденной огромностью строения. Клавэйн уже понял, что хозяин замка управляет организацией, имеющей очень немалый вес в Городе Бездны.

— Давайте начнем с самого начала, — предложил сочленитель. — Каким образом вас коснулись дела Скади?

— Полагаю, вследствие взаимного интереса. Мистер Клавэйн, я в Йеллоустоне уже век. За это время я обзавелся некоторыми, скажем так, интересами и активно их преследовал.

— Например?

— Например, искупление вины. Мое прошлое, мягко говоря, небезупречно. Я совершал очень скверные поступки. Но, с другой стороны, кто не совершал?

Оба остановились перед аркой, окаймлявшей дверь в черной стене. Эйч открыл дверь и предложил войти в комнату без окон, спокойствием и мрачностью напоминавшую гробницу.

— И для чего же вам понадобилось искупать вину?

— Конечно же, чтобы очистить совесть. Чтобы возместить содеянное зло. Нынешняя технология, даже учитывая многие сложности, позволяет индивидууму жить бесконечно. В прошлом за тяжкое преступление расплачивались своей недолгой жизнью. В Библии прописан был срок человеческой жизни: «дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет». Но мы сейчас живем по нескольку столетий. Разве стоит такую долгую жизнь губить из-за единственного злодеяния?

— Но вы же сказали, что совершили не одно злодеяние.

— Это так. Я ответствен за многие неблаговидные дела. — Эйч подошел к высокому, грубо сваренному металлическому ящику, стоявшему посреди комнаты. — Суть в том, что я не вижу надобности стеснять свое нынешнее «я» некими рамками из-за того, что натворило молодое «я». Сомневаюсь, что мое нынешнее тело содержит хотя бы атом того, давнего. Из общего у нас лишь горстка воспоминаний.

— Долгая жизнь отнюдь не искупает преступного прошлого, если вы об этом.

— Разумеется, не искупает. Но у нас есть свобода воли. Мы не рабы собственного прошлого, можем жить без оглядки на него.

Он остановился у ящика, дотронулся. Клавэйн решил, что ящик размерами и видом напоминает паланкин герметика, машину для перемещения, — такие служат до сих пор.

Прежде чем заговорить снова, Эйч глубоко вздохнул.

— Мистер Клавэйн, век назад я примирился со своим прошлым. Но за это примирение пришлось заплатить. Я пообещал себе исправить нехорошие последствия некоторых дел. Часть из них прямо касалась Города Бездны. Обещание не из легковыполнимых, но я не пытаюсь обмануть судьбу и себя. К сожалению, самого важного я сделать не смог.

— Чего же?

— Мистер Клавэйн, потерпите немного. Вы все узнаете. Сперва я хочу показать, что произошло с ней.

— С кем?

— С Мадемуазелью. Она жила здесь до меня, во время миссии Скади.

Эйч сдвинул черную панель на высоте человеческого роста. За панелью оказалось крошечное окошко.

— Как ее звали по-настоящему?

— Я не знаю. Манукян может знать о ней больше — перед тем, как перейти ко мне, он работал на нее. Но вытаскивать из него информацию силой я не хочу — он слишком ценен для меня и к тому же может не пережить глубинного сканирования памяти.

— И что же вам о ней известно?

— Только то, что она, в тайне почти для всех, много лет была могущественным и влиятельным политиком в Городе Бездны. Она стала идеальным диктатором, повелевала так искусно, убедительно

и тонко, что никто и не замечал своего превращения в ее марионетку. В обычном понимании она не являлась богатой, формально не владела практически ничем. Но ее способность убеждать и принуждать, ее колоссальное влияние позволяли достичь желаемого незаметно, неощутимо для остальных. Люди, действуя, как им казалось, из чистейшего личного интереса, на самом деле исполняли секретные планы Мадемуазель.

— Вас послушать, так она была сущей ведьмой.

— Думаю, сверхъестественное здесь ни при чем. Она попросту разбиралась в потоке информации с ясностью, какая недоступна большинству людей. И видела, куда нужно приложить небольшое давление для достижения наибольшего эффекта. Образно выражаясь, находила ту точку, где бабочке нужно взмахнуть крыльями, чтобы породить ураган. В этом заключался ее гений — инстинктивное понимание хаотической динамики человеческого социума... Взгляните, пожалуйста.

Клавэйн шагнул к окошку.

Внутри ящика находилась женщина. Казалось, ее набальзамировали и оставили сидеть в металлическом гробу с руками, аккуратно сложенными на коленях, с раскрытым изящным веером в пальцах. Она была одета в закрытое длинное платье с вышивкой, столетие как вышедшее из моды. Лоб высокий и чистый, темные волосы зачесаны назад, разделены на несколько прядей. Трудно сказать, закрыты глаза или женщина просто чуть опустила веки, глядя вниз, на веер. Казалось, вся она чуть подрагивает, колышется, словно мираж.

— Что с ней случилось?

— Насколько я понимаю, она мертва. Причем уже тридцать лет. Но с момента смерти Мадемуазель не изменилась — никаких признаков распада и гниения. А в ящике, между прочим, не вакуум, ведь она не смогла бы дышать.

— Я не понимаю. Она умерла там, внутри?

— Мистер Клавэйн, это ее паланкин. Она находилась внутри, когда я убил ее.

— Вы убили ее?

Эйч вернул панель на место.

— Я использовал оружие, специально разработанное для убийства герметиков. Называется оно краббер. Эта штуковина прикрепляется к боку паланкина и просверливает его, сохраняя притом полную герметичность. Внутри паланкинов бывают очень неприят-

ные сюрпризы, в особенности когда хозяин опасается покушений. Например, нервно-паралитический газ, действующий лишь на определенных людей. Когда краббер пробивает стенку, он выбрасывает небольшой снаряд. Тот взрывается с силой, достаточной для уничтожения всего живого внутри, но не нарушающей целостности паланкина. На Окраине Неба мы применяли похожие устройства против танковых экипажей, так что я неплохо знаю действие этого оружия.

— Если бы краббер сработал, внутри бы не осталось тела, — заметил сочленитель.

— Вы правы, мистер Клавэйн. Я не видел результаты его действия. Тела остаться не должно.

— Но вы ее убили?

— Я определенно сделал что-то с нею. Но что именно, не знаю. Я не мог осмотреть паланкин сразу после взрыва, поскольку пришлось иметь дело с ее союзниками. Спустя несколько часов я заглянул в окошко, ожидая увидеть сползающую по стенкам кровавую грязь. Но ее тело осталось практически невредимым. Да, на нем были раны, для нормального человека смертельные, но они за несколько последующих часов полностью затянулись. И одежда восстановилась целиком. С тех пор Мадемуазель не менялась — больше тридцати лет.

— Это невозможно!

— Вы обратили внимание, что ее тело видится будто сквозь слой колышущейся воды? Изображение дрожит, плавает. Это не иллюзия. Думаю, в паланкине вместе с ней находилось нечто, скажем так, чужое. Любопытно, сколько в существе, называвшем себя Мадемуазелью, было человеческого вообще?

— Вы говорите так, будто она пришелец.

— Определенно в ней есть нечто не от мира сего. Но что именно и в какой мере, гадать не берусь.

Когда покидали комнату, Клавэйн оглянулся — и снова мороз прошел по коже. Несомненно, Эйч оставил здесь Мадемуазель, потому что больше ничего придумать не смог. Уничтожить тело никак нельзя, в чужих руках оно может оказаться опасным. Усыпальницей этой женщине служит дом, где она когда-то обитала.

— Я хотел бы спросить... — нерешительно заговорил Клавэйн.

— О чем же?

— Зачем вы убили ее?

Хозяин Замка Воронов закрыл дверь, отчего Клавэйну стало заметно легче. Несомненно, и самому Эйчу визиты к Мадемуазели не доставляли особого удовольствия.

— Мистер Клавэйн, я убил ее по простой причине: она обладала тем, что мне было нужно.

— Чем же?

— Точно не знаю. Но, полагаю, именно тем, что искала Скади.

ГЛАВА 22

Ксавьер работал над «Буревестником», когда явилась странная пара. Он проверил обезьян, удостоверился, что их можно смело оставить на несколько минут. Задумался над тем, кого Антуанетта умудрилась допечь на этот раз. Как и ее отец, она, в общем-то, умела не злить нужных людей. Джиму Баксу это умение помогало зарабатывать на жизнь.

— Мистер Грегор Консодайн? — осведомился гость, вставая с кресла в приемной.

— Я не Грегор Консодайн.

— Простите. Я полагал, это...

— Да, вы явились по адресу. Я всего лишь присматриваю за делами, пока он отлучился в Ванкувер на пару дней. Меня зовут Ксавьер Лиу. Чем могу быть полезен?

— Мы ищем Антуанетту Бакс.

— В самом деле? Позвольте узнать зачем?

— Срочное дело. Мы узнали, что ее корабль здесь, в доке.

— А кто вы такие? — спросил Ксавьер грубо, предчувствуя скорые неприятности.

— Я мистер Клок.

По лицу посетителя можно было изучать анатомию — под кожей различалась каждая кость. Мистер Клок выглядел так, будто стоит на пороге голодной смерти, но двигался с легкостью и изяществом танцора или гимнаста. Однако куда загадочней и неприятней выглядел его спутник. В отличие от мистера Клока, походившего на тощего долговязого бухгалтера, он, приземистый и широкоплечий, напоминал борца-профессионала. Сидел, опустив голову, листал взятую

со стола брошюру. У ног стоял черный ящик без надписей, размером с инструментальный чемоданчик.

Смотреть на него было как-то тревожно.

— Мой коллега мистер Пинк, — представил Клок.

Мистер Пинк поднял голову. Глубоко посаженные под гладким округлым лбом карие глаза внимательно изучали Ксавьера. Вздернутый нос напоминал свиной пятачок. Правда, Ксавьер видывал лица и подиковинней, но дело ведь не в этом. Мистер Пинк не был модифицированным человеком. Он вообще человеком не являлся.

— Привет, — выговорил гиперсвинья равнодушно и вернулся к чтению брошюры.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил Клок.

— Вопрос?

— Касательно корабля. Он ведь принадлежит Антуанетте Бакс?

— Я всего лишь взялся подремонтировать ему корпус. Больше ничего не знаю и знать не хочу.

Клок улыбнулся, кивнул. Затем подошел к двери офиса и плотно закрыл ее. Мистер Пинк хихикнул, перевернул страницу:

— Мистер Лиу, ваши слова не совсем правдивы.

— В смысле?

— Вы садитесь, — предложил мистер Клок, указав на кресло. — Отдохните, расслабьтесь. Нам следует немного побеседовать.

— Но мне нужно возвращаться к моим обезьянам. Срочно!

— Уверен, в ваше отсутствие они не сделают ничего предосудительного.

Он указал на свинью, и тот тяжело посмотрел на Ксавьера. Парень вздрогнул и опустился в кресло, раздумывая, как себя вести.

— Так вот, касательно мисс Бакс. Находящиеся в свободном доступе данные контроля над движением кораблей указывают: в ремонтном доке сейчас ее корабль. Вы работаете над ним?

— Возможно.

— Мистер Лиу, пожалуйста, не пытайтесь увильнуть. Это бессмысленно. Собранные нами сведения говорят об очень тесных отношениях между вами и мисс Бакс. Вы прекрасно знаете, что «Буревестник» принадлежит ей. И кстати, вы знаете этот корабль как свои пять пальцев, разве нет?

— Вообще, вы зачем явились-то?

— Мы хотим всего лишь переговорить с мисс Бакс, если это не слишком сложно.

— Ничем не могу помочь.

— Ничем? — На гладком, почти безволосом лице Клока изобразилось удивление.

— Если уж хотите поговорить, ищите ее сами.

— Хорошо. Я надеялся, что до этого не дойдет, но...

Клок посмотрел на спутника. Тот отложил брошюру и встал. Сложением он напоминал гориллу. Двигаясь вперевалку, пошатываясь, словно отчаянно стараясь сохранить равновесие, свинья прошел мимо, неся черный чемоданчик.

— Куда это он?

— Мистер Лиу, он пошел на корабль. Знаете, мистер Пинк первоклассный техник. Прекрасно умеет ремонтировать. Но, должен сказать, ломать он умеет не хуже.

Эйч повел Клавэйна вниз еще по одной лестнице. Шел он всегда на шаг-два впереди, так что Клавэйн смотрел на его широкую спину и иссиня-черные, с блеском пряди волос. Казалось, хозяин и не думал о том, что «гость» может напасть, попытаться сбежать из чудовищного черного Замка Воронов. Но, как ни странно, нападать и убегать не хотелось. Возможно, тому причиной было любопытство: Эйч наверняка знал о Скади больше Клавэйна, хотя и утверждал, что знает далеко не все. Несомненно, он способен рассказать многое.

Но ведь такое положение дел не может продолжаться долго. Спору нет, хозяин — личность очень интересная, но все-таки Клавэйна похитили. Оторвали от исключительно важного и срочного дела.

— Расскажите еще о Скади. Чего она хотела от Мадемуазели?

— Это не так просто описать... Постараюсь, но вы уж простите, если что-нибудь перепутаю. Я многого не понимаю и, честно говоря, не надеюсь понять.

— Да, я это учту. Рассказывайте, я внимательно слушаю.

Они вышли в зал, заполненный металлическими скульптурами странных форм, напоминавшими сухие струпья и чешуи колоссального дракона. Каждая стояла на отдельном пьедестале с поясняющей табличкой.

— Скади интересовала технология.

— Какая?

— Манипуляции с квантовым вакуумом. В очень широких пределах. Мистер Клавэйн, я не ученый и о многом имею лишь самое поверхностное представление. Но, как я понимаю, основополагаю-

щее свойство материи — инерция — определяется на самом деле свойствами вакуума, куда эта материя погружена. Позволю себе предположить, что приемы манипулирования инерцией были бы весьма полезными для сочленителей.

Клавэйн подумал о том, что «Паслен» преследовал его с необыкновенной быстротой. Конечно, это можно было бы объяснить подавлением инерции — как и присутствием Скади на борту во время предыдущего рейса «Паслена». Наверняка она настраивала аппаратуру, проверяла в деле. Так что техника подавления инерции уже реализована, пусть и в зачаточной форме. Но лучше Эйчу узнать об этом не от Клавэйна.

— Мне неизвестно о какой-либо программе, преследующей эту цель, — произнес Клавэйн, осторожно подбирая слова, чтобы не допустить прямой лжи.

— Несомненно, даже у сочленителей такая программа была бы засекреченной. Она требует большой и очень опасной работы.

— А откуда эта технология вообще взялась?

— Вот это самое интересное. Скади... то есть сочленители в лице Скади явились сюда, точно зная о предмете поисков. Будто рассчитывали заполучить финальный элемент, недостающую деталь головоломки. Думаю, вам известно, что операцию сочли неудачной. Выжила одна Скади, и она вернулась назад лишь с горстью добытых артефактов. Но оказались ли они достаточными для реализации технологии, я не знаю.

Договорив, Эйч хитро глянул на Клавэйна и улыбнулся.

Они достигли конца коридора, вышли на галерею с низкими перилами, окаймлявшую огромный, во много этажей зал с косыми стенами. Клавэйн склонился над перилами и увидел вентиляционные отверстия, трубы в крутых черных стенах.

— Я повторю вопрос, — сказал он. — Откуда эта технология взялась изначально?

— От ее владельца. Примерно век назад я узнал ошеломляющий факт: на этой планете уже сотни миллионов лет находится пришелец, потерпевший кораблекрушение, но практически невредимый. Я выяснил, где он прячется.

Эйч замолчал, очевидно дожидаясь реакции Клавэйна.

— Продолжайте, — попросил тот.

— К сожалению, не я первый узнал о несчастном создании. Другие открыли, что пришелец может поставлять ценные материалы,

если регулярно причинять ему боль. Это в принципе отвратительно и недопустимо, но в данном случае отвратительнее многажды, поскольку пришелец был в высшей степени социальным существом. И разумным. Представитель древней расы, далеко распространившейся по Галактике. А в обломках его корабля сохранились действующие агрегаты... Кстати, вы не догадываетесь, куда мы держим путь?

Они прошли вдоль стены зала с куполообразным сводом. О его назначении Клавэйн догадаться не смог.

— Среди этих агрегатов были и подавители инерции?

— Похоже на то. Должен признаться, обнаружение пришельца не стало для меня полной неожиданностью. Я знал, чего можно ожидать, поскольку весьма значительное время назад уже встречал подобные существа.

— Человек с меньшим житейским опытом, чем у меня, затруднился бы в такое поверить, — заметил Клавэйн.

Эйч остановился близ угла, положил руки на низкий мраморный подстенок.

— Я расскажу вам больше. Тогда, надеюсь, поверите. Должно быть, вы уже поняли: наша Вселенная — опасное место для жизни. Не сомневаюсь, что сочленители это выяснили досконально. Сколько сейчас известно истребленных разумных рас — тринадцать? Или уже четырнадцать? А пара выживших, к сожалению, до того чужда нам, что невозможно в точности определить, насколько они разумны и разумны ли вообще. Похоже, у Вселенной есть способ искоренять зародившуюся разумную жизнь, если та чересчур зарывается.

— Да, существует и такая теория, — подтвердил Клавэйн, не желая выдавать, насколько слова Эйча согласуются с данными сочленителей, со сведениями Галианы о волках, жадно рыщущих по космосу в поисках разумной добычи.

— Не просто теория. Личинки — назовем так расу нашего пришельца — были загнаны и доведены почти до вымирания. Теперь они живут лишь в межзвездном пространстве, боясь подойти к свету и теплу. Эти несчастные прозябают в постоянном страхе, поскольку знают, как легко выдать себя убийцам. В конце концов они выработали защитную стратегию, которая включает отчаянные, крайние меры. Они неагрессивны от природы, но убеждены в том, что для собственной безопасности можно зачистить слишком уж шумную и любопытную разумную расу.

Эйч снова пошел вдоль стены. Коснулся ее на ходу ладонью, и на мраморе остался тонкий красный след.

— А как вы узнали о пришельцах?

— Мистер Клавэйн, это долгая история. Не хочу утомлять ею ваш слух. Достаточно сказать, что я поклялся избавить пришельца от мучений. Можно сказать, это стало частью моего плана по искуплению личных грехов. Но выполнить клятву сразу было невозможно. Я собрал команду надежных специалистов, мы приступили к кропотливой подготовке, к тщательному планированию. Прошло десятилетие, другое. Удобный момент все не наступал. А я каждую ночь видел во сне терзаемое существо — и заново клялся его освободить.

— А потом?

— Потом меня предали... или разведка Мадемуазели оказалась лучше моей. Она добралась до существа раньше, чем я, и привезла его сюда, в эту комнату. Как именно это было проделано, не знаю. Такая операция потребовала колоссальных усилий.

Клавэйн снова глянул вниз, пытаясь понять, насколько же огромным должно быть существо, чтобы нуждаться в тюрьме таких размеров.

— Она держала пришельца здесь, в Замке?

— Да. Много лет. Обеспечивать ему жизнь было непросто, но обращавшиеся с ним прежде люди выяснили все необходимое. Мадемуазель не собиралась истязать его — в обычном человеческом смысле она не была жестокой. Но каждая секунда такого существования для пришельца была мукой, даже когда его нервную систему не терзали высоковольтными разрядами. Мадемуазель не позволила бы ему умереть, пока не узнала бы все возможное.

Затем Эйч рассказал, что Мадемуазель нашла способ общаться с пришельцем.

— Несмотря на ее исключительный ум, главная заслуга в этом принадлежала личинке... Однажды случилось несчастье. Отсюда, сверху, в камеру пришельца упал человек, сверху. Он разбился насмерть, но труп достать не удалось — его моментально съело существо. Пришельца держали впроголодь, кормили жалкими крохами. До того момента личинка не имела ясного представления о мучителях, а потому даже не поняла, кого съела. — Голос Эйча зазвучал оживленней. — Произошло странное. Через день на коже существа открылась рана. Расширилась, стала дырой. Она не кровоточила, выглядела ровной, с гладкими стенками. Под ней заметили движение,

пульсацию мускулов. Дыра превратилась в рот, и чуть позже он издал звуки, похожие на человеческую речь. Прошла еще пара дней, и существо произнесло узнаваемые слова. Еще день — и заговорило связными предложениями. Самое жуткое здесь то, что пришелец не только узнал от съеденного, как можно общаться с ему подобными, но поглотил и его воспоминания, и его личность, соединив ее со своей.

— Кошмар!

— Кому как, — возразил Эйч. — Думаю, это очень полезное свойство для распространившейся по Галактике торговой цивилизации, рассчитывающей повстречать много различных рас. Чем корпеть над программами-переводчиками, проще декодировать язык на биохимическом уровне. Чтобы понять торгового партнера, достаточно его съесть. Конечно, это требует некоторого... гм... участия другой стороны, но, возможно, миллион лет назад такой способ ведения дел считался вполне приемлемым.

— Как вы все это узнали?

— Путем долгих и тщательных исследований. Еще до того, как Мадемуазель увела у меня из-под носа пришельца, я начал подозревать о ее существовании. Я влиятельная личность в Городе Бездны, у меня значительные связи. Обычно мы не мешали друг другу, но несколько раз наши интересы совпадали. Заметив присутствие конкурента, принялся искать, докапываться. Много лет она умело противодействовала моим попыткам проникнуть в Замок Воронов. Но отвлеклась, когда раздобыла пришельца, слишком сосредоточилась на нем, изучая и стараясь понять. А мне удалось внедрить агентов. Одна из них — Зебра. Она выяснила, что могла, подготовила захват башни и свержение хозяйки. Но это случилось после визита Скади, гораздо позже.

Клавэйн обдумал услышанное.

— Значит, Скади должна была знать о пришельце? — спросил он.

— Несомненно. Мистер Клавэйн, вы же сочленитель. Неужели не знали о нем?

— Нет. Но и без того я узнал слишком многое. Потому и решил дезертировать.

Наконец они покинули тюрьму пришельца. Клавэйн испытал облегчение не меньшее, чем когда ушел из комнаты с паланкином. Должно быть, разыгралось воображение, но он не мог отделаться

от ощущения, будто самый воздух зала-тюрьмы пропитался му́кой и одиночеством. Тоскливая жуть отпустила, лишь когда зал остался за спиной.

— Куда теперь вы меня поведете? — спросил Клавэйн.

— Сперва в подвалы — мне кажется, их содержимое способно вас заинтересовать. Хотелось бы, чтобы после вы познакомились с несколькими людьми, это может оказаться весьма полезным.

— Эти люди имеют отношение к Скади?

— Да, в наших делах очень многое имеет отношение к Скади. Думаю, во время визита в Замок с ней произошло нечто весьма важное.

Эйч провел его в лифт — ажурную конструкцию из спиралей кованого железа. Сплошные стены отсутствовали, из холодной решетки пола сквозило. Эйч задвинул скрипнувшую створку двери, тоже из кованого железа, закрыл на засов. Кабина пошла вниз, поначалу медленно. Клавэйн подумал, что с такими темпами до подвала придется ехать час. Но, поскрипывая, лифт разгонялся, пока из дыр в полу не засвистел настоящий ураган.

— Миссию Скади сочли провалом, — громко сказал Клавэйн, чтобы его слова можно было разобрать среди визга и скрипа кабины.

— Да, но не с точки зрения Мадемуазели. Посудите сами: ее влияние протянулось во все уголки Города, во все сферы его жизни. Практически она могла добиться всего, что только находится в пределах человеческих возможностей. Агенты ее влияния были и в Ржавом Поясе, и на всех крупнейших базах демархистов. Полагаю, она контролировала и часть ультра — по крайней мере, добивалась, чтобы они выполняли ее требования. Но на сочленителей она влияния не имела. До появления Скади.

— И Скади стала орудием Мадемуазели?

— Это весьма вероятно. Едва ли случайно то, что она выжила, когда вся ее команда погибла.

— Но Скади — одна из нас, — вяло возразил Клавэйн. — Она никогда не предаст Материнское Гнездо.

— Мистер Клавэйн, а что произошло с ней потом? Быть может, она увеличила свое влияние среди сочленителей и приобрела новые полномочия?

Клавэйн вспомнил, что она как раз по возвращении и стала членом Узкого совета.

— Пожалуй...

— Тогда, думаю, все ясно и очевидно. Это типичная стратегия Мадемуазели. Проникнуть в организацию, привести агента к власти и управлять через него. Скади может и не знать, что предает свой народ. Мадемуазель очень искусно играла на верности и пользе для общего дела. И хотя Скади потерпела неудачу, она ведь сумела доставить ценные для Материнского Гнезда артефакты. Они принесли немалую пользу, верно?

— Я уже говорил вам, что не знаю о секретных проектах по манипуляции квантовым вакуумом.

— Хм. Честно говоря, это ваше утверждение не кажется убедительным. Думаю, мистер Клавэйн, вы лжете мне.

Клок — тип с гладким как яйцо черепом — приказал позвать Антуанетту.

— Я-то позову, — ответил Ксавьер, — но я же не могу обеспечить ее прибытие, даже если мистер Пинк начнет ломать корабль.

— Найдите способ заинтересовать ее, — посоветовал мистер Клок, поглаживая оливково-зеленый, покрытый воском лист комнатного растения. — Скажите, например, что требуется помощь в ремонте, ее опыт. Уверен, мистер Лиу: вы сумеете сымпровизировать.

— А мы послушаем, — добавил вернувшийся мистер Пинк.

К радости Ксавьера, свинья не причинил заметных повреждений кораблю. Хотя создалось отчетливое впечатление: Пинк лишь прикидывал, как и где устроить разгром посквернее.

Ксавьер позвонил Антуанетте. Та находилась на другом конце Нового Копенгагена — возвращалась с очередной деловой встречи. С самого возвращения металась от одного возможного партнера к другому. После полета за Клавэйном дела пошли вовсе из рук вон плохо.

— Антуанетта, возвращайся как можно скорее, — сказал Ксавьер, не сводя глаз с гостей.

— Отчего такая спешка?

— Знаешь, во что обходится час простоя в доке? Черт возьми, мы разорены! Даже этот звонок добивает нас!

— Ксав, ну что за нытье! Хоть чем-нибудь меня порадуешь?

— Я тебя прошу: приезжай скорее.

С тем повесил трубку и добавил для гостей:

— Гады вы, честное слово. Хоть бы спасибо сказали.

— Мистер Лиу, я благодарен вам за понимание, — сказал Клок. — Уверяю, мы не причиним вреда ни вам, ни тем более Антуанетте.

— Вы лучше ее не трогайте, — посоветовал Ксавьер, глядя то на одного посетителя, то на другого, не в силах решить, кто опаснее. — В общем, она будет здесь через двадцать минут. Постарайтесь ее не задерживать.

— Мистер Лиу, мы побеседуем с ней на ее корабле. Таким образом будем уверены, что никто из вас не убежит.

— Да пожалуйста. — Ксавьер пожал плечами. — Только дайте мне пару минут договориться с обезьянами.

Кабина продолжала скрежетать, даже когда движение прекратилось. Высоко над Клавэйном в шахте лифта металось лязгающее эхо, похожее на истерический смех.

— Где мы? — спросил сочленитель.

— Глубоко в подземелье, под старой доброй Мульчей, в скальном основании Йеллоустона. — Эйч повел Клавэйна вперед. — Здесь это и случилось.

— Что именно?

— Очень тревожное происшествие.

Клавэйн шел по коридорам, а вернее, по настоящим тоннелям в скале, с грубо обработанными стенами. Синие фонари подчеркивали неровности каменных сводов. Воздух был холоден и сыр, ходьба босиком по стылому камню пола не доставляла никакого удовольствия. Прошли комнату, где стояли рядами, словно молочные бидоны на ферме, серебристые канистры, спустились еще ниже по пандусу.

— Мадемуазель хорошо охраняла свои тайны, — сказал Эйч. — Когда мы штурмовали Замок, она уничтожила многое из добытого на корабле личинки. Немало забрала Скади. Но и нам осталось достаточно, чтобы начать исследования. И в последнее время они продвигаются с отрадной быстротой. Вы заметили, как легко мои суда обгоняют катера конвенции, как легко проскальзывают сквозь плотно контролируемую атмосферу планеты?

Клавэйн кивнул, вспомнив, сколь быстрым показалось возвращение на Йеллоустон.

— Вы тоже научились преодолевать инерцию?

— К сожалению, особыми успехами похвастаться не можем. Но кое-какие устройства стоят на нескольких наших кораблях. Простое

уменьшение массы на восемьдесят процентов дает нам явное преимущество над силами конвенции. Полагаю, сочленители добились куда большего.

— Возможно, — нехотя признал Клавэйн.

— Тогда им уже известно о том, что это крайне опасная технология. Мистер Клавэйн, обычно квантовый вакуум — это глубокий стабильный минимум, уютная спокойная долина среди весьма разнообразной местности возможных квантовых состояний. Но как только начинают манипулировать вакуумом, охлаждать его, чтобы уменьшить ведущие к возникновению инерции флуктуации, меняется вся топология местности. Ранее стабильная долина оборачивается мешаниной опасных хребтов и провалов. И малые флуктуации могут приводить к скачкообразным фазовым переходам. Рассказать вам кое-что из жанра ужасов?

— А разве вы не этим сейчас занимаетесь?

— Мистер Клавэйн, я собрал лучших физиков-теоретиков со всего Ржавого Пояса. Я нанял всех, кто проявлял хоть малейший интерес к проблеме квантового вакуума, и внушил, что в их интересах помогать мне.

— Шантаж?

— Да что вы! Просто дружеское убеждение.

Эйч оглянулся с улыбкой, показав заостренные резцы.

— Большинство и убеждать не требовалось — у меня были инструменты и материалы, какие и не снились демархистам. Их агентурная сеть рассыпалась в клочки, они ничего не знали о личинке. Сочленители выполняли свою исследовательскую программу, но присоединиться к ней значило присоединиться к сочленителям, а это слишком уж большая цена за любопытство. Потому ученые весьма охотно перебрались в Замок Воронов.

Эйч ненадолго замолчал, а когда заговорил снова, в его голосе появились ностальгические нотки:

— Среди них был гениальный дезертир — сбежавший от демархистов ученый Полина Сухая.

— Она погибла? Ее участь оказалась хуже смерти?

— Вовсе нет. Но ей пришлось оставить работу у меня. После упомянутого тревожного происшествия она не смогла продолжать исследования. Это было выше ее сил. Я пошел ей навстречу и позаботился о том, чтобы она получила хорошую работу в Ржавом Поясе.

— Видно, случай и впрямь тревожней некуда, — равнодушно проговорил Клавэйн.

— Да, именно. Для всех нас, а в особенности для Сухой. Она участвовала во многих экспериментах. Внизу, в подвалах замка, десяток небольших групп изучал различные аспекты технологии личинок. Сухая возглавляла одну из команд. За год проявила себя великолепным исследователем. И бесстрашным, даже слишком. Это она занималась наиболее нестабильными конфигурациями вакуума.

Эйч провел Клавэйна мимо нескольких дверей, ведущих в большие темные залы, остановился у очередной. Внутрь не вошел.

— Тревожное случилось в этой комнате. С тех пор никто из ученых, работающих с вакуумом, не соглашался туда войти. Говорят, сами стены могут запечатлевать прошлое. Мистер Клавэйн, вы ощущаете неприятное предчувствие, животную инстинктивную тревогу, необъяснимое нежелание переступить этот порог?

— Вы же меня предупредили. Теперь я не могу с уверенностью определить, что именно чувствую.

— Ну, так войдите, — предложил Эйч.

Сочленитель миновал дверной проем и ступил на гладкий пол. Тот был холоден, но не холоднее прочих мест в подвале. Клавэйн выждал, пока глаза приспособятся к сумраку, различат очертания объемистого помещения. Тут и там на потолке, стенах и полу виднелись гнезда, клапаны и крепления, но отсутствовала какая-либо аппаратура или мебель. Зал был пуст и очень чист.

Клавэйн прошел вдоль стен. Не сказать, что пребывание в комнате казалось приятным, но дискомфорт — легкий страх, ощущение чужого присутствия — мог быть результатом самовнушения.

— Что же здесь случилось? — спросил он.

— Авария, затронувшая лишь эксперимент Сухой, — ответил Эйч из-за порога. — Она была ранена, но не критически, и вскоре поправилась.

— Больше в ее группе никто не пострадал?

— Сухая предпочитала работать в одиночестве. Аппаратуру немного повредило, но та отремонтировалась самостоятельно. Сухая оставалась в здравом уме и твердой памяти. Мы думали, она вернется к работе, как только придет в себя.

— И?

— Она задала странный вопрос. Не просто странный, а такой, что у нас волосы дыбом встали.

— И что же это за вопрос? — спросил Клавэйн, подходя к двери.

— Она пожелала узнать, что случилось с другим экспериментатором.

Клавэйн пожал плечами:

— Повреждение нервной системы. Ложная память. Вряд ли это так уж странно.

— Но ее «ложная память» оказалась на удивление подробной, в ней запечатлелись имя и биография. Полина утверждала, что напарника звали Ив. Ив Мерсье. Его наняли в Ржавом Поясе одновременно с нею.

— Но Ива Мерсье не существовало?

— Человек с таким или похожим именем не появлялся в Замке. Никогда. Как я уже говорил, Сухая предпочитала работать в одиночестве.

— Возможно, Сухая ощущала потребность приписать вину за свою неудачу другому, и ее подсознание создало козла отпущения.

— Мы поначалу так и посчитали. Но к чему столь отчаянная попытка снять с себя вину за пустяковый инцидент? Никто не погиб, ущерб невелик. В сущности, мы благодаря этой аварии продвинулись дальше, чем за недели кропотливой работы. Сухую винить было не за что, и она это знала.

— Значит, причина выдумки не в этом. Логика подсознания загадочна. Простого объяснения словам пострадавшей может и не быть.

— Да, мы тоже пришли к такому выводу. Но Сухая упорствовала. Когда выздоровела, ее воспоминания стали четче. Полина описывала мельчайшие детали: как Ив выглядел, чем предпочитал питаться, как шутил. Вспомнила и его прошлое, то, чем он занимался до работы в Замке. И чем сильнее мы пытались убедить ее в вымышленности Мерсье, тем энергичней она настаивала на своем. Вплоть до истерики.

— Значит, умственное расстройство.

— Мистер Клавэйн, все тесты утверждали, что она совершенно здорова. Бред ограничивался «общением» с Мерсье. Во всем прочем Сухая была абсолютно нормальной. И я задумался...

Клавэйн кивнул, показывая Эйчу, что внимательно слушает.

— Мне несложно было поднять архивы Ржавого Пояса — те, что пережили чуму. И я обнаружил: многое из рассказанного Сухой подтверждается с точностью.

— А именно?

— Ив Мерсье существовал.

— Вряд ли это слишком редкие имя и фамилия у демархистов.

— Да. Но был лишь один человек с такими именем и фамилией. И его дата рождения совпала в точности с названной Полиной. Правда, настоящий Мерсье умер много лет назад, вскоре после того, как эпидемия уничтожила Блистающий Пояс.

Клавэйн пожал плечами и сказал:

— Совпадение.

Но прозвучало нетвердо, словно он пытался убедить себя в том, что вызывало серьезные сомнения.

— Возможно, и совпадение. Но видите ли, Мерсье был в то время блестящим студентом, причем специализировался именно на квантовом вакууме. Выживи Мерсье, судьба неизбежно свела бы его со мной.

Клавэйну расхотелось находиться в комнате, и он вышел наружу, в свет синих фонарей.

— То есть вы утверждаете, что Мерсье, каким его видела Сухая, существовал в действительности?

— Именно. И тут возникают две возможности. Первая: Сухая узнала о погибшем когда-то Мерсье и по непонятной причине решила считать его живым. Вторая: Полина говорила правду.

— Второй вариант исключен.

— К сожалению, нет. Думаю, все рассказанное Сухой — истина в буквальном смысле этого слова. Каким-то непостижимым для нас образом для нее Мерсье был жив, работал с ней в лаборатории, где вы только что побывали, и присутствовал при аварии.

— Но Мерсье умер! Вы же сами видели архивы.

— А вдруг нет? Предположим, он пережил эпидемию, занялся общей теорией квантового вакуума, привлек мое внимание и в конце концов стал работать вместе с Сухой над нестабильными состояниями вакуума. В ходе эксперимента с особенно небезопасным состоянием случилась авария. Сухая говорила, что Ив стоял ближе ее к полевому генератору в момент непредвиденного перехода.

— И погиб?

— Более того — погибло самое его существование. — Внимательно глядя на сочленителя, Эйч продолжал по-учительски терпеливо: — Похоже, вся его жизнь, вся его мировая линия отделилась от нашей реальности в тот момент, когда его погубила плавящая

чума. Думаю, это самый вероятный момент его разлучения с мировой линией, в которой находимся мы с вами.

— Но с Полиной Сухой он не разлучался.

— Да. Она помнит события альтернативной линии. Должно быть, Полина оказалась слишком близко к точке фазового перехода, и в ее памяти отпечатались события сразу обеих линий. Когда Мерсье был вычеркнут из бытия, она сохранила воспоминания о нем. То есть Полина вовсе не сумасшедшая, и то, о чем она рассказывает, — не галлюцинации. Она всего лишь свидетель несчастного случая, который в нашем понимании лежит за гранью вероятного. Мистер Клавэйн, разве вас не пугает до дрожи сама возможность такого события?

— Но вы же сразу сказали, что эксперименты были опасны.

— Куда опаснее, чем нам представлялось поначалу. Остается лишь догадываться, сколько мировых линий было стерто до того, как появился свидетель этого процесса.

— Если не секрет, что именно исследовалось в тех экспериментах?

— Чрезвычайно интересные свойства квантового вакуума. Я бы сказал, экзотические. Определенные действия позволяют в асимптотическом пределе обнулить инерцию. А по Эйнштейну, нечто, обладающее нулевой инерцией, с необходимостью должно двигаться со скоростью света. Материя должна стать фотонами, иного варианта нет.

— То бишь Мерсье превратился в свет?

— Не совсем. Насколько я понял из бесед с Полиной, реализовать состояние с нулевой инерцией практически невозможно. Оно крайне неустойчиво. По мере приближения к нему резко возрастает вероятность перехода на другую сторону. Сухая говорила, это сродни прорыву через тонкий барьер.

— На другую сторону? — удивился Клавэйн.

— К состоянию с мнимой инертной массой. Мнимость здесь — в чисто математическом смысле, как корень из минус единицы. Думаю, вам ясно, что под этим подразумевается.

— Вы говорите о тахионах? О материи, распространяющейся быстрее света?

— Да, — охотно подтвердил хозяин Замка. — Последний эксперимент Сухой и Мерсье касался перехода от обычной, знакомой нам тардионной материи к тахионному состоянию вещества. Ученые исследовали возможность перемещения быстрее света.

— Но это попросту невозможно, — заметил Клавэйн.

— Полагаю, «невозможно» — не совсем подходящее слово. Личинки, несомненно, знали способ перемещаться быстрее света. В конце концов, это их технология. Но они все равно медленно плыли меж звезд, не используя ее. Одно это должно было нас предостеречь. Перемещаться быстрее света можно, но делать это не слишком разумно. И очень опасно.

Долгое время оба молча стояли на пороге комнаты, где Мерсье стерло из бытия.

— Кто-нибудь пытался повторить эти эксперименты? — спросил Клавэйн.

— После случившегося с Мерсье — нет. Честно говоря, у людей пропало всякое желание возиться с аппаратурой личинок. Мы и так выяснили достаточно. Людей из подвала убрали, теперь сюда почти никто не заходит. А те, кто заходит, временами наблюдают призраков — возможно, остаточные тени тех, кто разделил судьбу Мерсье. Правда, сам я призраков не видел, а растревоженное воображение иногда преподносит сюрпризы.

Последнюю фразу Эйч произнес преувеличенно бодро — и вышло совсем не весело.

— Мистер Клавэйн, вы верите в привидения?

— Раньше не верил, — ответил сочленитель, желая всей душой поскорее убраться из подвала.

— Настали странные времена, — произнес Эйч с очевидной приязнью. — Чувствую, конец человеческой истории не за горами и придется расплачиваться по счетам. Скоро перед нами встанет трудный выбор. А теперь пришло время встретиться с людьми, о которых я вам говорил. Вы не против?

— Нисколько! — отозвался Клавэйн.

Антуанетта сошла с поезда на станции, ближайшей к ремонтному доку. Голос и слова Ксавьера показались странными, но в чем дело, девушка представить не могла. Не без опаски посетила офис. Ничего особенного, лишь табличка «Закрыто» на двери. Антуанетта проверила и перепроверила давление в доке, затем зашла туда. Взобралась на ведущую к кораблю галерею, стараясь не смотреть вниз. Воздух в доке был полон мерзкой химической взвеси. Пока девушка добралась до шлюза, расчихалась; из глаз безудержно катились слезы.

— Ксавьер! — позвала она из шлюза.

Но если он в глубине «Буревестника», то не услышит. Нужно или искать, или дожидаться, пока сам выйдет. Сказала же, что приедет через двадцать минут.

Она прошла на главный уровень. Все выглядело нормально. Правда, Ксавьер вывел на дисплеи довольно редко запрашиваемые диагностические параметры — иные даже у Антуанетты вызывали недоумение. Впрочем, ничего другого от ремонтника, зарывшегося в корабельные потроха с головой, и ожидать не стоило.

— Ты уж прости меня, — виновато проговорил Ксавьер.

Она оглянулась и увидела его — растерянного, подавленного. За ним стояла пара незнакомцев. Высокий дал ей знак пройти за ними в каюту за рубкой.

— Пожалуйста, Антуанетта, следуйте моим указаниям, — сказал высокий незнакомец. — Мы не отнимем у вас много времени.

— Ты уж послушай его, — попросил Ксавьер. — Прости, что зазвал тебя сюда, но иначе они бы разгромили корабль.

Антуанетта нагнулась, чтобы пройти в низкий коридор.

— Ксав, ты правильно сделал, не кори себя. Кто эти клоуны? Они хоть представились?

— Высокий — мистер Клок. Пониже, который свинья, — мистер Пинк.

Незваные гости кивнули, заслышав свои имена.

— Кто они?

— Не сказали, но можно догадаться. Они Клавэйном интересуются. Наверное, или сами пауки, или их шпионы.

— Эй, вы на самом деле пауки? — спросила Антуанетта.

— Едва ли. Что же касается моего друга...

Мистер Пинк покачал уродливой головой:

— Я точно не паук.

— При более благоприятных обстоятельствах мы бы позволили вам обыскать нас, — заметил Клок. — Заверяю, сочленительских имплантатов у нас нет.

— Но это не исключает того, что вы паучьи агенты, — возразила Антуанетта. — В общем, подскажите, что я должна сделать, чтобы вы убрались к чертям с моего корабля?

— Как правильно заметил мистер Лиу, нас интересует Невил Клавэйн, — проговорил высокий, и на этот раз в его голосе прозвучала сталь. — Пожалуйста, давайте останемся в рамках приличий.

Антуанетта разложила прикрепленное к стене кресло, уселась и заявила:

— Я никогда не слышала фамилии Клавэйн.

— А ваш партнер слышал.

Девушка метнула уничтожающий взгляд на Ксавьера. Тот предпочел смолчать.

— Ксав, чудесно. Просто чудесно.

— Антуанетта, отпираться нет смысла. Мы знаем, что вы привезли его сюда, и не осуждаем вас. Это всего лишь нормальный человечный поступок.

— И что? — спросила она с вызовом, сложив на груди руки.

— Всего лишь расскажите нам, что случилось потом. Вы привезли Клавэйна на «карусель» Новый Копенгаген, и куда он отправился затем?

— Я не знаю.

— То есть он волшебным образом испарился? Не поблагодарил, не попрощался, не обронил и намека о том, что собирается делать?

— Он дал понять: чем меньше я знаю, тем лучше для меня.

Клок глянул на свинью. Антуанетта решила, что попала в точку. Клавэйн и в самом деле не хотел сообщать ничего сверх абсолютно необходимого. Лишь благодаря немалым усилиям Антуанетта сумела кое-что вытянуть из сочленителя, но об этом Клоку знать необязательно.

— Конечно, я не отставала, спрашивала, — добавила она поспешно. — Интересно же, что он задумал. Мне было известно, что он паук. Но Клавэйн ничего не рассказал. Теперь могу радоваться, что не настояла на своем. Вы из меня ничего не вытянете — просто потому, что я не знаю ровно ничего.

— Тогда просто расскажите нам о случившемся, — благожелательно предложил Клок. — Это все, чего мы сейчас хотим от вас. Мы выясним намерения Клавэйна и распрощаемся с вами. Надеюсь, навсегда.

— Я же говорю: он просто ушел. «Спасибо, до свидания» — и все. Ни слова о своих планах.

— Но ведь у него не было ни документов, ни денег, — произнес Клок тихо, будто мысля вслух. — Он не мог уйти далеко без вашей помощи. Если не попросил денег, то наверняка остался на «карусели» Новый Копенгаген. — Тощий, смертельно бледный человек склонился над девушкой. — Скажите же, он просил о чем-нибудь?

— Нет, — ответила она, поколебавшись лишь самую малость.

— Врет, — прокомментировал свинья.

— Мистер Пинк, думаю, вы правы, — согласился Клок. — Я надеялся, до крайностей не дойдет — но дошло. К сожалению, требуются кардинальные методы. Мистер Пинк, прибор готов?

— Мистер Клок, прибор? Вы имеете в виду это?

У ног свиньи стоял идеально-черный ящик, ровный кусок темноты. Пинк толкнул его вперед, наклонился, тронул — и ящик раскрылся, явив гораздо больше отделений и выемок, чем можно было предположить, судя по его размеру. В мягком пенистом материале лежали серебристые детали. Мистер Пинк взял одну, осмотрел, взял другую, тоже осмотрел, соединил обе. Вопреки кажущейся неуклюжести рук, работал он аккуратно, полностью сосредоточившись на задаче.

— Минута-другая, и будет готова, — сообщил Клок. — Антуанетта, это портативный сканер мыслей. Трал памяти. Между прочим, сочленительского производства. Вам известно, как работают подобные устройства?

— Идите к черту!

— Тем не менее я вам расскажу. Мистер Пинк, ведь трал абсолютно безопасен, правда?

— Мистер Клок, он абсолютно безопасен.

— Ну да, нет повода беспокоиться. Правда, с портативными тралами, в отличие от стационарных, не все так уж гладко. Гораздо выше вероятность причинить заметный вред мозгу. Бывают и летальные исходы. Правда, мистер Пинк?

Тот оторвался от работы, посмотрел на Клока:

— По слухам.

— Впрочем, я уверен, слухи, как обычно, преувеличивают риск. Но использовать портативный трал не рекомендуется, когда есть альтернативы...

Клок снова посмотрел Антуанетте в лицо. Трудно было выдерживать взгляд его ввалившихся пронзительных глаз. Девушка потупилась.

— Вы уверены, что Клавэйн не сказал, куда направляется?

— Я уже ответила: не сказал!

— Мистер Пинк, продолжайте.

— Подождите! — воскликнул Ксавьер.

На него посмотрели все, даже свинья. И вдруг корабль затрясся, задергался, выдираясь из причальных захватов. Стартовые химиче-

ские движки загрохотали, как артподготовка, вышвыривая струи раскаленного газа. За спиной Антуанетты закрылся шлюз. Она схватилась за поручни, затем пристегнула ремень.

Происходило что-то странное. И явно не пустяковое. Она увидела в иллюминатор: док заполнился оранжевым дымом реактивных выхлопов. Визгливо заскрежетав, что-то металлическое оторвалось снаружи. Корабль дернулся сильнее.

— Ксавьер! — позвала Антуанетта.

Но тот уже уселся и пристегнулся.

А корабль поплыл, ничем более не сдерживаемый.

Свинья и Клок отчаянно забарахтались, стараясь поскорей разложить кресла и пристегнуться. Антуанетта сомневалась, что они имеют хоть малейшее представление о происходящем. Эти двое руководствуются банальным здравым смыслом: на стартующем корабле лучше быть надежно пристегнутым, не дожидаясь, пока тот проделает опасный кульбит.

Корабль ударился в преграду. Ощущение — будто стиснули и встряхнули позвоночник. Бедные ворота дока! Ксавьер держал их закрытыми, чтобы работать в нормальной атмосфере. Корабль только что протаранил их.

Грузовик снова дернулся вперед, и к горлу подкатил ком тошноты.

Грохнуло — но глухо. Стало легко. Оранжевый дым пронесся за иллюминатором и пропал — док разгерметизировался и выпустил содержимое в космос. Стены заскользили назад — «Буревестник» вырывался наружу.

— Немедленно прекратите! — потребовал Клок.

— Приятель, от меня ничего не зависит, — ответил Ксавьер.

— Вы нас обманули! — крикнул паук. — Специально заманили на корабль!

— Ну так подайте на меня в суд, — посоветовал парень.

На борту воцарилась тишина. Хотя «Буревестник» еще продирался через останки доковых ворот, слышно ничего не было.

— Ксавьер, пожалуйста, скажи, что происходит!

— Я запустил аварийную программу. Давно уже прикинул, что может понадобиться.

— Как раз на такой случай?

— Угу. Кажется, дело того стоило.

— И поэтому в доке не оказалось работающих обезьян?

— Ты что же это, а?! — воскликнул Ксавьер с притворным возмущением. — Не хочешь меня похвалить за предусмотрительность?

«Буревестник» спокойно уплывал прочь от «карусели», окруженный облаком мусора. Заинтригованная и напуганная, Антуанетта выглянула в иллюминатор. В воротах дока зияла дыра в форме корабля.

— Ксавьер, мать честная! Ты хоть представляешь, сколько это стоит?

— Ну, побудем немножко подольше в долгах. Подумаешь, горе.

— Но это вам не поможет, — подал голос Клок. — Мы еще здесь. Вы никак не сможете повредить нам, не повредив и себе. Не думайте о разгерметизации или о маневрах при большом ускорении. Это не сработает. Ваша проблема за эти пять минут не исчезла. Скорее, наоборот.

— Угу, — добавил Пинк. — Вы только что начисто отбили желание обращаться с вами вежливо.

— А вы только что хотели разодрать ее мозги, чтобы добраться до воспоминаний! — рявкнул Ксавьер. — Такая у вас вежливость? Суньте-ка ее себе туда, где солнце не светит!

Полусобранный трал, выпущенный свиньей из рук при рывке корабля, плыл по каюте.

— Вы бы ничего не узнали, — сказала Антуанетта. — Я в самом деле не знаю, что затевал Клавэйн. Наверное, я объяснила не слишком доходчиво.

— Мистер Пинк, возьмите трал! — приказал Клок.

Свинья не двинулся, свирепо глядя на напарника, пока тот не повторил раздельно и с нажимом:

— Мистер Пинк, пожалуйста!

— Да, мистер Клок, — ответил свинья, и в голосе отчетливо послышалась насмешка.

Пинк завозился с креплениями ремней, почти уже расстегнул — и корабль снова рванулся вперед. Свободно плывший по каюте трал врезался в стену, рассыпался на дюжину сверкающих кусочков.

Антуанетта подумала, что уж этого Ксавьер точно не мог запрограммировать.

— Умно, — отметил Клок. — Но не совсем. Значит, придется добиваться правды другими средствами.

Корабль шел с постоянной тягой, но в тишине, и Антуанетта забеспокоилась. Химические двигатели шумят, их вибрация переда-

ется через корпус и отчетливо слышится даже в вакууме. Ионные движки почти не звучат, но они не способны дать такое ускорение. Лишь токамак, чью плазму удерживают мощные магнитные поля, работает беззвучно и может создать нынешнюю тягу.

Боже, «Буревестник» идет на термоядерном двигателе!

Вашу мать...

Использование термоядерного двигателя в пределах Ржавого Пояса автоматически влекло смертный приговор. Даже атомные движки запрещалось включать вблизи Ржавого Пояса под угрозой чудовищных штрафов. Заплатив такой, уж точно никогда не выйдешь в космос — не на чем будет выходить. А выхлоп термоядерного реактора — опаснейшее оружие. Направь не туда — и он за секунды разорвет «карусель».

— Ксавьер, немедленно переключись на химические двигатели!

— Прости, Антуанетта, но я решил, что так будет лучше.

— Решил, да? Долго думал?

— Ты же знаешь меня: если что, я суну голову в петлю. Послушай, мы здесь заложники. Это полностью меняет правила. Сейчас мы сами приглашаем полицию в гости. Я просто машу белым флагом: хватайте нас поскорей!

— Ксав, идея гениальная, но...

— Никаких «но». Все получится. Они увидят, что мы специально направляем пламя в сторону, чтобы не задеть спутники. Больше того, наш выхлоп модуляцией интенсивности изображает сигнал бедствия, хотя человеческий глаз этого и не различит — слишком высока скорость передачи.

— Так и копы его не заметят.

— Ну да, но потом можно будет проверить, доказать. Важно именно это. Они убедятся, что я пытался звать на помощь.

— Восхищен вашим оптимизмом, — заметил Клок. — Но суда вы не дождетесь. Нас попросту взорвут за нарушение конвенции.

— Он прав, — подтвердил мистер Пинк. — Хотите жить, так поворачивайте и плетитесь на химии назад к «карусели».

— Назад? Чтобы вы обтяпали свое дельце?

— Мистер Лиу, иначе вы просто умрете.

Ксавьер расстегнул ремни и встал.

— Эй, вы, — сказал, ткнув в сторону незваных гостей пальцем, — лучше сидите и не рыпайтесь. Целее будете.

— А как насчет меня? — спросила Антуанетта.

— Сиди на месте. Так безопаснее. Я вернусь через минуту.

Оставалось только довериться ему. Он один знал детали программы, загруженной в Зверя, и Антуанетта, покинув кресло, могла бы покалечиться при внезапном маневре корабля. Конечно, после она выскажет Ксавьеру, что думает об установке всяких «аварийных программ» на корабле без ее ведома. Но пока надо отдать ему должное — управляет ситуацией он, а не бандиты. Ксавьер ушел в рубку.

Антуанетта свирепо зыркнула на Клока:

— Знаете, Клавэйн мне понравился намного больше вас.

Ксавьер заперся в рубке и сел в пилотское кресло. Дисплеи на панели управления оставались в диагностическом режиме — странно для корабля, уже вышедшего в открытый космос и разгоняющегося. С полминуты он восстанавливал обычные режимы работы, переводя системы «Буревестника» в полетное состояние. Немедленно завыл металлический безжизненный голос, заклиная выключить термоядерную тягу, поскольку, по данным самое малое восьми маяков, корабль еще находился в зоне Ржавого Пояса и потому нельзя использовать ничего мощнее химических двигателей...

— Зверь? — прошептал Ксавьер. — Ты уж лучше выключи тягу. Нас точно заметили, я уверен.

Зверь не ответил.

— Эй, теперь уже безопасно. Антуанетта в каюте, вместе с двумя этими придурками. Она сюда не зайдет.

Наконец Зверь заговорил, и его голос звучал гораздо ниже и мягче, чем при общении с Антуанеттой.

— Надеюсь, мы поступили правильно.

По кораблю прокатился рокот — токамак выключился, его сменил атомный двигатель. «Буревестник» находился всего лишь в полусотне километров от «карусели» Новый Копенгаген. А это значило, что даже атомные двигатели — злостное нарушение списка правил в руку длиной. Но Ксавьер еще хотел привлечь внимание.

— Я тоже надеюсь. Скоро мы это узнаем.

— Думаю, пора разгерметизироваться. Ты можешь надеть на Антуанетту скафандр так, чтобы гости не учинили неприятностей?

— Это сложно. Я и так боюсь за нее. Не знаю, когда они рискнут вылезти из кресел. Хотя могу попробовать — завести их в одну каюту, ее в другую.

— Я могу устроить частичную разгерметизацию. Но раньше никогда такого не делал, поэтому не знаю, получится ли с первого раза.

— Может, и не понадобится, если костоломы из конвенции скоро доберутся сюда.

— Так или иначе, а я тебе не завидую.

Ксавьер хорошо разбирался в интонациях Зверя.

— Имеешь в виду Антуанетту?

— У нее будет к тебе парочка вопросов, на которые крайне трудно ответить.

Парень уныло кивнул. Уж об этом можно было и не напоминать.

— Думаешь, она догадалась про тебя? Клавэйн точно заподозрил неладное, но он старик умный, Антуанетту расспрашивать не стал.

— Раньше или позже ей пришлось бы узнать. Джон не собирался скрывать от нее правду всю жизнь.

— Но сейчас мы не расскажем, — заявил Ксавьер решительно. — Не время и не место. У нас и так куча проблем на руках.

Его внимание привлек радарный дисплей: трехмерная картинка показывала три значка, которые двигались от «карусели» по сходящимся на «Буревестнике» траекториям.

— Ты хотел, чтобы заметили, — вот и заметили, — сказал Зверь.

В последнее время полицейские катера конвенции околачивались поблизости от Нового Копенгагена. Может, по обыкновению, следили за Антуанеттой, или кто-нибудь предупредил власти о странном происшествии с доком и «Буревестником». Ксавьер надеялся, что среди полицейских не окажется тот самый назойливый офицер, давно уже сующий нос в дела Антуанетты.

— Думаешь, они и в самом деле убьют нас, не разобравшись, отчего включалась термоядерная тяга?

— Не знаю, Ксавьер. Я про это не думал, когда начал разбираться с гостями. Видимо, зря.

— Нет, не зря. Я бы, наверное, сделал то же самое. И Антуанетта. А уж Джим Бакс точно бы не колебался.

— Через три минуты они выйдут на абордажную дистанцию.

— Облегчи им работу, Зверь. А я пойду гляну на остальных.

— Удачи!

Ксавьер вернулся в каюту. К большому облегчению, он увидел гостей мирно сидящими в креслах. Ощутил уменьшение веса — Зверь переключился на атомные двигатели.

— Как дела? — спросила Антуанетта.

— Нормально, — заявил парень, изо всех сил стараясь казаться спокойным и уверенным. — С минуты на минуту явится полиция.

К тому времени, когда тяга вовсе отключилась, он успел сесть в кресло. Через пару секунд услышал грохот абордажных захватов. Пока неплохо — абордаж все же лучше, чем расстрел. Можно объясниться, обосновать свое поведение. Если полицейские и захотят кого-нибудь казнить, то уж лучше его. Он сумеет взять вину на себя, спасти Антуанетту.

Он почувствовал сквозняк. Уши заложило — декомпрессия. Но давление падало недолго, он толком не успел испугаться. Сквозняк улегся, а издали донесся скрежет и визг раздираемого металла.

— Что случилось? — спросил мистер Пинк.

— Наверное, полиция вырезала люк, — предположил Ксавьер. — У них давление не такое, как у нас. Могли бы и нормально зайти, им ничто не препятствовало, но, наверное, решили не ждать, пока сработает шлюз.

Послышалось цоканье и лязг конечностей.

— Робота послали, — заключила Антуанетта. — Ненавижу роботов.

И минуты не прошло, как в каюту ввалился полицейский робот. Девушка сжалась, когда тот развернулся, будто чудовищное черное оригами. Острые тонкие щупальца засвистели в воздухе. Ксавьер отдернул голову — смертоносное лезвие пролетело в дюйме от глаз. Даже свинья выглядел так, будто удрал бы со всех ног при малейшей возможности.

— Сглупили, — заключил мистер Пинк.

— Мы не собирались вредить вам, — заметил мистер Клок. — Всего лишь хотели получить сведения. А вот теперь вам точно не позавидуешь.

— У вас был переносной трал! — крикнул Ксавьер.

— Это не трал, а всего лишь активатор ассоциативной памяти, — ответил Пинк. — Совершенно безопасный.

— Зарегистрированный владелец этого корабля — Антуанетта Бакс, — прогудел робот.

Он приблизился вплотную, завис над девушкой. Та услышала постоянный тихий гул его механизмов, уловила запах озона от потрескивающего разрядами тазера.

— Вы нарушили установленные Феррисвильской конвенцией правила использования термоядерной тяги в пределах Ржавого Поя-

са, ранее известного как Блистающий Пояс. Это уголовное преступление третьей категории, влекущее наказание в виде необратимой смерти мозга. Пожалуйста, позвольте идентифицировать вас.

— Что? — спросила Антуанетта испуганно.

— Мисс Бакс, откройте рот. Не двигайтесь.

— Это ты, сволочь?

— О ком вы, мисс Бакс?

Машина выбросила наружу пару обрезиненных манипуляторов, охвативших голову девушки. Они сдавили до боли, как тисками, продолжая медленно наращивать давление. Из недр машины выметнулся еще один манипулятор, оканчивающийся крохотным изогнутым лезвием, похожим на косу.

— Откройте рот!

— Не-ет! — промычала она.

Из глаз хлынули слезы.

Страшное лезвие — достаточной длины, чтобы отхватить напрочь палец, — застыло в дюйме от носа. Давление на голову усилилось. Машина загудела громче, в нем послышалась пульсация, будто биение сердца.

— Откройте рот! Это последнее предупреждение.

Она открыла рот — скорее непроизвольно, чтобы испустить стон боли, чем из желания подчиниться приказу. Сверкнул метнувшийся манипулятор — глазом не уловить. Во рту ощутился мгновенный холод, лезвие скребнуло по языку.

Машина втянула манипулятор в специальное отверстие посреди округлого корпуса. Внутри запикало, — несомненно, анализатор ДНК обрабатывал соскоб и сравнивал данные с записанными в базе конвенции. Завыла, ускоряясь, центрифуга. Державшие голову манипуляторы не ослабляли хватки.

— Отпусти ее! — крикнул Ксавьер. — Ты же получил, чего хотел. Отпусти!

Робот выпустил Антуанетту. Та судорожно вздохнула, вытерла струящиеся по лицу слезы. Машина же повернулась к Ксавьеру:

— Воспрепятствование исполнению служебных обязанностей офицера полиции Феррисвильской конвенции, действующего прямо или посредством механизма, является преступлением первой категории...

Робот не потрудился договорить фразу до конца. Презрительно повел манипулятором, полоснул искрящим тазером по груди парня.

Тот коротко и резко вскрикнул, упал, содрогнулся и застыл с раскрытым ртом и выпученными глазами.

— Ксавьер! — воскликнула Антуанетта.

— Убит, — сказал Клок, расстегивая ремни. — Мы должны что-то предпринять.

— А тебе какое дело?! — крикнула Антуанетта. — Из-за тебя это и случилось!

— Хоть в это и трудно поверить, мне его жизнь небезразлична.

Клок встал, ухватился за петлю на стене, чтобы не уплыть. Машина развернулась к нему. Паук не дрогнул — единственный из всех, к кому приблизился робот-полицейский.

— Позвольте подойти к нему. Я хочу его осмотреть.

Машина рванулась к Клоку. Возможно, ожидала, что тот уклонится в последний момент, скрючится, прикрываясь руками. Но Клок не двинулся даже на миллиметр, он даже бровью не повел. Робот остановился, гудя и яростно щелкая. Очевидно, не мог понять, что делать с непонятной помехой.

— Сядьте на место! — приказала машина.

— Разрешите помочь пострадавшему. Иначе ваши действия будут квалифицированы как убийство. Я знаю: этой машиной дистанционно управляет человеческий мозг, знакомый с термином «убийство» не хуже меня.

Робот поднял манипулятор с тазером.

— От этого не будет проку, — предупредил Клок.

Тазер уткнулся ему под ключицу. Сверкающий разряд, пляшущий меж электродами, словно пойманный угорь, вгрызся в одежду. Но Клока не парализовало. И на лице — ни следа боли.

— Я сочленитель, — объяснил он. — На меня электрошок не подействует. Моя нервная система — не вполне человеческая.

Тазер начал вгрызаться в кожу. Еще не видя, что происходит, Антуанетта поняла по запаху: разряд сжигает живую плоть.

Клок задрожал. Кожа его стала еще бледней, мертвенней, чем раньше.

— На меня не действует... — прошептал он.

Машина отдернула тазер, открыв выжженную угольно-черную ямину в полдюйма глубиной.

Клок еще пытался договорить, но машина ударила его в бок тупым округлым дулом многоствольного пулемета. Отчетливо хрустнула кость. Клок отлетел, ударился о стену и остался лежать замертво.

Впрочем, он и в нормальном состоянии выглядел не очень живым. Вонь горелой плоти заполнила каюту. Антуанетта подумала, что не скоро забудет этот запах.

Она посмотрела на Ксавьера. Клок ведь хотел помочь ему. Парень не подавал признаков жизни уже полминуты. В отличие от Клока и прочих пауков, Ксавьер не держал в голове набора чудесных машин, чтобы не допустить разрушения мозга при прекращении снабжения кислородом. Вряд ли он протянет еще минуту.

— Мистер Пинк! — взмолилась Антуанетта.

— Пардон, это не мои проблемы, — ответил свинья. — Я и так уже труп.

Голова продолжала болеть. Девушка не сомневалась, что робот повредил кости — ведь он едва не раздавил череп. Что ж, все они и в самом деле уже трупы, тут мистер Пинк не ошибся. Терять уже нечего. Нельзя оставлять Ксавьера без помощи.

Она встала с кресла.

— Стоп! — приказал робот. — Вы вторгаетесь на место преступления! Несанкционированное проникновение на место преступления в ходе расследования является правонарушением категории...

Но Антуанетта, не обращая внимания на его бубнеж, перебираясь от петли к петле, оказалась подле Ксавьера. Машина придвинулась — треск тазера за спиной усилился. Ксавьер лежал бездыханным уже минуту. Девушка схватила его кисть, пытаясь уловить пульс. Мысли лихорадочно скакали. Может, не здесь надо щупать? Может, сбоку шеи?

Робот отшвырнул ее прочь, словно вязанку хвороста. Девушка снова кинулась к лежащему, разозленная как никогда в жизни — но и перепуганная одновременно. Ксавьер умрет! Он уже умер! И она, кажется, вскоре последует за ним.

Ну, вашу же мать! Подумать только, еще полчаса назад банкротство было самым страшным, что могла представить.

— Зверь! — в отчаянии крикнула Антуанетта. — Если можешь хоть что-нибудь сделать, сейчас самое время!

— Юная леди, прошу прощения, но я не могу прийти вам на помощь, не препятствуя полицейскому роботу. — Зверь помолчал, затем добавил: — Юная леди, я очень-очень сожалею...

Антуанетта посмотрела на стену и вдруг ощутила себя погруженной в кромешную, мертвую тишину — словно выпала из вихрей тайфуна в его «глаз», в центр полнейшего спокойствия. Казалось,

к Антуанетте обращается совсем другая личность. Когда это Зверь говорил о себе «я»?

— Зверь, — спокойно произнесла она, — послушай меня...

Но тут наскочил робот, замахал вокруг алмазно-твердыми ятаганами манипуляторов, потащил ее прочь от Ксавьера. Антуанетта закричала, забилась, ранясь о безжалостные острия. Кровь хлынула из длинных порезов, рассыпалась рубиновыми каплями в воздухе. Голова закружилась, подступила дурнота.

Мистер Пинк прыгнул и в мгновение ока оказался у машины. Был он невелик ростом, но для своих размеров чудовищно силен. Сервомоторы завывали и скрежетали от натуги, когда машина отмахивалась от разъяренного свиньи. Брызги и целые кляксы его крови взметнулись в воздух, смешались с кровью Антуанетты. Крупные капли разбивались на мелкие, и скоро все вокруг заволок розовый туман. Девушка смотрела с ужасом, как лезвия секли Пинка. Из страшных ран выметывались кровавые ленты, зависали в воздухе будто зарницы. Свинья ревел от ярости и боли, но не отступал. Тазер описал сверкающую голубую дугу, ствол пулемета бешено закрутился, словно робот приготовился располосовать кабину очередями.

Антуанетта подползла к парню. Израненной ладонью коснулась лба. Подумала, что несколько минут назад еще могла его спасти, но теперь уже поздно. Мистер Пинк отчаянно сражался, но, как и следовало ожидать, проигрывал. Машина победит, затем снова оторвет Антуанетту от Ксавьера и, скорее всего, убьет.

Все кончено. А ведь достаточно было — подумать только! — следовать советам отца. Он же предупреждал: никогда не связывайся с пауками. Хотя нынешних обстоятельств, конечно же, предвидеть не мог, он был целиком и полностью прав.

«Папа, прости, — подумала Антуанетта, уплывая в беспамятство. — Ты был прав, а я-то считала, что знаю лучше... Обещаю: в следующий раз буду хорошей девочкой».

Робот вдруг замер, и его сервомоторы умолкли. Свист пулемета сменился низким рокотом, вращение стволов прекратилось. Центрифуга погудела немного и остановилась, тазер затрещал, заискрил и отключился. Умер всякий машинный звук, робот застыл в неподвижности — черный злобный паук, раскинувший лапы от стены до стены.

Антуанетта собрала последние силы:

— Мистер Пинк... что вы сделали?

— Ничего, — ответил свинья и кивком указал на Ксавьера. — На вашем месте я бы занялся им.

— Помогите мне. Пожалуйста. Я сейчас просто свалюсь...

— Делайте, как можете. Я пас.

Она видела, что Пинк тоже серьезно ранен. Но он, хотя и потерял много крови, пострадал исключительно от неглубоких порезов, не лишился пальцев, не поломал костей.

— Умоляю вас, помогите массировать ему грудь!

— Антуанетта, я не помогаю людям.

Она принялась ритмично давить на грудь Ксавьера, теряя с каждым движением силы, которых и так почти не оставалось.

— Пожалуйста, мистер Пинк...

— Антуанетта, извините. Ничего личного, но...

Она замерла. Гнев захлестнул ее с головой.

— Но что?!

— Боюсь, люди — не самый мой любимый биологический вид.

— Хорошо, мистер Пинк. Тогда вам послание от не самого любимого биологического вида: катитесь к черту!

Отчаянно цепляясь за уплывающее сознание, она снова принялась массировать грудь Ксавьера.

ГЛАВА 23

Клавэйн и Эйч снова шагнули в скрежещущий кованый лифт и поехали наверх. По пути Клавэйн поразмыслил над услышанным и увиденным. При любых других обстоятельствах история Сухой и Мерсье показалась бы не более чем городской легендой. Но очевидная искренность Эйча вкупе с жуткой атмосферой пустой комнаты заставили отнестись к рассказу серьезно. Конечно, гораздо спокойнее было бы считать его искусной выдумкой, призванной воздействовать на гостя-пленника определенным образом, — и по этой причине Клавэйн решил пока придерживаться наиболее неприятной версии, а именно: хозяин замка говорит правду. Сходно поступил и сам Эйч, расследуя случившееся с Полиной Сухой.

По опыту Клавэйна, самое неприятное из возможного чаще всего и оказывается верным. Так уж устроено мироздание.

По пути наверх почти не разговаривали. Клавэйн еще не отказался от мысли при малейшей возможности удрать от Эйча и все-таки добраться до демархистов. Однако услышанное заставило задуматься и признать, что до сих пор слишком многое было ему неизвестно.

Скади явно старалась не для себя и уж точно не для ставших единым целом, обезличившихся сочленителей. Скорее всего, она работала на Мадемуазель, всегда желавшую распространить свое влияние на Материнское Гнездо. А Мадемуазель — величина неизвестная, целиком за пределами опыта и знаний, которыми располагал Клавэйн. Как и Эйч, она живо интересовалась личинками и их технологиями. Не посчиталась с затратами, перевозя личинку в Замок Воронов и учась общаться с ним. Мадемуазель погибла, но, возможно, Скади стала настолько ревностным ее адептом, что сейчас можно считать Мадемуазель и Скади единым целым.

То, из-за чего Клавэйн решился кардинально изменить свою жизнь, оказалось гораздо большим, чем он подозревал, — и с историей куда богаче и продолжительнее, чем мог предположить. Однако и этот факт, по сути, не менял ровно ничего. «Адское» оружие — вот что по-настоящему важно. Кто бы ни управлял Скади, он превыше всего остального нуждается именно в этом оружии. И потому Клавэйн должен добраться до него первым.

Лязгнув, лифт остановился. Эйч открыл ажурную кованую дверь и снова повел Клавэйна по лабиринту мраморных коридоров. Они добрались до обширного зала, напоминающего огромный до абсурдности гостиничный номер. Низкий потолок украшен причудливой лепниной; тут и там, будто экспонаты в музейном зале, расставлены предметы мебели и скульптуры; массивный черный клин большого рояля; посреди комнаты — старомодные часы на тумбе, словно застигнутые за попыткой перебраться с одной стены на другую. Черные каменные колонны поддерживают алебастровые бюсты непонятных личностей, пара обтянутых темно-алым бархатом диванов стоит на золоченых ножках в виде львиных лап, три золоченых кресла размерами и пышностью похожи на троны.

Два из трех кресел-тронов были заняты. На первой восседал гиперсвинья, одетый как Эйч, в простые черные брюки и халат. Клавэйн нахмурился: свинья очень уж походил на Скорпиона, в последний раз виденного в Материнском Гнезде. Хотя, возможно, этот тип лишь похож на него. Во втором кресле сидел Ксавьер, молодой механик,

встреченный на «карусели» Новый Копенгаген. Что же могло свести этих двоих вместе, да еще в Замке Воронов? Невозможно и вообразить.

— Вас нужно представлять друг другу? — осведомился Эйч. — Думаю, нет. Но на всякий случай представлю. Мистер Клавэйн, перед вами Скорпион и Ксавьер Лиу.

Он осведомился у Ксавьера:

— Мистер Лиу, как вы себя чувствуете?

— Теперь нормально, — ответил тот.

— У мистера Лиу остановилось сердце от удара полицейского тазера, — пояснил Эйч. — Робот напал на него на борту «Буревестника», корабля Антуанетты Бакс. На тазере было выставлено напряжение, способное убить гамадриаду, не то что человека.

— Робот-полицейский напал прямо на борту корабля? — вежливо осведомился Клавэйн, испытывая потребность сказать хоть что-нибудь.

— Да. Но этот ревностный служащий Феррисвильской конвенции больше не потревожит ни мистера Лиу, ни кого-либо другого.

— Вы его убили? — спросил Ксавьер.

— С технической точки зрения — нет, — ответил Эйч и добавил, обращаясь к Клавэйну: — Ксавьеру посчастливилось остаться в живых, и теперь его здоровью ничто не угрожает.

— А как с Антуанеттой?

— Она тоже в порядке. Несколько синяков и порезов, вот и все. Вскоре она присоединится к нам.

Сочленитель уселся на пустующий золотой трон напротив Скорпиона.

— Я не понимаю, по какой причине здесь находятся Ксавьер и Антуанетта. Но вы...

— Это долгая история, — ответил свинья.

— Я не тороплюсь. Почему бы не начать с самого начала? Разве вы не должны находиться под арестом?

— Мистер Клавэйн, дела осложнились, — пояснил Эйч. — Насколько я выяснил, сочленители привезли Скорпиона к Ржавому Поясу, желая передать властям.

Ксавьер воззрился на свинью, пораженный:

— Я думал, Эйч шутил, когда вас Скорпионом назвал... Но он же не шутил, правда? Мать честная! Ведь тот самый Скорпион, которого столько времени ловят!

— Ваша слава бежит впереди вас, — заметил Эйч.

— Какого же черта вас занесло на Новый Копенгаген? — воскликнул Ксавьер, втискиваясь в кресло.

Должно быть, его пугала даже перспектива оказаться под одной крышей со Скорпионом, не то что в одной комнате.

— Я его искал. — Свинья кивком указал на Клавэйна.

— Меня? — удивленно спросил тот.

— Пауки мне предложили сделку. Сказали, что не сдадут властям и отпустят, если помогу вас выследить. Тут уж хочешь не хочешь, а не откажешься.

— Ему дали нормальные документы, чтобы его не арестовали на первом же полицейском посту, — добавил Эйч. — Думаю, сочленители сдержали бы обещание, после того как Скорпион помог бы доставить вас в Гнездо.

— Но я все равно не понимаю...

— Скорпион и его напарник, сочленитель, выследили вас. Само собой, они явились к Антуанетте Бакс. Потому Ксавьер и оказался замешан в это не слишком приятное дело. В последующем конфликте «карусель» Новый Копенгаген была повреждена. Конвенция и раньше присматривалась к Антуанетте, потому полиция быстро нагнала и взяла на абордаж «Буревестник». Когда робот-полицейский проник на борт, все находившиеся там, включая Скорпиона, получили ранения.

Клавэйн нахмурился:

— Но это не объясняет, почему они оказались здесь... А, понял: вы следили за Антуанеттой.

Эйч кивнул — как показалось сочленителю, не без гордости.

— Я догадывался, что пауки вышлют за вами погоню. И потому из чистого любопытства решил доставить преследователей сюда и узнать, какую роль они играют в нашей маленькой драме. Поэтому мои корабли дежурили у «карусели» Новый Копенгаген, ожидая чего-нибудь странного — вроде того, что приключилось с Антуанеттой Бакс... Да, прошу меня простить за промедление. Если бы мы среагировали раньше, пролилось бы меньше крови.

Заслышав приближающееся мерное цоканье за спиной, Клавэйн обернулся и увидел женщину в туфлях на высоком тонком каблуке. За ее плечами развевался огромный черный плащ. Выглядело так, будто ее окутал прирученный ураган. Клавэйн узнал женщину.

— А, это ты, Зебра, — улыбнулся Эйч.

Та подошла к нему, обняла. Поцеловала — не по-дружески, как любовница.

— Уверена, что не хочешь передохнуть? — озабоченно спросил Эйч. — Два таких дела за один день...

— Я в отличной форме, и Разговорчивые Близнецы тоже.

— Ты... хм... разобралась с полицейским?

— Ну да. Хочешь посмотреть?

— Почему бы нет? Думаю, это позабавит наших гостей. — Эйч пожал плечами, словно речь шла о совершенном пустяке, вроде послеобеденного чаепития.

— Тогда я привезу его. — Зебра зацокала каблуками, удаляясь.

Послышались шаги другой пары ног. Клавэйн, прислушавшись, поправил себя: не пары, а двух пар — но звучавших почти в унисон. Два огромных безротых человека катили меж диванами инвалидное кресло. В нем сидела Антуанетта, усталая на вид, но вполне живая, со множеством повязок и пластырей на руках.

— Клавэйн? — встревоженно спросила она.

— Со мной все хорошо, — отозвался он. — Рад был узнать, что и вы спасены. Жаль, что из-за меня вам пришлось столько вытерпеть. Я надеялся, что неприятности исчезнут из вашей жизни вместе со мной.

— Жизнь намного сложней, чем мы думаем, — заметила девушка.

— Верно. Однако это не уменьшает моей вины перед вами. Если я могу сделать что-нибудь для ее искупления, охотно сделаю.

— А ты как? — спросила Антуанетта у Ксавьера. — Мне сказали, что с тобой все в порядке, но я не очень-то поверила.

— Я в порядке, — заверил парень. — На все сто.

Но, кажется, ни у него, ни у нее не было сил подняться из кресел.

— Я и не надеялась спасти тебя, — сказала Антуанетта. — Хотела твое сердце запустить, но сил не хватало. Чувствовала, вот-вот потеряю сознание, и решила давить, пока не свалюсь в обморок. Наверное, все-таки сумела дожать.

— Вообще-то, нет, — заметил Эйч. — Вы отключились. Сделали все возможное, но потеряли слишком много крови.

— Кто же тогда?

Эйч указал кивком на Скорпиона:

— Ксавьера спас наш друг свинья.

— Да мелочи, — пробурчал тот.

— Мистер Пинк, может, для вас оно и так, — сказала Антуанетта. — Но для Ксавьера этот факт чертовски важен. Похоже, мы должны сказать вам большое спасибо.

— Не заморачивайтесь. Я чудесно проживу и без вашей благодарности.

— Но я все-таки говорю: большое вам спасибо!

Скорпион глянул на нее, пробормотал что-то неразборчивое и отвернулся.

— А что с кораблем? — спросил Клавэйн, желая нарушить неловкую паузу. — Он цел?

— Да уж вряд ли, — сказала Антуанетта, посмотрев на Эйча.

— Нет, он как раз цел и в безопасности. Как только Ксавьер пришел в сознание, Зебра попросила его поставить «Буревестник» на автопилот и отправить в нужное место. Мы держим тайные доки в Ржавом Поясе, они нам нужны для разных операций. Антуанетта, поверьте: ваш корабль исправен и содержится под надежной охраной.

— А когда у меня будет возможность в этом убедиться?

— Скоро. Но как скоро, я ответить пока не могу.

— Значит, я пока пленница?

— Никоим образом. Пока вы все мои гости. Но я бы не хотел, чтобы вы покинули мой дом, не обсудив как следует наши общие дела. Мистер Клавэйн имеет свою точку зрения на происходящее, возможно справедливую, — но остальные попросту обязаны мне жизнью. — Он поднял руку, предупреждая возражения. — Но это не значит, что я потребую ответных услуг. Я всего лишь прошу уделить мне еще немного времени. — Он обвел присутствующих пытливым взглядом. — Хотим того или нет, мы все игроки в пьесе, истинного масштаба которой никто из нас не представляет. Возможно, сами мы не желали в ней участвовать, как обычно бывает в таких случаях. Дезертирство мистера Клавэйна вызвало настоящую лавину. Думаю, у нас нет выбора, кроме как следовать судьбе до конца. Надо доиграть свои роли. Это касается всех нас, даже Скорпиона.

Раздалось поскрипывание, сопровождаемое мерным цокотом каблуков. Зебра вернулась, толкая перед собой инвалидное кресло вроде того, на котором привезли Антуанетту. На подушке в кресле вертикально покоился цилиндр размером с титан-водонагреватель, блестящий, опутанный трубками и проводами.

Цилиндр слегка покачивался из стороны в сторону, словно его содержимое пыталось выбраться наружу.

— Подкати сюда, — попросил Эйч.

Она приблизилась вместе с креслом. Цилиндр продолжал покачиваться. Эйч наклонился над ним, постучал костяшками пальцев.

— Приве-ет! — громко проговорил он. — Как чудесно, что мы смогли встретиться! Интересно, вы понимаете, где оказались и что с вами случилось?

Цилиндр закачался сильнее.

— Позвольте мне объяснить, — обратился Эйч к гостям. — Перед вами система жизнеобеспечения полицейского катера конвенции. Пилот никогда не покидает катера на протяжении службы, а она может длиться многие годы. Ради экономии веса, бóльшая часть тела хирургически отделена и хранится в условиях анабиоза в штаб-квартире конвенции. Пилоту не нужны конечности, он управляет катером посредством соединения корабельных систем напрямую с мозгом. В сущности, ему не нужны и прочие части тела. Они отделены, промаркированы и заморожены.

Цилиндр отчаянно раскачивался.

— Эй, там! — предупредила Зебра, придерживая его.

— Внутри этого контейнера, — продолжал Эйч, — находится пилот, ответственный за недавние нехорошие события, случившиеся на борту «Буревестника». Довольно неприятный субъект, надо сказать. Могу представить, какое удовольствие он получал, когда терроризировал экипажи, всего лишь нарушившие пару устаревших и не слишком умных законов. Ай-яй-яй!

— Он не впервые явился нас донимать, — сообщила Антуанетта.

— Но на этот раз, полагаю, наш друг зашел слишком далеко. Эй, старина, я правду говорю? Отсоединить вашу систему от бортовой сети катера было проще простого. Надеюсь, при этом я не доставил вам излишнего дискомфорта. Хотя, кажется мне, при отрыве вашей нервной системы от корабельной сети боль вы испытали немалую. За это прошу меня простить. Я не сторонник пыток.

Цилиндр вдруг замер, будто существо внутри прислушивалось.

— Но ведь я не могу оставить зло безнаказанным. Видите ли, я человек высоконравственный. Собственные злодеяния исключительно обострили мое чувство этики.

Эйч склонился над цилиндром так, что губы почти коснулись металла:

— Слушайте внимательно, чтобы не осталось никаких сомнений в ожидающей вас судьбе.

Цилиндр слегка качнулся.

— Поддерживать вашу жизнь не так уж сложно: немного электричества, питательных веществ. Это не квантовая физика, разобраться нетрудно. Думаю, если вас правильно кормить и поить, вы можете просуществовать в этой банке еще несколько десятилетий. Я и собираюсь держать вас в ней до самой вашей смерти. — Он посмотрел на Зебру. — Ну что, с ним мы разобрались?

— Эйч, мне отвезти его к остальным?

— Пожалуй, это самое подходящее в данной ситуации, — согласился он и окинул гостей удовлетворенным взглядом.

Затем с нескрываемым удовольствием проводил взглядом Зебру, катящую кресло прочь.

Когда она удалилась достаточно, чтобы не слышать Клавэйна, тот произнес:

— Эйч, а вы жестоки.

— Я не жесток — по крайней мере, в смысле, подразумеваемом вами. Но жестокость — полезный инструмент, если пользоваться им в нужное время и в подходящем месте.

— Этот мерзавец сам напросился! — буркнула Антуанетта. — Вы уж простите, Клавэйн, но по нему слез я точно лить не стану. Если бы не Эйч, он бы всех нас прикончил.

Клавэйн вздрогнул — все еще не мог согреться, словно сквозь него прошел призрак, о котором рассказывал хозяин замка.

— А что с другим сочленителем? — встревожился он вдруг. — Это Скади?

— Нет, это мужчина. Его ранило, но неопасно. Вскоре он полностью поправится.

— Можно его повидать?

— Не сейчас. Я хочу быть абсолютно уверенным, что он не причинит мне вреда, придя в сознание.

— Так он соврал! — воскликнула Антуанетта. — А ведь уверял нас, что в его голове не осталось имплантатов!

— Он бы держал имплантаты в голове, пока считал их необходимыми, а избавился бы лишь ввиду серьезной проверки. Для разложения имплантатов нужно несколько минут. Потом остаются лишь незначительные следы их присутствия в моче и крови.

— Будьте осторожны! — рыкнул Скорпион. — Чертовски осторожны!

— И почему же я должен остерегаться? — осведомился Эйч.

— А потому! — Свинья подался вперед, свирепо глядя. — Пауки засунули какую-то дрянь и в мою голову, что-то вроде клапана на артерии, и настроили на имплантаты этого гада. Если он умрет, умру и я. Все просто.

— Хм... — Эйч приложил палец к губам. — Вы полностью в этом уверены?

— Я пытался его задушить. И отключился.

— У вас, похоже, очень теплые отношения.

— Как у смертника с палачом. Он-то знает, что у меня в голове.

— Может, раньше этот клапан и стоял, — возразил Эйч, — но мы тщательно обследовали вас и не нашли имплантатов. Скорпион, вам ничто не угрожает. Должно быть, сочленитель приказал клапану рассосаться, прежде чем вы попали сюда.

Скорпион аж рот открыл — чисто человеческий жест изумления и негодования из-за собственной глупости.

— Да нет же!.. Как эта скотина меня...

— Вы могли бы покинуть его в любую минуту, спокойно уйти — и он ничем не смог бы помешать.

— Говорил же мне папа: никогда не верь паукам, — поделилася Антуанетта.

— Уж кому-кому, а мне это объяснять не надо! — огрызнулся свинья.

— Скорпион, это вас обманули, не меня.

Тот презрительно глянул на нее, но промолчал. Должно быть, понимал, что любые слова лишь выставят его в еще менее выгодном свете.

— Скорпион, я говорил правду: вы здесь не в плену, — сказал Эйч уже серьезным тоном. — Я вовсе не восхищаюсь вашими делами. Но мне случалось совершать ужасные поступки, и я знаю: бывают причины, которые для посторонних невидны и непонятны. Вы спасли Антуанетту, и за это я признателен вам — как, полагаю, признательны и все присутствующие.

— Ближе к делу, — проворчал Скорпион.

— Я не сорву ваш договор с сочленителями. Позволю уйти и присоединиться к вашим соратникам в городе. Даю слово.

Скорпион с усилием поднялся с кресла:

— Тогда я пошел.

— Подождите, — произнес Эйч негромко и вежливо, но его голос заставил свинью оцепенеть.

Показалось, будто все сказанное хозяином Замка раньше было просто данью вежливости и лишь сейчас открылось истинное лицо человека, которому лучше не перечить, если речь зашла о делах по-настоящему серьезных.

Скорпион сел.

— В чем дело? — спросил он тихо.

— Слушайте меня хорошенько! — приказал Эйч, сурово глянув на гостей. — Потому что повторять я не стану.

Воцарилась тишина. Кажется, даже молчание Разговорчивых Близнецов стало глубже и напряженней.

Эйч подошел к роялю, сыграл шесть невыразительных аккордов, потом захлопнул крышку.

— Мы живем в примечательные времена. Несомненно, переворачивается страница человеческой истории. Может быть, даже последняя. Наши глупые детские раздоры, бесконечная грызня фракций, смешные маленькие войны скоро утратят всякое значение. Мы дети, забредшие в Галактику, которая принадлежит существам древним и обладающим огромной мощью. Думаю, женщина, жившая в этом доме, была представительницей чуждой нам и очень немолодой расы. Не знаю, что это за раса и какие цели она преследовала. Но посредством этой женщины чужеродное влияние распространилось на сочленителей. И произошло это наверняка потому, что конец истории в самом деле близок.

Клавэйну хотелось возражать, спорить — но все узнанное и понятое им ранее, вкупе с рассказанным и показанным хозяином Замка, делало спор трудным. Увы, Эйч был прав, и оставалось лишь кивать, соглашаясь, и беспомощно мечтать, чтобы судьба человечества сложилась иначе.

— Теперь даже сочленители, похоже, опасаются внешней угрозы, и это тревожит меня, — продолжал Эйч. — Среди нас их представитель, мистер Клавэйн, человек исключительной отваги и чести... — Он помолчал немного, будто ожидал подтверждения своим словам. — Да, мистер Клавэйн, я немало знаю о вас. Изучая вашу биографию, я иногда жалел, что сам не пошел таким же путем. А ваш путь был воистину трудным. Он вел вас между убеждениями и верами, между мирами, между разными расами. И никогда вы не совершали поступки, повинуясь прихоти или эмоциям. Всегда трезво

оценивали ситуацию и делали то, что было необходимо в данный момент.

— Я предатель и шпион, — сказал Клавэйн. — Ради достижения победы убивал невинных, оставлял детей сиротами. Это, по-вашему, свидетельство чести и отваги?

— Мистер Клавэйн, бывают злодеи и куда хуже вас, уж поверьте. Но я не хочу делать далеко идущие выводы. Всего лишь указываю: нынешние времена заставили вас совершить немыслимое. Вы изменили сочленителям, проведя четыре века в их рядах. И не потому изменили, что осознали правоту своих врагов, а потому, что осознали собственную неправоту. Вы поняли, хотя и смутно, не различая деталей, что подступило нечто гораздо более важное, чем интересы отдельных фракций, политика и идеология. Сейчас под вопросом существование человечества.

— Откуда вы можете это знать? — спросил Клавэйн.

— Мистер Клавэйн, на «карусели» Новый Копенгаген, в общении с друзьями, вы позволили себе немного красноречия, не думая, что могут услышать посторонние. Но у меня повсюду уши. К тому же я умею сканировать память, как и ваши бывшие соратники. Вы все прошли через мою больницу. Полагаете, я удержался от соблазна немного полюбопытствовать, когда дело касается столь серьезных проблем?

Эйч повернулся к Скорпиону, и свинья невольно вжался в спинку кресла.

— Я принял решение помочь всем, что в моих силах, мистеру Клавэйну.

— Поможете дезертировать? — хмыкнул Скорпион.

— Нет. Какой с того прок? В этой системе у демархистов нет ни единого субсветовика. Уход к ним мистера Клавэйна стал бы напрасной жертвой. Хуже того: если он снова попадет к демархистам, даже моего влияния не хватит, чтобы его освободить. Следует думать о причинах, побудивших дезертировать... Мистер Клавэйн, не могли бы вы рассказать о них сами?

— Вам ведь уже известно главное?

— О чудо-оружии? Да.

Клавэйн кивнул, не зная, победил он или разбит наголову. Теперь осталось лишь рассказать.

— Я хотел убедить демархистов, чтобы отправили экспедицию за «адским» оружием и завладели им до того, как оно попадет в руки

Скади. Эйч прав: у демархистов даже нет субсветовика. Мой поступок был глупостью, попыткой убедить себя, что я делаю все возможное.

Застарелая усталость наконец одолела, заполнила душу холодным отчаянием. Он посмотрел на гостей так, словно хотел извиниться.

— Увы, вас привело сюда скудоумие отжившего свое старика. И его напрасные усилия.

Эйч подошел сзади к креслу, положил руки на плечи сочленителя:

— Мистер Клавэйн, не сожалейте о своем поступке.

— Но ведь нельзя ничего поделать. Все напрасно.

— Вы же говорили с демархистами. Что они сказали насчет корабля? — спросил Эйч.

Клавэйн вспомнил разговор с Перо и Сандрой Вой.

— Сказали, что кораблей нет.

— И?

Клавэйн рассмеялся — невесело, над самим собой.

— Заверили: если очень понадобится корабль, его раздобудут.

— Вполне возможно, они бы и раздобыли со временем, — заметил Эйч. — Но какой вам с того толк? Демархисты слабы, истощены, продажны. Они устали от войны. Если захотят обзавестись субсветовиком, я препятствовать не стану. В конце концов, не важно, кто именно завладеет оружием — лишь бы не сочленители. Но смею полагать, кое-кто другой справился бы лучше демархистов. В особенности если этот другой владеет технологией, какой уже располагают и сочленители.

— И кто же этот другой? — спросила, улыбаясь, Антуанетта.

— Но у вас тоже нет субсветовика, — возразил Клавэйн, глядя на хозяина Замка.

— Нет. Но, в отличие от демархистов, я знаю, где его взять. В нашей системе находится немало кораблей ультра. Если постараться, можно завладеть одним из них. К слову, я уже разработал план захвата — на случай, если в этом возникнет необходимость.

— Чтобы отбить корабль у ультранавтов, нужна армия, — сказал Клавэйн.

— Да, — проговорил Эйч с некоторым удивлением, будто ему самому такая мысль не приходила в голову. — Именно армия. — Он посмотрел на свинью. — Скорпион, ведь правда, нам нужна армия?

Скорпион внимательно выслушал план Эйча. Угнать звездолет — неслыханная дерзость. Но, как справедливо заметил Эйч, банды свиней, объединившись, уже творили дерзейшие преступления, пусть и меньше масштабом. Свиньи отнимали у правительства целые районы Мульчи, хотя «правительством» эту горстку бессильных людей называли лишь в насмешку. Свиньи сорвали все попытки Феррисвильской конвенции залезть в городское чрево, в трущобы, и ударили в ответ: вместе с союзниками оборудовали базы в Ржавом Поясе. Эти сообщества, плюющие на конвенцию, «правительство» решило попросту не показывать на карте, делая вид, что занятые гангстерами спутники остались заброшенными после эпидемии. Но оттого гангстерские анклавы не сделались менее реальными, да и жилось на них, в общем-то, лучше, чем на спутниках под властью конвенции.

Эйч указал и на то, что активность баньши и свиней распространилась на всю систему — то есть условия для угона субсветовика имеются. Есть и средства, и необходимый опыт. Осталось лишь организовать дело и выбрать правильный момент. Нужно заблаговременно найти подходящий корабль. Неудача с захватом поставит крест на всем начинании, даже если потери окажутся минимальными. Как только ультра заподозрят, что кто-то покушается на их бесценные корабли, они на порядок усилят охрану или всем скопом покинут систему. Нападение должно быть неожиданным, стремительным и успешным. Второй попытки не представится.

Эйч рассказал, что промоделировал возможные сценарии и пришел к выводу: нападать следует сразу после старта субсветовика, готовящегося уходить из системы. Как показывают результаты исследования, именно в этой фазе корабли ультра уязвимее, поскольку экипаж считает уже ненужными меры безопасности, применяемые на стоянке внутри системы, и зачастую ими пренебрегает. Для захвата надо выбрать звездолет, чья команда потерпела фиаско в торговле — тогда ультра продают часть оружия и брони, чтобы покрыть убытки. Такие сделки ультра держали в секрете, но Эйч тайно разместил вблизи района, где дрейфовали остановившиеся в системе субсветовики, сетевые роутеры, которые перехватывали сообщения торговцев. Поэтому он смог обнаружить корабль, чья команда потерпела большой убыток. Эйч показал свинье позднейшие записи, пояснял, переходя на профессиональный жаргон торговцев, указывал на существенные детали.

— С их кораблем все в порядке, — рассказывал Эйч тихо. — Он вполне исправен. Мелкие неполадки можно устранить по пути к Дельте Павлина. Думаю, это наш шанс.

Эйч помолчал немного и добавил:

— Знаете, Скорпион, я переговорил с Хлестуном — он же ваш заместитель, верно? Теперь он знает о моих планах. Я попросил его собрать отряд для нападения — несколько сотен лучших из лучших. Не обязательно свиней, хотя, полагаю, большинство окажется ими.

— Подождите-ка! — Скорпион поднял неуклюжую короткопалую руку. — Вы сказали — Хлестун. Черт возьми, откуда вы его знаете?

Эйча его недоумение, кажется, искренне позабавило.

— Скорпион, это мой город. Я знаю здесь всех и вся.

— Но Хлестун...

— Верен вам. Причем непоколебимо. Я об этом знаю, поэтому даже не пытался переманить его. Кстати, перед тем как стать заместителем, он был вашим восторженным поклонником.

— Вы ни хрена про Хлестуна не знаете!

— Я знаю достаточно. Например, он способен покончить с собой по вашему приказу. Как уже сказал, переманить его я и не пытался. Я, скажем так, предвидел, что вы согласитесь выполнить мою просьбу. Поэтому сообщил Хлестуну: дескать, всего лишь передаю ваш приказ собрать группу захвата. Конечно, я позволил себе некоторую вольность. Но, как я уже сказал, сейчас отчаянные времена, промедление и нерешительность означают гибель. Мы же с вами решительны и медлить не станем?

— Так-то оно так...

— Вот это настоящий боевой дух! — Эйч хлопнул свинью по плечу, будто закадычного приятеля. — Субсветовик — «Таинственное дитя», из торгово-промышленного кольца Макро-Гектор. Скорпион, вы с Хлестуном сможете его взять? Или я обращаюсь не к тем свиньям?

— Эйч, идите к черту!

— Как я понимаю, это «да»?

— Но это не все! — рыкнул Скорпион. — Я сам подберу народ. И не только Хлестуна с его командой — вообще всех, кого захочу. И где бы они ни торчали, в какое бы дерьмо ни влипли, вы мне их доставите. Понятно?

— Сделаю, что смогу. Но я не всемогущ.

— Отлично! А когда я справлюсь и дам Клавэйну корабль, то...

— Полетите вместе с ним, — закончил за него Эйч. — Видите ли, другого пути нет. Думаете, вы смогли бы затеряться снова в трущобах Мульчи? Отсюда-то вы можете уйти спокойно, но обеспечить вам защиту я не в силах. И пусть Хлестун верен до смерти, власти взбешены и не остановятся ни перед чем. У вас нет причин оставаться здесь, как и у Ксавьера с Антуанеттой. Коли есть у вас голова на плечах, полетите с Клавэйном, как и они.

— Предлагаете оставить Город Бездны?

— Скорпион, всем нам рано или поздно приходится выбирать. И не всегда выбор бывает легким. А по-настоящему важный выбор легким не бывает никогда. — Эйч помахал рукой. — Это же не навечно! Вы не здесь родились, как и я. Город никуда не денется и через сотню лет, и через две. Конечно, на вид он изменится, но разве это важно? Может, станет лучше или хуже. Но вы найдете в нем свое место, если захотите. И если не передумаете возвращаться.

Вспомнив перехваченные переговоры ультра, Скорпион спросил:

— Насчет корабля... ну, который вы нашли и сочли годным...

— Да?

— Я хочу кое-что еще...

Эйч пожал плечами:

— Думаю, вы можете себе позволить просьбу-другую.

— Захваченный корабль будет называться «Свет Зодиака». И это обсуждению не подлежит.

Эйч с холодным любопытством глянул на свинью:

— Уверен, Клавэйн возражать не станет. Это название многое значит для вас?

Скорпион не ответил.

Много позже, когда стало известно, что корабль захвачен и покидает систему, направляясь к далекой системе Дельты Павлина, вокруг которой обращается захолустная планета под названием Ресургем, Эйч вышел на балкон одного из средних этажей башни Замка Воронов. Теплый ветер трепал полы халата. Эйч вдохнул этот ветер полной грудью, ощущая запахи пряностей, масел, дыма — запахи живого города. На такой высоте вокруг еще был пригодный для дыхания теплый воздух, производимый медленно гибнущей в Бездне машиной «Лилли», огромным шедевром биоинженерии, установлен-

ным сочленителями в период их краткого владычества над Городом. Время было ночное, и благодаря редкому настроению Эйча Город Бездны показался ему необыкновенно прекрасным — как любой город кажется любому человеку в какой-то момент его жизни. Эйч видел, как сильно и неожиданно менялся мегаполис. Однако его перемены были совершенно незначительными по сравнению с теми, которыми изобиловала жизнь Эйча.

«Все сделано», — подумал он.

Теперь, найдя для Клавэйна звездолет, отправив старого сочленителя к далекой звезде, он чувствовал, что совершил самый хороший поступок на своем долгом-предолгом веку. Конечно, этим не покрыть всех совершенных им злодеяний. Не оправдать бездействия в тех многих случаях, когда он мог делать добро. Не искупить вину перед несчастным истерзанным слизнем за промедление, когда Мадемуазель успела первой и увезла пришельца к себе. Но все же и один хороший поступок — лучше, чем ничего.

Балкон шел вдоль черного бока здания, огражденный лишь невысоким парапетом. Эйч подступил к самому краю. Теплый ветерок, возле стены и в самом деле похожий на дыхание огромного зверя, у края стал почти ураганом. Далеко внизу, в головокружительных километрах, город разбросал в стороны огненные щупальца — как похоже на фейерверки после собачьих боев в родном поселении Эйча.

Он поклялся: когда сумеет загладить свою вину, когда сделает доброе дело, перевешивающее все злодейства, он покончит с собой. Лучше пойти на это после хорошего поступка, не дожидаясь, когда придется совершить очередное преступление. Которое может оказаться даже хуже, чем все предыдущие. Властность и тяга ко злу никуда не ушли, затаились внутри. Пусть и не проявлялись много лет, но они лежат, выжидая, скрученные подобно пружине, затаившиеся, будто гамадриада. Риск слишком велик.

Он глянул вниз, представляя, каково это — шагнуть в пустоту. Одно мгновение, и в мире останутся лишь увлекающая вниз тяжесть и свист ветра. Простая задачка из учебника баллистики. А потом ни боли, ни отчаянного желания искупить вину.

Ночную тишь разорвал женский голос:

— Эйч! Нет!

Он не оглянулся, остался на краю. Ночной город притягивал с магнетической силой.

Каблуки защелкали за спиной. Женская рука скользнула, обвилась вокруг пояса. Осторожно, мягко Зебра оттащила Эйча от края.

— Нет, — прошептала она. — Это не должно окончиться так. Для финала еще не время. И не место.

ГЛАВА 24

— Вон тачка, чтоб ноги сделать, — сообщил низкорослый смуглый спутник, кивая в сторону одиноко стоящей у тротуара машины.

Торн рассмотрел за стеклом водителя, навалившегося на руль.

— Он же спит!

— Нет, — возразил коротышка.

Но на всякий случай подъехал к стоящей машине вплотную. Оба автомобиля не отличались размерами и формой — та же самая одобренная правительством модель. Но стоящая машина на вид была намного старше и потрепаннее, корпус будто в заплатках от частых ремонтов.

Дождь стучал по крыше. Спутник Торна выбрался наружу, зашлепал по лужам, постучал размеренно по стеклу. Оно опустилось, и мужчины поговорили пару минут. Водитель Торна размахивал руками и гримасничал. Когда вернулся и уселся на место, он чертыхался сквозь зубы. Снял авто с ручного тормоза и, скрежетнув шинами, покатил прочь.

— На улице больше нет припаркованных машин, — заметил Торн. — Это подозрительно.

— А вы бы предпочли остаться без колес в такую-то собачью ночку?

— Нет, конечно. Но удостоверьтесь, чтобы поджидающий меня бедолага приготовил хорошую легенду на случай, если ребята Виллемье захотят с ним переговорить.

— Легенда у него отличная, уж не беспокойтесь. Якобы возомнил, будто ему супружница наставляет рога. Видите жилую многоэтажку? Он ждет, что женушка вдруг объявится, — а ведь по идее работает в ночную смену.

— Если наблюдает, так пусть хоть не выглядит таким сонным.

— Да я сказал ему не дрыхнуть так уж внаглую.

Машина свернула за угол.

— Торн, расслабьтесь! Вы уже сотню раз здесь побывали на встречах, у нас дюжина надежных мест в этой части Кювье. Вы и наняли меня ради того, чтоб на всякие мелочи время не терять.

— Вы правы. Наверное, это просто нервы.

— Нервы? У вас?

— Очень многое поставлено на карту. Не хочу подвести людей. Особенно сейчас.

— Торн, вам их подвести не удастся. Они не позволят. Вы еще не поняли? Они же вас обожают!

Водитель щелкнул переключателем на приборной панели. Щетки на ветровом стекле задвигались интенсивнее.

— Чертовы терраформировщики! Как будто дождя нам мало в последнее время! Хотя, говорят, для планеты это хорошо. Кстати, как думаете, правительство не врет?

— Это вы о чем?

— О той непонятной штуковине в небе.

Торн прошел за организатором встречи в здание. За несколькими короткими темными коридорами оказалась большая комната без окон, полная людей, сидящих лицом к импровизированной сцене с кафедрой. Торн миновал их, ступил на сцену. Люди зааплодировали — сдержанно, с уважением. Он осмотрел публику: человек сорок, как и было обещано.

— Добрый вечер! — объявил Торн, упершись ладонями в кафедру и подавшись вперед. — Спасибо огромное, что пришли! Я понимаю, насколько это опасно, и уверяю: то, что вы сейчас услышите, стоит такого риска.

Сторонники Торна принадлежали к самым разным слоям ресургемского общества, не было среди них разве что чиновников из правительства. Не то чтобы чиновники не пытались присоединиться. Они временами бывали совершенно искренними в этом желании. Но принять их было бы чересчур опасно. Таких людей отсеивали, не допуская, чтобы они увидели Торна. На конспиративных квартирах собирались техники, повара, водители грузовиков, фермеры, водопроводчики и учителя. Некоторые уже в зрелом возрасте отправились из Города Бездны на субсветовике «Лореан» к Ресургему, они хорошо помнили прошлую жизнь. Другие родились при режиме Жирардо, и для них то время — лишь чуть менее убогое и жестокое, чем

нынешнее, — было золотым веком, как ни тяжело в это поверить. А кое-кто, вроде Торна, сохранил лишь детские воспоминания о старом мире.

— Так это правда? — спросила женщина из переднего ряда. — То, что мы слышали? Торн, скажите сейчас же, не томите!

Он улыбнулся терпеливо и сочувственно, несмотря на очевидное нарушение регламента:

— И что же вы слышали?

Она встала, окинула взглядом собравшихся:

— Говорят, вы нашли корабли, способные увезти нас с этой планеты.

Торн ответил не сразу. Глянул поверх аудитории, обратился к человеку, стоявшему позади.

— Дайте первое фото, пожалуйста! — попросил он и отошел вбок, чтобы не заслонять заднюю стену, испятнанную и выщербленную, на которую спроецировали снимок.

— Это было снято ровно двадцать дней назад, — пояснил он. — Я пока не скажу, кто, где и когда фотографировал. Но вы сами можете видеть: это вид из космоса на Ресургем, картинка недавняя. Обратите внимание, какое голубое небо, сколько зелени на переднем плане. Это низины, где терраформирование идет наиболее успешно.

Затем на стене возник узкий вход в каньон. Там, в тени между скальными стенами, стояли нос к носу два тонких металлических объекта.

— Это шаттлы, — сказал Торн. — Большие, класса «земля-орбита». Каждый способен увезти зараз пятьсот человек. Картинка не дает адекватного представления о размерах, но вон то темное пятнышко — дверь в человеческий рост. Следующее фото, пожалуйста.

На нем Торн стоял под шаттлом и смотрел на дверь.

— Я поднялся к ним, вскарабкался по склону. Я не верил в их реальность, пока не подошел вплотную. Так вот: они существуют. И пребывают в идеальном состоянии — как в тот день, когда спустились на планету.

— Откуда они? — спросил один из слушателей.

— С «Лореана».

— И простояли там все время? Я не верю.

Торн *пожал плечами*:

— Они построены так, чтобы поддерживать себя в порядке. Старая техника, регенерирующая, самочинящаяся. Эти шаттлы — из той

эпохи, когда машины не ломались, не изнашивались и не устаревали. Не забывайте об этом.

— Вы побывали внутри? По слухам, вы их даже запустили!

— Следующий кадр, пожалуйста!

Проектор показал Торна и пару его спутников, мужчину и женщину, в рубке шаттла. За их спинами светилась приборная панель.

— Мы провозились долго, но в конце концов заставили системы шаттла реагировать на наши команды. Не то чтобы он не хотел подчиняться нам, просто мы забыли основы, которые, по мысли создателей, должен был знать всякий, взявшийся пилотировать корабль. Но, как вы видите на снимке, техника заработала — по крайней мере, показала признаки жизни.

— Он может летать?

— В точности мы пока не знаем, — серьезно ответил Торн. — Нет причин считать шаттлы неисправными, но мы пока разобрались лишь в самом простом. Над техникой сейчас работают наши люди, каждый день узнают много нового. Но пока мы можем лишь полагать, учитывая все известное нам о технике времен расцвета человечества, что корабли должны полететь.

— Как же вы нашли их? — спросила другая женщина.

Торн проговорил, не глядя на нее, тихо и сосредоточенно:

— Всю жизнь я искал способ покинуть эту планету.

— Я не об этом спрашивала. Что, если шаттлы — ловушка? Что, если агенты властей расставили приманки, которые привели вас к кораблям? Может, это лишь средство избавиться от вас и ваших сторонников раз и навсегда?

— Правительство не знает ни единого способа покинуть планету, — твердо ответил Торн.

— Почему вы так уверены?

— Следующее фото, пожалуйста.

Торн продемонстрировал, что стало с газовым гигантом, и, пока проектор фокусировался, внимательно рассматривал лица собравшихся, изучал реакцию. Некоторые уже видели этот снимок почти в таком же качестве, другие — с меньшим разрешением, иные посмотрели и своими глазами на тусклое охряное пятнышко в небе, ползущее за солнцем, будто уродливая комета. Торн сказал, что его фото — последнее и наилучшее из доступных правительству.

— Это не комета, — сказал он. — Правительство снова лжет вам. Это не сверхновая и даже вовсе не естественный объект. Властям

сходит с рук вранье, потому что лишь немногие люди обладают достаточными познаниями в астрономии, немногие могут по-настоящему понять природу этого явления. И те слишком боятся рассказать правду, потому что знают: власти лгут не без причины.

— Так что же это?

— Хотя по морфологии объект даже отдаленно не напоминает комету, он все же из нашей системы. Каждую ночь слегка перемещается относительно звезд и, как все планеты, лежит в плоскости эклиптики. Есть простое объяснение, причем очевидное.

Торн внимательно осмотрел аудиторию и понял, что заинтриговал ее.

— Это и есть планета, вернее, ее остатки. На месте коричневого пятна когда-то был газовый гигант, который мы называли Рух. Теперь мы видим его выпотрошенный труп. Планету разорвали на куски, в буквальном смысле размонтировали. — Торн улыбнулся. — Правительство не хочет, чтобы вы об этом знали, потому что ничего не может предпринять.

Он кивнул оператору проектора:

— Следующее!

Люди должны увидеть, как все начиналось больше года назад.

— Смотрите: три планеты поменьше были разобраны, разъяты на части размножающимися машинами. Этот материал прошел обработку и направился через всю систему к газовому гиганту. Там поджидали другие машины, превратившие три луны Рух в колоссальные фабрики. Устройства эти пожирали мегатонны щебня в секунду и выплевывали высокоорганизованные устройства. Они создали колоссальное металлическое кольцо вокруг гиганта, невероятно плотное и прочное. Оно заметно и на снимках, вот тончайшая линия — но поверьте на слово, оно в дюжину километров толщиной. В то же самое время машины опустили трубы из подобного материала в атмосферу Рух.

— И кто же всем этим занимается? — спросили из зала.

— Не кто, а что. Машины созданы не людьми, — в этом правительство уверено. У него есть и версия насчет происходящего. Дело в Силвесте. Это в результате его действий сюда прилетели машины.

— Как в свое время их привлекли амарантийцы?

— Возможно. Судьба амарантийцев сразу приходит на ум. Но в нашей звездной системе нет никаких признаков случившегося ранее демонтажа планет, и нет очевидных дыр в плоскости эклиптики,

где когда-то могли находиться газовые гиганты. С другой стороны, это могло случиться миллионы лет назад, и ингибиторы уже подчистили за собой, убрали следы.

— Ингибиторы? — спросил бородач, в котором Торн узнал безработного палеоботаника.

— Так правительство называет чужие машины. Не знаю, откуда взялся термин, но он вполне отражает суть.

— А что эти машины с нами сделают? — спросила женщина с жутко испорченными зубами.

— Не знаю. — Торн стиснул края кафедры.

Он чувствовал, что настроение собравшихся за последнюю минуту сильно изменилось. Так бывало всякий раз, когда люди осознавали происходящее. Узнавшие о странном объекте в небе неизменно бывали напуганы. Никто не счел его предвестием чего-то доброго. Правда, бóльшую часть года с широты Кювье, где все еще жила львиная доля населения, рассмотреть объект было невозможно. Но теперь он ясно различался в вечернем небе.

Правительственные эксперты предлагали свои мнения по поводу его природы. Во-первых, теперь никто не спорил с его искусственным происхождением, хотя поначалу его считали странным, но естественным катаклизмом. Кое-кто утверждал, что его сотворили люди — сочленители или какая-нибудь новая, особо агрессивная группа ультра. Самые мнительные — правда, таких нашлось не много — подозревали участие триумвира Илиа Вольевы. Но большинство пришло к правильному выводу: это пришельцы и виновен в их появлении Силвест.

Но правительственные эксперты имели доступ лишь к скудным данным. Они не могли взглянуть, как Торн, на чуждую машинерию вблизи.

А у Илиа Вольевой и Аны Хоури появились свои теории насчет цели ингибиторов.

Когда кольцо вокруг газового гиганта сомкнулось, его магнитосфера претерпела разительные перемены. Возникло интенсивное квадрупольное поле, на порядки сильнее естественного поля планеты — и распространяющееся намного дальше в пространстве. Причем распределение поля ясно указывало на его искусственность: оно генерировалось токами, которые шли по проводникам — огромным металлическим кольцам, уложенным вдоль параллелей гиганта, словно обмотка ротора.

Процесс укладки Илиа и Ана наблюдали собственными глазами. Видели, как уходят в атмосферу тысячекилометровые витки. Но как далеко те погрузились, осталось неясным. Наверное, прошли сквозь океан жидкого металлического водорода и соприкоснулись с ядром — небольшим, но чрезвычайно богатым металлами. Если так, то, управляя током в витках, можно изменять вращение ядра планеты.

Кольцо вокруг планеты вызвало мощный электрический ток между полюсами; он проходил через тело планеты и достигал кольца через облака магнитосферной плазмы. Взаимодействие между токами, идущими по кольцу и через планету, заставляло меняться угловой момент колоссальной обмотки.

В результате газовый гигант стал раскручиваться.

Процесс разгона продолжался бóльшую часть года и привел к катастрофическим последствиям. По мере ускорения центробежные силы увеличивались, и гигант все ближе подходил к порогу, когда гравитация уже не могла поддерживать его целостность. За шесть месяцев половина атмосферной массы улетела в космос, образовав уродливую околопланетную туманность. С Ресургема она казалась расплывчатым пятнышком в небе. Лишенный давления тяжелых слоев атмосферы, океан жидкого водорода вскипел — а высвобождающуюся энергию ингибиторская техника аккумулировала и расходовала на дальнейшее ускорение планеты. Оболочка металлического водорода тоже претерпела изменения, причем еще более радикальные. Процесс разборки гиганта продолжался безукоризненно.

В конце концов осталось лишь тектонически нестабильное ядро, вращающееся со скоростью, близкой к порогу саморазрушения. Машины окружили его, спешно обрабатывая. В туманности обнаружились регулярно расположенные сгущения, намечались некие структуры, размерами превышающие планеты.

— Я не знаю, что происходит, — повторил Торн. — И вряд ли кто-нибудь знает. Но версия у меня есть. До сих пор происходящее было строго иерархичным. Машины могущественны, но не всесильны. Они не смогли начать непосредственно с газового гиганта, им потребовались инструменты — и для того они разнесли на кусочки три планеты. Ингибиторам нужно сырье. Похоже, с энергией у них нет проблем. Может, ее качают прямо из вакуума. Но создавать энергию, очевидно, не могут — по крайней мере, в необходимом для них количестве и качестве. Потому они вынуждены действовать постепенно, этап за этапом. Теперь они разработали и газовый гигант,

высвободив процентов десять общей массы системы. Судя по уже виденному нами, эту массу ингибиторы используют для постройки. Что именно они сооружают, я не знаю, но могу предположить. Осталось лишь одно космическое тело, превышающее газовый гигант, стоящее на более высокой ступеньке иерархии, — наше Солнце. Думаю, его хотят разобрать.

— Да вы шутите! — крикнул кто-то.

— Если бы. Думаю, должна быть причина, по которой машины не разломали Ресургем. И она, мне кажется, очевидна: машинам это и не нужно. Вскоре — и, возможно, гораздо скорее, чем мы полагаем, — у них не будет повода беспокоиться. Мы исчезнем. Они разберут звездную систему на части.

— Нет! — раздался испуганный возглас.

Торн принялся объяснять, готовый рассеять вполне понятные сомнения. Делать это приходилось далеко не в первый раз. Торн знал: масштабы бедствия будут осознаны далеко не сразу. Поэтому он сначала рассказал про шаттлы, чтобы у людей осталась надежда. В близость мировой катастрофы легче поверить, если существует способ от нее спастись. А он существует! Нужно лишь поверить, набраться мужества и поддержать Торна.

Но затем Торн понял: выкрик «Нет!» не имел отношения к ингибиторам и будущей гибели Ресургема.

Человек закричал, потому что в двери ворвалась милиция.

Хоури велела Торну вести себя так, словно его жизнь подвергается реальной опасности. Его задержание должно выглядеть настоящим на все сто процентов. Чтобы план заработал — а он должен заработать, другого пути нет, — люди должны поверить. Поэтому нужно драться — и быть готовым к побоям.

Торн прыгнул со сцены. Милиция явилась в масках, скрывающих лица. В руках баллончики с газом, шокеры. Милиционеры двигались тихо и быстро среди ошеломленной, напуганной публики. Торн бросился к аварийному выходу. В двух кварталах отсюда его ждет машина, и кое-кто из собравшихся знает об этом.

Черт, все должно выглядеть реально. По-настоящему.

Заскрипели по полу ножки стульев — люди спешили встать. Затрещали газовые гранаты, зажужжали, защелкали шокеры. Кто-то кричал, металл врубался в кость. Мгновение оцепенелой тишины сменилось какофонией. Людей мгновенно обуяла дикая паника, всякий старался вырваться наружу.

Но аварийный выход тоже заблокировали — оттуда лезла милиция.

Торн закашлялся, рассудок неожиданно захлестнуло страхом, мощным и неодолимым, как желание чихнуть. Таково воздействие пугающего газа: хочется забиться в угол, скорчиться и сидеть очень тихо. Но Торн пересилил себя. Схватил стул, поднял над головой, готовый встретить набегающих милиционеров.

Но в мгновение ока, не успев понять как, очутился на коленях, а потом и на четвереньках, а милиция колотила дубинками — умело, аккуратно, чтобы наставить синяков, но не сломать ни единой важной кости и внутренние органы не отбить.

Краем глаза он заметил, как группа милиционеров набросилась на гнилозубую женщину, лупя во всю мочь, будто стая разъяренных ворон.

Дожидаясь, когда «певец» закончит строить себя, управляющий разум игриво копался в многослойной памяти своих предыдущих перерождений.

Управляющий разум не был локализован в одной черной машине — тогда орган, концентрировавший опыт и знания ингибиторов, был бы слишком уязвимым. Но когда их рой слетался к месту, требующему зачистки, — как правило, объему пространства не больше нескольких световых часов в поперечнике — из множества недоразумов формировался единый, распределенный по множеству составляющих разум. Происходящее со скоростью света общение связывало косные элементы, и по ним распространялись неторопливые, обстоятельные мысли. Быстрая обработка информации поручалась отдельным элементам. Глобальные мыслительные процессы по необходимости протекали медленно — но этот недостаток ингибиторам особо не вредил. Они никогда в своей истории не пытались соединить отдельные элементы сверхсветовой связью. В коллективной памяти черных машин содержалось слишком много угрожающих сведений об опасности экспериментов со сверхсветовым перемещением. Целые разумные расы были стерты из галактической памяти из-за единственной глупой попытки нарушить причинность.

«Надзиратель» был не только медленно мыслящим и рассредоточенным — он и существовал лишь ограниченное время. Разуму не позволялось возникать надолго в роях черных машин. Едва проснувшись, его «я» сознавало с мрачным фатализмом, что исчезнет, как только

надобность в нем отпадет. Но горечи оттого не испытывало, даже усвоив заархивированную память своих предыдущих воплощений и связанных с ними зачисток. Такова суровая необходимость. Даже машинному интеллекту нельзя позволять распространение по Галактике, пока не будет предотвращен грядущий кризис. В буквальном смысле этого слова — разум всегда наихудший враг себе.

Управляющему разуму вспомнилась пара зачисток. Конечно, не его «я» организовывало их. Когда рои ингибиторов встречались — хотя такое происходило крайне редко, — они обменивались информацией о зачистках, разумных расах, методах и курьезах. В последнее время встречи стали совсем уж редкими, и потому за пятьсот миллионов лет в каталог способов уничтожения звезд добавился лишь один новый. Рои, изолированные друг от друга на столь огромное время, встречались все неохотнее. Ходил слух, что отдельные рои дрались за право истребить ту или иную расу.

В сравнении с прежними временами дела определенно пошли не лучшим образом. Тогда зачистки осуществлялись аккуратно, методично, и ни одна вспышка разумной жизни не ускользала от внимания. Управляющий разум не смог удержаться от искушения сравнить и сделать выводы: огромная всегалактическая машина по сдерживанию разума, чьей добросовестной частью являлся управляющий разум, приходила в негодность. Разум просачивался в оставленные по недосмотру лазейки, грозя глобальным заражением. Ситуация за последнюю пару миллионов лет заметно ухудшилась — а ведь это время ничтожно в сравнении с тринадцатью галактическими оборотами, тремя миллиардами лет, оставшимися до кризиса. Управляющий разум очень сомневался в том, что распространение разума удастся сдерживать столько времени. Может, не стоит продолжать бессмысленную деятельность? Пусть нынешний объект зачистки живет в свое удовольствие...

В конце концов, они же позвоночные, с четырьмя конечностями, дышащие кислородом. Млекопитающие. Взгляд на них будит в памяти эхо отдаленного родства, чего никогда не случалось при истреблении, скажем, дышащих аммиаком газовых пузырей или колючих инсектоидов.

Управляющий разум заставил себя преодолеть сомнения. Возможно, именно они и приводят к уменьшению эффективности зачисток.

Млекопитающие умрут. Так должно быть, и так будет.

Управляющий разум окинул взглядом плоды своего труда в окрестности Дельты Павлина. Вспомнил предыдущую зачистку расы птице-

подобных существ, тогда населявших этот сектор пространства. Скорее всего, млекопитающие родом не с этой планеты, а значит, нынешняя зачистка станет лишь первой фазой продолжительной работы. Похоже, в последний раз тогдашнее воплощение управляющего разума отнеслось к своей задаче халатно. Конечно, всегда хочется произвести зачистку с минимальным ущербом для окружающей среды. Планеты и звезды нельзя превращать в оружие, если не грозит вспышка разумности, по крайней мере, третьего класса тяжести — но и тогда ущерб следует минимизировать. Управляющему разуму не нравилось учиненное опустошение, как и то, которое планировалось учинить. Какая ирония: раздирать на части звезды сейчас, чтобы предотвратить их уничтожение через три миллиарда лет. Но что сделано, то сделано. Определенный ущерб все же придется допустить.

Как ни крути, это грязная работа.

Но грязь, насколько понимал новорожденный интеллект черных машин, — это и есть сущность всякой жизни.

Инквизитор смотрела в окно, на залитый дождем Кювье. Ее отражение висело за стеклом, будто призрак, крадущийся по пятам города.

— Мэм, вы уверены, что вам ничего не грозит? — спросил приведший Торна охранник.

— Ничего, — ответила та, не оборачиваясь. — Если я вдруг не смогу справиться, то позову вас. Вы всего лишь через комнату от меня. Снимите с него наручники и оставьте нас!

— Мэм, вы уверены?

— Снимите наручники!

Охранник стянул пластиковые кандалы. Торн размял кисти, затем осторожно притронулся к лицу, словно художник к не успевшей высохнуть краске.

— Можете идти! — приказала инквизитор.

— Да, мэм, — отозвался охранник и прикрыл за собой дверь.

Торн рухнул на ближайший доступный стул. Хоури по-прежнему стояла у окна, сцепив руки за спиной. Дождевая вода лилась струями с навеса над окном. Ночное небо — рыже-черное месиво туч. Не видно ни звезд, ни пугающих бурых пятен.

— Что, сильно досталось? — спросила Ана.

Торн вовремя вспомнил, что должен играть роль.

— Виллемье, а как вы думаете? Не сам же я себя разукрасил.

— Я знаю, кто вы.

— С чем вас и поздравляю. Я тоже знаю, что моя фамилия Ренцо.

— Вы Торн. Тот самый, кого столько времени ищет правительство. — Голос Аны звучал чуть громче нормального. — Знаете, вам очень повезло.

— В самом деле?

— Если бы вас взял Департамент по борьбе с терроризмом, вы бы уже лежали в морге. А может быть, сразу в нескольких. К счастью, арестовавшие вас милиционеры не имели понятия о том, кто вы на самом деле. Честно говоря, если бы я им сказала, вряд ли бы они поверили. Для них Торн — мифологическая фигура, сказочное пугало вроде триумвира. Думаю, они ожидали бы гиганта, способного рвать людей на куски голыми руками. Но вы обычный на вид человек, какого можно встретить на любой улице Кювье.

Он потрогал кончиком пальца во рту.

— Будь я Торном, извинился бы за столь разочаровывающую внешность.

Инквизитор повернулась, подошла. Ее осанка, выражение лица, даже самое ощущение ее присутствия ничуть не напоминали Хоури. На одно жуткое мгновение Торн засомневался. Молнией промелькнула мысль: а вдруг полет в космос и прочее — лишь плод разыгравшегося воображения? Вдруг существует лишь инквизитор Виллемье, а Хоури нет и в помине?

Но Ана Хоури существовала на самом деле. И она поведала Торну свои тайны. Рассказала, кто они с триумвиром на самом деле. А еще открыла свое прошлое, свои муки и сомнения. Торн узнал о ее муже, с которым так жестоко ее разделила судьба, и не усомнился ни на секунду в том, что Ана все еще отчаянно любит его. И сам хотел оторвать ее от прошлого, убедить ее принять случившееся и жить дальше. Потому его мучила совесть. Ведь согласился помочь с ее планом не только потому, что считал его правильным и нужным. Торн вожделел эту женщину. Презирал свою похоть и безрассудство, но ничего не мог с собой поделать.

— Встать можете? — спросила она.

— Я же пришел сюда сам.

— Тогда идите за мной. И постарайтесь воздержаться от глупых поступков. Иначе пребывание здесь окончится для вас очень скверно.

— Чего вы от меня хотите?

— Это мы должны обсудить в другом месте.

— Мне и здесь хорошо.

— Торн, хотите оказаться в Департаменте по борьбе с терроризмом? Устроить это легче легкого. Там очень обрадуются.

Ана завела его в комнату, которую он помнил еще с первого визита в особняк инквизиции, — с полками вдоль стен, набитыми распухшими от бумаг папками. Дверь в комнату закрывалась герметично. Заперев ее, Ана извлекла из ящика стола тонкий серебристый цилиндр размером с сигару. Встала в центре комнаты, держа его в руке, медленно повернулась. Крошечные красные огоньки на цилиндре постепенно сменились зелеными.

— Прослушки нет, — объявила Ана после того, как огоньки пробыли зелеными минуты три-четыре. — В последнее время приходится соблюдать особую осторожность. Пока я была на корабле, мне подсадили жучок.

— Много сумели узнать?

— Нет. Это было примитивное устройство, оно сломалось еще до моего возвращения. Но затем появился второй жучок, уже сложнее и надежнее. Торн, я не хочу рисковать.

— И кто же поставил жучок? Другой департамент?

— Возможно. Мог и наш департамент. Я обещала ему голову триумвира на блюде и не доставила. У кого-то могли родиться подозрения.

— Но теперь-то инквизиция взяла меня.

— Да, хоть какое утешение... Ох, черт!

Ана будто лишь сейчас заметила, в каком он состоянии.

— Боже, что они с тобой сделали!

Из другого ящика стола она вытащила небольшую аптечку. Капнула дезинфицирующим средством на ватный тампон, прижала его к рассеченной брови.

— Больно! — сообщил Торн.

Ее лицо было так близко — он различал каждую пору. И мог спокойно, без вызова заглянуть ей в глаза.

— Да. И еще будет. Сильно избили?

— Не сильнее, чем твои друзья этажом ниже. Думаю, жить буду. — Он поморщился. — Но действовали они, мягко говоря, бесцеремонно.

— Специальных распоряжений им не давали. Они проводили обычное задержание. Я извиняюсь, но иначе нельзя. Если бы про-

сочился хоть намек на инсценировку твоего ареста, все пошло бы насмарку.

— Ты не против, если я присяду?

Она пододвинула к Торну стул.

— Мне жаль, что пришлось пострадать и другим людям.

Торн вспомнил, как избивали гнилозубую женщину.

— Ты не могла бы удостовериться, что всех задержанных отпустили?

— Надолго никого не задержат.

— Ана, для меня это важно. Люди не должны пострадать из-за того, что оказались зрителями на моем спектакле.

Ана добавила дезинфектанта на вату.

— Торн, если наш план не сработает, люди пострадают гораздо сильнее. Никто по своей воле не сядет на шаттлы, если не поверит тебе. Немного боли — невысокая плата за выживание.

Будто в подтверждение своих слов она прижала тампон к брови. Торн охнул.

— Как-то это попахивает цинизмом. Наверное, ты слишком много времени провела с ультра.

— Торн, я не ультра. Они использовали меня, я использовала их. Это не уравнивает меня с ними. — Ана захлопнула аптечку, вернула в ящик и с лязгом его задвинула. — Постарайся об этом не забывать.

— Извини. Просто совесть гложет... Мы же обращаемся с людьми как с овцами, гоним куда-то, хоть и желаем им добра. Не верим, что они сами способны о себе позаботиться.

— У них нет времени на самостоятельные решения, в этом-то и беда. Я бы и рада организовать эвакуацию мирно, без насилия и обмана. Мне тоже не нужны пятна на совести. Но без насилия и обмана не обойтись. Думаешь, люди торопились бы загрузиться в шаттлы, если бы знали в точности, какого рода спасение их ожидает? Веселая альтернатива: оставаться на обреченной планете или перебраться на субсветовик, который изуродован жуткой болезнью и захвачен психопатом и убийцей. А еще добавь тот факт, что на борту поджидает триумвир Илиа Вольева, жупел и объект ненависти всего Ресургема. Думаю, большинство людей сказало бы: «Спасибо, не надо».

— Но, по крайней мере, это было бы их личным решением.

— Да. И это бы нас очень утешило при виде того, как они горят вместе с планетой. Ты уж извини, но я поведу себя как последняя сука, а про этику поразмыслю потом, когда спасем хоть кого-нибудь.

— Даже если план сработает, всех не спасем.

— Я знаю. На планете двести тысяч. Если начать прямо сейчас, увезти сможем всех как минимум за полгода. Хотя реальный срок — год. А то и больше. Думаю, план можно считать удавшимся, если спасем хотя бы половину.

Ана потерла щеку, устало, обреченно посмотрела на Торна:

— Я стараюсь не думать о том, насколько худо все может обернуться.

На ее столе зазвонил черный телефон. Хоури выждала пару секунд, глядя на серебристый цилиндрик. Огоньки на нем остались зелеными. Тогда посмотрела на Торна, приложив палец к губам, и сняла тяжелую черную трубку:

— Виллемье слушает. Надеюсь, вы по важному делу? Я допрашиваю подозреваемого по делу Торна.

Слушая, Хоури вздохнула, прикрыла веки. Торн слов не различал, но интонации улавливал — и в них слышалось отчаяние. Кто-то явно пытался объяснить, отчего дела пошли наперекосяк. Голос стал громче, приобрел визгливый оттенок и вдруг умолк.

— Сообщите мне имена причастных к этому делу, — приказала инквизитор Виллемье и, не дожидаясь ответа, повесила трубку. Затем посмотрела на Торна. — Прости меня.

— За что?

— Задерживая участников встречи, милиционеры убили человека. Женщину. Она умерла в больнице несколько минут назад.

— Я знаю, о ком ты, — перебил Торн.

Хоури ничего не ответила, и в комнате повисла тишина — в особенности тяжелая и мрачная оттого, что кабинет заполняли чужие судьбы — пойманные в бумажные ловушки, равнодушно задокументированные.

— Как ее звали?

— Я не знаю имени. Просто человек, поверивший в меня, искавший способ покинуть Ресургем.

— Мне очень жаль, поверь! — Хоури подошла к нему, взяла за руку. — Я не хотела начинать так.

Торн не смог удержаться — рассмеялся невесело.

— Она ведь получила желаемое, правда? В самом деле покинула эту планету. Вот и номер один в череде беглецов.

ГЛАВА 25

Одетая в черную броню, Скади шла по кораблю, целиком отданному в ее распоряжение. «Паслен» незаметно проскользнул через внешний оборонительный периметр демархистов. На первый взгляд будущее не грозило ничем, кроме череды световых лет в пустоте.

Скади провела стальными пальцами по стене коридора, довольная точным, гладким сочленением панелей. Следы присутствия Клавэйна ощущались слишком долго. Они не исчезли после его дезертирства, поскольку оставался еще Ремонтуар, поклонник и друг Клавэйна. Но теперь оба сгинули, и Скади по праву может считать корабль своим. Если захочет, даст ему какое угодно имя или оставит вообще безымянным, тем более что выделять мертвую машину из ряда ей подобных не в традициях сочленителей, это противоречит самой сути их мышления.

Но Скади решила сохранить прежнее название, находя в том извращенное удовольствие. Приятно будет обратить ценное для Клавэйна оружие против него самого, и вдобавок это оружие будет носить данное старым предателем имя. Отличное финальное унижение, роскошная месть за все зло, причиненное Клавэйном ей, Скади.

Однако, хотя она и ненавидела свое нынешнее состояние, не могла отрицать, что здорово привыкла к новому обличью. Пару недель назад это бы ее очень встревожило. Бронированная оболочка становилась настоящим телом, казалась как нельзя более подходящей для Скади. Она любовалась своим отражением в зеркальной поверхности дверей и порталов. Первоначальная неуклюжесть прошла, и Скади проводила долгие часы в одиночестве, в своей каюте, наслаждаясь изумительным проворством, силой, ловкостью нового тела. Броня научилась предвосхищать желания Скади, избавившись от необходимости ждать, пока нервный импульс пробежит по спинному мозгу. Скади исполняла в молниеносном темпе одной рукой фуги на голографическом клавире, и ее молотящие по клавишам

пальцы сливались в одно смертоносное стальное облако. Токката ре минор, сочиненная неким Бахом, в мгновение ока сдалась под ее натиском, превратившись в очередь из многоствольного пулемета. Чтобы распознать в ней музыку, потребовалось бы включить ускоренную обработку информации мозгом.

Скади предавалась уродованию музыки, чтобы отвлечься от сомнений и тревог. Хотя оборонительный периметр демархистов лежал далеко позади, за последние три дня стало очевидным: трудности не закончились. Некий объект шел следом практически по той же траектории, покинув окрестности Ржавого Пояса.

Наконец Скади решила поделиться новостью с Фелкой.

В коридорах «Паслена» царила тишина. Идя к анабиозному отсеку, Скади слышала только отзвук собственных шагов — мерный тяжелый лязг, словно от кузнечного молота. Подавляющие инерцию машины работали эффективно, звездолет летел с ускорением два *g*, но Скади перемещалась грациозно и легко, будто в невесомости.

Она погрузила Фелку в анабиоз, как только получила известие об очередной неудаче с Клавэйном. Изучение обстановки вокруг Йеллоустона и перехват сообщений показали: Ремонтуар и гиперсвинья не сумели захватить дезертира. Они сами угодили в плен к местным бандитам. Так заманчиво было бы счесть Клавэйна мертвым и успокоиться — но Скади уже совершила подобную ошибку и повторять ее не собиралась. Именно поэтому и взяла Фелку с собой как средство давления при возможных переговорах со старым сочленителем. Скади знала, кем он считает Фелку.

Старик ошибался — но это не имело значения.

Догнав и уничтожив беглый корвет, Скади хотела вернуться в Материнское Гнездо. Но весть о том, что Клавэйн выжил, заставила передумать. «Паслен» вполне был способен лететь к Дельте Павлина. Мелкие неполадки и недоделки несложно исправить на ходу. Главный конструктор не нуждается в дополнительных указаниях и может самостоятельно закончить строительство эвакуационного флота. Когда корабли подготовят к вылету и оснастят механизмами подавления инерции, часть флота отправится вслед за Скади к Ресургему, другая же часть покинет Материнское Гнездо, увозя погруженное в анабиоз население. Одной тектонической боеголовки хватит, чтобы уничтожить опустевший дом сочленителей.

Сначала Скади попробует вернуть оружие сама. Если первая попытка не удастся, то нужно будет всего лишь дождаться идущей

следом эскадры. Она состоит из субсветовиков куда крупнее «Паслена», способных нести мощнейшее оружие, вплоть до тяжелых линейных ускорителей. Заполучив «адские» пушки, экспедиционная эскадра отправится на рандеву с эвакуационным флотом в другую звездную систему, лежащую очень далеко от Дельты Павлина, — нужно убраться как можно дальше от места, где обнаружили ингибиторов.

Затем объединившийся флот уйдет в очень глубокий космос, за десятки, а возможно, и за сотни световых лет от прежних мест обитания. Так что можно сказать «прощай» Йеллоустону и Ржавому Поясу — вряд ли доведется снова их увидеть.

На новом месте и созвездия будут совершенно иными — не просто сдвинутыми на несколько градусов, но полностью искаженными. Впервые в своей истории человечество очутится под действительно чужим небом. Там не останется привычных с детства скоплений светил, которые человеческое воображение наделило значением и смыслом, окутало мифами и легендами. И теперь небо будет представляться враждебным — логово чудовищ, кишащих, будто в заколдованном лесу.

Вес вдруг ощутимо изменился, словно корабль подхватило нечаянным шквалом. Скади зафиксировалась у стены, затем связалась с Жаструзяком и Моленкой, специалистами по системе подавления инерции.

— Что случилось?

— Ничего особенного, — ответила Моленка. — Нестабильность зоны подавления. Небольшие осцилляции границ.

— Немедленно уведомляйте меня о любой проблеме! Возможно, нам придется выжимать из техники все до капли. Я хочу быть абсолютно уверенной в том, что нас не ожидают неприятные сюрпризы.

— Скади, у нас все в порядке, уверяю, — вступил в разговор Жаструзяк. — Генераторы стабильно поддерживают вторую фазу вакуума. Малые нестабильности не выводят системы из равновесия.

— Отлично! Но все же постарайтесь не допускать эти нестабильности.

Скади хотела добавить, что они ее пугают, но передумала. Не стоит показывать свои страхи подчиненным, в особенности когда от них так много зависит. Они должны видеть в Скади несомненного лидера. Держать в подчинении коллектив крайне сложно, особенно

в таких жестких условиях. Малейшая тень сомнений в исключительных способностях Скади, и все пойдет прахом.

Однако новых признаков нестабильности не появилось, и Скади продолжила путь к анабиозному отсеку.

Там находилась пара капсул, занята была лишь одна. Процедуру пробуждения Скади запустила еще шесть часов назад. Теперь крышка контейнера поднялась, открыв безмятежно спящую Фелку. Скади подошла к ней осторожно, на цыпочках, присела. Датчики систем контейнера указывали: Фелка просто дремлет, находясь в состоянии легкой ремиссии. Скади понаблюдала за тем, как подрагивают ресницы, положила стальную ладонь на предплечье лежащей. Сжала слегка, и та застонала, пошевелилась.

— Проснись! Фелка, просыпайся, уже пора!

Женщина медленно приходила в себя. Скади же терпеливо ждала, глядя почти с материнской заботой.

— Фелка, послушай меня! Ты пролежала в криокапсуле полтора месяца, а теперь выходишь из анабиоза. Сейчас будет дискомфорт, дезориентация, но они быстро пройдут. Бояться нечего!

Женщина приоткрыла глаза, но их больно резал даже тусклый голубой свет анабиозного отсека. Она застонала, захотела приподняться — и не смогла. Ускорение два *g* оказалось непосильной ношей.

— Не беспокойся, пожалуйста!

Фелка невнятно забормотала, издала несколько раздельных звуков. Наконец смогла выговорить узнаваемые слова:

— Где я?

— На борту «Паслена». Ты ведь не забыла, что мы отправились в погоню за Клавэйном, к центру системы?

— Клавэйн, — проговорила она и, помолчав немного, спросила: — Он мертв?

— Думаю, нет.

Фелка сумела приоткрыть глаза чуть шире.

— Расскажи, что произошло.

— Клавэйн обманул нас. Инсценировал аварию на корвете и добрался до Ржавого Пояса. Думаю, это ты помнишь. Ремонтуар и Скорпион отправились в погоню. Никто другой не сумел бы — только эти двое способны перемещаться незамеченными в Ржавом Поясе и Городе Бездны. Тебя с ними я отправить не могла по очевидной причине. Ты дорога Клавэйну и потому ценна для меня.

— То есть я заложник?

— Конечно же нет. Ты одна из нас. Не ты отбилась от стада, а Клавэйн. Мы хотим вернуть блудного сына.

Они пошли в рубку. На ходу Фелка прихлебывала восстанавливающий силы напиток, щедро сдобренный шоколадом и витаминами.

— Где мы? — спросила она.

Скади продемонстрировала вид назад из звездолета, где была выделена зеленью тусклая оранжево-желтая звезда — Эпсилон Эридана, отсюда в двести раз тусклее, чем при наблюдении из Материнского Гнезда. И в десять миллионов раз тусклее звезды, пылавшей в небе над Йеллоустоном. Скади впервые в жизни очутилась в настоящем глубоком космосе. И машинально прикинула:

— Шесть недель от Йеллоустона, свыше тысячи трехсот астрономических единиц. И бóльшую часть времени мы держали два *g*. То бишь сейчас достигли четверти скорости света. Фелка, обычный корабль с трудом достиг бы одной восьмой скорости света за это время. А мы сможем разгоняться быстрее, если в том возникнет нужда. Скажем, если преследующий нас корабль попробует приблизиться.

Скади не преувеличивала — «Паслен» и вправду мог набирать скорость гораздо энергичнее. Но в этом не было практического смысла, по причине релятивистских эффектов. Большое ускорение уменьшит субъективную длительность путешествия к Ресургему, но объективная длительность останется почти такой же. На самом деле важно именно объективное время. Как ни изощряйся, до встречи с эвакуационным флотом пройдут десятилетия.

Однако ускориться можно и по другим причинам, не связанным с сокращением срока полета. Скади притягивала опасная, но такая многообещающая возможность, которая позволила бы начисто переписать правила игры.

— А что с преследующим нас кораблем? — спросила Фелка. — Где он?

На экране появился второй кружок с перекрестьем, почти наложившийся на первый, изображающий Эпсилон Эридана.

— Здесь, в центре. Сигнатура источника тау-нейтрино слабая, но уверенно различимая. Они идут тем же курсом, что и мы.

— Но далеко позади.

— Да. Три-четыре недели.

— Может, это просто торговцы? Какие-нибудь ультра торопятся к Ресургему?

— Вероятность этого мала. Ресургем для торговцев не слишком привлекателен, а если бы корабль шел к другой колонии, он бы уже отклонился от нашего курса. Фелка, сомнений нет — нас преследуют.

— Идут в кильватере.

— Да. И у них пусть небольшое, но преимущество: наш выхлоп обращен к ним, их выхлоп мы не видим. Я могу обнаружить преследователя, потому что у нас военные детекторы нейтрино, но все равно мы едва его видим. Ему же, чтобы нас засечь, достаточно обычной оптики. Я разделила наш выхлоп на четыре струи и придала каждой разное угловое смещение. Но преследователю достаточно уловить малую долю рассеянного света от выхлопа, чтобы определить наши координаты. Выход нейтрино в наших реакторах подавлен, и потому мы будем иметь преимущество на финальной стадии, когда повернемся дюзами к Ресургему и начнем торможение. Однако, думаю, это преимущество нам не понадобится. Нас не догонят, как бы ни пытались.

— Но он уже должен отставать. Он отстает?

— Нет. Держит два *g* от самого Ржавого Пояса.

— Не думаю, что обычные корабли способны так сильно и долго ускоряться.

— Обычные — нет. Однако существуют способы поддерживать большое ускорение. Фелка, ты помнишь историю капитана Ирравель Веда?

— Конечно.

— Догоняя пирата Седьмая Проба, она модифицировала свой корабль, чтобы выжать ускорение в два *g*. Вернее, не модифицировала, а изуродовала: не улучшила двигатели, а выбросила все лишнее с корабля, оставила лишь голый скелет. Сгрузила спящих пассажиров на комету, чтобы уменьшить массу.

— Думаешь, наши преследователи сделали то же самое?

— Другого объяснения нет. Но крайние меры им не помогут. Даже при двух *g* они не смогут сократить разрыв, а если мы увеличим подавление инерции, разрыв увеличится. Три *g* им не выжать из корабля — из него уже просто нечего выбрасывать. Они на пределе.

— Это все-таки Клавэйн!

— Откуда такая уверенность?

— Скади, я знаю: он никогда не сдается. Клавэйн решил добыть эти пушки, он не отдаст их в твои холодные клешни без боя.

Скади захотелось пожать плечами, но стальное тело пожимать плечами не могло.

— В таком случае, это лишь подтверждает мои давние подозрения: Клавэйн — иррациональный человек, любитель эффектных жестов, какими бы нелепыми и губительными они ни были. И эта погоня — всего лишь его самый нелепый в его жизни и самый губительный жест.

На первую ловушку Клавэйн наткнулся в восьмистах астрономических единицах от Йеллоустона, в сотне световых часов от начала пути. Ловушка не стала сюрпризом, — пожалуй, Клавэйн был бы разочарован и слегка встревожен, если бы Скади не попыталась отделаться от погони.

«Паслен» регулярно, раз в неделю, сбрасывал мины, автономных роботов, искусно замаскированные, невидимые для радаров и сенсоров преследователей. Роботы были настолько малы, что Скади могла производить их сотнями, усеивая препятствиями путь Клавэйна.

Им не требовался ни высокий интеллект, ни большая дальность поражения. У противников давно пропали сомнения в целях друг друга. Маневрировать нельзя — даже малое отклонение от прямой, соединяющей Эпсилон Эридана и Дельту Павлина, задержит на многие недели. А старый сочленитель и так намного отстал и вряд ли захочет увеличивать отставание. Деваться ему некуда. Если и уйдет с курса, будет вынужден вскоре вернуться на него.

Однако это едва ли упрощало задачу роботов-мин. Взрывами субсветовику особо не повредишь, разве что совсем уж с малого расстояния — ударная волна через вакуум не распространяется. А шансы робота подобраться хотя бы на тысячу километров к кораблю Клавэйна ничтожны в такой степени, что нет смысла ставить на него мощный заряд тектонического класса. Потому Клавэйн ожидал, что роботы будут прицеливаться и стрелять на дистанциях порядка нескольких световых секунд, используя, скорее всего, одноразовые ускорители заряженных частиц или боеголовок. Старый вояка поступил бы именно так, желая осложнить жизнь погоне.

Но Скади зачем-то использовала тектонические боеголовки. Совала их примерно в каждого двадцатого робота. Причем, выпустив

свору мин, боеголовку ставила на одну из последних. Детонаторы взрывали ее приблизительно в световом часе от преследующего корабля. Вдали вспыхивала колючая синяя искорка, темнела до фиолетовой, сдвинутая эффектом Доплера, — роботы шли на скорости в несколько сотен километров в секунду. Спустя часы или десятки часов мина с боеголовкой взрывалась снова, а то и две или три разом, вспыхивая каскадом фейерверков среди космической темноты. Некоторые подбирались ближе прочих, но все равно вред причинить не могли.

Накопив статистические данные по минам, Клавэйн провел анализ разброса расстояний и оценил вероятность повреждения своего корабля в одну тысячную. Шансы же на полное разрушение были в сто раз меньше. Ясно, боеголовки взрывались не с целью поразить звездолет.

Затем старик понял: Скади использует боеголовки для того, чтобы увеличить прицельную точность других роботов. Вспышки, будто в стробоскопе, высвечивали догоняющий корабль и позволяли определить его скорость. Прочие роботы наверняка могли улавливать фотоны, отраженные от звездолета Клавэйна. Так Скади компенсировала невозможность поставить нейтринные детекторы на роботов. Но такая информация неизбежно запаздывала, пока передавалась на «Паслен», отдалившийся на много световых часов. Тектонические боеголовки, взрываясь, позволяли пучковым орудиям и ускорителям роботов целиться лучше, выхватывая звездолет Клавэйна из темноты. Самих пучков старик не видел — лишь накачавшие их разрывы. Энергии пучков составляли примерно сотую часть от энергии тектонической боеголовки — достаточно, чтобы запитать гразер с убойной дистанцией порядка пяти световых секунд. Если пучок пройдет мимо, на корабле его не заметят. В межзвездном пространстве так мало пыли, что, даже разминувшись на пару километров с субсветовиком, пучок практически не рассеется. То есть Клавэйн был словно слепой и глухой солдат, который брел по нейтралке, не замечая свистящих рядом пуль, не чувствуя даже ветра от них, пролетевших в миллиметрах.

Ирония же судьбы заключается в том, что, если пучок не пройдет мимо, никто на корабле Клавэйна этого тоже не почувствует.

Но старик придумал неплохую ответную тактику. Мины Скади палили с расстояния пять световых секунд. Значит, их прицел зависел от данных, устаревших как минимум на десять секунд. А скорее

всего, и на все тридцать. Прицельные алгоритмы экстраполируют курс, оценивают наиболее вероятное отклонение от прогноза. Но тридцати секунд лага более чем достаточно, чтобы свести на нет эффективность стрельбы. За тридцать секунд при ускорении в два *g* корабль смещался на девять километров относительно роботов-мин — почти две полных длины его корпуса. Потому, если слегка менять случайным образом тягу, точность прицельной оценки роботов упадет катастрофически. Чтобы добиться прежней вероятности поражения, Скади придется израсходовать намного больше ресурсов.

Конечно, Клавэйн не обезопасил себя полностью. Он лишь понизил вероятность поражения, отдался на волю случая. Но старик провоевал четыре века, он хорошо знал: практически любая стычка сводится именно к игре с теорией вероятности.

Метод сработал. Миновали две недели, и прекратились вспышки, накачивающие пучковое оружие. Лишь время от времени вдалеке полыхали разрывы тектонических боеголовок — Скади по-прежнему наблюдала за преследователем, хотя и рассталась с надеждой уничтожить его простым пучком частиц.

Клавэйн же оставался настороже и нервничал. Он хорошо знал Скади.

Она так легко не сдастся.

Старик не ошибся. Спустя два месяца пятая часть его армии погибла, многие получили раны, от которых оправиться было уже нельзя. Первые признаки беды не выглядели угрожающими: всего лишь изменился характер свечения, испускаемого «Пасленом». Казалось невозможным, чтобы такой пустяк мог чем-либо повредить, но Скади ничего не делала без весомой причины. Потому, когда данные наблюдений за изменениями были признаны достоверными, старый сочленитель собрал глав команды в рубке угнанного субсветовика.

Переименованный по неясной причине Скорпионом в «Свет Зодиака», он был типичным торговцем, построенным пару веков назад. За это время корабль претерпел несколько циклов ремонта и переоснащения, но его ядро осталось, в сущности, прежним. Имея четыре километра от носа до кормы, «Свет Зодиака» бы гораздо крупнее «Паслена». В корпусе имелись колоссальных размеров трюмы, способные уместить флотилию внутрисистемных кораблей. Формой субсветовик напоминал конус: с широкой кормой-основанием, с тонким, как игла, носом. Пара маршевых двигателей крепилась лонжеронами

к корме в ее самом широком месте. Двигатели почти скрылись под следами ремонта и переделок, под пристройками и внешним оборудованием, как днище старого парусника под слоем ракушек, — но отчетливые черты сочленительского дизайна различались все равно. В прочих местах оболочка походила на влажный черный мрамор — гладкая, скользкая. Форштевень был покрыт слоем абляционного льда, пронизанного для прочности гипералмазными волокнами. Как и говорил Эйч, звездолет пребывал в очень неплохом состоянии, и к банкротству его команду привело лишь неумение вести дела. Абордажную команду свиней специально обучили действовать так, чтобы не повредить ничего важного при штурме, — и корабль остался практически нетронутым.

Рубка находилась в трети корабельной длины от штевня, в километре трехстах пятидесяти метрах. Большинство систем и приборов соответствовали технологическому уровню двухсотлетней давности, то есть казались антиквариатом. Клавэйн не удивился: ультра славились консерватизмом. Потому они в массе своей не восприняли новые нанотехнологии и эпидемия не нанесла ущерба ни им, ни их влиянию. В чреве корабля располагались универсальные заводы, сейчас полностью занятые производством оружия. Выделить мощности для переделки и усовершенствования корабельных внутренностей не было возможности. Но Клавэйну архаичность не мешала — он быстро привык к музейной обстановке на борту «Света Зодиака». Знал: старомодность и живучесть огромного старого грузовоза сослужит хорошую службу в борьбе с триумвиром Вольевой.

Рубка представляла собой сферу, подвешенную на шарнирах, позволявших ей качаться и гасить импульсы от внезапного ускорения или поворота. Стены были испещрены экранами, показывавшими пространство за бортом, как его воспринимали камеры и сенсоры висящих снаружи роботов. На экранах были и тактические карты ближайших окрестностей, симуляции различных атак по прибытии в систему Ресургема, колонки ползущих строчек на норте, старомодным шрифтом, — бесконечные жалобы корабельных систем на неисправности и отчеты ремонтных автоматов. На обнесенной поручнями металлической решетке находились пилотские кресла, панель управления и контрольные дисплеи. Этот помост мог без неудобств вместить двадцать человек.

Созванные Клавэйном люди и свиньи заполнили помост до отказа. Конечно же, среди позванных был Скорпион, а с ним Хлестун,

Тень, Кровь и Крест — три гиперсвиньи, ближайшие помощники Скорпиона, и одноглазая женщина из тех же бандитских кругов. Позади прочих сидели Ксавьер Лиу и Антуанетта Бакс, перепачканные с головы до ног, вызванные на совет прямо со срочного ремонта. Остальные представляли собой разномастную толпу свиней и обычных, немодифицированных людей. Немало последних принадлежали к числу работавших на Эйча специалистов по квантовому вакууму. Хозяин Замка Воронов убедил их, как и свиней, что оставаться в Ржавом Поясе или на Йеллоустоне будет куда опаснее, чем лететь в неизвестность на «Свете Зодиака». С ними отправилась даже Полина Сухая, согласившись вернуться к изуродовавшей ее душу работе. Выглядела она так, будто только что выскочила из дома с привидениями.

Когда собравшиеся утихли и приготовились слушать, Клавэйн объявил: «Случилось странное. И я не знаю, как отреагировать на это».

Посреди помоста стояла древняя видеосистема, похожая на пустую бочку для воды. В ней находился изогнутый прозрачный двухлопастный винт, способный вращаться с очень большой скоростью. Внизу у бочки помещалась батарея разноцветных лазеров, чьи лучи попадали на винт, преломлялись и становились элементами проектируемого изображения.

Лазеры заработали, и над бочкой возник сотканный из лучей прямоугольник. Он медленно вращался, позволяя всем сидящим увидеть изображение.

— Это двухмерная карта области пространства впереди нас, — пояснил старый сочленитель. — Уже заметны существенные релятивистские эффекты: звезды смещены, их излучение претерпело доплеровский сдвиг в синюю сторону. Прежде яркие звезды кажутся тусклыми, поскольку часть излучения переместилась в невидимый ультрафиолет. Повсюду незнакомые карликовые звезды, светившиеся в инфракрасном диапазоне; теперь их излучение сдвинуто в видимый диапазон. Но интересуют меня не они.

Клавэйн указал на тусклое пятнышко, похожее на расплывчатую звезду.

— Здесь вы видите корабль Скади. Она приложила немало усилий, чтобы остаться невидимой. Но мы ловим достаточно рассеянных фотонов, выбрасываемых двигателями, и потому следим за ее перемещениями.

— Можно ли определить тягу двигателей? — спросила Сухая.

— Да. Температура выхлопа говорит о том, что тяга обычная, для стандартного субсветовика массой в миллион тонн обеспечивающая одно *g* ускорения. Конечно, двигатели у «Паслена» меньше, но и сам «Паслен» по звездолетным меркам невелик. Если бы сказывалась разница в отношении мощности к массе, ускорение незначительно отличалось бы от одного *g*. А корабль Скади постоянно идет на двух и временами ускоряется до трех. Как и мы, она использует подавляющие инерцию машины — но из своих машин способна выжать гораздо больше.

— Мы уж точно не сможем, — сказала Полина Сухая. — Квантовый вакуум — настоящее гнездо с ядовитыми змеями. И мы тычем туда очень острой палкой.

— Полина, я согласен, — улыбнулся старик. — Но мы должны придумать, как не отстать от Скади. Хотя тревожит меня не это. Посмотрите!

Изображение чуть изменилось, свет дюз «Паслена» стал ярче.

— Она увеличила тягу? Или поменяла геометрию выхлопа? — спросила Антуанетта.

— Я тоже вначале посчитал так. Но добавленное излучение спектрально отличается от излучения двигателей. Оно когерентно, и в системе координат, где лежит корабль Скади, пик интенсивности приходится на видимую область.

— Это лазеры? — спросил Хлестун.

Клавэйн глянул на самого верного помощника Скорпиона. Лицо Хлестуна пересекал черный шрам — будто карандашная линия от лба до щеки.

— Да, по-видимому, это батарея мощных лазеров, светящих строго назад по курсу «Паслена». Вероятно, мы видим лишь ничтожную часть их излучения.

— Но какой для Скади толк в лазерах? — спросил Хлестун. — Она слишком далеко впереди, как оружие их использовать бессмысленно.

— Знаю, — ответил Клавэйн. — Именно это меня и тревожит. Скади не станет делать ничего, не просчитав предварительно шансы на успех. А если делает, значит считает работу стоящей.

— Это попытка убить нас? — спросил свинья.

— Скорее всего. И нужно понять, как именно нас собираются убивать. А потом будем надеяться, что справимся с угрозой.

Никто не ответил. Все молча смотрели на медленно вращающийся прямоугольник света, в чьем центре пылала недобрая звезда чужого субсветовика.

Пресс-секретарь правительства был аккуратный человечек с заботливо ухоженным маникюром, ненавидевший всякую грязь. Потому, когда ему вручили меморандум правительства, отпечатанный на листе стандартной серой бумаги и сложенный, человечек взял его двумя пальчиками за уголок. И лишь усевшись за свой стол в Доме вещания, приземистом строении по соседству с Домом инквизиции, и убедившись в отсутствии жирных пятен или крошек, приступил к разворачиванию. Бумагу он уложил с большим тщанием, так, чтобы края были параллельны краям стола, и затем очень медленно, осторожно расправил, будто распечатывал коробку с миной внутри. Рукавом человечек тщательно пригладил лист, провел по диагонали. Лишь покончив с этой процедурой, позволил себе взглянуть на текст. Хорошенько вник в каждое слово, чтобы избежать ошибок при чтении вслух.

По другую сторону стола оператор нацелил старую летающую телекамеру. Оптика все еще работала безукоризненно, а вот левитационные моторы давно приказали долго жить. Как и многое в Кювье, камера раздражала, напоминая о том, насколько лучше жилось людям в прошлом. Но пресс-секретарь успешно избегал таких мыслей. В его обязанности не входило задумываться над нынешним уровнем жизни. Если на то пошло, он был неплохо обеспечен по сравнению с большинством обитателей Ресургема. Рацион ему выделялся значительный, жил он вместе с женой в просторной квартире в одном из лучших районов Кювье.

— Сэр, вы готовы? — спросил оператор.

Тот ответил не сразу. Прошелся еще раз по тексту, шевеля губами, тихо проговаривая слова. Человечек не имел понятия о том, кто составил текст и с какой целью, кто его редактировал. В обязанности пресс-секретаря это не входило. Он ограничивался самыми общими представлениями о работе огромной государственной машины. В процессе этой работы где-то в ее отлаженных недрах родился документ, который надлежало донести до населения. Только и всего.

Пресс-секретарь перечитал текст еще раз и посмотрел на оператора.

— Да, полагаю, теперь я готов.

— Сэр, если предчувствуете трудности, можно порепетировать. Это не прямой эфир.

— Прочту с первого раза.

— Как хотите...

Пресс-секретарь прокашлялся и содрогнулся от отвращения, представив, как внутри у него перемещается комок слизи. Затем начал читать:

— Демократическое правительство Кювье доводит до сведения граждан следующее: неделю назад в результате совместной операции инквизиции и Департамента по борьбе с терроризмом был задержан скрывающийся от властей опасный преступник, известный как Торн. Сейчас он находится в заключении и не представляет более угрозы законопослушным гражданам Кювье и поселений-сателлитов. Демократическое правительство Кювье со всей ответственностью заявляет: граждане, не поддавайтесь на провокации, не верьте нелепым слухам, распускаемым обманутыми, невежественными последователями Торна. Нет никаких признаков того, что колонии грозит полное уничтожение. Равно нет никаких свидетельств в пользу того, что на планете находятся два работоспособных шаттла класса «земля-орбита» и уже созданы подпольные эвакуационные лагеря, равно как нет и свидетельств массовой миграции в эти несуществующие лагеря из крупнейших населенных пунктов планеты. Более того, чистым вымыслом является слух о том, что обнаружен звездолет триумвира, якобы способный вывезти все население Ресургема.

Пресс-секретарь сделал паузу, значительно посмотрел в камеру.

— Не далее как двадцать шесть часов назад Торн сознался в намеренном распространении лживых слухов и выразил сожаление по поводу своих необдуманных действий. Он публично осудил тех, кто продолжает распространять подобные злонамеренные, подрывающие общественное спокойствие домыслы, и раскаялся, прося у правительства прощения за вред, нанесенный в результате его недальновидных поступков.

Во время чтения ни единый мускул не дрогнул на лице пресс-секретаря, не выдал растерянности и сомнений. Еще при беглом ознакомлении с документом аккуратный человечек покопался в своей аккуратной памяти и не обнаружил там никаких публичных заявлений Торна, а уж тем более покаяний с его стороны. Но невероятным такое событие не являлось. Пресс-секретарь предположил, что

в силу занятости мог упустить из виду эту новость, и потому стоически продолжил, чуть изменив тон:

— Что касается странного объекта, видимого на небе в вечернее время, то недавние исследования, проведенные Институтом Мартелла, позволили адекватно определить природу этого явления. Согласно новым данным, этот объект — не комета. Скорее всего, его появление связано с крупнейшим газовым гигантом системы. Но демократическое правительство Кювье категорически отрицает любые слухи о том, что вышеупомянутый гигант уничтожен или находится в процессе уничтожения. Спекуляции на подобной теме следует считать злонамеренными попытками дестабилизировать обстановку в нашем обществе.

Он снова сделал паузу и позволил себе едва заметно улыбнуться.

— Этим заканчивается официальное заявление Демократического правительства Кювье.

Илиа Вольева без особой радости докурила очередную сигарету из тех, что ей предлагал корабль. Триумвир лихорадочно соображала, и мозг гудел, словно работающая на износ турбина. Под сапогами чавкала вязкая корабельная слизь, натекшая со стен. Слегка побаливала голова от бесконечного нытья изношенных насосов. Но все же Илиа была довольна собой, поскольку наконец-то ясно понимала, что можно сделать.

— Капитан, я так рада, что ты решил заговорить со мной! — заявила она. — Просто не передать словами, как много это для меня значит.

Его голос донесся сразу отовсюду, одновременно близкий и далекий, гулкий и всепроникающий — словно голос бога.

— Я так долго молчал. Прости.

Казалось, всякая частичка корабля содрогалась, испуская звуки.

— Капитан, ты не против, если я поинтересуюсь: в чем причина этого молчания?

Если он и отвечал на вопросы, то далеко не сразу. Вольева считала, что капитану попросту думается медленно — нужно немало времени для прохождения сигналов по огромному телу. Наверняка, общаясь с нею, Джон Бренниген задействовал далеко не все свои умственные ресурсы.

— Мне нужно было кое-что осмыслить.

— Что же именно?

Снова невыносимо длинная пауза.

Капитан уже не в первый раз заговаривал с Илией после того, как безмолвствовал целую вечность. Сперва Вольева боялась, что паузы означают возвращение капитана в прежнее кататоническое состояние. Потому вела себя с ним осторожно, тщательно подбирала слова. Хотя, если теперь капитан и замолкал, нормальное функционирование корабельных систем не прекращалось. Но Вольева все равно опасалась, что может вызвать у Джона Бреннигена новый приступ, который растянется на месяцы. К счастью, страхи оказались беспочвенными. Паузы возникали потому, что сигналам требовалось изрядное время на путешествия по колоссальной нервной системе вросшего в корабль человека — и гораздо больше времени проходило, пока из этих сигналов вылеплялись мысли. Но Бреннигеи теперь гораздо охотнее обсуждал темы, раньше бывшие безусловным табу.

— Совершенное мной. Мои преступления.

— Капитан, мы все совершали преступления.

— Но не такие, как я.

Илиа подумала, что тут он прав. Использовав возможности полуразумных инопланетных существ — жонглеров образами, плавающей в океане биомассы, — капитан совершил жуткое злодейство. С невольной помощью жонглеров он отпечатал свое «я» в разуме члена своей же команды — никакая человеческая технология не справилась бы с задачей копирования личности лучше. И оттого много лет по локальному времени Бренниген существовал в двух ипостасях. Одну из них медленно пожирала плавящая чума.

Преступление немыслимой гнусности капитан долго скрывал от команды. Тайна раскрылась лишь в чрезвычайной ситуации, когда «Ностальгия по бесконечности» находилась вблизи нейтронной звезды Гадес. Вольева позволила Бреннигену поглотить и преобразовать свой корабль, хотя проще и справедливей было бы просто убить его. Но она тогда преследовала и вторую цель — пыталась увеличить свои шансы на выживание. Увы, она не вполне представляла последствия своих решений.

— Я знаю, что ты совершил, — сказала Илиа. — Это омерзительно. Но никто не станет отрицать, что ты дорого заплатил за свой поступок. Думаю, пора оставить переживания позади и двинуться дальше.

— Меня жутко терзает совесть.

— А меня она терзает за то, что я сделала со стажером-артиллеристом. И моя вина за случившееся на «Ностальгии» ничуть не

меньше твоей. Если бы я не довела Нагорного до безумия, все пошло бы по-другому.

— Меня тяготит содеянное мною зло.

— Оно содеяно давным-давно. Ты тогда был в панике. Твой поступок ужасен — но это поступок человека, не способного мыслить рационально. Иррациональность, конечно же, не оправдание. Но, зная, в каком ты был состоянии тогда, я могу чуть лучше понять твои мотивы. Окажись я на твоем месте — почти уже не человек, зараженная болезнью, которая хуже смерти, — я бы, возможно, совершила нечто не менее ужасное. А может, и более.

— Илиа, ты гораздо лучше меня. Ты никогда бы не убила человека.

— На Ресургеме меня считают военной преступницей. И временами кажется, что они правы. А вдруг мы и в самом деле уничтожили Феникс?

— Но мы не уничтожили!

— Надеюсь...

Снова последовала долгая пауза. Вольева шагала по слизи, подмечая, что ее консистенция и цвет в разных частях корабля сильно отличаются. Если предоставить «Ностальгию» самой себе, отключить насосы, слизь поглотит огромное тело Джона Бреннигена в считаные месяцы. Интересно, это ему поможет или повредит?

Илиа надеялась, что такой эксперимент ей не доведется увидеть.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Джон, мне нужно оружие, которое хранится на тайном складе. Сейчас оно под твоим контролем. Я попыталась взять управление, но ничем хорошим это не кончилось. Слишком уж плотно пушки интегрированы в оборонительную систему корабля.

— Илиа, мне не нравится это оружие.

— Мне тоже, но нам без него не обойтись. Капитан, ты же видишь гораздо больше, чем мы. И я показывала тебе, как разбирают каменистые планеты. А ведь это всего лишь начало.

После очередной долгой, мучительной паузы капитан сообщил:

— Я знаю, ингибиторы взялись за газовый гигант.

— То есть ты видел, что они монтируют, прячась в облаке сброшенного газа гигантом. Пока там лишь зародыш, форма едва угадывается. Но сомнений нет: ингибиторы собирают машину огромной величины, больше всего, что может себе представить человек. Она уже в тысячи километров длиной и все растет.

— Да, видел.

— Я не знаю, что это и для чего предназначено. Но могу предположить: ингибиторы готовятся уничтожить Дельту Павлина. Речь не идет о провоцировании большой вспышки. Думаю, это будет выброс звездного материала. Причем в масштабах, о каких мы и не слыхивали.

— То есть они собирают оружие, способное убить звезду?

— Капитан, я не знаю, к сожалению. — Илиа попыталась затянуться, но окурок уже погас. — Честно говоря, меня сейчас гораздо больше интересует другое: чем бы раздолбать ингибиторскую машину.

— Полагаешь, необходимое для этого средство есть среди оставшихся у нас тридцати трех артсистем?

— Допускаю, что какая-нибудь из пушек может справиться.

— И хочешь, чтобы я помог взять контроль над ней?

Вольева кивнула. Вот она, критическая точка разговора. Если сейчас не случится приступ кататонии, значит можно считать, что нормальное общение с капитаном Джоном Бреннигеном налажено.

— Ну да. Ведь ты умеешь управлять этим. Без твоей помощи я ничего не смогу.

— Илиа, до сих пор мы ничем не провоцировали ингибиторов. Но если пустим в дело «адское» оружие, хотя бы одну пушку...

Капитан умолк. Да, тратить слова на описание последствий было бы излишним.

— Понимаю, это немножко рискованно.

— Немножко? — Капитанский смешок походил на землетрясение. — Илиа, ты всегда так мило преуменьшаешь.

— Капитан, ты просто ответь: поможешь или нет?

После долгого, терзающего душу молчания он холодно произнес:

— Я подумаю. Как следует подумаю.

Илиа решила, что и такое обещание — уже немалый успех.

ГЛАВА 26

Нападения никто не ожидал. Недели напролет Клавэйн готовился к грядущей беде, и, как оказалось, напрасно. То, что было ему известно о «Паслене», вряд ли могло помочь. На борту военного

субсветовика находились универсальные фабрики, способные произвести любое оружие, какое только придет в голову заказчику, и в кратчайший срок, успевая за стремительно меняющимся ходом боя. Словно обезумевший творец игрушек, Скади могла воплотить чернейшую из фантазий в считаные часы и затем обрушить ее на врага.

«Свет Зодиака» достиг половины скорости света. Релятивистские эффекты уже невозможно было игнорировать. На Йеллоустоне проходило сто минут, а на «Свете Зодиака» лишь шестьдесят восемь. Чем ближе к скорости света, тем сильнее растянется время. Пятнадцать лет йеллоустонского времени сожмутся в четыре года корабельного. А если увеличить ускорение, то субъективное время можно сжать и сильнее.

Однако половина скорости света — это не так уж и много, в особенности если имеешь дело с врагом, движущимся почти с тем же ускорением, что и ты. Выпущенные Скади торпеды проносились мимо «Света Зодиака» на скоростях максимум в несколько тысяч километров в секунду. Большими такие скорости можно счесть лишь по меркам локальных внутрисистемных войн. И хотя было непросто засекать снаряды, пока они не приближались на критическое расстояние, опасность попадания оставалась минимальной. Лобовое столкновение с такой торпедой способно превратить в руину целый субсветовик. Но Скади не имела возможности запустить настолько плотный рой, чтобы «Свет Зодиака» не смог заблаговременно увернуться. Даже если она разберет бóльшую часть «Паслена» и пустит на торпеды, поразить цель вряд ли сумеет. Клавэйн обнаружит такую угрозу вовремя и уклонится без труда.

Однако Клавэйн и его советчики ужаснейшим образом просчитались.

Выпущенный «Пасленом» объект двигался значительно быстрее, чем они ожидали. Из-за релятивистских искажений обычная интуиция подводила. В самом деле, житейская мудрость гласит: направь друг на друга два объекта, несущиеся почти со скоростью света каждый, и получишь скорость сближения чуть меньше удвоенной скорости света. Но теория относительности, многократно подтвержденная и проверенная, утверждала: сближаться объекты будут со скоростью меньшей, чем скорость света. И скорость взаимного сближения двух объектов, движущихся в половину скорости света каждый, составит не целую скорость света, а лишь четыре пятых ее. Так уж устроена

Вселенная, и человеческий разум никак не может понять на интуитивном уровне ее законы.

Доплеровское эхо от приближающегося объекта указывало на колоссальную скорость сближения — восемьдесят процентов скорости света. То есть объект двигался к Йеллоустону, развив половину скорости света, имел круглую форму и размером обладал поразительным, больше тысячи километров в диаметре. В то же время детекторы массы его не замечали.

Если бы траектория «Света Зодиака» упиралась в центр объекта, столкновение оказалось бы неизбежным. Но траектория проходила в двенадцати километрах от края, и аварийный автопилот корабля произвел маневр уклонения.

Это и погубило пятую часть экипажа.

Предупредив лишь за секунды, автопилот дернул корабль в сторону на ускорении пять *g*. Те, кто находился подле сидений, смогли усесться и пристегнуться. Система амортизирующих ремней смягчила рывок. Те, кто находился подле роботов, смогли воспользоваться их защитой. Кое-где стены корабля были способны деформироваться, смягчая удар для врезавшихся в них тел. Но так повезло далеко не всем. Те, кто тренировался в больших трюмах корабля, погибли все до единого. Многих убили незакрепленные машины, включая Тень и двух его помощников. Большинство гиперсвиней, готовивших снаружи подвески для оружия, рывком смело в космос. Никого из них не удалось потом найти.

Повреждения субсветовика оказались не менее тяжелыми. Его конструкция не рассчитана на подобные рывки. В корпусе появилось множество трещин и надломов, в особенности на лонжеронах двигателей. По оценке Клавэйна, требовался как минимум год ремонта, чтобы просто вернуться к прежнему состоянию. Не меньше пострадала и внутренность корабля. Даже «Буревестник» так дернулся в стапельных захватах, что вся работа Ксавьера мгновенно пошла насмарку.

Но Клавэйн напомнил себе: могло быть и гораздо хуже. Если бы торпеда попала в цель, энергия удара на релятивистской скорости разорвала бы корабль на части в мгновение ока.

«Свет Зодиака» едва не столкнулся с солнечным парусом — наверное, одним из многих сотен, выпущенных Скади. Парус этот был практически мономолекулярным слоем материи, растянутой до предельной тонкости, но с искусственно усиленными молекулярными

связями. Наверное, паруса разворачивались в удалении от «Паслена», чтобы их не сжег выброс. Наверняка и структура их была оптимизирована для максимальной прочности.

На развернувшийся парус Скади направляла лучи лазеров, потому и виделся испускаемый «Пасленом» когерентный свет. Давление света тормозило огромные, почти ничего не весящие паруса с ускорением в сотни *g*, затем столь же быстро разгоняло. Хорошо сфокусированные лазеры продолжали ускорять парус и направлять его к «Свету Зодиака». Скади неплохо вычисляла положение вражеского корабля и могла нацелить парус с изрядной точностью.

Как всегда в бою, в дело вступила теория вероятности. Бог знает сколько парусов пролетело рядом, пока наконец не появился летящий прямо в лоб. Возможно, тактика Скади и не имела больших шансов на успех, но Клавэйн, хорошо знавший эту женщину, не сомневался: она считала шансы достаточно высокими.

А значит, парусов уже летит немало.

Поэтому даже в то время, когда исправлялись наихудшие повреждения, Клавэйн с группой специалистов придумывал контрмеры. Моделирование показало: можно выстрелами разорвать парус, пробить дыру, достаточную для субсветовика, но это требует раннего обнаружения, которого невозможно достичь с имеющейся аппаратурой «Света Зодиака». Также нужно оружие для пробивания дыр, но программа установки артсистем на корпусе сильно пострадала при ударе. В качестве экстренной временной меры придумали послать вперед шаттл, чтобы летел в сотне тысяч километров от звездолета и сметал препятствия. Выбранный шаттл развинтили до голого скелета. Его периодически приходилось заправлять антиматерией с помощью другого шаттла, базировавшегося в трюме корабля. Но полеты туда и обратно плюс заправка обходились дорого. Самому «Свету Зодиака» антиматерия не требовалась, но ее следовало приберечь для операций в системе Дельты Павлина. Клавэйн согласился израсходовать половину запаса на снабжение шаттла, что давало сотню дней на поиски лучшего решения.

В результате удалось найти довольно простой выход. Пусть одного паруса хватает, чтобы разрушить субсветовик, так ведь и на разрушение самого паруса достаточно другого паруса. Бортовые фабрики могли производить солнечные паруса, для этого не требовалось сложных нанотехнологий. И размерами эти изделия не должны были равняться с парусами Скади, и требовались не сотни их, а еди-

ницы. Корабельные противометеоритные лазерные установки, хотя и неэффективные как оружие, могли после небольшой доводки разгонять парус. Посланникам Скади требовалось ускорение в сотни *g*, мономолекулярным щитам Клавэйна хватало и двух.

Новое изделие назвали щитовым парусом. Сделали его за девяносто пять дней — остался резерв на случай уничтожения первого. В любом случае из-за воздействия космической пыли время жизни паруса было велико. И чем ближе скорость звездолета к световой, тем короче это время. Но паруса можно было менять на всем пути до Ресургема, потратив на это не более процента корабельной массы.

Когда щит встал на место, Клавэйн вздохнул с облегчением, отдавая себе отчет в том, что они со Скади на ходу меняют правила звездных войн. Прошлый раунд выиграла Скади, сократив на двадцать процентов экипаж Клавэйна, но он придумал оборонительную тактику, аннулировавшую шансы противника на успех. Впрочем, это ненадолго: она наверняка следит за непрерывным потоком чужих фотонов. Вполне вероятно, что анализ даже столь скудных данных приведет ее к правильному выводу, даже если она еще не отправила назад, навстречу погоне, дронов с высокоточными датчиками. Скоро она изобретет что-нибудь еще, непредсказуемое и грозное.

Так что следует быть начеку и надеяться на испытанную верность удачи.

Скади и ее эксперты по вакууму, Моленка и Жаструзяк, сидели в зоне подавления инерции, в самой сердцевине «Паслена». Доспехи Скади неплохо справлялись с изменениями физиологии, но все же ненормальность ощущалась. Было не по себе. Мысли и настроения до жути стремительно сменяли друг друга, словно ускоренные киношные облака. Скади в одно мгновение перемещалась из радости в ужас и тотчас возвращалась обратно, словно то и другое было всего лишь полюсами одного душевного состояния. Она ощущала всплески эмоций, каких раньше и не знала за собой. И дело не только в том, что перемены в инерции влияли на химикалии, производимые скафандром для обеспечения жизни хозяйки, но и в том, что поле влияло на передачу сигналов в мозгу, на его сложную физиологию.

Моленка встревожилась:

— Вы и в самом деле хотите три *g*?

— Иначе не приказала бы развить их.

Над головой смыкались черные стены подавляющих инерцию машин. Казалось, все трое сочленителей сидят на корточках в пещере, вымытой в черном камне тысячелетним спокойным током подземной воды. Скади ощущала страх техника. В самом деле, механизмы работают стабильно, к чему мешать им?

— Это не требуется, — упорствовала Моленка. — Клавэйн нас не догонит. Два *g* он еще способен выжать из корабля, но только за счет чудовищных потерь, если сбросит все, кроме жизненно необходимого. Он непоправимо отстал. Ему нас не догнать.

— Да, я хочу, чтобы вы ускорили мой корабль! — повторила Скади. — Я хочу видеть реакцию Клавэйна. Попробует ли он выжать тягу, равную нашей?

— У него не получится.

Скади протянула стальную руку и погладила Моленку под подбородком острым пальцем. Одно движение — и упрямицу можно раздавить в мелкую серую пыль.

— Выполняйте приказ, а там и увидим, на что он способен.

Конечно, Моленка и Жаструзяк не обрадовались, но Скади была к этому готова. Протесты пары ученых давно стали своеобразным ритуалом, и завершался он всегда одинаково. Немного терпения, и специалисты неизменно подчинялись ей.

Чуть позже Скади ощутила разгон до трех *g*. Немало для человека. Глаза вдавливаются в орбиты, нижняя челюсть — словно отлита из чугуна. Благодаря доспехам перемещаться труда не составляет, но искусственность тела ощущается гораздо сильнее прежнего.

Грохоча металлическими ногами по полу, она направилась в каюту Фелки. Скади не испытывала к ней ненависти и даже не винила ее за ненависть к себе. Едва ли можно упрекать человека за нехорошие ответные чувства, если пытаешься убить того, кто ему близок. Но Фелка должна признать, что покончить с Клавэйном совершенно необходимо. Лишь сочленители имеют право владеть «адским» оружием. От этого зависит выживание сочленителей. Иное мнение означает измену Материнскому Гнезду. Скади не может рассказать про голос Ночного совета, управляющий ее поступками, но важность экспедиции должна быть совершенно очевидной для Фелки и без упоминания о тайных приказах.

Двери в каюту были закрыты, но Скади имела неограниченный доступ к любой части корабля. Тем не менее она вежливо постучала, выждала пять секунд и вошла, не дожидаясь ответа.

— Фелка, что ты делаешь?

Та сидела на полу, скрестив ноги. Казалась спокойной, расслабленной. Ничто в ее позе не выдавало напряжения, неизбежного при ускорении в три *g*. Одета она была в тонкую черную пижаму и потому казалась бледным подростком.

Вокруг лежало несколько десятков небольших белых прямоугольников, на каждом — черно-желто-красные рисунки и символы. Скади раньше видела такие прямоугольники, но где и когда — не помнила. Они располагались идеальными дугами, лежали на лучах, исходящих от Фелки. Та передвигала карты с места на место, будто исследуя разные конфигурации некой огромной абстрактной структуры.

Скади нагнулась, подняла карту, рассмотрела. Ровный кусок пластика, обратная сторона пуста.

— А, наконец-то узнала, — послала она мысль. — Такой игрой развлекаются в Городе Бездны. В колоде пятьдесят две карты, по тринадцать на каждый символ — по числу часов на циферблате, принятом на Йеллоустоне.

Скади вернула карту на место. Несколько минут Фелка продолжала молча перекладывать прямоугольники. Скади терпеливо ждала, слушая скольжение кусков пластика друг по другу.

— Эта игра гораздо древнее, — сообщила Фелка.

— Но я же не ошиблась? В Городе Бездны правда играют в нее.

— Этими картами можно играть во много игр.

— А где ты их взяла?

— Попросила корабль, он сделал. Я помню обозначения.

— А рисунки? — Скади указала на бородатого мужчину. — Этот похож на Клавэйна.

— Просто карточный король, — равнодушно ответила Фелка. — Рисунки я тоже вспомнила.

Скади присмотрелась к другой карте, где изображалась длинношеяя, царственно выглядящая женщина в облачении, напоминавшем церемониальные доспехи. Подумала: «А эта похожа на меня».

— Фелка, зачем? — спросила она. — Какой смысл в перемещении карт? Число перестановок конечно. Твой единственный противник — слепая случайность. Я не понимаю, чем может привлечь эта игра.

— Само собой, не понимаешь. — Фелка снова шаркнула карту о карту.

— В чем цель игры?

— В поддержании порядка.

— Значит, никакого выигрышного финала? — Скади, не удержавшись, хохотнула коротко и резко, будто пролаяла.

— Это не вычислительная задача. Цель — сам процесс игры. Остановка в ней — всегда неудача.

Фелка прикусила губу, словно ребенок, возящийся с трудной раскраской. И вдруг молниеносными движениями переместила шесть карт, кардинально преобразив общий рисунок. Скади и представить не могла, что такая перестройка возможна при столь малом изменении.

— А, понимаю... Это Великая Марсианская Стена?

Фелка глянула на нее, но не ответила. Снова молча углубилась в созерцание.

Скади знала, что не ошиблась. Занятие Фелки нельзя назвать просто игрой — это суррогат заботы о Великой Стене. Огромное сооружение уничтожили четыреста лет назад, но оно сыграло настолько важную роль в детстве Фелки, что та при малейшем стрессе погружалась в детские воспоминания.

Скади разозлилась. Опустилась на колени и разметала карточный узор. Фелка замерла, ее рука застыла над тем местом, где была карта. Она недоуменно посмотрела на Скади и, как обычно, оформила мысль-вопрос равнодушно, невыразительно и кратко:

— Почему?

— Фелка, послушай меня! Не нужно этим заниматься! Ты одна из нас. Нельзя покидать остальных лишь потому, что Клавэйна с нами нет.

Фелка жалко заметалась, пытаясь разложить карты. Но Скади схватила ее за руку:

— Нет! Прекрати. Нельзя прятаться в прошлое. Я этого не позволю. — Скади подтянула ее к себе, глянула в лицо. — Фелка, дело не только в Клавэйне. Я понимаю: он значит для тебя многое. Но ведь Материнское Гнездо значит больше! Клавэйн всегда был аутсайдером. Но ты наша до мозга костей. Ты нужна нам, и не такой, какой была в прошлом. Ты нам потребуешься нынешняя!

Но когда разжала пальцы, Фелка так и осталась сидеть, потупившись. Скади встала, отошла. Она понимала, что поступила грубо, даже жестоко. Но и Клавэйн бы сделал то же самое, обнаружив Фелку прячущейся в детские воспоминания. Великая Стена — бессмыс-

ленный всепожирающий бог. Пусть и давно мертвый, он затягивает в себя и опустошает душу.

Фелка снова принялась раскладывать карты.

Скади шла по пустынным коридорам «Паслена», толкая перед собой гроб-контейнер с телом Галианы. Доспехи двигались осторожно, с похоронной торжественностью переставляя ноги. Стопа грохотала, опускаясь на пол, и завывали гироскопы, стремясь удержать механическое тело в новом положении. Вес собственной головы жестоко давил на верхний позвонок обрубленного спинного хребта. Язык лежал кучей обмякших мускулов и не желал двигаться. Кожа лица обвисла, щеки будто оттягивало вниз невидимым грузом. Исказилось поле зрения — глазные яблоки деформировались от искусственной гравитации.

Сейчас «Паслен» обладал лишь четвертью прежней инертной массы. Три четверти подавило поле, распространившееся от кормы до середины корпуса. «Паслен» шел на четырех *g*.

Скади редко заходила в зону поля. Физиологические эффекты, даже смягченные за счет работы доспехов, переносились с трудом. Зона не имела четко очерченной границы, но воздействие поля на определенном расстоянии от генераторов спадало очень резко. И его геометрия отличалась от идеальной сферы: имелись щели и скважины, выросты и отдельные пики там, где поле интерферировало с локальными изменениями корабельной плотности. Причудливая топология самих генераторов тоже влияла на него. Иногда с перемещением генераторов перемещалось и поле, что вполне согласуется со здравым смыслом. Но порой казалось, само поле заставляет машины двигаться.

Эксперты по вакууму только делали вид, что понимают происходящее. У них имелся лишь набор эмпирических правил, описывающих, что произойдет как отклик на то или другое действие. Но правила эти работали только для определенных параметров. На них не приходилось жаловаться, пока инертная масса не уменьшилась наполовину. Но при уменьшении на три четверти они лишь дезинформировали. Иногда сложные и хрупкие квантовые детекторы, размещенные повсюду на корабле, регистрировали странные возмущения поля: оно могло вдруг на микросекунду распространиться на весь «Паслен».

Скади убедила себя, что способна ощущать эти микросекундные скачки. При двух *g* они случались редко. Теперь же происходили три-четыре раза в день.

Она закатила гроб в лифт и поехала вниз, к границе поля. Сквозь окошко контейнера виднелась нижняя челюсть Галианы. На ее лице застыло выражение бесконечного спокойствия, уверенности. Скади радовалась тому, что вовремя додумалась доставить на борт тело Галианы и сумела настоять на своем, хотя единственной целью ее экспедиции являлись поиски Клавэйна. Даже и до экспедиции Скади смутно подозревала о возможности ухода в глубокий космос, когда, быть может, придется просить у Галианы опасного совета. Труд небольшой — привезти криокапсулу на борт. Главное, набраться мужества для общения с тварью, угнездившейся в теле женщины.

Скади втолкнула контейнер в чистую белую комнату. За спиной неслышно закрылась дверь. Помещение было заполнено аппаратурой, как будто сделанной из полупрозрачных скорлупок. Отчетливо они виделись только во время движения. Техника была древней, и ухаживали за ней крайне аккуратно еще со времени ранних экспериментов Галианы на Марсе. Привезти ее на борт «Паслена» тоже труда не составило.

Скади открыла контейнер с Галианой. Подняла температуру трупа на пятнадцать милликельвинов, затем включила полупрозрачную аппаратуру. Части ее закачались, замелькали над телом, не касаясь кожи. Зажужжав сервомоторами, Скади поспешно отшатнулась — в присутствии работающей бледной машины всегда становилось не по себе, от нее прямо-таки веяло чем-то фундаментально опасным, угрожающим. Поэтому ее использовали очень неохотно. И в тех редких случаях, когда все-таки использовали, машина калечила разум решившихся открыться ей.

На сей раз Скади не собиралась использовать возможности машины полностью. Для этого еще не пришло время. Она хотела лишь поговорить с волком, каковая задача требовала лишь немногих аппаратных возможностей: чрезвычайной чувствительности, способности выделить и усилить предельно слабый сигнал, затерянный в хаотическом шуме дремлющей нервной системы. Выяснять, возможен ли контакт разумов посредством квантовой суперпозиции, Скади не собиралась — для того потребовался бы повод куда серьезнее нынешнего. Так что видимых причин для беспокойства не было.

Но Скади знала, на что способна машина, — и одно это рождало тревогу и страх.

Сочленитель приготовилась. Индикаторы температуры показали: Галиана согрелась в достаточной мере, чтобы проснулся волк. Машина зарегистрировала обычный набор химических изменений и колебаний электромагнитного поля, показывающий, что Галиана начала мыслить.

Скади закрыла глаза. Восприятие резко изменилось, все чувства будто встряхнуло на мгновение. Затем возникла иллюзия кружения, дезориентация. Мир изменился. Скади стояла на небольшом плоском камне — его едва хватало для ног. Вокруг торчало из серой воды много подобных камней, соединенных острыми, бугристыми скальными гребнями — словно пешеходный мостик над мелководьем. Плыла дымка, через пятнадцать-двадцать метров все терялось в ней. Воздух казался свежим и влажным, пах солью и чем-то напоминающим гнилые водоросли. Скади задрожала, плотнее запахнула черный халат, надетый прямо на голое тело. Она стояла, поджав пальцы босых ног, стараясь уместить их на холодном камне. Ветер трепал пряди черных волос, они мелькали перед глазами. Скади убрала их со лба. Обнаружила вдруг: гребень на голове исчез! Она охнула от удивления. Волк восстановил ее прежнее человеческое тело. Вдали разноголосо рокотали океанские волны. Бледное серо-зеленое небо над головой сливалось с туманом, стелющимся на море. Скади затошнило.

Первые неуклюжие попытки общаться с волком были устными, с использованием речи Галианы, и потому очень медленными, односторонними по сравнению с прямой связью между умами. Потому Скади согласилась встретиться с волком в виртуальном пространстве, в трехмерной симуляции, куда погрузилась полностью.

Обстановку и правила выбрал волк. Он создал виртуальное пространство и поставил условием входа строгое следование им. Скади могла бы наложить поверх свою симуляцию, но боялась, что в результате упустит какую-нибудь важную деталь.

Лучше уж играть по его правилам, хоть при этом ты и не контролируешь ситуацию. Но пассивность и слабая позиция в данном случае — палка о двух концах. Нельзя безоговорочно доверять любым словам волка — но ведь где-то за ним и сама Галиана. А та узнала многое, потенциально очень полезное для Материнского Гнезда. Главное в игре — отличить волка от той, на чьем мозге он парази-

тирует. Ведь Галиана может прорваться наружу в любой момент, пусть и ненадолго.

— Я здесь! — объявила Скади. — Где ты?

Рев прибоя усилился. Ветер растрепал волосы, швырнул на лицо. Шагнуть вперед страшно — вокруг столько острых камней. Но внезапно туман впереди раздвинулся, и на пределе видимости объявилась туманно-серая фигура. На человеческую она походила лишь в общих чертах, деталей было не разобрать — вокруг непрерывно клубился туман, то уплотняясь, то расходясь в стороны. Там мог быть вовсе не человек, а истрепанный непогодой обрубок дерева. Но Скади ощущала присутствие чужого — и знакомого — разума, холодного, безжалостного и целеустремленного. Интеллект, полностью чуждый совести, не знающий собственного «я», лишенный эмоций — голая способность к анализу.

Далекий рокот прилива сложился в слова.

— Скади, чего ты хочешь от меня сейчас?

— Того же, что и раньше.

— Говори со мной вслух!

Она безоговорочно подчинилась.

— Я хочу того же, что и всегда: совета.

— Где мы? — пророкотал прилив.

— Я думала, ты уже это понял.

— Я не то имел в виду. Где ее тело?

— На субсветовике. В космосе, на полпути между Эпсилоном Эридана и Дельтой Павлина.

Интересно, как ему удалось понять, что он больше не в Материнском Гнезде? Может, удачная догадка? Но разве эти волки когда-нибудь действовали наугад?

— Ты это знаешь. Наше оружие обнаружилось у Ресургема. Мы должны вернуть его до прихода черных машин.

На мгновение очертания фигуры стали резче. Обозначилась длинная морда, темные песьи глаза, влажно блеснул клык.

— Ты должна понимать, что у меня нет причины помогать тебе.

— Но почему? — спросила она, стараясь плотнее запахнуть халат.

— Ты знаешь почему. Я малая часть того, чему ты постараешься помешать «адским» оружием.

— Не хочу спорить. Я пришла за помощью и советом. Волк, у тебя два пути. Первый — позволить оружию попасть в руки тех, над кем у тебя нет никакой власти. Второй — помочь мне. Надеюсь,

логика очевидна. Не лучше ли, если пушки достанутся тем, кого ты знаешь, с кем уже установил контакт?

Небо слегка прояснилось, сквозь бледно-зеленую туманную дымку пробилось серебристое солнце. Лучи заплясали на гребнях, соединяющих камни, на поверхности мелких бассейнов между ними, очертив картину, более всего напомнившую Скади срез мозговой ткани. Затем туман сомкнулся опять и вокруг стало еще мрачнее, холодней и опаснее.

— Что за совет тебе нужен?

— Меня преследует корабль. Сидит на хвосте с тех самых пор, как мы покинули Йеллоустон. У нас есть аппаратура, подавляющая инерцию. Наша инертная масса сейчас составляет лишь четверть от начальной. Но корабль не отстает, как будто и у него такая же аппаратура.

— Кто ведет этот корабль?

— Клавэйн, — ответила она, с большим интересом наблюдая реакцию волка. — То есть я практически уверена в том, что это он. Клавэйн дезертировал из Материнского Гнезда, я попыталась беглеца вернуть. Близ Йеллоустона он смог ускользнуть от меня. Захватил корабль ультранавтов. Но где он спрятал противоинерционную технику, я даже не представляю.

Кажется, волк встревожился. Вокруг него заметался туман, в моменты прояснения отчетливо виделось, как его фигура корчится.

— Пыталась ли ты его убить?

— Да, но не вышло. Он очень искусен и упорен. Я надеялась хотя бы его задержать — и не смогла.

— Ну, так это же Клавэйн, — проговорила фигура.

Подумалось, что такие слова могла произнести Галиана.

— Скади, а что предлагает твой драгоценный Ночной совет?

— Увеличить ускорение.

Фигура почти растворилась, затем уплотнилась снова.

— А если Клавэйн не отстанет? Задумывалась ли ты, что будет тогда?

— Это невозможно!

— Скади, нужно здраво учитывать все варианты. Следует принимать в расчет даже невероятное. Способ оставить его далеко позади есть. Вопрос в том, отважишься ли ты.

— Я не хочу... Не знаю как... даже представления не имею. — У Скади кружилась голова, ноги едва держались на гладком камне.

Края гребня выглядели острыми, способными распороть кожу. — Мы не знаем, как поведет себя аппаратура в этом режиме.

— Но разве ты не хочешь узнать? — В голосе волка послышалась насмешка. — Неужели «Пролог» не покажет тебе все нужное, не даст знание?

— Чем сложнее и экзотичнее технология, тем труднее интерпретировать относящиеся к ней послания «Пролога».

— Но я могу помочь тебе.

— Помочь с «Прологом»? — спросила Скади с подозрением.

— Наши разумы связаны. Я не вижу препятствий для перехода к следующей стадии эксперимента. Мой разум профильтрует и осмыслит полученную в «Прологе» информацию. А после обработки я смогу показать тебе, что требуется для перехода к четвертому состоянию квантового вакуума.

— Вот так просто? Ты помогаешь мне, чтобы я гарантированно получила «адское» оружие?

— Именно! — Голос волка прозвучал игриво, в сумраке мелькнул клык. — Но, конечно, это дельце мы провернем не вдвоем.

— То есть?

— Приведи ко мне Фелку!

— Но...

— Приведи, или я помогать не стану!

Скади заспорила, хоть и знала, что бесполезно препираться с черной машиной. В конце концов придется согласиться с волчьими требованиями. Туман сомкнулся опять, и ощущение мощного, хищного чужеродного разума пропало — будто выключили фонарь. Скади осталась в одиночестве, дрожа от холода, слушая медленный стон уходящего отлива.

— Не-ет...

Туман сделался плотным, вода в бассейне у ног поднялась, все завертелось — и Скади вновь оказалась в тесной клетке своих доспехов, на борту «Паслена». Искусственное тяготение давило невыносимо. Скади провела пальцем по металлическому бедру, вспоминая, как ощущалась живая плоть, как холодил подошвы пористый камень. В душе всколыхнулись тоска, страх и сожаление, и болезненное желание снова обрести нормальное человеческое тело. Но впереди предстояли дела, не оставляющие места сантиментам. Скади подавила эмоции, оставив лишь крошечную толику гнева.

Этот гнев в ближайшие дни, несомненно, поможет ей.

ГЛАВА 27

В тех редких случаях, когда требовалось перемещаться по кораблю, Клавэйн ходил в экзоскелете, постоянно оставлявшем синяки и царапины в местах соприкосновения с телом. Теперь «Свет Зодиака» шел на пяти *g*, нисколько не уступая «Паслену», державшемуся всего в трех световых днях впереди. Всякий раз, когда Скади наращивала ускорение, Клавэйн убеждал Сухую разогнаться чуть больше. Полина неизменно спорила, но в конце концов все же соглашалась. Примерно через неделю корабельного времени приходила весть: Скади уравняла ускорение. Вывод очевиден: даже она не хочет изнашивать противоинерционную аппаратуру без крайней необходимости.

Полина Сухая не пользовалась экзоскелетом. Когда встречалась с Клавэйном, она лежала почти горизонтально в тесно облегающем мобильном кресле и тяжело дышала, выбиваясь из сил при каждой фразе.

Как и многое другое на «Свете Зодиака», кресло выглядело наскоро сваренной самоделкой. Фабрики работали сутками напролет, изготовляя оружие и боеприпасы, криокапсулы и запчасти для бортовых систем. Прочее собирали наспех в импровизированных мастерских.

— Ну как? — спросила Сухая.

Из-за перегрузок она выглядела еще изможденней и страшней обычного. Глаза глубоко запали, пятикратно увеличенный вес растянул кожу на скулах и подбородке.

— Мне нужно семь *g*, — сказал Клавэйн. — Или хотя бы шесть с половиной. Никак не меньше.

— Клавэйн, я уже выжала из аппаратуры все возможное.

— Это не совсем то, что я хотел услышать.

Она спроецировала на стену схему звездолета: жесткие черные линии на неровном буром металле обшивки. Круг на схеме перекрывал утолщенную кормовую часть, где располагались разнесенные на лонжеронах двигатели.

— Клавэйн, вы это видите? — Сухая заставила круг замерцать. — Зона подавленной инерции теперь распространилась на бóльшую часть субсветовика, уменьшив нашу инертную массу на восемьдесят

процентов. Но мы еще ощущаем все эти пять *g* здесь. — Она указала на малый участок носа, еще не захваченный зоной.

— Да, поле здесь настолько слабое, что измерить его можно лишь изощренными детекторами, — согласился Клавэйн.

— Правильно. То есть наши тела и материя вокруг нас имеют полную инертную массу. И мы ощущаем в полной мере тягу, разгоняющую корабль при пяти *g*. Но это лишь потому, что мы вне зоны.

— К чему вы клоните?

— К этому! — Сухая изменила чертеж, заставив круг включить в себя «Свет Зодиака». — Геометрия поля сложна. Она нетривиально зависит от степени подавления инерции. На пяти *g* мы еще можем оставить обитаемую зону корабля целиком вне зоны. Но уже на шести — нет. Мы все окажемся внутри.

— Но мы уже, по сути, внутри.

— Да, но поле так слабо, что мы ничего не ощущаем. На шести *g* поле станет заметным и скажется на физиологии. Причем резко — эффект нелинейный. Вместо пяти *g* мы внезапно ощутим одно.

Клавэйн переменил позу, пытаясь убрать давление с наиболее пострадавшей части тела, и заметил:

— Это звучит не так уж плохо.

— Но и наша инертная масса сократится впятеро. Каждая часть вашего тела — мускулы, органы, кости, всякая клетка и телесная жидкость — развилась в условиях нормальной инерции. При одной пятой ее изменится все, даже вязкость крови. — Сухая направила кресло вокруг Клавэйна, стараясь отдышаться. — Я видела, что случается с попавшими в поле сильного подавления инерции. Чаще всего они умирают — сердце перестает биться нормально. Но случается и другое, иногда хуже, в особенности когда поле нестабильно. — Полина с трудом заглянула ему в глаза. — У меня нестабильности не будет, уверяю.

— Но я все равно хочу попробовать. Обычная аппаратура будет работать нормально? Я имею в виду анабиозные контейнеры и вроде того?

— Я ничего обещать не стану, но...

— В таком случае вот что мы сделаем: заморозим армию Скорпиона в новых криокапсулах, — предложил Клавэйн, улыбаясь. — Всех, на кого капсул не хватит, и тех, кто нужен для работы, мы подключим к системе жизнеобеспечения, чтобы могли нормально дышать и снабжаться кровью. Это сработает, как думаете?

— Я повторяю: не могу ничего обещать...

— Сухая, я прошу всего лишь о шести *g*. Ведь вы можете, я знаю.

— Я могу. И сделаю, если настаиваете. Но учтите: квантовый вакуум — гнездо ядовитых змей.

— Да-да, я знаю: мы тычем в него очень острой палкой.

Сухая терпеливо ждала, когда он договорит.

— Нет. Это раньше мы тыкали палкой. При шести *g* мы окажемся прямо в гнезде со змеями.

Он возражать не стал, снисходительно погладил железную скорлупу кресла.

— Просто сделайте это. А я уж позабочусь о живописных аналогиях.

Она развернула кресло и направилась к лифту, ведущему вниз, к аппаратуре. Клавэйн посмотрел вслед, затем скривился — дала себя знать очередная потертость.

Немного позже прибыло сообщение. Клавэйн проверил его на предмет вирусов или информационной атаки — послание оказалось чистым.

Пришло оно лично от Скади. Клавэйн запустил его в своей каюте, радуясь короткой передышке от перегрузок. Специалистам Сухой требовалось покопаться в аппаратуре, но они не слишком любили это делать, пока та работала. Старый сочленитель расположился поудобнее, включил воспроизведение, прихлебывая чай.

В овале проекции появились плечи и голова Скади, размытые на краях. Клавэйн вспомнил, что в такой же позе видел ее при последней передаче, когда на угнанном корвете торопился к Йеллоустону. Тогда посчитал, что неестественная поза Скади — результат некачественной связи, но теперь зародились сомнения. Во время разговора ее голова оставалась неподвижной, словно зажатая хирургическими тисками, какие используют при операциях на мозге. Шея уходила в нелепый глянцевито-черный механизм, похожий на средневековые доспехи. Была и еще странность, но в чем именно она заключалась, Клавэйн определить не мог.

— Клавэйн, окажите любезность, выслушайте до конца, — попросила Скади. — И обдумайте хорошенько предложение. Мне многого стоило решиться на него, и дважды повторять я не стану.

Клавэйн отхлебнул чаю, выжидая.

— Как ни странно, вас оказалось на удивление трудно убить. Пока все мои попытки успехом не увенчались. И нет гарантии, что

увенчаются в будущем. Однако это не значит, что вы выживете. Давно ли вы оборачивались и смотрели назад? Думаю, вопрос риторический — ведь наверняка недавно. Даже с вашими ограниченными ресурсами нельзя не заметить: за вами идет погоня. Клавэйн, помните экспедиционную эскадру, которую вы должны были возглавить? Главный конструктор доделал эти субсветовики. Три звездолета догоняют вас. Вооружены они лучше «Паслена»: тяжелые релятивистские ускорители, бозеры класса «корабль-корабль», батареи газеров, не говоря уже про дальнобойные противокорабельные ракеты. И впереди у них яркая мишень.

Клавэйн про корабли знал, хоть они и появились на самом пределе досягаемости радаров. Потому начал перехватывать паруса Скади, направлять на них свои лазеры и разгонять навстречу эскадре. Конечно, шансы поразить были крайне невелики. К тому же погоня всегда могла выставить защиту вроде изобретенной Клавэйном — но перенаправления парусов оказалось достаточно, чтобы Скади перестала их запускать.

— Я знаю, — тихо сказал он.

— Клавэйн, я предлагаю сделку. Вы, конечно же, не хотите умереть — и я не горю желанием убивать вас. Просто у меня хватает забот и без того.

— Очаровательно, — хмыкнул старик.

— Поэтому я позволю вам жить. Более того, отдам Фелку.

Он отставил чашку.

— Фелка очень больна. Она снова уходит в грезы о Великой Стене. Сейчас постоянно выстраивает круговые структуры вокруг себя, играет в причудливые игры, отнимающие все ее время и силы. Это суррогаты Стены. Она оставила сон, как настоящий сочленитель. Я очень о ней беспокоюсь. Вы с Галианой потратили столько труда, чтобы превратить ее в полноценного человека. А теперь плод ваших трудов день за днем рассыпается в пыль, как в свое время Великая Стена. — На лице Скади вылепилась суровая улыбка. — Она теперь вообще не узнает людей. И не проявляет интереса ни к чему, кроме игр — а их набор все уменьшается. Фелка даже не спрашивает о вас.

— Если ты, сволочь, хоть пальцем... — процедил Клавэйн против воли.

Скади продолжала говорить:

— Однако еще не поздно вылечить ее, пусть и не полностью. Да или нет — зависит лишь от вас. Наша разница в скорости сейчас

мала. Потому возможна операция перехвата. Если вы свернете с моего курса и не сделаете попытку быстро вернуться на него, получите Фелку — само собой, на борту выпущенного в космос корвета.

— Скади! — прошипел он.

— Ответ я рассчитываю получить немедленно. Конечно, не отказалась бы от ответного сообщения, но мне хватит и очевидного изменения вашего курса.

Она вздохнула, и Клавэйн вдруг понял, что именно кажется странным и пугающим в Скади: она за весь разговор ни разу не набрала в грудь воздуха.

— И последнее: я готова немного подождать. Не слишком долго. Но когда время ожидания кончится, а вы не свернете, я все равно посажу Фелку на корвет. Но тогда найти ее будет гораздо труднее. Представьте, Клавэйн: она окажется в одиночестве среди звезд, так далеко от людей. Она может этого не понять. Хотя, с другой стороны, может и понять. И как нельзя лучше. — Поколебавшись, Скади добавила: — Уж это, думаю, вам известно лучше, чем кому-либо другому. Ведь она, в конце концов, ваша дочь. Вопрос в том, насколько она вам дорога.

Ремонтуар был в сознании. И улыбнулся не без теплоты, завидев Клавэйна в своей каюте-тюрьме. Ремонтуар выглядел, конечно же, не блестяще — он никогда настолько скверно не выглядел, — но и не походил на человека, еще недавно пребывавшего в замороженном состоянии. То есть практически мертвого.

— Я все думал, когда ты явишься с визитом, — заметил он с обезоруживающим радушием.

Он лежал на спине, опершись затылком о подушку, скрестив руки на груди, и вся его фигура лучилась спокойствием и расслабленностью.

Экзоскелет Клавэйна переключился в сидячее положение, позволив хозяину перенести давление с одних синяков на другие.

— Увы, у нас были трудности. Небольшие, разумеется. Но потребовавшие много усилий... Я рад видеть тебя живым и здоровым. До сих пор размораживать было не слишком целесообразно.

— Понимаю. — Ремонтуар великодушно махнул рукой. — Это не помешает...

— Погоди-ка, — попросил Клавэйн, вглядываясь в лицо друга и подмечая изменения, необходимые, чтобы тот смог вписаться в общество Йеллоустона.

Клавэйн привык видеть Ремонтуара полностью безволосым, словно недоделанный манекен.

— Что не так?

— Рем, есть правила, которые тебе необходимо твердо усвоить. Во-первых, нельзя покидать эту комнату. Так что не ставь меня в неловкое положение, даже не пытайся.

Тот пожал плечами: мол, какие пустяки!

— Мне это и в голову не пришло бы. Что дальше?

— Во-вторых, пока ты в этой комнате, пожалуйста, не пробуй связаться ни с каким устройством за ее пределами. Очень прошу.

— А как ты узнаешь, если попробую?

— Я узнаю.

— Разумно. Еще что-нибудь?

— Я не уверен, что помогу тебе. Отсюда и предосторожности, и мое нежелание будить тебя раньше.

— Вполне естественное нежелание.

— Рем, я не могу рисковать судьбой этой экспедиции.

Ремонтуар хотел заговорить, но Клавэйн жестом велел не перебивать.

— Потому я не допущу ни малейшей угрозы. Если мне вдруг покажется, что твои действия ставят нашу миссию под угрозу, я тебя убью. Причем моментально, безо всякого суда. Мы сейчас далеко от Феррисвильской конвенции и еще дальше от Материнского Гнезда.

— Я уже понял, что мы на корабле, — заметил Ремонтуар. — И очень сильно разогнались. Хотел найти какой-нибудь предмет, чтобы уронить на пол и оценить ускорение. Но ты же мастер своего дела — я так ничего и не нашел. Тем не менее могу предположить: мы идем на четырех с половиной *g*?

— На пяти. А скоро будет шесть и даже больше.

— Этой каюты я не припомню на «Паслене». Неужели ты захватил другой субсветовик? Удивительное дело.

— Мне помогли.

— А сверхускорение? Как ты смог его получить без волшебных коробочек Скади?

— Она не с нуля создала эту технологию, а ее украла — во всяком случае, столько, что сумела воссоздать остальное. Однако к противоинерционным механизмам имела доступ не она одна. Я встретил человека, почерпнувшего из того же источника.

— Этот человек на борту?

— Нет. Он предоставил мне вести дела. Рем, теперь это мой корабль. — Клавэйн резко выпростал руку, одетую в панцирь экзоскелета, и похлопал по грубому металлу стены. — Называется «Свет Зодиака». На борту небольшая армия. Скади пока нас опережает, но я не позволю ей заполучить пушки без борьбы.

— А-а, Скади, — проговорил Ремонтуар, улыбаясь.

— Я сказал что-то забавное?

— Скади пыталась связаться с тобой?

— Вообще-то, да. Поэтому я тебя и разбудил. Ты к чему клонишь?

— Хм, она дала понять, что... — Ремонтуар умолк, внимательно глядя на друга, ставшего тюремщиком. — Впрочем, думаю, что нет.

— Ты о чем?

— Она едва не погибла, когда ты удирал с кометы — с той, где мы встретили Главного конструктора.

— Не сомневаюсь, теперь она в порядке.

— Это зависит, хм, от точки зрения... — И снова Ремонтуар не договорил. — Впрочем, дело ведь не в Скади. Я вижу в твоих глазах озабоченность — будто у главы семейства, переживающего за чад.

Одним плавным движением он приподнялся, спустил ноги на пол, сел на краю постели — в совершенно нормальной позе, словно пять *g* искусственного тяготения на него вовсе не действовали. Только дрожащая на виске крохотная жилка выдавала напряжение тела.

— Дай-ка угадаю: Скади держит в заложниках Фелку. Я прав?

Клавэйн молчал, ожидая продолжения.

— Я хотел взять Фелку с собой, отправляясь на Йеллоустон, но Скади не позволила. Сказала, Фелка полезнее как залог для переговоров. Разубедить ее не удалось. Если бы я упорствовал, боюсь, она бы не позволила отправиться за тобой.

— Ты шел за мной, чтобы убить.

— Нет, я рассчитывал склонить тебя к возвращению в Материнское Гнездо. Конечно, убил бы без колебаний, если бы в том возникла необходимость. Полагаю, и ты поступил бы так же, если бы стоял выбор между делом, в которое веришь, и мной.

Ремонтуар немного помолчал.

— Я надеялся уговорить тебя. Любой другой постарался бы не оставить тебе никаких шансов.

— Об этом мы побеседуем потом. Сейчас меня волнует только Фелка.

Оба долго молчали. Клавэйн поменял положение, не желая, чтобы Ремонтуар оценил степень его мучений.

— Что случилось? — спросил наконец Ремонтуар.

— Она предложила вернуть Фелку при условии, что мы откажемся от погони. Тогда Скади посадит ее на корвет. На максимальной тяге он разгонится вровень с нами и войдет в зону досягаемости наших шаттлов.

Ремонтуар кивнул. Клавэйн понял: друг обдумывает ситуацию и ищет варианты выхода из нее.

— А если ты не согласишься?

— Она все равно посадит Фелку на корвет, но постарается затруднить для нас его перехват. В лучшем случае придется отказаться от погони. В худшем — мы и откажемся, и Фелку не спасем. Рем, мы в межзвездной пустоте. Здесь и в самом деле чертовски пусто. Впереди у нас выхлоп Скади. Позади — наш выхлоп. Потому в зоне покрытия наших сенсоров и радаров — огромные слепые пятна.

Ремонтуар надолго замолчал, размышляя. Снова прилег, помогая крови добраться к мозгу.

— Клавэйн, нельзя доверять Скади. У нее нет никаких причин убеждать тебя в своей искренности. Она считает, у тебя нет ничего полезного ей — как нет и возможности ей повредить. Это не игра в обмен заложниками, которой тебя научили на Деймосе.

— Наверное, я ее напугал. Вряд ли она ожидала, что я нагоню с такой легкостью.

— Даже если так...

Ремонтуар не договорил. Видно, хотел сказать, но передумал.

— Ты понимаешь, зачем я разбудил тебя именно сейчас?

— Полагаю, да. Седьмая Проба оказался в положении Скади, когда на хвост ему села Ирравель Веда, пытаясь вернуть пассажиров.

— Ты был вынужден помогать Седьмой Пробе: давать советы, вырабатывать лучшую тактику против Веды.

— Клавэйн, теперь ситуация совершенно иная.

— Для меня сходства более чем достаточно. — Клавэйн приказал скелету встать. — Рем, общая ситуация такая: Скади пару дней будет ждать моего ответа. Помоги составить хороший ответ. Я хочу вернуть Фелку, не теряя из виду мою цель.

— Так ты меня разморозил из отчаяния? Как говорится, лучше иметь дело со знакомым чертом...

— Рем, ты мой старейший и лучший друг. Я просто не знаю, насколько могу тебе доверять.

— А если мой совет окажется хорош?

— Тогда, полагаю, я стану более доверчив. — Клавэйн вымученно улыбнулся. — К тому же, думаю, Фелка наверняка замолвит за тебя словечко.

— А если нас постигнет неудача?

Клавэйн не ответил — молча повернулся и ушел.

Четыре небольших шаттла унеслись прочь от «Света Зодиака» — каждый в свой квадрант пространства, к искаженным релятивистскими эффектами созвездиям. На фоне мощного выброса двигателей субсветовика огоньки шаттлов казались слабенькими мерцающими звездочками. Их полет завораживал: траектории — изящные дуги, словно изгибы старинного подсвечника.

Клавэйн подумал: «Так красиво летят... Если б еще не знать зачем. Опять война».

Он наблюдал за отлетом из полусферического окна у форштевня. Чувствовал: надо отдать уходящим долг, выждать, пока они не скроются из виду. На каждом шаттле по ценному члену команды. Плюс к тому запас топлива, которое лучше бы не тратить до прибытия к Ресургему. Суденышки загружены лишь строго необходимым его количеством — чтобы хватило вернуться с лишним человеком на борту.

Оставалось лишь надеяться на правильность расчета.

Говорят, если постоянно принимать тяжелые ответственные решения, они с каждым разом даются легче. Опыт помогает, как в любом трудном деле. Конечно, в этом есть доля истины — но и очень немалая доля лжи. В последнее время Клавэйн принял несколько ответственных решений, и каждое давалось по-своему труднее, мучительнее предыдущего. А самым трудным было последнее, касавшееся судьбы Фелки.

Конечно, он бы с огромной радостью вернул ее, если бы только смог. Но Скади ведь знала, как сильно он стремится заполучить «адское» оружие. И не из личной прихоти. Потому обычным образом сторговаться с ним было невозможно — на кону стояло отнюдь не личное благополучие Клавэйна и не его жизнь. Но Фелка оказалась

идеальным инструментом воздействия на старика. Скади знала: между стариком и Фелкой есть сильная личная связь, восходящая еще ко времени сочленительской жизни на Марсе. Была ли в самом деле Фелка его дочерью? Он не знал. Убедил себя: может быть. И сама Фелка сказала, что она фактически его дочь, — но ведь сказала, пытаясь разубедить, отговорить от дезертирства. Могла и солгать во благо. Как бы то ни было, это признание его потрясло. Ведь никак не определишь, пока снова не увидишь ее.

Да и по большому счету, разве это важно? Неужели ее ценность как человеческого существа хоть в малейшей степени зависит от генетической связи? Даже если она и дочь ему, он ведь и подозревать о том не мог, спасая ее на Марсе. Просто что-то заставило его, чудовищно рискуя, вернуться в Материнское Гнездо Галианы. Он чувствовал, что должен спасти. И спас. Хотя Галиана отговаривала. Твердила, что это бесполезно. Фелка — совсем не человеческое существо в привычном ему, Клавэйну, смысле, но лишь бездушный человекоподобный процессор, психически ущербное «растение», обрабатывающее информацию.

Но Клавэйн доказал, что Галиана ошиблась. Пожалуй, то был единственный раз, когда он в споре с ней оказался прав.

И все же победа в споре не имела абсолютно никакого значения. Речь ведь не о кровной связи или верности — но о человечности. Если забыть о ней, то можно со спокойным сердцем допустить, чтобы Скади завладела оружием. Можно вернуться к паукам и предоставить остальное человечество его судьбе. А сейчас на чаше весов две жертвы во имя человечности, и сравнивать их нельзя.

Суденышки исчезли из виду. Клавэйн глядел в черную пустоту, отчаянно надеясь, что принял верное решение.

Черный, похожий на жука правительственный автомобиль несся, шурша покрышками, по улицам Кювье. Долгий период дождей прекратился, в облачном покрове появились дыры — и каждый вечер много часов в небе виднелись останки разбираемой планеты. Облако выброшенной материи казалось ажурным, кружевным, с множеством отростков. Оно отсвечивало красным, охряным, бледно-зеленым, сверкало искрами медленных гроз — словно огромное загадочное глубоководное животное в брачный сезон. В облаке различались темные области, яркие, симметрично структурированные узлы, где рождалась из обработанной материи ингибиторская машина. Если

раньше еще могло показаться, что происходит некое редкое, но естественное явление, то теперь обманываться стало невозможно.

Торн видел, как жители Кювье отнеслись к небесной угрозе. Большинство не обращало внимания. Когда ингибиторская машина показывалась в вышине, большинство попросту не смотрело на небо. Даже когда ее присутствие нельзя было игнорировать, люди редко глядели прямо на нее, а если заходила речь, предпочитали упоминать обиняком, расплывчато. Ресургемцы вели себя так, будто общее умолчание или отрицание и в самом деле могло убрать небесный ужас, изгнать его из памяти и природы.

Торн сидел на заднем сиденье, отгороженный переборкой от водителя. На ней мерцал небольшой телеэкран. Торн просматривал снятое за городом видео, и по лицу лидера сопротивления бежали синие сполохи. Снимавшую камеру держали в руках, изображение дергалось и скакало, но все важное было отчетливо различимо. Первый из пары шаттлов еще оставался на земле — камера задержалась на нем, смакуя ирреальное сочетание стройных черт машины и дикого скального хаоса за нею. Затем показала второй шаттл, еще не приземлившийся, возвращавшийся с орбиты. Он уже сделал несколько рейсов к большему, внутрисистемному судну, ожидавшему на орбите вокруг Ресургема.

Камера задралась, показывая, как снижается судно, как заходит на посадку, качается на трех струях выброса.

— Это похоже на фальшивку, — спокойно заключил Торн. — Я знаю: съемка настоящая, но люди сочтут ее подделкой.

Рядом с Торном сидела Хоури, одетая в инквизиторскую форму, выглядящая и говорящая как инквизитор Виллемье.

— Конечно, если постараться, можно подделать все что угодно, — заметила она. — Но теперь, когда хранят в основном аналоговые записи, подделывать видео гораздо труднее. С такой аналоговой подделкой, думаю, не справится целый отдел министерства.

— Люди все равно заподозрят фальшь.

Камера показала небольшую встревоженную толпу, ожидавшую на земле. В трехстах метрах от стоящего шаттла виднелся лагерь, чьи запыленные палатки походили на упавшие сверху каменные глыбы. Люди смотрелись жалко — в любой эпохе так выглядят беженцы. Чтобы собраться здесь, они преодолели многие тысячи километров. Путешествие было тяжелым — десятая часть его не вынесла. Все несли снаряжение, пожитки, хотя и знали, что с собой им не позволят

взять ничего, кроме носимой одежды. Впрочем, подпольная информационная сеть могла и не оповестить всех о такой строгости. Близ лагеря зияла яма, куда садящиеся на шаттл бросали вещи — самое ценное, хранимое до последнего момента. В яму летели фотографии, детские игрушки. Все это потом засыплют, добавив человеческие реликвии к древним артефактам истребленных амарантийцев, которые еще хранила планета.

— О достоверности мы позаботились, — сообщила Хоури. — Свидетели посадки на шаттлы вернулись в крупнейшие поселения. Конечно, стоило труда убедить их после того, как они проделали такое расстояние, но...

— Как же вы сумели их убедить?

Прошелестев шинами, автомобиль свернул за угол. Впереди обозначились кубообразные строения инквизиции, серые, отвесные, будто гранитные утесы. Торн смотрел на них не без страха.

— Людям пообещали: если вернутся и расскажут, им в следующий раз разрешат взять на борт немного вещей.

— Иначе говоря, их подкупили. — Торн покачал головой, подумав с грустью о том, что к любому делу, сколь угодно праведному и доброму, обязательно пристанет капля грязи — пусть и занесенная во имя благой цели. — Конечно, людям надо было услышать живых свидетелей, причем тех, кого они знают лично. Кстати, сколько уже на орбите?

— Последние цифры — тысяча пятьсот, плюс пара сотен на планете. Когда наберем пятьсот, повезем на орбиту новую партию. Тогда большой транспорт заполнится целиком и отправится к «Ностальгии».

— Храбрые люди. Или очень глупые. Честно говоря, я их сам не до конца понимаю.

— Они вправду храбрые. И очень напуганные. Нельзя их за это винить.

Да, в смелости пришедшим было не отказать. Они отважились на долгое опасное путешествие, руководствуясь, по сути, лишь зыбкими слухами. После ареста Торна слухов поползло множество. Власти продолжали публиковать тщательно составленные обращения, отрицая угрозу и возможность от нее спастись — и тем прочнее укореняя в сознании населения мысль о реальности как угрозы, так и возможности спасения на шаттлах, которые нашел Торн. Добрались до суденышек пока именно те, кто не подчинился приказам, тем самым

рискуя угодить в тюрьму и даже погибнуть, проникнув на запретную территорию.

Торн восхищался ими. И сомневался, что сам последовал бы за слухами, не будь он их автором, инициатором исхода. Но сделанным не гордился. Все же людям солгали насчет их роли — и этому обману Торн был полностью сопричастен.

Машина остановилась у заднего входа в Дом инквизиции. Торн с Хоури прошли сквозь вахту, предъявив пропуска. Кто такой на самом деле Торн, пока еще тщательно скрывалось; он получил набор документов на чужое имя, позволяющий беспрепятственно перемещаться по Кювье и окрестностям. Охрана считала его просто очередным чиновником, спешащим по делам.

— Думаешь, и дальше все будет нормально? — спросил он вполголоса, догоняя Хоури, уверенно шагающую по ступенькам.

— Если нет — мы в большой заднице, — ответила она так же тихо.

Триумвир ожидала в просторной комнате, сидя в кресле, обычно предназначавшемся для Торна. Вольева курила, стряхивая пепел на отличный полированный пол, — и такая нарочитая небрежность вызвала у Торна прилив раздражения. Но если упрекнуть, Илиа, несомненно, ответит, что вскоре вся планета станет пеплом.

— Здравствуйте, Ирина! — поприветствовал ее он, вспомнив имя, под каким она появлялась в Кювье.

— Здравствуйте, Торн. — Она встала, расплющила окурок о ручку кресла.

— Выглядите неплохо. Здешние тюрьмы, наверное, не так плохи, как говорят.

— Если это шутка, то не самого лучшего вкуса.

— Само собой. — Она пожала плечами, будто считала извинения лишними. — Видели, что они недавно учинили?

— Кто они?

Триумвир Илиа Вольева посмотрела в окно на вечернее небо:

— Догадайтесь сами.

— Да, я понял. Эту штуковину в небе трудно не заметить. Вы знаете, что образуется в этом облаке?

— Механизм, предназначенный разнести вдребезги наше Солнце.

— Поговорим лучше в офисе, — предложила Хоури.

— Не стоит, — возразила Илиа. — Там окон нет, а вид на небо помогает сосредоточиться. И обдумать как следует тот факт, что через

пару минут о двуличии Торна станет известно всем. — Она посмотрела на Торна в упор.

— Да, станет, если называть сотрудничество с властями двуличием.

Он уже записал свое «свидетельство». Говорил от имени правительства, уверял в реальности шаттлов и угрозы для всей планеты, объяснял, что правительство с большой неохотой согласилось поставить его во главе эвакуации. Послание Торна в течение ближайшего часа передадут по всем телеканалам планеты, и оно будет периодически повторяться завтра.

— Его сотрудничество с властями не сочтут двуличием, — возразила Хоури, холодно глядя на подругу. — Люди поймут: Торн старается ради них, а не ради собственной выгоды. И его заявление посчитают убедительным, потому что там правда. — Ана посмотрела на Торна и спросила: — Там ведь правда?

— Я всего лишь предполагаю, каким будет общее мнение, — сказала Вольева. — Чего гадать, скоро узнаем, как люди отреагировали. Кстати, я слышала, что в дальних поселениях уже начались беспорядки.

— Их подавили быстро и эффективно.

— Ха, впереди бунты и похуже. Не удивляйтесь, если вскоре попытаются свергнуть правительство.

— Этого не случится. Люди быстро поймут, насколько страшна угроза, — возразила Хоури. — И сообразят, что правительству нужно оставаться на плаву, потому что больше некому организовать эвакуацию.

Триумвир посмотрела на Торна, улыбаясь:

— Она такая безнадежная оптимистка...

— К сожалению, Ирина права, — подтвердил тот. — Можно ожидать гораздо худшего. Но мы и не надеемся увезти всех здоровенькими и целехонькими.

— Но ведь наша вместимость... — заговорила Хоури.

— Люди — не мертвый груз. Ими нельзя набить трюмы, как контейнерами с товаром. Даже если большинство поверит в то, что правительство не врет об эвакуации, достаточно горстки смутьянов — и результаты будут ошеломляющими.

— Да уж, тебе это лучше знать. Ты на этих смутах карьеру сделал, — вздохнула Хоури.

— Ага, — подтвердил Торн, невесело улыбнувшись. — К сожалению, не я один такой. Ирина кругом права, скоро мы узнаем реакцию населения на известие об эвакуации. Кстати, а как со сложностями внутри правительства? Нет ли подозрений и возражений по поводу наших махинаций?

— Скажу только, что пару человек придется втихую убрать, — ответила Ана, — но так мы поступим лишь с опаснейшими врагами. Остальных нужно всего лишь сдерживать, пока не завершится эвакуация.

— Ирина, вы изучили растущую в небе машину лучше любого из нас, — сказал Торн. — Сколько осталось времени?

— Не скажу, — отрезала та. — Если бы я знала, что именно они строят, могла бы прогнозировать обоснованно. А так — тычок пальцем в небо, пусть и подкрепленный аргументами.

— Так поделитесь с нами этими аргументами.

Вольева фыркнула, прошла вдоль окна. Торн глянул на Хоури, ему было интересно, как та реагирует на спектакль. Отношения между женщинами явно стали натянутыми, чего не замечалось при прошлой встрече. Может, это просто ускользнуло от его внимания?

— Я скажу так, — заявила триумвир, развернувшись со скрежетом каблуков. — Что бы там ни было, оно велико. Гораздо больше, чем любое сооружение, которое мы могли бы создать, располагая теми же материалами и неограниченным временем. Даже самые малые наблюдаемые структуры должны были уже сжаться в комок под действием собственной гравитации, стать шарами расплавленного металла. Но ведь они не сжались — и это кое о чем говорит. Значит, или ингибиторы сумели сделать материю на много порядков тверже, чем любые известные нам вещества, или умеют локально управлять гравитацией. Возможно, они делают и то и другое. Ускоренные пучки материи могут служить ребрами жесткости, если манипулировать ими с достаточной точностью...

Триумвир, очевидно, принялась думать вслух, забыв об аудитории. Но быстро спохватилась.

— В общем, я полагаю, они умеют обращаться с инерцией. Мы видели, как ингибиторы перенаправляют пучки материи, изгибают их путь под прямым углом. Это подразумевает глубокое знание физики пространства-времени и контроль над его основными свойствами. А значит, они имеют власть над гравитацией. Прежде мы ничего подобного не наблюдали, и напрашивается вывод, что по пус-

тякам такая техника не применяется. До сих пор мы видели лишь ювелирную работу, разборку каменных планет, сферу Дайсона вокруг газового гиганта. Теперь перед нами настоящая тяжелая индустрия в исполнении черных машин.

— Вы меня пугаете, — сказал Торн.

— Да. Того и добиваюсь. — Она улыбнулась впервые за вечер.

— Так что же это будет? — спросила Хоури. — Машина для превращения Дельты Павлина в сверхновую?

— Это исключено. Думаю, у ингибиторов есть и такие технологии, но наверняка они применимы лишь к тяжелым звездам, которым природой назначено в конце концов взорваться. Конечно, машина, взрывающая звезды, — страшное оружие. Досрочно вспыхнувшая сверхновая стерилизует пространство вокруг себя на десятки световых лет. Не знаю, как этого добиться. Разве что подстроить сечения ядерных реакций, запретить синтез элементов тяжелее железа и тем самым сместить максимум энергии связи в звезде. Тогда звезда внезапно окажется без топлива — то есть нечему станет удерживать ее внешнюю оболочку от коллапса. Думаю, как минимум однажды ингибиторы такое проделывали. Старая Земля находится в совершенно пустом окружении. Пустота эта обеспечена сравнительно недавним взрывом сверхновой. Область пустоты пересекается с подобными же образованиями, тянущимися до туманности Орел. Конечно, это могут быть и последствия естественных событий — или следы ингибиторской зачистки, случившейся за миллионы лет до истребления амарантийцев. Не исключено, что постарались и обороняющиеся разумные расы, пытаясь взорвать ингибиторов. Наверное, в точности мы никогда не узнаем, как бы ни старались. Но теперь здесь сверхновую не разожжешь. Способных к взрыву массивных звезд не осталось. Потому черные машины и разработали иное оружие для звезд небольшой массы. Наверняка не столь эффективное, как взрыв сверхновой, и локальное, действующее в пределах одной системы, но для своего уровня подходящее идеально.

— И как же можно убить звезду, подобную Дельте Павлина? — спросил Торн.

— Есть разные способы, — задумчиво ответила триумвир. — Выбор зависит от доступных ресурсов и времени. Например, можно соорудить кольцо вокруг звезды, как раньше вокруг газового гиганта. Конечно, придется строить больше, и действовать оно будет по-другому. В звезде нет твердых поверхностей, даже в ядре. Но можно,

например, окружить звезду кольцом ускорителей заряженных частиц. Запустив пучок по кольцу, можно периодически менять его диаметр, посылать по нему волны упругих возмущений и тем генерировать колоссальную пондеромоторную силу. Поле удушит звезду, как исполинский удав, выдавливая материю от хромосферы к полюсам. А с полюсов материя может выметываться в пространство, понуждаемая полем, — два колоссальных протуберанца, языки раскаленной плазмы. Думаю, эти языки сами по себе можно использовать как оружие, превратив целую звезду в огнемет, — нужно лишь добавить на полюса машины, фокусирующие протуберанцы. Такое оружие годится, чтобы испепелить любую планету в системе звезды, обдирая атмосферу, испаряя океаны. Тогда не нужно и разбирать звезду целиком. Если удалить внешние слои, реакции в ядре перестроятся, скорость синтеза упадет, звезда станет гораздо холоднее и сможет прожить намного дольше. Возможно, это вполне отвечает стратегии ингибиторов.

— Это кажется хлопотным и долгим предприятием, — заметила Хоури. — Если единственная цель — сжечь планеты, зачем изводить половину звезды?

— Я просто указываю на возможности. Конечно, при желании они могут и вовсе разобрать звезду на части. А вот другой способ. Вспомните: они раскручивали газовый гигант до тех пор, пока он не разлетелся на части. Это же можно сделать и со звездой. Закрепят на полюсах кольца с током и примутся вращать. Их поле свяжется с полем магнитосферы, раскручивая звезду, пока центробежная сила не превысит гравитационную. Тогда слой за слоем материя звезды унесется прочь — словно оболочки луковицы.

— Вряд ли получится быстро.

— Пожалуй. Есть еще один повод задуматься. Собираемая машина не похожа на кольцо, и вокруг звезды ингибиторы не крутятся, не суетятся. Думаю, они решили действовать на расстоянии.

— А как же уничтожить звезду, если не накачивать ее и не раскручивать? — спросила Хоури.

— Не знаю. Но давайте предположим, что они умеют в каких-то пределах управлять гравитацией. В этом случае они способны, к примеру, соорудить черную дыру планетной массы — скажем, как десять Земель — из уже накопленной материи. — Илиа растопырила пальцы соединенных рук, словно хотела поиграть с невидимой веревочкой. — Вот такого размера получится штуковина. Материи

им хватит самое большее на дыру в десять-двадцать раз массивнее — в несколько сотен земных масс.

— И что будет, если ее сбросят на звезду?

— Конечно же, дыра начнет поедать ее. Но разместить дыру, с тем чтобы она причинила наибольший вред, — задача не из легких. Очень трудно засунуть ее непосредственно в ядро, где протекают ядерные реакции. А если ограничиться поверхностью, маленький массивный объект станет периодически колебаться, будет увлечен вращением. Движение приобретет круговой характер, дыра пройдет сквозь атмосферу. Конечно, это не останется без последствий. Увлекаемая масса вблизи радиуса Шварцшильда сожмется — и там пойдет ядерная реакция. У звезды возникнет два ядра, одно обращающееся вокруг другого. Но дыра — медленный едок, поскольку ее поверхность ничтожна. Даже если поглотит ползвезды, ее диаметр составит всего три километра. — Илиа пожала плечами. — Но дело все же будет сделано. Определяющий фактор здесь — характер падения материи на дыру. Если скопившийся вблизи горизонта материал разогреется слишком сильно, его радиационное давление замедлит подход звездного вещества, а значит, и процесс поедания звезды. Впрочем, тут надо сделать кое-какие численные прикидки.

— А что еще возможно, если не черная дыра? — спросил Торн.

— Гадать я могу до бесконечности. Характер реакций в центре звезды определяется хрупким равновесием между давлением и тяготением. Все, что способно нарушить баланс, может катастрофическим образом сказаться на свойствах звезды. Но эти свойства довольно устойчивы. Если их вывести из равновесия, они норовят скатиться к новому устойчивому состоянию, пусть даже для того надо включить синтез более тяжелых элементов.

Триумвир снова выглянула в окно, пробарабанила пальцами по стеклу.

— Какой эффект используют ингибиторы, мы можем и не понять. Но, в общем, это и не важно. Они не успеют сделать ничего плохого.

— В смысле? — удивилась Хоури.

— Я не намерена этого дожидаться. Впервые ингибиторы сконцентрировали свои действия в определенной небольшой области. И капитан — тоже впервые — решился помочь.

Хоури покосилась на Торна:

— Он позволил применить пушки?

— Дал понять, что позволит. — Илиа по-прежнему барабанила по стеклу, не глядя на собеседников. — Конечно, есть риск. Мы не знаем в точности, на что способно оружие. Но уж всяко оно сумеет причинить ущерб противнику. Я уверена: мы сможем замедлить работу ингибиторов.

— Нет, — резко сказал Торн. — Неправильно. Сейчас этого делать нельзя.

Триумвир повернулась к нему:

— Нельзя? Это почему же?

— Потому что идет эвакуация. Мы только что начали поднимать людей с поверхности Ресургема.

— Пока подняли несколько тысяч. — Илиа усмехнулась. — И какой это процент от всего населения?

— Ситуация резко изменится, когда об эвакуации объявят официально. Мы именно на это и рассчитывали.

— Но дело может обернуться совсем уж худо. И что тогда?

— Мы уже договорились и составили план действий, — возразила Хоури. — Оружие всегда под рукой, захотим — используем. Столько трудов позади, и прогресс наметился, — глупо сейчас провоцировать ингибиторов.

— Все верно, — подтвердил Торн. — Ирина, нужно подождать со стрельбой, пока мы не эвакуируем хотя бы сотню тысяч. Тогда уж и пускайте в ход ваши драгоценные игрушки.

— К тому времени может быть слишком поздно, — ответила Вольева, снова поворачиваясь к окну.

— Но этого мы наперед не знаем, — возразил Торн.

— Посмотрите-ка вон туда, — спокойно предложила Вольева. — Видите?

— Что я должен увидеть?

— Между вон теми двумя зданиями, за Домом вещания... Смотрите, видно же отчетливо.

Торн подошел к окну, за ним Хоури.

— Я ничего не вижу, — сказал Торн.

— Ваше выступление уже передали? — спросила Илиа.

Он глянул на часы:

— Да, должны были. По крайней мере, в Кювье.

— А вот и первая реакция на него — пожар. Не слишком большой, но я не сомневаюсь: стемнеть не успеет, как увидим другие.

Люди напуганы, им уже который месяц действует на нервы творящийся в небе кошмар. И теперь они убедились окончательно: правительство все время методично лгало им. На месте ресургемцев я бы слегка разозлилась. А вы разве нет?

— Долго такая злость не продержится, — заверил Торн. — Уж поверьте, я знаю свой народ. Как только люди поймут, что есть способ выжить и покинуть планету, а для этого надо всего лишь успокоиться и послушать меня, — они возьмутся за ум.

— Торн, вы или гениальный психолог, или мало что смыслите в человеческой натуре, — улыбнулась Вольева. — Искренне надеюсь, что вы гений.

— Ирина, занимайтесь машинами, а людей оставьте мне.

— Давайте поднимемся на балкон, — предложила Хоури. — Оттуда мы увидим происходящее в городе гораздо лучше.

Количество ехавших по Кювье машин намного превышало обычное для дождливого вечера. Внизу, у здания инквизиции, собирались милицейские фургоны. Туда грузились бойцы, снаряженные для подавления уличных беспорядков: с громоздкими щитами, доспехами и электрическими дубинками-шокерами. Когда толкающиеся милиционеры уселись, фургоны увезли их в город. Другие выстроились стеной вокруг зданий; промежутки между машинами были перекрыты металлическими заграждениями, снабженными узкими прорезями-бойницами.

С балкона и в самом деле было очень хорошо видно, что творится в городе. Сквозь дождь неслись лязг и грохот, крики, вытье сирен — сущий карнавал, разве что без музыки. Торн вдруг понял, что уже очень давно не слышал музыки.

Вопреки усилиям милиции, у Дома инквизиции собралась большая толпа. Она напирала, а блюстители закона отступили, стараясь лишь не допустить ее внутрь зданий. Перед толпой уже лежали тела оглушенных шокерами или гранатами. Друзья пострадавших старались их оттащить подальше от блюстителей порядка. Трясся, брызгая пеной изо рта, эпилептик. Один пострадавший лежал неподвижно — походил на мертвого. Торн знал: милиция может перебить толпу в считаные секунды, но сдерживается. Он постарался рассмотреть лица милиционеров и увидел на них такой же страх и растерянность, как и на лицах людей, которых они должны были успокаивать и разгонять. Несомненно, у милиции был приказ не убивать и не увечить.

Балкон окружала низкая ажурная решетка. Торн подошел к краю, глянул вниз. Хоури двинулась следом. Триумвир осталась на прежнем месте, невидимая снаружи.

— Настало время поговорить с людьми по-настоящему, — сказал Торн. — Я обращусь к ним сам, и они убедятся: мое выступление по телевизору — не подделка.

Он знал: нужно всего лишь закричать, и кто-нибудь услышит, пусть лишь один из целой толпы. А там пара минут, и все уже посмотрят вверх, и догадаются, кто он, еще не слыша его слов.

— Так говори, Торн, говори! — произнесла Вольева тихо и яростно. — И будь убедителен. От этого маленького представления зависит многое.

Он оглянулся:

— И тогда вы передумаете?

— Этого я не обещала.

— Ирина, прошу, передумай! — взмолилась Ана. — Взвесь все как следует. Или хотя бы дай нам шанс довести здесь работу до конца, прежде чем применишь оружие.

— Шанс я вам предоставлю. Прежде чем ударить по ингибиторам, перемещу пушки на другой край системы. Если машины отреагируют на атаку, их целью не станет «Ностальгия».

— Но это же, как я понимаю, дело не быстрое? — спросила Хоури.

— У вас будет месяц, не больше. Конечно, я не ожидаю, что к этому времени вы эвакуируете всю планету. Но если вы уложитесь в график, а может, и сымпровизируете, ускорите дело, я ненадолго отложу атаку. Как видите, я вполне способна проявить гибкость.

— Ты слишком многого от нас хочешь! Пусть даже все пойдет отлично на планете, за один рейс между орбитой и субсветовиком мы можем перевезти всего две тысячи людей. Илиа, это наше узкое место, и тут ничего не поделаешь!

Кажется, Ана и не заметила, что назвала триумвира настоящим именем.

— Узкие места всегда можно обойти при должном старании, — возразила та. — А я вам дала отличный стимул постараться как следует.

— Дело в Торне, да? — резко спросила Хоури.

Тот удивленно посмотрел на нее:

— Во мне? Отчего?

— Ей не нравится, что ты встал между нами.

Триумвир презрительно фыркнула:

— Нет, это правда. Илиа, ведь правда? У нас с тобой так отлично все складывалось, мы хорошо работали вместе, и вдруг я притаскиваю Торна. Ты же никогда не простишь ни ему, ни мне разрушение нашего слаженного дуэта.

— Не пори чушь! — отрезала Вольева и пошла к выходу.

— Ты куда? — спросила Ана.

— А как ты думаешь? Конечно, на мой корабль! У меня работы по горло.

— С чего это вдруг корабль стал твоим? Я думала, он наш.

Но Вольева продолжать разговор не пожелала. Ушла, стуча каблуками, в глубину здания.

— Это правда? Она действительно злится из-за меня? — спросил Торн.

Но Хоури не ответила. Он немного выждал, затем повернулся к толпе. Встал вплотную к балконной решетке, глядя вдаль, обдумывая речь. Вольева права: от его слов зависит очень многое.

Ладонь Аны легла на его руку, легонько сжала.

Пахло распугивающим газом. Торн ощущал, как его запах ползет по ноздрям, буравит мозг, рождая тревогу. Ночь обещала быть нелегкой.

ГЛАВА 28

Скади кралась по кораблю. На борту «Паслена» теперь все казалось неправильным. Давление на обрубок хребта прекратилось, и глазные яблоки обрели прежнюю форму — а больше никаких плюсов. Все живое на борту очутилось в сфере действия подавляющего инерцию поля, в пузыре модифицированного квантового вакуума. Любая частица в нем потеряла девяносто процентов инертной массы.

Звездолет несся к Ресургему с ускорением в десять *g*.

Хотя доспехи и защищали Скади от самых неприятных эффектов поля, она старалась двигаться как можно меньше. Само хождение проблем не доставляло, ведь доспехи «ощущали» всего одно *g*, девятую часть настоящего. Двигателям не приходилось перенапрягаться,

и Скади больше не боялась раскроить себе череп при случайном падении. Но любое шевеление ей все же давалось тяжело. Когда Скади желала, чтобы рука или нога двигалась, та откликалась слишком быстро и перемещалась чересчур резко. Если надо было передвинуть тяжелое оборудование, оно поддавалось с неожиданной легкостью. Казалось, все вокруг подменили невесомыми бумажными макетами. Даже перенаправить взгляд было непросто. Глазные яблоки, уже не деформированные ускорением, всегда поворачивались больше нужного, а затем стремились аккомодироваться, компенсируя чрезмерный поворот. Ведь мускулы, поворачивающие глазное яблоко, скрепляющие его с черепом, развились для передвижения определенной инертной массы; теперь же им приходилось двигать объект с инерцией намного меньшей. От того, что Скади понимала причину дурноты, легче ей не становилось. Пришлось совсем отключить *Area Postrema*, древнюю часть мозга, обеспечивающую нормальное положение тела в зависимости от воспринимаемого зрением окружения, поскольку работа внутреннего уха была сильно искажена подавляющим инерцию полем.

Она достигла каюты Фелки и нашла женщину в той же позе, что и в прошлый раз, — сидящей скрестив ноги на полу. Скади приказала кораблю сделать эту часть пола мягкой. Одежда Фелки была несвежей, измятой, кожа приобрела нездоровый оттенок. Волосы превратились в спутанные жирные лохмы. Тут и там на голове виднелась красная воспаленная кожа — на местах, где Фелка вырвала клоки волос. Сейчас она сидела неподвижно, уложив руки на колени, слегка приподняв подбородок, закрыв глаза. Поблескивал влажный след от ноздри к верхней губе.

Скади проверила нейросвязи между Фелкой и системами субсветовика. К ее удивлению, большого потока данных не обнаружила. Она-то думала, заложница по-прежнему активна в корабельной сети. Во время двух последних визитов Скади находила Фелку за этим занятием. Решила выяснить, что происходит, и обнаружила изготовленные Фелкой программные структуры огромных размеров, напоминающие головоломки, — несомненно, суррогаты Великой Стены. Но на этот раз все обстояло еще хуже. Забросив реальный мир, пленница ушла туда, где началась ее разумная жизнь, — в свое измученное «я», в глубину сознания.

Скади опустилась на колени, тронула ее лоб. Ожидала, что женщина вздрогнет от прикосновения холодного металла, но стальной

палец мог бы с таким же эффектом коснуться восковой статуи. Фелка не шелохнулась.

— Ты меня слышишь? — спросила Скади. — Я знаю, ты где-то здесь, способна воспринимать. Отзовись. Тебе нужно узнать кое-что важное.

Она подождала, но ответа не последовало.

— Это касается Клавэйна. Я сделала все возможное, заставляя его свернуть, но он никак не отреагировал. Я думала, моя последняя попытка уж точно убедит его прекратить погоню. Не тут-то было. Я расскажу тебе, в чем она состояла.

Фелка дышала медленно и размеренно, не проявляя ни малейшего беспокойства.

— Я пообещала Клавэйну отдать тебя, если он свернет. Разумеется, отдать живой. Это ведь честный обмен, согласись? Но Клавэйн не заинтересовался. Понимаешь, Фелка? Ты значишь для него меньше, чем его проклятая идея фикс.

Скади встала, зашагала вокруг неподвижно сидящей женщины.

— Знаешь, я искренне надеялась, что он по-настоящему дорожит тобой. Если бы свернул, это стало бы лучшим решением и для него, и для меня. Но он ясно показал, что́ для него дороже. Веками ты была рядом с ним, считала его самым близким человеком, а он предпочел тебе сорок безмозглых машин. Признаюсь, я удивлена.

Но Фелка молчала. Скади очень хотелось вторгнуться в ее сознание, отыскать уютный уголок, где затаилось «я». Если бы Фелка была нормальным сочленителем, для Скади не составило бы труда проникнуть в самые сокровенные, интимные воспоминания. Но разум Фелки сильно отличался от нормального. Скади могла лишь скользить по его поверхности, изредка заглядывая в глубины.

Она не хотела мучить Фелку напрасно, надеялась вытащить ее из кататонии, настроить против Клавэйна. Но не вышло.

Это не сработало.

Тяжело вздохнув, Скади встала позади заложницы, закрыла глаза и дала несколько команд поддерживающему Фелку искусственному позвоночнику. Эффект последовал незамедлительно: та обмякла, осела на пол. Рот раскрылся, потекла слюна.

Скади осторожно подняла женщину и вынесла из каюты.

Над головой светило тусклое серебристое солнце — словно монета сквозь серый морской туман. Скади вновь оказалась в нормальном

человеческом теле. Она стояла на плоском камне. Ветер леденил до костей, пахло озоном, ноздри щекотала едкая кислая вонь гниющих водорослей. Вдали синхронно, будто в экстазе, вздыхали-шелестели миллионы округлых камешков, поддаваясь очередной волне.

То же самое место. Волк отчего-то стал предсказуемым, пусть и в мелочах.

Скади вгляделась в туман. Не далее чем в дюжине шагов обнаружилась человекоподобная фигура, но не Галиана и не волк, а маленький ребенок, присевший на корточки на плоском камне — почти на такой же опиралась Скади. Та осторожно двинулась к малышу среди луж и острых гребней, прыгая с камня на камень. Пребывание в нормальном человеческом теле одновременно и возбуждало, и страшило. Такой хрупкой и уязвимой она себя не ощущала даже до того момента, когда Клавэйн нанес ей увечье. Под тонкой кожей — лишь мягкая плоть и хрупкие кости; об этом невозможно было забыть даже на миг. Конечно, приятно сознавать, что доспехи неуязвимы. Но так хорошо осязать окружающий мир каждой порой кожи, чувствовать, как ветер шевелит волоски на руке, воспринимать всякую неровность камня под босой стопой.

Скади подошла к ребенку. Конечно, это Фелка — кого еще ожидать? Наверное, так она выглядела на Марсе, когда ее спас Клавэйн.

Она сидела скрестив ноги, как и в своей каюте. Тело девочки пряталось под мокрым, грязным, изорванным, облепленным водорослями платьем. Руки и ноги оставались открытыми, длинные темные волосы — такие же, как и у Скади, — лежали спутанными прядями на лице. Туман скрадывал цвета, все было как на старой фотографии.

Фелка подняла голову, заглянула на мгновение в глаза Скади и вернулась к прежнему занятию. Вокруг нее лежали крошечные останки морских тварей: куски ног, клешней, хвостов, когтей, усиков, панцирей — все сориентированные, уравненные с маниакальной точностью. Это походило на сложные абстрактные уравнения. Фелка молча всматривалась в узор, поворачивалась, не вставая, чтобы изучить другой его фрагмент. Иногда брала какую-нибудь частичку, например обломок шипастой, членистой ноги, и перекладывала на другое место. Лицо девочки казалось совершенно равнодушным — не бывает таких лиц у играющих детей. Только у взрослых. Такие лица у людей, бьющихся над слишком важной и трудоемкой проблемой, чтобы работа приносила удовольствие.

— Фелка! — позвала Скади.

Та снова, на мгновение, глянула вверх. Затем вернулась к прежнему занятию.

Вдали плеснула о берег волна. Туман на секунду разредился, расступился. Хотя море он скрывал по-прежнему, видно стало намного дальше. Местность впереди расстилалась такая же, как и вокруг, — головоломный мозаичный лабиринт из скал и водоемов. Но на пределе видимости открылся размытый высокий силуэт, лишь чуть темнее окружающего тумана, то пропадавший из виду, то появлявшийся, — огромный серый шпиль вонзался в блеклую муть неба. В его реальности Скади не сомневалась, хотя находился он, вероятно, очень далеко — за морем или посреди него.

Фелка тоже заметила исполинскую башню. Равнодушно посмотрела на нее, но отвернулась не сразу — должно быть, изучила незнакомый объект. Скади задумалась о природе непонятного строения, но тут опять сомкнулась серая мгла, и появился волк.

Он — или она — стоял в нескольких шагах от Фелки. Силуэт оставался неясным, размытым, но временами то ли расступался туман, то ли фигура уплотнялась, и походила она больше не на звериную, а на человеческую, женскую.

Рев набегающих волн сложился в человеческую речь.

— Ты привела с собой Фелку. Я доволен.

— Это лишь ее образ, — произнесла Скади вслух, вовремя вспомнив наказ волка. — Скажи, она сама себя видит ребенком или это ты хочешь, чтобы я так видела ее?

— Немножко того, немножко другого, — ответил волк.

— Я просила тебя о помощи. Ты согласился — с условием, что я приведу Фелку. Я привела. А Клавэйн по-прежнему идет за мной. Он ничем не показал, что может отступиться от своих планов.

— И что же ты пыталась сделать?

— Использовать ее как средство нажима. Однако Клавэйн не поддался.

— А с чего ты взяла, что он может поддаться?

— Ему же она дорога!

— Ты не поняла Клавэйна. Наверняка он не оставил надежды вернуть ее.

— Думаю, это наверняка могла знать лишь Галиана. Я права?

Волк не ответил прямо. Вместо этого спросил:

— Что ты сделала, когда Клавэйн не свернул?

— То, что обещала, — запустила шаттл, который ему непросто будет перехватить.

— Но все-таки шанс у него есть?

— Конечно. В этом и суть замысла. Своими корветами он мое суденышко не догонит, на такое способен лишь субсветовик.

— И ты полностью уверена, что его корветы не перехватят твой шаттл? — В голосе волка послышалась насмешка.

— Энергетически это крайне невыгодно. Ему придется отправить их задолго до моего запуска. И угадать направление.

— Или перекрыть все направления.

— Не сможет. — Но это прозвучало не слишком уверенно. — Ему придется выслать целую флотилию, потратить уйму топлива, а шанс так зыбок...

— Если Клавэйн убедится в возможности перехвата, он отправит и флотилию, даже ценой драгоценного топлива. Кстати, напомни, зачем ему перехватывать шаттл.

— Я сказала, что отправлю на нем Фелку.

Волк переместился. Его силуэт завис над девочкой, хотя казался не более ясным, чем раньше.

— Но ведь она здесь.

— Вместо нее отправилось оружие, боеголовка планетарного класса с мощностью в тератонну.

Волк одобрительно кивнул:

— Ты надеешься, что он поведет субсветовик в погоню. Несомненно, установила взрыватель, реагирующий на приближение. Гениально! Честно, я восхищен твоим коварством и беспощадностью.

— Но ты же считаешь, что Клавэйн попадет в ловушку?

— Попадет, не попадет — это очень скоро выяснится, разве нет?

Скади кивнула, уверенная, что ее хитрость не удалась. Туман расступился, и вдали опять показалась башня, которая вблизи, скорее всего, выглядела бы черной. Вздымалась она практически отвесно, словно гигантский останец, отполированный ветром и волнами. Но походила все же не на скалу, а на исполинское, сужающееся кверху строение.

— Что это? — спросила Скади.

— Ты о чем?

— Да вон...

Но башня снова исчезла. Или ее плотно окутал туман, или она вовсе прекратила существовать.

— Здесь ничего нет, — констатировал волк.

— Послушай, если Клавэйн не попадет в ловушку, я буду готова сделать то, о чем мы говорили в прошлый раз, — сказала Скади, тщательно подбирая слова.

— Ты имеешь в виду немыслимое? Переход к четвертой фазе вакуума?

При этих словах даже Фелка прекратила играть и встревоженно посмотрела на взрослых. Пауза растянулась на целую вечность.

— Я понимаю, насколько это рискованно, — произнесла наконец Скади. — Но перейти придется, если мы хотим убежать от Клавэйна. Нам нужно перескочить сквозь границу нулевой массы к четвертой, тахионной фазе материи.

И снова блеснули во мгле страшные длинные клыки, оскаленные в насмешливой улыбке.

— Скади, очень немногие живые сущности путешествовали быстрее света.

— Я готова стать одной из них. Что для этого нужно?

— Ты уже знаешь. Установленную на корабле аппаратуру требуется лишь слегка модифицировать. Фабрики субсветовика справятся без труда. Но для того, чтобы узнать об этих модификациях, придется использовать «Пролог». А это потребует немалого мужества.

— Для того я и пришла. И привела Фелку. Мужества мне не занимать.

— Тогда начнем!

Фелка вернулась к игре, не обращая внимания на взрослых. Скади связалась с корабельной сетью и включила закодированную последовательность нейрокоманд, заставляющих аппаратуру «Пролога» инициировать когерентное соединение.

— Волк, начинается!

— Я знаю. Я тоже чувствую.

Фелка прервала игру.

Скади ощутила вдруг, как ее «я» размножилось. Откуда-то из тумана, из места, которое невозможно описать, пришло впечатление чего-то протяженного, уходящего в холодную безграничность — точно белый коридор к бесцветному, теряющемуся вдали краю вечности. По спине пробежал холодок. Скади понимала, что совершает нечто в корне неправильное. Ощущение близкого, подпускаемого к себе зла давило на рассудок. Но она решила настоять на своем.

Как и предупреждал волк, знание требовало мужества.

Скади прислушалась — и различила доносящийся из коридора шепот.

— Зверь?

— Да, юная леди?

— Кажется, ты был не вполне честным со мной.

— С какой же стати вашему покорному слуге лгать?

— Зверь, именно об этом я сейчас и задумалась.

Антуанетта сидела одна в нижней рубке «Буревестника». Грузовик теперь лежал в ремонтном доке субсветовика, предназначенном для шаттлов, закрепленный так, чтобы удержаться на стапелях даже при большом ускорении. Все это время Ксавьер тщательно чинил судно. Для этого пришлось привлечь роботов и гиперсвиней, и сперва работа шла медленнее, чем с хорошо натренированной бригадой обезьян. Но, хотя и не столь ловкие, свиньи были существенно умнее модифицированных приматов, и после недолгих трений, после перепрограммирования роботов дело заспорилось. Ксавьер не просто отремонтировал корпус, но полностью его переделал. Все двигатели, от крохотных причальных до главного реактора-токамака, он перебрал по деталям, усовершенствовал. Средства защиты, прежде спрятанные под корпусом, стали гораздо мощнее и заметнее, соединились в единую систему, управляемую централизованно. Отпала нужда укрывать их от посторонних глаз, делать вид, что «Буревестник» — просто невинный грузовик. Там, куда направляется «Свет Зодиака», нет властей, повсюду сующих нос.

С тех пор как ускорение сильно увеличилось, приходилось или отлеживаться, или пользоваться громоздкими экзоскелетами. Теперь Антуанетта реже бывала на корабле. Во-первых, работа близилась к концу, наблюдать за ее завершающей стадией практически не требовалось. А во-вторых, кое-что еще мешало ей спокойно посещать корабль отца.

Наверное, она всегда подспудно подозревала о чужом присутствии на борту «Буревестника», а иногда и чувствовала его. Внимание Зверя отличалось от неусыпной, но бессмысленной бдительности гамма-имитации. В поведении корабельного интеллекта иногда виделось нечто гораздо большее.

Но если Зверь и в самом деле не просто программа, это значит, что и отец, и Ксавьер лгали Антуанетте. В такое она не могла поверить.

До сих пор не могла.

Во время короткой передышки, когда ради проверки двигателей отключили тягу, Антуанетта поднялась на борт «Буревестника». Из чистого любопытства — ожидая, что вся информация уже стерта из судовых архивов, — девушка заглянула в них.

Информация оказалась на месте.

Но даже если бы ее и стерли, Антуанетта все равно догадалась бы.

Сомнения зародились, когда она подобрала Клавэйна. В тот раз Зверь открыл огонь раньше времени, в точности как охваченный паникой человек. Для интеллекта гамма-уровня такое невозможно в принципе.

А не столь давно полицейский, теперь коротающий остаток жизни в сыром подвале Замка Воронов, усиленно расспрашивал про отношения отца Антуанетты с Лайлом Мерриком. И упоминал закон Мандельштама.

Тогда она не поняла, почему полицейский вспомнил про этот закон.

Неоднократно Зверь говорил о себе «я» — в экстренных ситуациях, забывая о тщательной маскировке, впопыхах выглядывая из-под нее. В конце концов Антуанетта сумела разглядеть истинное лицо за маской.

— Юная леди? — спросил он с тревогой.

— Я знаю.

— Что именно, юная леди?

— Знаю, что́ ты собой представляешь. Вернее, кого.

— Простите, юная леди, но...

— Заткнись!

— Юная леди, не могли бы вы...

— Я сказала: заткнись! — Антуанетта хлопнула по панели управления: вот тебе, скотина, считай это пощечиной! На мгновение стало легче. — Я знаю, что произошло тогда. Знаю о законе Мандельштама.

— Юная леди, при чем тут закон Мандельштама?

— Черт возьми, не делай невинный вид! Я знаю: уж тебе-то все известно! Этот закон приняли незадолго до твоей смерти. Он касается необратимой смерти сознания.

— Необратимая смерть сознания?

— Закон гласит, что власти — Феррисвильская конвенция — имеют право найти и стереть все копии сознания на уровнях альфа

и бета. Это значит, сколько бы ты ни копировал себя, сколько бы ни воспроизводил свою личность — от простых симуляций до полного нейросканирования, — власти имеют право найти и стереть все без остатка.

— Юная леди, это кажется крайностью.

— Это и есть крайность. И власти относятся к таким делам очень серьезно. *Любой, кто сохранил копию сознания* осужденного преступника, тоже преступник. Конечно, есть лазейки, ведь симуляцию можно записать где угодно или передать за пределы юрисдикции Феррисвильской конвенции. Но риск остается. Зверь, я проверила: власти уже ловили тех, кто хранил копии сознания преступников. По закону Мандельштама всех пойманных приговорили к смерти.

— Да, похоже, прятать копию преступника — дело небезопасное.

— Похоже. — Она улыбнулась. — А если человек и не подозревает о том, что прячет альфу или бету? Насколько это меняет ситуацию?

— Юная леди, мне трудно судить...

— Я думаю, ситуацию это не изменит ни на одну гребаную йоту. По крайней мере, для полиции. Потому не кажется ли тебе немного безответственным, если кого-то хитростью заставляют хранить нелегальную копию сознания?

— Юная леди, а кого заставляют хитростью хранить...

Вот он, момент истины. Никаких околичностей, нужно резать правду-матку.

— Ведь полицейский догадывался. Он просто не мог собрать воедино все улики. А может, дал мне повариться в собственном соку, выясняя, много ли я знаю.

— Но я не совсем понимаю...

Ага, снова соскользнула маска!

— Думаю, Ксавьер в курсе. Он корабль изучил как свои пять пальцев, каждую подсистему, каждый чертов проводок. Ксавьер уж точно знал, как спрятать Лайла Меррика на борту.

— Юная леди, кто такой Лайл Меррик?

— Ты меня спрашиваешь? Глупо притворяться. Хоть ты и не настоящий Лайл, а всего лишь его копия. Не знаю, альфа или бета, да и наплевать. В суде, твою мать, это совсем не важно.

— Но...

— Какие «но», Зверь? Ты Лайл Меррик. Настоящий умер, его казнили после столкновения с «каруселью». Но это не стало финалом

для тебя. Твое «я» продолжило существовать. Ксавьер спрятал копию на гребаной посудине моего папаши. Эта копия — ты.

Зверь молчал несколько секунд. Антуанетта ждала, глядя на медленную, гипнотизирующую смену цифр и цветов на панели управления. Казалось, часть ее, Антуанетты, естества изуродована и осквернена. Все, чему она доверяла в этой Вселенной, просто оплевано, осмеяно и выброшено на свалку.

А когда Зверь ответил, тон его голоса, будто в насмешку, остался прежним.

— Юная леди, то есть Антуанетта... вы ошибаетесь.

— Я не ошибаюсь. Да ты практически сам признался!

— Вы не понимаете.

— Чего же я не понимаю?

— Это не Ксавьер сделал. Он с самого начала знал и содействовал, но придумал не он.

— А кто?

— Антуанетта, мне помог ваш отец.

Она снова хлопнула по консоли, и сильней, чем в прошлый раз. Потом ушла с корабля, надеясь никогда больше не ступать на его палубу.

Хлестун проспал бóльшую часть полета. Скорпион уверял: в пути делать совершенно нечего, разве что в самом конце, да и то всего лишь двадцать пять процентов вероятности, что придется активно шевелиться, а не просто разворачивать шаттл. Но в глубине души Хлестун знал: грязная работа достанется именно ему. И потому не удивился, когда с субсветовика пришла сфокусированная передача: его шаттл находится в нужном квадранте и может перехватить выброшенное с корабля Скади суденышко.

— Везунчик ты, Хлестун, — сказал он себе. — Всегда хотел прославиться? Вот он, твой шанс.

К работе он относился очень серьезно, тщательно учитывал риск — а подобный вылет был чрезвычайно опасным. Топлива хватало лишь на возвращение с дополнительным грузом в виде человеческого тела. Любой лишний маневр оказался бы фатальным. Клавэйн особо подчеркнул: никакого героизма. Если запущенный Скади шаттл окажется хотя бы в километре за пределами зоны, допускающей нормальный контакт, Хлестун или другой пилот из посланной четверки должен вернуться, не обращая более внимания на

цель. На каждом шаттле Клавэйна находилась ракета с маяком-передатчиком вместо боеголовки. Если шаттл Скади окажется в пределах досягаемости, маячок будет прикреплен к его борту, чтобы потом на протяжении сотни лет субъективного времени — то есть половину тысячелетия по объективному времени — подавать сигнал. Конечно, разыскать заброшенный в космос кораблик будет очень непросто, но все же, пока он не вылетел за пределы освоенного людьми пространства, такая возможность остается. По крайней мере, будет надежда не потерять Фелку насовсем.

Хлестун увидел цель. Руководствуясь командами со «Света Зодиака», его судно взяло курс на шаттл Скади, израсходовавший последний микрограмм антиматерии и легший в дрейф. В передних иллюминаторах уже виднелся серо-стальной шип, залитый светом прожекторов.

Свинья открыл канал связи с субсветовиком:

— Говорит Хлестун. Я его вижу. Это шаттл, никаких сомнений. Не могу сказать, что за модель, но точно не наша.

Он замедлил приближение. Конечно, хорошо бы дождаться ответа от Скорпиона, но такую роскошь едва ли можно позволить. Уже сейчас сигнал идет до субсветовика двадцать минут. Дистанция постоянно увеличивается — «Свет Зодиака» ускоряется на десяти *g*. Спасателю позволено находиться в зоне перехвата всего полчаса, затем необходимо возвращаться. Минутой дольше — и не успеешь догнать звездолет.

Времени в обрез — но должно хватить, чтобы установить контакт между судами разных типов, проникнуть на борт и забрать дочь Клавэйна, или кто там она ему.

Хлестуну было трижды наплевать, кто она. Скорпион приказал — и это главное. Какое дело до того, что Скорпиону приказывает Клавэйн? Это нисколько не уменьшало восхищения и благоговения Хлестуна, преданного слепо и безоглядно. Он со Скорпионом почти с того же дня, когда тот объявился в Городе Бездны.

А прибытие Скорпиона произвело огромное впечатление. До него свиньи были жалкой шпаной, ютящейся в самых гнусных закоулках полумертвого города. Скорпион одухотворил всех, сделавшись преступным мессией, фигурой настолько легендарной, что многие даже сомневались в его существовании. Хлестун запоминал преступления Скорпиона с усердием новообращенного верующего. Изучал их, дивясь гениальной жестокой простоте. С замиранием сердца пред-

ставлял, каково быть автором и исполнителем таких криминальных чудес. Позднее он примкнул к банде Скорпиона и понемногу вскарабкался по иерархической лестнице. Когда впервые встретился со Скорпионом, испытал некоторое разочарование — тот оказался свиньей, как и Хлестун. Постепенно, однако, именно это обстоятельство прибавило благоговения перед боссом. Пусть он обычное существо из мяса и костей, но тем удивительнее его подвиги! Робея и нервничая, Хлестун тем не менее старался изо всех сил — и стал одним из главнейших подручных Скорпиона, а затем его правой рукой.

Потом Скорпион исчез. По слухам, отправился в космос — вести переговоры с какой-то преступной группой, может с угонщиками.

Для Скорпиона перемещаться по системе было бы рискованно и в мирное время. А уж когда пауки схлестнулись с зомби...

Постепенно Хлестун заставил себя принять безрадостную истину: скорее всего, вождь мертв.

Прошли месяцы, и вдруг выяснилось, что Скорпион в тюрьме. Его захватили пауки — должно быть, на территории зомби. Затем Феррисвильская конвенция заставила пауков передать преступника ей.

Значит, мощному, но краткому правлению Скорпиона пришел безвременный конец. Феррисвильская конвенция умела доводить до конца начатое, а в военное время практически все преступления влекли за собой смертную казнь. Скорпиона искали очень долго. Финал казался очевидным: образцово-показательный процесс, казнь и окончательное превращение вождя свиней в легенду.

Но действительность опровергла ожидания. Слухи, как обычно, поползли самые разные, но некоторые повторяли: Скорпион жив и на свободе, он пробился назад, в Город Бездны, и укрылся в мрачной башне, известной как Замок Воронов, в чьих подвалах обитают привидения. Будто бы Скорпион, в гостях у таинственного хозяина башни, занялся тем, о чем лишь мечтал, но к чему никогда не мог и приблизиться.

Он создавал настоящую армию из свиней.

Хлестун воссоединился с вождем и узнал: слухи не лгали. Скорпион вступил в странное содружество с престарелым человеком по имени Клавэйн. Они замыслили то, о чем традиции криминального мира запрещали даже думать, — захват субсветовика ультра. Хлес-

тун ужаснулся, восхитился и воодушевился дерзостью дела — еще до того, как узнал о грандиозном замысле, которому угон звездолета был лишь началом.

Конечно, отказаться от участия он не смог.

И вот он здесь, в световых годах от известного и привычного. Хлестун отлично служил Скорпиону, не только выполняя распоряжения, но временами и предвосхищая его действия, чем заслуживал сдержанную, но оттого более весомую похвалу.

Вблизи чужой шаттл имел знакомый, типичный вид сочленительской машины, походил на отшлифованный морем голыш. Все темно и ровно, ни единого огонька. Хлестун осветил судно прожекторами, отыскивая шлюз, почти невидимую издали линию на корпусе. Расстояние до чужого корабля — пятнадцать метров, скорость сближения — метр в секунду. Суденышко крохотное, отыскать человека на борту будет нетрудно — конечно, если Скади выполнила свое обещание.

Когда он находился в десяти метрах, посреди сочленительского шаттла вспыхнула искорка — будто первый луч нарождающегося солнца.

Хлестун не успел и моргнуть.

Слева по борту «Паслена» не было видно звезд, лишь безбрежный океан черноты. Из-за скорости видимый мир сжался в кольцо вокруг субсветовика. Но корабль-преследователь двигался с той же скоростью, поэтому наблюдался прямо позади.

Яркая точка взрыва проколола бескрайнюю черноту, словно случайная заблудившаяся звезда.

Скади изучила вспышку, учла небольшое красное смещение и вычислила: мощность взрыва в несколько тератонн — это сама боеголовка плюс небольшое количество антиматерии. Оружие уничтожило суденышко размером в шаттл, а не звездолет. Взрыв машин субсветовика, работающих с чудовищными энергиями квантового вакуума, дал бы мощность на три порядка большую.

Так что Клавэйн снова оказался умнее. Впрочем, нет — он всего лишь проявил себя неглупым. Скади пока не сделала ошибок. А он отбил все атаки, но сам до сих пор не ударил. Преимущество еще на ее стороне. К тому же одна из атак, несомненно, смогла нанести вред кораблю Клавэйна. Да и последняя вынудила его растратить ценное топливо. А оно бы очень понадобилось для грядущих битв вблизи

Ресургема. Клавэйну пришлось растратить ресурсы и силы. С военной точки зрения, Скади потеряла лишь возможность убедительно блефовать.

Но Скади и так не слишком полагалась на блеф.

Настало время исполнить задуманное.

— Ты лживый подонок! — заорала Антуанетта, врываясь в каюту.

Ксавьер лежал на спине, уместив компад на коленях. Девушка заметила бегущие по экрану строчки программы, напоминающие вычурные, изощренные по форме стопы стихотворения на незнакомом языке. Ксавьер держал в зубах стилос, и тот выпал, когда парень открыл от удивления рот. Компад шлепнулся на пол.

— Антуанетта? В чем дело?

— Я все знаю!

— Что ты знаешь?

— Про закон Мандельштама, про Лайла Меррика, про «Буревестник», про Зверя. И про тебя.

Ксавьер сел, коснувшись ногами пола, запустил пятерню в густую черную шевелюру.

— Да что тебе известно? — спросил он смущенно.

— Не ври мне!

Она бросилась на Ксавьера, молотя, но силы в ее ударах не было. Если бы не злость и отчаяние, они бы показались всего лишь любовной игрой. Но Ксавьер прикрыл лицо руками, подставил предплечья. Попытался заговорить, но лишь разжег ярость. Конечно, она не станет слушать жалкие лживые оправдания!

В конце концов ярость сменилась плачем. Тогда Ксавьер осторожно перехватил кисти девушки:

— Антуанетта...

Та ударила еще раз и заревела вовсю. Она любила его и ненавидела, хотела уничтожить и не желала ему зла в одно и то же время.

— Я не виноват, — проговорил Ксавьер. — Клянусь, не виноват.

— Почему же ты мне не сказал? — Она встретила его взгляд, часто моргая, заливаясь слезами.

— Почему не сказал?

— Именно об этом я и спрашиваю!

— Потому что твой отец взял с меня слово, что сохраню это в тайне.

Когда Антуанетта успокоилась и стала способной понять и принять правду, Ксавьер рассказал о прошлом.

Джим Бакс много лет дружил с Лайлом Мерриком. Оба водили грузовые суда в окрестностях Ржавого Пояса. Обычно пилоты-торговцы, работающие в одной сфере деятельности, вряд ли дружат по-настоящему: в коммерции бывают периоды везения и невезения, и ради выживания приходится выхватывать куски из-под носа у ближних. Но Бакс и Меррик занимали очень разные экологические ниши, работали с разными клиентами, и потому соперничество не омрачало дружбы.

Джим Бакс перевозил тяжелые срочные грузы по траекториям, требовавшим большой тяги и расхода топлива. Он легко брался за «горящие» заказы и держался, хотя и не всегда, в рамках закона. Сам клиентов-уголовников не искал, но и не спешил отказывать, если они все-таки обращались.

А Лайл имел дело исключительно с преступниками. Они понимали, что его медленная, ненадежная, хрупкая ракета на химической тяге с наименьшей вероятностью привлечет внимание таможни и полицейских. Лайл не мог обещать, что груз прибудет вовремя (если прибудет вообще). Но вот отсутствие проверок и неприятностей для клиентуры он гарантировал. И процветал, каковой факт тщательно прятал от властей, делая вид, что балансирует на грани банкротства. По меркам своего времени и окружения он был человеком зажиточным, намного состоятельнее Джима Бакса. Тот и не мечтал сравниться доходами с Лайлом. Меррик мог позволить себе раз в год снять альфа-копию своего сознания в аристократическом районе Города Бездны.

Много лет подряд Лайл без помех обделывал дела, но в один прекрасный момент заскучавший полицейский решил проверить ракету — просто потому, что Лайл никогда раньше не привлекал внимания властей, а это само по себе подозрительно. Догнать допотопное корыто труда не составило. Полицейский потребовал заглушить двигатели и открыть для него шлюз. Но Лайл попросту не мог такого позволить. Вся репутация этого человека зиждилась на том, что его грузы никогда не досматривались. Допустить полицейского на борт — все равно что расписаться в банкротстве.

Оставался единственный выход — удирать.

К счастью — вернее, как впоследствии оказалось, к большой беде, — до Нового Копенгагена было уже рукой подать. А неподалеку

в «карусели» имелся большой ремонтный док, подходящий размерами для ракеты. Если постараться, можно успеть в док, чтобы там закрыться и уничтожить груз до того, как роботы-полицейские вломятся на борт. Конечно, Лайл оказался бы по уши в дерьме, но, по крайней мере, не подвел бы клиента, а это для Меррика значило куда больше, чем собственное благополучие.

Конечно, из его затеи ничего не вышло. Загнанный четырьмя полицейскими катерами, окружившими его и уже выстрелившими тормозные захваты, он не справился с посадочным маневром и врезался в «карусель». К большому удивлению всех, и прежде всего самого Лайла, он пережил столкновение. Отсеки жизнеобеспечения и пилотская рубка проломились сквозь оболочку спутника, будто клюв птенца сквозь скорлупу. Скорость ракеты не превышала пары десятков метров в секунду, и Лайл отделался синяками и ссадинами. Он уцелел и в тот момент, когда взорвался главный двигатель разом с огромными топливными баками. Рубку просто запихнуло глубже в «карусель».

Не успев обрадоваться чудесному спасению, Лайл понял: он уже в дерьме не по уши, а с головой. Ракета ударила не в самый густонаселенный район «карусели», но жертв оказалось немало. Разгерметизировалось много отсеков, воздух хлестал из пробитой оболочки «карусели» и корпуса ракеты. Меррик протаранил парк, миниатюрный лес, освещенный подвесными фонарями.

В любую другую ночь тут гуляла бы лишь пара десятков людей и животных, наслаждающихся синтетическим пейзажем при свете луны. Но в ночь столкновения в парке давали концерт, исполняли одно из творений Квирренбаха, рассчитанных на вкусы публики попроще. Собралось несколько сотен. К счастью, большинство выжило, хотя многие получили очень тяжелые ранения. Сорок три человека погибло, не считая казненного в результате всего этого Лайла. Весьма вероятно, что сосчитать удалось не все жертвы.

Лайл сбежать не пытался. Знал, что игра окончена. Смертная казнь грозила уже за отказ впустить полицию на борт. От рокового приговора в этом случае еще можно было увернуться — подмаслить, задобрить, договориться. Но после столкновения дороги назад уже не было. Со времен эпидемии, превратившей Блистающий Пояс в Ржавый, повреждение обитаемого спутника считалось худшим из преступлений. На этом фоне сорок три смерти почти ничего не добавляли к тяжести преступления.

Лайла Меррика арестовали, судили, признали виновным по всем пунктам обвинения и приговорили к необратимой нейросмерти. Поскольку стало известно, что он клонировал свое сознание, был применен закон Мандельштама. Специально назначенные чиновники, называемые стирателями памяти, занялись отслеживанием и уничтожением всех альф и бет Меррика. За стирателями стояла вся технологическая и юридическая мощь Феррисвильской конвенции. Они пользовались аппаратурой и программами, устойчивыми к плавящей чуме, могли прочесать любую базу данных или архив, выудить малейшие следы запрятанной копии — и стереть целиком массив данных, заподозренный в сокрытии преступного кода. Стиратели отличались усердием и отменной квалификацией.

Но Джим Бакс не оставил друга в беде. Перед тем как петля закона окончательно затянулась, позднейшую альфа-копию спасли от ищеек, воспользовавшись помощью друзей Лайла — а некоторые из них были личностями, мягко говоря, жуткими. Тут же поменяли учетные записи клиники, где происходило копирование, представив дело так, будто Лайл пропустил последний назначенный сеанс. Стиратели несообразность заметили, несколько дней размышляли, но в конце концов решили, что пропавшая копия никогда и не существовала. Чиновники ограничились стиранием всего прочего и на том посчитали работу сделанной.

Так Лайл Меррик ушел от правосудия — в определенном смысле, конечно.

Джим Бакс согласился приютить альфа-копию Лайла, спрятать в том месте, куда власти и не подумают заглянуть. Но с условием: Меррик заменит собой судовой интеллект «Буревестника», альфа-копия человеческого разума возьмет под контроль набор подпрограмм и алгоритмов гамма-уровня, управляющих межпланетным грузовиком. Настоящий разум — пусть и запечатленный в информационных потоках электронного носителя — притворится программным продуктом.

То есть на судне поселится самый настоящий призрак.

— Но почему отец так поступил?! — воскликнула Антуанетта.

— А ты как думаешь? Он хотел позаботиться и о друге, и о дочери. И придумал способ защитить обоих.

— Защитить? Не понимаю как.

— Если бы Лайл Меррик не согласился, он бы отправился в электронный рай. Твой отец не пошел бы на риск ни на каких других

условиях. А так он мог получить выгоду, кроме морального удовлетворения от спасения друга — вернее, его части.

— И что же это за выгода?

— Лайл пообещал присматривать за тобой после смерти Джима.

— Еще чего! — отрезала Антуанетта.

— Никто не думал тебя оставлять в неведении, собирались рано или поздно рассказать... Но годы шли, потом Джим умер... — Ксавьер покачал головой. — Знаешь, для меня это тоже нелегко. Думаешь, приятно в одиночку хранить такую тайну? Антуанетта, это же чертовых шестнадцать лет! Когда явились те чинуши, я был зеленым юнцом. Твой отец только-только взял меня под крыло, поручил обслуживать «Буревестник». Конечно, я знал про Лайла Меррика.

— Я не понимаю. Что значит «присматривать за мной»? Это же не тошнотворный голосериал, где у отцов с дочерьми всегда проблемы. Все эти «ты никогда не говорил мне, что любишь» и прочая хрень. У нас такого не было, мы прекрасно ладили.

— Я знаю. В том-то и дело. Джим хотел удостовериться, что и после его смерти будет кому позаботиться о тебе. Он же не сомневался, что ты захочешь летать на «Буревестнике». И не был против. Больше того, хотел, чтобы ты летала. Он же гордился тобой. Правда гордился. Считал, что пилот из тебя получится даже лучше, чем из него, а уж бизнес ты наверняка поведешь успешнее — в тебе здоровая деловая жилка.

Антуанетта с трудом сдержала улыбку. Подобные комплименты ей часто говорил отец, но от другого их услышать было вдвойне приятней. Это ведь означает, что отец не просто хвалил дочь, а по-настоящему высоко оценивал ее способности.

— И что?

Ксавьер пожал плечами:

— Мужчина хотел позаботиться о дочери, только и всего. Разве это преступление?

— Не знаю... И как они договорились?

— Лайл поселится на «Буревестнике» и сымитирует прежний интеллект гамма-уровня, чтобы ты никогда не заподозрила о существовании ангела-хранителя. Лайл должен был осторожно присматривать и подправлять, следить, чтобы ты не попала в опасную переделку. Знаешь, с Лайлом могло хорошо получиться, он славился отменным инстинктом самосохранения.

Антуанетта припомнила случаи, когда Зверь пытался отговорить ее от тех или иных поступков. Такое случалось не раз, и всегда она считала странные попытки машины следствием чересчур осторожной программы судового интеллекта. И ведь не ошибалась. Это и была осторожность. До трусости. Только не программная.

— И Лайл согласился?

— Пойми, он страшно мучился совестью. Заедал себя буквально до смерти. Первое время то отключался, уходил в спячку, то убеждал друзей стереть его. Содеянное тяжело на него давило. Он не хотел жить.

— Но ведь благополучно живет!

— Потому что Джим дал ему смысл жизни — заботу о тебе.

— А что это за ерунда с «юной леди»?

— Маскировка. Надо отдать парню должное, он держался превосходно — пока дело не приняло крутой оборот. Но в той ситуации вряд ли можно его винить за панику.

— Наверное, нельзя, — сказала Антуанетта, вставая.

— Так что? Ты больше не будешь? Ну, насчет этого?

Антуанетта обернулась, сурово посмотрела ему в глаза:

— Нет, Ксав. Я буду. Я все понимаю. Даже то, почему ты мне лгал столько лет. Но лучше от этого не становится.

— Прости, — проговорил он, глядя в пол. — Я всего лишь пообещал твоему отцу...

— За это я тебя не виню, — ответила она.

Позже они занялись любовью. Было не хуже, чем раньше. А может, и лучше, потому что злость, отчаяние, ярость, облегчение еще плескались все разом в ее душе. Она и в самом деле больше не винила Ксавьера. Услышав его рассказ, поняла: он не мог сказать правду — по крайней мере, до тех пор, пока Антуанетта не выяснила бóльшую ее часть сама. И отца она не слишком винила. Он всегда заботился о друзьях и вдесятеро больше — о дочери. Все так типично для Джима Бакса.

Но оттого принять правду было не легче. Когда Антуанетта думала, сколько времени провела на борту «Буревестника», не зная, что рядом Лайл Меррик, постоянно подслушивавший, а может, и подглядывавший... ее захлестывала горечь. Это же так глупо! И подло!

Вряд ли это можно вот так запросто простить или забыть.

Днем позже Антуанетта хотела пройти на «Буревестник», ожидая, что, ступив на родную палубу, сможет простить многолетнюю ложь

самому близкому человеку, которому она доверяла больше всех в мире. Не важно, что это была ложь во благо, ради заботы и защиты.

Когда подошла к стапелям, держащим судно, дальше пройти не смогла. Старый «Буревестник» показался вдруг незнакомым, угрожающим. Это уже не ее корабль, а чужая холодная железяка, от которой лучше держаться подальше.

Антуанетта заплакала. У нее украли огромный кусок жизни, и потерянного не возвратить. Девушка повернулась и ушла прочь.

Решение принято, сомнения преодолены — и дело пошло быстро. Скади приказала уменьшить ускорение до одного *g*, велела техникам сократить зону поля до субмикронного размера и питать его лишь крохотной толикой прежней энергии. Это позволило высвободить бóльшую часть аппаратуры. Затем началось радикальное преобразование корабля, в соответствии с информацией, полученной от «Пролога».

В кормовых трюмах «Паслена» хранилось множество контейнеров, наполненных устойчивыми к эпидемии низкоуровневыми наномашинами-репликаторами. Их выпустили, запрограммировали размножаться, изменять свои функции, превращаться в слизь, меняющую форму и структуру материи субсветовика. Слизь целиком заполнила корму, растворяя переборки и балки, формируя их заново. Немалая доля аппаратуры, подавляющей инерцию, подверглась действию корабельной слизи. За собой она оставляла обсидианово-черные стеклянистые образования: тонкие арки, спирали, выступающие за кормой, словно жала и щупальца морской твари. На них, как присоски и ядовитые железы, бугрились узлы приборов. При работе эти щупальца и жала задвигаются подобно молотящим цепам, очерчивая определенные объемы пространства, преобразуя вакуум. Посреди, в зоне, не затронутой движением, родится область четвертой фазы квантового вакуума величиною в кварк, где инертная масса станет в буквальном смысле мнимой.

Крошечный пузырь нового вакуума начнет колебаться, его граница потеряет устойчивость, а потом за время много меньшее планковского скачкообразно расширится до размеров корабля.

Аппаратура, предназначенная стабилизировать зону четвертой фазы, была сделана с фантастической точностью, практически на Гейзенберговом пределе. Насколько переделки необходимы — сказать трудно, обдумывать нашептанное «Прологом» нет ни возмож-

ности, ни времени. Остается лишь надеяться, что модификации не повредят аппаратуре настолько, что та окажется полностью неработоспособной. А про то, что она может заработать совершенно непредвиденным образом, лучше и не думать.

При первом запуске не случилось ничего страшного. Аппаратура заработала, чувствительные датчики зарегистрировали слабые изменения вакуума — а не менее чувствительные детекторы движения показали: «Паслен» не продвинулся и ангстремом дальше расстояния, на которое звездолет переместила обычная работа двигателей.

Разозленная прежде всего на себя, Скади кинулась в черные внутренности машины. Вскоре отыскала того, у кого можно потребовать объяснений, — Моленку, специалиста по «Прологу». Та была мертвенно-бледной.

— Что не так? — обрушилась Скади.

Растерянная Моленка выдала объяснение, загрузила в мозг начальницы поток технических данных. Та пробежалась по ним, выделила главное. Ага, не совсем идеальна конфигурация ловушки, удерживающей поле. Зона второй фазы оказалась нестабильной, вакуум перешел в обычную нулевую фазу, прежде чем накачка смогла преодолеть потенциальный барьер и загнать вакуум в магическую четвертую фазу, в тахионное состояние. Но, кажется, аппаратура осталась целой и невредимой.

— Хм, я понимаю, что вы уже разобрались в причинах неудачи? Теперь осталось внести нужные изменения и начать заново.

— Скади...

— Что такое?

— Произошло ужасное... Я не могу нигде отыскать Жаструзяка. Когда эксперимент начался, он был ближе меня к аппаратуре. Но его нет теперь. И найти не могу, и даже признаков его существования не вижу.

Скади выслушала этот бред лишь вежливости ради. Выждала, пока женщина завершит поток абсурдных мыслей, выдержала паузу в несколько секунд, затем осведомилась осторожно:

— Жаструзяк? Да?

— Он же мой партнер! — сообщила женщина, отчего-то с облегчением. — Второй эксперт по «Прологу».

— Моленка, на корабле никогда не было человека по имени Жаструзяк.

Лицо женщины вовсе обесцветилось. Она выдохнула:

— Нет...

— Заверяю вас, на борту нет и не было никого по имени Жаструзяк. Команда невелика, я знаю всех.

— Это невозможно! Двадцать минут назад я была здесь вместе с ним! Мы вместе готовили машину к испытанию. Клянусь, Жаструзяк был тут, он отправился поближе к машине, подрегулировать ее перед запуском!

— Возможно, — согласилась Скади, раздумывая, не забраться ли в сознание Моленки и не установить ли блокаду на воспоминания последних пары часов.

Но ведь это не устранит конфликта между воспринимаемой реальностью и искаженными представлениями Моленки о ней. Остается лишь действовать применительно к обстоятельствам.

— Моленка, я понимаю, как вам сейчас трудно, но, пожалуйста, продолжайте работать с аппаратурой. Извините, я на мгновение забыла о Жаструзяке, имя вылетело из головы. Обещаю, мы его разыщем. На корабле появилось так много новых закоулков.

— Не надо меня...

Скади не дала ей окончить. Стальной палец уперся вдруг в подбородок женщины.

— Моленка, не возражайте, не надо. Не думайте, не сомневайтесь. Просто возвращайтесь к аппаратуре. Внесите нужные изменения. Ради меня, хорошо? Ради Материнского Гнезда.

Женщина задрожала. Скади подумала, что та всерьез испугана — так беспомощно трепещет зверек, попавший в безжалостные когти хищника.

— Да, Скади, — промямлила Моленка.

Имя «Жаструзяк» никак не шло из головы, казалось поразительно знакомым. При первой же возможности Скади подключилась к коллективной базе данных субсветовика и его экипажа, чтобы найти все отсылки к этому или сходному имени. Она задалась целью определить, что именно заставило подсознание Моленки взбунтоваться столь удивительным образом, создав воображаемого партнера посреди важнейшего испытания.

Слегка удивившись, Скади обнаружила: Жаструзяк и в самом деле существовал и обитал в Материнском Гнезде. Жаструзяка рекрутировали сочленители во время оккупации Города Бездны. Он быстро получил разрешение Внутреннего святилища на самую ответственную работу с двигательными системами. Жаструзяк входил в группу

специалистов, основавших исследовательскую базу на астероиде и работавших над уменьшением нейтринного шума сочленительских двигателей.

Как оказалось, работа была рискованной. Группа Жаструзяка в числе первых убедилась в этом. Взрыв уничтожил базу и вырвал огромный кусок полушария, где она располагалась.

Так что Жаструзяк был мертв уже много лет.

Но если бы он не погиб, то Скади обязательно захотела бы включить его в экипаж «Паслена». Наверняка он был бы ученым уровня Моленки.

Но какой во всем этом смысл? Скорее всего, просто странное совпадение.

— Мы уже готовы, можем повторить эксперимент, — сообщила Моленка.

Скади заколебалась. Может, все-таки сказать ей про Жаструзяка? Но быстро передумала. Вместо того скомандовала:

— Так начинайте!

Она наблюдала, как задвигалась черная машинерия, как спирали и отростки замельтешили, будто проходя друг сквозь друга, возмущая, перекручивая пространство и охраняя от посторонних возмущений крошечную область космоса с измененной метрикой. За секунды движение перестало различаться глазом — за кормой «Паслена» возник размытый черный вихрь. Детекторы частиц высокой энергии и гравитации выбросили поток информации. Пространство претерпевало страшное напряжение, метрика искажалась, чудовищная энергия концентрировалась на границе зоны фазового изменения. Данные детекторов, обработанные и сопоставленные, показывали, как меняется геометрия зоны.

Моленка передала результаты Скади, представив для наглядности зону поля как растущий пузырь света, дрожащий и пульсирующий, будто капля ртути в магнитной ловушке. Поверхность переливалась множеством цветов, отображая детали вакуумной трансформации. Но детали не интересовали Скади. Для нее главным была удостоверенная данными нормальность, стабильность поля — конечно, в той степени, в какой может быть нормальным нечто, не имеющее права существовать в обычной Вселенной. Изображение зоны осветилось синим, показывая, как излучение Хокинга переходит в тахионное состояние и уносится прочь от «Паслена».

Моленка передала, что уже можно расширять поле, погружая субсветовик целиком в сферу четвертой фазы вакуума, в тахионное состояние. Процесс расширения пройдет очень быстро, за пикосекунды субъективного времени. Тахионной стабильности хватит, чтобы переместить звездолет на световую наносекунду — то есть на тридцать сантиметров. Одноразовые датчики уже находятся снаружи корабля, за предполагаемой областью поля, и готовы зарегистрировать перемещение. Конечно, треть метра кажется сущей малостью, но ведь процедуры расширения и тахионного скачка можно повторить сколько угодно раз. Самое важное и трудное — суметь хотя бы единожды, дальнейшее уже дело техники.

Скади разрешила расширить зону поля и перевела свои имплантаты в состояние максимально ускоренного мышления. Обычное движение на борту стало едва заметным статичным фоном, безумное вращение аппаратуры на корме замедлилось, стало различимо гипнотическое, приковывающее взгляд движение отдельных частей. Скади внимательно обследовала свой разум, отметила нервность, нетерпение, подспудный страх перед ошибкой. Вспомнились слова волка о том, что лишь очень немногие органические сущности двигались быстрее света. В других обстоятельствах она восприняла бы эти слова как предостережение, но ведь он, по сути, подталкивал, провоцировал ее на попытку. И по-настоящему помог в расшифровке информации, поступившей от «Пролога». Без волка это едва ли бы удалось. Должно быть, он не хотел погибать. Хотя, возможно, лишь наслаждался замешательством Скади, вовсе не заботясь о самосохранении.

Но теперь уже не важно. Процесс начался. Движущиеся детали машины изменили состояние поля вблизи зоны измененного вакуума, возмущая осторожно и продуманно ее границу, подталкивая к расширению. Зона начала осциллировать, мгновенно расширяться, опадать снова. Размеры менялись на порядки — но все же слишком медленно.

Скади быстро поняла: что-то пошло не так. Поле должно было расшириться во временных масштабах, находящихся за пределами человеческого восприятия, пусть даже и ускоренного. Зона не объяла весь корабль, но раздулась лишь до размеров грейпфрута, зависла среди крутящегося мельтешения на корме, непонятная, страшная. Скади лихорадочно взмолилась: пусть, пусть оно схлопнется до микрона, до искорки в бактерию величиной — но ведь поле, скорее,

расширится неконтролируемым образом. Моленка ведь предсказывала нестабильность...

Завороженная и напуганная, Скади наблюдала, как зона дергалась и менялась: то вытянулась, уподобясь арахисовому ореху, то превратилась в тор. А по словам Моленки, такая топологическая деформация была попросту немыслима!

Пузырь вакуума снова поменял связность, стал сферой, а спустя мгновение покрылся выступами. На мгновение показалось, что смотрит, глумясь, уродливая морда горгульи. Конечно, это лишь шутки подсознания, проекция знакомой формы туда, где она никак не могла появиться, но понимание не уменьшило страха. Пузырь вакуума казался жутким воплощением злой хаотической силы.

Пузырь раздулся снова — до размеров шаттла. Часть движущихся деталей не ушла вовремя от границы зоны, их края проткнули пузырь, вошли внутрь. Мгновенно детекторы захлестнул чудовищный поток гравитонов и элементарных частиц, загнал показания далеко за допустимые пределы. Ситуация вышла из-под контроля. Корабельные системы, локализованные на корме, выходили из строя одна за другой. Движущиеся части хаотично задергались, хлестая друг друга, словно руки пьяных танцоров. Брызнули обломки. От мест столкновения деталей с границей поля зазмеились ленты раскаленной плазмы. Зона раздулась опять, поглотив кубические гектары аппаратуры, уже не способной поддерживать стабильность вакуума. Внутри поля засверкали вспышки разрывов. Центральная движущаяся часть — длинный изогнутый кронштейн — переломилась в основании, врезалась в борт «Паслена». Скади ощутила цепь взрывов вдоль корпуса, алых вспышек от кормы к рубке. Чудесная машина, выпестованная ею, рвала себя на части. Зона измененного вакуума раздулась, не сдерживаемая более искалеченными генераторами потенциальной ямы.

Зазвучали сирены тревоги, по всему звездолету загрохотали опускаемые аварийные переборки. Из центра зоны засиял ослепительный белый свет — материя становилась фотонами, начался катастрофический переход в третью фазу вакуума, когда материя полностью теряет инертную массу.

Сквозь границу хлынул поток фотонов и лептонов. Оставшиеся кронштейны отшвырнуло, переломило, как сухие ветки. Вспыхнул краткий ослепительный разряд плазмы, пузырь вакуума раздуло. Он захватил «Паслен» целиком, диссипируя в то же время. Скади ощу-

тила прохождение фронта — будто порыв ледяного ветра летним днем. Ударная волна сотрясла звездолет, Скади швырнуло на стену. В обычной ситуации та смягчилась бы мгновенно, поглощая энергию столкновения, — но теперь осталась твердым неподвижным металлом.

Однако корабль уцелел, как и его хозяйка. Она могла двигаться, размышлять. Могла слышать вытье сирен, аварийные сообщения, лязг закрывающихся переборок. Кризис миновал, пузырь измененного вакуума рассеялся, пусть и покалечив звездолет. Даже если «Паслен» невозможно в полной мере отремонтировать, он не уничтожен. А значит, еще не все потеряно.

Скади приказала сознанию вернуться к нормальной рабочей скорости. Гребень на голове пульсировал от избытка крови — следовало избавиться от избыточного тепла, произведенного сверхэнергичной работой мозга. Ощущалось головокружение — неизбежное следствие разгонки разума. Но это быстро пройдет. Кажется, тело осталось неповрежденным; несмотря на жестокий удар о стену, оно послушно реагировало на приказы. Скади ухватилась за опору, толкнула себя к середине коридора. Субсветовик дрейфовал, устройств искусственной гравитации он не имел, и потому внутри воцарилась невесомость.

— Моленка?

Ответа нет. Вся корабельная сеть вышла из строя. Общаться напрямую теперь можно, лишь находясь поблизости друг от друга. Но Скади помнила, где находилась эксперт по вакууму перед аварией. Хозяйка «Паслена» позвала вслух, громко — и снова не получила ответа. Тогда она направилась к машинному отделению. Важнейшие помещения корабля не разгерметизировались, хотя пришлось повозиться, открывая непроницаемые аварийные переборки.

Блестящие изогнутые поверхности чужеродной аппаратуры, похожие на полированное стекло, значительно сместились со времени последнего визита Скади в машинное отделение. Неужели взорвавшийся пузырь вакуума так исказил корабль? Ноздри колол запах озона, пахло еще чем-то незнакомым, странным. Завывали сирены, машинные голоса наперебой выкрикивали аварийные сообщения, где-то поблизости ломался, рвался металл.

— Моленка?

— Скади...

Сигнал был совсем слабым, на грани восприятия — но это, несомненно, ответ Моленки. Она уже близко.

Скади полезла дальше, с трудом протискиваясь меж округлых, продолговатых выступов аппаратуры — словно по древней пещере, отполированной течением подземной реки. Проход расширился, стал полостью метров шести в диаметре, со стенами, утыканными гнездами для подключения техники. Из иллюминатора в дальней стене открывался вид на разбитые, искривленные части машины, генерировавшей потенциальную яму для измененного вакуума. До сих пор части ее еще двигались, вяло шевелились, подергивались, будто лапы агонизирующей твари. Увидев собственными глазами, Скади поняла: повреждения куда тяжелее, чем о том сообщила диагностическая аппаратура. Корабль буквально выпотрошен.

Но не столько следы повреждения «Паслена» привлекли внимание Скади, сколько плавающий в центре помещения угловатый тюк, вздутый мех с пятью выростами, напоминающий воздушный шарик смутно человеческой формы, с молочно-белой поверхностью, под которой двигалось нечто, с трудом различимое сквозь опалесцирующую пленку. Оно казалось искаженным, изуродованным — просвечивали то части темной одежды, то бледная плоть.

— Моленка?

Хотя Скади находилась вблизи, ответ донесся, будто с огромного расстояния:

— Да, это я. Скади, я в ловушке. Меня захватило поле.

Скади поразилась спокойствию женщины. Ведь она гибнет, сомнений нет — и докладывает о своем состоянии отстраненно и спокойно. Вот это мужество настоящего сочленителя, убежденного, что его сущность останется жить в коллективном сознании Материнского Гнезда, что смерть тела — лишь удаление лишних внешних частей, незначительных деталей великого целого. Но Скади напомнила себе: до Материнского Гнезда очень далеко.

— Моленка, вы в зоне измененного вакуума?

— Да. Она разделилась, проходя через корабль. Часть обволокла меня — будто специально искала, хотела заключить в себя.

Тюк с пятью выростами отвратительно запульсировал — наверное, был нестабилен, готов схлопнуться или распасться.

— Которая фаза вакуума в вашей зоне?

— Наверное, первая — я не ощущаю никаких изменений. Но мне не шевельнуться, и я как будто очень далеко. Неимоверно далеко...

Опалесцирующая пленка сжалась, — как Моленка и говорила, поле было крайне нестабильным. Зона теперь плотно облегала тело.

Пару секунд Моленка выглядела почти нормально, разве что была одета в сочащийся перламутровый свет. Скади показалось, что сейчас поле распадется, диссипирует, освободив пленницу. Но тут же родилось страшное предчувствие: все закончится крайне плохо.

Пленка задрожала снова, встрепенулась, издала хлюпающий звук. Даже слабая связь между сознаниями донесла к Скади ужас и растерянность попавшей в ловушку женщины. Испускающая свет оболочка начала сжиматься.

— Скади, помоги мне! — взмолилась пленница. — Я не могу дышать.

— Как? Я не знаю, что делать.

Пленка тесно прижалась к коже. Моленка стала задыхаться. Нормальная речь в таких условиях невозможна, нейропрограммы уже начали аварийную работу: отключали все не важные для жизни отделы мозга, сохраняя запасы кислорода, позволяя мозгу прожить без повреждений еще три-четыре минуты.

— Помоги мне, — взмолилась Моленка едва слышно. — Пожалуйста...

Пленка сдавила сильнее. Скади наблюдала, завороженная, не в силах отвести взгляд. Боль раздавливаемой женщины хлынула в мозг. В сознании Моленки осталась лишь боль, ни единой связной мысли. Скади протянула руку — сделать хоть что-нибудь, пусть бесполезное. Дотронулась до пленки — та от касания сжалась еще сильней. Связь между сознаниями нарушилась — граница поля плющила женщину, давление уничтожало деликатную структуру имплантатов в мозгу.

Пленка приостановилась, завибрировала — и вдруг стянулась с ужасающей скоростью. Когда фигура Моленки уменьшилась на четверть, граница поля внезапно окрасилась в алый цвет. По связи хлынул дикий поток сигналов, но затем предохранительные контуры оборвали соединение между сознаниями. Моленка умерла. Но одетая полем фигура оставалась человекоподобной. Вот она — будто манекен, потом будто кукла, потом уменьшилась до крошечной статуэтки и лишь тогда стала похожа на шар. Должно быть, содержимое стало жидким.

Вскоре молочно-белая оболочка приняла шарообразную форму и стабилизировалась.

Скади протянула руку, ухватила белый шарик, некогда бывший Моленкой. Следовало выбросить его за борт до того, как поле снова начнет сжиматься. Материя внутри уже находилась под чудовищным

давлением. Лучше и не думать о том, что произойдет, если поле вдруг распадется.

Скади потянула шарик — тот едва сдвинулся, словно укоренился в пространстве. Скади увеличила прилагаемую силу, и шарик постепенно, миллиметр за миллиметром, пополз в нужную сторону. Он сосредоточил в себе всю инертную массу Моленки, а может, и не только ее массу, и потому его трудно было разгонять, направлять и тормозить.

Скади принялась медленно, осторожно толкать его в сторону ближайшего шлюза.

Винт древней видеосистемы закрутился. Клавэйн стоял рядом, схватившись за ограждение, и рассматривал возникшую картинку. В ее центре висело нечто расплывчатое, напоминающее раздавленного жука с вылезшими наружу, из-под твердого панциря, длинными извилистыми кишками.

— Вряд ли теперь она обгонит нас, — заметил Скорпион.

— Доигралась, — заметила Антуанетта, присвистнув от удивления. — Просто дрейфует, тяги ноль. Мать честная! Как думаете, что с ней стряслось?

— Авария, но не критическая, — ответил Клавэйн, — иначе бы мы «Паслен» не увидели. Скорпион, дай-ка фокус на корму «Паслена». Кажется, место аварии там.

Свинья управлял внешними камерами, нацеленными на дрейфующий корабль и постоянно меняющими направление сканирования — ведь сближение происходило со скоростью в тысячу километров в секунду. Через час рассчитывали подойти на расстояние выстрела. «Свет Зодиака» даже не ускорялся, системы подавления инерции бездействовали, двигатели молчали. Жилые отсеки субсветовика вращались, чтобы обеспечить искусственное тяготение в одно *g*. Клавэйн наслаждался свободой движений. Ни мучительных перегрузок, ни проблем с неуклюжим экзоскелетом. А еще приятнее не ощущать эффектов подавления инерции.

— Готово, — объявил Скорпион, закончив возиться с настройками. — Четче уже не сделаешь.

— Спасибо!

Ремонтуар, единственный из всех еще одетый в экзоскелет, приблизился к экрану, жужжа сервомоторами, и стал рядом с Полиной Сухой.

— Клавэйн, я не видел раньше этих структур, но они не выглядят результатом аварии.

Старик кивнул — он и сам так думал. В целом форма звездолета оставалась прежней, но с кормы выходил пучок запутанных арок и кронштейнов — словно часы взорвались и разлетающиеся механические внутренности застыли в пространстве.

— И что это, по-твоему, может быть?

— Скади отчаянно старалась обогнать нас, выйти вперед. Возможно, она задумала нечто экстремальное.

— Экстремальное? — повторил удивленно Ксавьер, стоявший рядом с Антуанеттой, обняв ее за талию.

Оба были перепачканы машинным маслом.

— Она уже задействовала подавление инерции. Мы видим попытку достичь иного, модифицировать оборудование ради нового эффекта, — ответил Ремонтуар.

— То есть? — спросил Ксавьер.

— Подавляющая инерцию аппаратура переводит в некой области квантовый вакуум в фазу два, что позволяет снизить инертную массу, но целиком ее не убирает, — пояснил сочленитель. — Если перевести вакуум в третью фазу, где инертная масса строго нулевая, вся материя станет фотонной, движущейся со скоростью света. Субъективное время растянется до бесконечности, и корабль, перешедший в такое состояние, останется в нем до конца Вселенной.

Клавэйн с одобрением посмотрел на друга. Тот не выказывал ни малейшего недовольства, нося экзоскелет — хотя тот являлся, по сути, мобильной тюрьмой, готовой зафиксировать Ремонтуара, если вдруг его поведение покажется Клавэйну подозрительным.

— А как насчет четвертой фазы? — спросил он.

— Если проскочить третью фазу не задерживаясь, то в четвертой фазе материя перейдет в тахионное состояние и будет вынуждена двигаться быстрее света.

— И Скади попыталась это сделать? — изумился Ксавьер.

— Это самое логичное объяснение случившемуся.

— И что же произошло? — спросила Антуанетта.

— Поле оказалось нестабильным, — медленно и печально ответила бледная, изможденная Полина Сухая. — По сравнению с удержанием объема измененного вакуума удержание плазмы при термоядерном синтезе — детская игрушка. Подозреваю, сперва Скади произвела микроскопический объем пространства с измененной

метрикой, скорее всего, субатомных размеров, но в любом случае не больше микронных. На таких масштабах манипулировать полем несложно. Но простота эта обманчива. Видите серповидные кронштейны, странные отростки? — Сухая показала на деформированную корму «Паслена». — Это генераторы поля и устройства для создания потенциальной ловушки. Полагаю, их назначение — обеспечить стабильное расширение поля до размеров корабля. При распространении со скоростью света зона поля поглотила бы корабль в считаные миллисекунды, но измененная фаза вакуума распространяется со сверхсветовой скоростью. Размер пузыря четвертой фазы удваивается за десять в минус сорок третьей степени секунд. Так что если возникнет нестабильность, ничто среагировать не успеет.

— А если зона продолжит расти? — спросила Антуанетта.

— Она не продолжит, — ответила Полина. — А если и вздумает продолжить, вы об этом не успеете узнать. Никто не успеет.

— Повезло Скади, что хоть корабль не разнесло вдребезги, — заметил Ксавьер.

— Наверняка переход между фазами осуществился не совсем гладко. Проскочить поверх третьей фазы не удалось. Как следствие, часть корабля превратилась в чистый белый свет. Небольшой фотонно-лептонный взрыв, — пояснила Сухая.

— Звучит не слишком страшно, — заключил Скорпион.

— На «Паслене» есть выжившие? — спросила Антуанетта.

— Если и есть, отсюда их не заметишь, — указал Клавэйн. — Субсветовик-прототип проектировался с расчетом на максимальную скрытность. Обычное сканирование не поможет найти уцелевших.

Скорпион поправил настройки, и картинка приобрела кислотно-яркие цвета: зелень и синеву.

— Ага, тепловое излучение. Клавэйн, она не отключилась целиком. Если бы все системы отказали, «Паслен» сейчас был бы на пять градусов холоднее.

— Несомненно, живые на борту остались, — подытожил старый сочленитель.

— Очень даже может быть, — согласился свинья. — Они будут тихо ждать, пока мы не уйдем вперед, за радиус видимости локаторов. Затем займутся ремонтом. Плюнуть не успеешь, а они уже на хвосте, и проблем не меньше, чем до того.

— Скорпион, я об этом подумал, — сообщил Клавэйн.

— И?

— Я их атаковать не хочу.

В темных глазах Скорпиона полыхнула ярость.

— Клавэйн!

— Фелка еще жива.

В рубке повисла неловкая тишина. На командира уставились все, даже Полина Сухая, — и каждый благодарил про себя судьбу за то, что не ему выпало принимать решение.

— Ты не знаешь наверняка, — процедил Скорпион, с трудом сдерживая злость. — Скади уже солгала — и убила Хлестуна. Она не дала никаких доказательств того, что Фелка на борту «Паслена». Или не взяла Фелку с собой, или та уже мертва.

— А каких доказательств ты ждал? — спокойно спросил Клавэйн. — Скади может сфабриковать что угодно.

— Ну, она могла бы узнать что-нибудь, известное только Фелке, и сообщить.

— Скорпион, ты никогда не видел Фелку. Она сильная. Гораздо сильнее, чем думает Скади. Фелка не даст Скади ничего, что та могла бы использовать для манипулирования мною.

— Клавэйн, возможно, Фелка и на борту. Но это не значит, что она бодрствует. Наверное, ее погрузили в анабиоз, чтобы не причиняла хлопот.

— И что с того?

— Она ничего не почувствует. У нас теперь хватает оружия. «Паслен» — беспомощный подранок. Мы можем разнести его на атомы мгновенно, безболезненно для еще выживших.

Клавэйн усилием воли подавил гнев.

— Ты бы предложил то же самое, если бы Скади не убила Хлестуна?

Свинья хряснул кулаком по перилам:

— Она убила! И это главное.

— Пусть это и главное — но не единственное, — подала голос Антуанетта. — Клавэйн прав. Мы не должны поступать так, будто человеческая жизнь для нас — ничто. Иначе мы станем не лучше волков.

Ксавьер посмотрел на подругу с гордостью:

— Я согласен. Скорпион, вы уж извините. Я понимаю, Скади убила Хлестуна и вы очень на нее злы.

— Ты не представляешь, насколько я зол. — В голосе Скорпиона звучала не столько злость, сколько сожаление. — И не надо мне

говорить про то, что человеческая жизнь вдруг стала для вас такой ценной. Просто Клавэйн знает Фелку, вот она ему и дорога. Ведь и Скади, и ее команда — тоже люди, правда?

Молчавший до того Крест тихо сказал:

— Скорпион, послушай Клавэйна. Он прав. Мы еще доберемся до Скади. А всех валить — оно как-то неправильно.

— Могу я кое-что предложить? — спросил Ремонтуар.

Клавэйн настороженно глянул на него:

— Что, Рем?

— «Паслен» уже в пределах досягаемости шаттла. Если мы решимся пожертвовать пятой частью наших запасов антиматерии, сможем подобраться к Скади. Расход большой, но другого такого шанса может и не быть.

— Другого шанса на что? — спросил Клавэйн.

Ремонтуар заморгал, не понимая, отчего собеседник не видит очевидного.

— Спасти Фелку, конечно.

ГЛАВА 29

Ремонтуар подсчитал безошибочно. Похоже, он оценил затраты топлива на полет шаттла еще до того, как сама мысль об экспедиции по спасению Фелки пришла в голову Клавэйну.

Отправились трое: Скорпион, Клавэйн и Ремонтуар.

Времени на подготовку судна оставалось в обрез. Оно и к лучшему, что в обрез: будь у Клавэйна дни или часы, он провел бы их, терзаясь сомнениями, без конца сопоставляя возможные наборы оружия и брони с допустимым запасом топлива. А так надо было только воспользоваться разобранной до рамы посудиной, из тех, что использовались для снабжения летящего впереди кораблика, — он защищал от солнечных парусов, пока у субсветовика не появился собственный защитный парус, удерживаемый впереди лазерами. Шаттл представлял собой скелет: черные балки со шпангоутами и серебристого цвета аппаратура управления, ничем не закрытая от космического холода и радиации. Клавэйну с непривычки такая оголенность показалась слегка непристойной. Впрочем, если Скади вздумает обороняться всерьез, броня не поможет.

Изолированной, и то не герметично, осталась только рубка. Придется всю экспедицию провести одетыми в скафандры, плюс взять один для Фелки. Предусмотрели и место для криокапсулы, если Фелка окажется в анабиозе. Но в этом случае придется, компенсируя лишнюю массу, оставить на половине обратного пути оружие и топливные баки.

Клавэйн, к чьему скафандру была подключена система управления судном, сел посередине. Скорпион уместился слева, Ремонтуар — справа. Если старому сочленителю понадобится отдых, оба смогут взять управление на себя.

— Уверен, что можешь мне доверять? — спросил Ремонтуар, улыбаясь, когда Клавэйн выбирал себе спутников. — Все-таки дело крайне важное.

— Вот там и узнаем, — отпарировал Клавэйн.

— Но в экзоскелете от меня не много проку. В нормальный скафандр он не влезет, а бронированного мы не подготовили.

Клавэйн посмотрел на помощника Скорпиона, свинью по прозвищу Кровь, и приказал:

— Выньте его из скелета. Если что не так — вы знаете, как поступить.

— Все будет как надо, — заверил Ремонтуар.

— Я почти тебе верю. Но не стал бы рисковать, будь здесь хоть кто-нибудь, знающий «Паслен», да и саму Скади, лучше тебя.

— Я тоже лечу, — объявил Скорпион.

— Мы собираемся вернуть Фелку, а не отомстить за Хлестуна, — уточнил Клавэйн.

— Я понял, — ответил свинья, хотя по лицу было видно, что одно в его представлении не исключает другого. — Но скажи честно: неужто ты, забрав ее, упустишь возможность организовать пару сюрпризов напоследок?

— Я лечу принять капитуляцию Скади, — ответил Клавэйн. — О каких сюрпризах речь?

— О микробоеголовках. Никакого лишнего веса, а дыру сделают на зависть. Я их в момент расставлю.

— Я благодарен за готовность помочь и хорошо понимаю твои чувства к Скади. Но ты нужен здесь, чтобы руководить производством оружия.

— А ты здесь не нужен?

— Я должен выручить Фелку.

Скорпион коснулся его руки:

— Послушай, я серьезно предлагаю помощь. Не отказывайся. Я нечасто хочу помочь людям. Так что скажи спасибо за мою добрую волю и, ради бога, заткнись!

Клавэйн пожал плечами. Он не слишком верил в успех экспедиции, но энтузиазм Скорпиона странным образом передался и старику-сочленителю.

Он глянул на Ремонтуара:

— Рем, похоже, он будет со мной. Ты уверен, что все еще хочешь лететь?

Ремонтуар посмотрел на свинью, затем опять на старика и ответил:

— У нас получится.

Скорпион с Ремонтуаром сидели молча, позволив Клавэйну сосредоточиться на управлении. Тот увел на большой скорости шаттл от «Света Зодиака» и направил на перехват дрейфующему «Паслену», стараясь не думать, с какой скоростью несутся оба субсветовика. Их скорость сейчас лишь на два процента отличалась от скорости света — но, глядя на окружающее, понять это нелегко. Да, релятивистские эффекты сместили звезды, изменили их спектры, но светила оставались неподвижными на небосводе даже при столь высоком тау-факторе. Если бы траектория пролегала поблизости от излучающего тела, конечно, с шаттла заметили бы сильное искажение его формы, сжатие Лоренца — Фицджеральда. Но и то не возникло бы заметного ощущения скорости, разве что пронеслись бы, чуть не коснувшись атмосферы. О скорости можно было бы судить по выбросу корабля, направляющегося назад, к Йеллоустону. Но никакой корабль не летел сейчас навстречу, не миновал «Свет Зодиака». Конечно, корпуса обоих звездолетов излучали в инфракрасном диапазоне, разогретые трением о случайные атомы водорода и микроскопические частицы пыли, присутствующие и в межзвездном пространстве, — но этот сигнал был слишком слаб. Сознание Клавэйна не получало никаких данных, позволяющих судить о чудовищной скорости полета. Но ведь случайные атомы и частицы пыли попадали и в шаттл, хотя его сечение столкновений не могло сравниться со звездолетным. Более того, незащищенных людей бомбардировали кванты высоких энергий, значительно возросших из-за релятивистских эффектов. Поэтому вокруг рубки все-таки оставили броню.

Полет к «Паслену» не показался долгим — возможно, оттого, что Клавэйн предчувствовал скверные события в его конце. Все трое проспали бóльшую часть пути, экономя ресурсы скафандров. Если бы Скади вздумала атаковать, защититься все равно было бы невозможно.

Очнулись они, когда искалеченный «Паслен» оказался в зоне прямой видимости.

Конечно, новый звездолет сочленителей был черным, отлично поглощал слабое излучение и при свете далеких звезд был практически неразличим для невооруженного глаза — но теперь виднелся неплохо, потому что «Свет Зодиака» подсвечивал его мощным лазером. Конечно, мелких деталей было не разобрать, но и увиденного хватило, чтобы экипаж шаттла не на шутку испугался — словно вышедшая из-за облаков луна высветила разваливающийся замок, где поселилась нечисть. Тень шаттла ползла по корпусу, и тот будто корчился в муках.

Странные надстройки на корме с малого расстояния выглядели еще странней. Издали не угадывалась ни их сложность, ни степень повреждений, причиненных аварией. Надстройки изломало и скрутило. Скади очень повезло. Повредился в основном лишь самый ют корабля. Оба главных двигателя, далеко разнесенные на кронштейнах, выходящих из самого широкого сечения звездолета, практически не пострадали. Клавэйн подвел судно ближе, убежденный в том, что, если бы Скади хотела выстрелить, давно бы выстрелила. Шаттл осторожно продвигался среди балок, похожих на жала, через арки арок и проемы из аппаратуры, предназначенной двигать звездолет быстрее света и полностью разрушенной.

— Скади оказалась в отчаянном положении и прибегла к отчаянным мерам, — сказал Клавэйн спутникам. — Она знала, что раньше ее мы прибыть не сможем. Но этого ей было недостаточно, она хотела опередить нас на годы.

— У нее был способ, и она им воспользовалась, — сказал Скорпион. — Чему же ты удивляешься?

— Удивляться этому естественно, — ответил Ремонтуар прежде, чем Клавэйн успел открыть рот. — Скади прекрасно знала, сколь рискованно переходить к четвертой фазе. Я спрашивал насчет исследований в этом направлении, и она ответила, что ничего подобного не ведется. Мне уже тогда это показалось ложью. Наверняка ее эксперименты установили степень риска.

— Ладно, — согласился Скорпион. — По мне, тут ясно одно: уж очень ей нужны эти пушки, раз решилась из-за них лезть в такое пекло.

— Да. Но ведь мы имеем дело не со Скади, — заметил Клавэйн. — Мы боремся с тем, что поработило ее сознание в Замке Воронов. Мадемуазель хотела заполучить это оружие, и она заставила Скади желать его.

— Меня очень интересует Мадемуазель, — сказал Ремонтуар, которому уже сообщили о случившемся в Городе Бездны. — Я бы охотно с нею побеседовал.

— Слишком поздно, — сообщил Скорпион. — Эйч держит ее труп в железном ящике. Разве Клавэйн тебе не рассказал?

— Что-то он в ящике держит, несомненно. Но вряд ли самую важную часть этой Мадемуазель, — ответил Ремонтуар не без раздражения. — Главное добралось до Скади — и, насколько можно судить, стало ею.

Клавэйн провел шаттл сквозь последнюю арку, образованную сходящимися черными лезвиями, и снова судно очутилось снаружи. Другая сторона «Паслена» казалась угольно-черной, разглядеть хоть что-то позволяли только прожектора шаттла. Клавэйн направил свет вдоль звездолета, отмечая, что все оружие осталось внутри корпуса, укрытое незаметными снаружи люками. Конечно, привести артсистемы в боевую готовность можно было в мгновение ока, но все же очень ободряло то, что они еще не выставлены и не нацелены на приближающийся шаттл.

— Вы знаете, как в эту штуку залезть? — спросил Скорпион.

— Это же наш корабль, — ответил Ремонтуар. — Тебе бы тоже следовало его помнить — именно он вытащил тебя с крейсера Марушки Чанг.

— С того времени я помню только, как вы меня пытались напугать до смерти.

С облегчением Клавэйн осознал, что искомый шлюз находится прямо внизу. Искалеченный звездолет по-прежнему не подавал признаков жизни: ни огоньков, ни реакции на приближающуюся массу. Шаттл приклеился к корпусу захватами, покрытыми эпоксидной массой. Старик затаил дыхание, когда присоски фиксировались на броне из черного льда. Но опять никакой реакции.

— Сейчас начнется самое сложное, — оповестил Клавэйн. — Рем, оставайся на борту. Скорпион пойдет со мной.

— Можно осведомиться почему?

— Да. Хотя я надеялся, что ты этого выяснять не станешь. У Скорпиона гораздо больше опыта боев в замкнутом пространстве — едва ли не больше, чем у меня. Но главное, я не знаю, как ты поведешь себя там, внутри.

— Но ведь ты поверил мне, взял с собой!

— И я готов поверить, что ты подождешь нас в шаттле. — Клавэйн взглянул на хронометр. — Через тридцать пять минут вернуться будет невозможно. Жди полчаса, затем уводи судно. Не медли ни минуты сверх получаса, даже если мы со Скорпионом покажемся в шлюзе.

— Ты серьезно?

— Мы загрузили достаточно топлива, чтобы вернуться вчетвером, вместе с Фелкой. Если вернешься один, сохранишь топливо. А оно понадобится позже. Очень понадобится. Рем, я доверяю тебе будущность экспедиции.

— Но на борт подняться не позволяешь.

— Нет. Там Скади. Я не уверен в том, что ты не перейдешь назад, на ее сторону.

— Клавэйн, ты очень ошибаешься.

— Правда?

— Я никуда не переходил. Не дезертировал. И ты тоже. Это Скади и ее присные перешли, оставили нас, а не наоборот.

— Да хватит, — пробурчал Скорпион, дергая Клавэйна за рукав. — У нас осталось всего двадцать девять минут.

Старик и свинья вылезли наружу, закопошились у поверхности шаттла. Клавэйн шарил у кромки шлюза в поисках малозаметной выемки внешнего управления. Там могла поместиться рука, одетая в перчатку скафандра. Под пальцами знакомо ощутились три переключателя. Вспомнив обычную сочленительскую схему управления шлюзом, Клавэйн переставил их в положение «открыть». Даже если генераторы корабля полностью заглохнут, батарей шлюза хватит на сто лет. А на случай их отказа с другой стороны шлюза имеется ручной механизм открытия.

Люк скользнул в сторону. Изнутри хлынул темно-красный свет. Клавэйн подождал, пока привыкшие к темноте глаза приспособятся к свету, затем подтолкнул Скорпиона к шлюзу. Залез внутрь, в просторную камеру, сам, пихая свинью неуклюжим скафандром, закрыл камеру и включил подачу воздуха. Все это тянулось, по субъективному ощущению, до невозможности долго.

Наконец открылась внутренняя дверь. Коридоры звездолета заливал такой же темно-красный свет аварийных фонарей. Но раз есть еще энергия питать их, возможно, есть и выжившие.

Клавэйн изучил показания датчиков, анализировавших атмосферу на борту, затем отключил подачу воздуха внутрь скафандра и убрал лицевой щиток. На «Свете Зодиака» имелись только древние громоздкие скафандры с ограниченными ресурсами. Их не стоило растрачивать попусту. Сочленитель дал знак Скорпиону сделать так же.

— Где мы? — прошептал свинья.

— На шкафуте, посреди корабля, — ответил Клавэйн нормальным голосом. — Но без гравитации, и в этом свете все выглядит непривычно. И корабль очень сильно пострадал. Интересно, сколько членов команды еще осталось и готово с нами встретиться...

— А сколько Скади могла взять с собой?

— Трудно сказать. На такой корабль хватит и горсти специалистов. Скорпион, шептать нет надобности. Если остался кто-нибудь живой, они наверняка уже знают о нашем прибытии.

— Не напомнишь ли, почему мы не взяли оружие?

— Какой смысл? Здесь есть оружие куда мощнее нашего. Или мы заберем Фелку, не встретив сопротивления, или уговорим отпустить ее с нами. А для этого у нас имеются весомые аргументы. — Клавэйн хлопнул по поясу с инструментами.

Незваные гости принесли микроскопические взрывные устройства на борт «Паслена». В полевой ловушке величиной с булавочную головку был заперт крошечный кусочек антиматерии. Целиком система не превышала размером ногтя. Одна такая мина могла разнести «Паслен» в клочья.

Гости осторожно двинулись по коридору, время от времени закрепляя мины в укромных тенистых местах, замазывая их эпоксидной смолой. Конечно, хорошо организованный поиск позволит обнаружить все взрывные устройства за полчаса, но, похоже, состояние корабля еще долго не позволит заняться поисками такого рода.

Через восемь минут гости достигли развилки. Вперед уходили три коридора.

— Узнаешь место? — нарушил молчание Скорпион.

— Да. Мы вблизи рубки, она в том направлении. — Клавэйн указал на коридор. — Криокапсулы — с другой стороны. Если Фелка в заморозке, она будет там. Проверим их первыми.

— У нас двадцать минут, — напомнил свинья. — Потом уходим.

Клавэйн понимал: срок, вообще говоря, далеко не абсолютен. «Свет Зодиака» вполне мог бы вернуться и забрать командиров, даже если бы они замешкались на вражеском звездолете. Но это бы повлекло огромные затраты времени — и зародило бы у команды сомнения в срочности и важности экспедиции. Клавэйну нетрудно было представить, как это подействует на уголовников-свиней и их союзников, людей из трущоб Мульчи. Уж лучше умереть или остаться на развалинах сочленительского корабля. Подручные Скорпиона и подчиненные Клавэйна смогут продолжить экспедицию, веря, что каждая минута на счету. Ведь и в самом деле надо успеть к Ресургему как можно раньше.

Конечно, обрекать себя на гибель — решение нелегкое. Но далеко не самое трудное из тех, какие приходилось принимать Клавэйну на войне. А сейчас шла война. Самая настоящая.

Свинья и старик направились к анабиозным камерам. Несколько минут они двигались в полной тишине.

— Впереди что-то движется, — предупредил вдруг Скорпион.

Клавэйн перестал отталкиваться, всмотрелся в багровый сумрак, завидуя модифицированному зрению гиперсвиньи.

— Похоже, труп, — определил он наконец.

Они осторожно приблизились, отталкиваясь от настенных опор. Клавэйн ощущал с болезненной ясностью каждую проходящую секунду.

Они достигли тела.

— Узнаешь? — сдавленно выговорил свинья.

— Не думаю, что кто-нибудь способен визуально идентифицировать погибшего, — ответил сочленитель. — Но это определенно не Фелка. И вряд ли Скади.

С человеком произошло нечто ужасное: его рассекло вдоль, аккуратно и бескровно, и то, что получилось, выглядело анатомической моделью. Внутренние органы и кишки остались плотно упакованными, поверхность разреза блестела, словно засахаренная. Скорпион протянул затянутую в перчатку лапу, толкнул — и труп поплыл прочь от стенки.

— Как думаешь, где остальное?

— В другом месте. — Клавэйн пожал плечами. — Половинку принесло сюда.

— Но от чего такая рана? Я видел, что делает пучковое оружие. Похоже, но ведь тут ожога нет.

— Это от градиента каузальности, — сказали за спиной.

— Скади! — воскликнул Клавэйн.

Она подобралась неслышно, с нечеловеческим проворством и осторожностью. Ее бронированная туша заполнила коридор. Сплошная черная масса, лишь сверху белесый овал лица.

— Привет, Клавэйн! А вы, полагаю, Скорпион? — Она глянула на свинью с легким интересом. — Значит, все-таки выжили тогда...

— Кстати, Клавэйн только что объяснил, какой удачей для меня была встреча с сочленителями.

— О, наш умница Клавэйн!

Тот смотрел на Скади, ужасаясь и восхищаясь одновременно. Ремонтуар рассказал, что произошло с ней, но чужих слов оказалось недостаточно. Клавэйна шокировал ее вид. Доспехи Скади были человекоподобными, даже в гротескной, средневековой манере женственными — расширенными в бедрах, с округлыми выступами на грудной панели. Но старик знал: это не просто доспехи, а система жизнеобеспечения. Единственная органическая часть конструкции — голова. Увенчанная гребнем, она плотно входила в горловину доспехов. Жуткое сочетание плоти и стали прямо-таки кричало о неестественности. Ощущение усилилось, когда бледные губы Скади растянулись в улыбке.

— Ты меня сделал такой, — сказала она вслух, очевидно ради Скорпиона. — Наверное, гордишься этим?

— Скади, я тебя такой не делал. Мне известно, что произошло. Я ранил тебя, и мне очень жаль. Но ты же знаешь: я не хотел.

— И дезертировал тоже нехотя? О, святая простота!

— Скади, я твоей головы не отрезал! Делмар мог бы уже залечить все твои раны, дать новое тело. Но в твои планы это не входило.

— Мои планы скорректировал ты. Ты и моя верность Материнскому Гнезду.

— В твоей верности я не сомневаюсь. Правда, не совсем понятно, кому именно ты верна.

— Клавэйн, у нас еще тринадцать минут, — прошептал свинья. — Потом надо будет убираться!

— Вы торопитесь, мистер свинья? — осведомилась Скади.

— У нас у всех мало времени, — заметил Клавэйн.

— Вам что-то понадобилось здесь? Уверена, ваше оружие могло бы уже уничтожить «Паслен», если бы вы захотели.

— Отдай нам Фелку! — потребовал старик. — Отдай — и мы оставим тебя в покое.

— Она так много для тебя значит, что ты не захотел уничтожить меня, боясь повредить ей?

— Да, она много значит для меня.

По гребню Скади пробежали волна оранжевого и бирюзового цвета.

— Если вам хватит Фелки, чтобы убраться отсюда, я отдам ее. Но сперва хочу кое-что показать.

Скади взялась механическими руками за основание шеи — будто хотела удушить себя. Очевидно, громоздкие манипуляторы доспехов могли двигаться с большой точностью, очень осторожно. В груди щелкнуло, и над плечами показалась металлическая колонна, держащая шею. Скади выдирала собственную голову из тела. Клавэйн смотрел с изумлением и омерзением, как высунулась нижняя часть колонны, которая заканчивалась дергающимися обрывками трубок и проводов. С них капала розовая жижа — кровь или что-то искусственное, ее заменяющее.

— Скади, зачем это? — брезгливо спросил он.

— Чтобы ты понял в полной мере, что именно сделал со мной. Чтобы почувствовал ужас моего положения.

— Я думаю, он уже понял, — вздохнул Скорпион.

— Отдай мне Фелку, и я оставлю тебя в покое!

Скади покачала голову в руке. Голова раскрыла рот и спросила:

— Клавэйн, ты меня ненавидишь?

— В наши дела я личное не замешиваю. Считаю, что тебя обманули. Увели в сторону.

— Ты считаешь, что я заблуждаюсь, потому что забочусь о выживании моих соплеменников?

— Когда-то ты была отличным сочленителем. Одним из лучших, — сказал Клавэйн. — По-настоящему служила Материнскому Гнезду, как и я. Но потом тебя послали в Шато де Корбо.

Клавэйн заметил, как дрогнули ее зрачки. Ага, этот выстрел не прошел мимо.

— Шато де Корбо? Замок Воронов? Какое он имеет отношение к нашим делам?

— Гораздо большее, чем ты думаешь. Ты оказалась единственной выжившей, но назад явилась не одна. Наверное, тебе слабо запомнилось, что именно произошло в Замке, но это и не важно. Я уверен: некая сущность вошла в твой разум. И она ответственна за бóльшую часть случившегося позднее. — Он попытался улыбнуться. — Потому я не могу тебя ненавидеть и даже винить. Ты или не Скади, какую я знал, или искренне считаешь, будто служишь чему-то высшему.

— Чепуха!

— Думаю, это правда. Скади, я побывал в Замке Воронов. Как думаешь, почему нам удалось не отстать от тебя? Замок — источник знаний, которыми воспользовались мы оба. Это технология пришельцев, средство манипулирования инерцией. Но ты решилась манипулировать ею по-другому.

— Я применила ее, чтобы добиться цели, только и всего.

— Ты попыталась двигаться быстрее света, как и Галиана. — Произнеся это имя, он уловил проблеск интереса в лице Скади. — Скади, почему ты решилась на это? Ведь ставка в нашей игре — всего лишь оружие.

— Ты тоже отчаянно хочешь его добыть.

— Но лишь потому, что его отчаянно захотела добыть ты и я это понял. Ты показала мне флот, и стало ясно: ты хочешь покинуть обжитую людьми часть космоса. Спрашивается, ради чего? Что ты увидела в своем хрустальном шаре?

— Показать тебе?

— Что именно?

— Мое видение. Дай мне доступ к мозгу, и увидишь. А тогда, возможно, поймешь мои поступки.

— Не надо! — пробормотал Скорпион.

Клавэйн снял блокаду. Присутствие Скади ощутилось с такой силой, что он даже вздрогнул. Но, как и обещала, она всего лишь поместила в его сознание образы.

Клавэйн увидел конец человеческого мира. Цепочки орбитальных жилищ вспыхивали огнем аннигиляции. Ядерные грибы испещряли поверхность миров, которые были сочтены маловажными, потому не подлежали разборке. Кометы и астероиды летели на колонии — и человеческой защиты не хватало, чтобы отбить чудовищную бомбардировку. Из атмосферы звезд вырывались огромные протуберанцы и, умело направленные, факелами выжигали, стерилизовали

поверхность планет. Каменные луны превращались в облака раскаленного мусора, газовые гиганты разрывались на части, словно игрушки капризного ребенка. Умирали самые звезды — их отравляли, заставляли чрезмерно разогреваться или остывать или разламывали десятком способов. В межзвездном пространстве взрывались корабли, чьи экипажи уже верили, что избежали опасности. Клавэйн услышал отчаянный хор радиопередач, сперва тысячеголосый, но затем уменьшившийся до жалкой горстки призывов — и те затихали один за другим. Осталось лишь невнятное, монотонное бормотание машин, но и оно затихало по мере того, как рушились последние бастионы человечества.

Зачистка произошла в объеме многих десятков световых лет, заняла много десятилетий, но по сравнению с медленной поступью галактической истории это было лишь мгновением.

Клавэйн ощутил безжалостный разум, стоящий за чудовищным истреблением, совокупное сознание множества механических интеллектов, большинство из которых осталось за порогом ощущения собственного «я», не стало разумным в полном смысле этого слова. Машины были древними — старше иных звезд — и знали в совершенстве лишь науку истребления. Прочее их не касалось.

— Далеко ли это будущее? — спросил он Скади.

— Оно уже началось, просто мы еще не воспринимаем его. Через полвека волки доберутся до главных колоний, ближайших к Первой Системе. Через век от человечества останутся лишь разрозненные группы, слишком напуганные, чтобы путешествовать или сообщаться друг с другом.

— А сочленители?

— Мы столь же уязвимы, как и прочее человечество. Нас будут преследовать и уничтожать. Материнское Гнездо не уцелеет. Гнезда во многих других системах тоже погибнут. И тогда выжившие сочленители пошлют в прошлое сигнал.

Клавэйн немного поразмыслил над услышанным и сдержанно кивнул, решив пока не высказывать сомнений.

— Как им это удалось?

— Эксперименты Галианы, «Пролог», — ответила голова. — Она исследовала слияния человеческого разума с чистыми квантовыми состояниями. Квантовая суперпозиция соединяет, в определенном смысле, не только существующие квантовые объекты, но и те, которые лишь могли бы существовать или возникнут в будущем. Галиа-

на намеревалась лишь оценить возможность распараллеливания сознания, но открыла окно в будущее. Однако канал связи оказался далеко не идеальным, лишь слабое эхо достигло Марса. Притом каждое переданное послание увеличивало зашумленность. Канал имеет ограниченную пропускную способность. Потому «Пролог» — бесценный ресурс, такой можно использовать лишь при крайней надобности, когда речь идет о жизни и смерти.

Перед Клавэйном словно разверзлась бездна. Он представил, что́ стоит за словами Скади, и изумленно спросил:

— Значит, наша история уже изменилась?

— Галиана узнала благодаря «Прологу», как сделать первый сочленительский двигатель. Узнала, как получать энергию с помощью микроскопических квантовых «кротовых нор». В сердцевине главного двигателя наших звездолетов начинается такая «кротовая нора», чей другой конец — в прошлом, в пятнадцати миллиардах лет назад, сосет энергию Большого взрыва, раскаленного шара кварк-глюонной плазмы. Эта же технология применима к производству апокалиптического оружия.

— «Адские» пушки...

— В нашей оригинальной истории мы не имели таких преимуществ. Путешествовать к звездам мы научились только через столетие после первого вылета Сандры Вой. Наши корабли оставались ненадежными, хрупкими, разогнаться могли лишь до одной пятой скорости света. Поэтому распространялось человечество гораздо медленней, за четыре века заселило полдюжины систем. Но и этого хватило, чтобы привлечь волков. Зачистка была жестокой и эффективной. Известная тебе версия человеческой истории — уже попытка улучшить наше положение. Нам дано оружие для противодействия угрозе.

— Теперь понимаю, почему «адские» пушки нельзя воспроизвести, — отметил Клавэйн. — Только Галиане показали, как их сделать, а она уничтожила данные.

— Пушки — подарок из будущего, — гордо сказала Скади. — От тех, кем мы станем.

— А что сейчас, в нашей мировой линии?

— В той линии, где мы научились строить двигатели, волки все равно истребили нас. Оказалось, двигатель легко обнаружить даже на расстоянии многих световых лет.

— И потому будущие мы попробовали снова.

— Да. Но решили коснуться недалекого прошлого, вмешаться в историю сочленителей гораздо позже. И первым они передали запрещение строить двигатели. Потому мы и прекратили их делать век назад. Затем нам передали сведения, позволившие изготовить «тихие», малозаметные двигатели того типа, какой установлен на «Паслене». Демархисты посчитали, что мы его построили ради тактического преимущества. А по сути, этот субсветовик — наше первое оружие против волков. Позднее мы получили сведения о методах подавления инерции. Отправляясь в Город Бездны, я еще не знала, что должна проникнуть в Замок Воронов и добыть элементы инопланетной технологии, позволяющие собрать противоинерционную машину.

— И что теперь?

— Нам дали новый шанс. — Скади улыбнулась. — Бегство — единственная возможность спастись. Сочленители должны покинуть обжитое человечеством пространство до массового прибытия волков.

— То бишь удрать?

— Я понимаю, удирать — не в твоем стиле. Но иногда это единственный выход. Позднее, возможно, мы и решим вернуться, и даже бросим вызов волкам. Другие разумные расы не смогли им противодействовать. Но мы, полагаю, особый случай. Сочленители уже осмелились изменить свое прошлое.

— Почему ты думаешь, что другие бедолаги не пытались изменить свое прошлое?

— Клавэйн, нам следует убираться отсюда. Немедленно! — предупредил Скорпион.

— Скади, ты показала достаточно, — произнес старик. — Я допускаю, что ты веришь в свою правоту.

— И по-прежнему считаешь меня марионеткой неких таинственных сил?

— Скади, этого я в точности не знаю. И пока вполне допускаю такую возможность.

— Я служу лишь Материнскому Гнезду!

— Это прекрасно, — кивнул Клавэйн, чувствуя, что она убеждена в правильности своих действий, в том, что поступает во благо сочленителей. Никакие слова Скади не разубедят. — Отдай мне Фелку, и я покину корабль.

— А потом ты уничтожишь меня?

Он подумал, что вряд ли Скади уже узнала о размещенных микрорминах.

— А что случится, если я оставлю «Паслен» дрейфовать? Ты сможешь починиться?

— Мне и не нужно. Нас догоняет экспедиционная эскадра. Она — твой настоящий враг. Ее корабли вооружены намного лучше «Паслена», а быстротой и скрытностью не уступают ему.

— Но это еще не значит, что мне невыгодно тебя уничтожить.

Скади обернулась и громко приказала:

— Приведите Фелку!

Спустя полминуты за спиной Скади появились два сочленителя, тянущие одетую в скафандр Фелку. Та еще не пришла в сознание. Визор был поднят, в шлеме виднелось ее сонное лицо. Клавэйн вгляделся в него. Похоже, она жива.

Скади посторонилась, чтобы помощники смогли подтащить заложницу к Клавэйну, и сказала:

— Забирай.

— Что с ней?

— Ничего страшного. Я же сказала: она уходит в себя. Очень тоскует по своей Великой Стене. Возможно, от твоей опеки ей станет лучше... Клавэйн, тебе следует кое-что узнать.

— Я слушаю, — сказал он, глядя на Скади.

— Она тебе не дочь. Это исключено. Она солгала, пытаясь вернуть тебя. Правдоподобно солгала, возможно, сама хотела, чтобы так и было на самом деле... Зная это, ты по-прежнему хочешь ее забрать?

Старик понимал: сейчас Скади не лжет. Она охотно обманывала и унижала, но исключительно потому, что считала это необходимым. Скади не станет причинять боль лишь ради удовольствия. Но хоть бы она и солгала...

— С чего бы мне не хотеть? — спросил он хрипло.

— Не обманывай себя! Неужели тебе все равно?

— Я пришел сюда, чтобы спасти дорогого для меня человека, — проговорил он, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно. — А моей он крови или нет, не важно...

— Не важно?

— Совершенно!

— Отлично. Значит, наши дела сделаны. Фелка очень помогла нам обоим. Она защитила меня от тебя и принудила волка к сотрудничеству, чего мне в одиночку не удалось бы.

— Волка?

— Ой, извини, неужели я не рассказала про волка?

— Пойдем! — потребовал Скорпион.

— Погоди, я хочу знать, что она имеет в виду.

— Именно то, что и сказала, — уверила Скади, с нежностью поместив голову на место и заморгав, когда труба со щелчком соединилась с аппаратурой внутри доспехов. — Я привезла волка с собой, сочтя его потенциально полезным. И не ошиблась.

— То есть ты взяла с собой тело Галианы?

— Я взяла с собой Галиану, — поправила Скади. — Она не мертва. По крайней мере, в привычном для тебя смысле. Я пообщалась с ней вскоре после ее возвращения из глубокого космоса. Ее личность и воспоминания остались в целости. Мы разговаривали. Она расспрашивала о тебе и Фелке, и я позволила себе небольшую ложь во благо: убедила ее, что вы оба мертвы. Так было лучше для всех. Галиана уже проигрывала битву за свой разум. Волк захватывал его, а у нее не было сил сопротивляться. Но волк не убил ее, он сохранил разум и воспоминания, найдя их полезными. Он также знал, что Галиана драгоценна для нас, мы не станем никак вредить ей — и проникшему в нее волку.

Клавэйн беспомощно смотрел, отчаянно надеясь, что Скади обманула. Но, как и насчет Фелки, она наверняка говорила правду. Старик понял, каким будет ответ на следующий вопрос, но его все равно задал:

— Ты отдашь ее мне?

— Нет! — Скади предостерегающе подняла черный палец. — Ты уходишь с Фелкой — или с пустыми руками. Выбирай. А Галиана останется здесь. — Затем, словно только что вспомнив, она добавила: — Да, и на случай, если ты засомневаешься, скажу: я знаю про оставленные тобой боеголовки.

— Все найти не успеешь, — предупредил свинья.

— Мне и не нужно их искать, правда, Клавэйн? Галиана защитит меня не хуже Фелки. Нет, я не покажу тебе Галиану. Фелка подтвердит, что она на борту. Девчонка ведь тоже встречалась с волком. Эй, Фелка, слышишь?

Но та не отреагировала.

— Пойдем! — посоветовал Скорпион. — И скорее, пока она не передумала.

Когда Фелка очнулась, Клавэйн сидел около кровати и задумчиво скреб в бороде. Звуки походили на стрекотанье кузнечика в траве, они дергали подсознание, тянули наверх, к яви. Фелка видела сон о Марсе, о Великой Стене, о том, как потерялась в бесконечной увлекательной задаче ее поддержания в целости.

— Фелка, проснись! — Голос был резок, почти груб. — С тобой говорит Клавэйн. Ты сейчас среди друзей!

— Где Скади? — спросила она.

— Я оставил ее на «Паслене». Она больше тебя не потревожит. — Руку Фелки накрыла ладонь Клавэйна. — Я очень рад видеть тебя целой и невредимой. Как же хорошо, что ты здесь, со мной. Я уже и перестал верить, что мы сможем увидеться снова.

Фелка обвела взглядом комнату — старомодное помещение, слегка обшарпанные стены и обстановка. Таких на «Паслене» не найдешь. Несомненно, это каюта на звездолете, но уж точно не на новеньком изящном корабле сочленительской сборки.

— Ты так и не попрощался со мной, перед тем как дезертировать.

— Я помню, — сказал Клавэйн, массируя пальцем морщины в уголке глаза. Сочленитель выглядел уставшим и сильно постаревшим. — Я помню и прошу прощения. Но я намеренно не стал прощаться. Ты бы меня отговорила. Ведь правда же, отговорила бы? — В голосе, как показалось Фелке, прозвучал упрек.

— Я лишь хотела, чтобы ты поберег себя, упрочил свое положение. Потому и уговорила присоединиться к Узкому совету.

— Принимая во внимание произошедшее потом, наверное, это было ошибкой, — сказал он уже мягче.

Фелка почти не сомневалась, что Клавэйн улыбается.

— Да, признаюсь, я не думала, что ты вот так о себе позаботишься. И положение свое будешь укреплять дезертирством.

— Скади хорошо обращалась с тобой?

— Она хотела, чтобы я ей помогла. Я помогать не стала. Я... ушла в себя. Не хотела услышать, что она тебя убила. А она пыталась изо всех сил.

— Я знаю.

— У нее Галиана.

— И это я знаю. Мы со Скорпионом разместили боеголовки на «Паслене». Активировать их можем и сейчас.

Фелка с трудом приподнялась, села на кровати.

— Клавэйн, послушай меня внимательно.

— Да, я слушаю.

— Ты должен убить Скади. Не важно, что Галиана у нее. Галиана хотела бы именно этого.

— Я знаю. Но оттого не легче.

— Нет! — выкрикнула Фелка, не боясь повысить голос на спасшего ее человека. — Ты не понимаешь! Галиана и в самом деле хотела бы этого. Я знаю — коснулась ее разума, когда мы встречались с волком.

— В этом разуме не осталось Галианы.

— Она осталась! Волк постарался ее спрятать, но я... смогла ее увидеть.

Фелка вгляделась в лицо старика, стараясь запомнить его линии, морщины, понять стоящую за ним тайну. Это лицо Фелка распознавала легче и быстрее, чем любое другое. Но почему? Что именно ее объединяло с Клавэйном? Всего лишь обстоятельства, проведенное вместе время? Она вспомнила, как назвалась его дочерью. Кажется, он не узнал о лжи. Он ведет себя, как и раньше.

— Фелка...

— Послушай! — Она сжала его руку, прося внимания. — Я раньше не говорила, потому что это больно и скверно. В эксперименте «Пролог» я ощутила тянущийся ко мне из будущего разум — и его чудовищное зло. Я узнала этот разум. Это была Галиана.

— Не может быть...

Она стиснула его руку сильнее.

— Это правда! Но в этом нет ее вины. Теперь я понимаю: это ее разум, захваченный волком. Скади позволила ему участвовать в эксперименте. Ей требовалась помощь, дешифровка приходящих сообщений.

Клавэйн покачал головой:

— Волк никогда бы не стал сотрудничать с нею.

— Ты ошибаешься. Скади убедила — дескать, с его помощью сумеет завладеть оружием.

— И какая с того польза волку?

— Прямой пользы нет. Но для него ведь лучше, если оружие достанется стороне, уже знакомой волку, тем, на кого он может оказывать хоть какое-то влияние. Поэтому он согласился. Понадеялся на свои способности, на возможность добиться уничтожения «адского» оружия, если оно окажется у Скади. Я сумела проникнуть в разум волка. Я поняла.

— И как он это допустил?

— Он этого потребовал. Вернее, потребовала часть его, бывшая Галианой...

Фелка замолчала. Она понимала, как трудно для старика понять случившееся и смириться с потерей. Сколь бы мучительным ни было подчинение волку для Галианы, мука Клавэйна куда горше.

— Ты имеешь в виду, Галиана, ставшая частью волка, еще помнит нас? Помнит, как все было раньше?

— Клавэйн, она все помнит. И чувствует.

Фелка снова замолчала, собираясь с духом, зная: впереди самое трудное для старого сочленителя.

— Вот почему ты должен это сделать!

— Что сделать?

— То, что ты хотел сделать до того, как Скади сказала тебе о Галиане. Ты должен уничтожить волка! — Фелка снова посмотрела ему в лицо, дивясь тому, как он состарился, остро жалея о том, что причиняет боль. — Ты должен уничтожить «Паслен»!

— Но если я поступлю так, я убью Галиану! — выпалил Клавэйн с внезапной горячностью, будто обнаружив фатальный пробел в рассуждениях Фелки.

— Я знаю. Но это необходимо.

— Ты не можешь знать, необходимо это или нет!

— Могу. Больше того, я точно знаю. Клавэйн, я ощутила ее желание умереть от твоей руки.

В одиночестве и тишине Клавэйн наблюдал из рубки у штевня «Света Зодиака». Клавэйн приказал не беспокоить его до тех пор, пока он сам не решит вернуться к команде, даже если его уединение продлится много часов.

Спустя сорок пять минут его глаза привыкли к темноте, и он застыл в молчании, всматриваясь во мглу за бортом, ожидая знака. Иногда шальная частица, проникшая сквозь прозрачный материал иллюминаторов, оставляла на сетчатке обманчивый след. Но Клавэйн знал: ожидаемое распознаешь наверняка, среди этой тьмы его ни с чем не спутаешь.

В сердце тьмы расцвел бело-голубой огонь, раскаленная точка, пылавшая ярко три-четыре секунды, и медленно угасшая, меняя цвет на красный, затем ржаво-бурый. Яркий свет будто выжег дыру

на сетчатке — раскаленное лиловое пятно, видимое, даже если опустить веки.

Он уничтожил «Паслен».

Вопреки всем усилиям, Скади не смогла отыскать все закрепленные боеголовки. Даже одной хватило бы, чтобы уничтожить корабль. Сработавший заряд вызвал серию детонаций: сперва собственные боеголовки и топливные запасы антиматерии, затем сочленительские двигатели. Все произошло практически мгновенно, без предупреждения.

Клавэйн подумал о Галиане. Скади верила: он не осмелится взрывать корабль, если хотя бы заподозрит присутствие Галианы на борту.

Скади могла бы оказаться правой.

Но Фелка внушила: «Паслен» необходимо уничтожить. Ей удалось коснуться разума Галианы, почувствовать ее страдание, невыносимое зло поработившего разум волка. Лишь Фелка сумела убедить Клавэйна, заставить его поверить в простое человеческое желание избавиться от мук.

Галиана попросила убить ее.

Клавэйн убил.

Понимание сделанного захлестнуло его с чудовищной силой. Ведь всегда оставалась возможность, пусть крохотная, ничтожная, но возможность вернуть Галиану, изгнать волка. Старик никогда не мог смириться с ее гибелью, всегда верил в эту возможность.

И своими руками погасил всякую надежду.

Убил ту, кого любил больше любого другого существа во Вселенной.

И, стоя в одиночестве, заплакал.

«Прости меня, прости...»

Чудовищная сущность, в которую превратился капитан, почувствовала приближение металла к своему боку и распознала шаттл Вольевой. Триумвир даже не представляла себе, до какой степени он всеведущ в своих пределах. Из многих разговоров с нею он уяснил: она все еще считает его пленником «Ностальгии по бесконечности», хотя и слившимся со своей тюрьмой. Тем не менее Илиа узнала, как человеческая нервная система, разросшись, проникла в кибернетическую сеть корабля; все нервные узлы нового капитанского тела

Вольева разыскала и тщательно отметила на схеме. После такого исследования невозможно было не понять, что различить пленника и тюрьму уже невозможно. Но Илиа так и не смогла отделаться от представления о Джоне Бреннигене как о сущности, обитающей внутри огромного звездолета. Наверное, все еще не готова была к столь резкой перемене в устоявшихся отношениях. Джон не винил ее за недостаток воображения. На месте Вольевой, пожалуй, он сам отчаянно держался бы за старое.

Капитан почувствовал, как шаттл проникает внутрь. Воистину неописуемое ощущение: будто сквозь кожу безболезненно пропихивают небольшой камень и он аккуратно умещается во внутренней полости. Через пару секунд Джон зафиксировал содрогание, это пришвартовался шаттл. Илиа вернулась.

Он сосредоточил внимание на своих внутренностях, различая каждую происходящую там мелочь. Осознание внешней — лежащей за пределами корпуса — Вселенной снизилось на порядок. Бренниген еще сильнее сфокусировал внимание, выделил уровень, где произошла швартовка, затем коридоры и трубы, пронизывающие его подобно артериям и сосудам. Илиа Вольева была крошечной частицей, движущейся по коридору. Как и в любом крупном организме, в капитане обитало много живого, непосредственно с ним не связанного. Это неудивительно, ведь клетки человеческого тела когда-то были независимы. В капитане водились мелкие суетливые крысы-уборщицы. Но они, лишь смутно осознающие себя, всегда подчинялись капитанской воле; личности такого уровня не способны ни удивить, ни позабавить. Еще скучней были машины. В отличие от них, Вольева представляла собой яркий чужеродный объект, вторгшуюся постороннюю клетку, которую Бренниген мог убить, но не мог подчинить себе.

Она заговорила. Бренниген анализировал речь, разделяя ее вибрацию и производимые шагами колебания.

— Капитан, это я, только что с Ресургема.

Он ответил ей, заставляя вибрировать вещество корабля, — и собственный голос казался ему шепотом.

— Илиа, я рад видеть тебя снова! Без тебя мне было одиноко. Как дела на планете?

— Тревожно там.

— Отчего же?

— Все катится к чертям. Ана думает, что сможет удержать ситуацию под контролем и вывезти бóльшую часть людей с планеты. Я в этом не уверена.

— А Торн? — деликатно спросил капитан.

Он очень был рад тому, что у Илиа уйма дел на Ресургеме. Возможно, она пока не заметила пришедший лазерный сигнал.

— Торн... хочет стать мессией, выведшим свой народ к земле обетованной. Спасти всех, не замарав рук.

— А ты думаешь, надо действовать прямо и грубо?

— Капитан, ты давно смотрел в сторону бывшего газового гиганта?

Конечно, он смотрел. Любопытство еще не покинуло его, в особенности любопытство к жуткому. Он увлеченно наблюдал за тем, как ингибиторы раскрутили газовый гигант, словно детский волчок. Бренниген видел, как в новорожденной туманности обретают очертания колоссальные машины, размерами не уступающие планетам. Окутанные раскаленной пылью, они казались несформированными эмбрионами. Несомненно, их соединят, создав машину еще большую. По деталям уже угадывался ее контур. Самая крупная часть походила на воронку длиной в шесть тысяч километров и шириной в две тысячи. Из других деталей, видимо, будут изготовлены ложе и замок этого чудовищного мушкетона.

Ничего похожего на окружающие планету кольца, единственный локализованный агрегат. Илиа верит, что он способен калечить звезды. Хорошо бы дожить до тех пор, когда его соберут, увидеть в деле...

— Я постоянно туда смотрю, изучаю, — ответил капитан.

— Тогда ты заметил, что машина почти достроена. Еще пара месяцев, а может, и меньше, и она будет готова выстрелить. Потому нам лучше не рисковать.

Бренниген ощутил ее волнение.

— Ты имеешь в виду применение пушек?

— Капитан, ты же согласился. Разрешил их использовать. Неужели передумал?

Он ответил не сразу, заставил поволноваться. Вольева и в самом деле не знает о лазерном сигнале. Несомненно, если бы узнала, размышляла бы сейчас только о нем.

— Не слишком ли опасно? До сих пор нас не замечали и не атаковали.

— Куда опасней опоздать с его применением.

— Вряд ли Торн с Хоури обрадуются твоим намерениям. Пока эвакуация идет по плану.

— Они увезли с поверхности всего две тысячи человек, один процент от общей численности. Конечно, когда за дело возьмется правительство, эвакуация пойдет гораздо быстрее. Но и беспорядков будет куда больше. Потому я и хочу нанести превентивный удар по ингибиторам.

— Но тем ты навлечешь ответный огонь, и они наверняка меня уничтожат.

— У нас «адский» арсенал.

— Для обороны он бесполезен.

— Я уже все продумала, — раздраженно произнесла Илиа. — Мы поместим пушки в нескольких световых часах от корабля. После активации они сами подлетят на нужное расстояние, как было при обстреле Цербера.

Илиа не требовалось напоминать о том, что нападение на Цербер прошло, мягко говоря, не без проблем. Но справедливости ради следовало признать: оружие тогда не подвело триумвира.

Капитан нашел еще одно не слишком серьезное возражение. Не стоит казаться слишком уж податливым, иначе она может что-то заподозрить.

— А если ингибиторы все-таки решат узнать, откуда оружие, и выйдут на меня?

— К тому времени мы уже нанесем удар, расстроим их планы.

— А что будет с пушками?

— Капитан, это мелкие технические детали. Предоставь мне позаботиться о них. Все, что от тебя требуется сейчас, это передать контроль над пушками.

— Над всеми тридцатью тремя?

— Нет. Я не собираюсь все сразу бросить против ингибиторов. Как ты любезно напомнил, оружие может понадобиться и позднее, чтобы отбить контратаку.

— Похоже, ты тщательно все продумала.

— Правильней сказать так: у меня всегда были тщательно продуманные планы на разные случаи жизни, — холодно произнесла Вольева и вдруг совершенно другим тоном добавила: — И еще, капитан...

Тот молчал в нерешительности. Может, она вспомнила про лазерный сигнал, многократно попадавший на приемники «Ностальгии

по бесконечности», и сейчас примется расспрашивать. Говорить на эту тему капитану очень не хотелось.

— Ну, спрашивай же, — не выдержал он, полный тяжелых предчувствий.

— Сигарет у тебя, случайно, не осталось, а?

ГЛАВА 30

Вольева продвигалась по складу, где содержались пушки, будто королева, принимающая парад. Вот они, тридцать три красавицы, и все такие разные. Илиа много лет прожила рядом с ними, не пожалела времени и труда на их изучение — и тем не менее узнала сущий минимум, получила самое поверхностное представление. Провести мало-мальски полезные испытания удалось лишь с несколькими артсистемами, которые потом были отправлены обстреливать Цербер. Были подозрения, что некоторые из оставшихся невозможно испытать, не разрушив их при этом.

К счастью, не все пушки были настолько безнадежны. При обращении с оружием главное, и самое сложное, — это правильно определить принцип действия и основные тактико-технические свойства: дальность стрельбы, разрушительная способность, допустимое число выстрелов. Вольева тщательно скрывала от коллег, что имеет лишь самое смутное представление о возможностях половины своего арсенала. Но и ради этого смутного представления пришлось не пожалеть труда и времени.

Основываясь на результатах многолетних исследований, Илиа решила, какие артсистемы использовать против ингибиторов. Выбрала восемь; двадцать пять останутся на борту «Ностальгии по бесконечности». Отобранные пушки отличались небольшой массой, поэтому их можно было скоро и незаметно перевезти и расположить в разных частях системы. Оценки показывали, что всем восьми должно хватить дальности. Но — увы — оценки оставались весьма условными. А Илиа ненавидела неопределенность. К сожалению, оставалось лишь гадать, сможет ли оружие причинить достаточный ущерб машине ингибиторов. Несомненно лишь одно: ингибиторы атаку заметят. И если до сих пор люди для них были как вьющаяся вокруг

мошкара — надоедливыми, но неопасными, — то оружие может стать комариным укусом, пробуждающим настоящую злость.

«Ну, так попробуйте этого комарика прихлопнуть!» — зло подумала Вольева.

Она замедлила полет в достаточной степени, чтобы убедиться: со времени последнего осмотра ничего не изменилось. Пушки были зафиксированы точно в таком же положении, что и в прошлый раз. Выглядели они столь же грозно, но никаких самостоятельных действий себе не позволили.

— Капитан, вот эти орудия мне подходят, — сообщила она Бреннигену.

— Всего восемь?

— Да. Пока хватит. Не стоит пихать всех цыплят в одно яйцо, или как там говорится в пословице.

— По-моему, можно подобрать пословицу и получше.

— Когда я скажу, выводи пушки, но не все сразу, по очереди. Надеюсь, для тебя это не проблема.

— Что именно ты скажешь? «Выводи пушки»?

— Ну, хотя бы. Надо просто переместить из корабля наружу. То есть из тебя наружу, — поправилась она, вспомнив, что капитан предпочитает теперь говорить о субсветовике и о себе как об одном целом.

В кои-то веки Бренниген демонстрировал дружелюбие, и Вольевой нисколько не хотелось испортить ему настроение.

— Да отправь пушки за борт, и все дела. Снаружи мы их снова проверим. И еще: постарайся заслонить наши игрушки от ингибиторов. Вроде за нами не следят, но лучше не рисковать лишний раз.

— Илиа, я тоже считаю, что осторожность не бывает лишней.

— Отлично! Не начать ли тогда со старого доброго номера семнадцать?

Пушки пришли в движение, и Вольева содрогнулась. Прошло уже немало времени с тех пор, как несколько орудий покинули склад, и у Илиа выветрилась из памяти эта жуткая процедура. Система креплений, удерживавшая пушку на месте, отключилась, громадина Семнадцатого бесшумно заскользила по рельсу. Хотя в трюме был вакуум и звуки не доносились, возникло ощущение, как при публичной казни, когда ужаснувшаяся толпа замирает на вдохе.

Рельсы связывали огромный ангар с помещением меньшего размера, находящимся ниже. В этом трюме могла поместиться самая

большая пушка. Он был мобилен и предназначался исключительно для перемещения орудий за борт.

Илиа проводила пушку взглядом, вспоминая свой контакт с машинным интеллектом. Поведение Семнадцатого внушало тревогу, поскольку он выказал признаки свободной воли и полного отсутствия уважения к триумвиру. Несомненно, подобным интеллектом обладали и остальные пушки, но сейчас не имело смысла забивать себе этим голову. Оставалось лишь надеяться, что и капитан, и пушки сделают все как надо.

Дверь в нижний отсек закрылась. Вольева переключила инфосистему скафандра на внешние камеры и датчики, чтобы наблюдать, как оружие выходит наружу. Оно появится лишь через несколько минут, но торопиться некуда.

С внешних датчиков поступила неожиданная новость: по корпусу корабля пляшет лазерный луч!

Первой реакцией Вольевой было отчаяние. Неужели конец?! Ингибиторы ощутили угрозу, будто простого намерения вывести пушки в космос оказалось достаточно. Наверняка это луч их системы дальнего обнаружения. Черные машины почуяли врага в межпланетной мгле.

Но затем она поняла: излучение идет из другой части небесной сферы, не от волков.

— Илиа, что-нибудь не так? — озабоченно спросил капитан. — Мне отменить вывод оружия?

— Ты знал об этом! Не мог не знать!

— О чем?

— О том, что на нас светят лазером! Причем на коммуникационной частоте!

— Илиа, прости, но...

— Но ты не хотел, чтобы я узнала! Я и не знала, пока не подключилась к наружным датчикам, чтобы наблюдать за выходом оружия.

— Излучение, хм... — В гулком, божественном, сотрясающем твердь голосе капитана послышалось сомнение. — Ага, теперь понятно, о чем ты... Я не обращал внимания. Сейчас так много всего происходит вокруг. Илиа, ты чувствительнее меня к подобным мелочам. Я в последнее время настолько погружен в себя... Если хочешь, я проанализирую данные и выясню, когда впервые пришел этот луч. Ты же знаешь, я архивирую всю поступающую информацию...

Она не поверила Бреннигену, но уличить во лжи не могла, ведь он контролировал все потоки данных. Лишь благодаря его небрежности Илиа узнала о лазерной передаче.

— И давно нас высвечивают?

— Не больше дня. Хотя постой...

— Твою мать! Что значит это «постой»?

— Это значит — несколько дней. Но не больше недели...

— Скотина ты изолгавшаяся! Почему раньше не сказал?!

— Думал, тебе уже известно о передаче. Разве ты не зарегистрировала ее, когда подходила ко мне на шаттле?

Илиа захлестнула ярость. Ага, так это уже не просто лазерный луч, а передача! Что же этот гад еще скрывает?

— Откуда мне может быть известно о ней? Я же спала всю дорогу. А шаттл запрограммирован только на прием сообщений из системы. Сигналы из глубокого космоса обычно сдвинуты по частоте. Кстати, насколько велик частотный сдвиг?

— Невелик... Передатчик движется всего лишь на одной десятой скорости света. Но достаточно, чтобы полностью уйти из обычной полосы.

Вольева прикинула: при такой скорости субсветовику нужен месяц на торможение. Даже если он уже на краю системы, сюда прибудет через две недели, не раньше. Времени подготовиться практически нет. Но это все же лучше, чем обнаружить незваных гостей в считаных днях от себя.

— Капитан, этот сигнал — наверняка повторяющаяся автоматическая передача. Иначе гости не крутили бы ее так долго. Пожалуйста, транслируй ее на мой скафандр. И побыстрее!

— Конечно, Илиа. А как насчет орудий? Не выводить их наружу?

— Да, — произнесла она, но тут же поправилась: — Нет! Выводи чертовы железяки! Чтобы все восемь наружу выпихнуть, понадобятся часы. И не забудь: ты должен заслонить их от ингибиторов своей массой.

— А что будем делать с сигналом и его источником?

Вольевой захотелось пнуть капитана. Сильно. Но триумвир парила посреди трюма — пинать просто нечего.

— Транслируй эту гребаную передачу!

Визор шлема помутнел изнутри, полностью перекрыв вид на склад оружия. Секунду Илиа смотрела в глухую белую муть. Затем белизна медленно отступила, сменившись изображением. Илиа будто встала

у края длинной, скудно обставленной комнаты. Напротив — стол, за ним сидят трое. Стол кажется клином первозданного черного мрака.

— Здравствуйте! — произнес сидящий за столом старик. — Мое имя Невил Клавэйн. Полагаю, у вас есть то, что мне очень нужно.

Его глухой черный костюм казался продолжением стола. Среди бархатных глубоких теней отчетливо выделялись только голова и кисти рук. Старик уложил их на столе перед собой, сплетя пальцы. На кистях бугрились вены. Борода и волосы — седые до белизны, лицо изборождено глубокими морщинами, исполосовано тенями.

— Он имеет в виду некие устройства, находящиеся у вас на борту, — пояснила совсем юная на вид девушка, одетая в такой же черный костюм, похожий на военную форму.

Вольева подумала, что девушка, судя по акценту, из Йеллоустона.

— Мы знаем, что у вас тридцать три пушки. От них непрерывно поступают сигналы. Так что не вздумайте блефовать.

— Увертки не пройдут, — угрюмо заверил свинья — третий сидящий за столом. — Как видите, мы тут не шутки шутим. Все говорили: субсветовик угнать невозможно. А мы взяли и угнали. И оставили с носом сочленителей, а вдобавок навешали им тумаков. Мы проделали долгий путь и с пустыми руками не вернемся.

Говоря, он энергично взмахивал короткопалой неуклюжей лапой — будто гвоздь забивал.

Клавэйн наклонился вперед.

— Скорпион прав: у нас есть все необходимое, чтобы вернуть наше имущество. Вопрос в том, хватит ли у вас здравого смысла отдать его добровольно.

Повисла неловкая тишина. Казалось, старик ждет ответа — и желание отозваться было сильнейшим, хотя Илиа знала, что это запись, а не передача в прямом эфире. Она уже и рот раскрыла, решив, что скафандр запишет ее слова, загрузит в коммуникационную систему корабля и передаст незваным гостям. Но ответа придется ждать, как минимум, неделю, ведь три дня луч будет идти туда, три обратно.

Клавэйн заговорил снова:

— Однако не считайте нас неспособными к разумному компромиссу. Я понимаю: у вас свои трудности. Мы наблюдаем активность в вашей звездной системе и догадываемся, как сильно она беспокоит вас. Тем не менее наших планов это не меняет. Мы хотим, чтобы

вы приготовили устройства для передачи нам к тому времени, когда мы прибудем в систему Дельты Павлина. Никаких задержек, отговорок, уверток. Наша цель обсуждению не подлежит. Но мы открыты для обсуждения деталей передачи и будущего сотрудничества.

— Какое обсуждение — до вас еще две недели! — прошептала Вольева.

— Мы вскоре прибудем, — продолжил Клавэйн. — Возможно, гораздо раньше, чем вы предполагаете. Но пока мы находимся слишком далеко для эффективного сообщения между нами. Мы продолжим передавать это сообщение, пока не доберемся до системы. Для облегчения переговоров я приготовил свою бета-копию. Уверен, вы располагаете протоколами, необходимыми для ее инсталляции. Если нет, мы готовы отправить нужные данные. — Клавэйн благожелательно улыбнулся. — Пожалуйста, отнеситесь серьезно к нашему предложению. Конечно, взаимности ради мы можем принять вашу бету, если захотите немедленно начать переговоры с нами. Мы с огромным интересом ожидаем вашего ответа. На связи был Невил Клавэйн. Конец трансляции.

Вольева чертыхнулась про себя.

— Ах ты старый хрен, еще и любезничает! Есть у меня твои чертовы протоколы!

Илиа проверила архив: передачу корабль получил уже больше тысячи раз. Значит, нужные данные собраны, можно инсталлировать бета-копию.

— Капитан, ты слышал?

— Конечно.

— Ну так проверь основательно данные на предмет сюрпризов. А потом придумай, как сделать эту копию.

— Илиа, даже если в данных боевой вирус, вряд ли он повредит мне теперешнему. Это как если бы больной проказой в терминальной стадии боялся дерматита или капитан тонущего корабля тревожился о червоточинах в корпусе.

— *Спасибо, я уже поняла, что ты имеешь в виду.* Но все равно проверь. Я хочу без помех переговорить с этим Клавэйном лицом к лицу.

Триумвир переключила визор в прозрачное состояние, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как наружу поползла очередная пушка. Разъярилась Вольева донельзя. Дело не только в незваных гостях, упавших как снег на голову и потребовавших отдать самое ценное. Дело еще

в капитане: этот мерзавец из кожи вон лезет, чтобы скрыть от нее неприятности.

Илиа Вольева не понимала, что за игру затеял Джон Бренниген, и это ей совершенно не нравилось.

Илиа отступила на шаг от робота.

— Старт! — скомандовала она не без опаски.

Бета-версия инсталлировалась посредством обычных протоколов, совместимых с основными оперативными системами — начиная с созданных во второй половине Бель-Эпок, йеллоустонского золотого века. Данные оказались свободными от вирусного заражения, как намеренного, так и случайного. Но Вольева все равно им не доверяла. Она полдня потратила, выясняя, не сумела ли бета-версия неким сверхъестественно хитрым образом преодолеть и модифицировать бортовые противовирусные фильтры. Триумвир ничего не нашла, но тем не менее постаралась как можно лучше изолировать бету от корабельной сети.

Конечно, Бренниген был прав насчет вирусов. Ведь он теперь, по сути, и являлся кораблем. А началось это, когда его поразил чрезвычайно адаптивный инопланетный вирус. Поэтому едва ли творение человеческих рук способно повредить ему, оттеснив неизмеримо более изощренную заразу.

Робот вдруг попятился от Вольевой, качнулся, чуть не упал, но сумел выпрямиться. Глаза-камеры задергались независимо, затем со щелчком переключились в бинокулярный режим, сфокусировались на ней. Диафрагмы на них закрылись и раскрылись снова. Машина шагнула к триумвиру.

Та предостерегающе подняла руку:

— Стой!

Илиа инсталлировала бету в один из немногих человекоподобных роботов, остававшихся на борту «Ностальгии». Он выглядел почти скелетом: все открыто, механизмы наружу.

За себя Вольева не боялась. По крайней мере, разумных оснований для страха не видела, поскольку была физически сильней машины.

— Говорите со мной! — приказала она. — Вы установились нормально?

Голос машины напоминал жужжание запертой в ящике мухи.

— Да. Я бета-версия Невила Клавэйна.

— Хорошо. А я кто?

— Не знаю. Вы не представились.

— Я триумвир Илиа Вольева. Вы на моем корабле, который называется «Ностальгия по бесконечности». Я инсталлировала вас в робота общего назначения. Машина эта хрупкая и ненадежная, по каковой причине и выбрана. Так что давайте без глупостей. Робот запрограммирован на самоуничтожение, это во-первых. А во-вторых, я могу попросту разломать его голыми руками.

— Триумвир, мне и в голову не пришло бы делать глупости. Или, быть может, следует звать вас Илиа?

— Следует звать меня мэм — вы на борту моего корабля.

— Илиа, вы отправили свою бета-версию на мой звездолет? — спросил робот, словно не расслышав последней реплики.

— А какая вам разница, передала или нет?

— Я всего лишь интересуюсь. Вам не кажется, что, если бы мы обменялись бетами, в наших отношениях появилась бы приятная симметрия?

— Я бетам не доверяю. И смысла в обмене не вижу.

Жужжа сервомоторами и поворачивая камеры-глаза, робот осмотрелся. Илиа активировала его в относительно нормальной части субсветовика, где капитан еще не слишком трансформировал свое тело-корабль. Но, возможно, нормальной эта часть казалась только Вольевой, привыкшей к проявлениям плавящей чумы. Через каюту китовыми ребрами тянулись арки пораженной материи, блестящие, скользкие от корабельной слизи. Сапоги триумвира чавкали в черной липкой грязи.

— Так что́ вы хотели сказать? — спросила Илиа, желая отвлечь машину.

Робот прекратил рассматривать окрестности и снова уставился на женщину:

— Пока наши корабли находятся слишком далеко друг от друга, прямые переговоры — дело хлопотное. Беты помогут договориться, подготовят, так сказать, почву. Когда субсветовики сблизятся, можно будет передать накопленный бетами опыт. Оригиналы вникнут в дискуссии и, вполне вероятно, придут к общему мнению гораздо раньше, чем было бы возможным без бета-копий.

— Ваши слова кажутся разумными, но ведь я понимаю, что говорю всего лишь с набором алгоритмов ответа, с моделью, предсказывающей вероятную реакцию Клавэйна в сходной ситуации.

Робот исхитрился пожать плечами:

— И чем это плохо?

— Настоящий Клавэйн вполне может реагировать иначе в тех же ситуациях.

— А, это древний логический парадокс. Его любила вспоминать Галиана. Дело в том, что настоящий Клавэйн по-разному отреагирует даже на повторение одного и того же внешнего воздействия. Так что вы ничего не теряете, общаясь с бетой. — Робот поднял скелетоподобную руку, посмотрел сквозь каркас с тягами и тросами. — Вы понимаете, что так мы далеко не продвинемся?

— Вы о чем?

— Для чего понадобилось помещать меня в несуразное механическое тело? И этот голос... он вовсе не похож на мой. Вы же видели меня в передаче. Этот носитель нисколько мне не соответствует. Между прочим, я слегка шепелявлю, иногда с нарочитой преувеличенностью. Такая вот черта характера.

— Я уже сказала...

— Илиа, хочу вам кое-что предложить. Позвольте роботу соединиться с вашими имплантатами, отобразить в вашем восприятии мой виртуальный облик.

Странно — Вольевой стало стыдно.

— Клавэйн, у меня нет имплантатов, — развела она руками.

— Но вы же ультра! — В жужжании появился недоуменный тон.

— Да, но я из фракции имплантатоненавистников. У меня и до эпидемии этих машинок не было.

— А я думал, что хорошо знаю ультранавтов, — задумчиво произнесла копия. — Признаться, удивлен. Но ведь у вас наверняка есть способ воспринимать проецируемую информацию, помимо голографических изображений?

— Есть очки, — сказала Вольева.

— Ну, так наденьте их. Уверяю, все станет гораздо проще.

Вольевой не слишком нравилось подчиняться компьютерной программе, но нельзя было не признать, что предложения имеют смысл. Поэтому она приказала другому роботу доставить очки и микрофон. Надев то и другое, позволила бета-копии модифицировать изображение носителя. Убогий робот исчез, сменившись Клавэйном, почти таким же, как и в передаче. Иллюзия не была идеальной — полезное напоминание о том, что имеешь дело все-таки не с живым

человеком. Однако копия выглядела гораздо приятней, чем в обличье робота.

— Ну вот, можно поговорить о делах, — прозвучал в ушах голос Клавэйна. — Позволю себе спросить еще раз: не хотите ли проинсталлировать свою бету на моем корабле, «Свете Зодиака»?

Чертова программа ударила по больному месту. Вольева не желала признаваться в том, что попросту не способна создать свою бету. Для человека, имеющего в своем распоряжении субсветовик, это выглядело бы до крайности странно.

— Подумаю над этим, — пообещала триумвир, улыбнувшись. — А пока, Клавэйн, давайте-ка прервем нашу светскую беседу. Я прервала важную работу и должна к ней вернуться.

Клавэйн улыбнулся в ответ:

— Надеюсь, ничего страшного?

Хотя Илиа и уделяла внимание роботу, она продолжала выводить в космос пушки. Сказала капитану, чтобы тот не выдавал своего присутствия визитеру, говорил только через наушники. В свою очередь, Бренниген мог воспринимать субвокальную речь Вольевой.

— Я не хочу, чтобы Клавэйн узнал намного больше, чем знает сейчас, — сказала Илиа капитану. — И еще меньше хочу, чтобы он догадался о твоем истинном состоянии.

— А как настоящий Клавэйн узнает? Если копия что-нибудь разнюхает, ее всегда можно стереть.

— Но Клавэйн потом заинтересуется причиной.

— Если оно еще будет, это «потом».

— Ты имеешь в виду, что...

— Что мы не собираемся вступать в переговоры с ним.

Вольева провела робота к рубке, старательно избегая наиболее искаженных частей корабля. Заметила, что робот напряженно рассматривает все кругом, несомненно подозревая неладное. Но спрашивать о случившемся с кораблем он не стал. Да и смысла не имело скрывать: уже скоро «Свет Зодиака» приблизится настолько, что сможет во всех подробностях рассмотреть «Ностальгию по бесконечности». Вне сомнений, «лепнина» на корпусе не останется незамеченной.

— Илиа, не будем ходить вокруг да около, — произнес голос Клавэйна. — В вашем распоряжении тридцать три чрезвычайно важных для нас объекта. Надеюсь, не станете отрицать?

— Думаю, это было бы не слишком разумно.

— Отлично! — Образ Клавэйна энергично кивнул. — Это уже шаг вперед. Значит, мы оба согласились, что объекты существуют и находятся здесь.

— Лучше уж называть вещи своими именами, — пожала плечами Вольева. — Эти объекты — оружие. Вы знаете, и я знаю. Пушки. И, как я подозреваю, они тоже знают.

Илиа сняла очки. Робот-Клавэйн неуклюже ковылял по комнате — хрупкий нелепый механизм. Вольева вновь надела очки. Изображения наложились друг на друга, результат двигался, как механическая кукла.

— Илиа, вы начинаете мне нравиться. Да, это оружие — очень древнее, непонятного происхождения.

— Клавэйн, не вешайте мне на уши лапшу! Если уж вы в курсе существования этого оружия, наверняка знаете не хуже меня, кто его сделал. Рискну предположить, что это сочленители. Я угадала?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Собрали его сочленители...

— Собрали? Клавэйн, а ну-ка, выкладывайте начистоту, что за чертовщина происходит. Если оружие сочленительское, почему вы только теперь о нем узнали?

— Каждое орудие подает сигналы. С недавних пор мы эти сигналы ловим.

— Но вы же не сочленители!

— Нет! — Для убедительности Клавэйн взмахнул рукой — почти синхронно с движением робота. — Но буду откровенным, хотя бы ради успеха переговоров. Сочленители хотят завладеть оружием и тоже направляются сюда. Если точнее, сюда направляется целая эскадра тяжеловооруженных субсветовиков. Она следует по пятам за «Светом Зодиака».

Илиа вспомнила, что свинья по имени Скорпион говорил про сочленителей: «оставили с носом» и «навешали тумаков».

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Чтобы встревожить вас. Даже напугать. Не сомневайтесь, я тоже испугался, узнав о них. — Виртуальный Клавэйн поскреб в бороде. — Вот поэтому нам с вами и нужно договориться. Передайте арсенал в мое распоряжение, а уж с сочленителями я как-нибудь справлюсь.

— И почему вы считаете, что справитесь с ними лучше меня?

— По двум причинам. Во-первых, я уже несколько раз переиграл их. Во-вторых — что важнее, — я недавно принадлежал к их фракции.

Капитан прошептал на ухо:

— Илиа, я проверил. Среди сочленителей и в самом деле числился Невил Клавэйн.

— Думаете, ваше прошлое даст вам преимущество в бою с целой эскадрой?

— Сочленители не мстительны. Если у вас нет того, что им нужно, они оставят вас в покое. Но если оружие еще будет на вашем корабле, сочленители разорвут вас в клочья.

— В вашей логике есть небольшой пробел. Пушки у меня. Не подумали, что это я разорву вас в клочья?

— А вы, наверное, отлично научились обращаться с ними? — Клавэйн добродушно подмигнул.

— У меня есть опыт обращения с ними.

— Нет у вас никакого опыта. Вы, по сути, только-только завели чертовы игрушки. Если бы это случилось раньше, мы бы раньше и заметили. Не следует переоценивать способность управляться с техникой, которую вы практически не понимаете. Недостаток опыта и знаний может оказаться фатальным.

— Предоставьте судить об этом мне самой!

Клавэйн (черт, нельзя думать об этой штуке, будто о настоящем Клавэйне!) снова взъерошил бороду.

— Я не хотел вас оскорбить. Но это опасное оружие. Очень серьезно предлагаю передать его мне. А уж я о нем позабочусь.

— А если я отвечу «нет»?

— Тогда мы исполним обещание и заберем его силой.

— Знаете, Клавэйн, я хочу вам кое-что показать. Вы как-то говорили, что знаете о неприятностях в системе Дельты Павлина. Сейчас увидите их во всех подробностях, чтобы не оставалось никаких сомнений.

Вольева запрограммировала сферический дисплей на показ разобранной планеты. Оставшееся на ее месте облако мусора было неровным, клочковатым; в его толще виднелись глобулы уплотненной материи. Похожий на горн объект в центре облака казался на порядок больше любой глобулы и выглядел почти завершенным. Хотя датчики с трудом различали детали сквозь мегатонны обломков

и пыли, сооружение представлялось неимоверно сложным, головоломным собранием причудливых деталей, структур размером от нескольких метров до сотен километров в поперечнике. Сооружение казалось сотканным из ажурной ткани и имело органический вид: сухожилия, узловатые мышцы, бугры суставов. Даже в приступе безумия человеческое сознание не измыслило бы подобную конструкцию. Несомненно, ее пока не закончили. И сейчас к ней добавлялись новые слои материи; в облаке различались потоки обработанного материала, тянущиеся к исполинской машине. Но она выглядела пугающе близкой к завершению.

— Клавэйн, вы уже это видели?

— В таких подробностях — нет.

— И что вы об этом думаете?

— *Илиа, почему бы вам не рассказать сперва, что думаете вы?*

— Я пришла к простому и однозначному выводу, — ответила она. — Чтобы сделать эту машину, были разобраны три скалистые планеты. Ее монтируют пришельцы, чуждые нам существа. И прибыли они сюда из-за того, что сделал Дэн Силвест.

— Да, мы догадывались, что он причастен к появлению чужаков. И знаем о черных машинах. Уже давно подозревали об их существовании.

— Простите, «мы» — это кто?

— Сочленители. Я расстался с ними совсем недавно. — Клавэйн немного помолчал, задумавшись. — Несколько веков назад мы направили экспедицию в глубокий космос — намного дальше, чем добиралось прежде человечество. Экспедиция встретила черные машины. Мы назвали их волками. Полагаю, здесь появились такие же.

— Они себя никак не называют, — сказала Вольева. — Мы их зовем ингибиторами. Так они именовались в свои лучшие времена.

— Вы это узнали из наблюдений?

— Не совсем.

Илиа подумала, что разболтала уже слишком многое. Но Клавэйн оказался таким чутким собеседником. Хотелось разъяснять ему, убеждать его. Желание было почти неодолимым. Если не придержать язык, можно ненароком выложить и про Цербер-Гадес, и про то, как Хоури удалось заглянуть в дочеловеческую историю Галактики и узнать о бесконечной череде войн и геноцида, тянущейся почти от начала существования разумной жизни.

Да, кое-что можно обсудить с Клавэйном. Прочее же лучше не трогать — во всяком случае, до подходящего момента.

— Илиа Вольева, вы женщина-загадка.

— Я женщина, у которой много работы. — Илиа сфокусировала изображение на растущей машине ингибиторов. — Не сомневаюсь: они строят оружие. Скорее всего, хотят вызывать катастрофу во всей системе, дестабилизировав звезду. Амарантийцев они истребили, вызвав чудовищный протуберанец. Думаю, на этот раз придумали нечто еще страшнее и разрушительней. Я не могу позволить, чтобы ингибиторы запустили машину. На Ресургеме двести тысяч человек. Они погибнут, если ингибиторы осуществят задуманное.

— Поверьте, я с сочувствием отношусь к вашим проблемам.

— Значит, вы должны понять: я не могу отдать пушки ни сейчас, ни потом.

Впервые Клавэйн выглядел растерянным. Он запустил руку в шевелюру, заскреб, превратив ее в мешанину торчащих белых лохм.

— Так отдайте мне оружие, и я применю его против волков! Разве так не будет лучше?

— Может, и будет, — весело ответила триумвир. — Только я вам не верю. И если это оружие и вправду такое мощное, как вы говорите, я никому его не отдам. В конце концов, мы веками его искали. Вы уж не обижайтесь, ладно? Просто мы люди хозяйственные. Подумайте, разве это правильно — отдавать ценное имущество первой встречной шайке бродяг? — Она улыбнулась. — К тому же вы сами признали: оружие-то, по большому счету, не ваше.

— Илиа, вы очень пожалеете, если вступите в переговоры с сочленителями.

— Хм, возможно. Но, по крайней мере, это будут переговоры с легитимной фракцией человечества, а не с бандой.

Клавэйн приложил руку ко лбу, словно его мучила мигрень.

— Вы не поймете друг друга. Сочленители хотят заполучить оружие только для того, чтобы удрать с ним в глубокий космос.

— А у вас, поди, цели куда благороднее?

— Как это ни выспренно звучит, да. Я хочу вернуть эти пушки человеческой расе: демархистам, ультра, армии Скорпиона. Мне все равно, к кому они попадут. Главное, я должен быть уверен, что оно будет использовано правильно.

— Правильно? Этот как?

— Против волков. Они приближаются. Сочленители уже давно это знают. А происходящее здесь доказывает справедливость их

подозрений. Илиа, пара следующих столетий обещает быть очень интересной.

— Интересной?

— Да. Но, боюсь, не слишком радостной.

Вольева выключила бета-копию. Образ Клавэйна рассыпался на отдельные пятна, потускнел, исчез. Остался лишь худосочный робот. Но ощущение присутствия не ушло. Илиа не могла отделаться от мыслей о Клавэйне. Казалось, он все еще рядом, стоит, наблюдает.

— Илиа, мы готовы, — оповестил капитан. — Последнее орудие уже вне корпуса.

Триумвир сдернула гарнитуру:

— Все в порядке?

— По большому счету, да. Пять пушек вышли благополучно. Шестая проявила краткую нестабильность двигательной системы, не сразу заработали нормально подсистемы наводки четырнадцатой и двадцать третьей. После размещения снаружи никакие неполадки не отмечены.

Илиа закурила. Вытянула четверть сигареты и только потом ответила:

— По мне, это совершенные мелочи.

— Уверен, новых неполадок не будет, — громыхнул капитанский бас. — Электромагнитный фон в помещении склада сильно отличается от забортных полей. Переход слегка возмутил артсистемы. Побудут немного снаружи, и состояние нормализуется.

— Подготовь, пожалуйста, шаттл.

— Что?

— Ты слышал. Я вылечу наружу, проверю орудия. — Она притопнула ногой, ожидая ответа.

— Илиа, в этом нет необходимости. Я мониторю состояние каждой пушки, до последней детали.

— Капитан, управлять ты ими можешь и состояние мониторишь, но ты же не знаешь их так, как знаю я.

— Илиа...

— Мне большой шаттл не нужен. Я бы и в скафандре полетела, но в нем не покуришь.

Капитан вздохнул — словно дом вдалеке обвалился.

— Хорошо, я подготовлю для тебя судно. Но будь осторожна, хорошо? И держись у меня в тылу, чтобы ингибиторы не заметили.

— Им на нас пока наплевать. И вряд ли что-нибудь изменится в ближайшие пять минут.

— Илиа, лучше не рисковать без нужды!

Вольева подумала, что капитан может и в самом деле за нее переживать, хоть в это и с трудом верится. Конечно, ему одиноко здесь, а она — единственное существо, с кем можно нормально, по-человечески пообщаться. Но ведь она раскрыла его преступления и наказала за них, превратив человека в звездолет. Не могут капитанские чувства быть однозначно дружескими. Уж не лукавит ли он?

Вольева докурила. Повинуясь внезапному импульсу раздражения, сунула окурок в голову роботу, между парой торчащих металлических пластин. Окурок полыхнул оранжево.

— Дрянная привычка! — обругала себя Илиа.

Она села в похожий на змеиную голову шаттл — в таком Хоури с Торном исследовали ингибиторскую активность вокруг газового гиганта. Капитан уже запустил системы маленького судна, подогнал его к шлюзу. Шаттл пострадал при встрече с черными машинами в атмосфере Рух, но повреждения без труда удалось исправить наличными средствами. В любом случае они были не настолько серьезными, чтобы помешать короткому вылету.

Вольева уселась в кресло пилота, подключилась к системе управления. Капитан поработал отлично, даже баки заправил под завязку, хотя пролететь надо было всего пару сотен метров.

Но странно, триумвира глодала тревога. И причина этого беспокойства оставалась непонятной.

Вольева вывела шаттл наружу, за бронированные ворота. И это был не тот шлюз, через который вышло оружие, а гораздо больший. Пушки скрылись от ингибиторов — и от взгляда Илиа — за громадой субсветовика. Илиа направила судно вокруг звездолета, наблюдая, как туманность, сделанная из разбитой планеты, скрывается за округлостью корпуса.

Показались пушки — восемь грозного вида силуэтов, похожих на дремлющих монстров. Все разные, но с очевидными чертами сходства, придуманные одним разумом. Илиа всегда подозревала, что они сочленительского происхождения, но, получив подтверждение тому от Клавэйна, была озадачена. Вроде у Клавэйна нет причин лгать. Но почему сочленители произвели на свет столь жуткие орудия убийства? Несомненно, чтобы применить их. Может, хотели посчитаться с остальным человечеством?

Каждую пушку окружала паутина балок и кронштейнов, на которых крепились маневровые двигатели, прицельное оборудование и несколько защитных приспособлений, предназначенных обезопасить само орудие. Маневровые движки могли в принципе доставить его в любое место системы, но, по прикидкам Вольевой, это заняло бы слишком много времени. Поэтому она присоединила к каждой пушке по восемь буксирных ракет: четыре в носу, четыре в корме, на углах скелета из балок. С помощью буксиров орудия могли добраться до противоположного края системы всего за месяц.

Илиа нацелила шаттл на пушки. Они, чувствуя приближение, зашевелились. Вольева подлетела ближе, сбросила скорость, изучая пушки, у которых недавно обнаружились неисправности. На экране браслета побежали строчки диагностики, сжато, но достаточно информативно отражающие состояние орудий. Вроде все в полном порядке.

Именно это и настораживало.

Никаких признаков неполадок, вызванных переходом. В записях тоже нет указаний на аварийность. Значит, капитан солгал про нестабильность и проблемы с прицелами. Паршивец подстроил так, что Илиа сама захотела выйти наружу и проверить. Но зачем?

Вольева заставила себя успокоиться.

— Эй, капитан? — осторожно позвала она.

— Да, Илиа?

— Тут странные показания — будто не было никаких сбоев. Абсолютно все нормально, и при выходе, и сейчас.

— Но я уверен: неполадки при выходе были.

— В самом деле?

— Да. — В голосе Бреннигена послышалась нерешительность. — В общем-то, я уверен. Иначе разве стал бы сообщать о них?

— Не знаю. Возможно, ты хотел выставить меня за борт.

— С чего бы мне этого хотеть? — Капитан взял оскорбленный тон, но вышло как-то не слишком убедительно.

— Не знаю, но у меня гадкое предчувствие. Похоже, я очень скоро выясню, в чем дело, правда?

Пушка номер тридцать три, самая мощная из восьми выведенных, отделилась от группы, заскользила вбок. При всей своей массивности двигалась она плавно, грациозно — мощные маневровые двигатели, сверкая выхлопами, перемещали ее с помощью точных и экономных импульсов. Вольева глянула на браслет.

Заработали гироскопы орудия, разворачивая внешнюю раму. Медленно и зловеще, будто огромный железный палец, указующий на осужденного, пушка развернулась к цели.

И нацелилась она на «Ностальгию по бесконечности».

Проклиная себя, Вольева наконец поняла, в чем дело.

Капитан решил свести счеты с жизнью.

Следовало предвидеть такую возможность. Выход Бреннигена из кататонии был всего лишь уловкой. Он с самого начала хотел покончить со своим жутким и жалким состоянием. А Вольева дала ему идеальный инструмент. Умоляла предоставить в ее распоряжение пушки, а он согласился — и с такой подозрительной легкостью.

— Капитан!

— Прости, Илиа. Я должен это сделать.

— Нет! Ты ничего никому не должен!

— Я знаю: ты хотела понять и думала, что все поняла, но это совершенно за пределами твоих возможностей — представить, каково мне на самом деле.

— Капитан, прошу, не спеши! Давай поговорим. Если чувствуешь, что не можешь больше, не справляешься, так расскажи мне, поделись. Мы вместе что-нибудь придумаем.

Пушка закончила разворот. Ее раскрывшаяся цветком оконечность уставилась на темный корпус субсветовика.

— Илиа, время обсуждений давно прошло.

— Мы сможем! — выкрикнула она в отчаянии, не веря себе. — Мы найдем способ вернуть тебя, сделать нормальным человеком!

— Илиа, не говори чепухи. Случившееся со мной необратимо.

— Но мы придумаем, как облегчить твое существование, избавить тебя от страданий! Больше того, ты сможешь радоваться жизни, я обещаю! Капитан, мы сможем! Вместе добьемся чего угодно! Нужно только захотеть!

— Ты и правда ничего не понимаешь. Дело не в том, во что я превратился. Я больше не могу жить с тем, что совершил.

Пушка замерла, нацелившись точно в середину звездолета.

— Я знаю, что ты убил человека и завладел его телом, — ответила Вольева. — Это страшное злодеяние, Садзаки не заслуживал такой участи. Но разве ты не понимаешь, что уже расплатился за свое преступление? Садзаки умер дважды. Сперва погиб его разум в его же теле, потом его разум — в твоем. Вот оно, наказание, — и видит бог, оно очень суровое. Капитан, нет нужды снова искупать вину. Что

сделано, то сделано. Ты тоже пострадал. Случившееся с тобой кто угодно сочтет достаточной расплатой. Да ты уже тысячу раз переплатил за содеянное!

— Но я помню, что сделал с ним. Хорошо помню.

— Конечно! Только это не значит, что нужно казнить себя!

Вольева глянула на браслет. Пушка разогревалась. Еще чуть-чуть — и придет в боевую готовность.

— Нужно, Илиа. Пойми, это не прихоть. Я принял решение очень давно. Тебе и не представить, как давно. Всегда, разговаривая с тобой, я преследовал одну цель — прекратить свое существование.

— Ты мог бы покончить с собой, пока я была на Ресургеме. Почему сейчас?

— Почему сейчас? — Капитан издал жуткий хрип, похожий на смех. — Ну разве не очевидно? Какой прок от правосудия, если ему нет свидетелей?

Браслет сообщил: орудие готово к стрельбе.

— Ты хочешь, чтобы я это видела?

— Конечно. Ты всегда была для меня особенной. Разговаривала со мной, когда я болел. Стала для меня лучшим другом. Ты сможешь понять.

— Но я тебя и сделала чудовищем!

— Твоей вины тут нет. Тогда это было необходимо. В самом деле, я нисколько не в обиде.

— Пожалуйста, остановись! Ты же погубишь не только себя.

Илиа понимала, что сейчас необходимо сказать самые правильные, самые проникновенные слова.

— Капитан, ты нам необходим. Нам нужны пушки, которые ты несешь в себе. Нужна твоя помощь в эвакуации Ресургема. Твоя смерть повлечет за собой гибель двухсот тысяч человек. Это будет новое преступление, страшнее всех прежних, — но искупить вину ты уже не сможешь.

— Прямой моей вины в гибели этих людей не будет.

— Капитан, умоляю, не делай этого!

— Илиа, отведи шаттл прочь. Не хочу, чтобы ты пострадала при взрыве. Я никогда не желал тебе зла, мне всего лишь нужно, чтобы ты стала свидетелем моей смерти. Верю, ты меня поймешь.

— Я уже понимаю тебя! Разве этого недостаточно?!

— Нет.

Орудие заработало. Выпущенный его жерлом луч оставался невидим, пока не коснулся обшивки. Рассеиваясь, он замерцал на вы-

текающем воздухе и частицах испаренной брони: метровой толщины лезвие, квинтэссенция всеразрушающей силы, пронзало тело корабля. В арсенале пушка номер тридцать три была не самой разрушительной, но обладала колоссальной дальнобойностью. Поэтому Вольева и выбрала ее для удара по ингибиторам.

Силовой луч прогрыз корабль насквозь и засветился в облаке пара и воздуха с другой стороны. Орудие начало разворачиваться, вспарывая корпус.

— Капитан!

— Извини, я не могу остановиться.

В голосе слышалась боль. Неудивительно, ведь нервы Бреннигена протянулись во все закоулки «Ностальгии по бесконечности». И этот луч для него словно скальпель, кромсающий руку.

Капитана не устраивала быстрая и безболезненная смерть. Она не искупит злодейство. Бренниген желал умереть медленно, корчась в жуткой агонии. Настоящая казнь — а рядом свидетель, способный рассмотреть мучения во всех подробностях.

Луч пропахал борозду в сотню метров. Капитан истекал жижами, исходил паром.

— Прекрати! Бога ради, остановись!

— Илиа, позволь мне закончить. Прости, пожалуйста...

— Я не позволю!

Триумвир не задумывалась. Если бы помедлила хоть мгновение, вряд ли собралась бы с духом и пошла на смертельный риск. Она была невысокого мнения о своей храбрости и уж точно не хотела жертвовать собой.

Илиа Вольева рванула шаттл к лучу, чтобы заслонить собой «Ностальгию по бесконечности».

— Нет! — воскликнул капитан.

Слишком поздно. Чтобы прекратить огонь, нужна секунда. И быстро орудие не развернешь.

Прицелилась триумвир неточно, шаттл лишь скользнул по лучу — но тот испарил всю правую половину суденышка. Одно мгновение свирепого буйства энергии — и броня, и внутренний каркас, и термоизоляция, и герметичная мембрана стали паром. Вольева успела заметить, что промазала, угодила не точно в центр пучка, — и поняла, что это не имеет значения.

Она все равно умрет.

Перед глазами все поплыло. В горле возник омертвляющий холод, словно туда залили жидкий гелий. Илиа попыталась вдохнуть,

и ледяной кулак ударил в легкие. В груди словно родилась глыба гранитно-твердого льда. Внутренности замерзли мгновенно.

Она раскрыла рот, желая проговорить хоть что-нибудь напоследок. Отчего-то это показалось правильным.

ГЛАВА 31

— Волк, почему? — спросила Фелка.

Они встретились наедине под тем самым свинцово-серым небом, на берегу со скальными гребнями и лужами, где, по настоянию Скади, им уже довелось свидеться. Теперь Фелка грезила наяву. Ведь она находилась уже на субсветовике Клавэйна, Скади погибла — но волк казался таким же реальным, как и раньше. Его облик оставался неясным — столб дыма, временами принимающий уродливые, гротескные человекоподобные формы.

— Что «почему»?

— Почему ты так ненавидишь жизнь?

— У меня нет ненависти к жизни. Верней, у нас нет. Мы лишь исполняем долг.

Фелка стояла на коленях, окруженная остатками морских существ. Она знала теперь, чем объясняется одна из великих тайн космоса, тревожившая людей с начала космической эры. В Галактике тьма звезд, у многих есть планеты. Конечно, не все они находятся на нужном расстоянии от светила, не на всех есть металлы в пропорции, требующейся для возникновения сложных соединений углерода. А некоторые звезды слишком нестабильны, и жизнь подле них развиться не может. Но ведь в Галактике сотни миллиардов звезд. Пусть лишь крошечная часть их обитаема, по идее, этого достаточно, чтобы космос изобиловал разумной жизнью.

Но люди так и не нашли свидетельств распространения разумных форм жизни от звезде к звезде, хотя этот процесс не кажется слишком сложным. Глядя в ночное небо, философы пришли к выводу, что жизнь — исключительный феномен. Возможно, человеческая раса — единственная разумная во всей Галактике.

Люди были не правы, но свою ошибку они обнаружили лишь в начале эпохи межзвездных сообщений. Отправленные ими экспе-

диции нашли следы погибших культур, руины цивилизаций на планетах, признаки существования народов. Количество их, погибших, пугало.

Казалось, разумная жизнь не то чтобы редка, но удивительно склонна к вымиранию. Словно что-то намеренно уничтожало ее.

Волки и стали недостающим фрагментом головоломки, безжалостным врагом разума. Неумолимые, бесконечно терпеливые машины выискивали признаки зародившегося разума и безжалостно уничтожали его. Оттого Галактика оставалась пустынной и безжизненной, патрулируемой жестокими, бдительными стражами.

— Но зачем? — спросила Фелка. — Ваши действия кажутся бессмысленными. Если уж вы так ненавидите жизнь, отчего бы не покончить с нею раз и навсегда?

— Раз и навсегда? — переспросил волк.

Очевидно, рассуждения Фелки его позабавили.

— Вы можете разбить все планеты Галактики или отравить их. Похоже, вам просто не хватает храбрости покончить со всей жизнью.

Медленно, тяжело вздохнула потревоженная волной галька — будто сошла лавина далеко в горах.

— Мы не хотим уничтожить всякую разумную жизнь, — ответил волк.

— Нет?

— Напротив, хотим сохранить ее. Мы блюстители разума, желающие уберечь его от величайшей опасности.

— Но ведь вы убийцы! Уничтожаете целые культуры!

Волк пропал из виду, появился снова. А когда ответил, его голос, словно в насмешку, стал похожим на голос Галианы.

— Настоящая доброта иногда выглядит жестокостью.

После смерти Галианы Клавэйна видели немногие. Вся команда, даже нижайшие чины в армии свиней понимали: не стоит тревожить командира. Обращались к нему лишь при возникновении по-настоящему тяжелых, критических проблем, требующих немедленного действия. Неизвестно, исходила ли просьба оставить Клавэйна в покое от него самого или от его ближайшего окружения. Скорее всего, было и то и другое. Он стал без малого призраком, таинственной тенью, скитавшейся по коридорам субсветовика в часы, когда команда спала. А временами, пока звездолет летел с большим ускорением, в коридорах слышалось ритмичное топанье экзоскелета —

Клавэйн направлялся по своим делам. Но с людьми и свиньями он не заговаривал, на контакт не шел.

Говорили, он часами сидит в обсерватории и глядит в беззвездную черноту, словно зачарованный ею. Знавшие его замечали, что он выглядит гораздо старше, чем в начале экспедиции, словно погрузился в стазис, а не живет в сжатом корабельном времени. Так выглядят те, кому опротивело существование, кто не тянул бы лямку жизни, если бы этого не требовал долг.

Хотя подробности остались неизвестными команде, многие догадались: Клавэйн был вынужден принять очень тяжелое решение. А кое-кто вспомнил о Галиане. Раньше она была фактически мертвой, но теперь исчезла навсегда в полном смысле этих слов, и случившееся тяжело легло на душу старика. Сочленители держали Галиану в криокапсуле, надеясь со временем избавить ее от волка. Конечно, вероятность такого исхода была невелика, но ведь наверняка в глубине души Клавэйн надеялся, что Галиана, давняя любовь, вернется к нему исцеленной. А теперь старик убил надежду собственными руками. Говорили, что Фелка сумела его убедить, но окончательное решение принял он сам. На его руках осталась кровь этой казни, совершенной ради милосердия.

Уединение старика повредило делам куда меньше, чем могло бы показаться на первый взгляд. Клавэйн передал многие свои полномочия заместителям, и приготовления к битве шли теперь полным ходом и без его участия. Фабрики работали безукоризненно, производя броню и оружие. Корпус «Света Зодиака» ощетинился противокорабельными пушками и ракетами. Бесконечные тренировки превратили боевиков Скорпиона в настоящих солдат, безжалостных и эффективных. Свиньи поняли, насколько их предыдущие успехи зависели от чистого везения. В недалеком будущем его заменит профессионализм. Конечно, и профессионалов может постигнуть неудача — но не из-за недостатка подготовки или плохого тактического планирования.

Теперь, когда уничтожен корабль Скади, нет опасности ввязаться в битву с субсветовиками сочленителей. Дальнее сканирование подтвердило: да, следом идет эскадра. Но она может лишь сравняться по ускорению со «Светом Зодиака». Обогнать его, даже догнать сочленители не в силах. После случившегося с «Пасленом» вряд ли кто-нибудь осмелится повторить эксперимент с четвертой фазой вакуума.

На полпути к Ресургему звездолет перешел в режим торможения, развернувшись дюзами к цели полета. Теперь ориентир — подчеркнутый релятивистскими эффектами выхлоп сочленительских двигателей — исчез из поля зрения сочленителей. Риск нападения намного снизился, у команды появилось больше времени для работы над главной задачей. Поступали все новые данные, позволяя обдумывать детали операции по возвращению «адского» оружия.

Вскоре выяснилось, что вблизи Дельты Павлина происходят очень странные события. Сканирование планетарной системы показало: не хватает трех довольно больших небесных тел. Их будто стерли со звездной карты. Еще тревожнее выглядела метаморфоза, которой подвергся газовый гигант. От него осталась лишь часть металлического ядра, окруженная огромным облаком измельченной материи. Виднелись остатки чудовищных машин, использованных для раскручивания и уничтожения планеты: кольца, завитки, петли. По-видимому, технику демонтировали и из деталей сделали новую. В центре облака висела конструкция, намного превосходящая размерами прежние машины: аппарат шириной в две тысячи километров. Очевидно, человеческие руки такое произвести не могли.

Ремонтуар помог Клавэйну построить датчики нейтрино, способные улавливать сигналы от «адского» оружия. Приблизившись к системе, экспедиция установила: тридцать три пушки остаются практически на прежнем месте. Еще шесть пребывают в пассивном состоянии, вися на орбите нейтронной звезды Гадес. Одной единицы недоставало, но об этой нехватке Клавэйн узнал еще до того, как покинул Материнское Гнездо.

Когда до цели осталась всего четверть светового года, детальное сканирование позволило сделать вывод: тридцать три орудия с очень высокой вероятностью находятся на борту субсветового корабля приблизительно такого же типа, что и «Свет Зодиака». Наверное, они хранятся в большом грузовом трюме «Ностальгии по бесконечности», висящей в точке Лагранжа между звездой Дельта Павлина и Ресургемом.

То есть противника наконец рассмотрели и оценили. Но оставался открытым вопрос о том, что происходит на Ресургеме. От единственной в системе обитаемой планеты не исходило сигналов ни в каких диапазонах. Но ведь колония не погибла! Анализ газового состава атмосферы ясно говорил: терраформирование продолжается. На поверхности уже образовались значительные водоемы. Полярные

ледники сжались, атмосфера была теплее и влажнее, чем миллион лет назад. Инфракрасное излучение от растительности указывало, что это земные виды, генетически модифицированные для выживания в холоде, сухости и недостатке кислорода. Яркие пятна выдавали местонахождение мощных атмосферных фабрик. Области с высоким содержанием очищенных металлов отмечали промышленную застройку. При наибольшем увеличении угадывались даже признаки дорог и трубопроводов, и кое-где в поле зрения датчиков попадали пузатые воздушные корабли наподобие дирижаблей. Несомненно, планета оставалась обитаемой, но ее население не слишком хотело общаться с окружающим миром.

— Это все не важно, — сказал Скорпион Клавэйну. — Мы пришли сюда с единственной целью —забрать оружие. К чему усложнять?

Когда свинья отыскал Клавэйна, тот сидел в одиночестве.

— Ты хочешь просто разделаться с субсветовиком?

— Если отправить туда твою бету, можно будет сразу начать переговоры. Тогда к нашему прибытию они подготовят оружие. После развернемся — и поминай как звали. Другие корабли за это время даже не успеют добраться до системы.

— Не все так просто, — ответил Клавэйн, уныло глядя на звезды за стеклом обзорного купола.

— Думаешь, переговоры бесполезны? Отлично! Не будем терять время и просто вломимся с лучевиками наперевес.

— Но сначала помолимся, чтобы люди триумвира не умели обращаться с «адским» оружием. Если дойдет до серьезной драки, шансов у нас будет не больше, чем у снежка на сковородке.

— А я думал, с «адским» оружием проблем не возникнет.

Клавэйн наконец повернулся к Скорпиону:

— Ремонтуар не обещает, что сработают коды блокировки пушек. Если запустим их слишком рано, у противника будет время на поиск способа разблокировки. Если такой способ существует, уверен, Вольева его найдет.

— Тогда опробуем переговоры. Клавэйн, отправь свою копию. Нам это ничего не будет стоить, но время выиграем.

Клавэйн не ответил прямо. Вместо этого он спросил:

— Думаешь, они понимают, что происходит?

Свинья растерянно заморгал. Иногда он с трудом улавливал перемены в настроении старого сочленителя. Тот был куда сложнее

и загадочнее любого человека из всех, кого Скорпион знал со времен своего рабства.

— Они — это кто? И что они должны понимать?

— Черные машины уже вовсю орудуют в системе Дельты Павлина. Если жители планеты посмотрят в небо, они обязательно заметят перемены. И поймут, что это не предвещает ничего хорошего.

— И что с того? Ты же читал отчеты об их ситуации. На планете, похоже, не сохранилось ни единого шаттла. Им остается лишь делать вид, будто не происходит ничего особенного.

С минуту Клавэйн не отвечал, глядя в окно, в усеянную звездами ночь. Скорпион недоумевал, что же видит там сочленитель. Может, надеется уловить крошечный проблеск вспышки, унесшей жизнь Галианы? Конечно, свинья не знал Клавэйна так, как его знал, например, Ремонтуар, но считал старого солдата человеком исключительно рациональным. Наверное, горе, тихое, но рвущее в клочья душу, может не оставить от рациональности камня на камне. Скорпион подумал, что влияние горя и раскаяния на человеческую историю так и осталось неизученным. Вина, муки совести, ощущение потери, боль и тоска сказались на мире людей не меньше, чем злость, жадность и жажда мести.

— Клавэйн... — осторожно произнес свинья.

— Я никогда не думал, что будет настолько тяжело решать. Эйч был прав. По-настоящему важны лишь трудные решения. Казалось, дезертирство далось мне тяжелее всего в жизни. Но как же я ошибался! Насколько это ничтожно в сравнении с тем, что мне пришлось сделать после. Я убил Галиану. И самое ужасное, я это сделал по собственной воле.

— Но ты вернул Фелку. Разве это не утешение?

— Да, — торопливо ответил Клавэйн, будто отчаянно ухватился за соломинку, стремясь выползти из болота сомнений. — Я вернул Фелку. Или, по крайней мере, что-то на нее похожее. Это не та Фелка, которую я оставил в Материнском Гнезде. Она несет с собой волка. Правда, не самого, а лишь тень, но при общении с ней я не знаю, волк мне отвечает или она. Что бы теперь ни случилось, я не уверен, что смогу считать ее слова искренними.

— Тебе она настолько дорога, что ты рисковал жизнью ради ее спасения. Тоже решение не из легких. И уникальным оно тебя не делает. — Скорпион почесал курносый пятачок. — Мы все тут принимали трудные решения. Посмотри на Антуанетту. Она сделала

доброе дело, похоронила отца, как тот хотел, — и оказалась втянута в битву за выживание человечества. Вокруг — свиньи, люди, обреченные планеты... Вряд ли она ожидала чего-то подобного, когда летела ублажать свою совесть, погребать отца в газовом гиганте. Мы не властны над собственной судьбой; мы не знаем, куда нас заведет первое же трудное решение. Ты думал, дезертирство само по себе ужасно трудный поступок, а оно оказалось началом чего-то большего и наитруднейшего.

Клавэйн вздохнул. Скорпион заметил — или воображение обмануло, выдавая желаемое за действительное, — что у старика немного улучшилось настроение.

— Скорпион, а у тебя бывали трудные решения? — Голос Клавэйна звучал уже не столь уныло.

— Ну да. Я же решил пойти вместе с вами, сукиными детьми в человеческом обличье.

— И какие выводы?

— Кое-кто из вашей человеческой братии заслуживает самой медленной и мучительной смерти, какую только можно представить. Но не все.

— Хм... Я могу это считать комплиментом.

— Сегодня можете. Не гарантирую, что завтра я не переменю мнение.

Клавэйн снова вздохнул, поскреб в бороде и согласился:

— Хорошо, начнем переговоры. Отправляй мою бету.

— Нужно вместе с ней отправить обращение. Условия, аргументы и так далее.

— Да ради бога. Все, что придумаешь, я озвучу.

За долгое время своей жестокой власти над Галактикой ингибиторы изобрели пятнадцать способов уничтожения звезды класса карликов.

Надзиратель подумал, что в разные периоды галактической истории наверняка существовали и другие методы, не уступавшие найденным его расой. Галактика очень велика и стара, ингибиторские знания о ней далеко не полны. Но за последние четыреста сорок миллионов лет черные машины не получили новых способов. Вот уже два галактических оборота не было фундаментальных обновлений методологии звездоцида. Даже для существ, живущих в геологическом времени, такой «сон разума» — весьма тревожный признак.

Разбалансировать звезду, напевая ей колыбельные, облучая гармоничной последовательностью гравитационных волн, — вот самый новый способ убийства светил. Он последним добавился в базу данных. И хотя это произошло четыреста сорок миллионов лет назад, надзиратель не мог сдержать любопытства. Так стареющий забойщик скота глядит с легким интересом на новоизобретенный аппарат, предназначенный для скорейшего и надежнейшего смертоубийства. Нынешняя зачистка — хороший повод проверить на практике технологию, оценить ее эффективность. Если результат окажется не вполне удовлетворительным, надзиратель оставит рекомендацию при будущих зачистках использовать четырнадцать более ранних методов. Но пока он вполне полагался на эффективность «певца».

Все звезды поют для себя. Внешние слои звезды вибрируют на нескольких частотах сразу, словно непрерывно раскачиваемый колокол. Звуковые волны проникают далеко вглубь, вплоть до границы ядра, где пылают термоядерные реакции. Амплитуда этих осцилляций для карлика типа Дельты Павлина невелика, но «певец» способен подстроиться к ним, обращаясь вокруг звезды, излучая гравитационные волны в нужное время, раскачивая резонанс, доставляя энергию внутренним звуковым возбуждениям. «Певца» разумные млекопитающие назвали бы гравитационным лазером.

В сердце «певца» лежала замкнутая в кольцо микроскопическая струна, крошечный реликт ранней, быстро остывающей Вселенной, вытянутый из взбаламученной пены квантового вакуума. По сравнению с колоссальными топологическими дефектами Вселенной эта струна была лишь ничтожной царапиной на мироздании — но для «певца» ее хватало. Она выглядела пухлой, растянутой, словно крошечная ириска, петлей. «Певец» накачивал ее энергий вакуума, пока она не приобретала макроскопические размеры и массу. А тогда петлю быстро переводили в стабильную конфигурацию типа восьмерки и возбуждали, заставляя вибрировать, испуская узкий пучок гравитационных импульсов.

Постепенно амплитуда вибраций адиабатически увеличивалась. В то же время испускаемые импульсы точно чирпировались, подвергались модуляции. «Певец» гасил одни колебания в недрах звезды и возбуждал другие, раскачивал нужные и угнетал мешающие. Благодаря вращению моды звуковых колебаний звезды уже не были сферически симметричными, но сохраняли, однако же, симметрию относительно оси вращения и поэтому являлись стабильными. «Певец» разрушал и эту симметрию, возбуждая и подпитывая энергией новые нестабильные

конфигурации мод, сосредоточив действие на точке, лежащей на экваторе, на линии, соединяющей «певца» с центром масс звезды. Сфокусировавшись, «певец» наращивал интенсивность волн — и у точки их входа в звезду образовывались мощные возбуждения, генерировались конвекционные потоки, а существующие отражались, меняли форму и направление. Водород там сжимался и разогревался почти до начала термоядерной реакции. Притом во внешних оболочках и правда могла вспыхнуть реакция, но целью «певца» она не являлась. Его воздействие должно было исказить форму внешних оболочек звезды, изогнуть их, отстранить. На клокочущей поверхности фотосферы появлялась вмятинка, оспина, где могла бы поместиться планета. Концентрическими кольцами ее окружали зоны сжатия, где полыхал термоядерный синтез, обрушивая в пространство шквал нейтрино и фотонов высочайшей энергии. А «певец» продолжал точно и размеренно закачивать гравитационную энергию в звезду, заставляя оспину углубляться — будто невидимый палец давил на податливую поверхность воздушного шара. Звездная материя перераспределялась, вокруг вмятины поднимался гребень вытесненного вещества.

А «певец» все давил и давил, углубляя колодец.

Он не остановится, пока не достигнет пылающего термоядерного очага — сердца звезды.

От орбиты Ресургема до «Ностальгии по бесконечности» пятнадцать часов лета. Каждую минуту из них Хоури провела в чрезвычайном напряжении. И дело было не только в странных метаморфозах Дельты Павлина, хотя они, несомненно, добавили тревоги. Ана видела, как заработало оружие ингибиторов, направив раструб на звезду и создав ярчайшее пятно на ее поверхности. Увеличение показало, что пятно — это несколько концентрических зон термоядерного синтеза вокруг впадины. А впадина эта находилась на стороне, обращенной к Ресургему, и это вряд ли могло быть случайностью.

Что бы оружие ни делало, оно работало быстро. Его долго мастерили, и поэтому Хоури посчитала, что разрушение Дельты Павлина пойдет с такой же методичной неспешностью. Увы, инквизитор ошиблась. Звезда менялась буквально на глазах. Скорее, манипуляции ингибиторов напоминали скорое приведение приговора в исполнение после долгого суда. Решение проходит через множество инстанций, вязнет в юридических тонкостях, рассматривается и пересмат-

ривается. Но когда процессуальная часть завершена, сама казнь — у расстрельной стенки или на электрическом стуле — делается быстро и решительно. Так будет и со звездой. Долгая подготовка завершается быстрым уничтожением.

А с Ресургема пока эвакуировали лишь две тысячи человек. Даже не эвакуировали, а только доставили на орбиту. И никто из этих двух тысяч не видел «Ностальгии по бесконечности», не догадывался, что́ его ждет на борту.

Хоури надеялась, что ее тревога не слишком заметна. И без того многие беженцы вели себя до крайности нервозно, даже агрессивно.

Дело было не только в том, что транспортный шаттл не рассчитывался на такое количество пассажиров. Жить пришлось в жутко стесненных условиях; людей без преувеличения набили как сельдь в бочку. Системы жизнеобеспечения работали на пределе, поставляя воздух и воду, охлаждая и вентилируя.

Настроение беженцев оставляло желать лучшего. Целиком препоручив свою судьбу незнакомцам, они страдали от неизвестности и бессилия. Лишь Торн удерживал их от отчаянного бунта — а ведь он и сам едва сдерживался. Поминутно на судне вспыхивали ссоры и драки, он тут же спешил на помощь, вразумлял, разъяснял. И как только люди чуть-чуть успокаивались, его помощь уже требовалась в другом месте. Он не спал сутки до старта, весь рейс и еще шесть часов, которые потребовались для размещения последних пятисот прибывших.

Хоури ясно видела, что они здорово выбиваются из графика. До конца эвакуации еще девяносто девять таких перелетов. Девяносто девять возможностей бунта и кровопролития. Конечно, если разнесется слух, что корабль — не дьявольская ловушка властей, что он в самом деле существует и готов принять пассажиров, дело может пойти легче. Но оно может застрять намертво, если станет известно, что этот субсветовик собой представляет. А оружие ингибиторов способно в самом скором будущем покончить с Дельтой Павлина. И когда это случится, все прочие беды покажутся сущими пустяками.

Однако, по крайней мере, этот рейс завершается благополучно.

Транспорт не предназначался для атмосферных перелетов. Он имел почти шаровидную форму, с двигателями на одном полюсе и выступом рубки на другом. Первые пятьсот пассажиров долго находились на борту, у них была возможность изучить каждую деталь его

скучного интерьера. Но тогда людям хотя бы жилось более-менее сносно. С прибытием новой партии беженцев ситуация осложнилась. Воду и еду стали выдавать порциями, каждому человеку отвели свой угол. Но все же люди пока не слишком страдали от тесноты. Дети могли порезвиться, взрослые — уединиться при надобности. Следующие пятьсот не то чтобы критично усугубили тесноту, но изменилась сама атмосфера. Вежливые рекомендации сменились жесткими требованиями, на борту возникло миниатюрное полицейское государство с драконовскими законами. Правила заставляли исполнять силой, за проступки сурово наказывали. Пока серьезных нарушений не было, но Хоури сомневалась, что остальные перелеты пройдут столь же гладко.

Рано или поздно для общего устрашения придется устраивать образцово-показательную казнь.

Последние пять сотен доставили уйму головной боли. Их размещение на транспорте напоминало издевательски сложную головоломку. Какие только перестановки ни испробовали Ана с Торном, но неизменно на шаттле оставалось человек пятьдесят, ожидающих приюта, тоскливо сознающих, что они — раздражающий довесок, помеха для всех.

Но наконец головоломка сложилась, нашелся способ разместить всех.

Конечно, полученный опыт в следующий раз позволит провести посадку быстрее и проще, но потребуется еще сильнее ужесточить дисциплину и вовсе отказать людям в каких бы то ни было правах.

Проведя в рейсе тринадцать часов, изнуренные пассажиры притихли, на борту стало поспокойнее. Ана встретилась с Торном у иллюминатора, на достаточном расстоянии от ближайшего скопления беженцев, чтобы не слышали разговора. В тусклом сером свете Торн казался гипсовой статуей — измотанный до крайности, не испытывавший ни радости, ни удовлетворения от сделанного.

— Все же мы неплохо поработали, — сказала Ана. — Что бы ни произошло теперь, две тысячи жизней мы спасли.

— В самом деле? — тихо проговорил он.

— Торн, эти люди на Ресургем не вернутся.

Они беседовали как партнеры по бизнесу, держась подчеркнуто холодно, избегая прикосновений. Торн еще оставался «заложником» властей, и его сотрудничество с чиновницей для посторонних глаз

должно было оставаться сугубо официальным. Из-за тесноты холодность и деловитость приходилось изображать постоянно, а Хоури как никогда хотела близости с Торном. Она помнила, что произошло на борту шаттла после погружения в атмосферу газового гиганта и встречи с ингибиторами, живо ощущала тот момент соединения разумов и душ. Но близости не было ни тогда, ни на Ресургеме. Недосказанность, ожидание любви, напряженность и завлекали, и причиняли боль. Ана все сильнее тянулась к нему и знала, что он хочет ее не меньше. Она понимала: старая жизнь осталась позади, пора начаться новой. Надо лишь решиться, отбросить прошлое, твердо сказать «да». Надо убедить себя в том, что на самом деле ты не предаешь близкого человека. Надо надеяться, что Фазиль Хоури, где бы он ни был сейчас, пришел к такому же выводу и закрыл страницу жизни, где существовала женщина по имени Ана. Они с Фазилем любили друг друга страстно и беззаветно. Но Вселенной безразличны чаяния человеческого сердца. Обоим пришлось идти своей дорогой.

Торн незаметно коснулся ее руки — с нежностью, осторожно.

— Да, они не вернутся на Ресургем. Но будет ли лучше там, куда мы их везем? Что, если мы всего лишь мучаем их, не избавляя от смертельной опасности?

— Торн, мы прибываем на субсветовик.

— Который никуда не собирается улетать.

— Но это субсветовик.

— Хотел бы я, чтобы ты оказалась права и все пошло нормально...

— Илиа наладила контакт с капитаном. Он уже не так замкнут, как раньше. Если уж она добилась, чтобы Бренниген отдал оружие, то сумеет и договориться насчет перелета.

Торн повернулся к ней. Тени резко очертили его осунувшееся лицо.

— И что потом?

— Другая звездная система. Не важно какая. Возьмем, что найдем. Нам пригодится любое пристанище — все лучше, чем оставаться здесь.

— Пригодится, но лишь на время. Почему бы нам не задаться вопросом, что может сделать для нас Силвест.

Она отдернула руку и настороженно спросила:

— Силвест? Ты серьезно?

— Он заинтересовался, когда мы погрузились в Рух. Может, не он сам, а копия его «я». Что бы это ни было, оно определенно вернулось в Гадес.

— И что ты предлагаешь?

— Подумать о невозможном. А вдруг Силвест откликнется на просьбу о помощи? Ты же говорила, что матрица Гадеса старше ингибиторов. Может, она в некотором смысле и сильнее их. Прибывший с Гадеса объект отпугнул черные машины. Силвест провел в матрице огромнейшее субъективное время. В его распоряжении архивы целой культуры, летавшей среди звезд и манипулировавшей ими.

— Торн, я уже говорила, но ты, похоже, не воспринял. Легкого пути в матрицу Гадеса нет.

— Я помню твои слова. Но ведь путь существует! Чтобы пройти его, нужно умереть.

— Ага, всего лишь! Нет, Торн, второй раз я по этому пути не пойду — ни в нынешней жизни, ни в следующей.

Торн потупился, лицо превратилось в непроницаемую маску. Он что, разочаровался? Или так и не понял? Ему ведь даже не вообразить, каково это — падать в Гадес, ожидая страшного конца. Однажды Ане Хоури повезло, она воскресла благодаря Силвесту и Паскаль. Но повторится ли такая милость? Воскрешение потребовало немалых вычислительных ресурсов матрицы, и те, кто санкционировал процедуру — кем бы они ни были, — могут не допустить ее повторения.

— Торн... — начала Ана и испуганно умолкла.

По ее лицу побежали розовые и голубые сполохи.

Торн выглянул наружу:

— Будто гроза вдалеке. Я эти огни замечаю всякий раз, когда прохожу мимо иллюминатора. Они в плоскости эклиптики, в том же секторе неба, что и машина ингибиторов. А когда мы вылетали, ничего подобного не было. Примерно полсуток назад началось. Вряд ли это оружие ингибиторов так полыхает.

— Может, наше оружие? Илиа?

— Она же сказала, что даст нам отсрочку!

Действительно, Вольева пообещала не применять артиллерию в ближайшие тридцать дней, а может, и дольше, в зависимости от успешности эвакуации.

— Что-то непредвиденное? — встревожилась Ана.

— Или она солгала, — спокойно заметил Торн.

В сумраке он снова притронулся к руке Хоури, провел пальцем от кисти к развилке между средним и указательным пальцами.

— Нет, она не солгала. Что-то произошло, и у нее изменились планы.

Спустя два часа из темноты показался субсветовик. Спрятать его от пассажиров не представлялось возможным. Оставалось лишь надеяться, что реакция на появление в иллюминаторах «Ностальгии по бесконечности» не будет агрессивной. Хоури хотела опустить заслонки — допотопная конструкция судна не позволяла просто затянуть иллюминаторы, модифицировав корпус. Но Торн предупредил: нельзя допустить, чтобы у людей зародились лишние сомнения или подозрения.

— Сам облик «Ностальгии», возможно, и не напугает их, — сказал он. — Ты-то знаешь, как должен выглядеть звездолет, и поэтому тебе страшно видеть, во что его превратила болезнь капитана. Но большинство наших пассажиров родились на Ресургеме, субсветовик они представляют себе только по старым документальным записям и космооперам, которыми Департамент вещания потчует народ. Конечно, «Ностальгия по бесконечности» покажется им странноватой, но вряд ли они заподозрят, что причина этой странности — плавящая чума.

— А когда на борт поднимутся?

— Ну, это будет уже другая история...

События подтвердили правоту Торна. Созданная мутациями хаотическая «лепнина» выглядела дико в глазах Хоури, знавшей о чуме больше любого жителя Ресургема. Лишь немногих пассажиров встревожил вид корабля. Большинство предположило, что загадочные надстройки — разновидности оружия или защиты. Разве это не тот самый корабль, который уничтожил целую колонию? Он и должен пугать своим обликом — обликом чудовища, беспощадного разрушителя, воплощенной злобы.

— Напротив, люди обрадовались, — сказал Ане Торн. — Они убедились, что субсветовик на самом деле существует. К тому же многие даже до иллюминатора добраться не могут, а к рассказам других относятся с большим сомнением. А многим просто наплевать.

— *Как же им наплевать, если они жизнью рисковали, добираясь сюда?*

— Они очень устали. Их заботит лишь одно: побыстрее бы выбраться из тесноты и грязи.

Шаттл медленно двигался вдоль корпуса «Ностальгии». Давно привыкшая к жалкой внешности субсветовика, Хоури наблюдала без особого интереса. Но вдруг нахмурилась, всматриваясь:

— Этого раньше не было!

— Чего не было?

— Того шрама, — сообщила она испуганным шепотом, но указывать не стала. — Видишь его?

— Вон той длинной черты? Ее трудно не заметить.

По корпусу звездолета протянулся на пару сотен метров длинный узкий разрез. Он казался очень глубоким и свежим — края оставались острыми. И никаких признаков ремонта.

ГЛАВА 32

Шаттл скользил вдоль борта огромного корабля, словно пузырь воздуха вдоль покрытой шрамами шкуры гигантского кашалота. Торн и Хоури пробрались в нечасто используемую пилотскую кабину, задраили за собой люк и приказали судну включить прожекторы. По корпусу «Ностальгии» зашарили лучи, очерчивая резким светом причудливые наросты. Сразу бросалась в глаза работа чумы: протуберанцы пораженной материи, акры чешуи. Но никаких признаков серьезных повреждений.

— Ну, и что скажешь? — поинтересовался Торн.

— Не знаю, что тут произошло. Несомненно одно: если бы все было в порядке, Илиа уже спешила бы навстречу.

— Думаешь, катастрофа?

— Судя по следам, здесь воевали, причем всерьез. Но я бы не спешила с выводами.

— Вообще-то, полыхало далеко отсюда.

— Ты в этом уверен?

— Пожалуй. Вспышки не заполняли хаотически небо, а сосредоточивались вблизи плоскости эклиптики. Что бы ни означало это явление, оно было далеко, в десятках световых минут отсюда. А может, и световых часов. Если бы сверкало вблизи корабля, для нас область вспышек занимала бы полнеба.

— Логично. Но ты уж прости, что меня твои доводы не слишком утешили.

— Ана, повреждение корабля может быть никак не связано с теми вспышками. А если действительно полыхало на дальнем краю системы, при этом высвободилась чудовищная энергия. Разрез на борту «Ностальгии» действительно выглядит результатом попадания. Но если бы попали из того, что создает те вспышки, от корабля вообще бы ничего не осталось.

— Может, осколки?

— Не похоже...

— Торн, ведь ясно же как день: тут стреляли!

Оба не притрагивались к панели управления, но вдруг по ней заплясали огоньки. Прикусив губу, Ана склонилась, запросила данные.

— Что это? — спросил Торн.

— Обычное приглашение швартоваться. Субсветовик реагирует нормально, будто ничего не случилось. Но почему на связь не вышла Илиа?

— Пожалуйста, будь осторожна! С нами две тысячи человек. Не хотелось бы завести их в ловушку.

— Я понимаю, — откликнулась Ана, ведя пальцем по дисплею, считывая сообщения.

Она набрала несколько команд.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь зайти на посадку. Если бы «Ностальгия» желала нам неприятностей, мы бы уже их получили.

Торн скривился, но возражать не стал. Заработали маневровые двигатели, продвигая шаттл в причальный шлюз. Теперь он находился целиком под управлением систем субсветовика. Раскрылся вход в мглистый трюм, и Хоури закрыла в страхе глаза — отверстие казалось неимоверно узким. Но транспорт проскользнул внутрь, не зацепив стен, развернулся, чуть подался вперед, легонько задрожал, оседая на захваты. Консоль отозвалась россыпью огней — шлюз шаттла герметично соединился с «Ностальгией». Пока все шло нормально.

— Не нравится мне это, — заметила Ана. — Совсем не похоже на Илиа.

— При нашей прошлой встрече она пребывала не в самом добродушном настроении. Может, обиделась и дуется до сих пор?

— Это не в ее стиле, — отрезала Ана и сразу пожалела о своей резкости. — Тут уж точно что-то не так. Но пока непонятно, что именно.

— Как с пассажирами?

— Оставим их на транспорте, пока не выясним, что же здесь происходит. Они выдержали пятнадцать часов, потерпят и еще пару.

— Им не понравится.

— А куда они денутся? Думаю, кто-нибудь из твоих подручных сможет придумать подходящее объяснение.

— Ну да, еще одна ложь практически ничего не изменит. Скажем, опасная разница в давлении...

Торн ушел договариваться с помощниками. Хоури подумала, что вряд ли задержка создаст проблемы. Большинство пассажиров и не ожидало выгрузки в ближайшем будущем, они даже не заподозрят неладное. Если не допускать распространения слухов о том, что на субсветовик вообще нельзя перейти, бунт можно предотвратить.

Она дождалась возвращения Торна.

— Что будем делать? — спросил он. — Через главный шлюз выходить нельзя. Иначе, если мы вскоре не вернемся, у пассажиров возникнут подозрения.

— В рубке есть второй шлюз. — Хоури кивком указала на бронедверцу. — Я уже попросила «Ностальгию» соединиться с ним. Мы можем побывать на ней и вернуться, и об этом никто не узнает.

Выдвинутая субсветовиком труба-коридор лязгнула, состыковавшись со вторым шлюзом. Капитан Джон Бренниген проявлял чудеса гостеприимства. Хоури и Торн на всякий случай облачились в скафандры, хотя датчики показывали нормальное давление и состав воздуха в трубе. За дверью оказалась тесная шлюзовая камера, внешний люк открылся практически сразу — давление изнутри и снаружи было практически одинаковым.

В тоннеле ждали.

Хоури отшатнулась и заметила, что и Торн вздрогнул. Ана не доверяла роботам. Сказывался давний боевой опыт: на Окраине Неба встреча с дроном обычно не сулила ничего хорошего. Много лет прожив в других обществах и культурах, Хоури сумела подавить свою фобию, но все еще пугалась, неожиданно повстречав робота.

Она не видела ничего подобного на борту «Ностальгии по бесконечности». Силуэт робота напоминал человеческий, но на этом сходство и заканчивалось. Тонкий скелет, паутина тросов и проводов,

почти полное отсутствие твердых объемных конструкций. В скелете угадываются датчики, моторы, линии питания. Робот стоял посреди коридора, приветственно раскинув руки, — встречал гостей.

— Мне это не нравится, — тихо сказала Хоури.

— Здравствуйте! — раздался безжизненный монотонный голос.

— Где Илиа?

— Ей нездоровится. Вас не затруднит синхронизировать коммуникационные каналы ваших скафандров на прием внешнего излучения, с дешифровкой и видео, и аудиосигналов? Тогда нам будет намного легче общаться.

— О чем это он? — спросил Торн.

— Хочет, чтобы мы позволили ему управлять нашим зрением, формировать видимое нами.

— А он может?

— На корабле любой автомат это может — если позволить, конечно. У большинства ультра есть имплантаты для этой же цели.

— И у тебя?

— Я свои удалила, прежде чем спуститься на Ресургем. Не хотела лишнего риска. Имплантаты нетрудно обнаруживать и отслеживать.

— Разумная предосторожность.

— Уверяю, вам не угрожает никакая опасность, — подал голос робот. — Как видите, я безоружен. Илиа выбрала для меня это тело, чтобы я не мог причинить даже малейший вред.

— Илиа выбрала?

Машина кивнула проволочным черепом. В раме грудной клетки заколыхалось белое пятнышко, защемленный между проволоками клочок. Он походил на окурок.

— Да. На борту я нахожусь с ее разрешения. Позвольте представиться: бета-копия Невила Клавэйна. Конечно, мой оригинал — не образчик здоровья и силы, но, как мне кажется, он выглядит получше. Если хотите видеть меня настоящим, то... — Робот призывно махнул проволочной конечностью.

— Осторожнее! — прошептал Торн.

Хоури субвокально приказала скафандру принимать и интерпретировать внешние сигналы. Видимое постепенно изменилось. Пропало изображение машины, образовавшееся на его месте слепое пятно заполнилось интерполяциями, которые построил просканировавший окружение процессор скафандра. Все предохранительные

настройки остались прежними. Если робот сделает резкое движение или покажется скафандру подозрительным, восстановится исходное изображение.

На месте машины появился человек. Между ним и фоном оставалось несоответствие: слишком ярким, резким получился его образ, и тени ложились не совсем правильно. Однако эти ошибки были намеренными. Скафандр мог идеально подогнать изображение, сделать максимально реалистичным, но посчитал целесообразным слегка снизить качество. Разумная мера — человек в скафандре не забудет ни при каких обстоятельствах, что общается с машиной.

— Так гораздо лучше, — сообщило изображение.

Перед Хоури стоял седобородый тощий старик.

— Значит, вы Невил... простите, как вы сказали?

— Невил Клавэйн. А вы, как я полагаю, Ана Хоури?

Голос походил на человеческий, но легкая неестественность, опять же созданная с умыслом, все-таки ощущалась.

— Никогда про вас не слышала, — ответила Хоури, глянув на Торна.

— И я не слышал, — сказал тот.

— Само собой, ведь я только что прибыл. Вернее, я еще в процессе прибытия.

Хоури решила, что подробности узнает потом.

— Что с Илиа?

Лицо Клавэйна посуровело.

— Боюсь, мне нечем вас порадовать. Идите за мной!

Клавэйн повернулся почти как человек и зашагал, не оглядываясь, по коридору. Похоже, не сомневался, что гости пойдут следом.

Хоури посмотрела на Торна, тот молча кивнул.

Оба зашагали за роботом.

Бредя по лабиринту «Ностальгии», Хоури все повторяла себе, что робот не может сделать ей ничего плохого, — конечно, если Вольева не санкционировала причинение вреда. Наверняка, инсталлируя бету, Илиа предельно ограничила ее возможности, целиком подчинила себе. Да и сама бета лишь управляла проволочной машиной. Программа же, симулировавшая псевдоличность, — пусть и чрезвычайно сложная — выполнялась уцелевшими компьютерами субсветовика.

— Клавэйн, расскажите, что происходит, — попросила Ана. — Как это понимать — в процессе прибытия?

— Мой корабль, «Свет Зодиака», заканчивает торможение. Скоро он войдет в систему и остановится вблизи «Ностальгии по бесконечности». На борту «Света Зодиака» находится мой оригинал. Я предложил Илиа запустить мою бету, чтобы вести переговоры, не осложняемые расстоянием и задержками между сообщениями. Илиа согласилась, и вот я здесь.

— А где же она сама?

— Я знаю, где она находится, но слабо осведомлен о деталях случившегося с ней. Ведь она меня отключила.

— Но она же вас и включила потом, — предположил Торн.

Все трое брели по колено в липкой жиже цвета рвоты. На корабле сохранялось искусственное тяготение, оно создавалось вращением внутренних палуб, но на разных участках пути проявлялось по-разному.

— Вообще-то, включила меня не она, — пояснил Клавэйн. — В этом и странность. Впрочем, я забегаю вперед.

— Она мертва?

— Нет, она жива. — Клавэйн подчеркнул интонацией последнее слово. — Но в плохом состоянии. Хорошо, что вы прибыли именно сейчас. Как я понимаю, у вас на транспорте пассажиры?

Лгать не имело смысла, поэтому Хоури ответила:

— Две тысячи.

— Илиа говорила, вам нужно сделать сотню рейсов, чтобы перевезти всех. Это, как я понимаю, первый?

— Дайте время, и мы все сделаем.

— Как раз времени у вас может и не быть. Сожалею, но уж так обстоят дела.

— Так что там насчет переговоров? — холодно спросила Хоури. — И о чем вообще собираетесь договариваться?

Старик добродушно усмехнулся:

— Боюсь, об очень многом. Видите ли, у вас есть то, что необходимо моему оригиналу.

Робот, похоже, неплохо знал корабль. Он безошибочно провел гостей по коридорам, шахтам, пандусам, эксплуатационным тоннелям, шлюзам, трюмам и целым уровням, о которых у Хоури было лишь смутное представление и в которые она не заглядывала десятилетиями субъективного времени. Даже Илиа старалась пореже там бывать. Внутренности корабля всегда были огромным лабиринтом с топологией более запутанной, чем у метро заброшенного мегаполиса. За

века субсветовик обзавелся немалым числом призраков, причем не только рожденных сбоями программ. По километровым запустелым коридорам гуляли сквозняки, сновали крысы-уборщицы и слонялись беглые роботы. У «Ностальгии» всегда были свои капризы и хвори, как у большого старого дома.

Теперь корабль изменился — но, вполне возможно, сохранил все небезопасные места, болячки, неполадки и привидения. Однако над всем этим теперь встал единый дух, пронизывающий каждый кубический дюйм корабля. Где бы ни шли Хоури и Торн, они двигались внутри капитанского тела. Бренниген чувствовал их, а они — его, пусть капитанский взгляд и ощущался лишь исподволь, смутно и параноидально. Это и успокаивало, и одновременно тревожило. Вопрос заключался в том, на чьей стороне капитан.

Вряд ли даже Вольева знала ответ.

Постепенно Хоури узнавала уровень, по которому шла теперь. Он лишь немного изменился после капитанской метаморфозы. Коридоры остались сумрачными, неразборчиво-тусклыми, будто гравюра сепией в старой книге. В подвальном сумраке мерцали слабые желтые лампы — будто свечи на сквозняке.

Клавэйн привел в старый лазарет.

Он оказался низким, с глухими стенами. По углам громоздились медицинские роботы — их помощь пока не требовалась. В центре отсека стояла единственная кровать, окруженная стайкой приземистых диагностических приборов. На кровати лежала женщина: глаза закрыты, руки сложены на груди. Вокруг, будто северное сияние, — проекции биометрических данных.

Хоури подошла ближе. Сомнений нет, это старая подруга, Илиа. Но выглядела она так, будто подверглась жуткому и жестокому эксперименту по ускорению старости, отчего плоть присохла к костям, а кожа превратилась в сухую глянцевую пленку. Илиа выглядела поразительно хрупкой, будто могла рассыпаться в пыль от неловкого прикосновения. Ана не впервые видела ее на койке в лазарете. Вольева попадала сюда после перестрелки на поверхности Ресургема, когда ультра забирали оттуда Силвеста. Триумвир получила тяжелое, но не опасное для жизни ранение. А теперь как будто и не дышит вовсе. На вид — иссохший труп.

— Что случилась? — с дрожью в голосе спросила Хоури у беты.

— Я пока сам не знаю. Отключая меня, она была цела и невредима. А очнулся я уже в этом отсеке, и она лежала на койке. Машины

стабилизировали ее состояние, но не более того. По большому счету, она умирает. — Клавэйн кивнул на сполохи диагностики. — На войне я видел такие травмы. Илиа вдохнула вакуум. Должно быть, помещение, в котором она находилась, разгерметизировалось, но не настолько быстро, чтобы убить сразу. Холод, низкое давление — и в легких выросли кристаллы льда, разорвавшие альвеолы. Холод ослепил ее. Налицо и повреждения мозга, хотя они не затрагивают когнитивных функций. Трахея тоже повреждена, говорить Вольевой трудно.

— Но ведь она ультра, — произнес обескураженный Торн. — Ультра не умирают лишь потому, что вдохнули малость вакуума!

— На знакомых мне ультра она похожа мало, — возразил Клавэйн. — У нее нет имплантатов. Иначе бы она отделалась менее серьезными травмами. Самое меньшее, имплантаты защитили бы мозг. Похоже, ей была противна самая мысль о внедрении в себя инородных тел.

— И что же вы предприняли? — спросила Хоури, с подозрением глядя на бету.

— Ввел имплантаты. Меня попросили сделать все возможное, и я прибег к наиболее эффективному способу из тех, которыми располагал.

— Постойте-ка! Кто попросил?

Клавэйн поскреб в бороде:

— Честно говоря, я не уверен, что знаю ответ. Просто ощутил постороннее желание, подсказывающее, как поступить, — и понял, что должен подчиниться. Поймите, я компьютерная программа, не более того. Вероятно, меня кто-то заново загрузил и вмешался в процесс исполнения, заставив действовать определенным образом.

Хоури и Торн переглянулись — несомненно, подумали об одном и том же. Лишь капитан мог включить Клавэйна и добиться, чтобы он помог Вольевой.

Хоури содрогнулась, представив непрерывно следящий за нею взгляд.

— Клавэйн, уж не знаю, что вы собой представляете, но вам следует знать: Илиа скорее бы умерла, чем позволила ввести в себя имплантаты.

— Я в курсе. — Клавэйн беспомощно развел руками. — Но не сделать этого я не мог. Мой оригинал, будь он здесь, поступил бы именно так.

— То есть наплевал бы на принципы, которые она соблюдала всю жизнь?

— Если вам больше нравится такая формулировка, то да. Когда-то и со мной сделали то же самое. Я был тяжело ранен, но не желал никаких машинок в черепной коробке. Скорее бы умер, чем позволил внедрить их. Но моего согласия никто не спрашивал, и теперь я благодарен своим спасителям. Они дали мне четыреста лет жизни.

Ана посмотрела на лежащую женщину, а потом на копию человека, если не сохранившего триумвиру жизнь, то, по крайней мере, отсрочившего смерть.

— Клавэйн, да кто же вы? — растерянно пробормотала Хоури.

— Сочленитель, — ответил тонкий, дрожащий, едва слышный голос. — К его советам лучше прислушиваться, он всегда знает, что говорит.

Лежащая на кровати женщина не шелохнулась. Единственным признаком того, что она вдруг пришла в сознание, было изменение биометрических данных.

Хоури сдернула с головы шлем. Призрак Клавэйна исчез, сменившись проволочным роботом. Ана опустилась на колени у кровати, уронила шлем на пол.

— Илиа?

— Да, это я... — Ответ — будто шорох сыплющегося песка.

Ана заметила, как дрогнули губы триумвира, но голос исходил не из ее рта, а сверху, с потолка.

— Что случилось?

— Попала под выстрел...

— Мы видели, что корпус поврежден. Это тот самый выстрел?

— Да... Я сама виновата. Во всем, с самого начала. С самого чертова начала виновата я, и только я!

— Что же случилось? — повторила Ана, глянув на Торна.

— Меня обманули. — Иссохшие губы растянулись в горькой улыбке. — Капитан провел. Я думала, что наконец-то убедила его использовать пушки против ингибиторов.

Хоури сказала себе, что этого и стоило ожидать. Джон Бреннигеи — коварная сволочь!

— И что он сделал?

— Когда мы выводили пушки наружу, восемь штук, капитан сообщил о неисправности. Я поверила и отправилась за борт, чинить, но это был лишь предлог, чтобы убрать меня с корабля.

Хоури перешла на шепот. Глупо, конечно, — от капитана ничто не укроется, — но Ана не могла пересилить себя.

— Убить тебя хотел?

— Не-ет, — прошипела Вольева. — Убить он хотел себя, а не меня. Я должна была смотреть, как он кончает с собой.

— Зачем?

— Чтобы засвидетельствовать его раскаяние. Понять, что это самоубийство, а не случайная авария.

Торн снял шлем, осторожно взял под мышку:

— Но ведь корабль не взорвался. Что же произошло?

Сухие губы опять растянулись.

— Я подставила свой шаттл под луч пушки. Думала, это образумит капитана.

— Похоже, у тебя получилось.

— Я не рассчитывала выжить.

Робот подошел к раненой. В отсутствие наложенного образа Клавэйна движения машины казались чересчур резкими, даже угрожающими.

— Илиа, они знают, что я ввел имплантаты, — монотонно проговорил он. — И знают, что тебе это известно.

— Клавэйн... верней, его бета... не имела выбора, — торопливо объяснила триумвир, так что ни Ана, ни Торн не успели ничего сказать. — Без имплантатов я бы погибла. С ними страшно... Прямо трясет от омерзения, стоит представить, как они ползают в мозгу... Уж лучше бы там пауки кишели или черви. Но без имплантатов теперь никак, это я понимаю. В конце концов, это просто инструменты... я всю жизнь с инструментами дело имею. Чудес не будет, это я понимаю. Тело слишком изуродовано, невозможно восстановить.

— Илиа, мы найдем способ! — выпалила Хоури. — Главное, что ты жива, а раны...

Вольева прервала яростным шепотом:

— Забудь обо мне! Сбереги пушки. Они для меня как дети... испорченные, капризные, хитрые. Я не хочу, чтобы они попали в плохие руки.

— Кажется, мы подбираемся к главному, — заметил Торн.

— Настоящий Клавэйн хочет получить орудия. И вполне способен их забрать, как уверяет. — Голос Илиа зазвучал громче: — Клавэйн, ведь так?

Робот поклонился:

— Илиа, как вы знаете, я бы гораздо охотнее прибег к переговорам, чем к силе. Тем более сейчас, после того как позаботился о вашем спасении. Но, пожалуйста, не делайте поспешных выводов! Мой оригинал способен на жестокие поступки, если уверен в правоте своего дела. А он сейчас уверен. Убежденные в своей правоте люди наиболее опасны.

— И зачем вы нам это говорите? — осведомилась Хоури.

— Исхожу из его интересов... вернее, из наших общих, — добродушно ответил робот. — Надеюсь убедить вас, что оружие лучше отдать мирно. По крайней мере, в этом случае оно останется целым.

— Вы мне не кажетесь монстром, — заметила Ана.

— Я не монстр. И мой оригинал тоже. Он всегда старался избегать кровопролития. Но если сочтет целесообразным не избегать его, то и не станет. Например, когда речь идет о небольшой и очень точной хирургической операции. А сейчас он уж точно готов на решительные меры.

Последнюю фразу робот проговорил с таким усилием, что Торн решил поинтересоваться:

— Почему именно сейчас?

— Потому что ему слишком дорого обошелся путь сюда. — Робот повернул проволочную голову, обводя всех взглядом. — Клавэйн предал то, во что верил четыреста лет. Уверяю, это далось ему нелегко. Он солгал друзьям и покинул их, зная, что это единственный способ достичь цели. А недавно он принял ужасное решение уничтожить того, кого отчаянно, беззаветно любил. Это причинило Клавэйну огромную боль. Поэтому перед вами не вполне точная бета-копия Клавэйна. Меня записали до этого события.

Голос Вольевой зашелестел вновь, и все посмотрели на нее.

— Так настоящий Клавэйн не похож на вас?

— Я набросок, сделанный перед тем, как на его жизнь пала чудовищная тьма. Могу лишь догадываться, до какой степени мы отличаемся. Но я бы на вашем месте не испытывал терпение нынешнего Клавэйна.

— Психологическая война? — прошипела Илиа.

— Простите?

— Ведь вы именно для этого явились? Не договориться о чем-нибудь разумном, а нагнать страху.

Робот опять поклонился — неуклюжая механическая скромность.

— Если бы мне удалось вас запугать, моя миссия была бы выполнена на отлично. Как я уже сказал, Клавэйн не любит попусту проливать кровь.

— Но если вы все же не прочь ее пролить, то явились по адресу, — ответила триумвир Илиа Вольева. — Бойню устроить — это как раз по мне.

Вскоре после разговора она впала в заторможенное, дремотное состояние. Данные диагностики перестали скакать, спектры нервной активности упростились. Ана и Торн несколько минут молча смотрели на ушедшую в забытье женщину, гадая, заснула она или глубоко задумалась и важна ли сейчас разница между размышлениями и сном.

Следующие шесть часов пролетели быстро. Хоури с Торном вернулись на транспорт, пообщались с помощниками и услышали с немалым облегчением, что за время визита к триумвиру крупных беспорядков не произошло. Были мелкие вспышки недовольства, но в основном люди спокойно приняли объяснение насчет разницы в давлении воздуха. Потом беженцам объявили, что трудности преодолены, сообщение о разнице в давлении — всего лишь результат неисправности датчика, высадку можно начинать в соответствии с планом. В нескольких сотнях метров от шлюза, в той части «Ностальгии», где присутствовало искусственное тяготение и не слишком разгулялась капитанская болезнь, Хоури с Вольевой постарались замаскировать ее самые заметные и неприятные проявления.

Отведенное ресургемцам место было сырым и холодным. Хотя его постарались сделать максимально пригодным для жизни, оно здорово смахивало на склеп. Внутри большого трюма воздвигли перегородки, чтобы разделить пассажиров на группы по сто человек, и каждое получившееся отделение разгородили на множество мелких, где в относительном уединении могли жить семьи. Первый трюм способен был вместить десять тысяч пассажиров — столько их будет еще через четыре рейса шаттла. Но привезенных шестым рейсом уже придется селить в другой части корабля. А тогда тайное неизбежно станет явным: людей доставили на корабль, пораженный страшной заразой и, паче того, поглощенный и трансформированный собст-

венным капитаном. То есть ресургемцы в прямом и переносном смысле стали паразитами в капитанском теле.

Хоури не сомневалась, что за этим открытием последуют паника и бунты. Скорее всего, придется ввести военное положение, причем еще строже, чем на Ресургеме. Будут жертвы беспорядков и, наверное, показательные казни — чтобы запугать и принудить к повиновению.

Но и это покажется мелочью, когда всплывет последняя, самая страшная истина: триумвир Илиа Вольева все еще жива — и является главным организатором эвакуации.

Вот тогда начнутся настоящие проблемы.

Хоури смотрела, как транспорт отчаливает, маневрирует, ложась на курс к Ресургему. Тридцать часов полета, да и погрузка-разгрузка может занять до пятнадцати часов. Торн вернется через два дня. Сохранить порядок до этого срока — дело сложнейшее, настоящий подвиг, как восхождение на высоченную гору.

А потом будет еще девяносто восемь рейсов...

Но не стоит забегать вперед. Надо идти себе потихоньку, шажок за шажком. К этому Хоури приучили на Окраине Неба, вбив ей в голову военную премудрость: большую задачу надо дробить на мелкие, которые нетрудно решать. Так можно справиться с работой любого масштаба.

Вдали, на другом краю системы, продолжалась война. Вспышки напоминали лихорадочные всплески нейронной активности в умирающем, подстегиваемом имплантатами мозге. Несомненно, Вольева знала о происходящем. Возможно, знала и бета-копия Клавэйна. Но триумвир заснула, а бета, если ее спросить, скорее всего, выдаст порцию искусной лжи. Значит, остается капитан. Он уж точно должен что-то знать.

Хоури отправилась на тайный склад. В полуразвалившемся лифте поехала к трюму, где хранились орудия, как делала прежде сотню раз, но всегда в сопровождении Вольевой. Почему-то этот поход в одиночку казался обманом, дерзкой проказой.

Как и раньше, на складе царили таинственный сумрак и невесомость. Хоури застопорила лифт, влезла в скафандр, нацепила двигательную систему. С замиранием сердца подождала, пока откроется шлюз, и вот она плывет в темноте. Включила тягу, полетела, стараясь побороть чувство неловкости и страх, всегда возникавшие вблизи этих пушек. Ана включила систему навигации, дала ей время запе-

ленговать расставленные на складе маяки. На визоре нарисовались серо-зеленые контуры с подписями. Расстояние — от десятков до сотен метров. Паутина монорельсов, вычерченная сплошными резкими линиями, рассекала трюм под разными углами. Пушек на складе заметно убавилось.

Перед вылетом Хоури на Ресургем их было тридцать три. Потом Илиа вывела восемь штук наружу. Но даже беглый взгляд на картинку дал понять: осталось не двадцать пять орудий, а гораздо меньше. Ана переместилась глубже в трюм, пересчитала артсистемы снова — на тот случай, если неисправны маяки.

Нет, подозрения оправдались: на борту лишь тринадцать пушек. Два десятка страшилищ неизвестно куда подевались.

Хотя догадаться несложно. Когда Илиа вывела за борт восемь штук, еще дюжина отправилась за ними. Вместе они улетели на другой край системы, и теперь там полыхает так, что видно даже с подлетающего шаттла.

То ли Вольева, то ли кто-то другой послал двадцать орудий на войну с ингибиторами.

Интересно, кто в ней одержит верх?

«Знай своего врага», — мысленно повторил Клавэйн древнюю мудрость.

Но ведь своего врага он не знал. Совсем.

Клавэйн сидел один в рубке «Света Зодиака» и напряженно думал: руки лежат на столе, пальцы сплетены, веки смежены, лоб изборожден морщинами — ни дать ни взять гроссмейстер, готовящийся к главной в его жизни партии. Над столом трехмерная проекция, детальный многослойный чертеж субсветовика, хранящего давно утерянное сочленителями оружие.

Клавэйн вспомнил, что говорила Скади в Материнском Гнезде. Свидетельства однозначно указывают на корабль «Ностальгия по бесконечности» и его командира Илиа Вольеву. Старик помнил лицо этой женщины — Скади отыскала и фото. Но это еще ни о чем не говорит, ничего не подсказывает. Доверять можно лишь настоящему. Свежесобранным данным, собственным глазам.

Трехмерная проекция собрала воедино важнейшие сведения о корабле. Его детали постоянно смещались, уточнялись — модель непрерывно впитывала данные, поступающие от систем обнаружения «Света Зодиака». Интерферометры определяли профиль спектра

вражеского корабля в диапазоне от мягкого гамма-излучения до низких радиочастот. И на всех длинах волн данные рассеяния выглядели странно. Обрабатывающие их программы или зависали, или выдавали какую-то чепуху. Всякий раз по получении очередного абсурда Клавэйну приходилось вмешиваться в работу анализаторов. Непонятно отчего программы утверждали, что субсветовик «Ностальгия по бесконечности» — это гибрид рака-отшельника, готического собора и чего-то отдаленно напоминающего конус.

Любопытно, в чем причина программных сбоев? Может быть, субсветовик окутан слоем хлама, подобно тому как обитатели Ржавого Пояса временами маскируют свои жилые спутники?

Но что, если программы не ошибаются? Что, если это он, Клавэйн, навязывает им свои представления? О такой возможности не хотелось и думать.

В дверь постучали.

Глухо жужжа моторами экзоскелета, Клавэйн развернулся:

— Да?

В рубку проковыляла Антуанетта Бакс в сопровождении Ксавьера. Оба передвигались в экзоскелетах, которые не поленились декорировать светящейся краской и металлическим узорочьем. На борту Клавэйн часто видел подобные украшения, особенно популярны они были у свиней, но запрещать и наказывать он не собирался. Пусть забавляются. Все, что способствует чувству товарищества, общего дела, полезно.

— Надо кое-что обсудить, — сказала Антуанетта.

— Насчет атаки, — добавил Ксавьер.

Клавэйн кивнул и попытался улыбнуться:

— Если повезет, атаки не будет. Команда «Ностальгии» возьмется за ум и отдаст пушки, и мы отправимся домой, не сделав и выстрела.

Но подобный исход с каждым часом казался все менее вероятным. Судя по показаниям датчиков слежения, два десятка орудий покинули корабль, на борту осталось лишь тринадцать. Хуже того: часть артсистем активирована. За последние восемь часов по локальному времени исчезли сигнатуры трех пушек. Клавэйн догадывался, что это означает, и догадка радости не добавляла.

— А если они не возьмутся за ум? — спросила Антуанетта, заставив экзоскелет сесть.

— Тогда придется применить силу.

— Мы так и думали, — вздохнул Ксавьер.

— Надеюсь, конфликт будет кратким и закончится в нашу пользу. Скорпион завершил приготовления, его солдаты в отличной форме. Ремонтуар помог с техникой, и теперь у нашей великолепной штурмовой группы отличное оружие.

— Но нас вы о помощи не просили, — сказал Ксавьер.

Клавэйн посмотрел на трехмерный чертеж, висящий над столом, — что добавила программа за последние минуты? К немалому раздражению старика, она рисовала на борту «Ностальгии» оплывшие наросты, похожие на засохшие гнойники. Клавэйн выругался сквозь зубы. Корабль теперь неприятно походил на пораженные плавящей чумой здания Города Бездны. И это сходство тревожило.

— Простите, что вы сказали? — спросил он, снова взглянув на молодую пару.

— Мы хотим помочь! — заявила Антуанетта.

— Вы уже помогли. Без вас, скорее всего, не удалось бы захватить «Свет Зодиака». Уже не говоря о том, что вы помогли мне дезертировать.

— Это было давно, а мы хотим помочь сейчас, — возразил Ксавьер.

— А, вот вы о чем. — Клавэйн поскреб в бороде. — Воевать хотите...

— На корпусе «Буревестника» можно разместить еще много оружия, — заметила Антуанетта. — Он быстрый, маневренный. Иначе бы мы не смогли на нем зарабатывать на жизнь.

— И броня отличная. Вы же видели, какую дыру он проделал, когда в Новом Копенгагене мы из дока выламывались. Внутри тоже не тесно. Половину свиней можно туда посадить, и еще место останется.

— Не сомневаюсь.

— Так в чем же дело? — спросила Антуанетта.

— Это не ваша война. Вы помогли, и за это я благодарен. Но если я мало-мальски знаю ультра — а я их знаю, — они за здорово живешь пушки не отдадут. Крови и так уже пролилось немало. Оставьте войну мне.

Парень и девушка обменялись заговорщицкими взглядами. Клавэйн удивился: неужели они и раньше казались ему столь юными?

— Клавэйн, вы совершаете ошибку, — предупредил Ксавьер.

Старик посмотрел ему в глаза:

— Вы, наверное, как следует все обдумали?

— Конечно!

— Сильно в этом сомневаюсь, — сказал Клавэйн, снова переводя взгляд на трехмерную проекцию. — А сейчас прошу прощения, я занят.

ГЛАВА 33

— Илиа, проснись!

Хоури стояла у кровати, глядя на данные церебральной диагностики, выискивая признаки того, что триумвир приходит в сознание. По данным едва ли можно однозначно заключить, жива она или нет. Дисплеи показывали практически то же, что и перед экскурсией Хоури в трюм с орудиями.

— Могу ли я предложить свою помощь? — раздалось за спиной.

Ана обернулась, испуганная и смущенная. Это же голос робота с копией Клавэйна!

— А... Я и не думала, что вы функционируете.

— Меня только что включили, — сообщил робот, выдвигаясь из тени и подходя к кровати напротив Хоури.

Он протягивал проволочные руки к медицинской аппаратуре, что-то регулировал, передвигал.

— Что вы делаете? — спросила Хоури.

— Привожу ее в сознание. Разве вы не этого хотели?

— Я не знаю, чего хочу больше — довериться вам или разломать на куски...

Робот отступил от койки:

— Ана, конечно же, доверять мне не следует. Моя главная цель — путем уговоров получить от вас орудия. Силу я применить не могу, но способен дезинформировать и убеждать.

Он вдруг резко сунул руку под кровать и бросил что-то Ане.

Та поймала. Это были очки с парой наушников и микрофоном, обычная корабельная гарнитура, старая, обшарпанная. Женщина водрузила их на нос и вместо робота увидела старика. Голос в наушниках приобрел человеческий тембр и тон.

— Так-то лучше, — заключил Клавэйн.

— Кто исполняет вашу программу?

— Наверное, капитан, хотя он ко мне не обращался. Илиа рассказала о нем кое-что. Бренниген включил меня, когда триумвир была ранена, и я помог ей. Увы, я всего лишь бета-копия. У меня те же знания, что и у оригинала, то есть неплохое медицинское образование. Но ведь капитан мог бы обратиться ко многим другим источникам такого же рода, да и к своей памяти. Единственное, что кажется логичным, — капитан не желает вмешиваться сам, он меня сделал посредником. Я, по сути, марионетка.

Хоури захотелось обвинить Клавэйна, но в его поведении ничто не указывало на обман или намерение скрыть правду. Капитан только для того вышел из кататонии, чтобы организовать самоубийство, но попытка не удалась. Илиа получила тяжелейшие травмы, и Бренниген еще глубже погрузился в психоз. Интересно, бета и в самом деле капитанская марионетка? А может, его оружие?

— И в какой же степени я могу вам доверять? Вы способны убить ее?

— Нет! — Робот затряс головой. — Ваш корабль... то есть ваш капитан наверняка этого не допустит. Да и сам я на такое не способен. Я же не хладнокровный и расчетливый убийца.

— Вы программа, — возразила женщина. — А программы способны на что угодно.

— Поверьте, я ее не убью. Мне нужны эти пушки, потому что я верю в человечество. Я никогда не считал, что цель оправдывает средства — ни на этой войне, ни на любой другой. Если для достижения цели нужно убить, я убью, но только после того, как испробую все прочие способы. Иначе я был бы не лучше обычного сочленителя.

— Клавэйн, зачем вам орудия? — спросила внезапно очнувшаяся Вольева.

— Я мог бы задать вам точно такой же вопрос.

— Эти чертовы пушки — мои!

Ана присмотрелась к лежащей на кровати подруге и не заметила никаких изменений в ее облике, не уловила ни малейшего движения.

— Но они вам не принадлежат, — возразил Клавэйн. — Они — собственность сочленителей.

— А, долгонько вы ждали перед тем, как их потребовать назад!

— Знаете, я — просто любезный посредник, пришедший решить вашу проблему до того, как явятся люди по-настоящему неприятные. И если мы договоримся, с ними иметь дело буду я, не вы. Эти люди могут быть поразительно неприятными, уверяю вас. В моем лице вы общаетесь с тем, кто хочет вас понять и слушать доводы здравого смысла. Сочленители не потрудятся хотя бы завязать диалог, но просто заберут оружие, никого не спрашивая.

— Клавэйн, мне трудно поверить в вашу историю о дезертирстве.

Хоури склонилась над кроватью:

— Илиа, забудь пока о Клавэйне. Я хочу кое о чем спросить тебя. Что ты сделала с пушками? В трюме осталось только тринадцать.

Вольева хихикнула лукаво и не без самодовольства.

— Рассредоточила по всей системе. Сшибла двух зайцев одним выстрелом: и орудия убрала подальше от Клавэйна, и переключила их в автономный режим, чтобы стреляли по машине ингибиторов. Хоури, как там поживают мои красавицы? Впечатляющий устроили фейерверк?

— Да, полыхает здорово. Еще бы знать, кто выигрывает.

— Главное, бой продолжается, а это хороший знак, правда?

Вольева снова не шевельнулась, но над ее головой выскочил плоский пузырь с надписями, будто в комиксе. Хотя триумвир ослепла, она могла видеть сквозь тонкие серые очки, связанные с имплантатами. В некотором смысле теперь Илиа видела даже лучше, чем раньше. Ей была доступна информация об окружающих электромагнитных полях во всем диапазоне, воспринимаемом очками, а подключение к сенсорам корабля обеспечивало точность и четкость, намного превосходящую возможности человеческого глаза. При всем при том присутствие имплантатов в мозгу вызывало тяжелейшее отвращение. Плоский пузырь — спроецированное изображение системы Дельты Павлина — походил скорее на дурную галлюцинацию, чем на голограмму. Он был расчерчен зелеными нитями — ячейки координатной сетки расширялись на экваторе и уменьшались к полюсам. Эклиптику изображал молочный диск, от края до края пузыря испещренный символами. В центре тускло светился оранжевый диск звезды, пунцовый лоскут изображал туманность на месте гибели газового гиганта. В лоскуте угадывался продолговатый контур орудия пришельцев — темно-красный стержень с раструбом. Колоссальное устройство синхронизировалось с движением звезды, оставаясь неподвижным относительно точки на ее экваторе. Сама Дельта Павли-

на покрылась лиловыми координатными линиями. Прямо напротив пушки на звезде виднелся прогиб на одну восьмую диаметра — четверть расстояния от поверхности до ядра, где пылали реакции термоядерного синтеза. От выемки расходились яркие фиолетовые и белые кольца зон, где тоже бушевали реакции синтеза — будто застывшая рябь на озерной воде. Но эти зоны — не более чем малые искорки по сравнению с мощью, бушующей в ядре.

Хотя происходящее со звездой тревожило, не она приковала внимание Хоури, а двадцать треугольничков, рассыпанных приблизительно в том же квадранте эклиптики, что и оружие ингибиторов.

Несомненно, это были недостающие артсистемы.

— Вот он, театр военных действий в реальном времени, — сообщила Вольева. — Клавэйн, небось завидуете?

— Эти орудия — не игрушки, — отозвался робот. — Вы даже не представляете себе их ценность.

— В самом деле?

— Возможно, они — разница между выживанием человечества и его полным исчезновением как вида. Илиа, мы тоже знаем о существовании ингибиторов и понимаем, на что они способны. До нас дошли послания из будущего, в котором человеческая раса практически полностью истреблена черными машинами. Мы их называем волками, но это тот же самый враг. Поэтому нельзя впустую потратить такой важный ресурс.

— Впустую? Ну уж нет! — Вольева явно разозлилась. — Я его потрачу, чтобы задержать ингибиторов, выиграть время для Ресургема.

— И сколько пушек вы уже потеряли? — осторожно спросил Клавэйн.

— Ни одной.

Робот навис над лежащей женщиной:

— Илиа, будьте благоразумны. Скажите, сколько уже потеряно орудий?

— Что значит «потеряно»? Три оказались неисправны. Вот вам и хваленая сочленительская продукция. Еще два были одноразовыми, их тоже вряд ли можно причислить к потерям.

— Значит, пока урона от контратаки ингибиторов нет?

— Две пушки получили повреждения.

— Надеюсь, они не разбиты вдребезги?

— Нет, я еще получаю данные от их двигателей. Само собой, степень повреждений не установить, пока не осмотришь поле боя.

Бета отошла от кровати и сделалась, как показалось Ане, бледнее обычного. Клавэйн закрыл глаза и забормотал под нос — то ли ругательство, то ли, как ни странно, молитву.

— Илиа, у вас было сорок орудий. По моим подсчетам, уже потеряно девять. Сколько же еще вы хотите уничтожить без всякой пользы?

— Сколько потребуется.

— Так Ресургем не спасти. Вы играете против силы, о которой не имеете ни малейшего представления. Просто губите ценнейший ресурс. Пушки необходимо сохранить до той поры, когда их применение даст максимальную выгоду. Вы встретили лишь авангард волков, следом явятся орды. Если мы изучим пушки, то сможем выпускать их тысячами!

Хоури, следившая за лицом Вольевой, теперь не сомневалась, что та улыбается.

— Какие хорошие слова: «сохранить до поры», «выпускать тысячами». Вы сами-то в это верите?

— Я верю в то, что вне зависимости от ваших стараний население Ресургема погибнет. Разница лишь в том, что случится это немного позже и добавятся миллионы других смертей. Но если вы отдадите нам орудия, еще будет время предотвратить катастрофу.

— То есть вы предлагаете сейчас пожертвовать двумястами тысячами, чтобы после спасти миллионы?

— Даже не миллионы — миллиарды.

— Хм, странно думать, что минуту назад я почти вам поверила. Решила, с вами можно иметь дело. — Илиа улыбнулась безмятежно и страшно — будто последний раз в жизни. — Вижу, что ошибалась.

— Я неплохой человек. Просто знаю в точности, что нужно делать и для чего.

— Как вы и сказали, это опаснейший вид людей.

— Не стоит недооценивать мой оригинал. Он заберет пушки силой.

— Клавэйн, вам сюда лететь еще не одну неделю. И подготовить теплую встречу я успею.

На это Клавэйн ничего не ответил. Хоури не понимала, почему ее так встревожило молчание старика.

Корабль возвышался над Антуанеттой, почти целиком одетый в леса. Иллюминаторы «Буревестника» светились, и в том, что приходился на рубку, был виден силуэт напряженно работающего Ксавье-

ра. В руке он держал компад, в зубах зажал стилос. Свободной рукой переключал допотопные тумблеры над головой, а пощелкав ими, аккуратно записывал в компаде.

«Всегда он такой аккуратный, будто бухгалтер», — подумала девушка.

Антуанетта приказала экзоскелету встать. Иногда Клавэйн позволял экипажу отдохнуть пару часов при нормальной инерции и гравитации, но сейчас субсветовик шел под тягой. В тех местах, где экзоскелет касался кожи, образовались язвы. Антуанетте не терпелось добраться до Дельты Павлина, хоть там и ожидала война. Кажется, нет ничего хуже жизни внутри кошмарного механического скелета.

Девушка присмотрелась к «Буревестнику», который не видела с тех пор, как узнала про обман и отказалась ступать на борт. Корабль перестал быть ее собственной территорией, ее домом. Это случилось несколько месяцев назад, и злость улеглась, хотя и не исчезла полностью. Ощущение того, что на нее попросту наплевали, осталось.

Несомненно, корабль снаряжался для боя. На первый взгляд в «Буревестнике» почти ничего не изменилось. Новое оружие прятало под новыми выпуклостями, а на корпусе и раньше хватало бугров. Фабрики безостановочным потоком гнали оружие. Часть его удалось без особых проблем направить на «Буревестник», благо Скорпион охотно согласился не замечать военных приготовлений транспорта и его экипажа. А Ремонтуар даже помог Ксавьеру интегрировать пару особенно экзотических пушек в корабельную сеть.

Одно время Антуанетта дивилась себе. С чего это вдруг захотелось подраться? Ведь она не склонна к насилию и тем более к героизму. Правда, за ней водится пристрастие к сумасбродствам, вроде похорон отца в газовом гиганте, но это же совсем другое дело.

Она взошла на корабль, забралась по лестницам в рубку. Ксавьер не заметил ее появления — был увлечен работой. Да и привык уже к тому, что девушка на «Буревестник» не заходит.

Поэтому она уселась неподалеку — подождать, пока он прервется и глянет в ее сторону. Заметив, он лишь кивнул: мол, говори, зачем пришла.

И на том спасибо.

— Зверь, — спокойно позвала Антуанетта.

Наверное, Лайл Меррик всегда выдерживал такую паузу, прежде чем ответить. Но сейчас она показалась вечностью.

— Слушаю.

— Я вернулась.

— Да, я понял. — Снова долгая пауза. — Я рад вашему возвращению.

Голос почти не изменился. Почти. Лайлу уже не приходилось разыгрывать из себя машинный интеллект, который Меррик заменил шестнадцать лет назад.

— С чего бы это? — резко спросила она. — Неужели соскучился?

— Да, — ответил Меррик. — Я скучал.

— Не думаю, что когда-нибудь прощу тебя.

— Я и не надеюсь на ваше прощение. Я его не заслужил.

— Вот именно.

— Но вы же знаете, что я обещал вашему отцу позаботиться о вас.

— Об этом мне сказал Ксавьер.

— Антуанетта, ваш отец был хорошим человеком. И хотел, чтобы у вас все было замечательно.

— Он захотел, чтобы и у тебя все было замечательно.

— Да, и я перед ним в долгу. Тут не поспоришь.

— И как же ты можешь жить с тем, что сделал?

Послышался звук, похожий на смешок — издевательский и печальный. Меррик смеялся над собой.

— Знаете, такие вопросы не очень-то меня беспокоят. Мой оригинал, моя плоть и кровь, подверглись казни. Я всего лишь электронная копия, призрак, ускользнувший от стирателей.

— Призрак с чрезвычайно развитым инстинктом самосохранения.

— И с этим не поспоришь.

— Лайл, как бы я хотела тебя ненавидеть!

— Пожалуйста. Миллионы так делают.

Она вздохнула:

— Но для меня это непозволительная роскошь. Это все-таки мой корабль. А ты им заведуешь, хочу я того или нет. Лайл, ведь так?

— Юная... пардон, Антуанетта, до той досадной аварии я был пилотом транспортника, причем толковым. Мне не составило труда интегрироваться в «Буревестник». Сомневаюсь, что обычный машинный интеллект сможет меня заменить.

Она криво улыбнулась:

— Не бойся, я тебя заменять не собираюсь.

— В самом деле?

— В самом деле. Но по причине сугубо прагматической. Не могу этого себе позволить, ведь эффективность корабля действительно упадет, причем сильно. Мне бы не хотелось тратить время на обучение машинного интеллекта гамма-уровня, в особенности сейчас.

— По мне, это весомая причина.

— Я еще не закончила. Мой отец заключил с тобой сделку. Это значит, ты заключил сделку со всем семейством Бакс. Я не могу ее расторгнуть, если бы и хотела. Это испортит деловую репутацию.

— Антуанетта, мы сейчас довольно далеко от тех мест, где ваша деловая репутация что-то значит.

— Пожалуй, ты прав. Но есть и еще кое-что. Ты слушаешь?

— Конечно.

— Мы идем в бой. И ты мне поможешь. Это значит, что ты позаботишься о корабле и постараешься, чтобы он выполнил все мои распоряжения. Буквально все, понял? Причем вне зависимости от того, какой опасности я при этом подвергнусь.

— В сделку с вашим отцом входило и обещание защищать вас.

Она пожала плечами:

— Об этом ты с ним договаривался, а не со мной. Я буду рисковать, как сочту нужным, — пусть даже риск будет смертельным. Ты это понял?

— Да... Антуанетта...

Она встала:

— Да, и еще одно.

— Что?

— Больше никаких «юных леди»!

Хоури спустилась к беженцам, стараясь, чтобы побольше людей ее увидело. Собиралась успокоить их, убедить, что про них не забыли. И вдруг субсветовик очень сильно тряхнуло. Ана отлетела к стене, больно ударилась. Женщина выругалась, сразу набежала туча мыслей, одна другой страшнее. Но все эти мысли тут же потонули среди воя, поднятого двумя тысячами пассажиров. Люди кричали, визжали. Лишь через несколько минут паника улеглась, сменившись общим сердитым ропотом. Встряска не повторилась, но вере в надежность колоссального корабля пришел конец.

Хоури собралась с мыслями и придумала способ унять недовольство. Прошла через разделенный многочисленными перегородками зал, лишь дружелюбно махая рукой тем, кто пытался ее остановить

и расспросить о случившемся. Она еще сама не знала, что будет говорить.

Хоури заранее условилась с ближайшими помощниками, что встретится с ними при любом непредвиденном происшествии. Дюжина людей собралась в условленном месте. Выглядели они едва ли менее растерянными и напуганными, чем остальные пассажиры.

— Виллемье! — заголосили они, завидев ее.

— Что за чертовщина?! — выпалил самый нетерпеливый. — Люди кости поломали, перепугались до смерти. Почему никто не предупредил?

— Это стандартная процедура уклонения от столкновений, — ответила она. — Корабль обнаружил угрожающий космический мусор, расстрелять его издали не успевал, а потому сместился.

Ана солгала, причем и самой ложь не казалась убедительной. Но, по крайней мере, это была попытка рационального объяснения.

— Поэтому и предупреждения не было, — добавила она с компетентным видом. — А вообще, это хороший признак. Значит, системы безопасности еще работают.

— Но вы никогда не говорили, что они могут не работать!

— Не попробуешь — не узнаешь. А теперь мы знаем наверняка.

Хоури велела помощникам распространить слух о том, что бояться нечего, и позаботиться о раненых.

К счастью, никто не погиб, а переломы оказались достаточно простыми. Можно было справиться на месте, не транспортируя никого в лазарет. Спустя пару часов спокойствие, пусть и настороженное, восстановилось. Похоже, большинство пассажиров приняли объяснение.

«Отлично! — подумала Хоури. — Осталось убедить себя в том, что ничего скверного не произошло».

Но часом спустя корабль вздрогнул снова.

На этот раз толчок был не столь резкий. Хоури всего лишь качнулась, поспешила опереться о стену. Затем выругалась — скорее не от удивления, а от злости. Ана не знала, что еще сказать пассажирам. Из-за нового толчка прежнее объяснение выглядело, мягко говоря, сомнительным. Поэтому Хоури решила пока не объяснять ничего, предоставив помощникам улаживать проблему. Она выбрала способных людей, заслуживающих доверия. Со временем они, возможно, придумают лучшее объяснение, чем инквизитор Виллемье.

Ана вернулась к триумвиру, размышляя над тем, почему не отпускает чувство неловкости, неправильности происходящего. Что-то пошло не так. Но что именно? Казалось, все поверхности «Ностальгии по бесконечности» чуть наклонились. Пол слегка перекосился, и выделяемая кораблем слизь скапливалась с одной стороны коридора. И со стен уже не текло, а капало на пол под отчетливым углом к поверхности. Идти пешком стало трудно. Безопасности ради Хоури предпочла шагать у самой стены.

Слава богу, Вольева оказалась жива! Она сидела, всматриваясь в проекцию системы, размышляла. Рядом копия Клавэйна тоже разглядывала голограмму. Робот стоял в задумчивой позе: руки сложены на груди, сплетены проволочные пальцы.

— *Илиа?*

— Хоури, в чем дело? — выговорил хриплый, скрежещущий голос.

— С кораблем проблемы.

— Мы с Клавэйном это уже поняли.

Хоури надела очки и вместо проволочной машины увидела рядом с кроватью умирающей женщины терпеливо стоящего старика. Выглядели эти двое так, будто знали друг друга всю жизнь.

— Кажется, мы начали двигаться, — заметила Хоури.

— Не просто двигаться — ускоряться, — добавил Клавэйн. — Обратите внимание, как сместилась вертикаль.

Дрейфуя по орбите, корабль создавал тяготение во внутренних отсеках, вращая их. Вектор ускорения при этом был направлен перпендикулярно главной оси корабля, шедшей от носа до кормы. А тяга, создаваемая двигателями «Ностальгии», направлялась параллельно главной оси. Два вектора, складываясь, давали искусственную гравитацию под углом к прежнему направлению.

«Похоже, около десятой доли *g*, — оценил Клавэйн. — Достаточно, чтобы исказить направление на пять-шесть градусов».

— Но кораблю никто не приказывал двигаться! — заметила Хоури.

— Похоже, он решил сам, — сказала Илиа. — Поэтому нас и раньше тряхнуло. Системы управления успели закиснуть. Эй, капитан, ведь я права?

Но капитан не ответил.

— А почему мы стали двигаться? — спросила Хоури.

— Думаю, причина видна. Посмотри!

Пузырь-голограмма, изображающий поле битвы, раздулся. На первый взгляд изображение не изменилось. Все так же висели на позициях оставшиеся артсистемы Вольевой и пушка ингибиторов. Но появилась и новая иконка. Она двигалась под углом к плоскости эклиптики, словно явилась из межзвездного пространства. Рядом со значком сгрудились мерцающие символы и надписи.

— Корабль Клавэйна? — удивилась Хоури. — Но это невозможно! Он должен тормозить еще много недель!

— Значит, мы ошиблись, — заключила Илиа. — Клавэйн, ведь мы ошиблись?

— Определить это не в моих силах.

— Очень уж быстро меняется его голубой сдвиг, — заметила Вольева. — Мне не верится в показания локаторов. Никакой корабль, способный к межзвездным перелетам, не может тормозить так быстро. Но все же...

Хоури закончила фразу за нее:

— Но все же они тормозят.

— Да. И они не в месяце пути, а лишь в паре дней. Признаю, Клавэйн: это сделано отлично. Но как?

Бета-копия покачала головой:

— Я не знаю. Эти знания стерли из моей памяти, перед тем как транслировать сюда. Но, как и вы, я могу предполагать. Или мой оригинал обладает двигателями намного мощнее известных мне сочленительских, или чем-то иным, чрезвычайно близким к технике подавления инерции. Думаю, оба объяснения не сулят вам ничего хорошего.

— Наверное, Бренниген засек приближающийся корабль? — предположила Ана.

— Конечно. Он видит все то, что вижу я.

— Так почему мы движемся? Он же хотел умереть!

— Похоже, здесь и сейчас он умирать передумал, — произнес Клавэйн. — Если не ошибаюсь, наша нынешняя траектория ведет к Ресургему.

— За двенадцать дней доберемся, — уточнила Илиа. — Слишком долго. Правда, мы сейчас идем на одной десятой... Непонятно, зачем он так делает. С одним *g* долетели бы до Ресургема за два дня, причем раньше Клавэйна.

— И какой нам с того прок? — спросила Хоури. — Там мы будем так же уязвимы, как и здесь. Клавэйн достанет нас, куда бы мы ни подались.

— Мы отнюдь не беззащитны, — заверила Вольева. — У нас еще четырнадцать адских пушек, и мы готовы их использовать. Не знаю, зачем капитану вздумалось передвигать нас, но плюс в том, что это сильно облегчит эвакуацию.

— Думаешь, он решил помочь?

— Не знаю. С капитаном всякое бывает. Может, и решил, как это ни странно. Но ты лучше расскажи поскорее Торну.

— Зачем?

— Чтобы пошевеливался. У нас есть шанс управиться с эвакуацией куда быстрее, чем мы рассчитывали.

ГЛАВА 34

В рубке «Света Зодиака» сгустилось пятно, зашевелилось, приняло человекоподобные очертания. Близ проектора сидели полукругом Клавэйн, Ремонтуар, Фелка и три главные свиньи: Скорпион, Кровь и Крест.

— Ну что ж, я вернулся, — объявила бета-копия Клавэйна.

Клавэйн смущенно глядел на собственное отражение, причем неправильное, незеркальное, с преувеличенной асимметричностью лица. Старик не любил бета-копии, особенно свои. Сама возможность имитировать человека Клавэйна раздражала — и чем выше сходство, тем сильнее раздражение.

«Да и можно ли радоваться тому, что сущность человека с такой легкостью передается кучкой бессмысленных алгоритмов?» — подумал он.

А вслух сообщил:

— Ты взломан.

— Простите?

— Вольева вырезала из тебя немалую часть, — сказал Ремонтуар, подавшись вперед. — Мы заметили следы грубой работы, но что именно она сделала, выяснить трудно. Скорее всего, ей удалось лишь стереть самое уязвимое — содержимое блоков памяти. Но полной уверенности у нас нет, поэтому по окончании брифинга тебя поместят на карантин. Из-за риска контаминации твои воспоминания не будут добавлены к воспоминаниям Клавэйна. Тебя сохранят в заархивированном виде на жестком носителе. По сути, ты умрешь.

Изображение Клавэйна стоически пожало плечами:

— Остается лишь надеяться, что я окажусь полезен.

— Что-нибудь выяснил? — спросил Скорпион.

— Думаю, многое. Правда, я не знаю, какие воспоминания настоящие, а какие подсаженные.

— Это не твоя забота, — сказал Клавэйн-оригинал. — Просто расскажи, что ты выяснил. Командует субсветовиком действительно Вольева?

Копия энергично закивала:

— Да, она!

— Ей известно про оружие? — спросил Кровь.

— Да, знает.

Клавэйн-оригинал глянул на коллег, затем на проекцию:

— Хорошо. Она отдаст оружие без боя?

— Думаю, на это не стоит рассчитывать.

— Что она знает о происхождении оружия? — вступила в разговор Фелка.

— Полагаю, не много. У нее есть смутные догадки, но этот вопрос ее не слишком интересует. Однако Вольевой известно кое-что о волках.

— Откуда? — нахмурилась Фелка.

— Не знаю. Она не настолько доверилась мне, чтобы рассказать об этом. Скорее всего, Вольева уже встречалась с машинами-убийцами и как-то ухитрилась выжить. Это одно делает ее достойной уважения. Кстати, она почему-то зовет их ингибиторами.

— Я знаю почему, — спокойно проговорила Фелка.

— Возможно, напрямую она с ними и не сталкивалась, — предположил Ремонтуар. — Волки уже долго действуют в системе Дельты Павлина. Скорее всего, Вольева просто наблюдала и делала выводы.

— Думаю, ее опыт общения с волками не столь поверхностен, — возразила копия, но пояснять не стала.

— Я тоже так думаю, — кивнула Фелка.

Собравшиеся посмотрели на нее с удивлением.

— Ты дал понять, что наши намерения очень серьезны? — спросил Клавэйн-оригинал. — Дошло ли до нее, что гораздо лучше иметь дело с нами, чем с сочленителями?

— Полагаю, да.

— И?

— Спасибо, обойдусь — вот, в общих чертах, ее ответ.

— Эта Вольева очень глупа, — заключил Ремонтуар. — Жаль — нам придется использовать силу, а ведь куда лучше было бы договориться. Не люблю агрессию.

— Ситуация осложняется тем, что в настоящее время идет эвакуация, — добавила копия. — Вы уже видели, как оружие волков деформирует звезду, воздействуя сфокусированным гравитационным излучением. Вскоре выемка достигнет ядра, где происходит термоядерный синтез, и откроет раскаленной материи путь наружу. Это все равно что пробить дыру в основании высокой плотины, выпуская воду под чудовищным давлением. Но хлынет не вода, а водород — при температуре ядра звезды. Звезда превратится в гигантский огнемет. После того как скважина достигнет ядра, его энергия быстро истечет и звезда погибнет — или станет намного меньше и холоднее. Но до того послужит оружием, способным испепелить любую планету в нескольких световых часах от себя. Достаточно струе материи из ядра окатить планету, и разлетится атмосфера, каменная оболочка станет слоем кипящей лавы. Жители Ресургема вряд ли представляют себе, что может случиться с их планетой, но, без сомнений, они хотят убраться как можно быстрее и дальше. На борту субсветовика собралось уже немало беженцев. По меньшей мере несколько тысяч.

— У тебя, конечно, есть доказательства? — спросил Скорпион.

— Доказать я не могу.

— Тогда мы считаем, что никаких людей там нет. Слух о беженцах — наглое вранье, попытка спастись от нашей атаки.

Торн стоял на земле Ресургема, застегнув пальто на все пуговицы. Безжалостный полярный ветер драл ледяным наждаком оставшуюся неприкрытой кожу. Конечно, это уже не прежний ураган, не то, что раньше называли бритвенной бурей. Но если спрятаться некуда, ощущения крайне неприятные.

Торн поправил хлипкие окуляры, сощурился, всматриваясь в звездное небо, отыскивая крошечную летящую искорку транспорта.

Небо над головой висело густо-фиолетовое, темнеющее к югу. Сквозь окуляры виднелись лишь самые яркие звезды, и те казались тусклыми на фоне полыхавшего боя с ингибиторами. На севере висели обширные мягко-розовые полотнища полярного сияния, подрагивали, будто на ветру. Прекрасное зрелище — если не знать, что за

ним стоит. Северное сияние порождали заряженные частицы, выбитые с поверхности звезды пушкой ингибиторов. Колодец в Дельте Павлина, глубокий прогиб, сделанный гравитационным лазером, прошел уже полпути до звездного ядра. Вдоль стен выемки, удерживаемых стоячими гравитационными волнами, структура звезды кардинально изменилась. Конвекционные процессы пытались приспособиться к возмущению. Распределение масс сместилось, и вслед за ним стало меняться ядро. Поток нейтрино от звезды сделался совсем иным, сигнализируя, что прорыв ядра неизбежен.

Торн пока не представлял со всей ясностью, что случится в финале. Но был уверен: лучше не пытаться увидеть это своими глазами.

Он ждал, когда последний на сегодня шаттл окончит погрузку. Элегантное судно стояло в ущелье прямо под ним. Вокруг бурлила толпа — ни дать ни взять копошащиеся насекомые. Драки там вспыхивали постоянно — люди норовили пролезть на борт без очереди. Торн уважал своих соотечественников, даже восхищался ими — но лишь поодиночке. Скопом они превращались в звериную стаю и вызывали только отвращение. За все время подпольной работы он руководил лишь небольшими, сплоченными группами сторонников. Но знал, что рано или поздно придется иметь дело с толпой. Толпа — закономерный результат разрастания и объединения групп. Результат его, Торна, деятельности. Но он не обязан испытывать теплые чувства к плодам своих трудов.

«Хватит!» — приказал себе Торн.

Не время презирать спасаемых людей. Они поддались страху, и это вполне объяснимо. Если бы сам оказался среди них, вряд ли вел бы себя благоразумнее и самоотверженней. Главная задача — увезти свою семью с планеты. И если это значит ходить по чужим головам — так тому и быть.

Но ведь Торн не был в толпе у судна. Он нашел для людей путь с планеты. Сделал спасение возможным.

Это стоит немалого.

Над головой вспыхнула искра транспорта и, пролетев по небу, ушла в тень. Хорошо все-таки, что он еще здесь. Корабль держится точно на заданной орбите, любое отклонение спровоцирует атаку систем противокосмической обороны. Хотя Вольева с Хоури запустили щупальца во многие департаменты правительства, добрались они не всюду и не на все смогли повлиять. В частности, триумвир с ин-

квизитором не контролировали Департамент гражданской обороны. Досадное упущение, ведь на него возлагалась забота о том, чтобы происшествия вроде удара Вольевой по колонии не повторились. Департамент располагал системой противокосмической обороны — ракеты с зарядами «горячей пыли» должны были уничтожить заходящий на орбиту корабль до того, как он успеет нанести ущерб колонии. Мелкие суденышки ультра могли проскакивать через слепые пятна радарной сети, но этот транспорт был слишком велик для подобных маневров. Поэтому пришлось дергать за множество рычагов, вести отчаянную закулисную игру, чтобы добиться обещания: ракеты останутся в бункерах при условии, что ни транспорт, ни атмосферные шаттлы ни на йоту не отклонятся от предписанных маршрутов. Торн надеялся, что навигационные системы судов об этом условии не забудут. Но все равно ощущал иррациональную радость, вновь увидев транспорт.

Запищал радиотелефон. Торн вынул угловатое устройство из кармана, потыкал в кнопки пальцем, одетым в толстую перчатку.

— Торн?

Он узнал голос оператора из Департамента внутренних угроз.

— Сэр, вам сообщение с «Ностальгии по бесконечности». Воспроизвести или предпочитаете получить его уже на орбите?

— Воспроизводите.

Он ждал, внемля слабым щелчкам реле и шипению магнитной пленки, представляя, как устаревшая телефонная механика Департамента тужится, пытаясь ему услужить.

— Торн, это Виллемье. Слушай внимательно. План слегка изменился. Объясню потом. Вкратце: мы перемещаемся ближе к Ресургему. Я изменила навигационные данные для транспорта, так что бояться нечего. Думаю, полет на «Ностальгию» займет теперь гораздо меньше тридцати часов. Может, мы подойдем так близко, что и транспорт не понадобится, людей будем перевозить шаттлами прямо на борт субсветовика. За полтысячи рейсов эвакуируем всю планету. Торн, дело неожиданно повернулось так, что у нас есть реальный шанс успеть. Ты сможешь все у себя организовать для ускорения погрузки?

Торн глянул вниз, на бушующую толпу. Похоже, Хоури ждала немедленного ответа.

— Оператор, не могли бы вы записать и передать мое сообщение?

Торн подождал, пока оператор подготовится. Затем сказал:

— Говорит Торн. Я все понял. Сделаю что в моих силах для ускорения эвакуации. Тем не менее призываю к осторожности. Это отлично, если можно сократить время перелета на «Ностальгию по бесконечности». Замечательное достижение! Но близко к Ресургему ее подводить нельзя. Даже если полпланеты не перепугается до смерти, Департамент гражданской обороны уж точно встанет на дыбы. А он может наделать много бед. Ана, поговорим позже. У меня работы по горло.

Он посмотрел на толпу — там опять назревала драка.

Попросив оператора отправить сообщение и оповестить, если придет ответ, Торн вернул в карман устройство, примитивное и громоздкое, словно милицейская дубинка.

И полез вниз по склону, к толпе, скользя и вздымая пыль.

— Антуанетта, мы отчалили.

— Отлично, — отозвалась девушка. — Теперь можно вздохнуть спокойно.

Сквозь иллюминаторы рубки субсветовик все еще казался титаническим, он простирался во все стороны — широченный утес с вытесанными на его поверхности загадочными выступами и ложбинами. Люк, сквозь который «Буревестник» только что покинул трюм, казался светящимся желтым окошком. Огромные зазубренные створки ползли навстречу друг другу, но между ними оставалось достаточно места для вылета малоразмерных судов. Антуанетта видела их и своими глазами, и на дисплеях и проекциях приборной доски. И даже когда створки почти сомкнулись, между ними еще проскакивали крохотные штурмовики — суденышки немногим более космоцикла для полетов вблизи корабля, рамы с оружием и двигателями. Штурмовики были проворными; толкали их крохотные, но мощные термоядерные движки с катализатором на антиматерии. Антуанетте эти кораблики напоминали рыб-паразитов, очищающих от остатков пищи пасть колоссального подводного монстра. В сравнении с ними «Буревестник» был немаленькой рыбой, вполне самостоятельной, умеющей постоять за себя.

Выход из дока оказался самым сложным за всю пилотскую карьеру девушки. Внезапность атаки требовала, чтобы «Свет Зодиака» поддерживал ускорение в три *g* до тех пор, пока не окажется в десяти

световых секундах от «Ностальгии по бесконечности». И всем атакующим кораблям этой волны пришлось вылетать при трех *g*. Любой выход из трюма — задача сложная и ответственная, в особенности если судно нагружено под завязку оружием и топливом. Но при ускорении задача усложняется на порядок. Антуанетта посчитала бы ее головоломной и при тяготении в половину *g*, с каким суда покидают «карусель» Новый Копенгаген. Три *g* — это со стороны Клавэйна откровенный садизм.

Но Антуанетта справилась. Теперь на сотни метров вокруг «Буревестника» не было ни единого препятствия.

— Корабль, включить токамак по счету «ноль»! Считаю: пять... четыре... три... два... один... ноль!

Хотя за плечами был опыт многих лет, она все равно напряглась, ожидая, когда едва ощутимый толчок снизу возвестит: атомные двигатели сменились термоядерным реактором.

Но толчка все не было.

— Антуанетта, реактор работает нормально. Все показатели в порядке. Даем три *g*.

— Черт возьми, как гладко! — не удержалась от возгласа Антуанетта.

— За это благодари Ксавьера и Клавэйна. Они нашли баг в одной из старейших подпрограмм управления реактором. Баг давал легкое несоответствие импульсов при переключении двигателей.

Девушка уменьшила изображение, чтобы окинуть взглядом субсветовик. По всей его длине из пяти разных люков изливались потоки штурмовых судов, преимущественно крохотных, не больше космоцикла, но было и несколько шаттлов. Большинство суденышек — ложные цели, и не у всех хватит топлива подобраться на световую секунду к «Ностальгии по бесконечности». Но все равно зрелище впечатляло. Огромный корабль будто истекал светом.

— А ты вовсе ни при чем?

— Корабль всегда старается сделать как лучше.

— Я так и думала.

— Антуанетта, мне очень жаль, что так вышло...

— Корабль, для меня это было и прошло. Что уж тут вспоминать.

Она больше не могла называть его Зверем. И уж тем более не могла обращаться по имени Лайл Меррик.

Хватит и безликого «корабль».

Она снова уменьшила изображение, распределила иконки по штурмовым кораблям: номер, тип, дальность, команда, вооружение, вектор движения. Теперь Антуанетта воочию видела размах атаки. Всего в эту волну входило около сотни судов. Шестьдесят из них — космоциклы, а экипажем располагают лишь около тридцати. Обычно на космоцикл садилась одна тяжеловооруженная гиперсвинья, хотя было и несколько тандемов, предназначенных для определенных операций.

Все снабженные экипажем космоциклы несли вооружение, от одноразовых гразеров до гигаваттных брейтенбаховских бозеров. Все члены команд носили тяжелые скафандры с экзоскелетами, имели личное оружие или могли отсоединить оружие космоцикла вблизи вражеского корабля.

В атаке участвовало три десятка шаттлов среднего размера, каждый на два-три места и с герметичным корпусом. Все гражданского образца, переделанные в штурмовики или из судов, обнаруженных в трюмах «Света Зодиака» при захвате, или выделенных Эйчем из его разбойничьего флота. Они несли такое же оружие, как и космоциклы, но располагали и кое-чем повнушительнее: батареями ракет и абордажными швартовами. Имелось и девять больших корветов, способных нести как минимум два десятка солдат в полной боевой экипировке. Корпуса этих судов были достаточно велики, чтобы вместить рейлганы самых малых размеров. Три корвета были оснащены аппаратурой подавления инерции и могли ускоряться до восьми *g* — против четырех *g* у обычных корветов. Угловатость и асимметричность корпусов указывали на то, что эти корабли не приспособлены для погружения в атмосферу, но в предполагаемом боевом пространстве это не имело значения.

«Буревестник» намного превышал размерами все штурмовые суда. Его собственный трюм вмещал три шаттла и дюжину космоциклов вместе с их экипажами. На корабле не стояла аппаратура подавления инерции — такие устройства трудно было производить массово, особенно на борту «Света Зодиака». Но зато «Буревестник» нес намного больше вооружения и брони, чем любой другой в штурмовой эскадре. Прежний транспорт сделался военным кораблем — и стоило побыстрее привыкнуть к этому факту.

— Юная... виноват, Антуанетта.

— Да? — отозвалась она, скрипнув зубами.

— Я хочу сказать... сейчас, пока еще не слишком поздно...

Она стукнула по кнопке, отключавшей корабельный голос. Встала, залезла в экзоскелет.

— Корабль, поговорим позже. Мне нужно осмотреть команду.

Заключенный в жесткую раму экзоскелета Клавэйн стоял в одиночестве у обзорного окна, наблюдая за отбытием штурмовой эскадры. Роботы, ложные цели, космоциклы и шаттлы с корветами разворачивались, маневрировали, занимая отведенные планом места. Самоадаптирующееся стекло предохраняло глаза старика от свирепого пламени реактивных струй, перекрашивало центры выхлопов в черный цвет, так что видны были только фиолетовые края. Вдалеке, за роем уходящих судов, виднелся буро-серый полумесяц Ресургема, совсем крошечный — таким видится детский стеклянный шарик на вытянутой руке. Имплантаты могли разрешить и сигнал, идущий от звездолета Вольевой, хотя обычный человеческий глаз его бы не заметил. Единственная мысленная команда — и стекло окна дало приличное изображение плывущей во тьме «Ностальгии по бесконечности». Корабль триумвира находился в десятке световых секунд, но его четырехкилометровый корпус, если смотреть со стороны Клавэйна, занимал треть угловой секунды. То есть его различали даже наислабейшие оптические телескопы на борту «Света Зодиака». Увы, это означало, что и триумвир могла рассмотреть корабль Клавэйна в таких же подробностях. И если уделила ему хоть сколько-то внимания, отбытие атакующей эскадры пропустить не могла.

Клавэйн теперь убедился: диковинные выросты на корпусе «Ностальгии по бесконечности» были реальностью, а не виртуальными фантомами, как он считал раньше. С кораблем Вольевой случилось нечто в высшей степени необычное. Он превратился в жуткий шарж на субсветовик.

Возможно, здесь не обошлось без плавящей чумы. Единственное место, где старик видел похожие уродливые метаморфозы, — Город Бездны с его фантасмагорической, извращенной архитектурой. Клавэйну доводилось слышать о пораженных чумой кораблях и о том, что временами вирус достигал аппаратуры ремонта и модификации, позволявшей кораблям саморемонтироваться. Но никогда еще не доводилось слышать о корабле, насквозь проеденном болезнью, но продолжающем функционировать. Мурашки бежали по коже при

одном взгляде на чудовище. Хотелось надеяться, что никого из команды жуткие метаморфозы не затронули.

Поле боя займет десять световых секунд между звездолетами, но центр его определится действиями Вольевой. От подлетного времени будет зависеть, хорошо ли выбрана дистанция. По расчетам Клавэйна, она получится оптимальной для его оружия и десанта.

При ускорении в три *g* обычным судам потребуется четыре часа, чтобы достичь «Ностальгии по бесконечности», самым быстроходным в эскадре — немногим более двух часов. Ракете нужно сорок минут. Клавэйн уже покопался в памяти, выискивая схожие тактические ситуации. В одной из ранних межнациональных войн, случившейся еще до начала космической эры, когда в атмосфере схватывались дозвуковые самолеты с двигателями внутреннего сгорания, разразилась Битва за Британию. Хотя тогда диспозиция сил была в сущности двухмерной, подлетное время мало отличалось от нынешнего. В глобальных войнах первой половины двадцать первого века ничего подобного не происходило, поскольку над планетой кружили суборбитальные беспилотники, способные выйти на дистанцию поражения любой точки на поверхности менее чем за сорок минут. Но в космических войнах второй половины столетия случалось много подобных битв. Клавэйн вспомнил войну за отделение Луны от Земли, схватку за Меркурий, перебрал в памяти все тогдашние триумфы и катастрофы. Подумал и о Марсианской войне с сочленителями, бушевавшей в конце двадцать первого столетия. Зона боевых действий простиралась далеко за орбиты Фобоса и Деймоса, так что подлетное время для наибыстрейших одноместных истребителей составляло три-четыре часа. Уже доставлял проблемы временной лаг коммуникаций, — как правило, прямые передачи блокировались огромными облаками металлизированной пыли.

Были и другие кампании, другие битвы. Все вспоминать нужды нет. Их уроки выучены и не забыты. Клавэйн знал, как воевали и какие совершали ошибки, учитывал и свои промахи, сделанные в начале карьеры. Не слишком существенные — иначе он не дожил бы до своих лет. Но всякий опыт ценен.

По оконному стеклу скользнула бледная тень.

— Клавэйн?

Тот мгновенно развернулся, зажужжав экзоскелетом. Старик думал, что в каюте он один, — и оклик застиг его врасплох.

— Фелка?

— Я пришла посмотреть, как они уходят.

Экзоскелет шагал деревянно, неестественно — будто Фелку держали под руки невидимые охранники. Вместе со стариком она досмотрела, как покидают звездолет последние суда атакующей эскадры.

— Если не знать, что это война...

— Зрелище кажется прекрасным, — закончила она мысль Клавэйна. — Именно так.

— Я ведь правильно поступаю? Ты как думаешь?

— А почему ты спрашиваешь меня?

— Потому что ты, без преувеличения, голос моей совести, вернее, того, что от нее осталось. Я все время спрашиваю себя, что сделала бы Галиана, будь она здесь...

— Она тревожилась бы, как и ты, — перебила Фелка. — И сомневалась. Она была хорошим человеком. Люди, не тревожащиеся и не сомневающиеся в своей правоте, опасны. Я о таких, как Скади.

Он вспомнил ослепительную вспышку взорвавшегося «Паслена».

— Мне жаль, что все так получилось...

— Клавэйн, я попросила тебя это сделать. Галиана хотела умереть.

— Хотела, чтобы именно я убил ее?

— Она умерла много лет назад. Но ее смерть... в общем, не хватало лишь финальной точки. Ты ее поставил, и теперь книга дописана и закрыта.

— Я уничтожил саму возможность вернуть ее к жизни.

Фелка тронула его руку, морщинистую, в старческих пятнах:

— Галиана сделала бы для тебя то же самое, я уверена.

— Возможно. Но ты пока не сказала, что думаешь о нашей войне.

— Я согласна с тем, что ради сиюминутной выгоды стоило бы заполучить пушки. Но в далекой перспективе я не уверена.

— Фелка, нам необходимо это оружие, — осторожно проговорил Клавэйн.

— Я знаю. Но что, если и триумвир нуждается в нем так же отчаянно? Твоя копия сказала, что Вольева пытается эвакуировать Ресургем.

— Это не должно меня сейчас заботить, — произнес Клавэйн, осторожно подбирая слова. — У меня нет доказательств того, что она

в самом деле занимается эвакуацией планеты. Если занимается, то не логичнее было бы отдать мне пушки, чтобы продолжить дело без помех?

— А тебе не приходила мысль просто ей помочь?

— Я здесь ради пушек. Все остальное, сколь бы оно ни было важным для других, лишь незначительная деталь для меня.

— Так я и думала.

Клавэйн решил, что ему лучше промолчать.

Они наблюдали в тишине, как уменьшаются фиолетовые огни штурмовой эскадры, несущейся к Ресургему и кораблю Вольевой.

Закончив отвечать на послание Торна, Хоури осознала неприятный факт: пол наклонился еще сильней и ходить стало труднее. События развивались в точном соответствии с предсказаниями триумвира: капитана десятая *g* не устроила, он наращивал тягу. По оценке Аны — и бета-копии Клавэйна, — тяга удвоилась и продолжала возрастать. Горизонтальные поверхности наклонились под углом двенадцать градусов, и многие скользкие коридоры стали непроходимыми. Но гораздо сильнее встревожило Ану другое.

— Илиа, послушай, у нас беда.

Вольева оторвалась от созерцания поля боя. На нем яркие значки казались стаей разноцветных рыбок, застывших в прозрачном желе. Изображение явно изменилось с тех пор, как Хоури смотрела на него в последний раз.

— Деточка, ты о чем?

— О трюме с беженцами.

— И что там?

— Он же не приспособлен для движения корабля под тягой. Мы его оборудовали как временное пристанище, на период эвакуации с планеты. Это вращающийся отсек. Вертикаль там направлена перпендикулярно продольной оси корабля. Но теперь капитан включил тягу, и появилась компонента вдоль оси. Пока мы идем при одной пятой *g*, но тяга увеличивается. Можно отключить вращение, но это не слишком поможет. Стены делаются полами.

— Но это же звездолет — и нормальный переход к режиму перелета.

— Илиа, ты не понимаешь. У нас две тысячи людей, набитых как сельди в бочку. И там уже паника — пол накренился так сильно! Им

кажется, будто они на борту тонущего корабля, и никто не объясняет, в чем дело.

Ана сделала паузу — надо было отдышаться.

— Илиа, давай мы договоримся. Ты была права насчет оставшегося времени. Я попросила Торна ускорить дела на Ресургеме. А это значит, сюда очень скоро явятся тысячи и тысячи. Мы с тобой всегда понимали: рано или поздно надо будет вывести людей из первого трюма. Увы, придется это делать рано.

— Но тогда... — Илиа замолчала, не в силах договорить.

— Да. Они увидят корабль изнутри, как он есть. И это зрелище им может не понравиться.

— Это сулит проблемы. Паршивые.

Хоури посмотрела на свою старшую подругу, наставника и опекуна:

— Знаешь, Илиа, что мне особенно нравится в тебе? Ты отчаянная оптимистка.

— Ладно, заткнись-ка и глянь сюда, на проекцию. Нас атакуют — и скоро придется отстреливаться.

— Клавэйн?

Женщина на кровати едва заметно кивнула:

— «Свет Зодиака» выпустил штурмовую эскадру, порядка сотни судов. Все мчатся сюда, большинство на трех *g*. Что б мы ни делали, еще самое большее четыре часа — и нас догонят.

— Илиа, Клавэйн не должен получить пушки.

Триумвир, выглядевшая совсем старой и дряхлой, чуть шевельнула головой:

— Он их не получит. По крайней мере, без настоящей драки.

Стороны обменялись ультиматумами. Клавэйн дал Вольевой последний шанс вернуть оружие, пообещал в случае согласия отозвать штурмовую эскадру. А Вольева пообещала, что если он не отзовет немедленно, то тринадцать оставшихся артсистем откроют огонь по нему.

Клавэйн подготовил ответ: «Извините, но это неприемлемо. Я очень нуждаюсь в оружии».

Он отправил сообщение и слегка испугался, когда отклик Вольевой прибыл всего через полминуты. Она сказала буквально то же самое, хотя еще не могла получить его окончательный ответ.

ГЛАВА 35

Вольева наблюдала за тем, как пять из тринадцати оставшихся пушек занимают позиции вокруг «Ностальгии по бесконечности». Цветные пузырьки, обозначающие артсистемы, висели над кроватью Вольевой словно игрушки, подвешенные над люлькой младенца. Илиа поднимала руку, цепляла пальцем иконку, перетаскивала — меняла позицию орудия относительно корабля, в максимальной степени используя его корпус как прикрытие. Иконки откликались лениво, неохотно, отображая медленное перемещение реальных объектов.

— Ты хочешь сразу открыть огонь? — спросила Хоури.

Вольева глянула искоса:

— Нет. Только когда он меня вынудит. Я не хочу, чтобы ингибиторы знали о пушках, которые я еще не выставила против них.

— Все равно рано или поздно придется стрелять.

— Может, Клавэйн одумается и поймет, что ему не выиграть. Еще не поздно.

— Но мы ничего не знаем о его оружии, — возразила Хоури. — А вдруг у него что-нибудь настолько же мощное?

— Ана, нам трижды наплевать на его оружие. Ты пойми: ему от нас что-то нужно, не наоборот. Поэтому наше положение гораздо выгоднее.

— Я не понимаю...

Илиа вздохнула. Надо же, приходится объяснять такую простую вещь.

— Его удар по нам должен быть хирургически точным. Клавэйн не может повредить оружие, которое ему так необходимо. Проще говоря, если собираешься ограбить дом, тектоническую бомбу на него сбрасывать не станешь. А у меня подобных ограничений нет. Клавэйн не имеет ничего такого, что могло бы мне понадобиться.

А про себя Вольева добавила: «Почти ничего».

Ей не давала покоя загадка невероятно быстрого торможения «Света Зодиака». Скорее всего, это какой-то мудреный способ подавления инерции. А если нет, тогда еще интереснее. С другой стороны, отчаянной надобности в подобной игрушке нет. То есть ничто не мешает использовать весь арсенал. Старика с его блажью

можно вычеркнуть из бытия, потеряв разве что шанс утолить любопытство — да и то гипотетический.

Но загвоздка в том, что Клавэйн не может не видеть опасности. Если он настоящий, тот самый Фарсидский Мясник. Вряд ли человек способен прожить четыре изобилующих войнами столетия, совершая дурацкие ошибки.

Может, ему известно нечто недоступное ей?

Илиа провела пальцами по проекции, корректируя расположение пушек, нервничая, выбирая, какую использовать первой, и размышляя о том, что́ лучше — позволить Клавэйну немного поиграть в войну или уничтожать его корабль сразу.

— Есть новости от Торна? — спросила она.

— Он летит с Ресургема, везет две тысячи беженцев.

— Торн знает о нашей маленькой ссоре с Клавэйном?

— Я сообщила, что мы перемещаемся поближе к Ресургему. Не вижу смысла пугать его без нужды.

— Да, на борту людям не опаснее, чем на Ресургеме, — впервые согласилась с Аной Вольева. — После того как они улетели с планеты, у них появился реальный шанс выжить. Не слишком большой, но все-таки...

— Уверена, что не нужно применять оружие?

— Ана, я его обязательно применю, но ни секундой раньше, чем нужно. Тебе не доводилось слышать военное выражение: «подождем, пока не увидим белки их глаз»?

— Илиа, я про войну забыла больше, чем ты узнала.

— Ну, тогда просто доверься мне. Я что, прошу слишком многого?

Спустя двадцать две минуты начался бой. Первый залп Клавэйна был смехотворно слабым. Илиа получила сообщения о всплесках излучения с ускорителей, разгоняющих небольшие слитки металла до одной-двух тысяч километров в секунду. Чтобы добраться до «Ностальгии по бесконечности», слиткам потребуется час. Увеличив разрешение до предела, Илиа смогла различить и крестовидные силуэты пусковых установок, понаблюдать за последовательностью аннигиляционных микровзрывов, разгоняющих слитки, разрушая при этом ускорители. У Клавэйна их не хватало, чтобы равномерно заполнить пространство вокруг «Ностальгии», поэтому можно было

избежать попадания, попросту двигаясь случайным образом, не возвращаясь в область пространства, где находились часом раньше и куда целились пушки-ускорители.

Поначалу все именно так и происходило. Даже капитана не пришлось просить о помощи. К нему поступала та же тактическая информация, и он пришел к тем же выводам. Триумвир ощущала легкие колебания, словно кровать стояла на плоту, дрейфующем по слегка взволнованному морю: «Ностальгия» смещалась хаотически, толчками маневровых движков, во множестве усеивавших корпус.

Но ведь защищаться можно и активно. Регистрируя импульс от сработавшей пушки, нетрудно определить направление выстрела с минимальной погрешностью. Вольева развлекалась, выжидая в неподвижности и уклоняясь в самый последний момент. Запустив тактическую симуляцию, Илиа высвечивала для капитана результаты на дисплее и была благодарна, когда он изменил приемы уклонения. Так выходило проще, экономнее — и элегантнее. Да и Клавэйн, скорее всего, заметил.

Пусть смотрит и извлекает урок. Пусть атакует изощреннее и умнее, чтобы она могла показать снова свое превосходство.

Клавэйн наблюдал, как последний ускоритель выплюнул снаряд, разрушая себя в последовательности кратких ярких вспышек.

Обстрел шел уже час, и старик не ждал от него существенных результатов. Артподготовка должна была отвлечь внимание Вольевой, не дать ей сосредоточиться на штурмовой эскадре. Хотя, конечно, попадание нанесло бы огромный ущерб «Ностальгии по бесконечности». Кинетическая энергия снаряда эквивалентна килотонне тротила — хватит, чтобы вывести субсветовик из строя, вспороть, будто консервную банку, хоть и не уничтожить целиком. Шанс на успех пока оставался — к «Ностальгии» неслись еще четыре болванки, — но триумвир уже показала, что обстрел из ускорителей для нее не опасен.

Клавэйн не сожалел о провале переговоров. Напротив, испытал облегчение — теперь можно с чистым сердцем заняться простым и честным делом, а именно войной. Наверное, и триумвир считала так же.

Фелка и Ремонтуар висели рядом с Клавэйном перед обзорным окном — эта часть корабля не вращалась, создавая искусственное тяготение. «Свет Зодиака» висел на краю боевого пространства, отклю-

чив тягу. Экзоскелеты больше не требовались, и Клавэйну досаждало неприятное и непонятное чувство уязвимости.

— Ты разочарован? — спросил Ремонтуар.

— Вовсе нет, я даже рад. Если проблема решается чересчур легко, я подозреваю ловушку.

— Несомненно, триумвир неглупа, что бы ни произошло с ее кораблем, — согласился Ремонтуар. — И ты все еще не веришь, что она пытается эвакуировать население Ресургема?

— Хотя сейчас больше причин этому верить, — добавила Фелка. — Мы же видели, как шаттлы курсируют между висящим на орбите транспортом и планетой.

— Но это все, что мы видели, — возразил старик.

— А транспорт делает рейсы между орбитой и звездолетом, — продолжала она. — Какие еще нужны доказательства?

— Это необязательно означает эвакуацию, — процедил Клавэйн сквозь зубы. — Что угодно может быть.

— Ну, так сочти, что она поступает наилучшим в данной ситуации образом, — посоветовала Фелка.

Клавэйн глянул на нее, надеясь, что злость не видна на его лице, не слышна в голосе.

— Она сама захотела драться. Мне от нее нужны только орудия.

— В дальней перспективе эти орудия ничего не изменят.

Теперь он не пытался скрыть гнев.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Я имела в виду то, что сказала. Не больше и не меньше. Все, что здесь происходит и доводит тебя до белого каления, по большому счету ничего не значит и не меняет.

— Похоже, ты не сама до этого додумалась, а позаимствовала глубокую мысль у волка.

— Ты же знаешь, часть волка я принесла в себе с корабля Скади.

— Вот именно. И это значит, Фелка, что я не должен принимать во внимание сказанное тобой.

Она нырнула через проем люка в коридор, ведущий во внутренности корабля. Клавэйн хотел позвать ее, извиниться, но не смог издать ни звука.

— Клавэйн?

Он посмотрел на друга:

— Что, Рем?

— Через минуту первая ракета достигнет цели.

Антуанетта видела, как первая волна ракет мчится мимо «Буревестника», обгоняя его на тысячу километров в секунду. Волна включала четыре ракеты. Они обогнули «Буревестник» со всех сторон, мгновением позже сошлись впереди, линии выхлопов — будто сближающиеся прямые на рисунке с перспективой.

Спустя три минуты следующая волна прошла по левому борту, за нею, уже гораздо мощнее, — третья.

— Мать честная! — пробормотала девушка. — Мы же не просто играем в войну...

— Страшно? — спросил Ксавьер, втискиваясь в кресло по соседству.

— Не то слово.

Антуанетта уже побывала в трюме, осмотрела свирепую, до зубов вооруженную орду.

— Но это хорошо, — заметила девушка, — отец всегда говорил...

— Бойся, когда нечего бояться. Ну да, его коронная фраза.

— А на самом деле... — послышался вдруг голос.

Парень с девушкой глянули на панель управления.

— Корабль, что такое? — спросила Антуанетта.

— На самом деле это моя коронная фраза. Она понравилась вашему отцу, и он ее позаимствовал. Я это принял как похвалу.

— Лайл Меррик действительно такое говорил? — удивился Ксавьер.

— Да.

— Что, серьезно? — спросила Антуанетта.

— Серьезно, юная леди.

Последний рой болванок еще летел к «Ностальгии по бесконечности», а Клавэйн начал вторую фазу атаки. И снова никаких неожиданностей. Но это естественно для войны в космосе — там негде прятаться, почти невозможно замаскироваться. Нужно планировать, рассчитывать, надеяться, что враг не заметит расставленные тобой хитроумные ловушки. Но во всех других отношениях бой в космосе — игра абсолютно открытая. Оба противника могут спокойно предположить, что знают друг о друге все. И, как в шахматной партии, результат зачастую удается предугадать после нескольких первых ходов, в особенности если силы не равны.

Вольева отследила траектории ракет, запущенных с носителей, выведенных «Светом Зодиака». Ракеты сорок минут ускорялись с сот-

ней g, затем ложились на баллистические траектории. Двигались они со скоростью почти в процент от световой. Опасно — но пока еще по зубам обороне «Ностальгии по бесконечности». Любой субсветовик безопасности ради снабжался системой уничтожения быстролетящих объектов, так что Вольевой пришлось лишь немного поработать, превращая противометеоритную защиту в полноценное оружие.

По сути, шла игра в числа. Каждая ракета или болванка занимала определенное число средств защиты. Могло возникнуть несколько угроз одновременно, и тогда Вольевой — а вернее, капитану, непосредственно занимавшемуся обороной, — придется нелегко.

Но такого не произошло. Вольева проанализировала траектории и выяснила: Клавэйн не пытается попасть. Хотя он мог прицелиться точнее. Пока ракеты не прекратили ускоряться, их траектории можно корректировать с учетом смещения «Ностальгии по бесконечности». Прямое попадание, пусть и без боеголовки, — и субсветовик разлетится на куски.

Но все запущенное имело лишь малый шанс поразить корабль триумвира. Оно летело в десятках километров, приблизительно одна из двадцати ракет взрывалась, миновав «Ностальгию». Анализ взрыва показывал, что это аннигиляция. Детонировали или остатки топлива, или боеголовки. Девятнадцать из двадцати ракет — пустышки.

При близком разрыве, конечно же, пострадает корпус. Пять выведенных артсистем — крепкие машины, за них тревожиться не стоит. Но аннигиляционная вспышка повредит средства защиты самого корабля. Можно не допустить близкого взрыва, но для этого придется израсходовать немало ресурсов. И по большей части, к сожалению, впустую: почти все летящее в сторону «Ностальгии» или не оснащено боеголовками, или минует ее.

Конечно, это еще не успех Клавэйна. И отнюдь не оригинальный трюк. Старик действует как по учебнику, он предпринял стандартную атаку насыщения, связывая защиту противника угрозами с малой вероятностью осуществления, но с высокой степенью ущерба. На это большого ума не надо — но именно так поступила бы и Вольева в сходных обстоятельствах. Следует, по меньшей мере, признать, что Клавэйн пока оправдывает ожидания.

Вольева решила дать ему еще один шанс, прежде чем покончить с развлечениями.

— Клавэйн? — спросила она на частоте, использованной для передачи ультиматума. — Клавэйн, вы меня слышите?

Спустя двадцать секунд донесся его голос:

— Триумвир, я слушаю. Надо думать, вы хотите капитулировать?

— Клавэйн, я предлагаю одуматься. Это шанс остаться в живых. Уйти, чтобы сразиться в другое время и в другом месте, с врагом, более склонным к бессмысленному кровопролитию.

Она подождала ответа. Конечно, промедление могло быть лишь уловкой, но, скорее всего, Клавэйн оставался на борту субсветовика.

— Триумвир, почему вы решили дать мне послабление?

— Вы неплохой человек, просто заблуждающийся. Думаете, что орудия вам нужны больше, чем мне, — но это ошибка. Я не в обиде за нее. Пока еще серьезный вред не причинен, кровь не пролилась. Отзовите свои войска, уходите — и я буду считать случившееся лишь мелким досадным недоразумением.

— Илиа, вы говорите с позиции силы. На вашем месте я не был бы столь самоуверенным.

— Клавэйн, у меня пушки. — Она хмурилась и улыбалась одновременно. — Как думаете, это что-нибудь значит?

— Илиа, вам не кажется, что одного ультиматума достаточно для разумного человека?

— Клавэйн, вы глупец. Печально, что вы этого не понимаете.

Он не ответил.

— Ну и как? — спросила Хоури.

— Я давала ему шанс. Хватит играть в игрушки. Капитан? — Илиа повысила голос. — Слышишь меня? Передай контроль над Семнадцатым. Сделаешь?

Ответа не последовало.

Пауза затянулась.

Вольева нервничала. Если капитан не позволит применить выведенные пять артсистем, все планы рухнут, и кто тогда окажется глупцом?

Обозначенные под иконками статусы чуть изменились. Ага, Бренниген все-таки передал управление оружием.

— Спасибо, капитан! — промурлыкала Вольева и обратилась к орудию: — Здравствуй, Семнадцатый! Рада снова поработать с тобой.

Она протянула руку к проекции, ухватила иконку. Снова та откликнулась не сразу, отражая инерцию массивной конструкции, медленно выходящей из сенсорной тени звездолета. Орудие на ходу

прицеливалось, фиксируясь на далекой, но вполне досягаемой мишени. На «Свете Зодиака». Конечно, сведения о его местонахождении запаздывают на двадцать секунд, но это не помеха. Даже если субсветовик вдруг переместится — что вряд ли, — от удара ему не уйти. Достаточно исполосовать лучом орудия область пространства, где может быть цель, и неизбежно поразишь ее. О попадании узнаешь скоро: взорвавшиеся сочленительские двигатели осветят всю систему.

И эта вспышка уж наверняка привлечет внимание ингибиторов.

Тем не менее другого выхода нет.

Однако Вольева колебалась, не находила в себе силы учинить расправу. Как-то все это неправильно: слишком поспешно, внезапно. И — тут она удивилась собственным ощущениям — непорядочно. Будто жульничает. Кажется, нужно дать ему самый последний шанс, сказать важные слова, которые он непременно поймет. Ведь он так долго стремился к цели, летел, сражался. И всерьез верил, что может отобрать орудия...

Эх, Клавэйн... И почему все так обернулось?

Но жребий брошен, и обратного пути нет.

Она легонько, как ребенок до мыльного пузыря, дотронулась до иконки.

— Прощай, — прошептала Вольева.

Подпись у иконки изменилась, сигнализируя о глубоких переменах в работе оружия. Триумвир взглянула на изображение «Света Зодиака» в реальном времени, мысленно отсчитывая двадцать секунд — за этот срок луч Семнадцатого уничтожит цель. Он пропашет глубокую борозду в корпусе, а возможно, вызовет детонацию двигателей, ослепительную чудовищную вспышку.

Десять секунд. Звездолет не шелохнулся. Значит, прицел точен, попадание раз и навсегда покончит с Клавэйном. Он даже не узнает, что́ его поразило, исчезнет в вечности, не успев разочароваться.

Еще десять секунд. Вольева ждала, предчувствуя горькую радость победы.

Время истекло. Она инстинктивно сжалась, ожидая яркую вспышку на экране, — так дитя трепещет в предчувствии самого лучшего, самого большого фейерверка.

Прошла двадцать первая секунда... двадцать пятая... тридцатая. Прошло полминуты. Минута.

Субсветовик Клавэйна висел на прежнем месте.

Невредимый.

ГЛАВА 36

Она снова услышала его голос — спокойный, вежливый, почти сочувственный.

— Илиа, я знаю, что́ вы попытались сделать. Неужели действительно считали, что я не учту возможность применения оружия против меня?

— А что... вы предприняли? — растерянно спросила она.

Двадцать секунд тянулись целую вечность.

— Практически ничего. Всего лишь приказал пушке не стрелять. Видите ли, это мое имущество, а не ваше.

— Вы лжете!

— Если хотите, могу продемонстрировать снова, — пообещал Клавэйн добродушно, с тенью насмешки — будто хотел, чтобы она потребовала доказательств, заставила повторить демонстрацию. — Пожалуйста, взгляните на орудие, ближайшее к останкам Рух. Сейчас оно прекратит стрелять по волкам.

После этого пошла совсем другая война.

В пределах часа первой волне штурмовиков предстояло приблизиться вплотную к «Ностальгии по бесконечности». Сигналы от атакующих уже приходили с десятисекундной задержкой, и Клавэйн казался себе древним генералом, сидящим на холме вдали от поля битвы и наблюдающим в подзорную трубу, не слыша грохота и криков.

— Хитрый трюк, — сказала Вольева.

— Это не трюк. Просто разумная предосторожность, и вы должны были ее учесть. Хотели наше оружие повернуть против нас же?

— Вы посылаете пушкам сигнал?

— Да, пучок нейтрино. Вы не можете ни заблокировать его, ни исказить. Даже не пытайтесь.

И тут Вольева огорошила неожиданным вопросом, напомнив, что недооценивать ее не следует.

— Это у вас хорошо получилось, — заметила она. — Наверное, раз вы можете дезактивировать оружие, можете и уничтожить?

Клавэйн понял: вопреки задержке во времени, у него есть всего пара секунд, чтобы отыскать убедительный ответ.

— А какой в этом смысл? Зачем уничтожать то, ради чего я пришел?

Ответ Вольевой был резким:

— Смысл очевидный. Взрыв такого устройства — эффектное зрелище. И очень убедительное. Я не фантазирую — видела собственными глазами. Так вы с самого начала не пригрозили взрывом оружия прямо в моем трюме и не посмотрели, как я отреагирую на угрозу?

— Не стоит подталкивать меня к таким идеям.

— Почему? Вы что, способны на это? Да уж вряд ли. Думаю, предел ваших возможностей — не дать пушке выстрелить.

Как умело она загнала в ловушку!

— Насчет предела вы ошибаетесь.

— Так докажите! Пошлите приказ самоуничтожиться пушке, находящейся вдали от меня. Почему бы не разрушить ту, которой вы уже приказали замолчать?

— По-вашему, разумно уничтожать уникальный артефакт всего лишь ради доказательства своей правоты?

— Это зависит от того, что именно вы хотите доказать.

Он понял: ложью больше ничего не добьешься. Вздохнул. Ну что ж, лучше сказать правду — и гора с плеч. Выложим карты на стол.

— Вы правы: уничтожить оружие я не могу.

— Отлично, — промурлыкала Вольева. — Искренность так важна для переговоров. Скажите-ка, а вообще можно уничтожить пушку дистанционно?

— Да. У каждой артсистемы свой код.

— И что?

— Нам эти коды пока неизвестны. Но мы ищем, используя комбинаторику.

— То есть можете и отыскать.

Клавэйн поскреб в бороде:

— В теории — да. Но я бы не рассчитывал на это в ближайший час. Или даже день.

— Но вы продолжите искать в любом случае.

— Конечно. Такие вещи полезно знать. Разве вам не хотелось бы получить коды?

— Мне они не нужны. К каждой пушке присоединено внешнее устройство самоуничтожения моей собственной конструкции, совершенно независимое от того, что установили ваши коллеги.

— Илиа, вы кажетесь на удивление здравомыслящей женщиной.

— Просто я отношусь к своей работе очень серьезно. Но ведь и вы тоже.

— Да.

— И что мы теперь будем делать? Знаете, я все еще не хочу отдавать пушки. У меня есть и другие средства защиты.

Разговаривая, Клавэйн рассматривал при максимальном увеличении окружающее «Ностальгию» пространство и видел россыпь вспышек вокруг нее. Уже появились жертвы. Штатные артсистемы субсветовика убили пятнадцать свиней еще до того, как они подобрались на тридцать километров. Но прочие штурмовые команды преодолели тридцатикилометровый рубеж, одна даже, по всей видимости, достигла корпуса.

Бескровной эту кампанию уже не назвать.

— О ваших средствах я знаю, — сказал Клавэйн угрюмо, завершая разговор.

Старик оставил Ремонтуара командовать на «Свете Зодиака», сам же взял один из последних остававшихся в трюме шаттлов. Бывшая гражданская яхта принадлежала Эйчу. Клавэйн узнал яркие люминесцентные росписи баньши, ожившие, когда проснулись системы яхты. Изящное суденышко, похожее на осу, несло только легкую броню и вооружение, но имело на борту аппарат подавления инерции. Поэтому Клавэйн и держал яхту в запасе до последней возможности. Подсознательно он не сомневался, что рано или поздно сам вступит в бой — а яхта доставит его к вражескому кораблю всего за час.

Старик надел скафандр, пошел по коридорам к трюму, уже ступил в шлюз — и вдруг услышал: кто-то спешит следом.

— Клавэйн?

Он обернулся, держа шлем под мышкой.

— Фелка?

— Ты не сказал, что уходишь.

— Мне духу не хватило.

— Ну да, я бы попыталась тебя отговорить. Но я понимаю: ты должен быть с бойцами.

Он молча кивнул.

— Клавэйн...

— Фелка, прости за...

— Это не важно, — сказала она, подступая к нему. — В смысле, об этом можно поговорить позже. По пути.

— По пути куда? — спросил он растерянно.

— Я лечу с тобой.

Только сейчас он понял, что Фелка тащит за собой скафандр. Шлем болтался на руке, будто перезрелый плод на ветке.

— Зачем?

— Все просто: если ты умрешь, я хочу умереть вместе с тобой.

Они отчалили. Клавэйн глядел на удаляющийся «Свет Зодиака» и думал, сможет ли вернуться на него.

— Будет не слишком приятно, — предупредил он Фелку, увеличивая тягу до предела.

Аппарат подавил четыре пятых инерции шаттла, но зона подавления не накрывала пилотскую рубку. Клавэйн с Фелкой ощутили всю тяжесть восьми *g* — будто на груди лежит штанга, до предела нагруженная дисками.

— Я выдержу! — пообещала женщина.

— Смотри, еще не поздно вернуться.

— Я лечу с тобой. Нам о многом нужно поговорить.

Клавэйн вызвал изображение поля боя — хотел узнать, что случилось, пока он облачался в скафандр и возился с яхтой. Штурмовые суда метались вокруг «Ностальгии по бесконечности» стаей разъяренных шершней, с каждым оборотом вокруг нее подбираясь все ближе. Уже погибло двадцать три солдата армии Скорпиона, большинство — гиперсвиньи. Но фронту атаки оставалась всего лишь пара километров до корпуса. На таком расстоянии штатная артиллерия субсветовика была неэффективна. Жирный значок, отмечающий положение «Буревестника», уже приближался к внешнему краю атакующего роя. Триумвир вернула «адские» пушки в трюм звездолета — все, кроме одной. На дисплее, показывавшем события в системе, было видно, что гравитационное орудие волков по-прежнему раздирает невидимым клыком тело звезды.

Клавэйн уменьшил размеры экранов, чтобы все картинки попадали в поле зрения одновременно, и предупредил Фелку:

— Боюсь, разговаривать будет непросто.

— А зачем нам разговаривать вслух? — раздалось у него в голове.

Он посмотрел на женщину, слегка испуганный тем, что она вдруг захотела общаться на сочленительский манер, посылая слова, образы и эмоции в его разум.

— Фелка...

— Клавэйн, все в порядке. Я редко так делаю, но это не значит, что я не способна к мысленному общению.

— Я и не считал тебя неспособной, но только... Да, конечно, расстояние между нами мало, можно общаться по-сочленительски, хотя на яхте и нет необходимого оборудования. Имплантаты генерируют достаточно сильные поля, чтобы на расстоянии в несколько метров принимать сигналы без дополнительного усиления.

— Ты прав. Я просто не хотела. Но ты ведь не кто-нибудь.

— Если не хочешь, не нужно...

— Клавэйн, ты можешь заглядывать куда угодно. У меня нет психологических барьеров, мнемонических блокад, тайных разделов. По крайней мере, нет для тебя. Но слишком глубоко не смотри. Не то чтобы там было личное и постыдное, но просто... В общем, не надо.

— Думаешь, я могу не вынести увиденного?

— Иногда я сама едва выношу, а ведь прожила с этим всю жизнь.

— Понимаю.

Он ясно видел внешние слои ее личности, ощущал ход ее мыслей — спокойный, неторопливый. Все на поверхности. Ничего недоступного для просмотра, ни одного чувственного впечатления или воспоминания, которое он не мог бы воспринять, словно собственное. Но под гладкой поверхностью, словно под матовым стеклом, угадывалась воющая, неистовствующая буря. Мысли, эмоции скакали и бесновались, словно детали мощной машины, пошедшей вразнос, разрывающей себя — но не находящей успокоения в самоубийстве.

Клавэйн отпрянул, ужаснувшись, — ведь его могло затянуть в эту кошмарную бездну.

— Ты понял, о чем я?

— Я всегда знал, что ты живешь с чем-то подобным. Но...

— Ты в этом не виноват. Никто не виноват, даже Галиана.

И тогда Клавэйн осознал — глубже, чем за всю жизнь, прожитую рядом с Фелкой, — чего она жаждала и к чему стремилась. Невероятно сложными играми она отвлекала неистовую бурю, ослабляла,

умаляла ее ярость. В детстве у Фелки была Стена, принимавшая на себя всю силу урагана, но Стену отняли. Возможно, она развивалась бы с развитием Фелки. Или показалась бы со временем слишком мелким и простым занятием. Уже не важно. Фелка пыталась найти ей замену в головоломках, лабиринтах, загадках, способных занять беснующийся ум и даровать хоть толику душевного покоя.

— Теперь я понимаю, почему ты веришь в способность жонглеров образами помочь тебе.

— Даже если они не смогут изменить меня — а я не уверена, что хочу меняться, — они наверняка дадут мне проблему, средство занять мысли. В их морях отпечаталось так много разумов — чуждых нам, неизученных. Там скопилось огромное количество информации. Может, я сумею понять то, что не поняли другие пловцы. Возможно, принесу пользу, и даже немалую.

— Я всегда говорил: сделаю для тебя все, что от меня зависит. Но это будет непросто. Ты же понимаешь, о чем я?

— Конечно.

— Фелка...

Похоже, она достаточно увидела в его разуме, чтобы предугадать следующий вопрос.

— Я солгала. Сказала неправду, чтобы спасти тебя, заставить вернуться.

Он уже знал об этом благодаря «любезности» Скади. Но до сих пор не расстался окончательно с мыслью о том, что Скади тоже могла обмануть. Что, если Фелка и в самом деле его дочь?

— В таком случае это ложь во благо. Я в свое время взял на душу немало подобных грехов.

— Ложь есть ложь. Но я не хотела, чтобы Скади убила тебя. Мне казалось, лучше не говорить правды.

— Ты, наверное, уже давно догадывалась о моих мыслях. Меня ведь всегда интересовало, не моя ли ты дочь.

— Интерес понятен. После того как ты спас меня, между нами возникла особая привязанность. А ты сидел в плену у Галианы еще до моего рождения. Ей нетрудно было взять нужный генетический материал... — Мысли Фелки потеряли ясность. — Клавэйн, ты не против, если я спрошу кое-что?

— Между нами секретов нет.

— Когда ты сидел в тюрьме у Галианы, ты занимался с нею любовью?

Он ответил с холодной ясностью, удивившей и его самого:

— Не знаю, но полагаю — да. Я помню. Но что воспоминания значат спустя четыреста лет? Может, мне только кажется, что помню? Надеюсь, это не так... После того как я стал сочленителем...

— Что было?

— Мы занимались любовью. Вначале часто и подолгу. Думаю, остальным сочленителям это не нравилось, казалось животным актом, потаканием рудиментарным инстинктам обычного человечества. Галиана, конечно, не соглашалась. Она всегда жила чувствами, наслаждалась каждым мигом бытия. Ее враги так и не поняли, что она искренне любила человечество, любила гораздо сильнее, чем они. Поэтому и создала сочленителей — не как модификацию человечества, но как подарок, обещание возможного будущего, где люди полностью раскроют, реализуют себя. А люди отвергли дар, изобразили ее монстром, сделавшим из них насекомых. Ими двигала глупость и злоба. Галиана отнюдь не считала любовь древним механизмом, результатом выделения особых химикатов в мозгу, рудиментом, подлежащим уничтожению. Она видела в любви то, что следует довести до совершенства, — подобно тому как зерно нуждается в заботливом уходе, чтобы превратиться во взрослое растение. Люди так и не поняли этого. Чтобы понять, следовало превратиться в сочленителя, иначе дела и мысли Галианы оставались непроницаемой тайной.

Клавэйн замолчал, рассматривая диспозицию своих сил вокруг «Ностальгии по бесконечности». За последнюю минуту — еще две жертвы. Но атакующая волна надвигалась неуклонно.

— Да, в мои первые дни жизни среди сочленителей мы охотно занимались любовью. Но со временем перестали нуждаться в телесной близости — разве что иногда отдавали дань ностальгии. Секс казался детской забавой. Нет, он не воспринимался как нечто недостойное, примитивное или глупое — он просто сделался неинтересным. Мы по-прежнему любили друг друга и получали удовольствие от взаимного общения. Но появилось много иных видов интимной близости. Когда можно коснуться чужого разума, войти в чужие мечты, увидеть окружающее чужими глазами, ощутить чужой кожей... отпадает всякая нужда в физическом соприкосновении тел. А я никогда не страдал ностальгией. Мы словно шагнули во взрослый мир, наполненный новыми радостями и увлечениями. И не захотели оглядываться в прошлое.

Она промолчала.

Клавэйн окинул взглядом дисплеи, считал тактические данные. Стало не по себе: не слишком ли много он наболтал? Но когда заговорила Фелка, успокоился: она все поняла правильно.

— Кажется, пора рассказать тебе о волках.

ГЛАВА 37

Наконец Вольева решилась — и оборвала паутину трубок и проводов, опутавшую тело, вытянула зонды и шунты, радуясь своей дерзости. Оставила только очки, заменявшие глаза, стараясь при этом не думать о мерзких машинах, плавающих в мозгу. Кроме них, ничто не портило настроения. Илиа ощущала себя здоровой и сильной, но знала: это иллюзия, причем очень дорогостоящая. Скорее всего, такой мощный выброс энергии будет стоить ей жизни. Но она не боялась, она испытывала лишь спокойное удовлетворение оттого, что недаром потратит оставшееся время. Конечно, можно руководить делами издали, лежа в кровати, словно престарелый понтифик, но это не по нутру Илиа Вольевой. Триумвир должна оправдать свое звание.

— Илиа? — проговорила растерянно наблюдавшая Хоури.

— Ана, помоги мне. И не пытайся отговорить, поняла?

Голос Вольевой по-прежнему казался хриплым карканьем, но сейчас в нем слышалась толика прежней силы.

— Поняла... кажется...

Илиа щелкнула пальцами, призывая ближайшего робота. Тот засеменил к хозяйке, пробираясь между стойками с пищащей и скрипящей медицинской аппаратурой.

— Капитан, пожалуйста, прикажи роботу помочь мне, проводить к доку. Надеюсь, там меня будут ждать шаттл и скафандр.

Хоури подхватила ее, не дала упасть на кровать.

— Илиа, ты что задумала?

— Хочу выйти наружу и серьезно переговорить с Семнадцатым.

— Но не в таком же состоянии!

Илиа прервала ее резким взмахом хрупкой руки:

— Хоури, здоровье у меня ни к черту, но если я получу невесомость, скафандр и оружие, то кое-что смогу. Поняла?

— Вижу, ты никак не хочешь смириться.

Робот помог Вольевой встать.

— Смириться? — Илиа усмехнулась. — Я и слово это только что узнала.

Хоури вздохнула и подставила триумвиру плечо.

На краю боевого пространства, хотя уже в пределах досягаемости оружия «Ностальгии», Антуанетта закончила серию маневров, предназначенных затруднить прицеливание, и снизила тягу до одной *g*. В иллюминаторах «Буревестника» уже различался продолговатый корпус субсветовика Вольевой — искорка, мигающая в двух тысячах километров. Конечно, сам по себе он не светился, но два-три раза в минуту сильная вспышка освещала на мгновение «Ностальгию». Это взрывалась ракета, торпеда, судно штурмовой группы или боевой робот. Так молнии в грозовую ночь выхватывают из темноты маяк на отвесной скале, выступающей из морских глубин.

Несмотря на кратковременность вспышек, местонахождение огромного корабля определялось сразу и точно: вокруг метался рой огней, таких ярких, что оставался след на сетчатке. Их траектории — спирали, арки — медленно угасали на фоне космической темноты. Так остаются перед глазами огненные черты от бенгальских огней, с которыми в праздник мчатся детишки на доисторической карусели. Были в атакующем рое вспышки и помельче, — это взрывался меньший калибр. Изредка выстреливал зеленый или красный лазерный луч наводки, рассеиваясь в выпускаемом подбитыми судами воздухе или в струе выхлопа.

Проклиная себя за неспособность сосредоточиться только на необходимом, Антуанетта отметила: как раз на этот счет и врут в космических операх и голографических фильмах. Там луч лазера в пространстве всегда остается невидимым, и эта таинственность, незаметность угрозы усиливает зрительское напряжение. Настоящий ближний бой в космосе намного грязнее и уродливее киношного. Повсюду облака газа, тучи обломков. Всегда хватает хлама, чтобы рассеять пучок излучения.

Атакующий рой, длиною в несколько десятков километров, был плотнее всего в середине, истончаясь к краям. Хотя «Буревестник» еще находился далеко, Антуанетта хорошо понимала, какая это соблазнительная мишень. Обороне триумвира хватало ближних целей,

но рассчитывать на долгую невнимательность вражеских орудий вряд ли стоило.

По внутренней связи донесся голос Ксавьера:

— Антуанетта, Скорпион с ребятами готов отчалить. Говорит, открывай шлюз, когда захочешь.

— Мы еще далеко, — ответила девушка.

Тут заговорил Скорпион. Антуанетта давно научилась отличать его по голосу от других свиней.

— Эй, Антуанетта, нам уже хватит топлива на дорогу. Ближе нас подвозить не надо, не рискуй своей птичкой зря.

— Но чем ближе я подвезу, тем больше у вас останется топлива. Разве нет?

— Тут не поспоришь. Тогда еще полтысячи километров, и все. Дальше мы уже точно сами.

Она увеличила изображение боевого пространства. Информацию теперь передавало множество камер, носящихся близ «Ностальгии по бесконечности». Обрабатывались разные потоки, чтобы убрать погрешности относительного движения, и сливались в единое целое, и хотя изображение временами мерцало и подвисало при обновлении данных, выглядело оно так, будто Антуанетта парила в километре-двух от вражеского субсветовика. Девушка подумала, что тишину боя голографические проекторы передают верно, — и как же она страшна! Это противоестественно — видеть смерть и разрушения среди кромешной тишины. Воображение так и норовит заполнить пустоту воплями и разрывами.

Впечатлению сильно способствовала выглядывающая из тьмы «Ностальгия по бесконечности». Случайные краткие вспышки не показывали ее полностью, не позволяли охватить взглядом — но увиденного хватало, чтобы не на шутку испугаться. Корабль казался сущим чудовищем.

И вдруг в этой темной глыбе, среди диковинных наростов возник прямоугольник золотого света. Лишь на мгновение возник, но этого хватило, чтобы наружу проскользнул маленький шаттл. Его выхлоп озарил узловатый башнеподобный протуберанец на корпусе, и, когда шаттл разворачивался, стабилизируясь импульсами, яркими вспышками маневровых движков, черная тень башни ползла по чешуйчатой шкуре субсветовика.

— Фелка, и что же ты хочешь рассказать про волков?

— Все, что узнала. Вернее, все, что волк позволил мне узнать.

— И это может быть далеко не всей правдой. Даже и не правдой вовсе.

— Даже если и так, я считаю, что должна рассказать тебе.

Волки не вели войну против разума как такового. Уничтожение рас было лишь частью их обширной — и уже практически непосильной — задачи управления Галактикой. Совершая массовые убийства, они тем не менее не намеревались искоренить всю разумную жизнь. Их деятельность можно сравнить с уходом лесничего за лесом, с подрезанием ростков, а не сожжением или сплошной корчевкой. Скорее, волки тушили пожар — но не полностью. Оставляли тут и там тлеющие огоньки.

Если вдуматься, именно существование волков, машин-убийц, давало ответ на давнюю загадку одиночества людей во Вселенной, отсутствия в Галактике других разумных рас.

Конечно, могло выясниться, что человечество — всего лишь крайне маловероятная флуктуация в безжизненном космосе. Возможно, зарождение жизни и развитие ее до уровня технологий и межзвездных перелетов — событие невероятно редкое, и проходят миллиарды лет, прежде чем оно повторяется.

Так считали люди в начале эры межзвездных путешествий. Но затем путешественники обнаружили руины других разумных цивилизаций у ближайших звезд. Увы, технологически развитые цивилизации оказались не редким исключением, а нормой. Но отчего-то все они погибли.

Найденное говорило о том, что вымирание произошло за короткий период — куда короче эволюционного цикла этих разумных рас. То есть за считаные столетия. Гибель неизменно постигала народ, который пытался распространиться на другие звездные системы.

Иными словами, как раз на той стадии, до которой сейчас добралось человечество — разделенное на фракции, недружное, но все же представляющее единую цивилизацию.

Поэтому появление волков — или, как звали их некоторые жертвы, ингибиторов — не вызвало слишком большого удивления. Останки цивилизаций однозначно указывали на существование космических убийц, стай безжалостных механических разрушителей,

рыщущих в межзвездной пустоте, долгие эпохи терпеливо дожидающихся, когда очередная раса разовьется достаточно, чтобы выдать себя.

На первый взгляд подобная охота за разумом казалась бессмысленной. Чем вылавливать и истреблять его носителей, не лучше ли уничтожить в зародыше самое возможность его возникновения? Разум создается жизнью, а та, за исключением редких случаев, зарождается при сходных условиях из сходного набора химических веществ. Так что если разум — враг, почему бы не покончить с ним на самой ранней стадии развития?

У того, чей срок существования исчисляется миллиардами лет, есть тысячи способов добиться желаемого. Например, можно вмешиваться в процесс формирования планет, осторожно возмущать облака пыли, образующиеся вокруг молодых звезд, — и все новые планеты будут возникать на орбитах, исключающих существование жидкой воды, а на других орбитах небесные тела получатся слишком легкими или тяжелыми. Планету нетрудно швырнуть в межзвездный холод или в кипящий огонь породивших ее звезд. Планету можно отравить, слегка изменив соотношение химических веществ в литосфере, гидросфере и атмосфере, и тогда определенные типы углеродных соединений не смогут образоваться. Можно сделать и так, что на поверхности никогда не установится сбалансированное равновесие, позволяющее зародиться и развиться сложной многоклеточной жизни. Можно без конца бомбардировать миры кометами, раскалывая кору, создавая перманентную «ядерную зиму».

Можно чуть испортить светило, вывести из стабильности, чтобы оно периодически окатывало планету выбросами раскаленной звездной материи — или погружало в ужасные ледниковые периоды.

Но даже если не успеть со стерилизацией планеты, пропустить момент, когда жизнь критически усложнилась, придя к разуму и даже к технологическому обществу, есть способы пресечь развитие.

Конечно, они всегда есть.

Единственная целеустремленная разумная раса способна уничтожить всю прочую жизнь в Галактике, манипулируя сверхплотными останками звезд. Можно сближать нейтронные звезды, чтобы они взаимно уничтожили друг друга всеразрушающими штормами гамма-радиации. Рожденные в бинарных системах нейтронных звезд, они послужат сверхмощным лучевым оружием, исполинскими огнеметами, бьющими на тысячи световых лет.

А если слишком сложно или непрактично использовать что-либо из вышеперечисленного, можно уничтожить жизнь простой грубой силой. Единственная технологически развитая раса способна за миллион лет очистить всю Галактику, вытравив подчистую органическую жизнь.

Но волки не ставили перед собой задачи.

— Но почему все-таки уничтожают? — спросил Клавэйн.

— В далеком будущем Галактике угрожает страшное бедствие, — объяснила Фелка. — И по меркам волков оно не такое уж далекое: всего тринадцать оборотов галактической спирали. До тех пор пока ледники не сковали и не вспахали старую Землю, можно было, просто гуляя по пляжу, подобрать кусок осадочной породы возрастом три миллиарда лет. Тринадцать поворотов галактического колеса — пустяк по времени волков. Для них это буквально завтра.

— Что за бедствие? — спросил Клавэйн.

— Столкновение галактик, — ответила Фелка.

ГЛАВА 38

Приблизившись еще на пятьсот километров к эпицентру боя, Антуанетта покинула рубку, доверив кораблю самому о себе позаботиться в те три-четыре минуты, пока хозяйка попрощается со Скорпионом и его командой. К тому моменту, когда она добралась до большого трюма, где ожидали свиньи, ворота уже открылись и первый из трех шаттлов покинул «Буревестник». Антуанетта увидела, как синяя искра его выхлопа понеслась к сверкающему рою — средоточию битвы. За ним вылетели из трюма два космоцикла, а после приземистая катапульта, предназначенная для передвижения громоздких грузовых платформ, вышвырнула второй шаттл.

Скорпион между тем пристегивался к космоциклу рядом с третьим шаттлом. Поскольку космоциклам, прилетевшим на борту «Буревестника», предстояло преодолеть куда меньшее расстояние, чем стартовавшим со «Света Зодиака», они несли намного больше оружия и брони.

Поверхность скафандра Скорпиона резала глаз мешаниной ярчайших люминесцентных красок и зеркальных поверхностей. Рама

его космоцикла терялась под слоями брони и множеством торчащих стволов и направляющих. Ксавьер хлопотал рядом, проверял напоследок системы. Наконец отсоединил компад от порта под сиденьем. Показал большой палец, похлопал Скорпиона по броне.

— Кажется, ты готов, — сказала Антуанетта по общему каналу связи.

— Не стоило так рисковать кораблем, — заметил свинья. — Но раз ты все-таки рискнула, я позаботился о том, чтобы сэкономленное топливо не пропало зря.

— Я не ради острых ощущений... — Она запнулась. — У тебя же столько солдат погибло.

— Это не мои солдаты. Наши.

Он включил систему, и на панели управления космоциклом засветились экраны, индикаторы, прицельные сетки. За его спиной катапульты вышвырнули в космос второй шаттл. От включившегося движка по броне Скорпиона побежали синие сполохи.

— Ты послушай и заруби на носу, — посоветовал он веско. — Если бы ты знала, сколько живет обычная свинья в Мульче, тебе бы сегодняшнее побоище трагедией не казалось. Мои парни давно отправились бы на тот свет, если бы не пустились в наш маленький крестовый поход. Так что это они должны быть Клавэйну благодарны, а не наоборот.

— Но это ведь не значит, что они должны умереть именно сегодня.

— Большинство и не умрет. Клавэйн с самого начала допускал, что мы понесем потери, и мои свиньи это знали. Каждый отвоеванный квартал Города Бездны стоил нам крови. Но большинство солдат выживали и побеждали. Вот и сейчас мы уже побеждаем. Как только Клавэйну удалось застопорить оружие, война с Вольевой закончилась. — Скорпион короткопалой кургузой перчаткой опустил визор шлема. — Мы уже не воюем — просто зачищаем.

— Но все же могу я пожелать тебе удачи?

— Пожелать ты можешь все что угодно. Разницы никакой. Если бы мне потребовалась удача, это означало бы, что я паршиво подготовился.

— Удачи тебе. И всем бойцам.

Катапульта потащила третий шаттл к воротам. Антуанетта посмотрела, как он и последние космоциклы уходят в бой, затем приказала кораблю закрыть все люки и развернуться.

Вольева добралась до Семнадцатого. Хотя вокруг субсветовика кипел бой, Клавэйн, очевидно, лез вон из кожи, чтобы желанный приз достался ему нетронутым. Перед выходом в космос она изучила траектории атаки его шаттлов, корветов и космоциклов, и вероятность попадания в ее суденышко по пути к пушке составляет пятнадцать процентов. В обычных условиях такой риск показался бы неоправданным, но теперь Илиа радовалась своим шансам. И эта радость ее пугала.

Из пяти выведенных наружу монстров Вольева оставила снаружи лишь Семнадцатого, прочие вернулись в трюм «Ностальгии». Подлетев, она остановила шаттл вплотную к пушке, чтобы нельзя было стрелять по судну без риска повредить оружие. Затем триумвир разгерметизировала кабину шаттла, не желая тратить время на прохождение через шлюз. Скафандр с экзоскелетом делал движения легкими, создавал иллюзию силы, выносливости. Но, возможно, иллюзию создавал не только скафандр.

Триумвир вытолкнула себя из люка, на мгновение застыла между шаттлом и внушительным боком Семнадцатого. Она себя ощущала нагой и беззащитной, но зрелище битвы завораживало, не давало отвести взгляд. Повсюду мчащиеся суда, пляшущие огни выхлопов, яркие, отороченные синевой вспышки ядерных взрывов и аннигиляции. В наушниках постоянный треск помех. Датчик радиации скафандра захлебывался писком. Илиа отключила и датчик, и радио — без них спокойнее.

Вольева остановила шаттл прямо перед люком в боку Семнадцатого. Пальцы слушались плохо, поэтому она набирала код на браслете медленно и осторожно. Памятуя о сигнале Клавэйна, застопорившем орудие, она бы не удивилась отказу пушки реагировать на ее команды.

Но крышка люка отодвинулась, открыв нутро, залитое неприятным зеленым светом.

— Спасибо, — сказала Вольева, сама не зная кому.

И поплыла головой вперед в зеленый колодец. Все сигналы и краски боя исчезли, будто дурной сон. Над головой лишь бронированный люк в днище шаттла, вокруг — смутно различимая аппаратура, окутанная призрачно-зеленым сиянием.

Илиа приступила к заранее проверенным процедурам входа в систему, поминутно ожидая отказа, но не боясь — терять уже нечего. Генераторы страха, как и раньше, работали на полную мощность,

но триумвира это лишь ободряло. Раз защита пушки работает, значит Клавэйн лишь оглушил ее, а не испортил. Правда, сомнения еще оставались. Ведь Клавэйн мог и сам не вполне понимать, что делает с драгоценным инструментом разрушения.

А затем случилось то же, что и в первый раз: люк мгновенно задвинулся, внутренность пушки зашевелилась, и почувствовалось приближение неописуемо чудовищного зла. Илиа стиснула зубы. Конечно, на нервы давит всего лишь машинный интеллект, пусть и донельзя изощренный, — но от этого понимания не становится легче. Ужас затопил Вольеву с головой.

И вот, как и прежде, за спиной черная кошмарная тень, монстр, всегда ускользающий от прямого взгляда, шевелящийся на самом краю поля зрения. И снова страх парализует тело, и он десятикратно хуже всего, что она испытывала раньше.

— Что, Илиа, нет мира нечестивым?[1]

Она вспомнила, что оружие умеет читать мысли.

— Семнадцатый, я просто зашла узнать, как у тебя дела. Ты ведь не против?

— Так что, всего лишь визит вежливости?

— Не совсем.

— Я так и думал. Ты же приходишь, только когда тебе что-нибудь нужно.

— Что-то ты нынче не слишком любезен.

— Намекаешь на ступор и животный страх? Тебе это не нравится?

— Вряд ли подобные ощущения способны кому-то понравиться.

— Возможно. — В голосе пушки послышалась нотка обиды.

— Давай кое-что обсудим, если ты не против.

— Пожалуйста, я никуда не тороплюсь. Да и ты тоже.

— Конечно, я не спешу. Ты уже знаешь о нашем затруднении? О внешнем сигнале, не позволяющем тебе стрелять?

Обида — если это и в самом деле была обида — сменилась очевидным раздражением.

— Как я могу об этом не знать?

— Я просто проверяла на всякий случай. Так вот, насчет этого сигнала...

— Что насчет сигнала?

— Ты не мог бы его проигнорировать?

---

[1] Исаия, 57:21.

— Проигнорировать такой сигнал?

— Ну да. Ведь ты обладаешь свободой воли, и немалой. Вот мне и подумалось, что свобода воли — это такая штука... Короче, не всякий приказ необходимо исполнять. Само собой, я допускаю, что тебе подобные вещи запрещены, но разве нельзя хотя бы пофантазировать?

— Запрещены?

— Ну да. Ведь у тебя, как и у любого из нас, есть ограничения. Клавэйн говорит, его сигнал воздействует на самом глубоком уровне. Наверное, ты и сделать ничего не способен...

— Да что этот Клавэйн может обо мне знать?!

— Думаю, гораздо больше, чем мы оба.

— Илиа, не говори чепухи.

— Да я просто рассуждаю.

Пушка надолго умолкла. Илиа поначалу обрадовалась: неужто получилось? Даже ужас слегка ослаб, от него всего лишь хотелось биться в истерике.

Но затем в мозг чугунно впечатался ответ:

— Илиа, мне понятно, что ты задумала.

— И?

— Ничего не выйдет. Ты в самом деле считаешь, что мною легко манипулировать? Что я настолько внушаем? Так несерьезен и инфантилен?

— Не знаю. Я всего лишь на мгновение посчитала тебя чуточку похожим на меня. Вот и все.

— Ты ведь умираешь?

— Откуда такие сведения? — выдавила шокированная Вольева.

— Илиа, я могу узнать о тебе гораздо больше, чем ты обо мне.

— Да, я умираю. Но какая разница? Семнадцатый, ты всего лишь машина. Ты никогда не поймешь, что это значит — жить и умирать.

— Я не помогу тебе.

— Не поможешь?

— Ты права, я не способен на такое. Сигнал инициировал код на системном корневом уровне. Ничего не поделаешь.

— А столько было разговоров о свободе воли...

Паралич исчез мгновенно и неожиданно. Страх остался, но был он куда слабее прежнего. Орудие снова перестроило себя, люк открылся, и показалось бронированное днище шаттла.

— Это просто разговоры. Ничего больше.

— Тогда я ухожу. Прощай, Семнадцатый. Вряд ли увидимся.

Вольева подплыла к судну, сквозь раскрытый шлюзовый люк протиснулась в разгерметизированную кабину — и вдруг заметила снаружи движение. Медленно и величественно, словно стрелка огромного компаса, ищущая север, Семнадцатый разворачивался, целился, выбрасывал пламя из маневровых двигателей. Вольева поглядела вдоль оси оружия, отыскивая точку прицеливания. Но не увидела цели — вокруг царил хаос. И не было времени включать панель управления и выяснять, куда метит машина.

Семнадцатый вдруг замер — точно железная стрелка исполинских часов встала напротив очередной цифры.

Из пушечного жерла ударил ослепительный свет и перечеркнул мглу...

— Это случится через три миллиарда лет, — объяснила Фелка. — Наша Галактика столкнется с соседней, со спиральной галактикой Андромеды. Пока еще галактики разделены двумя миллионами световых лет, но плывут точно друг на друга, не отклоняясь от курса. Столкновение неизбежно.

Клавэйн спросил, что случится при столкновении галактик. Фелка ответила про два возможных сценария. В первом волки — а точнее, машины, являющиеся их отдаленными потомками, — во время катастрофы обеспечат спасение разумной жизни и дадут ей развиваться без ограничений после кризиса. А предотвратить столкновение галактик невозможно. Даже сверхмогущественная культура самоорганизующихся машин, хозяйничающая во всей Галактике, не имеет сил и ресурсов, чтобы полностью предотвратить столкновение. Но от худших его эффектов она способна защитить.

Работа будет проводиться на многих уровнях. Волкам известны способы перемещения целых звездных систем, так что их можно спасти, передвинув на нужное место. Такие способы в новейшей галактической истории масштабно не применялись, но большинство их проверялось на практике в локальных космических бедствиях или в операциях по разделению враждующих рас. К звезде можно присоединить нехитрую аппаратуру, чья работа потребует всего одной-двух планет из системы. Атмосферу звезды стиснут магнитные поля, заставляя вещество стекать с поверхности звезды в требуемом направлении, — этакий колоссальный реактивный выхлоп. Делать это необходимо с большой осторожностью, чтобы звезда продолжала

стабильно светить и орбиты планет оставались прежними. Перемещение системы занимает очень много времени, но, как правило, его хватает — о необходимости сдвинуть систему обычно узнают за десятки миллионов лет до катастрофы.

Существовали и другие способы. Например, звезду можно частично окружить зеркальной оболочкой, так что импульс светилу будет сообщать его же излучение. Возможно крупномасштабное манипулирование инерцией. Потенциально такой метод давал наилучшие результаты, но ошибки и сбои приводили к чудовищным катастрофам. Целые системы внезапно вышвыривались из Галактики на скоростях, близких к световым, безо всякой надежды на возвращение.

Волки на своем опыте узнали: медленные старые методы зачастую бывают намного лучше новых, якобы сулящих чудеса.

Но спасательные работы, конечно, не ограничивались перемещением звезд. Даже если бы галактики всего лишь соприкоснулись краями, а не столкнулись лоб в лоб, их пылевые облака вошли бы друг в друга — с катастрофическими последствиями. По галактикам прокатились бы ударные волны, провоцируя преждевременное рождение молодых звезд. В кратчайшее по космическим меркам время возникли бы и состарились сверхмассивные звезды, вызвав взрывы чудовищных сверхновых. Само собой, в случае лобового столкновения эпидемия сверхновых окажется гораздо гибельней, но и периферическое касание доставит немало бед. Следует предотвратить его или хотя бы минимизировать катастрофу. Миллиард лет черные машины будут тяжко трудиться, препятствуя не только распространению разума, но и рождению новых звезд. Те, за рождением которых не уследили, отправятся в другие места, чтобы их взрывы не повредили развивающимся разумным культурам.

Великий труд завершится не скоро.

Но это лишь один из вариантов будущего. Существует и другой, в котором разумная жизнь ускользнет от ингибиторов — они ослабнут и не смогут контролировать Галактику.

В этом будущем Галактика за несколько миллионов лет станет оазисом разума, стихийно возникающего повсюду, бурлящего, неуемного, способного на удивительные свершения. Настанет время чудес и силы.

Но это будущее обречено.

Органическая жизнь не сможет организоваться настолько, чтобы пережить столкновение Галактик. Разумные расы не объединятся ради великого труда. В тесноте, в жесткой конкуренции, в яростной борьбе за ресурсы культуры Галактики не возьмутся сообща за решение колоссальной задачи. Конечно, всякая разумная раса неизбежно увидит надвигающуюся беду, но захочет действовать по-своему, придумывая собственное решение. Начнутся раздоры даже пострашнее тех, что сотрясали Галактику в Войне Рассвета.

Слишком много рук ляжет на штурвал общего корабля.

Галактики столкнутся, и последствия катастрофы — природные катаклизмы, войны — окажутся гибельными для всех. Разумная жизнь на Млечном Пути не угаснет сразу, отдельные ее искорки будут тлеть пару миллиардов лет, но из-за отчаянных мер, принятых ради своего спасения, выжившие будут мало отличаться от машин.

Вольева едва успела понять, что пушка выстрелила. Луч погас, Семнадцатый застыл. Похоже, ему удалось вырваться из-под контроля всего на полсекунды. А может, даже на меньший срок.

Она включила радио и сразу услышала голос Хоури:

— Илиа? Илиа? Слышишь меня? Отвечай!

— Я слышу. В чем дело?

— Получилось! У тебя получилось! Семнадцатый попал в «Свет Зодиака»!

Она закрыла глаза, наслаждаясь моментом, но и удивляясь, почему победа радует так слабо. А точнее, вообще не кажется победой.

— Прямое попадание?

— Да!

— Не может быть. Если бы взорвались сочленительские двигатели, я бы увидела вспышку.

— Попадание есть, но не фатальное.

Вольевой удалось вывести изображение «Света Зодиака» на панель управления шаттла, а оттуда транслировать на визор скафандра. Она жадно рассматривала повреждения чужого звездолета. Пучок прошел сквозь него, как разогретый нож сквозь масло, отсек переднюю треть. Иглоподобный нос, блестя на разрезе армированным льдом покрытия, медленно отваливался от большей части корпуса, будто в жуткой замедленной съемке рушился шпиль. Разрез еще ярко светился алым. Страшное в своей красоте зрелище! Вольева давно

не видела ничего подобного. Жаль, что нельзя полюбоваться собственными глазами.

Шаттл вдруг дернуло в сторону. Вольеву швырнуло о стену — триумвир не успела пристегнуться. Что произошло? Очнулась пушка, принялась разворачиваться и толкнула? Илиа выпрямилась, повернулась у иллюминатору. Нет, Семнадцатый ориентирован так же, как и в момент выстрела.

Снова шаттл дернулся, но теперь сквозь проводящие колебания перчатки триумвир ощутила резкое трение металла о металл. Похоже, к шаттлу пришвартовалось чужое судно.

Не успела она подумать об этом, как в открытом шлюзовом люке показалась фигура в скафандре. Вольева обругала себя — надо было закрыть! Но ее скафандр создавал иллюзию безопасности, давал силу — вот она и утратила осторожность. Вот и не подумала. Следовало помнить о возможности абордажа, а не радоваться новым силам. Нипочем бы не совершила такую глупость, будучи здоровой. Но теперь уже можно допустить пару ошибок в игре, результата они не изменят. Ведь триумвир победила, выведя из строя противника. Части рассеченного корабля разлетались в стороны, волоча шлейфы обломков и прочего мусора.

В шлеме зажужжал голос пришельца:

— Триумвир?

Она рассмотрела скафандр незваного гостя: какая странная броня, нагромождение люминесцентно-ярких участков и зеркальных поверхностей.

— Да, вы имеете честь общаться с триумвиром.

Пришелец нацелил оружие с широким раструбом. За спиной первого абордажника в кабину втиснулись еще двое, с такой же экипировкой. Первый поднял бронированный лицевой щиток. За толстым темным стеклом угадывались черты гиперсвиньи.

— Меня зовут Скорпион, — проинформировал первый гость. — Я готов принять вашу капитуляцию.

Она удивленно хохотнула:

— Капитуляцию?

— Да.

— Скорпион, вам стоит выглянуть в иллюминатор.

С минуту абордажники совещались между собой и наконец поняли, что́ случилось со «Светом Зодиака». Ствол чуть опустился, в глазах Скорпиона мелькнуло сомнение.

— Но тем не менее вы у нас в плену, — сказал он, но уже с меньшей уверенностью.

Вольева снисходительно улыбнулась:

— Как интересно! И где же будем проводить церемонию капитуляции? На вашем корабле или на моем?

— И это весь выбор, который мне доступен? Что же получается? Если мы выиграем, разобьем волков, то по большому счету ничего не добьемся? Значит, ради сохранения жизни в далеком будущем сейчас надо поднять лапки кверху и покорно сдохнуть?

— Клавэйн, я не знаю.

— Твое виде́ние может оказаться ложью. Пропагандой волков, самооправдательной риторикой. Что, если никакой высшей цели у них нет и разум они уничтожают просто потому, что им это нравится? И даже если показанное ими будущее — не выдумка, правыми это их не делает. История полна гнуснейших зверств, совершенных ради высшего блага, ради утопической мечты. Нельзя истреблять миллиарды разумных существ, сколь бы страшной ни казалась альтернатива истреблению.

— Клавэйн, ты теперь знаешь, что это за альтернатива. Полное вымирание разума.

— Да-да, так утверждают волки. Но так ли все просто с их альтернативами? Если они говорят правду, значит их влияние исказило всю историю Галактики. Мы уже не узнаем, что могло случиться, не выступи волки самовольными спасителями жизни от катастрофы. Их эксперимент исказил наблюдаемую реальность. А сейчас нельзя не учитывать новый фактор: слабость волков, их медленное угасание. Фелка, ты не думала, что в самом начале, в незапамятные времена, они могли стать заботливыми пастухами, а не жестокими браконьерами? Может, в этом и заключается причина неизбежного провала: волки продолжают следовать установленным для них правилам, но проявляют все меньше мудрости и все больше жестокости. Осторожное сдерживание переросло в геноцид. Великодушное правление стало слепой тиранией; властители заботятся лишь о самосохранении. Фелка, подумай хорошенько. Возможно, у волков есть разумная причина, но это не значит, что их действия правильны.

— Я лишь описала то, что мне показали. Не отбирала факты, ничего не скрывала и не приукрашивала. И не мне решать, как тебе лучше поступить.

— Я понимаю и не виню тебя.

— Так что же ты собираешься делать?

Он подумал о жестоком выборе, вставшем перед ним: или бесконечные войны, раздирающие Галактику, — или миллиарды лет полной безмятежной тишины. Подумал о множестве планет и спутников, о звездах, чьи рождение и смерть не будут замечены ни одним разумным существом. О кромешной бессмысленной тьме до скончания времен, о ледяной вечности, не потревоженной ни единой искоркой мысли. И о машинах, еще бороздящих черную пустыню, собирающих и анализирующих данные — но без малейшего проблеска чувств: радости, любви, сочувствия, боли. Всего лишь добыча, обработка и складирование бесполезной информации. И так до тех пор, пока в последнем функционирующем контуре не рассеется последний поток электронов, оборвав на полдороге завершающую программную процедуру.

Да, такой вот безнадежный антропоморфизм. Ведь это всего лишь местная трагедия, сугубо локальная, касающаяся одной группы галактик. А в сотнях миллионов световых лет есть и другие группы, в десятках галактик, связанных во тьме гравитацией. Конечно, по человеческим меркам они невообразимо далеки, но ведь они существуют. Оттуда не поступают осмысленные сигналы, но это не значит, что там отсутствует разумная жизнь. Возможно, обитатели этих галактик давно поняли, что подавать голос опасно для жизни. История разумных рас Млечного Пути, наверное, лишь тонкая нить в бескрайнем гобелене, практически ничего не значащая, не влияющая никак на Вселенную. Слепо исполняя инструкции, полученные в далеком прошлом, волки способны подчистую уничтожить разум — или спасти толику его во время катастрофы. Их действия могут оказаться по большому счету не играющими никакой роли. Не имеет значения гибель всего живого на затерянном в океане островке, когда материки изобилуют флорой и фауной.

А может, это как раз имеет значение? Может, это важнее всего?

Клавэйн вдруг увидел это с пронзительной, раздирающей сердце ясностью: важно сейчас только то, что сейчас и совершается. Значение имеет лишь сиюминутное человеческое выживание. Разум, смирившийся с близкой гибелью, недостоин спасения.

Как всегда, в сущности своей проблема выбора оказалась по-детски простой: или отказаться от «адского» оружия и стать соучастни-

ком истребления человечества, пусть и зная, что помог будущему сохранению разумной жизни, или захватить как можно больше пушек и выступить против черных машин.

Сопротивление может оказаться бесполезным — чему быть, того не миновать. Но враг должен получить отпор.

— Клавэйн?

Его душа окуталась бескрайним ослепительным спокойствием. Все встало на свои места. Он принял решение завладеть сверхмощным оружием и встать на защиту человечества, и ему трижды плевать на волчье будущее. Он — Невил Клавэйн, не сдававшийся никогда в жизни.

Но сказать об этом Фелке старик не успел. «Свет Зодиака» получил попадание.

Огромный корабль был разрезан надвое.

ГЛАВА 39

— Здравствуйте, Клавэйн.

Голос Вольевой — как шуршание иссохшей бумаги; нужно напрягать слух, чтобы разобрать слова.

— Рада, что наша встреча наконец состоялась. Не подойдете ли ближе?

Он подступил к кровати, не в силах поверить, что перед ним триумвир. Вольева выглядела смертельно больной, но в то же время — совершенно и безмятежно спокойной, уверенной. Глаза прятались под непрозрачными серыми очками, но в лице читалась усталая радость, довольство, какое бывает после успешного окончания долгого и трудного дела.

— Илиа, я тоже рад видеть вас.

Он осторожно, как мог, пожал ей руку. Знал: Вольева была очень сильно травмирована, но все равно вышла в космос воевать. Незащищенная, получила такую дозу радиации, что ее последствия не могут нейтрализовать даже новейшие средства против лучевой болезни.

Жить триумвиру оставалось совсем недолго.

— Клавэйн, вы очень похожи на свою бету, — прохрипела Илиа. — Но и отличий хватает. Настоящий вы солиднее, харизматичнее. А может, это просто мне кажется после драки с вами. Не уверена, что я вас уважала раньше.

— А сейчас?

— Поразмыслив, скажу, что теперь, пожалуй, уважаю.

У кровати умирающей стояли восемь человек и свиней. Ближе всего Хоури, которую Клавэйн счел заместителем Вольевой. А его сопровождали Фелка, Скорпион с двумя солдатами, Антуанетта Бакс и Ксавьер Лиу. Сразу после объявления о прекращении огня шаттл пришвартовался к «Ностальгии по бесконечности», а следом за ним и «Буревестник».

— Возможно, вы уже подумали над моими условиями? — деликатно спросил Клавэйн.

— Условиями? — проговорила Илиа с ноткой презрения.

— Моими новыми условиями, не подразумевающими безоговорочной капитуляции.

— Клавэйн, вы едва ли в состоянии диктовать кому-либо свои условия. Если я не ошибаюсь, у вас осталось всего полкорабля.

Она была права. Ремонтуар и бóльшая часть команды уцелели — но субсветовик пострадал страшно. Сочленительские двигатели чудом не детонировали.

— Хорошо. Я имел в виду мои... хм... предложения. О соглашении, какое пойдет на пользу нам обоим.

— Что-то я запамятовала.

— Антуанетта, не представишься? — попросил Клавэйн.

Она подошла к постели, чуть нервничая, осторожно — почти как и Клавэйн.

— Илиа...

— Юная леди, для вас я триумвир Вольева. По крайней мере, пока мы не познакомимся ближе.

— Да, мэм. Я хотела сказать, у меня есть корабль... Ну, этот транспорт...

Вольева свирепо глянула на старика. И он понял. Триумвир прекрасно сознавала, что времени у нее осталось в обрез, и не хотела, чтобы ей об этом напоминали.

— У Бакс есть грузовик, пришвартованный прямо к «Ностальгии», — поторопился объяснить Клавэйн. — Грузовик может погружаться в атмосферу. Конечно, это не шаттл, но выдержит.

— И что с того?

— У него большие герметичные трюмы. Он способен увезти много пассажиров. Очень много. Само собой, условия на нем роскошными не назовешь...

Вольева жестом подозвала Антуанетту.

— Сколько возьмешь зараз?

— Тысячи четыре. Может, пять. Триумвир, мой «Буревестник» — отличный Ноев ковчег.

— Илиа, подумайте об этом хорошенько! — попросил Клавэйн. — Я знаю, у вас идет эвакуация. Раньше считал ее лишь уловкой, военной хитростью. Теперь я убедился в ее реальности. Но вы пока перевезли только крохотную часть населения.

— Мы сделали что смогли, — запальчиво вмешалась Хоури.

Клавэйн поднял руку, призывая успокоиться:

— Я знаю. В меру своих возможностей вы делаете очень многое. Но это не значит, что нельзя сделать лучше, вывезти население быстрее. Оружие волков — то есть ингибиторов — почти пробурило скважину к центру Дельты Павлина. Остался единственный шанс спасти ресургемцев. «Буревестнику» потребуется всего полсотни рейсов. Может, и меньше, как утверждает Антуанетта. Скажем, сорок. Она права, это настоящий ковчег. Причем очень быстрый.

Вольева очень устало вздохнула:

— Клавэйн, если бы все было так просто...

— Что вы имеете в виду?

— Нам не мешки с песком предстоит увозить с Ресургема, а людей — напуганных, отчаявшихся. — Серые очки чуть сдвинулись. — Правильно я говорю, Хоури?

— Да. Там, внизу, полный хаос. Администрация...

— Раньше вас было всего двое, — перебил ее Клавэйн. — И приходилось договариваться с правительством. А теперь у нас есть способ настоять на своем. Правда, Скорпион?

— Мы можем захватить Кювье, — ответил свинья. — Я уже прикинул, как действовать. Это не сложнее, чем взять квартал в Городе Бездны. Или этот корабль, если уж на то пошло.

— Вы мой корабль не захватили, — напомнила ему Вольева. — Так что не переоценивайте свои возможности. — Затем посмотрела на Клавэйна, и в голосе появился интерес. — Вы и в самом деле готовы устроить переворот?

— Если это дает единственную возможность увезти людей с планеты — да, готовы.

— С каких это пор эвакуация Ресургема стала для вас задачей первостепенной важности?

Он искоса глянул на Фелку:

— Я понял, что обладание оружием — не столь уж безусловный приоритет для меня. Приходится делать выбор, и он куда труднее, чем мне казалось раньше.

— Значит, вам не нужны пушки?

— Еще как нужны! — Клавэйн улыбнулся. — И вы тоже мне нужны. Но теперь, полагаю, мы сможем договориться.

— У нас тут есть дело. И я говорю не только об эвакуации Ресургема. Вы серьезно считаете, что я позволю ингибиторам закончить работу?

— Подозреваю, что нет.

— Клавэйн, я умираю. У меня нет будущего. При надлежащем медицинском уходе протяну еще пару месяцев, но не больше. Конечно, в других условиях, с другой техникой — той, что была до эпидемии, — меня можно было бы спасти. Но лететь туда пришлось бы в анабиозе. А этого на мой век уже хватило с лихвой. — Она стукнула иссохшей, похожей на птичью лапу рукой по кровати. — Так и быть, я завещаю вам этого кошмарного монстра, этот чумной корабль. Вы заберете людей с Ресургема и увезете их отсюда. «Ностальгия по бесконечности» отныне ваша!

Ее голос зазвучал громче — наверняка это стоило невообразимых для больного человека усилий.

— Капитан, слышишь меня? Теперь ты корабль Клавэйна. Я больше не триумвир.

— Капитан? — удивленно спросил Клавэйн.

— Вы скоро выясните, в чем дело, — улыбнулась Вольева.

— Я позабочусь о беженцах, — пообещал изрядно растроганный Клавэйн и добавил, кивнув Хоури: — Даю слово, триумвир, что не подведу вас.

Вольева пренебрежительно махнула рукой:

— Я верю. По всему, вы не из тех, кто бросает слова на ветер.

Тот поскреб в бороде:

— Есть еще кое-что...

— И это, должно быть, оружие. Не беспокойтесь, я уже все обдумала.

Он терпеливо ждал, глядя на умирающую женщину, чье тело было почти незаметно под складками одеяла.

— Выслушайте мое предложение! — потребовала Илиа, и ее голос походил на шелест ветра. — Менять я его не стану, торговаться тоже... Эй, как там тебя? — спросила она у Антуанетты. — Фамилия?

— Бакс, мэм, — выдавила девушка.

— Хм, — утомленно изрекла Вольева, будто ничего скучнее в жизни не слышала. — Этот твой грузовик... он и в самом деле большой и быстрый?

— Ну да, — кивнула девушка.

— Тогда я его заберу. После эвакуации он тебе не понадобится. Только уж постарайся управиться раньше, чем я отдам концы.

Клавэйн посмотрел на Бакс, потом на триумвира.

— Илиа, зачем вам грузовик?

— Ради славы. — Вольева усмехнулась. — Славы и искупления. Что мне еще, по-вашему, остается?

Антуанетта сидела одна в рубке корабля, принадлежавшего ее отцу. Корабля, который любила, а потом возненавидела и который стал частью ее самой, почти плотью и кровью. Знала, что видится с ним в последний раз. К лучшему или к худшему, но теперь все в жизни изменится. Заканчивается цепь событий, начавшаяся с исполнения глупого детского обещания, с полета от «карусели» Новый Копенгаген к газовому гиганту. Замысел этот, при всей его опрометчивости и нелепости, был рожден чистым любящим сердцем, а завел прямиком на войну, в свирепое горнило истории. Если бы Антуанетта сумела предвидеть хоть малую часть последствий: что безнадежно запутается в делах Клавэйна, окажется участницей драмы, начавшейся за века до ее, Антуанетты, рождения, что будет оторвана от дома, улетит от него на многие световые годы, на десятилетия, — возможно, тогда не решилась бы двинуться с места. А может, и наоборот, стиснула бы зубы, преодолела страх и сделала то, что обещала себе однажды. Скорее всего, так и было бы. Если уж ты научился добиваться своего вопреки любым обстоятельствам, то это на всю жизнь. Правда, до похорон в газовом гиганте едва ли вставал вопрос, не сделать ли упрямство жизненным кредо. Но теперь — самое время. Отец, конечно, отругал бы, но в глубине души наверняка бы одобрил и даже гордился бы дочкой.

— Корабль?

— Да, Антуанетта?

— Ты можешь снова называть меня юной леди.

— Да я это в шутку, — ответил Зверь, вернее, Лайл Меррик.

— Папа не ошибся в выборе опекуна. Ты и в самом деле присматривал за мной на совесть.

— Как мог. Правда, мог я далеко не все, и вы не слишком старались мне помочь. Ничего удивительного, с вашей-то наследственностью. Родитель был не самым осторожным человеком в Ржавом Поясе.

— Но мы с тобой все-таки уживались. А это чего-то да стоит!

— Наверное.

— Корабль... нет, Лайл...

— Антуанетта?

— Ты ведь знаешь, чего хочет триумвир?

Меррик не отвечал несколько секунд. Антуанетта всегда считала эти паузы нарочитыми — запрограммированными, чтобы корабельный интеллект походил на человеческий. Но они, оказывается, настоящие. Симуляция Меррика формировала мысли с почти такой же скоростью, как и обычный человек, и перерывы в речи означали неподдельные сомнение и нерешительность.

— Ксавьер мне рассказал.

Антуанетта обрадовалась. По крайней мере, не ей выпало сообщить Меррику о том, что его ждет.

— Когда мы увезем с Ресургема всех, кого сможем, триумвир заберет «Буревестник». Говорит, ради славы и искупления. Лайл, похоже, она хочет погубить и себя, и тебя.

— Антуанетта, я пришел к почти такому же выводу. — Синтезированный голос Меррика был до жути спокойным. — Насколько я понял, она умирает. Так что вряд ли задуманное ею предприятие — самоубийство в обычном смысле. Правда, разница тут несущественная. Видимо, она хочет как-то загладить свои грехи.

— По словам Хоури, ее подруги, она совсем не тот изверг, которым ее считают ресургемцы. — Антуанетта изо всех старалась говорить так же спокойно, как и Меррик. Ведь они вплотную подошли к теме, которую ни один не хотел затрагивать первым. — Но на ее совести наверняка немало пятен.

— То есть мы с ней два сапога пара, — заключил Меррик. — Да, Антуанетта, я понимаю, к чему вы клоните. Но не стоит беспокоиться обо мне.

— Она считает тебя всего лишь машинным интеллектом. Правды ей никто не скажет, ведь все хотят ее согласия. От нее сейчас так много зависит. Да если и скажут, вряд ли она передумает... — Антуанетта помолчала, ненавидя себя за слабость, чуть сдерживая слезы. — Но ведь ты умрешь! Как умер бы много лет назад, если бы папа с Ксавьером не помогли тебе!

— Антуанетта, я заслуживаю смерти. Поскольку совершил страшное преступление и ушел от правосудия.

— Лайл...

Слезы застили глаза, и не было сил сдержать их. Глупая, слабовольная девчонка! Она любила свой корабль, затем возненавидела за многолетний обман. А потом полюбила снова. Ведь и корабль, и призрак Лайла Меррика — свои, родные. И больно так, будто нож поворачивается в ране. Потерянное и вновь найденное, и оттого дорогое вдвойне, вырывает из рук эта мерзавка Вольева...

И почему так вышло, а? Антуанетта всего лишь хотела исполнить давнее обещание...

— Послушай, ведь можно переписать. Вынуть тебя и заменить обычной гаммой. Вольева и не узнает.

— Нет. Мое время тоже пришло. Если уж она хочет славы и искупления, отчего бы мне не разделить с ней то и другое?

— Ты уже сделал достаточно. Больше нет нужды в самопожертвовании.

— Но я сам хочу. Неужели собираетесь меня удерживать против моей воли?

— Нет. — Ее голос дрогнул. — Не собираюсь.

— Антуанетта, вы можете мне кое-что пообещать?

Она протерла глаза. Ей было стыдно за слабость, но одновременно в душе появилась странная легкость, почти радость.

— Что, Лайл?

— Вы ведь будете вести себя хорошо и не наделаете глупостей?

— Да, конечно. Я обещаю.

— Спасибо. Хочу сказать кое-что напоследок. С эвакуацией я могу справиться и сам, не нужно летать со мной. Больше того, я наотрез отказываюсь пускать вас на борт и подвергать опасности! Что, резко звучит? Вы, небось, и не думали, что посмею отказать?

— Нет, корабль, я об этом не думала. — Против воли Антуанетта улыбнулась.

— И уже совсем последнее: для меня было честью и радостью служить вам. И я этим горжусь. А теперь, пожалуйста, найдите себе другой корабль, больше и лучше, и станьте его капитаном. Уверен, вы отлично справитесь!

Антуанетта поднялась:

— Я постараюсь. Обещаю.

У дверей она задержалась. Оглянулась:

— Прощай, Лайл.

— Прощайте, юная леди.

ГЛАВА 40

Его выдернули из разверстого чрева анабиозной капсулы. Ощущение было такое, словно он тонул в лютый мороз и спасся по счастливой случайности.

Лица собравшихся вокруг были различимы, но узнать их удалось не сразу. Кто-то набросил на узкие стариковские плечи термоодеяло. Люди смотрели и не пытались заговорить, понимая, что ему не хочется выяснять у них ситуацию, он предпочитает сориентироваться самостоятельно.

Клавэйн несколько минут просидел на краю капсулы, пока не набрался сил, чтобы встать и проковылять через комнату. В последний момент споткнулся, но сумел восстановить равновесие и даже сделать это движение — будто и хотел опереться о раму иллюминатора. За стеклом — мгла. И отражение изможденного лица, кажущегося безглазым. В глубоких глазницах лежит черная тень.

Внезапно нахлынули воспоминания. Он здесь уже был, видел отражение своего лица, похожего на посмертную маску. Клавэйн подергал неподатливую память, уцепился за краешек чего-то яркого, потянул.

Да, это была отчаянная попытка договориться в последний момент. Шаттл шел к поверхности Марса. Впереди — неминуемая встреча и противостояние со старым врагом и другом, с Галианой. И ведь вспомнилось теперь, спустя четыреста лет: он и тогда ощущал себя слишком старым для роли, которая ему досталась. Если бы хоть мельком увидел будущее, рассмеялся бы — или сошел с ума. Каза-

лось, жизнь кончается, а на самом деле то был лишь момент самого ее начала, теперь почти неотличимый от воспоминаний детства.

Старик посмотрел на людей, на потолок.

— Выключите свет, — посоветовал кто-то.

Отражение исчезло. Теперь за стеклом виднелась не только чернота, но и россыпь звезд, будто подогнанных друг к другу, умещенных в одну небесную полусферу. Красные, голубые, золотые, льдисто-белые. Некоторые гораздо ярче прочих, и созвездия незнакомые. Такое скопление звезд, выдавленных в один сектор неба, означало, что звездолет идет с релятивистской скоростью, причем близкой к скорости света.

Клавэйн повернулся к группке людей, собравшихся в комнате:

— Был ли бой?

За всех ответила бледная женщина с темными волосами:

— Да, Клавэйн. — Говорила она оживленно, но без уверенности в голосе. — Бой уже позади. Мы атаковали три сочленительских корабля. Один уничтожили, два повредили.

— Всего лишь повредили?

— Были погрешности в моделировании, — ответила женщина.

Она подошла и сунула под нос Клавэйну колбу с коричневой жидкостью. Старик всмотрелся в лицо и волосы женщины. Прическа, мимика казались знакомыми. От них оживали старые воспоминания, те же, что проснулись, когда он увидел собственное отражение.

— Выпей-ка. Это из запасов Илиа Вольевой. Отличная штука, очень полезная.

Клавэйн взял колбу, понюхал. Ожидал чай, а пахло шоколадом. Глотнул.

— Спасибо! Вы уж извините, но можно узнать ваше имя?

— Пожалуйста. Я Фелка. Ты меня очень хорошо знаешь.

Он пожал плечами:

— В самом деле, вы кажетесь знакомой...

— Пей, тебе это нужно.

Память возвращалась обрывками. Так в городе зажигается свет после блэкаута: квартал за кварталом, мерцая и тускнея, пока не наладится нормальная работа энергосистемы. Даже когда старик почувствовал себя вполне сносно, его подвергли ряду процедур, для разных функций мозга. И каждая проводилась тщательнее предыдущей, дозы лекарств и сроки воздействия были отмерены строже.

Клавэйн терпел, стиснув зубы, хотя и злился чрезвычайно. Под конец решил, что в жизни больше не станет пить какао.

Спустя несколько часов после пробуждения его мозг сочли восстановившимся в должной мере. Правда, не все помнилось ясно, но врачи объяснили: после выхода из анабиоза частичная амнезия — обычное явление. Скоро все пройдет.

На старика надели жилет с легким биомонитором, снабдили тощим пружинистым роботом и сказали, что можно ходить где угодно.

— Интересно, зачем меня разбудили, — проговорил Клавэйн.

— Об этом потом, — произнес Скорпион, очевидно командовавший на корабле. — Особой спешки нет.

— Правильно ли я догадываюсь: назрело важное решение и принять его должен я?

Он посмотрел на девушку по имени Антуанетта Бакс — веснушчатую, большеглазую. Ее толком вспомнить не мог, но не сомневался: вспоминать есть что. Она едва заметно кивнула.

— Из-за вида за окном мы бы тебя будить не стали, — проворчал Скорпион. — Вид-то, честно говоря, паршивый.

В центре колоссального субсветовика пряталось место, будто взятое в совсем иной части Вселенной. Там, на поляне, росла трава, стояли деревья, над головой голубело небо — искусственное, но так похожее на взаправдашнее. Меж ветвей порхали, сновали голографические попугаи, туканы и прочая пестрая тропическая живность. Вдали виднелся подозрительно реалистичный водопад. Над темным озерцом, куда обрушивались струи, поднимался сизоватый туман.

Фелка подвела Клавэйна к пятачку влажно поблескивающей, прохладной травы. Одетая в черное платье длиной почти до пят, женщина не замечала, что подол собирает росу.

Клавэйн и Фелка уселись друг против друга на пни, отполированные до зеркального блеска. На поляне, если не считать птиц, больше никого не было.

Старик осмотрелся. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше, память восстановилась, но этого места в ней не было.

— Твоя работа? — повел он рукой вокруг.

— Нет, — осторожно ответила Фелка. — А почему ты спрашиваешь?

— Потому что похоже на лес в Материнском Гнезде. Там, где была твоя студия. Правда, здесь есть тяготение.

— А, так ты вспомнил.

Он почесал подбородок, жалея сбритую начисто бороду. Кто-то оказал медвежью услугу, пока старый сочленитель спал.

— Увы, я помню лишь обрывки. И слабо представляю, что случилось, перед тем как я заснул.

— А что именно ты помнишь?

— Ремонтуар отправился поговорить с Силвестом. Ты тоже хотела, но передумала. А больше почти ничего. Вольева ведь умерла?

— Да. Мы эвакуировали планету. Вы с Вольевой договорились о разделе арсенала. Она взяла «Буревестник», загрузила столько пушек, сколько поместилось, и двинула прямиком к орудию ингибиторов.

Клавэйн присвистнул:

— Она чего-нибудь добилась?

— Совсем ничего. Но постреляла напоследок всласть.

Клавэйн улыбнулся:

— Я от нее иного и не ждал. Что еще?

— Помнишь Хоури и Торна? Они вместе с Ремонтуаром отправились к Гадесу на шаттлах. К тому же запустили авторемонтную систему «Света Зодиака». Теперь достаточно снабжать корабль сырьем, и он сам себя починит. Но это займет немало времени. Хоури полагает, его с лихвой хватит на встречу с Силвестом.

— Я все же не понимаю, как надо относиться к ее словам. Она говорила, что уже побывала в Гадесе. — Клавэйн сорвал несколько травинок, раздавил, посмотрел на зеленую слизь, испятнавшую пальцы. — И триумвир это подтверждала.

— Рано или поздно мы выясним, — пообещала Фелка. — После контакта они уведут «Свет Зодиака» из системы по нашей траектории. А что касается нас, то корабль формально под твоей командой, но повседневными делами заправляет триумвират: Скорпион, Кровь и Крест. Их выбрали голосованием. Конечно, в триумвират вошла бы Хоури, если бы не решила лететь с Ремонтуаром.

— Память мне подсказывает, что эвакуировали сто шестьдесят тысяч человек. Или она безбожно врет?

— Нет, не врет. И это звучит впечатляюще, пока не поймешь, что на планете осталось целых сорок тысяч.

— Это ведь мы помешали эвакуации, правда? Если бы не наша война, все пошло бы по-другому.

— Не стоит так думать! — Ее голос прозвучал сурово, словно она выговаривала полоумному старику, позволившему себе вопиющую бестактность. — Не нужно! Я покажу, как было!

И она направила в его разум поток образов, картин ресургемских событий. Ведь Клавэйн и Фелка сидели близко друг от друга, и генерируемое имплантатами поле позволяло общаться без усиления. Старик увидел последние часы планеты, когда волчья машина, как теперь все называли оружие ингибиторов, прорубилась к самому центру звезды и вонзила невидимую трубу в бушующее термоядерным пламенем ядро. Пробитый тоннель был чрезвычайно мал, не шире нескольких километров в диаметре. Хотя энергия бурно хлынула из ядра, процесс оставался под строгим контролем. Выплеснувшаяся со скоростью в половину световой струя лютого адского пламени описала дугу. Сдерживаемая и направляемая гравитационными импульсами волчьей машины, струя обрушилась на обращенную к звезде сторону Ресургема. К моменту удара огненный поток имел уже тысячу километров в диаметре. Смерть планеты оказалась практически мгновенной. В долю секунды разлетелась атмосфера, вскипели, испарились ледовые шапки и водоемы. Иссушенная кора расплавилась, на поверхности возник раскаленный до красноты чудовищный шрам. Литосфера толщиной в несколько километров испарилась, поднялось огромное облако каменного пара. Ударные волны пробежали по планете, уничтожив все живое на противоположной, ночной стороне. Погибло всякое существо, привезенное людьми на Ресургем, и сами люди. Но они бы умерли и без чудовищных ударных волн и землетрясений. Спустя несколько часов ночная сторона повернулась к солнцу — под безжалостную струю пламени. Звездное вещество продолжало истекать, запас его в ядре был почти нерастрачен. Кора планеты испарилась целиком, но огонь продолжал вгрызаться в мантию.

За три недели планета обернулась дымящейся алой головешкой, потеряв двадцать процентов объема. Тогда струя огня переместилась к другой планете и приступила к ее уничтожению. Истекание материи ядра рано или поздно сделает Дельту Павлина пустой скорлупой, холодной оболочкой былой звезды. Лишь тогда прекратится термоядерный синтез. Судя по показаниям приборов, сказала Фелка, он пока еще идет. Но когда прекратится, от системы, наверное, мало что останется.

— Как видишь, нам повезло, что успели спасти хотя бы столько, — заключила Фелка. — Мы поступили правильно, и нет осно-

ваний себя винить. Даже если бы мы не явились и не затеяли войну, эвакуации могла бы помешать сотня других причин. В систему прибыла бы эскадра Скади, а экипажи этих кораблей, в отличие от тебя, не склонны к переговорам.

Клавэйн вспомнил вспышку погибающего субсветовика — а с ней и окончательную смерть Галианы. Ведь он сам убил ее, решив уничтожить «Паслен». Даже сейчас мысль об этом причиняла боль.

— Скади же умерла, — сказал он. — Я убил ее в космосе. Корабли ее эскадры действовали автономно, даже когда мы атаковали их.

— Каждый действует сам по себе, — со странной уклончивостью заметила Фелка.

Клавэйн посмотрел на порхающего с ветки на ветку попугая макао.

— Я не против того, чтобы у меня спрашивали совета, поскольку много знаю о войне. Но распоряжаться здесь не хочу. Что бы там ни говорила Вольева, это не мой корабль. Стар я слишком для власти. Да и этому субсветовику, в сущности, не нужен.

— Так ты помнишь здешнего капитана? — спросила Фелка тихо.

— Помню слова Вольевой. По-моему, сам я с капитаном не разговаривал. Он по-прежнему, как триумвир и предсказывала, заправляет делами?

— Зависит от того, что значит заправлять делами в твоем понимании, — сдержанно ответила Фелка. — Инфраструктура функционирует по-прежнему. Но с тех пор, как мы покинули систему Дельты Павлина, личность капитана себя не проявляла.

— Стало быть, он мертв?

— Исключено. Вольева утверждала, он контролирует работу почти всех корабельных систем. Когда Бренниген впадал в кататонию, стопорилось буквально все. Сейчас такого не происходит. Корабль заботится о себе, питает системы, ремонтируется, временами что-нибудь модифицирует.

— То есть он функционирует как бы на подсознательном уровне, но сознания не проявляет — будто пациент, чей мозг почти мертв, зато дыхание еще можно поддерживать?

— Мы тоже считаем так, но полной уверенности нет. Иногда в поведении субсветовика проглядывает разум. Кое-что делается само по себе — причем оригинально, даже творчески. Словно капитан ушел в себя как никогда глубоко.

— А может, всего лишь оставил свою копию, безмозглую имитацию, воспроизводящую стандартные реакции хозяина?

— Как бы то ни было, свою вину Бренниген искупил, — сказала Фелка. — В прошлом он совершил ужасное преступление, а теперь спас сто шестьдесят тысяч жизней.

— Вот и Лайл Меррик поступил так же, — добавил Клавэйн, вспоминая, как раскрыл секрет грузовика Антуанетты и как Меррик, живущий в корабельной сети, пожертвовал собой. — Два искупления разом. Неплохое, в общем-то, начало для новой жизни.

Он выдернул занозу из ладони — оперся неудачно о край пня.

— Фелка, так что же произошло? Зачем меня разбудили, зная, что быструю разморозку я могу не выдержать?

— Я покажу. — Фелка посмотрела в сторону водопада.

Клавэйн глянул туда и вздрогнул. Думал, они с Фелкой одни — а у самого озерца кто-то стоял, почти скрытый клубящимся туманом.

Но старик узнал:

— Скади!

— А, Клавэйн, — отозвалась она, но ближе не подошла.

И ее голос звучал странно для такого пространства. Сочленитель разозлился на себя — так легко поддался иллюзии! У водопада всего лишь симулякр, а не реальный человек.

— А, бета, — сказал старик, обращаясь только к Фелке. — Наверное, Главный конструктор накопил достаточно данных о Скади, чтобы разместить бета-копии на кораблях эскадры.

— Да, это сим, — подтвердила Фелка. — Но Главный конструктор тут ни при чем. Правда, Скади?

На той была броня, голову венчал гребень.

— Это свежая копия. Мой оригинал отправил ее на твой корабль во время боя.

— Извините. — Клавэйн покачал головой. — Моя память, конечно, уже не та, что прежде, но я помню, как покончил с оригиналом. Я уничтожил «Паслен» вскоре после того, как спас Фелку.

— Память вам не изменила. Почти.

— Скади, вы не могли выжить, — повторил он с нелепым упрямством, вопреки тому, что видели его глаза.

— Я не потеряла голову. После вашего с Фелкой отлета я боялась, что вы решите уничтожить «Паслен», хотя надеялась, что присутствие Галианы меня защитит. Думала, вам не хватит духу уничтожить

ее. — В улыбке Скади читалось чуть ли не восхищение. — Но я ошибалась. Хоть и сама стала вашей жертвой, я даже не представляла себе, какое вы на самом деле чудовище.

— У вас было тело Галианы, а не она сама, — возразил Клавэйн, стараясь придать голосу твердость. — Я всего лишь избавил ее от страданий. Она должна была упокоиться много лет назад, когда погибла в экспедиции.

— Сами-то хоть верите в это? Вы всегда знали, что она жива, но ею завладел волк.

— Это практически смерть.

— Но всегда оставалась надежда, что волка можно удалить. — Голос Скади стал очень тихим. — И вы в это верили. Думали, когда-нибудь сможете вернуть ее.

— Я исполнил долг.

— Это была расчетливая жестокость. И потому я восхищаюсь вами. Вы в большей степени паук, чем любой из нас.

Он встал и подошел к озеру. Остановился в паре метров от Скади. Та плыла в тумане — зыбкий призрак, почти не касающийся земли.

— Я исполнил свой долг, — повторил старик. — Я всегда исполнял долг. И в этом нет расчетливой жестокости. Будь иначе, я бы не раскаивался в содеянном.

— А вы раскаиваетесь?

— Это худшее из всего, что мне пришлось совершить. Я уничтожил свою любовь, развеял ее прах по Вселенной.

— Клавэйн, мне жаль вас.

— Как вам удалось спастись?

Она дотронулась до необычного воротника, где плоть соприкасалась с доспехом.

— После того как вы забрали Фелку, я отсоединила голову и поместила ее в маленькую ракету. Ткани мозга были насыщены наномедами, чтобы избежать повреждений при сильном ускорении. Ракету я послала назад по траектории «Паслена», в сторону приближающейся эскадры. Вы этого не заметили, поскольку заботились только о собственной безопасности. Вы боялись атаки моей эскадры. Ракета ушла за пределы досягаемости ваших радаров и включила маяк. Получив сфокусированный сигнал, один из кораблей изменил скорость и направился на перехват. — Скади улыбнулась и закрыла глаза. — Покойный доктор Делмар находился на другом субсветовике —

к сожалению, на том, который вы уничтожили. Но перед смертью он успел завершить клонирование моего тела. Интеграция в нервную систему оказалась на удивление легкой. Клавэйн, вам следует как-нибудь испробовать на себе эту процедуру.

— Значит, вы снова... прежняя? — выдавил Клавэйн.

— Да, — ответила Скади с легким раздражением, будто сожалея о механическом теле. — Снова из плоти и крови.

— Тогда почему у вашей беты такой жалкий вид?

— Это напоминание о том, что́ вы со мной сделали. Я еще в космосе и преследую вас. Мой субсветовик не погиб в бою. Не обошлось без повреждений, но ведь и вашему кораблю досталось. Я не сдалась и по-прежнему хочу вернуть похищенное.

Старик повернулся к Фелке, терпеливо ожидавшей, сидя на пне.

— Это правда? Скади идет за нами?

— В точности неизвестно. Так говорит бета, но она может лгать, чтобы запугать нас, вывести из равновесия. Но в таком случае придется допустить, что Скади способна предсказывать будущее — раз она заранее позаботилась о копии.

— А что с уцелевшими кораблями?

— Отчасти из-за них тебя и разбудили. Они уже недалеко, мы видим их выбросы.

Фелка рассказала про встречный бой. Три сочленительских корабля шли навстречу, относительная скорость сближения — половина световой, как и предсказывало моделирование. «Ностальгия по бесконечности» изготовилась к схватке, прицелилась, тщательно составила алгоритм стрельбы — что-то вроде последовательности запуска фейерверков на празднике. Сочленители имели на вооружении главным образом тяжелые рейлганы и пучковые излучатели. «Ностальгия» отстреливалась облегченными моделями такого же оружия. Кроме того, она вывела две «адские» артсистемы. Противники во множестве выпускали ложные цели, стараясь запутать друг друга, а в критической фазе боя маневрировали с большими ускорениями, отклоняясь от начальных траекторий.

Победа не досталась никому. Один сочленительский корабль погиб, два были повреждены, и Клавэйн счел такой исход по сути неудачным. Повреждены — не значит уничтожены. Два врага почти так же опасны, как и три.

Однако результат мог быть гораздо худшим. «Ностальгия по бесконечности» тоже пострадала, хотя раны не помешали ей продолжить

полет. Пассажиры и команда остались невредимы, никакие критические системы не вышли из строя.

— Но опасность вовсе не миновала, — сообщила Фелка.

— Почему? — спросил Клавэйн.

— Два оставшихся корабля разворачиваются. Медленно, но неуклонно. Несомненно, хотят гнаться за нами.

— Они потратят световые годы на разворот! — рассмеялся Клавэйн.

— Управятся быстрее — у них аппаратура подавления инерции. Похоже, она пострадала в бою, но это не значит, что ее не починят.

Женщина посмотрела на бета-копию, но та не двинулась. Стояла, будто жутковатая скульптура у воды, дело рук ваятеля с дурным вкусом.

— Триумвират смоделировал ситуацию. Мы сможем двигаться быстрее сочленителей, по крайней мере в нашей системе отсчета. Нужно просто приближаться к скорости света, постоянно идти с ускорением. Но по-моему, это не лучший выход.

— По-моему, тоже.

— Ведь нужно остановиться и отремонтироваться, и чем скорее, тем лучше. Это и есть главная причина, по которой тебя разбудили.

Он подошел к пню, сел, хрустнув суставами.

— Раз нужно решать, значит есть альтернативы. Я правильно понимаю?

— Да.

Клавэйн терпеливо подождал, слушая разноголосое журчание водопада.

— Ну и?

Фелка заговорила приглушенно и не без робости, словно боялась представить неудачное решение на суд.

— Мы далеко от человеческих поселений — в радиусе пятнадцати световых лет ни одного. Ресургем в девяти световых годах сзади. Но прямо перед нами — двойная система. Две прохладные звезды, и у одной звезды есть планеты на стабильной орбите. Старые планеты — по меньшей мере, три миллиарда лет. Одна, с двумя лунами, кажется пригодной для человеческой жизни: кислородная атмосфера, много воды. В спектре рассеянного света есть отчетливые полосы хлорофилла.

— Терраформирование?

— Нет. В системе не наблюдаются следы человеческого присутствия. И это, полагаю, оставляет единственную возможность.

— Жонглеры образами, — сказал Клавэйн.

Фелка явно обрадовалась: не нужно объяснять элементарное.

— Мы ведь не сомневались в том, что, продвигаясь по Галактике, обязательно обнаружим новые миры с жонглерами. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что такой мир нам встретился здесь.

— Он близко?

— Не близко, но и не далеко. Мы без проблем успеем затормозить и стать рядом с ним. Если он похож на другие миры жонглеров, там может быть и суша. Можно высадить часть беженцев.

— И какую часть?

Фелка улыбнулась:

— Пока не прибудем, не узнаем.

Клавэйн принял решение — по сути, всего лишь утвердил очевидный выбор — и снова погрузился в криосон. Среди беженцев нашлось несколько врачей, но почти никто из них не получил надлежащего образования — им лишь поспешно загрузили в мозг несколько медицинских курсов. Однако старик поверил, когда эти недоучки сказали, что он выдержит еще максимум пару циклов замораживания и оттаивания.

— Я же очень стар, — возразил он. — Если останусь бодрствовать, все равно могу не выжить.

Те пожали плечами: наше дело — предупредить.

Клавэйн и правда был совсем стар. Пережиток древности с немодифицированными генами, он с тех пор, как покинул Марс, прошел несколько омолаживающих процедур. Но эти процедуры лишь переводили стрелки биологических часов, остановить же или замедлить их не могли. В Материнском Гнезде была возможность получить полвека мнимой юности, но омолаживаться он не захотел. Всякое желание продлевать свой век пропало после жуткого возвращения Галианы — не живой и не мертвой.

И едва ли он сейчас жалел об упущенном шансе. Если бы найти человеческую колонию, да к тому же не затронутую плавящей чумой, — тогда можно было бы и омолодиться. Но какой в том смысл? Галиану не вернешь, старость не выгонишь из черепной коробки, и мир видится глазами, выблекшими за четыре века сплошных войн. Клавэйн уже сделал все что мог, и содеянное тяжким гнетом легло на плечи. На новые свершения просто нет сил. Ему повезло, что хоть на этот раз дело не обернулось полной катастрофой.

И поэтому старик погрузился в свой последний анабиозный сон.

Перед тем как уснуть, приказал послать сфокусированный луч в умирающую систему Дельты Павлина. Если «Свет Зодиака» не полностью разрушен, есть шанс, что сигнал будет пойман и расшифрован. Корабли сочленителей смогут это сделать лишь в том случае, если они рассыпали датчики по системе Дельты Павлина, но шифр им все равно не по зубам. Адресованное Ремонтуару, Хоури, Торну и прочим сообщение было простым: «Мы остановились возле планеты жонглеров и прождем там двадцать лет». Этого времени «Свету Зодиака» безусловно хватит, чтобы починиться и выйти на рандеву, а заодно создать колонию в десятки тысяч человек, гарантию на случай катастрофы, которая погубит человечество.

Решив, что принял все необходимые и своевременные меры, которые изменят положение дел к лучшему, Клавэйн снова заснул.

А проснувшись, обнаружил, что «Ностальгия по бесконечности», никого не предупредив, изменилась.

И для всех оставалось загадкой — почему.

Изнутри перемены были практически незаметны. Обнаружили их только с отправленного наружу, для осмотра корпуса, ремонтного шаттла. Перестройка произошла во время торможения, когда огромный субсветовик подходил к системе. С геологической медлительностью корма «Ностальгии» — обращенный сужением назад усеченный конус — расширилась и сплющилась, уподобившись основанию шахматной фигуры. Взять под контроль эти перемены не удалось, да и заметили их слишком поздно. В огромном корабле хватало уровней, куда десятилетиями не ступала человеческая нога.

Конечно, триумвир Вольева заметила бы неладное гораздо раньше нынешних хозяев субсветовика. От взгляда Илиа мало что ускользало. Но ее преемники уделяли свалившемуся на них наследству куда меньше внимания. Перемены не угрожали жизни экипажа, не препятствовали функционированию корабля, но ставили в тупик и убедительно доказывали: капитанское «я» вовсе не исчезло и от него можно ожидать всяческих сюрпризов. Но сознательно ли Бренниген изменил форму корабля? Или это его сонная прихоть, дань случайному кошмару?

Но экипажу хватало других забот, и он перестал беспокоиться из-за метаморфозы корабля. «Ностальгия по бесконечности» легла на невысокую орбиту возле мира жонглеров образами, и от нее ушли по пологим дугам зонды — в атмосферу и океаны, покрывшие планету от полюса до полюса. Над водой плыли пышные курчавые обла-

ка, кружились, раскидывая кривые отростки. Континенты отсутствовали, гладь океана нарушалась лишь немногочисленными архипелагами, охристыми пятнышками на бирюзовом полотнище. Пробы подтвердили догадку: это планета жонглеров образами. В океанах плавали колоссальные, с континент величиной, сгустки серо-зеленой биомассы, атмосфера годилась человеку для дыхания, а почвы и коренные породы островов были достаточно богаты химическими элементами, чтобы поддерживать существование колонии.

Конечно, долго она просуществовать не сможет. Острова на планетах жонглеров временами исчезают в цунами, которые порождает движение огромных объемов псевдоразумной биомассы. Но двадцать лет, возможно, колония продержится на суше. Те, кто пожелает остаться, вынуждены будут построить города на понтонах.

Для заселения выбрали цепочку северных островов, холодных, но тектонически стабильных.

— Почему именно этот архипелаг? — осведомился Клавэйн. — На этой же долготе есть и другие. Они вряд ли менее устойчивы.

— Там что-то есть, — пояснил Скорпион. — Мы получаем оттуда слабый сигнал.

— Сигнал? — Старик нахмурился. — Но ведь на этой планете, по всей видимости, люди еще не бывали.

— Радиопередача очень слабая, — сообщила Фелка. — Последовательность импульсов. И модулированная очень любопытно — сочленительским кодом.

— Кто-то из наших оставил здесь маяк?

— Наверное. Хотя нет сведений о посещении планеты сочленителями. Разве что... — Она запнулась, не желая произносить имя.

— Разве что?

— Здесь могла побывать Галиана. Ведь она изучала все миры жонглеров на своем пути. Нам неизвестен маршрут ее корабля до встречи с волками. Все записи на борту были стерты или испорчены. Но кто еще мог оставить сочленительский маяк?

— Любой, чьи действия Узкий совет счел нужным сохранить в тайне. Мы до сих пор многого не знаем о делах сочленителей.

— Но ведь нельзя исключать, что здесь побывала именно Галиана!

Он кивнул. На мгновение всколыхнулась надежда и тут же сошла на нет, уступив горькому разочарованию. Конечно, Галиана не могла прилететь сюда. Глупо даже фантазировать. Но маяк, вне сомне-

ний, надо проверить. И первое поселение логично разместить вблизи объекта исследований.

План колонии разработали быстро, и первые лагеря появились уже через месяц после прибытия «Ностальгии по бесконечности».

Медленно, степенно, будто выполняя самую нормальную для четырехкилометрового субсветовика операцию: «Ностальгия по бесконечности» снижала орбиту, входя по спирали в верхние, разреженные слои. Она затормозилась до суборбитальной скорости, чтобы не сжечь корпус трением об атмосферу. Кое-где в отсеках поднялась паника, ведь корабль перестал подчиняться командам. Но в целом преобладал спокойный фатализм — чему быть, того не миновать. Клавэйн и триумвират не понимали намерений корабля, но вряд ли он хотел причинить людям вред.

Так и оказалось. Снижаясь, субсветовик развернулся, сориентировавшись длинной осью перпендикулярно к поверхности планеты. Если бы спускался наклонно, гравитация переломила бы его. При вертикальном же спуске нагрузка на корпус не превысит обычную, ту, что бывает при ускорении в один *g*.

На борту не ощущалось дискомфорта. Разве что слышался мощный рев двигателей — прежде незаметный, он теперь передавался сквозь атмосферу. По мере снижения корабля грохот делался громче.

В предполагаемой точке приземления не было суши. Хотя Бренниген подвел «Ностальгию» к предназначенному для поселения архипелагу, огромный субсветовик опускался на море.

Поняв это, Клавэйн чертыхнулся. Ясно теперь, для чего понадобилось переделывать корабль. Что бы ни уцелело от капитанского разума, оно решило опуститься в океан, как только выяснилось, что это за мир. Корма сплющилась, чтобы надежно опереться о морское дно.

Далеко внизу море закипело под мощными струями главных двигателей. Корабль снижался в плотном облаке пара, уходящем на десятки километров в стратосферу. Глубина в месте посадки превышала километр, океанское дно поблизости от островов резко уходило вниз. Но для «Ностальгии по бесконечности» километр — всего лишь четвертая часть длины. Когда корма опустилась на грунт, по кораблю разнесся тяжкий стон. Утвердившись, субсветовик оставил над водой, среди беснующихся волн, бóльшую свою часть.

Так «Ностальгия по бесконечности» опустилась на безымянную водную планету в системе двойной звезды, затерянной на самом краю освоенного людьми космического пространства.

ЭПИЛОГ

Еще много дней после посадки с кормы доносились хруст и лязг — звездолет приспосабливался к давлению на глубине. То и дело безо всякой команды роботы срывались с места и неслись в трюмы — заделывать очередную протечку. Корабль временами угрожающе покачивался, но постепенно утвердился настолько, что стал казаться не чужеродной конструкцией, а диковинной частью ландшафта, обточенной выветриванием скалой из туфа или обсидиана, древним утесом, в котором люди пробили большие и малые тоннели. Над головой висели серебристо-серые облака; лишь изредка они расходились, показывая пастельно-голубое небо.

Неделю после посадки никто не покидал субсветовик. Шаттлы метались вокруг него стаей встревоженных птиц. Хотя многие шлюзы остались над водой, высаживаться не рисковал никто. На связь вышли приземлившиеся ранее группы, и одна из них отправила самодельную лодку с ближайшего острова, находившегося всего в пятнадцати километрах. Гребцы добрались до отвесного корабельного бока и отыскали небольшой, только на людей рассчитанный люк — через него можно было выбраться на определенной стадии прилива.

На этой лодке Клавэйн и Фелка поплыли к острову. Скользя по воде сквозь серый, напитанный влагой туман, они за все плавание не сказали друг другу ни слова. Старик наблюдал с холодной отрешенностью, как черная громада «Ностальгии» скрывается в тумане. Вода казалось густой, точно наваристый суп. Она кишела микроорганизмами — неподалеку находилось крупное скопление биомассы жонглеров. Микросущества уже начали облеплять субсветовик выше ватерлинии. Там образовался комковатый слой зелени, немного похожий на патину. Оттого казалось, что звездолет стоит здесь уже далеко не первый век.

Клавэйн поразмыслил над тем, что будет, если капитан не согласится подняться в небо. На уговоры есть двадцать лет. Однако нельзя исключать, что корабль твердо решил укорениться здесь, найти окончательное пристанище, где станет памятником своему преступлению и последовавшему искуплению.

— Клавэйн? — спросила встревоженная Фелка.

— Со мной все хорошо, — заверил он.

— Выглядишь усталым... Ты нам очень нужен. Мы еще и не начали воевать, понимаешь? Все случившееся до сих пор — только начало. А теперь у нас есть оружие.

— Его мало. И по-прежнему Скади хочет им завладеть.

— Тогда ей придется сражаться. И думаю, она встретит врага куда посильнее, чем ожидала.

Клавэйн оглянулся — корабль уже целиком скрылся в тумане.

— Сидя здесь, вряд ли мы сумеем оказать ей хоть малейшее сопротивление.

— Орудия можно вывезти и без «Ностальгии». Да и Ремонтуар наверняка вернется раньше, чем Скади отыщет нас. «Свет Зодиака» сумеет себя починить, ведь повреждения не были фатальными.

— Да, наверное, — согласился Клавэйн, поморщившись.

Она сжала его руку ладонями, будто желая согреть:

— Скажи, что́ не так? Это же ты привел нас сюда. Мы верим в тебя, мы готовы следовать за тобой и дальше. Ты не можешь отступить, бросить нас.

— Я не отступаю и не бросаю. Я попросту устал. Да, устал. Пора другим взвалить груз на плечи. Пусть они воюют. Я слишком долго был солдатом.

— Так поменяй профессию.

— Я не то имел в виду. — Старик попытался придать голосу бодрый тон. — Слушай, я не собираюсь умирать ни завтра, ни через неделю. У меня долг перед нашими людьми. Нужно поставить эту колонию на ноги. Но вот возвращения Ремонтуара я могу уже и не дождаться. Будущее имеет привычку неприятно удивлять всех, кто строит на него планы. Уж в чем в чем, а в этом я убеждался слишком часто.

Дальше плыли в молчании. Лодку изрядно качало, приходилось вилять, огибая скопления похожей на водоросли биомассы, явно реагировавшей на близость суденышка. Ее движения выглядели целеустремленными и даже угрожающими.

Но вскоре показалась земля, и лодка, заскрежетав днищем, села на камни.

Пришлось лезть за борт и брести по пояс в воде. Когда наконец, хлюпая и чавкая подошвами, Клавэйн выбрался на берег, то замерз до дрожи. Лодка казалась ужасно далекой, а контуры «Ностальгии по бесконечности» и вовсе не угадывались.

Осторожно выбирая путь между серыми лужами, так густо усеявшими берег, что он напоминал пчелиные соты, навстречу шла Антуанетта Бакс. За ее спиной на склоне высился первый лагерь — скопище палаток-пузырей на голых скалах.

Клавэйн задумался над тем, как колония будет выглядеть через двадцать лет.

На борту «Ностальгии по бесконечности» более ста шестидесяти тысяч человек. Для одного острова слишком много. Придется организовывать сеть поселений, наверное с полсотни, и центральный город на каком-нибудь острове покрупнее. Как только закончат со стационарными постройками, нужно будет браться за сооружение плавучих островов, дающих более долговременное убежище. Работы хватит на всех. Клавэйн чувствовал, что должен принять в ней участие. Но радости эта перспектива не доставляла. Имей сочленитель выбор, он предпочел бы заняться чем-нибудь другим.

— Антуанетта, — обратился он, понимая, что Фелка не узнает девушку без его помощи, — как тут дела?

— Да не сказать, что здорово. Может завариться серьезная каша.

Он шагал, глядя под ноги, чтобы не оступиться.

— А в чем дело?

— Многие купились на посулы Торна, рассчитывая попасть прямо домой, на Йеллоустон. А застрять на двадцать лет в необитаемой медвежьей дыре не входило в их планы.

Клавэйн кивнул и оперся на Фелку.

— А вы не пытались объяснить этим людям, что, если бы мы не вывезли их с Ресургема, они бы уже погибли?

— Конечно пытались. Но вы же знаете: некоторым хоть кол на голове теши. Ничем их не задобрить.

— Отчего-то я этого не предвидел. Кстати, кто-нибудь может провести нас по острову?

Фелка помогла ему выйти на участок поровнее.

— Антуанетта, мы вымокли и продрогли, — сказала она. — Надо бы согреться и обсушиться.

— Ну так идите за мной. У нас уже и чай готов.

— Чай? — спросила Фелка с подозрением.

— Из водорослей. Местный. Не беспокойтесь, от него пока никто не умер, а ко вкусу можно привыкнуть.

Кругом кипела работа: ставились новые палатки, прокладывались траншеи для силовых кабелей, — извиваясь, они тянулись от силовых генераторов, похожих на черепах. Антуанетта завела гостей в палатку, задернула полог. Внутри было и теплее, и суше, но оттого старик ощутил себя совсем замерзшим и промокшим до нитки.

Он подумал, что провести двадцать лет в таком месте — это уже слишком. Конечно, скучать не придется, но что это за жизнь, когда все силы уходят на элементарное выживание? Жонглеры образами могут оказаться интереснейшим объектом для изучения, изобилующим древними тайнами космоса. А могут и не открыться людям. На других мирах, заселенных жонглерами, люди потратили десятки лет, пытаясь нащупать дорогу к контакту. Но там аборигены оставались всего лишь вяло движущимися сгустками растительности, — впитывая информацию о разумной деятельности, сами они ее не проявляют. Вдруг окажется, что человеческая психика здешних жонглеров нисколько не интересует? Лишенное единственной радости, которую способна дать эта планета, пребывание на ней наполнится тоской и унынием. Участь Ремонтуара, Хоури и Торна, решивших нырнуть в нейтронную звезду, может показаться завидной в сравнении с бесконечной скукой водного мира.

Впрочем, через двадцать лет станет ясно, кто выиграл, а кто проиграл.

Антуанетта придвинула к Клавэйну кружку зеленого чая:

— Угощайтесь.

Он отхлебнул, поморщившись, — чай мощно и терпко пах водорослями. От пара защипало ноздри.

— Хм, я случайно не жонглера пью?

— Фелка считает, что нет. Думаю, она знает, что говорит. Ей же давно хотелось свести с ними знакомство.

Клавэйн отхлебнул еще раз.

— Ну и как, Фелка, много ты о них узнала?

Но той рядом не оказалось. Только что была в палатке, и уже след простыл.

— Почему она так интересуется жонглерами? — спросила Антуанетта.

— Верит, что они смогут наполнить ее жизнь смыслом. Когда-то на Марсе она управляла огромной живой машиной, поддерживала ее существование силой своей воли и разума. Потом люди — мои сторонники — забрали у нее машину. Фелка чуть не умерла от горя. Хотя, конечно, ее тогдашнее бытие вряд ли можно назвать жизнью в привычном смысле. С тех пор она сумела худо-бедно прийти в норму. Но все свое время посвящала поиску сущности, способной заменить ту живую машину. Она мечтала об очень сложном объекте, чьи тайны невозможно постичь в одночасье — нужен тяжелый труд и вспышки гениальной интуиции. И лучше всего, если эта сущность будет нуждаться в Фелке так же, как Фелка нуждается в ней.

— То есть она искала жонглеров?

Старик отпил еще. Да, чай не так уж и плох.

— Похоже на то. Надеюсь, они не обманут ее ожиданий.

Антуанетта достала из-под стола металлический цилиндр, изъеденный коррозией, покрытый кружевным узором кальциевых наслоений — останками микроорганизмов.

— Это маяк. Только вчера нашли, в миле от берега. Наверное, цунами смыло его в океан.

Клавэйн склонился над аппаратом, покрытым вмятинами, приплюснутым, похожим на раздавленную консервную банку:

— Возможно, это сочленительское изделие. Но никакой маркировки не вижу.

— Вроде его сигналы зашифрованы сочленительским кодом.

— Это простое устройство для ориентирования внутри звездной системы. Его можно обнаружить с расстояния в несколько сотен миллионов километров. Но это не значит, что маяк оставили здесь сочленители. К примеру, ультра могли украсть его с нашего корабля. Узнаем больше, когда разберем, — но работать с ним надо осторожно. — Он постучал по грубой металлической оболочке. — Здесь антиматерия, иначе бы он не протянул столько времени. Конечно, ее не много — но хватит, чтобы сделать изрядную воронку на этой планете.

— Коли так, я охотно предоставлю разборку вам.

С порога вдруг послышался радостный возглас:

— Клавэйн!

Он оглянулся и увидел Фелку. Выглядела она мокрее прежнего: с волос течет, черная ткань платья облепила тело. Но Фелка не дрожала. Напротив, раскраснелась, выглядела возбужденной и радостной.

— Клавэйн! — воскликнула она снова.

— В чем дело? — Он отставил кружку с чаем.

— Тебе нужно выйти наружу и посмотреть, обязательно!

В палатке он согрелся как раз настолько, чтобы снаружи ощутить резкий холод. Но поведение Фелки заставило не обращать внимания на неудобства. Клавэйн давно научился избирательно подавлять ощущение дискомфорта — в бою, например, полезно не чувствовать боли. Сейчас холод не важен. С его последствиями, как и с последствиями большинства жизненных неприятностей, можно справиться потом — или целиком их проигнорировать.

Фелка смотрела на океан.

— В чем дело? — повторил он.

— Посмотри вон туда! Видишь?

Она встала рядом, указывая, куда глядеть:

— Где туман редеет!

— Вроде там ничего не...

— Смотри!

И он увидел, пусть лишь на мгновение. Ветер изменился, проложил коридор в укутавшем остров тумане. Показалась мозаика водоемов, разгороженных острыми скальными гребнями, за ними — лодка, привезшая гостей с «Ностальгии», и грифельно-серая полоса воды, которая светлела к горизонту, сливалась вдали с матовой серостью неба. На долю секунды открылся острый, как шпиль, нос звездолета, черным штрихом рассекший горизонт.

— Это наш корабль, — осторожно произнес Клавэйн, не желая огорчать Фелку.

— Да, это наш корабль. Но ты не понимаешь. Это нечто большее. Гораздо большее.

Он слегка встревожился:

— В самом деле?

— Да! Потому что я видела все это раньше!

— Раньше?

— Да! Причем задолго до того, как мы сюда прибыли. — Она посмотрела старику в лицо, смахнула на сторону прилипшие к лицу длинные черные пряди, прищурилась — ветер нес соленую водяную пыль. — Скади заставила меня вступить в контакт с волком, и разговор происходил как раз в таком окружении. Тогда я не понимала почему. Но теперь понимаю. Показывал вовсе не волк. Со мной

общалась Галиана, хотя пришелец и управлял ее разумом. Ей удалось прорвать барьер!

Клавэйн знал о случившемся на «Паслене» в то время, когда Фелка была заложницей Скади. Фелка рассказывала об экспериментах, о том, как ей удалось заглянуть в разум волка. Но об увиденном океанском береге и субсветовике она не говорила.

— Наверное, это просто совпадение, — предположил он. — Даже если ты и получила послание от Галианы, как могла она знать заранее, что́ здесь произойдет?

— Не могу сказать. Похоже, есть способы... Информация уже достигла прошлого, иначе ничего бы и не случилось. Все, что мы знаем, — это что твои или мои воспоминания об этом месте достигнут прошлого. И что важнее — они достигнут Галианы. — Фелка наклонилась, коснулась камня. — И это, по-моему, самое главное. Думаю, мы не случайно наткнулись на планету жонглеров. Нас привела сюда Галиана, потому что считала это очень и очень важным.

Клавэйн подумал про найденный маяк.

— А раз она побывала здесь...

— То, несомненно, попыталась вступить в контакт с аборигенами, — закончила мысль Фелка. — Она плавала в этом океане. Из ее затеи могло ничего не выйти. Но если вышло, что тогда?

Туман закрыл просвет целиком, спрятав далекую башню субсветовика.

— Тогда все сигналы ее тела и мозга, все содержимое ее разума осталось в живом океане, — рассуждал вслух Клавэйн. — Физически она покинула планету, но оставила свою точную копию, готовую отпечататься на чьем-либо разуме и душе.

— Именно это и делают жонглеры! — подтвердила Фелка с энтузиазмом. — Копируют каждого, кто входит в их море.

Старик опять посмотрел в сторону океана, надеясь различить субсветовик.

— Значит, она все еще здесь...

— И если мы войдем в воду, то сможем встретиться с Галианой, поговорить с ней! Клавэйн, она это знала — и сумела сообщить нам, обманув волка!

От морской соли и у него защипало глаза.

— Галиана очень умна, — тихо проговорил он. — Но что, если мы ошибаемся?

— Ошибаемся мы или нет, рано или поздно выяснится. Нам нужно всего лишь войти в море и поплыть, открыв свои разумы. Если она там, в коллективном сознании жонглеров, они приведут ее к нам.

— Фелка, если этого не случится, я не вынесу разочарования.

Она взяла его за руку, крепко сжала:

— Клавэйн, мы не ошибаемся! Это именно так!

Он всей душой пожелал, чтобы она вопреки всякой логике и здравому смыслу оказалась права.

Фелка сдавила его кисть еще крепче, и оба решительно направились к океану.

Литературно-художественное издание

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС
КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ксения Казак

Подписано в печать 22.05.2014. Формат издания 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №0902/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, наб. Робеспьера, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

HKNF1496401R

У Рейнольдса не бывает недостатка
в великих идеях.

SF Cite

Этим многоплановым,
вдумчиво написанным продолжением
знаменитого «Пространства Откровения»
британский автор Рейнольдс подтверждает свое право
находиться среди лидеров ренессанса
«твердой» фантастической космооперы.

Publishers Weekly

Как и предыдущие романы Рейнольдса,
«Ковчег спасения» можно считать футуристическим
технотриллером; он изобилует экстраполяциями
сегодняшних достижений в областях биотехнологии
и искусственного интеллекта.
Тем не менее накопленные огромные знания
практически не изменили человеческую натуру.
Сюжет тоже непрост, однако повествовательное искусство
и великолепно проработанные характеры героев
сделали эту книгу захватывающей
и легкой для понимания.

Booklist

© Cover Art by Chris Moore

ISBN 978-5-389-06969-5 01
9 785389 069695
www.azbooka.ru

аластер рейнольдс

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

АЗБУКА

У Рейнольдса не бывает недостатка
в великих идеях.

SF Cite

Этим многоплановым,
вдумчиво написанным продолжением
знаменитого «Пространства Откровения»
британский автор Рейнольдс подтверждает свое право
находиться среди лидеров ренессанса
«твердой» фантастической космооперы.

Publishers Weekly

Как и предыдущие романы Рейнольдса,
«Ковчег спасения» можно считать футуристическим
технотриллером; он изобилует экстраполяциями
сегодняшних достижений в областях биотехнологии
и искусственного интеллекта.
Тем не менее накопленные огромные знания
практически не изменили человеческую натуру.
Сюжет тоже непрост, однако повествовательное искусство
и великолепно проработанные характеры героев
сделали эту книгу захватывающей
и легкой для понимания.

Booklist

© Cover Art by Chris Moore

ISBN 978-5-389-06969-5 01

9 785389 069695

www.azbooka.ru

аластер рейнольдс

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

АЗБУКА